

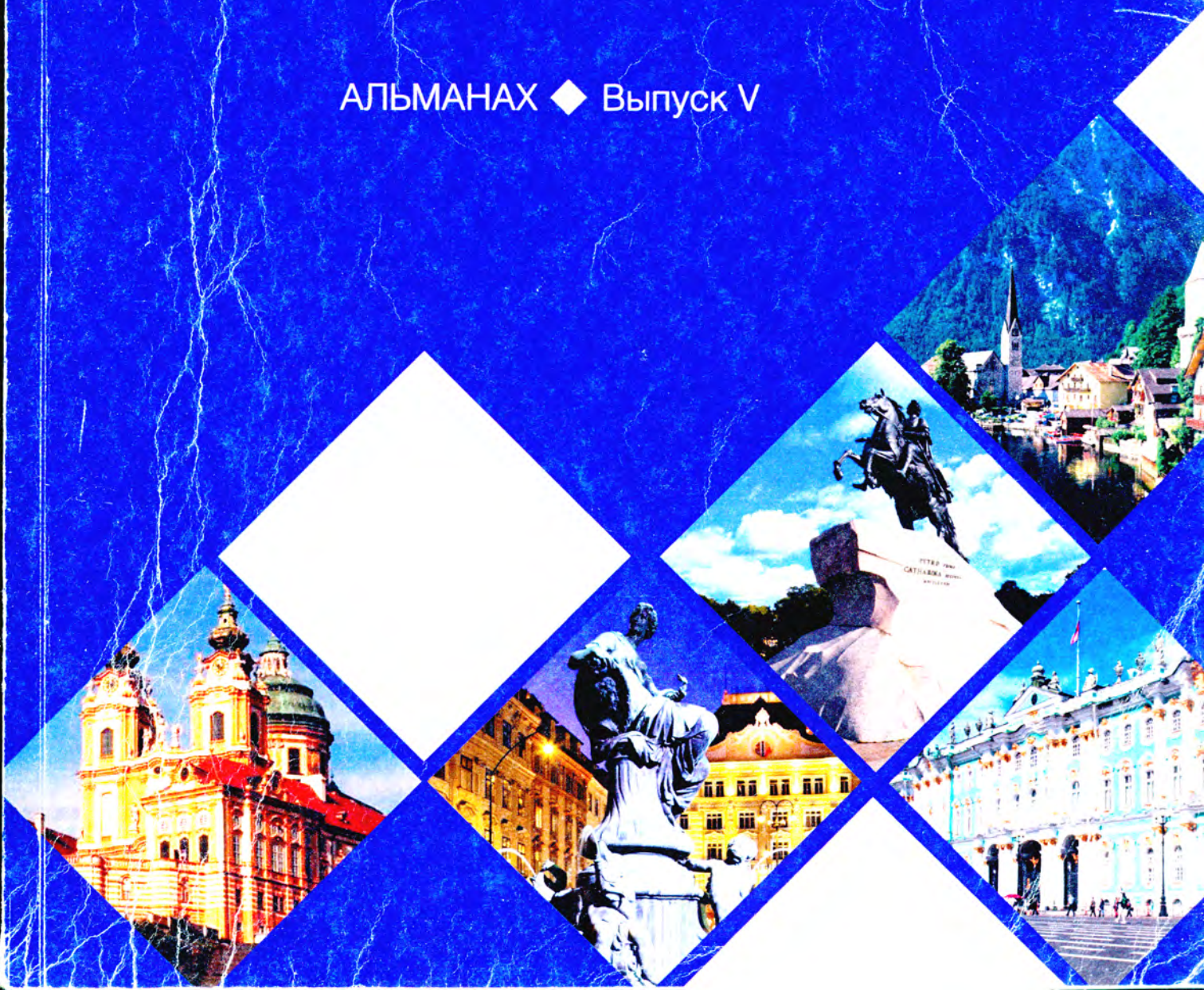

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАПОШВАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

РОССИЙСКО-АВСТРИЙСКИЙ АЛЬМАНАХ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

АЛЬМАНАХ ◆ Выпуск V

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАПОШВАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

**РОССИЙСКО-АВСТРИЙСКИЙ
АЛЬМАНАХ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ
ПАРАЛЛЕЛИ**

Выпуск V

Ставрополь
2014

УДК 94(436:470)(082)
ББК 63.3(2Рос:4Авс) я43
Р 76

Редакционный совет:

член-корреспондент РАН *Р. С. Гринберг* – директор ИЭ РАН
профессор *Д. А. Сумской* – первый проректор СКФУ
член-корреспондент РАН *Е. И. Пивовар* – ректор РГГУ
профессор *Ф. Саваи* – ректор Капошварского университета

Редакционная коллегия:

А. Колонтари (Капошварский университет)
И. В. Крючков – ответственный редактор (СКФУ)
Н. Д. Крючкова (СКФУ)
О. В. Павленко – ответственный редактор (РГГУ)
С. А. Романенко (РГГУ)
А. С. Стыкалин (Институт славяноведения РАН)
О. В. Хаванова (Институт славяноведения РАН)

Р 76 Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. V. –
Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. – 274 с.

ISBN 978-5-9296-0688-5

Пятый выпуск «Российско-австрийского альманаха: исторические и культурные параллели» посвящен актуальным проблемам развития империи Габсбургов и Австрийской республики. В альманахе вошли материалы исследователей из разных городов России: Москвы, Ставрополя, Тамбова. Кроме российских авторов, в альманахе представлены материалы зарубежных коллег из Австрии, Венгрии, Чехии, Украины и Румынии.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных специальностей вузов, а также всем интересующимся историей народов Средней Европы.

УДК 94(436:470)(082)
ББК 63.3(2Рос:4Авс) я43

ISBN 978-5-9296-0688-5

© Коллектив авторов, 2014
© Северо-Кавказский федеральный университет, 2014
© Российский государственный гуманитарный университет, 2014
© Капошварский университет, 2014
© Институт экономики РАН, 2014

РАЗДЕЛ I. ИМПЕРИЯ ГАБСБУРГОВ. АВСТРИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

О. В. Хаванова

ИМПЕРСКИЙ ПОСОЛ ГРАФ МИКЛОШ ЭСТЕРХАЗИ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ И ЭТАПЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ

Ее величество не может допустить, чтобы столь заслуженному дипломату, как граф Эстерхази, отказали в чем-то, от чего зависит его здоровье или жизнь¹.

Миклош (Николаус) Эстерхази (1711–1764 гг.) – один из первых венгерских аристократов в монархии Габсбургов, сделавших заметную карьеру на дипломатической службе, где прежде доминировали выходцы из знатнейших австро-богемских родов. Между тем историки не располагают не только его биографией², но даже полным и достоверным послужным списком. Отчасти это объясняется тем, что дошедший до наших дней архив Татайской (по имени г. Тата) ветви, к которой принадлежали потомки дипломата, пострадал во время Второй мировой войны, и хранящиеся в нем ныне документы (прежде всего хозяйственного, финансового характера) не позволяют заполнить ряд лакун в биографии М. Эстерхази. В статье предпринята попытка выйти за рамки общеизвестных (кратких и неточных) синопсисов и реконструировать этапы жизни и карьеры на основании других дошедших до наших дней источников, главный из которых – реляции Эстерхази-посла венскому двору. Их оригиналы, как и весь массив переписки венского двора со своими дипломатическими представителями, хранятся в Государственном архиве в Вене. В личном фонде графа в Венгерском национальном архиве имеются копии его реляций и полученных инструкций, относящихся

к 1753–1761 гг., когда он занимал пост полномочного посла в Санкт-Петербурге³.

Написание еженедельных донесений главе дипломатического ведомства и лично государю относилось к важнейшим обязанностям дипломатов. Среди историков с конца XIX в. не прекращаются дискуссии о том, в какой мере эти тексты сочинялись самими послами. Русский историк польского происхождения К. Валишевский (1849–1935 гг.) в 1902 г. высокомерно и безосновательно заявлял, что посланники Марии Терезии даже не читали тех реляций, под которыми ставили свою подпись. То, что собственноручные заметки на полях донесений или краткие, на одной-двух страницах, письма дипломаты писали почти всегда на французском, навело автора на ошибочное предположение, что они, возможно, даже не владели немецким языком. Наконец, о «венгерце Эстерхази» Валишевский утверждал: «Тот, по-видимому, не знал ни немецкого, ни французского языков и, по свидетельству преемника, жил [в Петербурге] вдали от политики и дипломатии»⁴.

Нет сомнений, что послы перекладывали выполнение рутинных обязанностей на плечи секретарей, но сам по себе язык донесений не может служить ни прямым, ни косвенным свидетельством чьих-либо лингвистических компетенций. Немецкий большую часть XVIII в. был *lingua franca* почти для всех дипломатических миссий Священной Рим-

¹ Мария Терезия – Л. Цинцендорфу, Вена, 16 IX 1755. Österreichisches Staatsarchiv, Wien (далее – ÖStA). Haus-, Hof- und Staatsarchiv (далее – HHStA). Staatenabteilung (далее – StA). Russland II. Kt. 162. Expedition nach Russland 1755 VII–XII. Fol. 56 r.

² См. краткий очерк: Berényi L. Galántai és frankói Eszterházy Miklós (1711–1764): egy 18. századi magyar diplomata a cárok udvarában // Turul. 2004. 77. évf. 1–2. sz. 49–55. old.

³ Выборочное сравнение венских оригиналов с будапештскими копиями позволяет считать последние достоверными и использовать в работе. Тома с копиями инструкций и рескриптов в Венгерском национальном архиве отличает систематичность и – что неудивительно – большая полнота: в Вене в лучшем случае сохраняли черновики или копии отправляемых послу оригиналов, в то время как графский секретарь тщательно переписывал в книги всю входящую корреспонденцию.

⁴ Валишевский К. Дочь Петра Великого. М., 1902, 1989. С. 315–316.

ской империи на континенте. С другой стороны, пометы и записки на французском языке, сделанные рукой посла, адресовались, как правило, лично государственному канцлеру или государю. Родным языком императора Франца I (1745–1765 гг.) был французский, он ввел моду на этот язык при дворе, эти предпочтения разделял государственный канцлер Венцель Антон Кауниц (1711–1794 гг.), в 1753 г. вставший во главе австрийской внешней политики. М. Эстерхази владел французским языком уже потому, что в юности обучался во французской рыцарской академии, а владение немецким, помимо прочего, подтверждают несколько собственноручных писем к отцу, сохранившихся в семейном архиве.

Важность фигуры посла при иностранном дворе определялась тем, что он выступал как толкователь политической линии своего правительства, переговорщик и «архитектор» информационных каналов между государствами⁵. Донесения остаются основным, а порой единственным источником, позволяющим заглянуть за кулисы дипломатической активности, понять суть стратегии и поведения⁶. Их содержание обычно состояло из перечисления всех достойных упоминания событий при принимающем дворе и в стране. В зависимости от характера отношений между державами больше или меньше внимания уделялось состоянию экономики и финансов, торговле, армии и флоту. Донесения, однако, интересны еще и тем, что сочетают в себе черты официального документа и частного письма. С одной стороны, дипломаты, представляя своего государя при иностранном дворе, соблюдали строгие формальности церемониала

в поведении, речи, на бумаге; с другой – в реляциях нередко встречаются наблюдения, сделанные во время аудиенций, переговоров и празднеств, комментарии к текущим событиям, личные жалобы и просьбы. Все это обрывочные, но ценные сведения из биографии дипломата, где за протокольно выверенными формулировками, призванными выставить его фигуру в лучшем свете, скрываются реальные события, чаяния, конфликты интересов.

Старший сын графа Ференца Эстерхази (1682–1754 гг.) и графини Каты Сидонии Палфи (1690–1743 гг.) – Миклош – появился на свет в 1711 г. в родовом имении Папа. По отцу и по матери предки его причислялись к верным сторонникам Австрийского дома. Двоюродным дедом будущего дипломата был палатин (королевский наместник) граф Пал Эстерхази (1635–1711 гг.) – основатель княжеской ветви рода⁷. Отец Миклоша в годы Освободительной войны 1703–1711 гг. сражался с повстанцами на стороне Габсбургов, в 1709 г. получил чин генерал-майора. В свои шестьдесят лет участвовал в войне за Австрийское наследство (1740–1748 гг.). В конце жизни удостоился маршальского жезла. В 1723 г. при создании Венгерского королевского наместнического совета он оказался в числе первых советников. В 1731 г. его назначили на важную в придворном церемониале должность королевского обер-штальмейстера, в 1746 г. повысили до таверника – сановника, ведавшего казначейством и вольными королевскими городами. О влиянии вельможи говорит то обстоятельство, что когда в Вене распространились не подтвердившиеся впоследствии слухи о смерти второго лица в королевстве – государственного судьи гра-

⁷ Merényi L., Bubics Zs. Herceg Esterházy Pál nádor (1635–1713). Bp., 1895 (Magyar történeti életrajzok). Имя предка на рубеже XX–XXI вв. увековечил писатель Петер Эстерхази (р. 1950), взявший для одного из своих значительнейших романов название цикла музыкальных произведений «*Harmonia caelestis*», опубликованных Палом Эстерхази в 1711 г. в Вене. См.: Эстерхази П. Небесная гармония. М., 2008. О Миклоше Эстерхази, после в Санкт-Петербурге, упоминается на стр. 115.

⁵ Frigo D. Prudence and Experience: Ambassadors and Political Culture in Early Modern Italy // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 2008. Vol. 38. № 1. P. 15–34.

⁶ О важности регулярных письменных отчетов обо всем, что происходит при иностранном дворе, говорится в имевших широкое хождение в XVIII в. трактатах об искусстве дипломатии и обязанностях посла. См.: Wicquefort A. de. *L'Ambassadeur et ses fonctions*. La Haye, 1682; См.: Keens-Soper M. *Abraham de Wicquefort and diplomatic theory* // *Diplomacy and Statecraft*. 1997. Vol. 8. № 2. P. 16–30.

фа Дёрдя Эрдёди (1674–1758 гг.), императрица Мария Терезия (1740–1780 гг.) якобы воскликнула: «Если Эрдёди и впрямь скончался, то у нас, собственно, есть готовый государственный судья – это Франц Эстерхази»⁸.

Ференц Эстерхази был прекрасно осведомлен о нравах, настроениях, социальных практиках, царивших при венском дворе. Его дети воспитывались так, чтобы легко и свободно войти в этнически пестрое, но культурно уже во многом гомогенное придворное общество. Как и повсюду в Европе, аристократия во владениях Австрийского дома все больше внимания уделяла содержанию образования и сохранению его элитарных форм⁹, чтобы оставаться недостижимой для иных сословий¹⁰. Начальное образование Миклош, скорее всего, получил дома, а по достижении 16 лет, как истинный католик, был отдан в гимназию Общества Иисуса в Прессбурге (ныне Братислава в Словакии). Через год к юноше присоединился его брат Ференц (1715–1785 гг.) – будущий венгерский королевский канцлер. В 1732 г. отец отправил братьев вслед за их кузеном князем Палом Анталом (1711–1762 гг.) в лотарингский город Люневиль. Там находилась одна из самых старых и престижных рыцарских академий Европы, где около трети воспитанников были выходцами из владений Габсбургского дома¹¹.

Проучившись там полгода, с октября 1732 г. по апрель 1733 г., кузены расстались: Миклош и Ференц отправились в «большое путешествие» (*grand tour*) по городам Европы, а Пал Антал остался в Люневилле, где в 1734 г. сочетался браком с маркизой Лунатти-Висконти. Братья, осмотрев достопримечательности католической Германии (май), пересекли Валлонию, побывали в богатых торговых и портовых городах Республики Соединенных Провинций Нидерландов (июнь), из Роттердама морем отправились в Великобританию (июль), по возвращении на континент путешествовали по Фландрии (август), прибыли в Париж (сентябрь), откуда в конце октября выехали в Лион и далее на север Италии (ноябрь). Восхитившись Вечным Городом (декабрь), молодые графы двинулись далее на юг полуострова и встретили Новый год в Неаполе, который в ходе войны за Польское наследство (1733–1735 гг.) Карл VI (1711–1740 гг.) уже в следующем 1734 г. уступит Бурбонам. К концу января братья вернулись в Рим, чтобы в мае отправиться в обратный путь через культурные центры Тосканы и далее в Венецию. Первой остановкой во владениях Австрийского дома стал Триест (тогда еще ничем не примечательный маленький портовый город), затем через Лайбах (совр. Любляна в Словении) и Грац они к июлю 1734 г. добрались до Вены¹².

Историки имеют в своем распоряжении только книгу расходов, которую вел сопровождающий из графской свиты, но даже этот документ финансовой отчетности позволяет с уверенностью говорить: из «большого путешествия» братья Эстерхази вернулись возмужавшими и повзрослевшими. Полгода в академии ушло на овладение французским языком (точнее, его диалектом, на котором говорил Франц Лотарингский), знакомство с началами юриспруденции, физики, военной архитектуры, совершенствование в необходимых при дворе искусствах фехтования, верховой езды и

¹² Rechnung deren Ausgaben bey den Länderreisen Mos[siere] le Comte d'Esterhasy, welche angefangen den 3. September anno 1732. MNL OL. P 197. Familiaria. Fasc. 37.

⁸ М. Эстерхази – Ф. Эстерхази, Вена, 15 III 1753. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest (далее – MNL OL). Családi Levéltárak. Az Eszterházy család tatai és csákvári levéltára. P 197. Familiaria. 20. cs. 67. fasc. № 2.

⁹ О том, какое продуманное, грамотно организованное образование получил сверстник, коллега и начальник Эстерхази – дипломат, государственный канцлер В. А. Кауниц см.: Klingenstein G. Der Aufstieg des Hauses Kaunitz. Studien zur Herkunft und Bildung des Staatskanzlers Wenzel Anton. Göttingen, 1975.

¹⁰ Motley M. Becoming a French Aristocrat: The Education of the Court Nobility 1580–1715. Princeton, 1990. P. 10, 13.

¹¹ Conrads N. Ritterakademien der Frühen Neuzeit: Bildung Als Standesprivileg In 16. und 17. Jahrhundert. Göttingen, 1982. S. 227–236.

танца. Не меньшую воспитательную роль сыграло и европейское турне. Напряженная работа портов Остенде и Роттердама, узкие улочки университетского Оксфорда, парижская опера, сады Версаля, фрески соборов Ватикана, жерло Везувия, музей под открытым небом Флоренции – эти и другие впечатления создавали представление о богатстве и многообразии окружающего мира, об обычаях, манере одеваться, кухне европейских народов.

Нет сомнений, что именно образование, точнее образованность, помноженная на связи отца при дворе, помогли Миклошу Эстерхази поступить на дипломатическое поприще. К сожалению, сведения о его продвижении по службе весьма отрывочны и неточны. Автор генеалогического синопсиса Я. Эстерхази в 1901 г. писал: «В качестве посла представлял Священную Римскую империю в различных странах, в том числе Нидерландах, Великобритании, Португалии, Франции, Польше, Саксонии, Испании, [России]»¹³. Однако до сих пор не удалось доподлинно установить, когда и в каком ранге Миклош Эстерхази находился в Нидерландах, Великобритании или Франции. Сам он в октябре 1753 г. писал, что двенадцать лет непрерывно находится на дипломатической службе¹⁴. На сегодня известно, что в апреле 1741 г. граф доставил английскому королю Георгу II (1727–1760 гг.) нотификацию о рождении у Марии Терезии наследника (будущего Иосифа II) и в мае уже отбыл в Лиссабон. Должность была еще столь незначительной¹⁵, что за его подписью не сохранилось ни одного донесения.

О том, как Эстерхази в 1741 г. или начале 1742 г. покинул Португалию, рассказывается в одной из позднейших реляций: «Когда я по дороге из Португалии проезжал через Ма-

¹³ Eszterházy J. Esterházy család. [Bp., 1901]. 160. old.

¹⁴ М. Эстерхази – В. А. Кауницу, Санкт-Петербург, 29 XI 1753. ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt/ 36/ Berichte VIII–XII 1753. Fol. 120r.

¹⁵ Список послов и посланников венского двора см.: Hausmann F. Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden (1648). Zürich, 1950. Bd. II. 1716–1763; Matsch E. Der Auswärtige Dienst von Österreich (-Ungarn), 1720–1920. Wien, 1986.

дрид, а война со стороны Испании против нас уже была объявлена, принцесса Астурийская, а ныне новая испанская королева¹⁶ прислала ко мне певца Фаринелло¹⁷, чтобы заверить меня, как горько она сожалеет, что не имеет возможности говорить со мной, ибо я представляю венский двор, между тем ей хотелось бы заверить ее величество в своих искреннейших намерениях»¹⁸. Речь идет о вступлении Испании на стороне враждебной Габсбургам Франции в Войну за австрийское наследство (1740–1748 гг.) и о встрече с королевой Барбарой Браганса, внучкой императора Священной Римской империи Леопольда I (1658–1705 гг.), доводившейся Марии Терезии двоюродной сестрой.

С 1742 по 1747 гг. Эстерхази служил посланником при саксонском дворе как раз в период, когда курфюрст Саксонский Фридрих Август II (1733–1763 гг.) объединял под своим скипетром Саксонию и (с 1734 г.) Речь Посполитую (в этой стране – под именем Августа III). Супругой курфюрста была другая двоюродная сестра австрийской государыни – Мария Йозефа (1699–1757 гг.), однако родственные узы скорее служили поводом для разногласий между дворами. Так, Саксония отказалась признать Прагматическую санкцию 1713 г. (документ, легитимировавший наследование владений Австрийского дома по женской линии): как дочь покойного императора Иосифа I (1705–1711 гг.), старшего брата отца Марии Терезии Карла VI, Мария Йозефа сама заявила претензии на правопреимство после пресечения муж-

¹⁶ Мария Магдалена Барбара Хавьер Леонор Тереза Антония Жозефа де Браганса (1711–1758 гг.) была дочерью Жуана V Португальского и Марии Австрийской. В 1729 г. принцессу выдали замуж за будущего испанского короля Фердинанда VI (1746–1759 гг.).

¹⁷ Речь идет о Фаринелли (1705–1782 гг., настоящее имя Карло Броски) – знаменитом итальянском теноре, с 1737 по 1746 гг. личным певце короля Филиппа V (1700–1746 гг.).

¹⁸ М. Эстерхази – К. А. Ульфельду, Дрезден, 5 VIII 1746. ÖStA. HHStA. Staatskanzlei (далее – SK). Diplomatische Korrespondenz. (далее – DK). Sachsen. Kt 7. 1746–1749.

ской линии династии. В 1741–1743 гг. саксонцы в составе антигабсбургской коалиции, где тон задавали Фридрих II Прусский (1740–1786 гг.) и Карл Альбрехт Баварский (1726–1745 гг.), даже участвовали в боевых действиях на территории Чехии и Моравии. Вскоре, однако, Фридрих Август II обнаружил, что сообщение между его саксонскими и польскими владениями возможно лишь через вновь завоеванные прусские территории. Тогда-то и начались поиски сближения с Веной, а щедрые денежные субсидии, предоставленные Великобританией, лишь ускорили этот процесс. Новые союзники, впрочем, не смогли защитить курфюршество от агрессора: 16 декабря 1745 г. Фридрих II вступил в Дрезден, а в Рождество того же года Австрия, Пруссия и Саксония заключили мир, положивший конец так называемой Второй силезской войне¹⁹.

Союз Саксонии и Речи Посполитой был причудливым явлением на европейской сцене. Стратегическая важность этого государственного конгломерата, который стремились заполучить в союзники, с одной стороны, Франция и Пруссия, с другой – Австрия и Россия, никак не соотносилась со скромными финансовыми возможностями дрезденского двора. По причине хронического бюджетного дефицита курфюрст-король не мог позволить себе дорогостоящего дипломатического представительства в европейских столицах. Саксонские эмиссары за границей имели второй или третий ранг, иногда – все по тем же соображениям экономии – даже не обладали статусом дипломата. Представитель императора Священной Римской империи имел в Дрездене ранг посланника. Реконструкция дипломатической активности Эстерхази при дрезденском дворе во всех деталях – задача будущего. При поверхностном знакомстве с донесениями складывается впечатление, что граф не утруждал себя дипломатической рутинной, оставляя ее для секретаря миссии Лонэ, а выполнял

в первую очередь представительские функции, призванные подчеркнуть величие и мощь его суверена. Он посещал придворные праздники, сопровождал курфюрста в поездках, гостил в его загородном замке Эльстерверда, наконец, испрашивал кратковременные отпуска по личной надобности²⁰.

Проводя много времени при дворе, венгерский аристократ близко сошелся с польскими магнатами, в том числе с теми, у кого были владения на землях, подвластных Габсбургам. К ним относился и краковский воевода князь Теодор Любомирский (1683–1745 гг.). Как спишский²¹ староста он ведал территориями, которые в 1412 г. император Священной Римской империи и венгерский король Сигизмунд Люксембург (1385–1437 гг.) передал Польской короне в обмен на солидный денежный залог, вернуть каковой Венгрия оказалась не в состоянии. Князь растил приемных сына и дочь – детей от первого брака жены-ирландки Энн Элизабет Каллер-Каминг (1685–1776 гг.), вдовы своего шталмейстера (по другим источникам – коннозаводчика) Джона Крайста. Княжна Мария Сюзанна Анна (Мери Сьюзен Энн, 1722–1771 гг.) пленила сердце венгерского графа, и в 1744 г. Эстерхази и Любомирские породнились. Молодая жена предпочитала проводить время в Вене, где ее, испрашивая разрешения государственного канцлера, часто навещал супруг. В 1745 г. у четы родилась дочь Анна Мария, в 1746 г. – сын Ференц, в 1748 г. – сын Янош.

Перед Эстерхази стояла непростая задача вовлечения Саксонии в стремительно оформлявшийся австро-русский альянс²², притом что в Вене не испытывали большого доверия к своему неверному в прошлом

¹⁹ Лонэ – К. А. Ульфельду, Дрезден, 22 IV 1743. ÖStA. HHStA. SK. DK. Sachsen. Kt. 4.

²¹ Спиш (по-венгерски Сепеш) – историческая область в Венгерском королевстве; ныне – на территории Словакии. В немецкой традиции именовалась Ципс.

²² Подробнее см.: Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010.

¹⁹ Horn D. B. Saxony in the War of Austrian Succession // English Historical Review. 1929. Vol. 44. P. 33–47.

и ненадежному в настоящем союзнику²³. Саксонский первый министр Генрих Брюль (1700–1763 гг.), с одной стороны, выказывал верность Австрийскому дому и ради имперского графского титула даже перешел в католичество, с другой – проводил линию на сближение с враждебной Габсбургам Францией. Ведь если бы Людовик XV (1715–1774 гг.) порвал с Пруссией (что произойдет в 1756 г., во время знаменитой Дипломатической революции), Саксония почувствовала бы себя в большей безопасности. Значимой вехой на пути франко-саксонского сближения стало в 1747 г. двойное бракосочетание сына курфюрста Фридриха Кристиана (1722–1763 гг.) с Марией Антонией Баварской (1724–1780 гг.) в Мюнхене и несколькими днями позже – дочери курфюрста Марии Йозефы (1731–1767 гг.) с дофином Франции Людовиком Фердинандом (1729–1765 гг.) в Дрездене. Оно же стало поводом для демонстративного разрыва между Веной и Дрезденом.

По случаю предстоявших торжеств императрица Мария Терезия – без каких-либо принятых в таких случаях предварительных согласований – на дни празднования повысила статус имперских посланников при баварском и саксонском дворах до посольского. С точки зрения придворного церемониала это означало, что послы, символически «воплощающие» своего государя, оказывались выше, чем принимающие их курфюрсты. Эстерхази в письме в Вену запрашивал точных инструкций: «Должен ли я в своем нынешнем качестве пропустить вперед себя барона Вецеля, а моя супруга – графинь Рутовскую и Мушиньскую, и наоборот: если я приму ранг чрезвычайного посла, должна ли моя супруга уступить место герцогине Курляндской и принцессе Вайсенфельской?»²⁴ На свадьбе в Мюнхене спра-

ботал эффект неожиданности, но перед отстоявшей от нее на несколько дней свадьбой в Дрездене французская дипломатия мобилизовала все свое влияние на курфюрста, чтобы не допустить появления Эстерхази в ранге посла²⁵. Фридрих Август II попросил дипломата перенести вручение верительных грамот на день после окончания торжеств. Тогда венгерский граф, срочно запросив рекредитив, покинул саксонский двор, унося в сердце обиду. Сношения между Веной и Дрезденом были возобновлены лишь два года спустя.

Следующим местом службы для М. Эстерхази стал Мадрид, где имперской дипломатической миссии не было с 1734 г. Война за Австрийское наследство завершилась в 1748 г. Аахенским мирным договором. По нему испанские Бурбоны сохраняли за собой все довоенные владения, но признавали Прагматическую санкцию и право Габсбургско-Лотаринской ветви на владения Австрийского дома. Двум недавно враждовавшим дворам предстояло заключить союзный договор, подготовка к подписанию которого легла на плечи венгерского аристократа. Перед отъездом венгерские сословия на Государственном собрании избрали Эстерхази одним из четырех хранителей венгерской короны. Исполнение функций в отсутствие дипломата было специальным постановлением возложено на младшего брата Ференца. Отправившись в путь поздней осенью 1750 г., Миклош, судя по реляциям, в первые дни 1751 г. прибыл в Париж, где произвел необходимые для обустройства своего мадридского быта закупки (знатоки убедили его, что мебель, домашняя утварь, одежда, вино и продукты обойдутся ему в Испании несказанно дороже). В феврале 1751 г. он продолжил путь, к концу марта добрался до Барселоны и 18 апреля прибыл в столицу Ис-

²³ Schilling L. Der Wiener Hof und Sachsen-Polen (1697–1764) // Sachsen und Polen zwischen 1697 und 1765. Beiträge der wissenschaftlichen Konferenz vom 26. bis 28. Juni 1997 in Dresden. Dresden, 1998. S. 131–133 (Saxonia. Schriftenreihe des Vereins für sächsische Landesgeschichte e. V. Bd. 4/5).

²⁴ М. Эстерхази – К. А. Ульфельду, Дрезден, 7 VI 1747. ÖStA. HHStA. SK. DK. Sachsen. Kt. 7.

²⁵ Matzke J. Gesandtschaftswesen und diplomatischer Dienst Sachsens 1694–1763. Diss. zur Erlangung des Grades eines Doktor der Philosophie. 2007. S. 296–298 (рукопись).

пани. Супруга с детьми осталась в Вене²⁶. С собой в дальний путь граф взял штат слуг и компаньона – молодого графа Кеглевича, пообещав родителям юноши подготовить того к дипломатической службе²⁷. Последовавшие затем события подробно отражены в переписке дипломата с венским двором.

В отличие от Саксонии, близкой ему по климату, еде, манере общения между людьми, Мадрид вызвал у Эстерхази немедленное и явное отторжение. В донесении государственному канцлеру он писал: «Здесь климат слишком отличается от нашего и совершенно не здоров, изо всех мадридских проулков доносится ужасающая вонь, исходящая от разбросанных повсюду нечистот, весь здешний образ жизни – когда нет ни малейшей возможности ни прогуляться, ни с кем-либо пообщаться, и приходится отказываться от самой мысли об удовольствиях и смене впечатлений – слишком неприятен для меня, чтобы я со временем смог к этому привыкнуть»²⁸. Тем не менее дипломату удалось обменяться протокольными визитами с местным дипломатическим корпусом и первыми министрами двора, и лишь вручение верительных грамот королю и королеве было отложено до окончания пасхальных торжеств, когда чета должна была вернуться в столицу из летней резиденции в Аранхуэсе. Эстерхази арендовал охотничий домик неподалеку от местопребывания двора и собрался туда на время переехать, но 2 мая 1751 г. слег в Мадриде с тяжелой желудочной инфекцией.

Последующие донесения из испанской столицы и канцлеру, и императорской чете полны подробностей невыносимых физиче-

²⁶ Графиня Анна Мария Эстерхази входила в избранное придворное общество, близко общалась с представителями княжеской ветви рода. См.: *Aus der Zeit Maria Theresias. Tagebuch des Fürsten Johann Joseph Khevenhüller-Metsch, kaiserlichen Obersthofmeisters 1742–1766 / Hrsg. von R. Khevenhüller-Metsch, J. Schlitter. Wien; Leipzig, 1911. Bd. 4. 1758–1759. S. 100.*

²⁷ К. А. Ульфельд – Г. Штарембергу, Вена, 15 XI 1751. *ÖStA. HHStA. StA. Spanien. DK. Kt. 77. Mappe (далее – М.) 939.*

²⁸ М. Эстерхази – К. А. Ульфельду, Мадрид, 21 VI 1751. *Ibid. M. 932. Fol. 98 r.*

ских страданий, которые испытывал тяжело больной посланник²⁹. Отказавшись от мысли добраться до Аранхуэса, в конце июня Эстерхази писал государственному канцлеру: «Шесть дней назад у меня случился новый, жестокий приступ желудочных колик, каковые меня терзают вот уже десятую неделю, и пока нет ни малейшей надежды на скорое выздоровление. Это тем мучительнее для меня, что ни одно из бесчисленных опробованных средств не принесло мне ни малейшего облегчения»³⁰. В конце августа дипломат докладывал императрице, что вот уже пятый месяц не может оправиться от тяжелой болезни, последний припадок приковал его к постели на три недели и улучшения не предвидится. Только колоссальным усилием воли граф заставил себя выйти из дома и нанести визит государственному секретарю Хозе Карвахалю (1698–1754 гг.), чтобы обсудить с ним пункты готовящегося договора³¹.

Из подобных донесений к середине сентября Мария Терезия сделала вывод: «Состояние здоровья графа Эстерхази нестабильно и слабо, и от этого проистекает немалый ущерб государевой службе»³². Особым рескриптом императрица повелела своему послу в Лиссабоне графу Георгу Штарембергу прервать менее важные в данный критический момент переговоры с Португалией и поспешить в Мадрид, где, действуя по обстоятельствам, вместе с выздоровевшим графом Эстерхази или вместо него, довести

²⁹ Педантичное информирование дипломатом государя о состоянии своего здоровья было принято при европейских дворах еще в раннее Средневековье, см.: Петрова М. С. Способы прочтения и интерпретация эпистолярного наследия Эйнхарда / Флорилегий. Чтения по истории христианской и средневековой литературы. Вып. 1. М., 2011. С. 121–129.

³⁰ М. Эстерхази – К. А. Ульфельду (?), Мадрид, 28 VI 1751. *ÖStA. HHStA. StA. Spanien. DK. Kt. 77. M. 932. Fol. 102 r-v.*

³¹ М. Эстерхази – Марии Терезии, Мадрид, 28 VIII 1751. *Ibid. M. 936. Fol. 21 v.*

³² Мария Терезия – Г. Штарембергу, Вена, 18 IX 1751. *Ibid. M. 933. Fol. 86 v.*

до конца переговоры с испанским двором³³. Получив рескрипт и верительные грамоты, вручить которые полагалось только в случае, если здоровье Эстерхази не поправится, 29 октября 1751 г. дипломат покинул Лиссабон и через две недели оказался в Мадриде. Состояние больного не оставляло надежд на быстрое выздоровление, потому Шатремберг, действуя в соответствии с императорско-королевским рескриптом от 26 ноября, вручил королю верительные грамоты и до марта будущего года исполнял обязанности посланника при испанском дворе, когда его (по личному распоряжению Марии Терезии) сменил граф Кристоф Мигацци (1717–1783 гг.), будущий архиепископ и кардинал.

Тем временем в конце сентября 1751 г. врачи посоветовали перевезти полуживого, изможденного Эстерхази в местечко Эль-Молар близ Мадрида, где бил целебный минеральный источник. Сам граф не верил в успех, потому что в начале болезни испытал это средство, «от которого стало скорее хуже, чем лучше». Вскоре, однако, больной с удивлением обнаружил, что «то ли от свежего воздуха, то ли от отсутствия отвратительного мадридского смрада, но здоровье пошло на поправку»³⁴. Врачи, правда, предупредили, что возвращение в столицу грозило новыми пароксизмами, но жизнь Эстерхази была спасена. Почувствовав себя лучше, он с досадой обнаружил, что недуг стоил ему императорско-королевской службы. «Соблаговолите представить себе, сколь горько и больно должно мне быть, когда, оставив свой сегодняшний пост посланника, я на некоторое или продолжительное время останусь не у дел»,³⁵ – писал граф государственному канцлеру. В письме к императору он заверял: «Я остаюсь – ныне и впредь – готов, в том числе здесь [в Испании], и дальше, не обращая внимания на опасность, которой грозит мне пребывание в этой стране [...] всего себя посвятить службе вашему величеству»³⁶.

³³ Ibid. Fol. 87 r-v.

³⁴ М. Эстерхази – К. А. Ульфельду (?), Эль-Молар, 3 X 1751. Ibid. М. 938. Fol. 1 r.

³⁵ М. Эстерхази – К. А. Ульфельду, Мадрид, 25 XII 1751. Ibid. М. 943. Fol. 389 v.

³⁶ М. Эстерхази – Францу I, Мадрид, 25 XII 1751. Ibid. 392 v.

В феврале 1752 г. воспрянувший духом Эстерхази уже готовился к исполнению новой миссии – представлять Австрийский дом в Ганновере, во время визита в германские владения уже знакомого ему короля Георга II (1727–1760 гг.). Лето граф провел в Вене, милостиво принятый императорской четой, гостил у Франца I в имении Холич (совр. Голич-над-Моравой в Словакии), восстанавливал здоровье на минеральных водах Бадена и Карлсбада (совр. Карловы Вары в Чехии). Шли недели, а его по-прежнему не посвящали в детали предстоящей поездки³⁷. В бумагах имперской миссии в Ганновере не сохранилось никаких указаний на то, что он там действительно побывал. Посольский секретарь писал в Вену в последний день октября: «Незадолго до отъезда милорд герцог спросил меня, кого же назначат представлять в Лондоне императорский двор, потому что англичане желают знать, поедет ли к ним граф Эстерхази. Мне пришлось сослаться на свою неосведомленность»³⁸.

Между тем императрица подыскала для Миклоша Эстерхази другую ответственную миссию – посольство в Россию. Барон Иоганн Франц Претлак (1708–1767 гг.), пять зим представлявший венский двор в Петербурге (1746–1748 гг. и 1751–1753 гг.), давно просил подобрать ему замену. Как обычно, выбор делался из трех кандидатов, хотя выбора, собственно не было: графа Хацфельда ждало другое назначение, посол в Лондоне граф Коллоредо по состоянию здоровья не мог отправиться в дальний путь без супруги³⁹. Государыня пригласила Эстерхази на аудиенцию. Об обстоятельствах назначения граф писал отцу 11 февраля 1753 г. по возвращении домой: «Не хочу терять ни мгновения, чтобы покорно сообщить вашей милости, что сегодня их императорские величества официально провозгласили меня

³⁷ М. Эстерхази – В. А. Кауницу, Вена, 24 VIII 1752. Ibid. Varia. Kt. 55. A. Fol. 190 v.

³⁸ Форстер – К. А. Ульфельду (?), Ганновер, 30 X 1752. ÖStA. HHStA. Staatskanzlei. Hannover. Korrespondenz. IX 1752–1806.

³⁹ Рескрипт Марии Терезии И. Ф. Претлаку, Вена, 10 I 1753. ÖStA. FHKA. StA. Russland II. Kt. 161. Expedition nach Russland. I–III 1753. Fol. 64 r.

своим послом при русском императорском дворе, каковой жест мне тем более ценен, что государыня сделала это *proprio motu*⁴⁰»⁴¹. В другом письме сын сообщил отцу новые подробности: «Ее величество императрица сама установила срок в три года, по истечении которого, когда я вернусь [в Вену], мне в самых лестных выражениях была обещана приемлемая и соразмерная моим заслугам награда»⁴². Посольство в далекую Россию из-за разразившейся Семилетней войны (1756–1763 гг.) растянулось на семь с лишним лет.

Весну 1753 г. Эстерхази провел в приготовлениях к дороге, в конце мая тронулся в путь так, чтобы сделать остановку на целебных источниках Карлсбада⁴³. Прибыв 14 августа в Петербург, он вскоре отправился дальше в Москву, где с 1752 г. пребывал русский двор, и 28 октября вручил верительные грамоты Елизавете Петровне. Отношения между двумя континентальными империями при всех непримиримых различиях политической системы, взаимном недоверии и подозрительности были гармоничны, как никогда. Императрица выразила их суть в декларативном заявлении, которое должно было задать тон в общении с русским двором: «Между нашими Наследственными провинциями и Российской империей нет места ни малейшему поводу для противоречий в государственных интересах, тайной ревности или неприязни, как это порой случается между соседями. Напротив, интересы обеих держав ввиду опасной близости Порты и Прусского королевства во всем совпадают»⁴⁴.

Тем не менее Эстерхази с первых дней пришлось балансировать между придвор-

ными группировками канцлера А. П. Бестужева-Рюмина (1693–1768 гг.), вице-канцлера М. И. Воронцова (1714–1767 гг.), фаворита И. И. Шувалова (1727–1797 гг.)⁴⁵. Известный своими проавстрийскими симпатиями канцлер, мастер политической интриги и откровенный стяжатель, стремительно терял влияние при дворе, но не упускал из рук рычагов власти. Имперскому послу, к которому глава российского внешнеполитического ведомства поначалу отнесся с антипатией, приходилось завоевывать расположение Бестужева, сохраняя при этом благоволение императрицы и двора. В цитированном выше рескрипте Мария Терезия повелевала: «Выказывай упомянутому канцлеру уважение, внимание и дружбу и не давай ни малейшего повода к недовольству или ревности, но, напротив, старайся убедить в своем подобающем образе мыслей, искренней потребности в его поддержке и высоком доверии»⁴⁶. После падения Бестужева в 1758 г. дипломат установит дружественные отношения с его преемником Воронцовым (которого прежде подозревал в сочувствии королю Прусскому). С фаворитом Шуваловым отношения останутся скорее натянутыми. В канун отъезда на родину, обремененный богатым опытом взаимных непониманий, Эстерхази напишет: «Россия не похожа на другие страны. Нигде простое и разумное решение не дается так трудно, как здесь, где постоянные противоречия в большом и в малом вошли в привычку»⁴⁷.

Убедительным доказательством величия представляемой послом страны были расходы, которые мог позволить себе дипломат. Эстерхази умел с размахом планировать траты, брать кредиты, капитализировать вклады. Годового жалования в 40 тыс. гульденов (помимо щедрых транспортных расходов) было ему мало, и перед отъездом он, отдавая последние финансовые распоряжения, писал отцу: «Того, что я получу от двора на

⁴⁵ Анисимов М. Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века. М., 2012. С. 108–141.

⁴⁶ Мария Терезия – М. Эстерхази, Вена, 9 IX 1755. ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 161. Expedition nach Russland. VII–XII 1755. Fol. 15 r.

⁴⁷ М. Эстерхази – В. А. Кауницу, Санкт-Петербург, 16 VII 1761 г. Ibid. Kt. 44. Fol. 4 r.

⁴⁰ Motu proprio – по собственному почину (лат.).

⁴¹ М. Эстерхази – Ф. Эстерхази, Вена, 11 II 1753. MNL OL. P 197. Familiaria. 20. cs. 67. Fasc. № 7.

⁴² М. Эстерхази – Ф. Эстерхази, Вена, 15 III 1753. Ibid.

⁴³ Й. Коллоредо – Й. Ф. Претлаку, Везендорф, 24 V 1753. ÖStA. FHKA. StA. Russland I. Kt. 36. Berichte. 1753–1757. Fol. 96 r.

⁴⁴ Мария Терезия – М. Эстерхази, Вена, 9 IX 1755. ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 161. Expedition nach Russland. VII–XII 1755. Fol. 17 r.

посольство, даже если императрица одобрит небольшую годовую прибавку, вряд ли хватит, чтобы вести достойный образ жизни, не втягиваясь в долги»⁴⁸. В Петербург были отправлены целый парк карет и возков, подводы с вином, кофе, сахаром, ветчиной, сырами, специями и пр. Штат прислуги насчитывал 30 человек. Похоже, граф не ошибся в расчетах, ибо, проведя несколько месяцев в России, писал в Вену: «Роскошь при здешнем дворе совершенно необузданная, она не идет ни в какое сравнение с тем, что я перед отъездом представлял себе по рассказам очевидцев; они являются даже на обычные куртаги в богатых нарядах, что не оставляет мне выбора: придется каждый год для всевозможных гала заказывать себе приличествующий гардероб». И далее: «Я здесь единственный дипломат в ранге посла, на которого все взирают с крайним любопытством, и при дворе, который помешан на роскоши, я просто вынужден выглядеть безупречно»⁴⁹.

К обязанностям посла любой державы относится защита личного достоинства, понимаемого как достоинство представляемого государя и государства. О том, как щепетильно относился Эстерхази к посягательствам (явным или мнимым) на свой суверенный статус, говорится в докладной записке от 12 ноября 1754 г. чиновника Коллегии иностранных дел Ивана Нилова. Ему поручили обойти всех пребывавших в Петербурге дипломатов, с тем чтобы известить их о скандале, разразившемся с лакеями шведского посланника: те публично хулили российскую самодержицу и избили караульного. Хотя виновные были найдены и наказаны, российские власти хотели во избежание новых инцидентов проинструктировать послов, чтобы те лучше следили за прислугой. Все в той или иной мере приняли «правила игры», порицали дебоширов, заверяли, что со стороны их людей такого никогда не «воспоследует», выдвигали встречные жалобы на русских слуг. Только Эстерхази возмутил сам факт, что

⁴⁸ М. Эстерхази – Ф. Эстерхази, Вена, 15 III 1753. MNL OL. P 197. Familiaria. 20. cs. 67. Fasc. № 7.

⁴⁹ М. Эстерхази – В. А. Кауницу, Санкт-Петербург, 29 XI 1753. ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 36. Fol. 119 v–120 r-v.

его смеют учить, как обращаться с челядью. «Он спросил, – писал по свежим следам Нилов, – не имею ли о том чего-нибудь письменного, чего ради я хотел ему данную мне записку прочесть, однако он взял оную у меня из рук и сам прочел, по прочтении оказал он в лице своем неудовольствие [...] причем он мне сказал, что он не имеет между своими людьми таких пьяниц [...] он и без наставления ведаёт, как своих людей, ежели погрешат, наказывать [...] причем вышеписанные свои речи повторил и просил, чтоб я при комплименте от него все то, что он сказал, министерству донес»⁵⁰.

На время службы Эстерхази в Петербурге пришлось рождение у великокняжеской четы 20 сентября (1 октября) 1754 г. наследника – будущего императора Павла I (1796–1801 гг.), что дало повод для нового обмена жестами взаимной приязни между двумя дворами. Елизавета Петровна без предварительного согласования с Веной объявила, что крестными родителями младенца будут не кто иные, как Мария Терезия и Франц Лотарингский⁵¹. В 1745 г., в канун подписания русско-австрийского союзного трактата, российская самодержица была приглашена в крестные матери второму сыну Марии Терезии. Младенец был наречен *Петром* Леопольдом (хотя в будущем он почти не пользовался этим не имевшим хождения в Габсбургском семействе именем). Учитывая, что первейшая католическая и главнейшая православная династии по причинам конфессионального характера не имели шансов породниться напрямую⁵², кумовство становилось важнейшей

⁵⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРФ). Ф 32. Сношения с Австрией. Оп. 1. 1754. Д. 7. Л. 173 об – 174 об.

⁵¹ М. Эстерхази – Францу Лотарингскому, Вена, 26 X 1754. ÖStA. FHKA. StA. Russland I. Kt. 36. Berichte 1754 VII–XII. Fol. 105 r-v.

⁵² Как известно, единственный брак между представителями Габсбургов и Романовых – союз эрцгерцога Иосифа (1776–1847 гг.) с великой княжной Александрой Павловной (1783–1801 гг.) – был заключен при условии, что невеста сохраняла православную веру. См.: Воловик О. Е. Великая княгиня

формой символического родства. Не стоит забывать, что оно «на Руси признавалось родством не менее близким, чем родство кровное», и Елизавета Петровна в юности охотно крестила детей гвардейцев, которые возведут ее в 1741 г. на престол⁵³. По случаю рождения русского престолонаследника в апреле 1754 г. в Петербург прибыл чрезвычайный посол граф Людвиг Цинцендорф (1721–1780 гг.) – питомец канцлера Кауница и будущий президент Венской счетной палаты⁵⁴. Вскоре с ответным посольством в Вену направился барон Карл Ефимович Сиверс (1710–1774 гг.)⁵⁵.

По совету канцлера Бестужева и с одобрения венского двора Эстерхази начал подготовку к грандиозному празднеству, масштабы которого разрастались неделя от недели. Почти год ушел у него на то, чтобы дать в Петербурге два бала-маскарада: один для избранного придворного общества, другой для широкой публики. Елизавета Петровна стала первым в истории российским государем, посетившим «*repas*»⁵⁶ в доме иностранного дипломата. Правда, дом Брюса, в котором жил посол, был слишком мал, поэтому пришлось арендовать недавно отстроенный Аничков дворец, которым владел А. Г. Разу-

мовский (1709–1771 гг.). В реляциях в Вену Эстерхази не жалел слов, чтобы живописать великолепие происходившего и восторг собравшихся. На первый бал, состоявшийся 8 октября, по личной просьбе императрицы был приглашен не только двор, но и представители первых шести рангов, до коллежских советников и полковников включительно, что составило около 300 человек. Российская самодержица появилась в сопровождении великокняжеской четы и плясала до 6 утра. На второй бал, проходивший там же 13 октября, явились все, кто был на первом балу, и еще полторы тысячи гостей. Неудивительно, что, не пожалев средств на иллюминацию и угощение (на кухне трудились 30 поваров), дипломат существенно превысил выделенную ему Марией Терезией сумму в 20 тыс. гульденов⁵⁷.

Хроническое заболевание, которое Эстерхази привез из Испании, не покидало его и в России, однако поначалу ситуацию удавалось держать под контролем. В знак особой милости летом 1754 г. Елизавета Петровна пригласила графа погостить на ее мызе в восьми верстах от Петергофа, где неподалеку бил целебный ключ⁵⁸. Однако в августе 1755 г. приступы желудочных колик усилились настолько, что посол запросил отпуска в Карлсбад. Мария Терезия в сентябре спешно направила из Вены курьера с поручением перехватить на полпути возвращавшегося из России графа Цинцендорфа и повелеть ему ехать в Петербург, где взять на себя функции посла. Тот, однако, не желал повторения мадридского сценария. За те недели, что Цинцендорф мчался в Петербург, медики чудом нашли средство, которое поставило посла на ноги. Сам он в письмах называет его «*vesicatoria*»⁵⁹, что означает

Александра Павловна. Жизнь. Семья. Судьба. Память. Будапешт; Москва, 2005. Возможной формой непрямого родства была женитьба на сестрах. Карл VI и царевич Алексей Петрович (1690–1718 гг.) взяли в жены Елизавету Крестину (1691–1750 гг.) и Шарлотту Крестину (1694–1715 гг.) Брауншвейг-Вольфенбюттерльских. Впоследствии Павел I и эрцгерцог Франц (будущий император Франц II (I), 1792–1835 гг.) вступили в брак соответственно с Марией (1759–1828 гг.) и Елизаветой (1767–1790 гг.) Вюртембергскими.

⁵³ Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 1999. С. 19 (Жизнь замечательных людей).

⁵⁴ Внимательный и проницательный аристократ оставил интересные заметки о русском дворе. См.: Zinzendorfs «Mémoire sur la Russie, sur l'impératrice Elisabeth, sa cour et son gouvernement» / Preussische und österreichische Acten zur Vorgeschichte des Siebenjährigen Krieges / Hrsg. von G.B. Volz, G. Küntzel. Leipzig, 1899. Bd. 74. S. 678–726.

⁵⁵ АВПРФ. Ф 32. Оп. 1. 1758. № 4. Л. 112–118 об.

⁵⁶ Repas – обед, ужин, прием пищи (фр.)

⁵⁷ М. Эстерхази – Марии Терезии, Санкт-Петербург, 14 X 1754. Цит. по: MNL OL. Esterházy Miklós koronaőr nagykövet levéltára. P 218. Követi jelentések másolati könyvei. 12. köt. P. 259–262.

⁵⁸ М. Эстерхази – В. А. Кауницу, Санкт-Петербург, 10 VII 1754. HHStA. Russland II. Kt. 36. Fol. 20 r–21 v.

⁵⁹ М. Эстерхази – В. А. Кауницу, Санкт-Петербург, 30 IX 1755. Цит. по: MNL OL. P 218. 12. köt. P. 214–215.

«нарывное средство». Наиболее распространенными были шпанские мушки (хотя такими же свойствами обладают и некоторые растения): при контакте с кожей они вызывали образование волдырей, в которых скапливалась жидкость с микробами, вызвавшими воспаление. В XVIII в. такими методами лечили вялотекущие инфекционные заболевания, к каковым врачи, похоже, отнесли желудочный недуг графа. Цинцендорф вскоре вновь отправился в обратный путь, Эстерхази остался исполнять обязанности.

С началом в 1756 г. Семилетней войны подробности жизни, быта, наблюдений за нравами русского двора уступают в донесениях место координации усилий по выполнению австро-русского союзного договора. В апреле 1760 г. Эстерхази добился подписания секретной статьи в дополнение к договору 1746 г., согласно которому Россия получала Восточную Пруссию при условии, если Австрия возвращала себе Силезию и графство Глац⁶⁰. Однако препятствием к успешному взаимодействию союзных армий на поле брани нередко было нежелание царедворцев и военачальников лишиться благосклонности престолонаследника Петра Федоровича (1761 г.), который не делал тайны из желания по восшествии на престол немедленно заключить мир с Фридрихом II. Русские генералы, и без того неохотно сражавшиеся, как им казалось, за интересы австрийцев, тянули время на тот случай, если придет известие о кончине государыни. Раздосадованный дипломат советовал «в будущем сражении обуздать короля Пруссии собственными силами и не рассчитывать на содействие русских, которое до сих пор было бесполезным и скорее принесло нам большой вред»⁶¹.

Эстерхази покинул Россию осенью 1761 г., после месяцев томительного ожидания отпускной аудиенции у тяжело больной Елизаветы Петровны. Он выехал в сентябре,

надеясь до наступления холодов попасть в австрийский Баден с его целебными водами. Русский двор осыпал его подарками (табакерка, украшенная бриллиантами, соболя) и уже довольно фальшиво звучащими заверениями в тесной дружбе. По пути из Петербурга его нагнал обоз с отборными астраханскими арбузами – знак прощальной милости русской самодержицы. Травма ноги, а затем приступ подагры, случившиеся с графом в Польше, заставили позабыть о возвращении в Вену к именинам Марии Терезии 4 октября. Некоторым утешением послужил демонстративно дружеский прием саксонского курфюрста, который некогда буквально выдворил Эстерхази из страны. По приезде в Вену он получил почетное назначение капитаном венгерской лейб-гвардии. В 1763 г. ему был дарован Орден Золотого руна. Однако силы оставили этого еще нестарого человека: в 1764 г. он умер на водах в Карлсбаде.

За двадцать лет, которые Миклош Эстерхази провел на дипломатической службе, ему довелось быть участником ключевых событий, конфликтных ситуаций, моментов принятия важных политических решений. Его донесения – особенно при отсутствии личной корреспонденции – позволяют заглянуть в мир аристократа на дипломатической службе. К задачам будущего можно отнести их критический анализ путем сопоставления с регулярно поступавшими из Вены инструкциями, донесениями других дипломатов, сохранившимися в российском внешнеполитическом ведомстве оценок личности, поступков, стиля поведения Эстерхази.

⁶⁰ Szabo F. A. J. The Seven Years War in Europe, 1756–1763. London, 2008. P. 274–275.

⁶¹ М. Эстерхази – В. А. Кауницу, Санкт-Петербург, 7 XII 1760. ÖStA. HHStA. StA. Russland II. Kt. 43. Fol. 125 r.

М. Ю. АНИСИМОВ

СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА: РУССКО-АВСТРИЙСКИЙ СОЮЗ И ЕГО КРАХ (1757–1762 гг.)

Семилетняя война 1756–1763 гг. явилась следствием противоречий, приведших к открытому столкновению Англии и Франции в колониях, а в Восточной Европе между Австрией и Россией с одной стороны и Пруссией – с другой (война держав: Англия и Пруссия против Австрии, России и Франции).

Между Россией и Австрией действовал союз, заключённый ещё в 1726 г. Тогда Вена и Петербург сближала общая борьба с Турцией и общее желание сохранить своё влияние в Речи Посполитой, являвшейся объектом французских интриг.

В начале 1740-х гг. на европейскую арену в качестве новой великой державы стремительно ворвалась Пруссия, ведомая своим молодым королём Фридрихом II. В скоротечных кампаниях он нанёс поражение австрийской армии в войне за Австрийское наследство и заставил Вену отказаться от Силезии, однако австрийская государыня Мария-Терезия не смирилась с этим и готовилась к реваншу, начав государственные и военные реформы. Наблюдавшее за развитием дел в Европе правительство российской императрицы Елизаветы Петровны обеспокоилось ростом могущества Пруссии, грозившей вытеснить её из признанных зон русского влияния – в Польше и на Балтике. Вена и Петербург снова получили общую цель – вернуть Пруссию на место второразрядных европейских государств. Новая задача ещё теснее сплотила Россию и Австрию, и в 1746 г. стороны заключили новый союз. За десятилетие до Семилетней войны союз только креп. История союза подробно исследовалась как до революции 1917 г., так и в настоящее время¹. Дипломатическое взаимодействие союзников на завершающем этапе Семилетней войны

в 1758–1762 гг., после русских побед при Пальциге и Кунерсдорфе и до окончательного разрыва Вены и Петербурга, оставалось белым пятном, несмотря на важность этого этапа как в дипломатической истории России, так и в оценке её тогдашнего положения в системе европейских держав.

Практически сразу после своего официального вступления в европейскую войну Россия озаботилась тем, чтобы заручиться поддержкой своих послевоенных притязаний от союзника, которым была только Австрия. С Францией союз во время войны с Пруссией так и не был заключён, и Петербург и Версаль связывала Вена, являвшаяся союзником обоих.

22 января 1757 г. в Петербург российским канцлером графом А. П. Бестужевым-Рюминым, вице-канцлером графом М. И. Воронцовым и австрийским послом графом Н. Эстергази была подписана конвенция, подтверждающая союз 1746 г. и вносящая в него некоторые перемены в соответствии с реалиями начала Семилетней войны². К этой конвенции российская сторона приложила секретную декларацию о послевоенных приобретениях Петербурга. Россия собиралась получить Курляндию, которая будет обменена Польше на завоёванную русскими войсками в ходе войны Восточную Пруссию. Это была дипломатическая реализация русских целей в войне с Фридрихом II, впервые озвученная 15 марта 1756 г. на заседании Конференции при высочайшем дворе³.

Эстергази в Петербурге подписал декларацию, но при её ратификации в Вене возникли сложности. Как писала Мария-Терезия в рескрипте к послу Эстергази, «мы в нашу жизнь так неохотно не подписывали

¹ Щепкин Е. Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746–1758. СПб., 1902; Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010.

² Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Т. 2. СПб., 1874. С. 201–213.

³ Сборник русского исторического общества. Т. 136. СПб., 1912. С. 33.

никакого акта, как сию декларацию» о приобретениях России. Императрица-королева опасалась нареканий со стороны Франции и репутационного ущерба Вене, которая является в войне атакованной стороной и только защищается от агрессии Фридриха II, а теперь, оказывается, один из её союзников стремится расширить свои границы. Мария-Терезия умоляла Елизавету Петровну и её канцлеров держать эту декларацию в строжайшей тайне, по Версальскому союзному договору 1 мая 1756 г. с Францией она обязалась сообщать королю Людовику XV все договоры с третьими странами, кроме «секретнейших дел», и должна сообщить и текст этой декларации, так как она не является отдельной секретной статьёй в договоре. Версаль будет резко против такого обещания Вены, данного Петербургу, что может привести к расколу антипрусской коалиции. Поэтому Мария-Терезия просила Елизавету отменить эту декларацию, взамен чего уверяла русскую императрицу, что в дальнейшем сделает всё возможное на международной арене для удовлетворения претензий союзника⁴.

Эстергази сообщил русскому двору этот рескрипт 23 апреля, но Петербург ответил на него только осенью того же года – летом Фридрих II, ворвавшись в Богемию и отбросив австрийскую армию, осадил Прагу, и Россия опасалась даже выхода Австрии из войны. К тому времени Франция и Австрия заключили антипрусский договор со Швецией. 6 сентября Эстергази получил записку, в которой Елизавета Петровна сообщила, что отменяет спорную декларацию о послевоенных приобретениях, ей достаточно слова Марии-Терезии о том, что она поддержит требования России после войны.

Русский двор получил дополнительный аргумент в пользу своих требований, просмотрев текст нового австро-франко-шведского договора, по которому за помощь в войне с Пруссией Стокгольму была обещана прусская часть Померании. Петербург пи-

сал австрийцам, что по итогам войны Пруссия, конечно, ослабится, но тогда усилится Швеция, исторический соперник России на Балтике, и вместо одной тягости Петербург получит другую. Утешением России служит лишь то, что за счёт Силезии усилится её верный союзник – Австрия, которого она просит повлиять на других союзников, чтобы они согласились на территориальные приобретения и России. Признание своих прав союзными государствами было для России приоритетным. У союзников нет поводов возражать, считали в Петербурге – Франция за свою помощь Австрии получает территории в Нидерландах, а Швеция – в Померании⁵.

Мария-Терезия ответила на ноту от 6 сентября, что она согласна с российскими планами о получении территориальных компенсаций, надеется, что Россия их получит, но напоминает, что успех этого дела зависит не только от Австрии. Главной проблемой, по мысли императрицы-королевы, была Франция, которую Россия не предупредила о своих намерениях и которая до сих пор знает только то, что Елизавета Петровна желает лишь восстановить мир и покой в Европе⁶.

Уже в следующем, 1758 г., 14 мая Эстергази получил от русских канцлеров новую ноту с ответом на письмо Марии-Терезии. Петербург признавал, что он действительно не заявлял о своих территориальных претензиях, но, поскольку все остальные его союзники после войны получают приращения своих территорий (Франция – часть Австрийских Нидерландов, Австрия – Силезию и графство Глац, Швеция – Прусскую Померанию, Саксония – Магдебург и Сальский округ), то и Россия не должна остаться в стороне от такого передела карты Европы. Кроме того, лишение Фридриха II Восточной Пруссии и будет являться заявленной целью антипрусской коалиции – «сокращение сил прусского короля» как «услуга человеческому роду». Здесь же в откровенности российский двор сообщал Марии-Терезии, что по

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1757 г. Д. 9. Л. 122–124 об.

⁵ Там же. Л. 358–363.

⁶ Там же. Д. 25. Л. 8.

завоеванию Восточной Пруссии русскими войсками Петербург без особых проблем может удержать её за собой и после войны. Однако если принадлежность Восточной Пруссии России станет препятствием общего мира, то «может быть», Россия пожертвует своим приобретением ради общего мира в обмен на «пристойную сумму денег»⁷.

20 июня 1758 г. Эстергази была вручена ещё одна записка для Марии-Терезии, в которой снова давался ответ на её предостережение о возможных протестах Франции против присоединения к России Восточной Пруссии. Петербург утверждал, что он не является лишь «помощной стороной» в войне, так как Фридрих II в прошлогодней декларации фактически объявил войну России, как и всем остальным её союзникам. Кроме того, Россия, как Австрия и Франция, тоже является гарантом Вестфальского мира 1648 г., нарушенного Фридрихом II, и вправе защищать условия договора и самой получать при этом помощь.

Для «словесного внушения» Эстергази сообщалось, что в записках не упомянуты конкретные требования послевоенной компенсации, так как Петербург надеется в этом на своих союзников, рассчитывая или закрепить за собой Восточную Пруссию, или, если европейские державы этому категорически воспротивятся, Россия согласится на денежную компенсацию⁸.

Летом и осенью 1758 г. переговоры между союзниками о планах послевоенного переустройства Европы не велись. В это время активно действовали военные, стараясь обеспечить дипломатам своих стран самые выгодные позиции на будущих мирных переговорах. Несмотря на упорные бои, самым кровавым из которых было сражение между русскими и пруссаками при Цорндорфе, кампания 1758 г., как и предыдущая, не привела к окончанию войны. Фридрих II по-прежнему сохранял боеспособность, хотя становилась заметной истощённость его сил.

⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1757 г. Д. 25 Л. 12–14.

⁸ Там же. 1758 г. Д. 10. Л. 236–243 об.

Россия не напоминала о своих планах австрийцам и в период зимы 1758–1759 гг. – ни у Петербурга, ни у Вены не было поводов к изменению позиции, учитывая отсутствие решающих перемен на полях сражений.

Кампания 1759 г. по праву считается выдающимся успехом русских войск. Две блестящие победы, одержанные русской армией при Пальциге и сразу после этого у Кунерсдорфа, где был полностью разгромлен сам Фридрих II, казалось, блестяще завершали войну, выводя Россию в ведущую силу послевоенной Европы. Однако разгромленная армия Фридриха II быстро возрождалась, чему виной была непонятная самому Фридриху бездеятельность его противников – русского генерала П. С. Салтыкова и австрийского фельдмаршала графа Л. Й. фон Дауна. Возможность завершить войну после победы при Кунерсдорфе союзниками была бездарно упущена. Несмотря на общую неудачу военных операций антипрусской коалиции в кампании 1759 г., они всё же принесли дипломатические дивиденды.

Английский посланник в Петербурге Р. Кейт в начале 20-х чисел ноября 1759 г. сделал устное предложение российскому канцлеру Воронцову заключить мир между Пруссией и Англией с одной стороны, и Россией – с другой, заверяя, «что не только его двор, но и король прусский прежнее доброе согласие с нами (т. е. с русскими – М. А.) восстановить желает»⁹. Англичане планировали заключить договор отдельно от других участников антипрусской коалиции. Российское правительство ответило своим отказом проводить переговоры без своих союзников.

Тогда 24 ноября 1759 г. Р. Кейт вручил в Петербурге уже письменное англо-прусское предложение к своим противникам в войне о начале мирных переговоров. На следующий день, 25 ноября, в Гааге голландский фельдмаршал принц Л. Брауншвейг-Вольфенбюттельский сообщил русскому, французскому и австрийскому послу, что получил письма от английского госсекретаря и прусского посланника в Лондоне.

⁹ АВПРИ. Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 1. 1759 г. Д. 804. Л. 115.

В письмах содержались предложения о мире к трём державам противоположного лагеря и готовность отправить уполномоченных для проведения мирных переговоров.

Англо-прусское предложение о мире давало старт дипломатическим переговорам союзников о том, какие требования они будут выдвигать и какой будет после войны Европа. С начала 1760 г. дипломатические контакты Австрии и России по вопросам послевоенной Европы уже не имели прежних долгих перерывов вплоть до смерти Елизаветы в самом конце 1761 г.

Австрийцы предложили Петербургу свой вариант ответа от имени союзников на англо-прусское предложение о начале мирных переговоров. Просмотрев проект ответной декларации, Петербург предложил изменить встреченную в нём фразу, в которой англо-французская война отделялась от войны, «которую равномерно с нескольких лет ее величество императрица-королева венгеро-богемская со своими союзниками производит против короля прусского»¹⁰. Русский вариант этой фразы звучал так: «которая начата королем прусским и распространена столь далеко»¹¹. Петербург объяснял изменение тем, что Фридрих II объявил России войну и сам считает Петербург своим противником и, стало быть, полноправным участником войны. Вспомогательной же силой Россию считает только Франция, сама участвующая в войне лишь как союзник Вены и стремящаяся лишить Петербург всех возможных завоеваний. Вообще же Петербург доверительно сообщил Вене, что желал бы видеть фразу о текущей войне в такой редакции: «которую равномерно с нескольких лет ее величество императрица всероссийская и ее величество императрица-королева венгеро-богемская с прочими своими союзниками производит против короля прусского». Таким образом, по мысли Петербурга, «единожды навсегда решится вопрос, ежели б еще настоял, вспо-

могательно ли только или непосредственно Россия в настоящей войне участвует», и, кроме того, такая формулировка ещё теснее свяжет Вену и Петербург¹².

Это сообщение Петербурга Вене было лишь началом усилий Петербурга добиться признания своего полноправного участия в войне хотя бы от своего главного союзника – Австрии.

Ради этой цели Петербург решил перезаключить русско-австрийский договор 1746 г., хотя он тогда был заключён на 25 лет, и срок его действия истекал только в 1771 г. Причина такой спешки со стороны России заключалась в корректировке своих притязаний, что можно оценить по изменениям в статьях договора.

В 4-м секретном артикуле договора 1746 г., касающемся возможного нападения Пруссии на Польшу или Австрию и российской помощи Вене, Елизавета Петровна гарантировала, что «не имеет ни малейшего намерения, чтоб при таком случае сделать какие-нибудь новые завоевания и оные себе присвоить». В качестве возмещения убытков за участие в войне Мария-Терезия выплачивала только «два миллиона рейнских гульденов»¹³. В 1757 г. Россия и Австрия – уже в условиях войны с Пруссией – заключили новую конвенцию, уточняющую статьи договора 1746 г. В Сепаратном и секретном артикуле Мария-Терезия теперь вместо 2 млн гульденов и разных выплат на содержание вспомогательных российских корпусов обязалась выплачивать Петербургу по миллиону рублей в каждый год идущей войны¹⁴.

Новый союзный договор 21 марта 1760 г. исключал из сферы своего действия текущую войну с Пруссией и заключался на будущее. По 6-му артикулу договора вспомогательный российский корпус, посылаемый в случае необходимости на помощь Австрии, укомплектовывала и выплачивала жалование служащим в нём солдатам и офицерам сама Рос-

¹² Там же. Л. 111 об.

¹³ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. I. Трактаты с Австрией 1648-1762. СПб., 1874. С. 172-173.

¹⁴ Там же. С.211.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1760 г. Д. 8. Л. 92.

¹¹ Там же. Л. 109.

сия. Австрия только предоставляла корпусу фураж, продовольствие и квартиры. Вена равномерно гарантировала оказание помощи Петербургу на таких же условиях¹⁵. Никаких упоминаний о денежных выплатах России со стороны Австрии за помощь в будущих войнах в союзном и оборонительном трактате 21 марта 1760 г. не было.

Новый договор не вызвал в Вене возмущений. Относительно идущей войны с Фридрихом II того же числа, 21 марта 1760 г., Россия и Австрия заключили особую конвенцию, имевшую более тернистый путь к подписанию.

Проект конвенции из 9 статей о совместных действиях в идущей войне с Пруссией был вручен австрийскому послу в Петербурге графу Эстергази 4 марта вместе с проектом нового союзного договора. Целью войны Россия предлагала провозгласить следующее: «во-первых, похищенные королем прусским области назад отобрать, а притом надлежит положить и достаточные пределы силе такого государя, которого несправедливые замыслы никаких пределов не знают»¹⁶, иными словами, ликвидировать великодержавный статус Пруссии. Ради этого стороны объявляли необходимость территориальных изменений в послевоенной Восточной Европе – сокращение территории Пруссии.

В V статье конвенции в русском проекте стороны декларировали бы, что не прекратят войну до тех пор, пока Австрия не вернёт себе Силезию и Глац, а Россия не получит Прусское королевство (т. е. Восточную Пруссию) за понесённые ей в войне убытки и за военные заслуги русской армии в сражениях с пруссаками¹⁷. В VI статье Вена и Петербург обещали стремиться к тому, чтобы вышеизложенное гарантировали и другие державы.

8 марта Эстергази вручил российскому канцлеру графу Воронцову промеморию, в которой сообщил, что для положительного

ответа на предложение Петербурга о заключении договоров он нуждается в инструкциях из Вены. Посла смутила V статья, которая, по его мысли, может подать вид другим союзникам, что Россия и Австрия решают что-то за их спинами и не желают идти на мирные переговоры без территориальных приращений для себя (в виде Силезии и Восточной Пруссии), что может означать в глазах союзников затягивание Веной и Петербургом войны¹⁸.

18 марта русский двор ответил Эстергази, что согласен изменить спорную статью. Вместо обязательства ведения войны до тех пор, пока Силезия не вернётся к Австрии, а Восточная Пруссия не отойдёт к России, вносилась более осторожная формулировка: стороны обязуются всего лишь «во время нынешней войны все силы, а при будущем замирении все старания обще и согласно к тому употребить», чтобы получить искомые территории¹⁹. Кроме того, конвенцию предлагалось дополнить и особой декларацией, которая также должна была бы быть ратифицирована Марией-Терезией и Елизаветой. В декларации говорилось о том, что Вена уже высказывала своё согласие на присоединение к России Восточной Пруссии, «однако ж ее императорское величество императрица все-российская чрез сие предоставляет себе принять с королевством и республикою Польскою впредь такие меры о королевстве Прусском, кои бы к взаимному обеих сторон удовольствию служили», и Мария-Терезия обязуется помогать России на этих переговорах²⁰.

Эстергази, видя, что русские пошли ему навстречу, подписал с Воронцовым и новый русско-австрийский договор, и антипрусскую конвенцию 21 марта 1760 г., после чего отослал её в свою столицу для ратификации соглашений Марией-Терезией.

24 мая Мария-Терезия отправила Эстергази рескрипт с выговором за подписание договоров без ведома и полномочий своего правительства. Основным возражением Марии-Терезии против новой конвенции

¹⁵ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. I. Трактаты с Австрией 1648-1762. СПб., 1874. С. 277-278.

¹⁶ АВПРИ. Ф.32. Сношения России с Австрией. Оп.1. 1760 г. Д.8. Л.167.

¹⁷ Там же. Л. 169.

¹⁸ Там же. Л. 226.

¹⁹ Там же. Л. 478 об.

²⁰ Там же. Л. 483-483 об.

с Россией о войне с Пруссией была всё та же V статья, с обоюдной гарантией послевоенного присоединения Силезии и Глаца к Австрии, а Восточной Пруссии – к России. Мария-Терезия отмечала, что «Шлезия – старая наследная наша земля, а Пруссия в российском владении никогда не бывала»²¹.

Основной причиной, по которой австрийское правительство возражало против наличия в договоре с Россией статьи о гарантиях присоединения к ней Восточной Пруссии, снова были австрийские обязательства перед Францией, которой Вена должна сообщить о заключённой конвенции с Россией. Увидев планы расширения владений России, Франция бы выступила против, учитывая и то, что в тексте Версальского договора нет никаких обещаний вознаграждения для Франции за её участие в войне с Фридрихом II. Помимо этого против русских приобретений могли выступить и другие страны, например, Дания, имевшая территориальные споры с наследником русского престола великим князем Петром Фёдоровичем, и Швеция, которой, в отличие от России, Веной не гарантировалось закрепление за ней после войны Прусской Померании.

Признавая без всяких сомнений Восточную Пруссию завоеванием России, Вена предлагала компромисс. Мария-Терезия была готова подписать только то, что гарантировала ранее. V статья была ею изменена, и все упоминания о Восточной Пруссии были выделены в секретный сепаратный артикул с предложением не сообщать о нём французам. Австрия также хотела внести в артикул условие, по которому Россия имела право на присоединение к себе Восточной Пруссии только при присоединении Силезии и Глаца к Австрии²².

Россия приняла предложение и ратифицировала конвенцию в том виде, в котором её соглашалась подписать Мария-Терезия.

В V статье Петербург гарантировал Вене, что употребит все силы для возвращения ей Силезии и графства Глац. Вена в ответ обе-

щала также приложить все усилия в войне и на последующих мирных переговорах для того, чтобы России «на иждивении короля прусского возвращены были убытки»²³. Секретным и сепаратным артикулом стороны подтверждали ранее условленную (в 1757 г.) выплату Веной Петербургу миллиона рублей за каждый год войны.

В «Секретном и сепаратном артикуле, приложенном к конвенции» (таково его официальное название) разъяснялась её V статья: Австрия гарантировала, чтобы Елизавете Петровне «Королевство Прусское, ныне ее оружием действительно уже завоеванное, уступлено было как справедливое награждение»²⁴ при условии закрепления за Австрией Силезии и Глаца.

Таким образом, 21 марта 1760 г. русско-австрийский союз 1746 г. был официально «уничтожен»²⁵ и установлен новый союз на иных условиях, соответствующих возросшей роли России в Европе. Елизаветинская дипломатия, наконец, смогла избавиться от упоминаний денежных компенсаций за своё будущее участие в европейских войнах, оставив лишь денежные выплаты от союзника на военные нужды на время ведения Россией боевых действий. Дополнением договора стала конвенция о совместных действиях в идущей Семилетней войне, в которой утверждалась полноправное, а не вспомогательное участие России. Австрия гарантировала России послевоенное присоединение к ней Восточной Пруссии при условии перехода к Австрии Силезии и графства Глац.

Военная кампания 1760 г. снова завершилась безрезультатно – противоборствующие стороны так и не смогли нанести друг другу решительного поражения и тем закончить войну. Однако перспективы скорого начала мирного конгресса становились всё более реальными.

Австрийцы сообщили русскому двору, что в конце 1760 г. французский посол

²¹ Там же. 1760 г. Д. 9. Л. 56.

²² Там же. Л. 48–61 об.

²³ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. I. Трактаты с Австрией 1648–1762. СПб., 1874. С. 296.

²⁴ Там же. С. 301.

²⁵ АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1760 г. Д. 9. Л. 176.

в Вене граф Шуазель вручил им декларацию, которая, по его словам, будет также вручена русским, шведским и польско-саксонским властям. Франция хотела бы заключить мир с противниками уже текущей зимой. На предложение союзника следовало реагировать, и австрийцы предлагали России выработать общую позицию.

Правительство Марии-Терезии откровенно сообщало Петербургу, что не желало бы заключения мира этой зимой, так как Пруссия не ослаблена и будет иметь на переговорах сильные позиции. Но если все другие союзники будут настаивать на скорейшем мире, то Австрия согласна и на «посредственный» вариант мира. Австрия рассчитывает получить в результате подписания мира часть Силезии и графства Глац. Петербург (а точнее, лично Елизавета Петровна) поддержал позицию Вены и также не согласился на поспешный мир²⁶.

Потеряв надежду на быстрое подписание мира, французы предложили заключить хотя бы перемирие в войне, на что австрийцы тоже не согласились. Они напоминали французам, что оно будет бессмысленно прежде всего для Франции, ведущей войну в колониях – пока известия о перемирии достигнут Америки, война там уже может закончиться полной победой англичан. Франция опять уступила.

Ответная декларация трёх держав с предложением провести переговоры в Аугсбурге в марте 1761 г. была отправлена главой французской дипломатии герцогом Шуазелем в Лондон, к российскому посланнику в Англии князю А. М. Голицыну для вручения английскому министерству. После переговоров было решено, что мирный конгресс соберётся в Аугсбурге в июле текущего года.

Общее согласие воюющих держав на созыв мирного конгресса снова вынуждало тех из них, кто рассчитывал на свои армии, то есть Австрию и Россию, стремиться

к укреплению своих позиций на будущих переговорах путём решительной победы над противником в кампании следующего года.

Характерно общее мнение двух союзников о том, что кампания 1761 г. точно будет последней. Об этом 8 мая н. ст. в рескрипте к главнокомандующему австрийской армией фельдмаршалу графу Дауну писала Мария-Терезия («сею кампаниею, которая, без сомнения, последнею будет»²⁷). После того, как копия рескрипта была предоставлена русскому правительству графом Эстергази, Петербург в ответной записке согласился с такой уверенностью Вены: «Сию кампанию почитать действительно последнею, и для того все тотчас предпринимать, что токмо славный и полезный мир обещать может»²⁸.

Созыв конгресса в Аугсбурге всё откладывался. Противоборствующие стороны никак не могли сойтись на том, кто же будет участником конгресса. Было решено, что помимо Англии, Пруссии, Австрии, России и Франции в Аугсбург прибудут представители Швеции и Саксонии, которые также являются участниками одной из противостоящих коалиций. Камнем преткновения сторон стал вопрос о присутствии на конгрессе представителей императора Священной Римской империи Германской нации Франца I, мужа Марии-Терезии. Англичане и пруссаки категорически отказывались его допускать, уверяя, что они войну с Францем I не ведут, как не ведут войну с Германской империей в целом. Россия и Франция предложили, в случае если англичане и пруссаки по-прежнему будут противиться приглашению императора на конгресс в Аугсбурге, отложить вопрос о допуске императора до начала самого конгресса. Австрия ответила, что вопрос об императоре нужно решить до конгресса, так как в ином случае отсутствие у императора приглашения на конгресс при его начале будет оскорблением для Франца I²⁹. До начала 1762 г. вопрос о присутствии императора на

²⁶ Шаховской Я. П. Записки / Империя после Петра 1725–1756. История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв. М., 1998. С. 134–137.

²⁷ АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1761 г. Д. 176. Л. 10.

²⁸ Там же. Л. 31.

²⁹ Там же. Д. 18. Л. 123 об.

созываемом конгрессе так и не был решён, и это было серьёзной ошибкой Вены – из-за категорического нежелания начинать конгресс без представителей императора время было упущено, а смерть Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г. похоронила надежды на удачное для Австрии завершение войны.

Пока шли переговоры о правах императора, в Аугсбург был отправлен русский дипломат граф И. Г. Чернышев. Он должен был быть вторым русским представителем на будущем конгрессе в Аугсбурге (главой делегации был бывший посол в Вене граф Г. К. Кейзерлинг, специалист по германским делам). Пока другие дипломаты не прибыли в Аугсбург, Чернышев остановился в Вене. Ему следовало упрочить позиции своего двора на будущих переговорах, убедив австрийских союзников поддерживать российские интересы. И. Г. Чернышев разговаривал с руководителем австрийской дипломатии канцлером графом В. А. фон Кауницем-Ритбергом и из этого разговора вынес впечатление, что австрийцы больше надеются на успехи своей армии, чем на дипломатические соглашения о единой позиции с Россией. В разговоре с австрийским канцлером Чернышев затронул и вопрос о российских претензиях на Восточную Пруссию. Кауниц, как отметил русский дипломат, «сквозь зубы» ответил, что Россия напрасно выдвигает такое требование, и Франция будет этим недовольна. Чернышев ответил, что ранее Петербург действительно говорил о том, что согласен отказаться от Восточной Пруссии, и был готов это сделать, но только если бы война закончилась минувшей зимой. Кауниц уже хотел прекратить разговор, но Чернышев прямо спросил канцлера о том, можно ли ему уверить Елизавету Петровну в том, что и Австрия будет отстаивать российские требования. Кауниц ответил, что Австрия, как и обещала ранее, поддержит российские претензии на переговорах³⁰.

5(16) декабря 1761 г. генерал П. А. Румянцев, командовавший действовавшим в Померании русским корпусом, смог, наконец, доложить в Петербург радостные из-

³⁰ Там же. Д. 10. Л. 46–50 об.

вестия – в этот день долгая осада прусской крепости Кольберг, наконец, успешно завершилась – гарнизон крепости капитулировал. Корпус Румянцева, выполнив свою задачу по овладению Померанией, был готов весной 1762 г. двинуться с основной русской армией в сердце владений Фридриха II – в Бранденбург, к Берлину.

Фридрих II к началу 1762 г. потерял не только Кольберг. Австрийцы расположились на зимние квартиры в Швейднице, заняв половину Силезии. Приданный австрийской армии русский корпус генерала графа З. Г. Чернышева (брата И. Г. Чернышева) расположился в Глаце, графстве, утерянном Веней по итогам двух Силезских войн с Пруссией. Впервые за всё время военных действий и шведская армия не ушла на зимние квартиры в свою крепость Штральзунд из занятых в летнюю кампанию приграничных прусских городов, а укрепились в Анкламе и Деммине и после известий о взятии русскими Кольберга и отходе полевых корпусов пруссаков в Бранденбург начала зимнее наступление в Мекленбурге в том же направлении на Берлин.

В Лондоне ещё 24 сентября (5 октября) 1761 г. госсекретарь южного департамента У. Питт подал в отставку, и Фридрих II лишился своего главного союзника в английском министерстве. Договор об английских субсидиях Пруссии, поддерживавших Фридриха II все прежние годы войны, не был продлён на 1762 г. Сама Англия была озабочена возможностью войны с Испанией и необходимостью отвлечения своих сил на нового противника.

Новое влиятельное лицо в английском правительстве, госсекретарь Джон Стюарт, граф Бют, в конце января 1762 г. сообщил русскому посланнику А. М. Голицыну, что за 6 недель до того он по приказу короля Георга III отправил английскому посланнику в Пруссии сэру Э. Митчеллу рескрипт с повелением сообщить Фридриху II о том, что Пруссии надо идти на заключение мира, ибо Англия не будет вечно воевать за прусские интересы³¹.

³¹ АВПРИ. Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 1. 1762. Д. 827. Л. 43 об.

Впервые в Семилетней войне наметился перелом в пользу антипрусской коалиции, а положение Пруссии резко ухудшилось.

Однако Фридрих II снова избежал краха. Произошло то, что прусский король назвал «Вторым чудом Бранденбургского дома», по аналогии с «первым» – отказом русских и австрийцев добывать разбитую после Кунерсдорфа прусскую армию. 25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г.) российская императрица Елизавета Петровна скончалась. На престол под именем Петра III вступил её племянник Пётр Фёдорович.

О симпатиях нового российского императора к прусскому королю Фридриху II прекрасно знала вся Европа, хотя в начале правления нового императора союзные европейские дворы ещё надеялись на продолжение прежней елизаветинской линии. Впрочем, эти иллюзии в той же Вене быстро рассеялись. И. Чернышев в реляции от 22 января н. ст. докладывал М. Воронцову из австрийской столицы, что 19 января в 6 часов вечера в город прибыл курьер от посла в Петербурге графа Ф. Мерси д'Аржанто. Немедленно была созвана придворная Конференция. Императорско-королевский совет заседал до 9 вечера. Утром 21 января совет собрался заново и разошёлся к обеду. Австрийские официальные лица не говорили Чернышеву, о чём шла речь на заседаниях, и от других людей русский дипломат узнал о том, что, по сообщению Мерси д'Аржанто от 4 января из Петербурга, Россия меняет прежнюю внешнеполитическую систему и отзывает корпус З. Г. Чернышева из Глаца в Польшу на соединение с главной русской армией³².

Через несколько дней Вена узнала о декларации Фридриха II, объявившего о том, что никаких угроз со стороны русской армии не имеет и против русских ничего предпринимать не будет.

В тяжёлой ситуации австрийский двор не пал духом, а объявил о новом наборе рекрутов. Вводились и новые налоги. И. Чернышев считал, что «какие бы перемены

в политической системе не последовали, с здешней стороны не так скоро военное пламя утухнуть может»³³.

9 февраля 1762 г. Пётр III разослал своим дипломатам циркулярный рескрипт о выходе России из войны. Через три дня декларация о выходе императора из войны с Пруссией была вручена пока ещё союзным дипломатам в Петербурге. В первых числах марта н. ст. декларацию получили в Вене. Однако декларация породила у австрийцев больше вопросов, чем дала ответов – Пётр III не разъяснил, как именно собирается прекращать войну, будет ли конгресс, что он хочет от мира, оставляет ли армию в прусских землях, в Польше или вообще выводит в Россию. В Вене решили, что, вероятнее всего, надо ждать вторую декларацию с разъяснениями императора по этим вопросам.

У самой же Марии-Терезии, как сообщил И. Чернышев, никаких иллюзий больше не было. После прибытия курьера от Мерси д'Аржанто с декларацией Петра III императрица-королева была так опечалена, «что часа с два после обеда, выслав всех девушек, из своей горницы не выходила, а как вышла, так примечено было немалая опухоль и краска в глазах»³⁴.

Мария-Терезия, мужественная, умная и волевая женщина, тем самым оплакивала крушение своих надежд и даже смысл всего своего прежнего царствования – возвращение отнятой Фридрихом II Силезии и ликвидация великодержавных устремлений Пруссии. Без России эта задача для Австрии была невыполнима. С тех пор Силезия так и осталась прусской вплоть до распада Австро-Венгрии, а сама Пруссия в итоге сокрушит Австрийскую империю в борьбе за объединение Германии в Австро-прусской войне 1866 г.

В той же депеше, с которой, к слову, ознакомился Пётр III, И. Чернышев сообщал, что австрийцы тоже не хотят продолжать войну, но единственной своей задачей видят заключение «непредосудительного и непонос-

³² АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 6. 1762 г. Д. 14. Л. 1–10б.

³³ Там же. Л. 6.

³⁴ Там же. Л. 9об.–10.

ного мира»³⁵, то есть такого, который даст им хоть какие-то из ранее отнятых территорий.

25 марта (5 апреля) И. Г. Чернышев снова подтвердил стремление Вены продолжить войну, как она ни была бы тягостна для Австрии, к чему Марию-Терезию подталкивали и обязательства перед Францией. Австрийская армия, столь же утомлённая длительной войной, желала любого мира, о чем Чернышеву говорили австрийские генералы и офицеры. Уход русского корпуса З. Чернышева вызвал уныние у австрийских военных. Для последних это была не просто потеря солдат в своих рядах. Как докладывал М. Воронцову И. Чернышев, австрийские военные в разговорах с ним считают, «что не наградят никогда той надежды, которую армия их на солдатство наше имеет, ни тот страх, который она в прусской производила»³⁶.

Понимая, что уход русских с полей сражений уже не остановить, Вена стремилась сделать всё, чтобы русские не вернулись на них в качестве противников Австрии. Все заявления австрийцев по отношению к России и лично к Петру III были предельно корректны и уважительны. Сам Кауниц всегда был учтив и ласков с находившимися в Вене русскими дипломатами, о чем сообщал и И. Чернышев, и прибывший в Вену новый посол князь Д. М. Голицын.

9 апреля 1762 г. Пётр III подписал рескрипт послам в Вене и Париже с изложением своей политики по отношению к войне с Пруссией и мирному конгрессу в Аугсбурге. Петербург признавал, что в деле прекращения войны с Пруссией действует торопливо (очевидно, отвечая на возможные упреки в сепаратных переговорах), «но тем не меньше доказательно, что [если] дожидаться такого генерального мира, каковы вестфальские, то надлежит и на бесконечные времена не полагать оружия, и при всем том почти уверенным быть, что постановляемый таким образом мир всех удовольствовать, следовательно, и прочным быть не может»³⁷. Отли-

чие нынешней ситуации от последних лет Тридцатилетней войны, которую и завершали вестфальские переговоры, по словам рескрипта, было в том, что Вестфальский мир закреплял все текущие владения участников конфликта, а на конгрессе в Аугсбурге стороны стали бы выдвигать претензии, «больше из самой войны родившиеся»³⁸.

Россия, как заявлялось в рескрипте, берет на себя первый шаг к прекращению войны и тем желает оказать «услугу человеческому роду». В заключение рескрипта последовать примеру Петербурга, прекратившего войну без всяких условий, приглашалась и Вена.

24 апреля (5 мая) 1762 г. был заключён русско-прусский мирный договор, юридически закрепивший выход России из европейской войны.

2 мая в Вену последовал новый рескрипт, который фактически вёл дело к разрыву Австрии и России. В рескрипте главным препятствием к прекращению войны в Европе называлась «ненависть» Вены к Фридриху II. Австрийский двор не желает мира без условий, как Россия, он хочет отнять то, что ранее торжественно уступил Пруссии. В связи с тем что Россия заключает союз с Фридрихом II, Петербург должен «помогать сему государю частью войск наших», если Австрия не заключит с ним мир без всяких требований. Об этой угрозе послу Д. М. Голицыну следовало сообщить австрийскому двору³⁹.

Голицын так и сделал, в начале июня на конференции с Кауницем он сообщил содержание рескрипта. Кауниц в ходе изложения несколько раз переспрашивал Голицына, в итоге пообещал донести обо всём Марию-Терезии, так как сам он официальный ответ русским дать не может.

Через день после этой конференции, т. е. 4 июня н. ст., Кауниц вручил австрийский ответ на русские предложения, в котором Вена, не отвечая прямо, желала бы сперва узнать мнение Фридриха II об условиях мира, а сама Мария-Терезия выражала своё согласие на

³⁵ Там же. Л. 9об.

³⁶ Там же. Л. 28.

³⁷ Там же. Д. 30. Л. 33об.–34.

³⁸ Там же. Л. 34.

³⁹ Там же. Л. 59.

заклучение перемирия и «справедливый и резонабельный мир», не поясняя, на каких конкретно условиях⁴⁰. Фактически это означало отказ от немедленного прекращения войны.

9 мая к Д. Голицыну был отправлен рескрипт, в котором ему предписывалось быть готовым к тому, что, если Мария-Терезия отзовет своего посла из России, русскому дипломату также следует покинуть Вену таким же образом, как и австрийский посол покинет Петербург⁴¹.

Голицын решил сам поговорить с Кауницем о том, не захочет ли Мария-Терезия в нынешних условиях отозвать своего посла из России. Кауниц с удивлением ответил на это, что такое может произойти лишь вынуждено⁴². Австрия не собиралась разрывать с Россией даже тогда, когда русские войска выступили против неё на стороне пруссаков.

8(19) июня Голицын доносил в реляции о распространившемся в Вене известии о присоединении русских войск, точнее, всё того же корпуса генерала графа З. Г. Чернышева, к пруссакам. Новость не вызвала в австрийской столице никакого возмущения, только обиду и разочарование. Посол писал: «... видно в публике, что здешние средством медиации вашего императорского величества восстановления покоя ожидали»⁴³, т. е. австрийцы думали, что Россия станет посредником в примирении Вены и Берлина, а не превратится в военного союзника Пруссии.

В этот же день, когда Голицын отправил рескрипт, в Петербурге был подписан русско-прусский союзный договор, обосновавший российскую помощь Фридриху II против Австрии.

3(14) июля 1762 г., ещё не зная о свержении Петра III 28 июня (9 июля), Голицын сообщал об участии корпуса З. Чернышева в сражении австрийцев и пруссаков на сто-

роне последних. По словам дипломата, лишь узость места сражения не позволила корпусу принять непосредственное участие в бою с вчерашними союзниками. Служивший в корпусе З. Г. Чернышева 22-летний князь Ю. В. Долгоруков, произведённый Петром III в полковники, писал в своих мемуарах, что неучастие русских солдат в боях с австрийцами было вызвано решением Фридриха II: «Король, чтобы приобрести доверенность российского войска, почти всякий день выводил нас в дело с неприятелем, которое мы могли хорошо видеть, но дрались перед нами пруссаки»⁴⁴.

Австрийцы отреагировали на известия о совместных боевых действиях против них пруссаков и русских более резко: как может Пётр III говорить о желании дать мир Европе, если сам же поддерживает войну своими войсками, а не выступает посредником в деле примирения враждующих сторон, сражаясь с теми, кто на самом деле желает заключения мира⁴⁵.

Однако до самого свержения Петра III австрийские власти, находившиеся теперь в крайне тяжёлом положении, так и не проявили открыто своего недовольствия, не разрывали дипломатических отношений с Россией, не объявляя ей войны, не толкая против Петербурга Турцию или другие страны. Сам Пётр III, к слову, секретным рескриптом к русскому резиденту в Стамбуле А. М. Обрескову предписал тому тайно дать понять Турции, что в случае её войны с Австрией Россия не поможет Вене, так как не считает свой антитурецкий союз с ней действительным. Турция двинула к австрийским границам свои войска, хотя начало войны в текущем 1762 г. и представлялось Обрескову невозможным из-за неготовности турецкой армии. Тем не менее, положение Австрии, которой угрожал новый опасный враг, стало критическим.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 6. 1762 г. Д. 32. Л. 58об.-59об.

⁴¹ Там же. Л. 62.

⁴² Там же. Л. 65об.

⁴³ Там же. Л. 72об.

⁴⁴ Отрывки из записок князя Юрия Владимировича Долгорукова / Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840. С. 296.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 6. 1762 г. Д. 32. Л. 94.

Свержение Петра III избавило Австрию от возможного турецкого нашествия – один из первых рескриптов Екатерины II был отправлен именно к Обрескову с отменой прежних распоряжений Петра III, и Турция остановила подготовку к войне с Австрией. Был отозван от прусской армии и русский корпус З. Г. Чернышева, уже готовившийся непосредственно скрестить оружие с австрийцами.

Екатерина II, отказавшись от ратификации союза с Фридрихом II, подтвердила мир с ним и окончательно зафиксировала выход России из Семилетней войны. Союз с Австрией был возобновлён ею только в 1781 г. Разрыв союза двух империй в 1762 г. нанёс тяжёлый удар как по Вене, так и по Петербургу. Австрия без союзника лишилась надежды вернуть утраченную ранее Силезию и превратить опасного соперника в Германии во второразрядное курфюршество. Россия, добровольно выйдя из войны, лишилась не только возможного приращения своих территорий – она позволила Пруссии сохранить великодержавие, что впоследствии привело к тому, что объединителем германских земель стал именно Берлин. И после этого две мировые войны русские и немцы воевали друг с другом.

Сохранение Пруссии в качестве великой европейской державы привело и к разделу Речи Посполитой, которую Россия всегда стремилась контролировать. При Екатерине II

этот буфер между ней и европейскими державами исчез.

Крах русско-австрийского союза в 1762 г. привёл и к тому, что первую при Екатерине II русско-турецкую войну 1769–1774 гг. Россия вела без союзника. Лишь позже Екатерина, отказавшись от идей Н. И. Панина, вдохновителя союза России и Пруссии, вернулась на прежние пути российской дипломатии. Оценка внешней политики первых лет правления Екатерины II, своего рода «блестящей изоляции», нуждается в новом взгляде.

Петербург после своих побед над Пруссией в Семилетней войне уже не играл зависимой роли в русско-австрийском союзе, наоборот, донесения дипломатов из Вены показывают, как Австрия стала нуждаться в России, которая оказалась ведущей силой не только этого союза, но и фактически всей Европы. Выход Петербурга из Семилетней войны с разрывом многолетнего союза с Австрией стал крупнейшей внешнеполитической катастрофой России в XVIII в. Россия в европейской системе международных отношений была отброшена на десятилетия назад. Негативно выход России из войны сказался и на Австрии. Хотя Екатерина II и не позволила Фридриху II разгромить Вену полностью, тем не менее Вена была вынуждена смириться с тем, что Силезия утеряна ею навсегда и что рядом с её границами обосновался сильный и опасный конкурент в геополитической борьбе в Европе.

М. А. Петрова

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ЕКАТЕРИНЫ II И ИОСИФА II*

Во второй половине XVIII в. во внешней политике Австрийской монархии произошли две дипломатические революции. 20 апреля (1 мая) 1756 г. подписанием оборонительного договора был положен конец более чем двухвековому соперничеству с Францией. 14 (25) июля 1791 г. Габсбурги заключили союз с другим своим давним противником – Пруссией. Еще в 1740 г. в ходе Войны за австрийское наследство они были вынуждены отдать Гогенцоллернам одну из стратегически важных наследственных земель – Силезию. События дипломатических революций отстоят друг от друга почти на сорок лет, в течение которых система международных отношений в Европе не раз подвергалась серьезным испытаниям. Семилетняя война 1756–1763 гг., Русско-турецкие войны 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. и присоединение Крыма к России, Первый раздел Польши в 1772 г., война Соединенных Штатов Америки за независимость и англо-испано-французская война на море (1776–1783 гг.), обострение австро-пруссских противоречий в Германии и Война за баварское наследство 1778–1779 гг., Русско-шведская война 1788–1790 гг. – Россия и Австрия участвовали почти во всех вышеперечисленных вооруженных конфликтах и не раз становились возмутителями общеевропейского спокойствия.

На протяжении XVIII в. Россия стремилась укрепить свои позиции на побережьях Балтийского, Черного и Каспийского морей. Успех причерноморской политики Екатерины II в конце 1760 – начале 1770-х гг. породил так называемый «греческий проект», по сути, один из многочисленных планов раздела европейской части Османской империи, которых в рассматриваемую

* Статья подготовлена при поддержке Гранта Президента Российской Федерации (проект МК-4428.2013.6). В ней содержатся новые архивные материалы, дополняющие монографию автора «Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза. 1780–1790» (М., 2011).

эпоху было немало. Проект российской императрицы, впервые зафиксированный на бумаге в сентябре 1780 г.¹, отличался от прочих масштабностью и имел глубокие корни в прошлом, поскольку подразумевал восстановление древней Греческой (Византийской) империи, правителями которой должны были стать родившийся в 1779 г. великий князь Константин Павлович и его потомки. Духовной основой «греческого проекта» был, с одной стороны, характерный для Европы XVIII в. интерес к античности, а с другой – сугубо российская идея освобождения православных единоверцев от турецкого ига². Ученые до сих пор спорят, был ли «греческий проект» конкретным планом действий или мистификацией, отвлекающим маневром накануне присоединения Крыма к России. На наш взгляд, он представлял собой амбициозную программу-максимум, своего рода сверхидею (неслучайно в политической переписке тех лет «греческий проект» назывался не греческим, а великим – «grand projet»), стремление к воплощению которой стимулировало российское правительство строить флот, развивать торговые контакты со странами Запада и Востока, расширять сеть российских консульств, завоевывать новые территории. Однако приблизиться хотя бы к частичному выполнению этой программы, не имея надежных союзников, не представлялось возможным.

До 1761 г. внешнеполитическая система России основывалась на союзе с Ав-

¹ Речь идет о так называемом «Мемориале по делам политическим», составленном секретарем Екатерины II А. А. Безбородко под руководством Г. А. Потемкина. См. публикацию: Сборник императорского Русского исторического общества (далее: Сб. РИО). СПб., 1879. Т. 26: Канцлер Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени, 1747–1787. Ч. 1. С. 385.

² Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 31–64.

стрией. Тесное сотрудничество Романовых и Габсбургов началось в конце XVII в. в рамках антиосманской Священной лиги. Первый полноценный союзный договор был подписан Екатериной I и Карлом VI в 1726 г., результатом чего стало участие России в Войне за польское наследство 1733–1735 гг. и Австрии в Русско-турецкой войне 1737–1739 гг. Второй был заключен 22 мая (2 июня) 1746 г. Елизаветой Петровной и Марией Терезией в ходе Войны за австрийское наследство 1740–1748 гг. Подобно предшествующему, он содержал секретную статью, направленную против Оттоманской Порты, но главным противником императорских дворов объявлялась Пруссия³.

С приходом к власти Петра III союз России с Австрией, не будучи официально расторгнутым, фактически прекратил свое существование, уступив место союзу с Пруссией, окончательно оформленному Екатериной II и Фридрихом II в 1764 г. В 1767 г. был подписан союзный договор с Данией, согласно которому наследник российского престола герцог Гольштейн-Готторпский великий князь Павел Петрович отказался в пользу датского короля от готторпского наследства в обмен на графства Ольденбург и Дельменхорст в Северной Германии. Их правителем стал родной дядя Екатерины II Фридрих Август I Ольденбургский, князь-епископ Любека. Обмен был подтвержден Царскосельским трактатом 1773 г.⁴

Союз с северными державами так и не стал эффективным инструментом восточной политики Екатерины II: Фридрих II крайне неохотно давал императрице предусмотренные оборонительным договором

³ Тексты договоров с сепаратными и секретными артикулами см.: Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874. Т. I: Трактаты с Австрией. 1648–1762. С. 28–44, 147–178.

⁴ Подробнее см.: Стегний П. В. Голштинский вопрос в дипломатии Екатерины II / Российская дипломатия: История и современность: материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию создания Посольского приказа. М., 2001. С. 169–198.

субсидии на ведение войны с Портой в 1768–1774 гг. В эти годы британский кабинет, благожелательно настроенный в отношении Екатерины II, разрешил свободный проход через свои порты российских кораблей, снаряженных в Греческий архипелаг, однако союзный договор между Россией и Великобританией подписан не был⁵. При этом в начале войны в Петербурге продолжали надеяться на союзную помощь Австрии против Порты, как это было в предшествующие десятилетия. Австрия же по условиям военной конвенции с Османской империей, заключенной в июле 1771 г., в 1772 г. едва не вступила в войну против России. Мария-Терезия в последний момент отказалась от этого решения, а Фридриху II удалось «примирить» императорские дворы, заинтересовав их разделом Польши⁶. Победа России и заключение Кючук-Кайнарджийского мира⁷ в 1774 г. изменили расстановку сил на международной арене. Не сумев отстоять территориальные приобретения в Греческом архипелаге, Екатерина II постепенно стала приходить к мысли о том, что России нужен союзник в Европе, также имеющий свой интерес на Балканах. Им, исходя из предшествующего опыта двусторонних отношений, могла стать только Австрия.

Внешняя и внутренняя политика династии Габсбургов в XVIII в. во многом была подчинена главной цели – консолидации наследственных земель, разных по уровню своего политического и экономического раз-

⁵ Подробнее см.: Смилянская И. М., Велижев М. Б., Смилянская Е. Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.

⁶ Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 136.

⁷ Согласно Кючук-Кайнарджийскому договору Османская империя признала независимость Крымского ханства, право свободного плавания российских торговых судов по Черному морю и проливам, право России ходатайствовать за христианское (православное) население Молдавии и Валахии. Договор предусматривал присоединение к России Азова, черноморского побережья от Буга до Днепра, крепостей Керчь, Кинбурн и Еникале.

вития. Под консолидацией подразумевалось среди прочего и создание так называемого концентрированного государства – компактной территории без анклавов и удаленных провинций. К их числу в середине столетия относились владения, находившиеся вне ядра наследственных земель Габсбургов: так называемая Передняя Австрия, включавшая территории в Швабии и Эльзасе, Миланское герцогство и Великое герцогство Тосканское, а также Австрийские Нидерланды (совр. Бельгия). Все они, наряду с собственно австрийскими и чешскими землями Австрийской монархии, входили и в состав Священной Римской империи германской нации, постепенный упадок которой как универсальной монархии начался после подписания Вестфальского мирного договора 1648 г., зафиксировавшего право германских князей на ведение собственной внутренней и внешней политики.

Еще в 1702 г., в ходе Войны за испанское наследство (1700–1713 гг.), в недрах Имперского придворного совета (Reichshofrat) Монархии родился план обмена Австрийских Нидерландов на территории курфюршества Бавария, граничившие с владениями Габсбургов, но он так и остался на бумаге. Идея обмена как идея приращения немецких земель династии вновь появилась в 1743 г. в записке посланника в Турине и будущего государственного канцлера графа Венцеля Антона Кауница-Ритберга⁸. В это время эрцгерцогиня Мария-Терезия в борьбе с коалицией европейских держав отстаивала свое право на «австрийское наследство» – земли Австрийского дома, которые должны были перейти к ней от покойного отца императора Карла VI. Одним из противников Марии-Терезии был баварский курфюрст Карл Альбрехт из рода Виттельсбахов, избранный в 1742 г. императором Священной Римской империи под именем Карла VII. После заключения Дрезденского мира и избрания супруга Марии-Терезии Франца Стефана Лотарингского

в 1745 г. императором под именем Франца I план обмена Баварии, как и прежде, остался невостребованным.

На государственном уровне австрийский двор с конца 1720-х гг. пытался закрепить за собой право на графства Юлих и Берг, граничившие с Австрийскими Нидерландами и принадлежавшие курфюрстам Пфальца, представителям нойбургской линии рода Виттельсбахов. Юридическим основанием этого права должен был служить тот факт, что третья жена императора Леопольда I Элеонора (речь идет о родителях Карла VI. – М. П.) происходила из Пфальц-Нойбурга. После смерти в 1742 г. бездетного курфюрста Карла III Филиппа его наследником стал представитель младшей линии Виттельсбахов пфальцграф Зульцбаха Карл Теодор, права которого на графства Юлих и Берг Габсбурги признали лишь в 1764 г. Кауниц исходил из того, что у бездетного пфальцграфа не будет законных наследников и Австрия сможет легко присоединить графства к своим владениям⁹. Расчет оказался неверным.

В 1774 г. тяжелобольной баварский курфюрст Максимилиан III Иосиф, не имевший прямых наследников, составил завещание в пользу своего родственника Карла Теодора, после смерти которого и баварские, и пфальцские земли должны были перейти к представителю еще одной ветви Виттельсбахов – герцогу Пфальц-Цвайбрюккена Карлу II Августу. Очевидно, в это же время внук Карла VI и сын Марии-Терезии Иосиф II (покойная супруга которого была дочерью баварского курфюрста) вернулся к идее обмена Баварии на Австрийские Нидерланды. Император даже заручился поддержкой Карла Теодора, вступившего во владение баварскими землями 30 декабря 1777 г. и готового с ними расстаться ради округления курфюршества Пфальц, граничившего с Австрийскими Нидерландами, но столкнулся с сопротивлением герцога Цвайбрюккенского, которого поддержали многие князья Священной Римской империи, в первую очередь король Пруссии Фридрих II¹⁰.

⁸ Kulenkampf A. Österreich und das alte Reich. Die Reichspolitik des Staatskanzlers Kaunitz unter Maria Theresia und Joseph II. Köln, 2005. S. 4–5.

⁹ Ibid. S. 10–12, 22–24, 41–43, 47–54.

¹⁰ Нерсесов Г.А. Политика России на Тешенском конгрессе (1778–1779). М., 1979. С. 49.

Внешняя политика Габсбургов не исчерпывалась германскими делами. Подобно России Австрия стремилась стать морской державой и подобно колониальным империям Великобритании и Франции занять свою нишу в заморской торговле. Крупнейшие порты Австрийской монархии на Адриатическом море Триест и Фиуме, даже после дарования им в 1719 г. статуса вольных городов и вызванного этим бурного экономического роста, не могли всерьез соперничать с портами господствовавшей на Адриатике Венеции.

Тем не менее Триест и Фиуме играли важную роль в товарообмене с Османской империей, который с 1718 г. регулировался специальным торговым соглашением, заключенным в Пожареваце. Монархия получила право свободного судоходства по Дунаю, ее купцы были освобождены от уплаты завышенных и по произволу турецких чиновников многократно собираемых налогов. Ввозные и вывозные пошлины равнялись 3 % от стоимости товаров¹¹. В 1719 г. Карл VI даже создал Восточную компанию, но она потерпела крах, поскольку на деле таможенные преимущества так и остались за подданными султана. Когда по Белградскому мирному договору 1739 г. Австрия потеряла значительную часть завоеванных в ходе победоносной войны с Портой 1716–1718 гг. территорий, торговое соглашение 1718 г., формально не денонсированное, фактически перестало действовать. Его заменила 11-я статья Белградского договора, которая предоставила османским купцам преимущественное по сравнению с другими иностранными купцами право торговать в наследственных землях Габсбургов¹². После продления в 1747 г. Белградского мирного договора на «вечные

времена» и вплоть до середины 1770-х годов Австрия отказалась от территориальной экспансии на Балканах, а ее восточная политика сводилась главным образом к восстановлению утраченных экономических выгод, развитию судоходства по Дунаю и обеспечению безопасности своих судов, которым угрожали морские пираты из африканских владений Порты¹³.

Еще одним портом Австрийской монархии был Остенде, располагавшийся на берегу Северного моря на территории Австрийских Нидерландов. В 1722 г. там была основана так называемая Императорская и королевская компания Индий (*Compagnie impériale et royale des Indes*). Она успешно конкурировала со знаменитой британской Ост-Индской компанией. В 1732 г. австрийскую компанию пришлось распустить. Такова была цена заключения союза с Великобританией, необходимого императору Карлу VI для борьбы с Францией. Внутренняя торговля Австрийских Нидерландов также терпела убытки, поскольку в соответствии с Вестфальским мирным договором 1648 г. устье р. Шельды и выход в Северное море были закрыты для всех судов кроме судов Республики Соединенных провинций. В 1783 г. Иосиф II принял решение добиваться отмены этого пункта Вестфальского договора. Параллельно он разрабатывал новый план обмена Австрийских Нидерландов. Открытие устья Шельды способствовало бы их экономическому росту, усилив таким образом привлекательность провинции в глазах пфальцского курфюрста Карла Теодора и его наследников.

Внешнеполитические инициативы Екатерины II и Иосифа II оказались удивительным образом созвучны друг другу. «Баварский проект» и идея императора связать все земли Австрийской монархии единой судоходной системой (простирающейся от Северного до Черного моря), посредством важнейших транспортных речных артерий Европы,

¹¹ Österreich und das Heilige Römische Reich. Ausstellung des Österreichischen Staatsarchivs. Haus-, Hof- und Staatsarchiv, 25 April – 22 Oktober. 2006. Wien, 2006. S. 78.

¹² См. об этом копию письма австрийского посланника в Вене Д. М. Голицына вице-канцлеру И. А. Остерману от 9 (20) октября 1781 г.: АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 642. Л. 38 об.

¹³ См.: Halm H. Österreich und Neurusland. Breslau, 1943. Erster Band: Donauschiffahrt und -handel nach dem Südosten. 1717–1780.

по масштабу не уступали «греческому проекту», но были куда более реалистичными и, следовательно, имели шансы на успех. Главная проблема заключалась в отсутствии надежных союзников. Несмотря на то что с 1756 г. Австрия находилась в союзе с Францией, она не была заинтересована в укреплении позиций Габсбургов ни на море, ни в Священной Римской империи. В Войне за баварское наследство 1778–1779 гг. Франция сохранила в отношении Австрии благожелательный нейтралитет, но помогать ей не собиралась. Россия, в свою очередь, не спешила оказывать военную помощь союзной Пруссии. Екатерина II быстро поняла, что роль арбитра в германских делах может оказаться более выгодной. И хотя она направила к границам Австрии вспомогательный военный корпус, наступления он так и не начал¹⁴.

Война за баварское наследство завершилась подписанием в чешском городе Тешене 2 (13) мая 1779 г. ряда конвенций между Австрией, Пруссией, Пфальцем и Саксонией¹⁵. Габсбурги присоединили к своим владениям лишь небольшую часть Баварии (так называемый Innviertel) между реками Дунай, Инн и Зальцах, на которые имели право ввиду особого статуса этой территории в составе курфюршества Бавария. Согласно конвенции, заключенной между курфюрстом Пфальцским Карлом Теодором и Марией Терезией, последняя отказалась от любых претензий на наследство покойного курфюрста Баварии Максимилиана III Иосифа от своего имени и от имени своих наследников. К этой конвенции «приступил» и наследник Карла Теодора герцог Карл Август Цвайбрюккенский¹⁶. Россия и

Франция выступили гарантами Тешенского мирного договора¹⁷. В ноябре 1779 г. рейхстаг Священной Римской империи германской нации ратифицировал подписанные конвенции и акты гарантии¹⁸.

Поход российского корпуса заставил австрийцев покинуть территорию Баварии. Однако, не оказав Пруссии той поддержки, на которую та рассчитывала, Россия сослужила добрую службу Австрии, что в связи с ощутимой угрозой ее политической изоляции было воспринято императорским двором с благодарностью. Несколько ранее, в 1775 г., когда Австрия без единого выстрела присоединила Буковину (северную часть Молдавии), Петербург ответил на это молчаливым согласием, что свидетельствовало, с одной стороны, о признании Россией австрийских интересов на Востоке, а с другой – о преодолении враждебности в отношениях двух держав. Неслучайно поэтому с 1779 г. возобновление союза с Россией рассматривалось Веной как одна из важнейших внешнеполитических задач¹⁹. Ее решение стало возможным во многом благодаря путешествию Иосифа II в Россию в 1780 г.

Находясь в Петербурге, он предложил Екатерине II сделать первый шаг к подписанию договора между Россией и Австрией и гарантировать друг другу неприкосновенность своих владений. Императрица поинтересовалась, может ли Австрия гарантировать России будущие завоевания, взамен последняя согласилась бы гарантировать завоевания Австрии, сделанные за пределами Польши и Германии. Таким образом, Екатерина II дала понять Иосифу II, что не

¹⁷ Акты гарантии см.: Там же. С. 91–93.

¹⁸ См. об этом: Härter K. Möglichkeiten und Grenzen der Reichspolitik Rußlands als Garantiemacht des Teschener Friedens (1778–1803)/ Katharina II., Rußland und Europa: Beiträge zur internationalen Forschung / Hrsg. C. Scharf. Mainz, 2001. S. 163–165.

¹⁹ См. инструкцию австрийскому посланнику графу Людвигу Кобенцлю от 29 сентября 1779 г., составленную накануне его назначения в Петербург: HHStA. Staatenabteilungen. Russland II 207. Instruktionen. 1761–1786. Konvolut 14 (1779). Fol. 19.

¹⁴ В Берлине это было воспринято как вероломство. Подробнее см.: Духхардт Х. Россия в представлении Фридриха Великого / Россия, Польша и Германия в европейской и мировой политике XVI–XIX вв. М., 2002. С. 137–138; Stribny W. Die Rußlandpolitik Friedrichs des Großen. 1764–1786. Würzburg, 1966. S. 105–106.

¹⁵ См. публикацию всего комплекса подписанных документов: Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. СПб., 1875. Т. II: Трактаты с Австриею. 1772–1808. С. 65–96.

¹⁶ Там же. С. 76–77, 85–86.

против расширения владений Габсбургов в Италии, но положение дел в Германии, закрепленное Тешенским мирным договором, должно остаться без изменений²⁰. В небольшой записке, которую австрийский посланник граф Людвиг Кобенцль вручил князю Г. А. Потемкину во время пребывания Иосифа II в Петербурге, говорилось, что новый союз «привел бы к продолжению всеобщего спокойствия в Германии, поскольку, усиливая влияние России в этой части Европы, он обеспечил бы новые средства к предотвращению там всякого зародыша взаимных разногласий»²¹. О будущих завоеваниях в документе не было сказано ни слова.

Уже в этих предварительных переговорах обозначилось расхождение в подходах двух дворов к тексту союзного договора, подписанного в мае 1781 г. В Вене союз воспринимали как новый этап двустороннего сотрудничества в Европе, наиболее активно развивавшегося в последние годы Войны за австрийское наследство и в ходе Семилетней войны. Уязвимое положение Австрийской монархии, срединной державы, имевшей по всему периметру своих границ опасных соседей, требовало в случае нападения одного из них дополнительной военной помощи. Поэтому Иосиф II и канцлер Кауниц настаивали на том, чтобы за образец соглашения был взят российско-австрийский договор 1746 г., направленный против Пруссии.

В Петербурге российско-австрийский союз рассматривали как продолжение вековой борьбы с Турцией, начавшейся еще в рамках Антиосманской (Священной) лиги, и предлагали составить договор по образцу российско-прусского оборонительного договора 1764 г., включив в него секретную статью о Порте. Союз с Австрией, по мысли Екатерины II и ее ближайшего окружения,

²⁰ Письмо Иосифа II Марии Терезии от 12 июля 1780 г.: Maria Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz sammt Briefen Joseph's an seinen Bruder Leopold / Hrsg. von A. Ritter von Arneth. Wien, 1868. Bd. III. С. 331–332.

²¹ ННStA. Staatskanzlei. Verträge (betreffende Akten). Karton 3. Konvolut C. Vortrag vom 10. Mai 1781.

вовсе не отменял союза с Пруссией, который неоднократно продлевался с 1764 г. и формально сохранялся до 1788 г. В спорах между германскими государствами императрицу устраивала роль посредницы.

В итоге российско-австрийский оборонительный договор, как и российско-пруссский, был подписан сроком на восемь лет, а военная помощь, предоставляемая в случае нападения на одну из сторон третьей (неназванной) державы, также составила 12 тыс. человек. Стороны гарантировали друг другу неприкосновенность входивших в их состав территорий, за исключением владений России в Азии и наследственных земель Габсбургов в Италии. По инициативе российской стороны гарантия распространилась на конвенции 1772 г. о разделе Польши, и на все конвенции, подписанные германскими государствами в Тешене в 1779 г. В договоре были зафиксированы обязательства сторон по отношению к их союзникам (Австрии – к Франции, России – к Пруссии и Дании), но по просьбе австрийской стороны союзники названы не были. Была подписана и секретная статья о Порте, совместные действия против которой предусматривались не только в случае ее нападения на одного из союзников, но и при несоблюдении ею договоров, ранее заключенных с Россией и Австрией. Причем Австрия по настоянию венского кабинета в случае очередной русско-турецкой войны становилась не просто вспомогательной силой, но полноправным участником конфликта и, как следствие, возможного раздела европейских владений Османской империи.

Тот факт, что в договоре не были названы ни союзники, ни противники (за исключением Порты) императорских дворов, делал обязательства, принятые на себя Россией, несколько неопределенными, ведь она оказывалась в союзе одновременно с двумя заклятыми врагами – Австрией и Пруссией. В случае очередного конфликта между ними Иосиф II мог лишь надеяться на добрую волю Екатерины II, подкрепленную устными заверениями ее министров, что Россия выступит в поддержку Габсбургов.

Император предпочел принять расплывчатые формулировки, поскольку после свидания с российской императрицей у него были основания рассчитывать на ее благосклонность. В Петербурге же в возможность австро-прусского конфликта не особенно верили, поскольку единственным поводом к нему могли стать новые попытки обмена Баварии, а руки у императора в этом деле были юридически связаны Тешенским трактатом и самим российско-австрийским оборонительным договором.

Наибольшие затруднения вызвало не столько согласование текста документа, сколько его подписание. Как известно, с 1726 г. Россия заключала союзы не со Священной Римской империей, а с Австрийской монархией, правители которой носили титул императора Священной Римской империи. Именно поэтому в 1746 г. свои подписи под оборонительным договором поставили Елизавета Петровна и Мария-Терезия, наследница земель династии Габсбургов и венценосная супруга императора Франца I Стефана, а не сам император. В 1781 г. Иосиф II также выступал в роли правителя земель Австрийского дома. Тем не менее при подписании договора он, будучи императором Священной Римской империи, требовал применения правила прерогативы – права первой подписи уполномоченных на обоих экземплярах документа. Екатерина II уступить не захотела, настаивая на правиле альтернативы, при котором подписи сторон в экземплярах документа чередуются. Когда спор едва не привел к прекращению переговоров, договор по предложению российской императрицы был заключен в форме обмена письмами²².

Иосиф II был вынужден согласиться, но потребовал официально объявить европейским дворам, что подписание договора не состоялось, и убедить их в этом по дипломатическим каналам. 27 мая (7 июня) 1781 г. все российские министры при иностран-

ных дворах были проинформированы, что «простая формальность» (*simple formalité*) помешала сторонам заключить союз, но что это обстоятельство никак не уменьшило дружбы и гармонии между двумя договаривавшимися сторонами. Российским министрам предписывалось и впредь оказывать добрые услуги австрийским дипломатам, пребывая с ними «в полном согласии» (*dans une parfaite intelligence*)²³. Аналогичные инструкции получили представители императора при европейских дворах.

О подписании документа с российской стороны знали только Г. А. Потемкин, А. А. Безбородко и, очевидно, близкие к ним сотрудники Коллегии иностранных дел (о вице-канцлере графе И. А. Остермане сказать трудно), с австрийской – Иосиф II, Кауниц, Кобенцль и кто-то из служащих Государственной канцелярии. Император не сообщил о заключении союза даже своему брату и наследнику великому герцогу Тосканскому Леопольду²⁴. Английский посланник в Петербурге Джеймс Харрис выведал подробности дела у «доверенного секретаря» (*confidential secretary*) Безбородко, не указав фамилию этого человека²⁵. Из записки Безбородко по крымским делам, поданной Екатерине II в конце 1783 г., следует, что речь, скорее всего, идет о статском советнике Аркадии Ивановиче Моркове, который «сие дело один ведал» и после отъезда которого в Гаагу в августе 1781 г. вся корреспонденция, касавшаяся «до бывшего секретным союза с императором», перешла к канцелярии советнику Николаю Кондоиди²⁶.

²³ Циркулярное письмо вице-канцлера графа И. А. Остермана российским министрам при иностранных дворах: АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. 1781. Д. 644. Л. 25–26.

²⁴ См. письмо Иосифа II Леопольду от 18 мая 1781 г.: Joseph II. und Leopold von Toscana. Ihr Briefwechsel von 1781–1790 / Hrsg. von A. Ritter von Arneth. Wien, 1872. Bd. 1. S. 32.

²⁵ См. донесение Харриса лорду Стормонту от 25 июня (6 июля) 1781 г.: Diaries and Correspondence of James Harris, first Earl of Malmesbury. L., 1844. Vol. 1. P. 430–431.

²⁶ АВПРИ. Ф. 5. Секретные мнения КИД. Оп. 5/2. Д. 586. 1780–1788. Л. 160 об.

²² См. публикацию писем Екатерины II и Иосифа II: Joseph II. und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel / Hrsg. von A. Ritter von Arneth. Wien, 1869. S. 72–90.

Секретность сохранялась в течение двух лет и была нарушена в разгар крымского кризиса. 5 июля 1783 г. российский посланник в Берлине князь В. С. Долгоруков официально сообщил министрам Фридриха II о том, что, несмотря на прерванные в 1781 г. переговоры, Екатерина II и Иосиф II заключили союз в форме обмена письмами. Долгоруков подчеркнул, что его острие направлено против Турции и не противоречит другим договорам, в том числе российско-прусскому союзному договору 1764 г. и Тешенскому трактату, которые остаются в силе. Ссылка на Тешенский мир должна была убедить прусского короля в том, что Россия не будет участвовать в европейских проектах императора в случае, если он вновь попытается воплотить их в жизнь. Фридрих II едва ли поверил этим заверениям. Для него заключение российско-австрийского союза было личным поражением и означало конец европейского баланса сил, установленного после Семилетней войны²⁷. Суждение прусского короля представляется излишне эмоциональным, однако внешнеполитические акции Екатерины II и Иосифа II стали в 1780-е годы испытанием для системы международных отношений.

10 (21) сентября 1782 г. российская императрица написала австрийскому монарху знаменитое письмо, ставшее символическим манифестом «греческого проекта». Территориальные претензии России к Турции распространялись на Крымский полуостров (хотя в письме было обтекаемо сказано, что граница России – Черное море), земли между Бугом и Днестром и на два-три острова в Греческом архипелаге. Из Молдавии, Валахии и Бессарабии формировалось православное государство Дакия, которое бы служило буфером между Российской, Австрийской и Османской империями. При благоприятных политических обстоятельствах не исключалось восстановление Византийской империи с великим князем Константином во главе. Иосифу предлагалось высказать свои пожелания.

Письмо Екатерины II не вызвало в Вене большого удивления, поскольку еще в 1772 г.

Марии-Терезии была представлена записка об изгнании турок из Европы и шесть вариантов раздела Османской империи, сохранившихся в Австрийском государственном архиве. Один из них предусматривал, среди прочего, создание из Македонии, Албании, Румелии, большей части греческих островов и приморских областей Малой Азии буферного королевства со столицей в Константинополе, что отчасти напоминает «греческий проект»²⁸. Мария-Терезия, тяжело переживавшая свое участие в разделе Польши, решительно отвергла эти идеи.

Несмотря на имевшиеся у Иосифа II опасения относительно возможной реакции великих держав на раздел Порты, его ответное письмо Екатерине II от 2 (13) ноября 1782 г. можно расценить как знак согласия на осуществление проекта, а территориальные претензии австрийского двора указаны в нем по максимуму: город Хотин с небольшим округом для прикрытия Галиции и Буковины; часть Валахии до р. Алюта (Олт); г. Никополь, от него земли по обоим берегам Дуная с городами Белград, Оршова и Видин для прикрытия Венгрии; часть Адриатического побережья от Белграда, включавшая Боснию, Черногорию, часть Сербии и Албании до Дринского залива. Помимо этого, австрийский монарх, подобно своим предкам желавший иметь удобный выход в Адриатику, высказался в пользу приобретения владений Венецианской республики – Истрии и Далмации, предложив передать ей взамен полуостров Морею (Пелопоннес) и несколько островов в Греческом архипелаге – Кандию, Кипр или какие-то другие. Екатерина II в письме от 4 (15) января 1783 г. отклонила эту идею, поскольку без греческих территорий проект воссоздания Греческой империи лишился всякого смысла²⁹.

²⁸ Об этих планах см.: Roider K. *Austria's Eastern Question. 1700–1790*. Princetown, 1982. P. 134–140; Стегний П. В. Еще раз о греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 100–118. Стегний основывается на имеющейся историографии.

²⁹ Joseph II. und Katharina von Russland... S. 143–157, 169–175, 182–188.

²⁷ Stribny W. *Op. cit.* S. 191.

Иосиф II почувствовал себя оскорбленным, но виду не подал. Правда, когда в июне 1783 г. Екатерина II предложила ему в случае войны с Портой «войти в ближайшее и точное определение как пропорциональных на обе стороны приобретений, так и запасных операционных планов»³⁰, император отказался пойти на это, пока не будут ясны виды и намерения французского, прусского и других дворов, дабы после заключения конвенции не было нужды что-то в ней менять³¹. Взамен он подготовил армию на венгерском участке границы с Османской империей, которая и без выступления в поход внесла свой весомый вклад в дело присоединения Крыма к России, что было по достоинству оценено в Петербурге. Вопрос же о «греческом проекте» в переписке монархов больше не поднимался – даже накануне совместной войны России и Австрии с Турцией в 1787–1791 гг., – хотя через своих дипломатов оба постоянно напоминали друг другу, что раздел Порты – лишь вопрос времени и благоприятной политической конъюнктуры.

Обсуждение «греческого проекта» в какой-то степени подтолкнуло Иосифа II к формулированию собственных внешнеполитических целей. Его переписка с послом в Париже графом Ф. К. Мерси-Аржанто и посланником в Петербурге Л. Кобенцлем свидетельствует о том, что проекты открытия Шельды для судов Австрийской монархии и обмена Баварии вновь возникли в повестке дня именно в начале 1783 г. во многом как реакция на политику Екатерины II в Крыму и в связи с обсуждением «греческого проекта». «Есть еще один интересный и соответствующий великим принципам свободы и торговли предмет, – писал император графу Мерси 23 сентября 1782 г., – признавая независимость иностранной державы и будучи готовым пойти навстречу отвратительным

и постыдным претензиям – испанцев на Гибралтар, французов на Дюнкерк (речь идет о войне Франции и Испании, поддержавших американские колонии, против Великобритании. – М. П.), а русские вообще пользуются этим языком [силы], почему я должен оставаться единственным, кто не может извлечь выгоду из моей Шельды?»³². 7 декабря Иосиф II высказал те же мысли, заметив, что русские добились свободного судоходства в Черном море и Дарданеллах; Австрия же, единственная из европейских держав, не имеет права его развивать, располагая полноводной рекой, устье которой закрыто по условиям устаревшего договора, подписанного более века назад³³. Одновременно в письме Кобенцлю от 3 февраля 1783 г. император в общих чертах обрисовал «баварский проект», заявил о необходимости деятельного участия в нем России и даже разрешил своему дипломату обсуждать эту тему с доверенными лицами Екатерины II³⁴.

Однако поставив перед собой вопросы, Иосиф II начал отвечать на них лишь год спустя – в конце 1783 – начале 1784 гг., а чтобы вовлечь российскую императрицу в свои планы, попытался использовать ее интерес к разделу Порты. Австрийскому посланнику в Петербурге предписывалось всячески подчеркивать связь «баварского проекта» с «греческим», убеждать Екатерину II и ее министров в том, что обмен удаленных нидерландских территорий и присоединение Баварии сделают Австрийскую монархию сильнее, ослабят Пруссию и, следовательно, позволят императору стать деятельным участником великих свершений на Восто-

³² Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau avec l'Empereur Joseph II et le prince de Kaunitz / Publiée par A. Ritter von Arneth et J. Flammermont. P., 1889. Tome premier. P., 128–129.

³³ Ibid. P. 141–142.

³⁴ Письмо Иосифа II от 3 февраля не вошло в публикацию Беера и Фидлера. Скорее всего, оно по просьбе императора было уничтожено по прочтении. Ответ на него Кобенцль дал 9 марта 1783 г. См.: Joseph II. und Graf Ludwig Cobenzl. Ihr Briefwechsel / Hrsg. von A. Beer und J. Ritter von Fiedler. Wien, 1901. Bd. 1. S. 383–384.

³⁰ Проект рескрипта Голицыну от 11 июня 1783 г.: АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 662. Л. 19–19об.

³¹ См. особенную реляцию от 27 июля (7 августа) 1783 г.: Там же. Д. 664. Л. 28–29об.

ке³⁵. Таким образом, он демонстрировал, что словосочетание «великий проект» (*grand projet*) не является для него пустым звуком или атрибутом светской беседы.

Подобную риторику австрийский двор отчасти перенял у Безбородко, который в разговоре с Кобенцлем в октябре 1783 г. заявил о невозможности реализовать «греческий проект», пока Пруссия находится в силе³⁶. Из секретной записки Безбородко Екатерине II, относящейся к середине 1784 г., видно, что Россия постепенно отходила от роли посредницы между германскими дворами и все больше склонялась на сторону Австрии: «Не распространения своей Империи ищет император Римский, но теснейшаго соединения своих владений, жертвуя сей выгоде немалым числом людей и доходов <...> новое положение его Монархии ту пользу нам обещает, что оно освобождает его от зависимости Версальскаго двора, подает ему лучшую силу и удобность оборонять свои земли от всякой диверсии и развязывает ему руки как в потребном случае быть для нас надежнейшим союзником, так и пристать к той системе, которую мы, смотря по времени и обстоятельствам и по нашим дальним видам, основать и утвердить рассудили за благо (курсив мой. – М. П.)»³⁷. В этой же записке Безбородко остановился и на проблеме соответствия «баварского проекта» условиям Тешенского мирного договора и его гарантии Россией и Францией: «Большая часть актов, содержащих узаконения Германской империи, суть такого рода, что истолкование их зависит от тамошних юрисконсультов, которые с обеих сторон пишут по пристрастиям». Тот факт, что Австрия по Тешенскому договору все-таки присоединила часть баварской территории, а Пруссия утвердила права на маркграф-

ства Ансплах и Байреит, принадлежавшие бездетным правителям франконской линии Гогенцоллернов, свидетельствовали, по мнению Безбородко, о том, что «справедливость позволяет венскому двору свершить свой промен»³⁸. По словам немецкого историка К. О. фон Аретина, именно факт перехода под контроль Пруссии франконского имперского округа во многом определил намерение Иосифа II продолжить реализацию «баварского проекта»³⁹, который по сравнению с 1778 г. претерпел ряд изменений.

На этот раз в обмен на Австрийские Нидерланды император надеялся приобрести всю Баварию и Верхний Пфальц (включая владения Карла Теодора Пфальц-Нойбург и Пфальц-Зульцбах), графство Миндельгейм, принадлежавшее баварским курфюрстам, архиепископство Зальцбург и еще одно духовное княжество Берхтесгаден. Все эти территории граничили друг с другом и с наследственными землями Габсбургов. Главным аргументом в пользу обмена для баварского курфюрста Карла Теодора должна была стать консолидация другого комплекса земель Пфальцского дома: самого курфюршества Пфальц со столицей в Мангейме, Цвайбрюккена, а также Юлиха и Берга, граничивших с Австрийскими Нидерландами. Предполагалось, что Карл Теодор сохранит за собой и своими наследниками достоинство курфюрста, получит королевский титул, что впоследствии позволило бы ему добиваться императорского достоинства.

Если на согласие Карла Теодора еще можно было рассчитывать, то получить его от герцога Карла II Августа Цвайбрюккенского, наследника баварских и пфальцских земель, было куда более сложным делом. Ситуация усугублялась тем, что и после окончания Войны за баварское наследство герцог находился в состоянии глухой ссоры как со своим дядей Карлом Теодором, так и

³⁵ Об этом Иосиф II писал в размышлениях об обмене Баварии. См.: HHStA. Staatskanzlei. Vorträge. Karton 139. Fasc. 1784 (V). Fol. 43 v. См. также его письма Кобенцлю от 17 декабря 1783 г., 7 февраля, 5 апреля 1784 г.: Joseph II. und Graf Ludwig Cobenzl... Ihr Briefwechsel. Bd. 1.

³⁶ Ibid. S. 426–427.

³⁷ АВПРИ. Секретные мнения Коллегии иностранных дел. Оп. 5/2. Д. 586. Л 7–7 об.

³⁸ Там же. Л. 8–8 об.

³⁹ Aretin K. O. Freiherr von. Russland und die Reichspolitik Kaiser Josephs II./ Katharina II., Russland und Europa: Beiträge zur internationalen Forschung / Hrsg. C. Scharf. Mainz, 2001. S. 121.

с Иосифом II; переписка между дворами не велась. Посредником в примирении могла стать Россия, у которой после Тешенского мира появился дополнительный инструмент для усиления своего влияния в Священной Римской империи: именным указом от 14 (25) сентября 1781 г. чрезвычайным посланником и полномочным министром в верхне- и нижнерейнском, швабском, франконском и вестфальском округах был назначен граф Николай Петрович Румянцев. Его миссия распространялась на Вюртемберг, Баварию, Пфальц, Цвайбрюккен, Баден, Гессен-Кассель, Гессен-Дармштадт, Кобленц, Анспих и Байрейт, а также на важнейшие духовные княжества – курфюршества Майнц, Трир и Кельн.

В Вене были все основания радоваться выбору Екатерины II. Иосиф II познакомился с Румянцевым в ходе пребывания последнего в Петербурге. К сожалению, записей об этом знакомстве император не оставил, однако 11 (22) сентября 1780 г., посылая из Вены через Людвиг Кобенцля привет своим русским знакомым, он попросил передать Николаю Петровичу, что не забыл его и желал бы, чтобы и тот поступал так же⁴⁰. В ответ молодой граф сообщил о желании повергнуть себя к стопам его величества⁴¹. Из переписки Иосифа II с Кобенцлем следует, что Румянцева, несмотря на близость к великому князю Павлу Петровичу и его супруге великой княгине Марии Федоровне, не считали при российском дворе представителем пропрусской партии⁴². По замечанию австрийского посланника, больше всего на свете Николай Петрович опасался прослыть человеком, находящимся под влиянием того или иного иностранного министра⁴³.

К месту службы Румянцев отправился в конце февраля 1782 г. Первым поручением российской императрицы, помимо аккредитации при каждом из вышеупомянутых дворов, было содействие примирению Кар-

ла Августа с дядей и императором. Маршрут дипломата пролегал через Берлин и Вену. 8 (19) марта состоялась его аудиенция у Фридриха II. По сообщению Румянцева, принят он был «посредственно»: «Разговор наш продолжителен и холоден, так что нынешний раз хуже прием мне сделан, нежели прежние два раза, когда проезжал через Берлин в качестве простого путешественника»⁴⁴. В апреле Николай Петрович приехал в Вену, где пробыл больше месяца. Ему даже удалось неформально побеседовать с Иосифом II о Карле Августе во время совместной прогулки в парке Аугартен. После этого Румянцев сообщил в Петербург, что «император почитает невозможным вспомоществовать нам в пользу Герцога Цвайбрикского, доколе оный сам ему не отзовется письменною просьбою или изустною, приехав для того в Вену, в котором случае употребить свою инфлюенцию не отрицается»⁴⁵.

Находясь в Вене, Николай Петрович получил письмо от самого Карла Августа, выражавшего радость по случаю его назначения и надежду на то, что заступничество России принесет ему желанное примирение с дядей. Примирение заключалось главным образом в увеличении ежегодного пенсионна на 120 тыс. флоринов, столь необходимым погрязшему в долгах герцогу⁴⁶. Усилия Румянцева, а также прусского и французского министров в Баварии оказались тщетными: Карл Теодор отказался помочь племяннику⁴⁷. Несмотря на это, Николай Петро-

⁴⁴ Реляция Румянцева Екатерине II от 12 (23) марта 1782 г.: АВПРИ. Ф. 92. Сношения России с Франкфуртом-на-Майне. Оп. 92/2. Д. 3. Л. 1об.-2. Речь идет о путешествии в Европу, осуществленном в 1774–1777 гг. юными Николаем и Сергеем Петровичем Румянцевыми под руководством знаменитого барона Фридриха Мельхиора Грима, корреспондента Екатерины II.

⁴⁵ Депеша Румянцева от 3 (14) апреля 1782 г.: Там же. Л. 32.

⁴⁶ Копию письма герцога Румянцеву от 14 марта 1782 г. см.: Там же. Л. 19.

⁴⁷ Ответ баварского двора Н.П. Румянцеву по делу герцога от 16 августа 1782 г.: Там же. Д. 4. Л. 14–15.

⁴⁰ Joseph II. und Graf Ludwig Cobenzl... Bd. 1. S. 58.

⁴¹ Ibid. S. 69.

⁴² Ibid. S. 164.

⁴³ Ibid. S. 139.

вич был радушно принят в Цвайбрюккене в сентябре 1782 г., а в декабре даже гостил в замке Карла Августа в Карлсберге⁴⁸. На этом их личные контакты на время прервались, а герцог так и не написал императору.

В мае 1784 г., разрабатывая детали «баварского проекта», Иосиф II высказал мысль о том, что переговоры с Карлом Августом не следует вести австрийским уполномоченным. Предложенная Кауницем кандидатура Румянцева была поначалу отвергнута императором, поскольку необходимые в этом деле визиты российского дипломата в Цвайбрюккен вызвали бы подозрения у европейских дворов, но потом по согласованию с российской стороной было решено, что именно Николай Петрович попытается убедить Карла Августа в необходимости и экономической привлекательности обмена. Инструктировать российского дипломата должен был его дядя – посол в Вене князь Дмитрий Михайлович Голицын⁴⁹. Все необходимые указания были отправлены обоим 22 мая (2 июня) 1784 г.⁵⁰

Помимо практической помощи в переговорах, Иосиф II рассчитывал на заключение секретного соглашения с Екатериной II, которое зафиксировало бы безусловное обязательство России выступить в поддержку Австрии, если прусский король, желая воспрепятствовать проведению в жизнь «баварского проекта», объявит ей войну. В мае 1784 г. российская императрица, как и австрийский монарх в июне 1783 г., отказалась подписать подобное соглашение, однако лично и через министров заверила союзника, что нападение на наследственные земли Габсбургов воспримет как *casus foederis* и будет защищать их всеми силами⁵¹. Вскоре Потемкин получил указания на случай во-

⁴⁸ См. реляции Румянцева Екатерине II от 26 августа (8 сентября) и от 24 ноября (9 декабря) 1782 г.: Там же. Л. 63–65, 121.

⁴⁹ HHStA. Staatskanzlei. Vorträge. Karton 139. Fasc. 1784 (V). Fol. 44v.–48v.

⁵⁰ Joseph II. und Graf Ludwig Cobenzl... Bd. 1. S. 477.

⁵¹ HHStA. SA. Russland II. Berichte. 1784. Fasz. April – Juli. Fol. 56–56 v.

ины с Пруссией сформировать три армии: против Порты, против Швеции и наблюдательную армию против прусского короля⁵².

В конце июня – начале июля 1784 г. согласно инструкциям Румянцев отправился с визитами в некоторые германские государства, в том числе и Цвайбрюккен, где гостил три недели, убеждая Карла Августа первым сделать шаг навстречу императору, но переговоры шли трудно. «Главное и единственное его опасение, – писал Николай Петрович Голицыну о герцоге 12 (23) августа 1784 г., – состоит в том, чтобы мои советы, вместо того чтобы быть плодом моей душевной связи с ним, не были результатом некоторых приказаний, которые я получил от своего двора, чтобы сблизить этого Князя с венским двором, и мне дали понять, что абсолютно необходимо избежать всего, что могло бы укрепить его опасение»⁵³. В тот же день Николай Петрович получил известие из Цвайбрюккена о скоропостижной смерти единственного восьмилетнего сына и наследника герцога и сразу же отправился в замок Петтергейм, где прожил с семьей Карла Августа первые горестные дни после утраты.

Тогда же в августе Румянцев показал герцогу составленный в Вене проект письма, которое ему следовало написать Иосифу II⁵⁴. В нем среди прочего говорилось, что обратиться в Вену с дружескими и верноподданныческими уверениями его убедила российская императрица. Карл Август согласился с содержанием письма и выразил готовность написать его, предварительно уведомив об этом монархов Франции и Пруссии, которые являлись гарантами его владений. Такой вариант был совершенно неприемлем для австрийского двора. Больше месяца Румянцев убеждал герцога написать императору и сохранить дело втайне. Поначалу Карл Август, по-видимому, проникся доверием

⁵² См.: Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка. 1769–1791. М., 1997. С. 190.

⁵³ АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 676. Л. 62–62об.

⁵⁴ Там же. Л. 65–65об.

к молодому дипломату, но как только понял, по чьему указанию тот действует, дружба начала ослабевать. Между тем до Цвайбрюкена стали доходить слухи о переговорах об обмене Баварии, которые велись в Мюнхене между Карлом Теодором и австрийским посланником бароном Ф. Лербахом. На расспросы герцога Николай Петрович отвечал, что ничего не знает; в октябре ему было предписано временно прекратить общение с Карлом Августом. Причиной стало обострение конфликта Иосифа II с Республикой Соединенных провинций.

Еще в апреле 1784 г. он потребовал от Генеральных штатов открытия Шельды, правда, на небольшом ее отрезке – от Антверпена (порт в Австрийских Нидерландах) до северных границ графства Зафтинген (Saftingen), передачи крепости Маастрихт с окрестностями, графства Врунховен к юго-западу от Маастрихта и каналов Мааса⁵⁵. Резолюция Генеральных штатов, переданная австрийской стороне на переговорах в Брюсселе, гласила, что «требования императора лишены оснований», особенно в отношении Маастрихта⁵⁶. Впоследствии он отказался от претензий на Маастрихт, но продолжал настаивать на свободном судоходстве по Шельде и открытии Антверпена для внешней торговли⁵⁷. Соединенные провинции отказывались выполнять его требования. Тогда 27 сентября (8 октября) 1784 г. судно под императорским флагом, вышло из Антверпена в направлении устья Шельды, после чего подверглось преследованию со стороны принадлежавшего Республике военного корабля и было обстреляно. Судно почти сразу отпустили

⁵⁵ См. *Tableau sommaire des droits et pretentions de Sa Majesté l'Empereur et Roi à la charge de Leurs Hautes Puissances les Seigneurs Etats Généraux des Provinces-Unies* (Сводный список прав и претензии Его Величества Императора в отношении Их Высочочий Господ Генеральных штатов Соединенных Провинций): АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 270. Л. 49–50об.

⁵⁶ Дешеша российского посланника С. А. Колычева от 10 (21) мая 1784 г.: Там же. Л. 58.

⁵⁷ Текст мемуара см.: *Correspondance secrète du comte Mercy-Argenteau avec l'Empereur Joseph II...* P. 291–294.

с условием возвращения в Антверпен⁵⁸. Спустя несколько дней другое судно, попытавшееся войти в Шельду со стороны Северного моря, было задержано⁵⁹. Эти действия в Вене расценили как объявление войны. К ноябрю Иосиф II стянул войска к границе с Республикой, в ответ голландцы открыли шлюзы, спровоцировав наводнение в Австрийских Нидерландах.

Император очень рассчитывал на помощь союзников – Людовика XVI и Екатерины II, но французский король отказался поддерживать его претензии, предложив посредничество в урегулировании конфликта. Императрица выразила готовность оказать необходимое содействие, но ни она, ни ее министры сразу не поняли, для чего Иосиф II с таким усердием добивался коммерческих преимуществ для Австрийских Нидерландов, если собирался обменять их на Баварию. Посол Кобенцль мотивировал позицию своего двора тем, что, если другие державы вмешаются в конфликт с Соединенными провинциями, Шельда будет открыта для австрийских судов уже в ближайшее время, а это послужит, скорее, средством продвижения проекта обмена, чем препятствием на его пути, поскольку увеличит привлекательность Австрийских Нидерландов в глазах курфюрста Карла Теодора⁶⁰.

10 (21) ноября 1784 г. российскому посланнику в Гааге Степану Алексеевичу Колычеву были направлены необходимые инструкции по этому делу. Ему предписывалось предложить Республике посредничество российского двора и не оставлять попыток склонить ее к выполнению требований императора⁶¹. Эти попытки успехом не увенчались: великий пенсионарий Питер ван Блейсвик решительно заявил российско-

⁵⁸ Дешеша от 29 сентября (10 октября) 1784 г.: АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 273. Л. 24–25.

⁵⁹ Дешеша от 8 (19) октября 1784 г.: Там же. Л. 34–34об.

⁶⁰ *Joseph II. und Graf Ludwig Cobenzl...* Bd. 1. S. 482, 490–491.

⁶¹ АВПРИ. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 268. Л. 9–10.

му дипломату, что Соединенные провинции будут бороться против открытия Шельды «до последней капли нашей батавской крови»⁶². Военственные настроения, по мнению Колычева, подогревались Парижем и Берлином, решившими объединить свои усилия в поддержку Республики. После нескольких месяцев раздумий и колебаний французский двор отдал приказ разместить наблюдательные армии у границы с Фландрией и в Эльзасе⁶³. 16 (27) ноября 1784 г. французский посол в Вене маркиз Ноайль вручил Кауницу декларацию своего двора с настойчивым предложением о посредничестве и с обвинениями в адрес австрийского двора в нарушении международных договоров⁶⁴.

Параллельно французский и прусский дворы, получившие информацию о переговорах императора с баварским курфюрстом, настойчиво предлагали герцогу Цвайбрюккенскому различные варианты выхода из финансового кризиса. Это побудило австрийский двор приступить наконец к переговорам с Карлом Августом. 8 (19) декабря Румянцеву во Франкфурт были отправлены подготовленные Кауницем документы об обмене. К этому времени император отказался от идеи приобретения Зальцбурга и Берхтесгадена. Провинции Австрийских Нидерландов Люксембург и Намюр должны были остаться за Габсбургами (в качестве компенсации за разницу в доходах между Баварией и экономически развитыми Австрийскими Нидерландами) или могли быть предложены Франции с целью добиться ее согласия на обмен⁶⁵. Тогда же Иосиф II написал письмо Людовику XVI в надежде, что это поможет облегчить и ускорить обмен Баварии. Он намеренно придал письму мягкий характер, чтобы не высказывать обид⁶⁶.

⁶² Реляция Колычева от 18 (29) декабря 1784 г.: Там же. Д. 267. Л. 20 об.

⁶³ Делеша Колычева от 19 (30) ноября 1784 г.: Там же. Д. 274. Л. 21.

⁶⁴ Correspondance secrète du comte Mercy-Argenteau avec l'Empereur Joseph II... P. 345–346.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 677. Л. 152–157 об.

⁶⁶ Joseph II. und Graf Ludwig Cobenzl... Bd. 1. S. 497–498.

Французский король формально не высказался против обмена, но необходимым условием его осуществления поставил согласие Пруссии⁶⁷.

Герцог Цвайбрюккенский был осведомлен о содержании привезенных из Вены бумаг еще до беседы с Румянцевым и настроен против «баварского проекта». Доводы Карла Августа казались вполне убедительными. Он выступал против обмена территорий, где прошла значительная часть его жизни – Нойбурга и Зульцбаха, – как не являвшихся частью баварского наследства и принадлежавших Пфальцскому дому. Фламандцев герцог назвал «беспокойным» (remuant) народом, а Австрийские Нидерланды – театром многочисленных военных действий в прошлом и будущем. Франция и Пруссия, по словам Карла Августа, никогда не согласятся на данный обмен, как не сделали этого в 1778 г. Румянцев привел аргументы австрийского двора, самым существенным из которых было увеличение ежегодного дохода герцога на 1 млн гульденов, и тот засомневался.

Однако Николай Петрович повел разговор с Карлом Августом по меньшей мере недипломатично: отказался предоставить текст проекта, только прочитал его вслух, разрешив герцогу по ходу делать записи, убеждал его с излишним напором и даже, по версии Карла Августа, позволил себе сказать, что, если тот не примет предложение императора, обмен состоится и без его согласия⁶⁸. Румянцев же сообщил Голицыну, что, требуя от герцога решительного ответа, заметил лишь, что промедление может стать поводом к войне с Соединенными провинциями⁶⁹. Как бы то ни было, поведе-

⁶⁷ Подробнее о позиции Франции см.: Митрофанов П. П. Политическая деятельность Иосифа, ее сторонники и ее враги (1780–1790). СПб., 1907. С. 151–157.

⁶⁸ Aretin K.O. Freiherr von. Heiliges Römisches Reich 1776–1806: Reichsverfassung und Staatssouveränität. Wiesbaden, 1967. Bd. 1. S. 160; Idem. Russland und die Reichspolitik Kaiser Josephs II. S. 128; Bernard P.P. Joseph II and Bavaria: Two Eighteenth-Century Attempts at German Unification. The Hague, 1965. P. 202.

⁶⁹ Письмо Румянцева Голицыну от 19 (30) декабря 1784 г.: АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 678. Л. 188 об. –189.

ние российского дипломата, не сумевшего найти подход к обладавшему переменчивым нравом и тщеславному Карлу Августу, стало одной из важнейших причин его отказа от участия в проекте, выраженного в крайне резкой форме⁷⁰. В Вене это восприняли как полный провал, несмотря на положительный ответ, уже полученный от баварского курфюрста.

На этом дело могло и закончиться, но Фридрих II вновь, как и в 1778 г., обвинил Иосифа II в попытке ниспровержения законов Священной Римской империи, а Россию – гаранта этих самых законов – в потворстве честолюбивым планам императора. Началом информационной войны, продолжавшейся в течение нескольких лет, стало создание 12 (23) июля 1785 г. Союза князей. Его учредителями выступили Пруссия, Саксония и Ганновер (в лице британского короля и ганноверского курфюрста Георга III). В течение последующих месяцев к Антигабсбургской лиге присоединились курфюрст Майнца, ландграф Гессен-Кассельский, маркграф Баденский и герцоги Брауншвейгский, Саксен-Готский и Саксен-Веймарский. Создать противовес Союзу князей Австрии и России не удалось. Авторитет Екатерины II, возросший после Тешенского мира, был безвозвратно потерян. Переговоры императора с Соединенными провинциями также не увенчались успехом: согласно договору в Фонтенбло от 8 ноября 1785 г., судоходство по Шельде осталось закрытым, Республика удержала Маастрихт⁷¹, а спустя несколько месяцев заключила союз с Францией.

После провала своих внешнеполитических проектов Иосиф II обвинял Францию в откровенной враждебности, а Россию – в медлительности и даже бездействии. Однако в отношении Екатерины II австрийский монарх был не совсем справедлив. В отличие от Людовика XVI, российская императри-

ца выполнила взятые на себя обязательства, хотя ее дипломатическая поддержка успеха не имела. Разочаровавшись в союзниках, Иосиф II предпринял ряд попыток переориентировать свою внешнюю политику. В январе 1785 г. он предложил Екатерине II заключить союз с Фридрихом II, но не нашел понимания. После смерти прусского короля в августе 1786 г. император составил новый план примирения уже с его наследником Фридрихом Вильгельмом II. На этот раз он не посвятил в свой план ни Екатерину II, ни даже канцлера Кауница, однако приступить к нему так и не решился. Императрица со своей стороны на протяжении ряда лет (в том числе и в середине 1785 г.) предлагала императору сближение с Великобританией, но Кауниц неустанно напоминал ему о «предательском» заключении в Вестминстере в январе 1756 г. союза между Берлином и Лондоном, ставшего первым актом «дипломатической революции» и прологом Семилетней войны. Канцлер советовал поддерживать прежние отношения с версальским двором и постепенно вовлекать Россию в сотрудничество с Францией. Однако, несмотря на потепление в отношениях Петербурга и Версаля в середине 1780-х годов, полноценный военный союз между ними не сложился.

В войну с Османской империей в 1787 г. Россия и Австрия вступили, не имея иных союзников, кроме друг друга, а вскоре оказались окружены целой коалицией враждебно настроенных европейских держав – Швеции, Пруссии, Великобритании, Соединенных провинций, Польши. После смерти Иосифа II в феврале 1790 г. единственной возможностью для Австрийского дома избежать потери императорской короны стало историческое примирение с Пруссией. От территорий, завоеванных в 1788–1789 гг. на Балканах, пришлось отказаться. Екатерина II закрепила за собой Крым, присоединив междуречье Буга и Днестра и крепость Очаков в днепровском лимане. Такими скромными оказались результаты глобальных внешнеполитических проектов российской императрицы и австрийского монарха.

⁷⁰ Копия письма герцога Цвайбрюккенского Румянцеву от 3 января 1785 г.: Там же. Д. 678. Л. 205 об. – 207 об.

⁷¹ Реяция Голицына от 18 (29) сентября 1785 г.: АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 686. Л. 48 об. – 49 об.

Е. В. Сироткина

«ПРЕДАТЬ ЗАБВЕНИЮ ВСЕ ПРОШЛОЕ...»: К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКО-АВСТРИЙСКОГО СОЮЗА В НАЧАЛЕ XIX В.

Французская революция 1789–1799 гг. и наполеоновские войны изменили не только все дальнейшее социально-политическое развитие западных обществ, но и стали точкой отсчета новой эпохи в международных отношениях. Под угрозой гегемонии со стороны новой Франции оказывается вся Европа. Так как Австрия находилась под угрозой прямого вторжения Франции на свою территорию, территорию Италии и Германии, где Австрия имела преобладающее влияние, она была наиболее последовательным противником Франции и принимала активное участие почти во всех коалициях против Франции. Географическое положение Российской империи, напротив, позволяло ей длительное время играть роль «континентальной Англии», т. е. принимать лишь формальное участие в коалициях. Переход к активной антифранцузской политике и начало переговоров о военном союзе с Австрией со стороны России было связано с восшествием на престол молодого царя Александра I. Униженные поведением Австрии в годы Крымской войны, российские историки в XIX, да и в XX в. традиционно трактовали позицию Австрии по отношению к России как пронизанную завистью, лживостью и ненавистью¹. Однако, отрешившись от «обид» XIX столетия, следует признать, что в австрийско-российских отношениях достаточно длительное время доминировали взаимная корректность и дух сотрудничества.

Перед правительством Александра I, занявшего престол в марте 1801 г., стояла сложная проблема стабилизировать поли-

¹ Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза: в 5 т. Рига, 1886–1892; Соловьев С. М. Император Александр I. Политика, дипломатия. М., 2003; Таубе М. А. Восточный вопрос и австро-русская политика в первой половине XIX века. Петроград, 1916; История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1999.

тическую ситуацию, разбалансированную демаршами императора Павла I по разрыву традиционных союзных отношений с Австрией и с Англией и его союзом с Францией.

В первые годы правления Александра I право и законность ассоциировались со «справедливым равновесием сил», принципом, унаследованным от системы международных отношений XVIII в. Сама противозаконность Французской революции и режима Наполеона I состояла в том, что существовавший в Европе порядок был сломлен за счет военного превосходства французов. Отсюда следовала главная цель российской политики, сформулированная в записке управляющего Коллегией иностранных дел Н. П. Панина «О политической системе Российской империи». Основную цель российской внешней политики Панин видел «в поддержании мира и равновесия между государствами Европы, ограничении честолюбивых притязаний Франции, а также удержании Австрии и Пруссии в состоянии «взаимной ревности», укреплении стабильных торговых отношений с Англией и добрососедских отношений со Скандинавскими странами и Турцией»². Перед Россией стояла задача научиться маневрировать в условиях противоречий на Европейском континенте и отстаивать свою политическую концепцию дипломатическими средствами.

Внутри правящих кругов России по-разному смотрели на пути достижения поставленных задач. Император и члены «Негласного комитета» видели спасение в отказе от союзных договоров и коалиций, участие в которых могло бы втянуть стра-

² Записка присутствующего в Коллегии иностранных дел Н. П. Панина о политической системе Российской империи. Не ранее второй половины марта, не позднее 16 (28) июля 1801 г. / Внешняя политика России XIX и начала XX вв.: документы Российского министерства иностранных дел. Серия I: 1801–1815 гг. Т. I: Март 1801 г. – апрель 1804 г. М., 1960. С. 69. (Далее – ВПР).

ну в вооруженный конфликт. На заседании «Негласного комитета» 10 (22) июля 1801 г. В. П. Кочубей высказал мнение, что «нужно занять такую позицию, чтобы стать желанным для всех, не принимая никаких обязательств по отношению к кому бы ни было, как это сделала покойная императрица, заключив одновременно два договора, один – с венским двором, а другой – с берлинским»³. Поскольку интересы этих двух кабинетов были противоположны, эти договоры взаимно уничтожали друг друга, и получилось так, как если бы их и вовсе не было»⁴.

Иная точка зрения высказывалась Паниным. В целом, соглашаясь с Александром I и членами «Негласного комитета», что главная цель внешней политики России заключается в поддержании мира, он возражал против достижения ее за счет отказа от участия в европейских делах. «Достаточно, – писал он, – предупреждать события, могущие нанести ущерб безопасности. Это соображение об общей пользе в сочетании с частными интересами России обязывает ее удерживать соседние государства в их нынешнем состоянии»⁵. Панин высказывался за систему союзных договоров, обеспечивающих России подобающую ей роль в Европе и позволяющих предотвратить попытки сломать равновесие. При этом к «естественным союзникам» Российской империи Панин относил Англию, Австрию и Пруссию, отдавая первенство Австрии⁶. В своей «Записке» Панин подчеркивал, что Австрия постоянно заинтересо-

вана в тесном союзе с Российской империей, чтобы сдерживать Пруссию и Османскую империю, своих «естественных противников». Еще больший вес этим соображениям добавлял рост силы и могущества французского правительства, его активное влияние в Германии, в кантонах Гельветии и в Италии. «Россия, – подчеркивал Панин, – в отношении Оттоманской империи и Пруссии имеет те же интересы. Союз с царствующим домом Австрии может ей быть весьма полезным в ее войнах как с одной, так и с другой. Он внушает уважение Константинополю и не менее спасительную ревность Пруссии и, наконец, служит противовесом беспокояющему могуществу Франции»⁷.

Первые шаги, направленные на восстановление дружественных отношений с Австрией, были предприняты Россией сразу же после воцарения Александра I. 13 (25) марта 1801 г. первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел П. А. Пален отправляет сообщение Министерству иностранных дел Австрии следующего содержания: «... император Александр I, взойдя на престол, на который он призван как в силу права рождения, так и по общему желанию народов, поспешил уведомить об этом его императорское и королевское величество, Вашего августейшего повелителя, желая дать ему недвусмысленное заверение в своем живейшем стремлении способствовать устранению недоразумений, которые, к сожалению, прервали дружеские и добрососедские отношения, необходимые для процветания обоих государств...»⁸. А 19 (31) марта 1801 г. последовало письмо самого Александра I австрийскому императору Францу II, в котором он извещал его о своем желании предать забвению Анконский инцидент⁹.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 639.

⁹ После победы соединенной русско-австро-итало-турецкой армии над французским гарнизоном в Анконе в 1799 г. по приказу одного из австрийских генералов был сорван вооруженный русскими войсками над крепостью флаг. Это послужило одним из поводов к разрыву между Австрией и Россией. В письме Павлу I от 26

³ Имеются в виду русско-австрийский и русско-пруссский договоры 1792 г. Опубликованы: Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. По поручению министерства иностранных дел сост. Ф. Мартенс, проф. Имп. С.-Петербург. ун-та: в 12 т. СПб., 1874–1878. Т. II. С. 198–213, Т. IV. С. 148–158.

⁴ Протокол заседания Негласного комитета. 10 (22) июля 1801 г. / ВПР. С. 61.

⁵ Записка присутствующего в Коллегии иностранных дел Н. П. Панина о политической системе Российской империи. Не ранее второй половины марта, не позднее 16 (28) июля 1801 г. / Там же.

⁶ Там же. С. 70.

В начале апреля 1801 г. было принято решение послать в Вену члена Коллегии иностранных дел И. М. Муравьева-Апостола с поручением вручить Францу II официальное уведомление о кончине Павла I и восшествии на престол Александра I и заверить Франца II в стремлении Александра I к восстановлению дружеских отношений с Австрией, а также установить, насколько Франц II и его кабинет расположены к этому¹⁰. В рескрипте от 10 (22) апреля 1801 г., служившем инструкцией Муравьеву-Апостолу, говорилось: «Ваша нынешняя миссия имеет целью сделать только первый шаг к сближению между обоими императорскими дворами и является, так сказать, приглашением к переговорам, которые будут доверены заботам посла, имеющего быть назначенным при венском дворе...»¹¹.

Движение навстречу российским инициативам со стороны Австрии последовало незамедлительно. 10 (22) и 11 (23) апреля 1801 г. в Санкт-Петербурге были получены письма Франца II от 5 (17) и 6 (18) апреля 1801 г., в которых он сообщал не только о своем желании возродить дружественные связи с Россией, но также о своей готовности совместно действовать в целях восстановления мира и спокойствия в Европе. Александр I ответил Францу II двумя письмами от 20 апреля (5 мая) и 21 апреля (6 мая) 1801 г., в которых подтвердил свое желание воскресить дружественные отношения с Австрией и соглашался действовать совместно с ней в интересах восстановления мира в Европе. Таким образом, стремление к возобновлению дружественных связей и союзнических отношений было явственно высказано с двух сторон.

февраля 1801 г. принц Вюртенбергский сообщал, что Военный совет Австрии признал виновным в оскорблении русского флага коменданта Анконы генерала Кнезевица и приговорил его к двум годам заключения в крепости. В письме выражалась надежда, что удовлетворение, данное России по этому делу, будет способствовать восстановлению дружеских отношений между Россией и Австрией.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 11467. Л. 1–4.

¹¹ Там же. С. 639.

Договоренность была достигнута и 10 мая 1801 г. А. К. Разумовский, прежде занимавший пост посла в Австрии, вновь был назначен в Вену в качестве чрезвычайного и полномочного посла. В рескрипте Александра I послу от 10 сентября 1801 г., в частности, отмечалось: «...полное прекращение всех политических отношений между двумя империями длилось в течение почти десяти месяцев... Убеденный в том, что только союз великих держав мог бы восстановить мир и общественный порядок, нарушители которых радовались такому губельному разрыву, я счел своей первейшей заботой расстроить их надежды, выразив венскому двору искреннее желание предать забвению все прошлое и вновь завязать прежние отношения, взаимовыгодность которых была доказана опытом долгих лет. Подобное же стремление, обусловленное такими же мотивами, побудило римского императора пойти навстречу моим желаниям... Он выразил мне в собственноручном письме свое горячее желание восстановить в полном объеме тесные отношения, существовавшие между нашими дворами, обещая мне свое полное доверие»¹². 19 сентября 1801 г. Разумовский прибыл в Вену и по получении аккредитации приступил к исполнению своих обязанностей¹³.

Определяющее влияние на эволюцию австрийско-российских отношений оказывало общее желание противостоять усиливающейся агрессии со стороны Наполеона. Франция стремилась, прежде всего, к отторжению от Австрии принадлежащих ей территорий в Италии и Германии как в свою пользу, так и в пользу союзников, например Баварии. В перспективе Наполеон намеревался окончательно разрушить здание Священной Римской империи и, тем самым, подорвать позиции Австрии в Германии, нанести удар католической церкви, являвшейся опорой Габсбургов в стране. Проводя подобную линию, Наполеон делал ставку на Пруссию и сепаратистски настроенных курфюрстов.

¹² ВПР. С. 78–92.

¹³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 11473. Л. 2.

Со своей стороны Австрия отстаивала целостность наследственных габсбургских владений и сохранение позиций католической церкви в Германии. В перспективе Вена также вынашивала агрессивные замыслы в отношении Северной Италии и Баварии. Император Франц II видел свою главную задачу в противодействии Франции, хотя для серьезной борьбы с Наполеоном Австрия не имела достаточно сил.

Вместе с тем нежелание Александра I поддерживать Австрию и Пруссию в их гегемонистских устремлениях в Германии вызвало недовольство, и в Вене, и в Берлине. В этих столицах все больше то со страхом, то с надеждой начинали смотреть в сторону Франции. Продолжение прежней линии сохранения любой ценой «свободных рук» становилось чреватым международной изоляцией.

Желая привлечь на свою сторону русского царя в германских делах, Австрия была не готова поддержать воинственные настроения молодого императора Александра I. После двух бонапартовских погромов Австрия нуждалась в отдыхе и желала, чтобы этот отдых был как можно продолжительнее, а потому в австрийских правящих кругах появляются как активные сторонники, так и не менее ярые противники вступления в военный союз с Россией. Противники сближения опасались, что вхождение в военную коалицию ускорит столкновение с наполеоновской Францией, к которому Австрия совершенно очевидно была не готова. Вскоре после того как Франц II отправил Александру I письмо с выражением сильнейшего желания восстановить между Россией и Австрией старый союз, последовало новое письмо из Вены. Австрийский министр иностранных дел граф Франц Коллоредо в письме князю А. Б. Куракину от 27 мая 1801 г. постарался уточнить позицию Австрии, чтобы письмо императора Франца II не показалось в Петербурге предложением военной коалиции: «Император-король, спеша открыть свои самые сокровенные мысли последователю Екатерины II, начи-

нает признанием полного различия в мерах, требуемого совершенным различием между политическими обстоятельствами, в каких оставила Европу эта великая государыня, и теми, какие существуют теперь. Не к составлению враждебной коалиции против Французской республики клонятся желания Австрии. Она чувствует необходимость мира: это первая потребность Европы и особенно первая потребность австрийских владений, ослабленных, истощенных относительно людей и финансовых средств. К поддержанию мира, его возможности, его твердости устремлены все заботы и желания Австрии. Главное средство удержать французское правительство в границах – это восстановление согласия между важнейшими государствами»¹⁴.

Петербург, со своей стороны заинтересованный в военном союзе с Австрией, внимательно следил за противостоянием сторонников и противников австрийско-русской военной коалиции. В инструкции русским послам при иностранных дворах Александр I писал так об австро-русских отношениях: «Австрия, расположенная между Францией, внушающей ей страх и ненависть, Пруссией, которой она не доверяет, и остальной частью Германии, которую она оттолкнула от себя своими захватническими планами, полностью сознает необходимость сблизиться с Россией, держаться ее, сделать ее посредницей в деле мира или своей защитницей от опустошительного потока революции. Этот принцип признан всеми: двор, министерство (не исключая самого господина Тугута¹⁵) и все общество имеют единое мнение по этому вопросу. Но этот принцип, превосходный в теории, может оказаться никчемным на практике и, следовательно, бесполезным для общего блага, если его будут неправильно применять, чего

¹⁴ Цит. по: Соловьев С. М. Император Александр I. Политика, дипломатия. М., 2003. С. 47–48.

¹⁵ Тутут Иоганн Амадеус Франц де Паула (1736–1818 гг.), барон – австрийский дипломат и государственный деятель, в 1793–1800 гг. (с небольшим перерывом) руководил ведомством иностранных дел.

следует опасаться, поскольку добрая воля государя и его наиболее преданных правому делу подданных, будут встречать помехи в виде интриг двора, происков министерства, ненависти и страстей влиятельных особ этой монархии, к которым относятся императрица, Тугут и эрцгерцог Карл. Между ними распределяются партии, которые разъединяют государство. Бывший министр (Тугут, которому приписывали все действия, поведшие к разрыву австро-русской коалиции при императоре Павле), хотя и находится в отставке, воздействует на Коллоredo и через него влияет на ход обсуждения в кабинете всех вопросов»¹⁶.

В своем донесении от 3 (15) сентября 1804 г. из Вены Разумовский обращал внимание руководства внешнеполитического ведомства России на ту «характерную для венского кабинета боязливую осмотрительность, влияние которой все более ощущается, по мере того как он усматривает основания для тревоги и беспокойства в происходящих событиях. Будучи зажат между внушающей ему страх могущественной Францией и могущественной Россией, великодушные намерения которой дают ему возможность питать утешительные надежды на будущее, этот кабинет страшится ярости первой, в то время как он стремится приобрести благорасположение второй. Отсюда и переходы от откровенности и доверия, желания и готовности объединиться с союзником, в котором он нуждается и поддержки которого желает, к недомолвкам и мелким ухищрениям, которые отдалают срок принятия им обязательств и, как ему кажется, отодвигают время начала действий, которых он слабодушно боится»¹⁷.

¹⁶ Александр I посланнику А. И. Крюденеру. 5 (17) июля 1801 г. / ВПР. С. 50. Аналогичные инструкции были направлены Александром I во Франции А. И. Моркову 27 июня (9 июля) 1801 г. (опубл. Сб. РИО. Т. 70. С. 201–222) и послу в Лондоне С. Р. Воронцову 5 (17) июля 1801 г. (опубл. Арх. Воронцова. Кн. X. С. 264–276. Кн. XXVIII. С. 435–449).

¹⁷ Посол в Вене А. К. Разумовский товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому. 3 (15) сентября 1804 г. / ВПР. Т. II: Апрель 1804 г. – декабрь 1805 г. М., 1961. С. 130.

Страх перед возможностью нового столкновения с военным гением Наполеона заставлял занимать крайне настороженную позицию даже самых горячих приверженцев союза с Россией. Одним из таких сторонников австро-русского союза оставался граф Л. Кобенцль, занимавший пост министра иностранных дел в 1801–1805 гг. В донесении министру иностранных дел А. Р. Воронцову о ходе переговоров по созданию австрийско-русской военной коалиции с графом Кобенцлем И. О. Анштетт¹⁸ обращает внимание на шаткость его позиции. Свое свидание с министром иностранных дел Австрии он описывает как «любезную и ласковую встречу», которая была лишь «одной из тех бесполезных бесед, их которых выносят много слов и мало результатов». Анштетта насторожили общие фразы и нежелание Кобенцля останавливаться на обсуждении отдельных конкретных пунктов. Он так передавал содержание своей беседы с Кобенцлем: «Разрешите мне, господин граф, – продолжал я, – определить принцип, из которого нужно будет исходить. Убеждены ли Вы в необходимости союза и согласованных действий с российским двором и намерены ли Вы эффективно этому содействовать?» – «Я убежден, – ответил мне господин вице-канцлер, – что союз двух императорских дворов, и только этот союз, может спасти Европу, может спасти нас в частности, и что нам необходимо объясниться, договориться и наметить все средства, которые смогут привести к этим благотворным результатам». – «Какова же Ваша система относительно этих средств?» – «В этом отношении мы полагаемся на мнение Вашего двора, мы показали себя такими, какие мы есть, а он должен делать нам предложения, разъяснять нам, какой линии он хочет, чтобы мы придерживались совместно с ним, так как мы одни ничего не можем сделать»¹⁹. В свою очередь, Кобенцль так объяснял свою

¹⁸ Анштетт Иван Осипович (1774–1835 гг.) – русский дипломат, с 1801 г. советник посольства в Вене, в июне – декабре 1803 г. поверенный в делах там же.

¹⁹ Поверенный в делах в Вене И. О. Анштетт – министру иностранных дел А. Р. Воронцову. 4 (16) ноября 1803 г. / ВПР. Т. I. С. 548–549.

позицию: «А я каждый день повторяю моему государю, что без самого тесного союза с Россией, без согласованной с нею линии поведения я не имел бы своей политики и мог бы действовать лишь наощупь... не рекруты нас затрудняют, поскольку мы все равно можем действовать только в союзе с другими, а деньги, и Вы знаете, так же хорошо, как и я, что в этом отношении мы находимся в плачевном состоянии»²⁰. В конце беседы Кобенцль заверил Анштетта, что «Россия никогда не будет иметь более близкого, более преданного, более приверженного к ней союзника, чем мы»²¹. Представителю Австрии в Петербурге и своему будущему преемнику графу Ф. Штадиону Кобенцль давал следующие инструкции: «Старайтесь поставить нас в самые лучшие отношения к России, но чтобы при этом мы не обязаны были вести войны»²².

Лидером партии противников военного союза с Россией на протяжении длительного времени оставался брат императора Австрии, эрцгерцог Карл. «Войска собраны, – писал он, – но находятся далеко не в удовлетворительном состоянии, многого недостает, все еще молодо в зародыше. Новая выставка военных австрийских сил без соглашения с Наполеоном есть объявление войны. Наполеона обмануть нельзя»²³. Поддержку эрцгерцогу оказывали военные круги Австрии, опасавшиеся прямого столкновения с Наполеоном. Анштетт сообщал в Петербург, что активным противником составления австро-русской военной коалиции выступал австрийский военный деятель Фасбендер, человек, имеющий сильное влияние на военное министерство. При этом Фасбендер ссылаясь на дислокацию австрийской армии и недостаток денежных средств. Основной тезис Фасбендера заключался в том, «что наша удаленность от пунктов соприкосновения с Францией делает при настоящем положении в Европе наш союз опасным для Австрии, ввиду того что, как только мы отступим, она останется одна

против Франции и Пруссии, которую с некоторого времени здесь якобы стали очень бояться»²⁴. Заметим при этом, что противники военной коалиции отнюдь не являлись врагами России, которую привычно рассматривали как давнюю союзницу. Просто союз с Россией, выгодный в делах Центральной Европы и в «Восточном вопросе», казался крайне опасным и мог неизбежно вовлечь Австрию в войну с Францией, к которой Австрия, очевидно, была не готова. Таким образом, противники военного союза с Россией выступали не столько против России, сколько за сохранение нейтралитета и против очередной разорительной войны, в которой к тому же у Австрии не было шансов одержать победу.

Тем не менее, несмотря на колебания Австрии, изменение позиции России, где молодой царь Александр I и аристократическая элита не скрывали ненависти к Наполеону, вдохнуло надежду на успех в сердца австрийских сторонников реванша. Ряд событий 1804–1805 гг. – захват и казнь французами герцога Энгиенского (представителя династии Бурбонов, жившего в Бадене), провозглашение Наполеона итальянским королем, русско-британское соглашение о субсидиях и др. – способствовали сближению Вены и Петербурга и формированию Третьей антинаполеоновской коалиции. Однако противоречия между союзниками, сказывавшиеся на ходе переговоров, не были преодолены, их просто постарались не принимать во внимание. В результате непрочность этого политического основания и предопределила поражение коалиции еще до военных ударов, которые были нанесены ей Наполеоном в 1805 г.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 550.

²² Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 64.

²³ Там же. С. 167.

²⁴ Поверенный в делах в Вене И. О. Анштетт – министру иностранных дел А. Р. Воронцову. 3 (15) февраля 1804 г. / ВПР.Т. I. С. 613.

И. РОШОНЦИ

ВЕНГЕРСКАЯ КАМПАНИЯ РОССИЙСКИХ ВОЙСК В 1849 ГОДУ

Во второй половине прошлого столетия тематикой исторических исследований в связи с революцией 15 марта и национально-освободительной войны венгерского народа против монархии Габсбургов в 1848 и 1849 гг. являлись, прежде всего, общественные, экономические, политические, революционные и этнические движения. Военно-исторические исследования, особенно в связи с интервенцией, армии Российской империи отеснены были на задний план отчасти по идеологическим причинам и отчасти по причинам недоступности наиболее важных источников. Только в 80-х гг. XIX в. появились первые важные издания по этой теме¹.

Венгерская кампания 1849 года – короткий эпизод в военной истории России. Военные действия русских войск в пределах Венгрии и Трансильвании продолжались всего лишь 8 недель. Потери войск были небольшие. В течение похода, по официальным данным, в разных сражениях и стычках до 1 000 русских солдат были убиты или позже умерли от ран. Несравненно более сильное опустошение произвели в рядах русской действующей армии эпидемии, прежде всего холера и другие болезни. В течение кам-

пании от холеры и разных болезней умерло около 11 000 человек².

Потери, действительно, были небольшие, ведь армия царя Николая I, вступившая в Венгрию, была огромная: она насчитывала около 192 000 солдат с 584 орудиями, а в Галиции и в придунайских княжествах, т. е. в Молдавии и Валахии, находились в боеспособности ещё несколько десятков тысяч солдат.

Каковы были силовые отношения на театре войны в июне 1849 года, когда русские войска перешли границу Венгрии? Венгерская армия по наиболее вероятным подсчётам насчитывала около 150 000 солдат. Общий состав австрийской армии в пределах Венгрии насчитывал 165 000 человек. Это значит: императорская австрийская и русская царская армия, т. е. союзные армии, вместе насчитывали 358 000 человек (с 1354 орудиями) и им противостояли 150 000 венгерских солдат (с 857 орудиями). Это перевес, при котором у венгерских войск не оставалось никаких шансов на окончательный военный успех³.

До русской военной интервенции в Венгрии складывалось некое равновесие австрийских и венгерских военных сил. Венгерская армия в течение так называемого победоносного весеннего похода, кроме некоторых крепостей и некоторых областей,

¹ В семитомной биографии И. Ф. Паскевича, принадлежащей перу А. П. Щербатова (Генераль-фельдмаршалъ Князь Паскевичъ, его жизнь и деятельность. СПб., 1888–1904, в дальнейшем: Щербатов) имеется том о венгерской кампании. В приложении опубликованы письма Николая I Паскевичу, главнокомандующему армией, вступившей в Венгрию: A. P. Scserbatov Paszkevics Magyarországon. Ford. Gelencsér Zsigmond. Budapest, 1984. (В дальнейшем: Scserbatov.) Другим изданием был сборник воспоминаний и дневников русских офицеров, принявших участие в этой кампании: A magyarországi hadjárat 1849. Orosz szemtanúk a magyar szabadságharcról. Válogatta és a bevezető tanulmányt írta Rosonczy Ildikó. Ford. Gelencsér Zsigmond és Rosonczy Ildikó. Szerk. Katona Tamás. Budapest, 1988.

² Меньков П. К. Описание военных действий российских войскъ противъ венгерскихъ мятежниковъ въ 1849 году. СПб., 1851. С. 413–414; Ореус И. И. Описание Венгерской войны 1849 года съ приложением 14 картъ и плановъ. СПб., 1880. (в дальнейшем: Ореус) С. 538–539. У Менькова число погибших и умерших от ран 856, у Ореуса 986 человек. Полные потери погибшими и умершими в разных болезнях у Менькова – 11 846 человек (здесь находящееся число: 13 554 – это результат ошибочного суммирования!), у Ореуса – 11 871 человек.

³ Hermann R. 1848–1849. A szabadságharc hadtörténete. Budapest, 2001. S. 318.

освободила почти всю территорию страны и 21-го мая в результате трёхнедельной осады взяла и столицу. Но венгерским войскам не удалось нанести решительного удара императорским силам. Главную австрийскую армию они лишь вытеснили на западную границу Венгрии.

Параллельно с венгерскими военными успехами в столице Австрийской империи Вене становилось все более очевидным, что австрийская армия не в состоянии подавить венгерский – говоря их словами – мятеж, и все больше и больше упоминалось о необходимости военной помощи России. Как создатель Священного Союза и в соответствии с Мюнхенским (Münchengrätz) договором 1833 года австрийский император мог и раньше рассчитывать на помощь русского царя, но для сохранения международного престижа воспользоваться этой возможностью он не хотел. Когда военные успехи венгерской армии приняли, как считало австрийское имперское правительство, опасные размеры, только тогда оно начало переговоры о подготовке русской интервенции, т. е. в конце марта – апреле. В конце апреля – начале мая переговоры стали более интенсивными, ибо австрийская сторона опасалась нападения венгерской армии на Вену. Представитель австрийского правительства в Варшаве генерал-лейтенант граф Бернхард Кабога, как доносил царю фельдмаршал Паскевич: «...настоятельно, со слезами на глазах просил (...) о скорейшей помощи для столицы как величайшей милости для своего отечества» и твердил, что «Австрийское правительство может быть низвергнуто», и «с падением Вены сама Империя будет находиться в величайшей опасности»⁴. 1 мая молодой австрийский император Франц Иосиф I в собственноручном письме обратился к русскому царю за помощью, и 21 мая, в тот же день, когда венгерское знамя было

водружено над крепостью Буда, он приехал со своей свитой по железной дороге в Варшаву, чтобы лично поблагодарить за предложенную помощь.

Переговоры двух правительств о выяснении подробностей продолжались до 10 июня, тогда же была подписана конвенция о подробностях. В это время русские военные силы уже маршировали по территории империи Габсбургов, заняли позиции в Галиции и в Буковине, устроили продовольственные магазины и готовились к вступлению в Венгрию. Одна русская сводная дивизия: 4 пехотных полка с 48 орудиями под командованием генерал-лейтенанта Ф. С. Панютинна – уже квартировала в окрестностях города Пожонь / Прессбург.

В начале переговоров австрийцы сами хотели бы принять решение о численности русских вспомогательных сил. Они считали необходимым присутствие в Венгрии русского отряда в несколько десятков тысяч солдат, конечно, под австрийским командованием. Однако о размере и действиях своих войск решение принимал сам Николай I. Он решил вторгнуться в Венгрию с сильной армией, которой под силу самостоятельно действовать, и отдельно от австрийских войск нанести сокрушительное поражение венгерским войскам. Понятно, что Николай I не хотел участвовать в неудачах союзной австрийской армии, презираемой им за постоянные поражения от мятежников на театре войны. Поэтому он направил почти 200 000 солдат в Венгрию под командованием упомянутого известного старого полководца, с которым он был в дружеских отношениях, фельдмаршала Паскевича, князя варшавского, наместника Польского Королевства. (Здесь следует отметить, что в документах всегда пишется и говорится о русской армии как о вспомогательных войсках, но силовые отношения складывались интересно, можно сказать, абсурдно: самая большая и самая сильная армия на театре войны – это вспомогательные русские войска, которые превосходили численностью не только венгерскую, но и союзную австрийскую армию).

⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1018. Паскевич-Эриванский Иван Федорович, Оп. 4. Д. 122. Всеподданнейшая записка И. Ф. Паскевича, май 1849.

«Не одна помощь Австрии для укрощения внутреннего мятежа и по ее призыву меня к тому пробуждает чувство и долг защиты спокойствия пределов Богом вверенной мне России меня вызывают на бой, ибо в венгерском мятеже явственно видны усилия общего заговора против всего священного, и в особенности против России, ибо во главе мятежа и главными орудиями его – вечные враги наши, поляки» – обосновал царь свое решение об интервенции в письме Паскевичу от 25-го апреля⁵. Здесь необходимо оговориться, что европейская революционная волна прошедшего года уже почти кончилась, и, в сущности, весной 1849 года серьезное революционное движение вообще уже не угрожало России, близость венгерской границы не представляла значительной опасности. Поляки действительно служили в рядах венгерской армии, но, согласно новейшим исследованиям, их численность составляла 3 500 человек (а не 20 000, как твердила австрийская сторона во время переговоров с российскими официальными лицами)⁶. Среди них, в самом деле, встречались известные генералы и офицеры, боровшиеся против России в польском восстании 1830–1831 гг., например Хенрик Дембинский, Юзеф Бем и т. д., однако без военных успехов венгерской армии их присутствие не имело бы большого значения. Главной причиной вмешательства России является опасение распада Габсбургской империи, существование которой считалось фундаментом европейского силового равновесия. Следует подчеркнуть, что по этой причине в подавлении восстания «венгерских мятежников» правительство конституционной монархии Англии согласилось с русским царем, управляющим своей империей абсолютным образом. «Покончите

как можно быстрее», – заявил министр иностранных дел Англии лорд Пальмерстон послу России в Лондоне⁷.

Следовательно, летом 1849 года, после появления русской армии в Венгрии, не было уже сомнения в подавлении борьбы венгров. Молодой адъютант фельдмаршала Паскевича, Дмитрий Сонцов, следующими словами описал настроение офицеров и солдат в армии: «Мы оставляли Варшаву, более как бы отправляясь на праздник или прогулку, чем на бой. Нам всем казалось, что мы предпринимаем летнее путешествие с целью удовольствия. Труды и опасности войны совсем никого не смущали. Уверенность в успехе была общим ощущением»⁸. Однако венгерская кампания всё же не стала летней легкой прогулкой для русской армии.

До середины июня главные русские силы были сосредоточены в Галиции, в окрестностях городков Нови Тарг, Жмигруд и Дукла, близ венгерской границы, где хребет Карпатских гор ниже, чем в других местах. Войска двумя колоннами вступили на территорию Венгрии. 15 июня под начальством генерала от кавалерии Ф. В. Ридигера 3-й пехотный корпус пересек венгерскую границу, а с 17 по 19 июня в составе главной колонны 2-й пехотный корпус генерал-лейтенанта П. Я. Куприянова и 4-й пехотный корпус генерала от инфантерии М. И. Чеодаева перешли границу. С этой главной колонной ехал верхом и сам Николай I. Он переехал венгерскую границу и сделал несколько верст по Венгрии, потом простился с главнокомандующим и младшим сыном Константином и вернулся в Варшаву. Две колонны объединились в городе Эперьйеш и двинулись через город Кашша по направлению на Мишкольц. Серьезного сопротивления со стороны венгров они не встретили: находившаяся в безна-

⁵ РГИА. Ф. 1018. Паскевич-Эриванский Иван Федорович. Оп. 5. Д. 361. Л. 1–4. Николай I. И. Ф. Паскевичу 13/25. апреля 1849.

⁶ Kovács I. Nieznani polscy bohaterowie węgierskiego powstania 1848–1849. Warszawa, 2010. S. 18.

⁷ На русском языке опубликовано: Авербух Р. А. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией. М., 1935. С. 289–291.

⁸ Сонцов Д. Изъ воспоминаний о венгерской кампании. Заметки участника и очевидца. (Изъ I-ой книги «Деятнадцатаго Века», историко-литературного сборника, издаваемого П. И. Бартевым). М., 1871. С. 6–7.

дёжном положении малочисленная северная венгерская армия генерала Йозефа Висоцкого (здесь около 10 000 солдат) несколько замедлила наступление русских сил, но в арьергардных стычках терпела поражение.

В эти дни русские войска вступили также в Трансильванию: русский отряд генерал-лейтенанта Гротенгельма вторгся на территорию Трансильвании с севера, из Буковины, а отряд 5-го пехотного корпуса под начальством генерала от инфантерии А. Н. Лидерса – из Валахии. Храбрый венгерский полковник Шандор Кишш во главе своей дивизии отчаянно защищал пограничные укрепления в Темешском ущелье, однако превосходящие русские силы заняли его. Кишш был тяжело ранен и попал в плен, а позже, по окончании войны, когда русские передали его австрийским властям, покончил жизнь самоубийством.

30 июня главные силы Паскевича вступили в Мишкольц, где они задержались по причине трудностей с продовольствием и распространявшейся эпидемии: в это время войска чрезвычайно пострадали от холеры. Паскевич направил 4-й корпус в город Дебрецен, чтобы путем реквизиций снабдить войска нужным провиантом, а сам через 9 дней с двумя корпусами выступил из Мишкольца по направлению к венгерской столице – Пешту.

15 и 17 июля в окрестностях столицы, под городом Вац и в самом городе произошло сражение между главными силами Паскевича и армией венгерского генерала Артура Гергея. Гергей со своей верхнедунайской армией тремя днями ранее покинул крепость Комаром, и по левому берегу Дуная двинулся на юг, чтобы соединиться с остальными венгерскими корпусами в городе Сегед. 15 июля пополудни его авангард натолкнулся на русскую кавалерию. Завязался горячий бой. На следующий день, узнав, что перед ним главные русские силы, Гергей решил не форсировать прорыв на юг, а 17 июля ценой тяжёлых арьергардных боёв отступил. Обойдя силы Паскевича через Балашшадьярмат, Лошонц, Римасомбат, Мишкольц, он достиг Тисы и 29 июля пересёк реку.

Тем временем австрийский главнокомандующий, фельдцейхмейстер барон Гайнау начал отступать от ранее утверждённого австрийскими и русскими союзниками плана, и поспешил со своими войсками на юг на помощь действующим там австрийским силам генерал-лейтенанта Йосипа Елачича. Паскевич провёл дня два в Ваце, потом развернул свои войска и принялся окружать армию Гергея. На пути к Тисе, 20 июля небольшой кавалерийский отряд генерал-лейтенанта Толстого был атакован при деревне Тура кавалерией (во главе с генералом Аристидом Дежёфи) тисской венгерской армии. Венгерские и русские гусары, уланы и казаки вступили в рукопашный сабельный бой. И русские, и венгерские кавалеристы дрались смело. Прибытие 5-й русской пехотной дивизии генерал-лейтенанта Лабинцова решило исход сражения в пользу русских⁹.

В окрестностях Мишкольца корпуса отступающей армии Гергея решительно отбили нападение частей 4-го корпуса Чеодаева и атаку отдельного отряда генерал-лейтенанта П. Х. Граббе. В этих боях отличились корпусные командиры: генерал Эрнэ Пельтенберг и генерал Карой Лейнинген-Вестербург. Наконец, венгерскому полководцу Гергею удалось осуществить свой рискованный план. Он отвлек главные русские силы, превышавшие численность его собственных войск в четыре раза, с главного театра военных действий и обеспечил возможность остальным венгерским силам, сосредоточенным на Венгерской низменности в окрестностях города Сегед дать сражение главной австрийской армии Гайнау в надежде на успех.

27 июля армия Паскевича пересекла реку Тиса и 2 августа нанесла тяжёлое поражение I венгерскому корпусу генерала Йозефа Надьшандора, задачей которого была фланговая оборона армии Гергея. Семикратное превосходство обеспечило успех

⁹ Воронов А. В. «Ольгины гусары». Бой русских и венгерских гусар у Тура 8 (20) июля 1849 года Цейхрауз / Verekedni utolsó emberig. 2001; A turai lovasütöközet 1849. július 20. Szerk.: Rosonczy Ildikó. Budapest, 2009.

русских сил. Сам Гергей с двумя корпусами и остатками корпуса генерала Надьшандора 9 августа вступил в Арад, где венгерское правительство хотело, наконец, сосредоточить все военные силы.

9 августа – роковой день для венгров: южная венгерская армия в этот день потерпела при Темешваре сокрушительное поражение от австрийского главнокомандующего Гайнау. Эта венгерская армия перестала существовать. Армия Гергея осталась одна между австрийскими и русскими главными армиями.

При рассмотрении военных действий всех войск сразу бросается в глаза, что Паскевич и его главные силы не выиграли ни одного важного сражения. Однако русская главная армия, как подчеркнул в своей монографии русский военный историк И. И. Ореус, «висела над венгерцами как Дамоклов меч и отвлекала лучшую часть их войск от противодействия австрийцам»¹⁰.

Летом после русской интервенции решительные сражения выигрывали австрийцы: 21 июня вдоль реки Ваг близ села Перед, когда корпуса Гергея дали сражение расположенному там австрийскому запасному корпусу генерал-лейтенанта Вольгемута, чтобы, прорвав австрийскую линию, нанести удар главной австрийской армии, расположенной вблизи города Пожонь; 28 июня, когда Гайнау занял город Дьёр; 11 июля, когда под Комаром Гайнау препятствовал венгерским силам в попытках прорыва и отрезал им путь по направлению к венгерской столице.

Главнокомандующий венгерской южной армией генерал-лейтенант Хенрик Дембински без сопротивления отступил по Венгерской Низменности. 2 августа Гайнау занял Сегед. 3 и 5 августа при Уйсегеде и Сёреге венгерцы потерпели поражение и, наконец, 9 августа под Темешваром эту армию постигла катастрофа.

Однако следует отметить, что бесспорно талантливый (но решительный до беспощадности) австрийский главнокомандующий Гайнау, который присвоил сла-

ву окончания войны исключительно себе, успехом своим неоднократно был обязан дивизии генерал-лейтенанта Панютина. Эта уже упомянутая русская дивизия действовала во время кампании под начальством австрийской главнокомандующего и играла важную роль в успехах австрийской армии.

Александр Карлович Баумгартен, полковник и временный командир брянского егерского полка в дивизии Панютина, оценил заслуги этой русской дивизии следующими словами в своем дневнике: дивизия «составляла как бы Македонскую фалангу: если венгерским войскам и удавалось расстроить австрийцев, то они встречали стройную дивизию из 16 батальонов с 4 батареями в первом боевом порядке и должны были убедиться, что своими разнородными батальонами никак не успеют привести её в расстройство. Тогда венгерцы приостанавливались, и это давало время австрийцам вновь собраться и придти в порядок. Так было в обоих сражениях под Коморном, при Сегедине и особенно при Темешваре»¹¹.

Энергичный генерал Юзеф Бем, главнокомандующий венгерской трансильванской армией – его выдающиеся таланты признавали даже русские противники – быстрыми, неожиданными ударами задержал русские войска генерала Лидерса (а вместе с ними и австрийские силы) в Трансильвании до окончания похода, но его армия в кровавом сражении потерпела такое поражение и понесла такие тяжелые потери, что была буквально уничтожена (18 августа только мелкие остатки армии сдались генералу Лидерсу под крепостью Дева).

Венгерская кампания для русских войск завершилась блистательно: 13 августа лучшая венгерская армия, которая после темешварского поражения одна не потеряла боеспособность, безоговорочно сдалась русским, а не австрийским войскам вблизи Арада при Вилагоше (в составе почти 30 000 человек,

¹⁰ Ibid. S. 545.

¹¹ Баумгартен А. К. Дневникъ 1849 г. съ предисловиемъ П. Н. Симансаго. Журналь императорскаго Русскаго военно-историческаго общества 1910. Книжка 4. С. 34.

10 000 лошадей и 144 орудий, но почти без снарядов, без боеприпасов). Главной причиной этой капитуляции стало осознание Гергею невозможности дальнейшего сопротивления после уничтожения 9 августа южной венгерской армии. (Кроме армии Гергея существовали еще 5 значительных венгерских отрядов, но объединиться с ними и прорваться через союзные армии было невозможно).

Как произошло сложение венгерского оружия при Вилагоше? Это точно и с сочувствием описал в своих воспоминаниях очевидец, молодой русский офицер И. Дроздов, личный адъютант начальника штаба 3-го пехотного корпуса, генерала И. С. Фролова.

13 августа «около 10 часов на равнине Szöllös, близко до Világos, поднялись густые облака пыли, которые были для нас вестниками приближения к нам венгерских войск. Мало помалу головы колон пехоты их стали показываться и выстраиваться в одну линию, параллельно нашей. За нею артиллерия строилась во вторую линию, а кавалерия стала во флангах пехоты. Таким образом, среди самого полудня, под раскаленными лучами солнца в стройном безмолвии сошлись две враждовавшие армии (...)

Ровно в час дня Гергей, сопровождаемый своим блистательным штабом, быстро мчался к нам на прекрасном золотисто-гнедом коне, в своем скромном пальто, с сумкой через плечо, и в белой круглой пуховой шляпе с пером. Остановив штаб свой в почтительном от нас расстоянии, он, с поникшей головой, приблизился к графу Ридигеру и открыл торжественный акт сложения оружия продолжительным объяснением...

Около 5 часов вечера, когда 3-й и 7-й корпуса были уже на местах, а 1-й корпус все ещё продолжал выстраиваться, началась церемония сдачи. По отдании чести пехота с грустью снимала с себя боевую амуницию и ставила ружья в козлы. Солдаты прощаясь, плакали и целовали знамена своих полков. Гусары оставляли своих коней, обнимали их и, рыдая, прощались с ними, столь же горько прощались они и со своим ружьем.

Затем граф Ридигер, сопровождаемый своим штабом, приблизился к войскам Гергея и, приветствуя их, начал осмотр.

Невыразимо трогателен был вид этого войска, стройного, сильного и бодрого, которое за несколько месяцев было так страшно для Австрии, а в эту минуту стояло обезоруженное, покорное и, как обреченное на казнь, ожидало исполнения своего приговора...

(Все) окончилось около восьми часов вечера. Потом, перед самыми уже сумерками, обезоруженные колонны потянулись безмолвно в плен за любимым своим вождем, под конвоем нашей кавалерии, по направлению к Гросс-Вардейну. Вскоре мрак ночи покрыл эту печальную для венгерцев картину непроницаемою завесой»¹².

Другие отряды венгерцев последовали примеру Гергея и сдавались преимущественно русским. Только гарнизоны крепости Комаром и Ретерварад продолжали защиту, но война была окончена.

Чтобы ответить на вопросы: почему Гергей сложил оружие перед русскими войсками, а не перед австрийскими и почему без условий, нужно рассмотреть следующие положения.

В конце мая и в июне, когда вмешательство русской армии было уже неотвратимо и не было уже надежды на венгерский военный успех, для венгров осталась одна возможность: всеми средствами, маневрами и путём переговоров замедлить продвижение русской армии, избежать больших столкновений с ней и нанести решительный удар австрийской армии. Это предложил Гергей как военный министр и главнокомандующий венгерской армией, а потом как командующий верхнедунайской армией сам испробовал эти возможности.

Его переписка с командующим 3-м пехотным корпусом генералом Ридигером давно опубликована. 19 июля Ридигер написал первое письмо тяжело раненому Гергею и, выразив признание относительно его отважного воинского характера, попросил сообщить условия, при которых он считал бы возможным покончить с уже неравной

¹² Дроздов И. Сдача венгерской армии русским войскам под Вилагошем 1 августа 1849 г. // Военный сборник. 1870. № 9. С. 136–137.

для венгров борьбой. Гергей в своем ответе сообщил, что если бы речь шла о его войсках, он был бы готов вести переговоры о заключении мира, он писал: «...Здесь идет речь о спасении моей бедной, притесненной Отчизны, политическую жизнь которой австрийский император и его ближайшее окружение хотят уничтожить». Он предложил русским вступить в переговоры с венгерским правительством. Гергей об этой переписке сообщил венгерскому правительству, которое попробовало продолжать переговоры политического характера¹³.

Скоро выяснилось, что русская сторона не ведет вообще никаких переговоров ни политического характера, ни об условиях сдачи армии. Условия, о которых шла речь, были исключительно «техническими» подробностями хода сложения оружия. Главнокомандующий русской армии фельдмаршал Паскевич и не принял парламентёров венгерского правительства (генерала Эрнё Пёлтенберга и подполковника Лайоша Беницки). Он приказал ответить, что императорская российская армия прибыла в Венгрию не для переговоров, а для военных действий и с переговорами они должны обращаться к австрийскому главнокомандующему, барону Гайнау.

Во время ожидания ответа в штаб-квартире 3-го пехотного корпуса (в это время корпус служил авангардом русской главной

¹³ Подлинное письмо Ридигера Гергею от 19 июля 1849 (Балашшадиярмат) находится в Венгерском государственном архиве. (Magyar Országos Levéltár. P. 295. A Görgey család levéltára. 36. cs. 3/b fasc. 1. fol.). На венгерском языке оно опубликовано: Görgey A. Életem és működésem. I–II. Sajtó alá rendezte Katona Tamás. Budapest, 1988. II. S. 304–305. Черновик ответа Гергея Ридигеру от 24. июля 1849: Magyar Országos Levéltár. P. 295. A Görgey család levéltára. 36. cs. 3/b fasc. 3–4. fol., опубликовано: Pap Dénes: Okmánytár Magyarország függetlenségi harcának történetéhez. 1848–1849. II. Pest, 1869. S. 511–512. Копии этих писем: РГВИА. Ф. 14014. Главный Штаб I армии. Оп. 1. Д. 65. (Переписка о деланных Георгеем от имени мятежных венгров попытках войти с главнокомандующим Действующей Армии в переговоры о прекращении войны). Л. 1–6.

армии) венгерские парламентёры и офицеры штаба русского корпуса познакомились, разговаривали. Корпусный командир, генерал Ридигер, вероятно, поручил генералу Фролову, начальнику штаба корпуса переговорить с парламентёрами частным образом и убедить их в совершенной невозможности дальнейшего сопротивления и положиться на великодушие русского императора; переговорить с ними так, чтобы для них стало однозначно: русский царь условий не примет, но защищает всех, кто доверяет ему¹⁴.

Конечно, венгры думали и о капитуляции перед австрийской армией, но беспощадность Гайнау была известна: он стоял во главе австрийской армии с 30 мая 1849 года, и по приговорам австрийского военного суда первых двух венгерских офицеров повесили уже 5 июня в городе Пожонь.

По возвращении парламентёров Гергей, согласно решению военного совета, сообщил 11 августа генералу Ридигеру, что его армия готова безусловно сложить оружие перед русскими войсками, уповая на милость русского императора. «Вполне уверенный в прославленном великодушии Его Величества Российского Императора, я надеюсь что многочисленных храбрых моих товарищей, бывших прежде австрийскими офицерами... он не предаст неверной и горестной судьбе, а народы Венгрии, много уже страдавшие и надеющиеся на его правосудие, не оставит без защиты от слепой мстительной злобы их врагов. Может быть, достаточно будет, чтоб я один пал жертвою», – писал он в своем письме¹⁵.

Целью Ридигера и вообще русской стороны было склонение венгерских войск к насколько возможно скорейшей капитуляции перед русскими войсками, и скорейшее окончание войны – именно во славу русского оружия. Это понятно. И они ни слова не

¹⁴ Донесение Эрнё Пёлтенберга Артуру Гергею от 10 августа 1849. Világosvár. Katona Tamás: Az aradi vértanúk. Budapest 4. kiadás. S. 289–290.

¹⁵ Это письмо Гергея опубликовано на русском языке: Лихутин М.Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 году. М., 1875. С. 234–237.

сказали венграм о том, что всех военнопленных – подданных австрийского императора, согласно конвенции, заключенной 10 июня, передадут австрийским властям.

После капитуляции надежды венгров как будто бы оправдались. Военнопленным венгерским генералам и офицерам дозволено было оставить при себе сабли, и была предоставлена личная свобода в такой мере, что они могли почти не замечать своего плена. Ридигер пригласил Гергея с его генералами к обеду. Это великодушное, снисходительное обхождение русских начальников с военнопленными внушило им полное к русским доверие и вообще расположило их к русским.

«Наша дружба с венгерцами тем более бросалась на глаза, что в то же время между русскими и австрийскими, коих было много в Гросс-Вардейне, сближения не было, и случались споры. Все это могло показаться странным и заслуживало внимания. Мы пришли помогать австрийцам и помогли им, и вдруг наши симпатии оказались на стороне тех, во вред которым мы действовали», – записал М. Д. Лихутин, офицер, служивший в штабе 4-го пехотного корпуса. По его мнению, причиной этого обхождения было «отчасти великодушие, сожаление к побежденному, но выказывавшему нам расположение неприятелю. С другой стороны, это был как бы молчаливый протест против того, что сами исполнили»¹⁶.

Венгерские военнопленные генералы и офицеры питали иллюзии до 23 августа. В этот день в городе Дюла русские передали их австрийцам.

Царь в своем манифесте от 29 августа объявил, что венгерские мятежники повергли оружие перед российским войском, прибегая к его посредничеству «для испрошения великодушного помилования у своего законного Повелителя»¹⁷.

Николай I действительно советовал молодому австрийскому императору выказать

великодушие. Он отправил своего сына и наследника престола великого князя Александра в Вену, чтобы тот заступился за сдавшихся в плен русской армии. Фельдмаршал Паскевич в своих письмах австрийскому императору и австрийскому главнокомандующему Гайнау, обладающему неограниченными полномочиями в Венгрии, также просил о помиловании для пленных военачальников. Но заступничество оказалось тщетным. Царя глубоко оскорбило, что, несмотря на его советы и просьбы, австрийские власти приговорили к смерти венгерских генералов, сдавшихся русским и положившихся на его великодушие.

Австрия начала беспощадную мстительную кампанию против пораженных венгров. 6 октября 1849 года по приговорам военного суда были казнены не только командующие генералы венгерской армии, но и был расстрелян премьер конституционного венгерского государства, граф Лайош Батяни.

После подавления национально-освободительного движения против габсбургского абсолютизма по приговорам военных судов было казнено более чем 140 человек, происходивших из всех слоев общества, от аристократии до наиболее беднейшего крестьянства. Сотни участников были заключены в тюрьму. Австрийские власти начали следствие против нескольких тысяч человек. Несколько десятков тысяч бывших солдат венгерской армии были зачислены на службу в австрийскую армию¹⁸. Следует отметить, что после подавления польского восстания в 1831 году русские военные суды вынесли строгие приговоры, польские политики и военачальники, офицеры были приговорены к тюрьме, ссылке, конфискации имущества и т. д., но никто не был казнен¹⁹. Можно предположить, что, когда офицеры в окружении генерала Ридигера советовали венгерским

¹⁸ Vértanúk könyve. A magyar forradalom és szabadságharc mártírjai 1848–1854. Szerk.: Hermann R. Budapest, 2007. (Список казненных: S. 347–350).

¹⁹ Chwalba A. Historia Polski 1795–1918. Kraków, 2001. S. 280–281.

¹⁶ Лихутин М. Д. Указ. соч. С. 247.

¹⁷ Манифест Николая I от 29. августа 1849 г.: РГИА. Ф. 1329. Именные указы и высочайшие повеления сенату. Оп. 1. Д. 634. Л. 443.

парламентёрам, чтобы венгры положились на великодушие царя, вспомнили об этом жесте и были уверены, что, по крайней мере, жизнь венгерских военнопленных вне опасности. И генерал Ридигер, и генерал Фролов (и, конечно, и Паскевич) принимали участие в подавлении польского восстания.

Исторические стереотипы, мифы снова и снова возрождались (и возрождаются): например, о предательстве главнокомандующего венгерской армией, генерала Артура Гергея и о венгерских военнопленных, отправленных русской армией в Сибирь, среди них майора и поэта Шандора Петёфи. Эти мифы ни на чем не основаны, о чем сви-

детельствуют как венгерские и австрийские документы, так и доступные российские архивные материалы, официальные документы и воспоминания. Русские хотели взять с собой только одного военнопленного: генерала Артура Гергея, чтобы спасти его от смертной казни. По особому русскому ходатайству и по этой причине он был помилован, и его отправили в австрийский город Клагенфурт без права выезда оттуда. Николай I был корректным и честным союзником Австрии. Воспользоваться конфликтами между австрийскими и русскими союзниками, вбивать клин между ними по этой причине оказалась иллюзией для венгров.

В. Н. Виноградов

БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС 1878 ГОДА И СУДЬБЫ БАЛКАН

11 (23) января 1878 г. главнокомандующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич отправил брату-императору тревожную телеграмму: «Я употребляю все усилия, чтобы действовать по твоим указаниям и предотвратить разрушение Турецкой империи, и если мне это не удалось, то положительно виноваты оба паши, которые не имели мужества взять на себя ответственность и подписать наши условия мира. Войска мои движутся безостановочно вперед. Ужасы, делаемые уходящими, бегущими в панике турками, – страшные»¹.

Итак, враг разгромлен, путь на Стамбул открыт, а командующий победоносным войском боится занимать столицу неприятеля, ибо знает: возможно, там ждут его не лавры победителя, а новая война, большая, европейская.

Я вспомнил о телеграмме, прочитав в газете «Известия» отзыв о войне 1877–1878 гг.: российские войска «были готовы войти в Константинополь. Казалось, сбывается вековая мечта всех православных народов. Но российское правительство, что называется, «взяли на понт». Европа, не имея ресурсов для войны с Россией, изо всех сил грозила «непредсказуемыми последствиями». Царь поддался давлению и тем самым подорвал российское влияние на Балканах»².

Видимо, я не погрешу против истины, сказав, что эта сентенция не содержит ни грана правды. На самом деле сложилась в высшей степени тревожная ситуация, и над армией нависла не выдуманная, а реальная угроза. Да, удалось заключить перемирие 19 (31) января 1878 г. и победоносный прелиминарный Сан-Стефанский мирный договор 19 февраля (23 марта), отвечавший

всем пожеланиям российской общественности. Турция признала государственную независимость Румынии, Сербии и Черногории. Предусматривалось территориальное расширение трех стран. В Боснии и Герцеговине Высокая Порта обязалась провести реформы. Возрождавшаяся после почти пятидесятилетнего перерыва государственность болгарского народа как самоуправляющегося княжества в широких пространственных пределах с выходом к Черному и Эгейскому морям. Россия возвращала себе Южную Бессарабию. В Закавказье к ней отходили Батум, Карс, Ардаган и Баязет. Порта обязалась ввести регламенты по управлению Фессалией и островом Крит с участием местного населения.

Реакция со стороны Лондона и Вены последовала немедленно, и самая резкая. Британский кабинет и австро-венгерское правительство открыто бряцали оружием, требуя отменить многие условия договора, и в первую очередь те, что предусматривали образование Большой Болгарии с выходом к двум морям. Глава венского министерства иностранных дел граф Д. Андраши заявил российскому послу Е. П. Новикову, что ни один министр монархии не даст согласия на расширение Болгарии на юг от Балканского хребта, и он сам будет сопротивляться этому «любыми средствами». «Даже с помощью войны?» – спросил его дипломат. Д. Андраши избежал прямого ответа и повторил: «Любыми средствами»³. Уайт-холл требовал созыва международного конгресса и обсуждения на нем всех статей Сан-Стефанского договора, от доски до доски, что, при сложившейся ситуации в «европейском концерте», предвещало неминуемые вынужденные уступки. Британский кабинет действовал не только по дипломатической, но и по военной линии. Решено было стукнуть брониро-

¹ Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 2. М., 1999. С. 448–449.

² Иванов В. К юбилею сдачи Русской Америки // Известия. 27. 02. 2007. С. 6.

³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 81. Л. 480.

ваным кулаком. 13 февраля 1878 г. эскадра под флагом адмирала Хорнби (шесть броненосцев и фрегат), в полном противоречии с нормами международного права и при вопиющем нарушении Лондонской конвенции 1841 г. о проливах, вторглась в Дарданеллы и бросила якоря в Мраморном море.

На совещании у Александра II было решено дать отпор нахам и, в предвидении столкновения с флотом ее величества, занять позиции вдоль европейского берега Босфора с целью помешать прорыву броненосцев в Черное море. Ответ на свое распоряжение царь ожидал несколько дней, и вот что сообщал в нем главнокомандующий: «Я не считал себя вправе добровольно вызывать столкновение с Великобританией, в то время как нашей дипломатией делались всевозможные попытки к улаживанию затруднений и предотвращению пагубной для нас войны»⁴. Армейское командование знало, что не располагает ни силами, ни средствами для того, чтобы воспрепятствовать прорыву британских кораблей через Босфор по причине отсутствия как флота на море, так и тяжелой артиллерии на берегу. Полевые армейские пушки были бессильны против мощной брони английских кораблей. Царь-освободитель, будучи дилетантом в военном деле, предложил переправить на берега Босфора тяжелые крепостные орудия из Керчи, но как – при полном господстве неприятеля на морских путях? Не тащить же их было волоком по кручам Балканских гор! Между августейшими братьями пробежала черная кошка. Под бременем забот Николай Николаевич попросился в отставку с поста главнокомандующего. Ему на смену назначили героя севастопольской обороны генерала Э. И. Тотлебена, в военных дарованиях которого никто не сомневался. Посол П. А. Шувалов сообщал о подготовке к отправке на восток двух армейских корпусов общей численностью в 60–70 тысяч человек. Предполагалось подключить к экспедиционным силам подкрепления

⁴ Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 г. на Балканском полуострове. В. 4. СПб., 1900. С. 114–115.

из гарнизонов Гибралтара и острова Мальта, а в дальнейшем перебросить силы из Индии и Канады⁵.

А от послов и военных агентов в Лондоне и Вене поступали сообщения одно тревожнее другого. Палата общин громадным большинством голосов разрешила призвать под знамена резервистов и утвердила дополнительные военные расходы на сумму 6 млн фунтов стерлингов. 15 (27) февраля началась психологическая подготовка к войне. Пресса не жалела красок, рисуя неумную агрессивность «москвитов», близкая к правительству газета «Дейли телеграф» представляла фантастическую картину российских замыслов: «Они состоят, грубо говоря, в превращении Оттоманской империи в петербургский удел»⁶. Обывателя натравливали на «русских варваров», общественность потонула в волнах шовинизма. Появился даже термин «джингоизм» для определения особо яростной его разновидности.

Самыми опасными поджигателями войны П. А. Шувалов считал королеву Викторию и премьера Б. Дизраэли (графа Биконсфилда): «Английской конституции недостаточно, чтобы пресечь влияние этой женщины, вбившей себе в голову мысль о войне с нами». «Воинственный дух возрастает. Британцы усматривают только две возможные альтернативы – либо война с Россией, либо унижение»⁷. Из австрийской столицы поступали вести о вотировании 60 млн крон на вооружения и передвижение войск к границе с Россией. Но тревожные сигналы в Петербурге всерьез не воспринимались... «Угрозы войной не были основаны на реальной возможности возникновения новой войны против России и являлись лишь игрой на нервах русского правительства», – утверждал автор солидной монографии Н. И. Беляев. И далее шли рассуждения, ничем не обоснованные: «Англия на войну не

⁵ Parliamentary Debates. 3-rd Ser. V. 237. P. 211, 215.

⁶ Daily Telegraph. 11.03.1878.

⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 80. Л. 582, 592.

решится из-за отсутствия большой армии. Австро-Венгрия на столкновение не пойдет ввиду превосходства российских вооруженных сил, а Германия занята сведением счетов с Францией»⁸. Сходную точку зрения выражал С. Л. Чернов: «Демарши английского флота в проливах, вотиrowание военного бюджета, мобилизация резервистов, широко разрекламированные планы нападения на азиатские владения России являлись не более как демонстрацией „военных мускулов“ Лондона, преследовавшего цель запугать и оказать давление на царское правительство, вынудить его к уступкам», добиться пересмотра Сан-Стефанского договора»⁹.

Иной позиции придерживалась Н. С. Киняпина, считавшая, что попытка осуществить программу-максимум привела бы к европейской войне.

Российские верхи исходя из горького опыта недавнего прошлого рассуждали иначе и гораздо более трезво. Николай I никак не ожидал, во что выльется спор о Святых местах. Он полагал, что воевать с Англией не придется, а уж благожелательный нейтралитет со стороны покровительствуемого им кайзера Франца Иосифа обеспечен. Отсюда – его проклятия в адрес канцлера К. Ф. Буоля («Негодяй!», «Каналья!», «Мерзавец!»), когда Габсбургская монархия выступила против него и разразилась Крымская война¹⁰.

И в 1878 г. не существовало гарантии, что противоборства удастся избежать. Пугала не малочисленная армия Британии, а ее

морская мощь, экономическое и финансовое могущество. Внушало опасение коварство дунайской монархии. Страшила возможность повторения Крымской войны. Вырисовывалась полная бесперспективность столкновения с «владычицей морей». У России один броненосец на плаву, «Петр Великий» на Балтике, у предполагаемого противника – 6 броненосцев адмирала Хорнби в проливах, 13 – у турок в Черном море, эскадра лорда Д. Хей в Средиземноморье и мощный хоум флит на базе в Портсмуте в Северном море¹¹.

Россия стояла перед выбором: или трудный мир, или война на истощение с недоступным для ее армии врагом, способным задушить ее торговлю, наглухо заперев Босфор и Дарданеллы, перерезав морские пути, пустив на дно торговые суда, подвергнув блокаде и разорению берега. Это грозило финансовым дефолтом и погружением казны в пучину долгов. Великобритания же за морями пребывала бы в полной безопасности, ущерб и потери ей не грозили, разве что российским крейсерам удалось бы потопить какое-то число британских купеческих судов. И самая тревожная эвентуальность – свертывание реформ в России и увековечивание отсталости в военное лихолетье.

Австро-Венгрия была близко, но победить ее не позволила бы Германия, ведь держава Габсбургов должна была помешать России выступить на помощь Франции в случае ее новой схватки с «Пруско-Германией». Князь О. Бисмарк в ответ на зондаж с российской стороны заявил, что рейх не допустит умаления роли Габсбургской монархии на Балканах, не говоря уже о ее военном разгроме. Чтобы обеспечить нейтралитет этой державы, Петербург, подписав Будапештскую конвенцию 1877 г., пошел на тяжелую жертву, согласившись на оккупацию австро-венгерскими войсками Боснии

⁸ Искендеров П.А. Берлинский конгресс 1878 г. – первый опыт балканского миротворчества/Россия и Болгария. М., 2006. С. 583, 592.

⁹ Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 г. М., 1950. С. 426; Чернов С. Л. Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 г. М., 1984. С. 69; Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 221.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1292. № 6. Л. 29, 80; Золотарев В. А., Козлов И. А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1988. С. 80, 86. Первый броненосец «Екатерина Великая» появился на Черном море лишь в 1886 г.

¹¹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1967. Т. 3. С. 29, 39; Международные отношения на Балканах 1856–1878. М., 1996; Особое приращение к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1901. С. 87; Дневник Д.А. Милютина. М., 1950. Т. 3. С. 35.

и Герцеговины и пообещав не допускать образования большого югославянского государства. В дальнейшем граф Д. Андраши вел себя так, будто конвенции не существовало, и занимался в Лондоне переговорами о союзе против России. Нашу страну ожидала «странная война», в которой один неприятель, Великобритания, был недостижим для ее армии, а другой находился бы под защитой Германской империи, с одним неминуемым результатом в виде разорения¹².

В предвидении столкновения с Австро-Венгрией военный министр Д. А. Милютин 27 февраля (11 марта) распорядился о переброске из действующей армии на север 5 пехотных, 3 кавалерийских дивизий, 2 стрелковых и 1 саперной бригады. В дальнейшем последовала еще одна передислокация войск¹³. Российские силы на Босфоре сокращались, турецкие возрастали за счет гарнизонов крепостей, переданных неприятелю по перемирию, и поступавших из Малой Азии резервов.

Э. И. Тотлебен, прибыв в штаб Дунайской армии, констатировал, что, ввиду отсутствия тяжелой артиллерии, воспрепятствовать прорыву броненосцев адмирала Хорнби в Черноморский бассейн невозможно. Он предложил не наступательный, а оборонительный план операций, с целью «упорно сохранить то, что достигнуто в прошлую кампанию». К июню месяцу он поскромнел еще больше – у него оставалось всего 100 тыс. человек, у предполагаемого противника – 160 тыс. турок и, вероятно, 70 тыс. британцев. В записке от 8 (20) июня он предусматривал в случае необходимости перенесение обороны на линию Балканского хребта¹⁴. И все же главное заключалось не в соотношении сил на Босфоре, а в общих стратегических соображениях, о которых говорилось выше. 25 марта Д. А. Милютин сделал следующую запись в дневнике: «Как ни пагубны для нас

всякие подобные уступки после победоносной войны, не могу, однако же, не признать, что еще прискорбнее будет рисковать новой войной против половины Европы. Все благоразумные люди полагают, что при настоящих обстоятельствах война была бы для нас настоящим бедствием, во всяком случае, она не могла бы принести более, чем теперь, выгодный мир и более поддержать «достоинство» России».

Так выглядела суровая действительность, не имевшая ничего общего с журналистскими утверждениями, будто «Европа, не имея ресурсов для войны с Россией, из всех сил грозила „непредсказуемыми последствиями“».

Д. Милютин повторил свои невеселые мысли в разговоре с П. А. Шуваловым в мае: «Мы не можем больше сражаться. Не можем больше сражаться ни по финансовым, ни по военным соображениям». То же самое сказали дипломату два экс-главнокомандующих на Кавказе и на Балканах, великие князья Михаил и Николай Николаевичи. Они просили «сделать все возможное, чтобы предупредить продолжение войны»¹⁵.

Э. И. Тотлебен, производя свои подсчеты, не знал еще всей сложности и драматизма ситуации. К потенциальным врагам (Англия, Австрия и Турция) следовало прибавить и Румынию, вступившую в резкий конфликт с Россией из-за Южной Бессарабии. Правительство княжества отказалось признать Сан-Стефанский договор, «заключенный без нас, против нас и к нашему ущербу», нимало не смущаясь тем, что страна приобрела провинцию Северная Добруджа и получила согласие Турции на ее государственную независимость, что никак не подходило под понятие ущерба. 50-тысячная армия страны была передислоцирована в Олтению, на запад, чтобы в подходящий момент ударить в спину еще вчера союзной российской армии. Румынские эмиссары посетили Берлин, Вену, Лондон и Стамбул

¹² Красный архив. 1933. № 4. С. 94–97, 101.

¹³ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 3. М., 1967. С. 29; Iorga N. *Politica externa a regelui Carol I*. Bucuresti, 1991. P. 288, 295–297.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Главный архив. V–A. 1. Д. 2. Л. 505–506.

¹⁵ Кузьмичева Л. В. Русско-турецкая война 1877–1878 г. и Сербия // Славянский альманах. 1996. М., 1997. С. 71–81.

с двойной целью – заручиться поддержкой своей позиции (и Южную Бессарабию сохранить, и Северную Добруджу приобрести) и одновременно произвести разведку на предмет участия в новой антироссийской коалиции, «буде она состоится».

Вряд ли обоснованным был расчет Э. И. Тотлебена на то, что Сербия останется союзником России в случае нового витка противоборства на Балканах. Отечественная дипломатия не сознавала всей сложности этнических размежеваний в регионе, хотя порой и раздавались жалобы на то, что «чрезвычайно трудно заметить, где предел одной народности и начало другой»¹⁶. До поры до времени великая общая задача свержения османского ига затмевала нарождавшиеся межбалканские противоречия по территориальным вопросам, ставшие камнем преткновения в последующих отношениях.

Берлинский конгресс (июнь – июль 1878 г.) произвел жесткую ревизию Сан-Стефанского договора. Традиционно отечественная историография объясняла сделанные российской делегацией уступки давлением западных держав. Первая критическая нота насчет наличия «второго фронта» противников Сан-Стефано прозвучала на страницах «Очерков по истории Министерства иностранных дел России»: «Сан-Стефано был прохладно встречен в Сербии, претендовавшей на большее расширение территории, и в Румынии»¹⁷. Думается, можно было бы сказать и резче. В Белграде, Афинах и Бухаресте договор сочли односторонне благоприятным для Болгарии и встретили его в штыки. Н. П. Игнатъев имел резкое объяснение с сербским представителем полковником П. Г. Катарджи, но не придал его протестам значения.

Беда российской дипломатии заключалась в том, что она еще не отдавала себе отчета в глубине территориальных противоречий на Балканах, порожденных многими причинами – чересполосицей в расселении этносов, которые в ходе истории оказыва-

лись в разных государственных образованиях, стремлением поднимающейся к власти национальной буржуазии истолковать демографическую ситуацию в свою пользу. Игнатъев и его коллеги руководствовались при определении границ Большой Болгарии очертаниями экархата 1871 г., автокефальной болгарской церкви. Однако из 45 входивших в него епархий 15 являлись смешанными, с наличием в них инонационального, прежде всего сербского и греческого, населения. В Сербии уже существовала программа объединения народа («Начертание» И. Гарашанина), в Греции таковая именовалась Мегали (Великой идеей). И там и там появление Сан-Стефанской Болгарии восприняли как похоронный звон по своим далеко идущим планам. В Сербии заговорили о «национальной катастрофе», рушилась мечта о превращении княжества в балканский Пьемонт¹⁸. Греция сама претендовала на некоторые македонские земли, вошедшие в Сан-Стефанскую Болгарию, и российский посланник в Афинах сообщал: страна стала ареной «массового психоза» и «демонстраций неистовой злобы»¹⁹. Представители двух стран отправились в Берлин, и вовсе не для того, чтобы поддерживать за кулисами конгресса Сан-Стефанский трактат, а чтобы ему противодействовать. Глава внешнеполитического ведомства Белграда И. Ристич вступил в контакт с Д. Андраши и добился некоторого увеличения полученных Сербией территориальных приращений, заплатив за это подчинением Вене внешней политики княжества. Хотя на конгрессе в Берлине голос Греческого королевства звучал шепотом, – писал историк Э. Кофос, – западная и в первую очередь английская дипломатия использовали «греческую квартиру» для восстановления в Македонии и Фракии турецкого правления. Царский консул в Белграде был шокирован тем, что в торжествах по случаю провозглашения независимости

¹⁸ Шемякин А. Л. Идеология Николы Пашича. М., 1996. С. 147–149; *Balkan Studies*, Thessaloniki. 1980. № 21 (1). P. 46.

¹⁹ Канцлер А. М. Горчаков. М., 1998. С. 368.

Сербии о роли России вообще не упоминалось, а его самого «забыли» пригласить на благодарственный молебен. Петербург и Бухарест обменивались резкими, на грани разрыва, нотами. В Македонии происходили столкновения греческих и болгарских чет. Боснийцы тщетно обращались к державам с просьбой не отдавать их под австрийскую оккупацию. Обо всех этих печальных и грустных явлениях говорится в трудах Л. В. Кузьмичевой, А. Л. Шемякина, О. В. Соколовской, П. А. Искандерова, М. Л. Ямбаева.

Встает вопрос, мог ли Сан-Стефанский договор, при отрицательном отношении к нему в Сербии, Греции, Румынии, обеспечить безопасность и стабильность в регионе?

Почва уходила из-под ног российской дипломатии, и не только по причине недовольства Сан-Стефано. Все без исключения страны региона образец для подражания в своем государственном строительстве черпали на Западе, а не в России. Царизм, даже с учетом проводимых реформ, оставался в глазах национальной балканской буржуазии одиозным строем. И по мере обретения самостоятельности балканские страны все меньше нуждались в поддержке России. Отсюда – поведение их представителей в Берлине и горькие слова Горчакова о «злой воле почти всей Европы». Не опирались на реальное положение и надежды на обретение опоры в Болгарии, и старый канцлер А. М. Горчаков, не поддававшийся иллюзиям и чуждый всяким умственным завихрениям, делился невеселыми мыслями с П. А. Шуваловым: «...Если Молдо-Валахия, обязанная своим существованием России и с ней соседняя, смогла стать от нее совершенно независимой, то с тем большим основанием следует ожидать подобного результата и для Болгарии, чья территория от России отделена»²⁰. Война обошлась России почти в 250 тысяч жертв – убитыми, ранеными, замерзшими,

скончавшимися от болезней. Так стоило ли продолжать ее в расширенном варианте против Турции, Великобритании, Австро-Венгрии и Румынии, не имея надежд на конечный успех и с перспективой довести казну и страну до разорения? И чем было решение армейского командования передать дело ее окончания в руки дипломатов – перестраховочной осторожностью или разумной осмотрительностью на основе взвешенной оценки ситуации? На наш взгляд, поддержки заслуживает последнее мнение.

На конгресс в Берлине князь А. М. Горчаков собирался в мрачном настроении – предстояло, как он писал, «доигрывать партию в заранее проигранном положении». Та же тональность – у его последней депеши из германской столицы императору: «Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере». «И в моей тоже», – гласила помета царя на полях.

Российская общественность, угнетенная учиненной в Берлине расправой над Сан-Стефанской Болгарией, погрузилась в траур. Ее гнев обрушился на несчастных дипломатов, подписавших трактат. Златоуст славянофилов И. С. Аксаков в выступлении перед единомышленниками не жалел красок: с России срывают «победный венец» и преподносят взамен «шутовскую с гремушками шапку». «Слово немеет, мысль останавливается перед этим колобродством русских дипломатических умов, перед этой грандиозностью раболепия»²¹.

На самом деле дипломаты не колобродствовали и тем более не раболепствовали, а будучи одни против всех добились подписания трактата, составившего веху в истории балканских стран и европейского эквilibра, похоронив по сути дела британскую доктрину статус-кво. Решения конгресса имели множество изъянов, но все же деревья не должны заслонять от взора лес.

²⁰ Чернов С. М. Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 г. М., 1984. С. 116; Аксаков И. С. Речь, произнесенная в Московском славянском благотворительном комитете. Берлин, 1878. С. 6, 8, 20.

²¹ Чернов С. М. Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 г. М., 1984. С. 116; Нарочницкий А. Л. Берлинский конгресс, Россия и южные славяне // Новая и новейшая история. 1979. № 2. С. 83.

По словам академика А. Л. Нарочницкого, «западным державам удалось ослабить, но не зачеркнуть результаты русско-турецкой войны и освободительного движения балканских народов»²². На фоне достигнутых ими успехов толковать о власти и влиянии Порты в регионе стало неуместным.

Итоги конгресса следует соотносить не с радужными надеждами общественности, а с ситуацией до и после войны. Главный ее итог в балканском измерении – произошло международное признание независимости и территориальное расширение Сербии, Черногории и Румынии, этапное в летописи их жизни событие. После пятисотлетнего небытия возродилась государственность болгарского народа. Учиненное в Берлине противоестественное расчленение болгарских земель не выдержало испытания временем и рухнуло через 7 лет. В России предвидели неизбежность объединения княжества Болгария и провинции Восточная Румелия. В этом духе высказывались люди разных взглядов. П. А. Шувалов полагал: «Отделение Северной Болгарии от Южной могло быть только искусственным». Заместитель («товарищ») Горчакова Н. К. Гирс инструктировал назначенного посланником в Стамбул А. Б. Лобанова-Ростовского: «Конечной целью нашей политики является объединение этой провинции с Болгарским княжеством». Д. А. Милютин был уверен: «Маленькая автономная Болгария послужит ядром для всего болгарского народа»²³. Генерал Э. И. Тотлебен позаботился о материальной подготовке будущего объединения обеих частей Болгарии. Он оставил ее армии винтовки Крнка, 20 тысяч лошадей для кавалерии и артиллерии, суда Дунайской флотилии. 300 офицеров, 2 700 нижних чинов перешли на болгарскую службу. Несбыточность надежд на вечное разъединение болгарского народа сознавали даже некоторые британские политики. Лидер либеральной оппозиции граф Д. Грэнвилл вопрошал премьер-министра Б. Дизраэли (лорда Биконсфилда): «Благо-

родный лорд, кажется, думает, что все трудности устранены простым путем – именуя один из народов восточными румелийцами вместо южных болгар».

Обращает на себя внимание еще одна фраза из выступления Грэнвилла: «Воистину, я понять не могу, – неужели можно рассматривать Берлинский договор иначе, как предоставляющий России все, что она действительно хотела или ожидала получить»²⁴. В царском манифесте цели определялись кратко и благородно: добиться освобождения Болгарии и других земель, освобождения прочного, бесповоротного. Предвоенную обстановку выразительно характеризовала Б. Елавич: «Противоборство на Балканах являлось частью той схватки между Великобританией и Россией, которая являлась осью всей международной жизни. В XIX столетии наиболее интересным дипломатическим соперничеством на мировой арене было то, что происходило между Великобританией и Россией. Спорные очаги простирались от Балтики до Средиземного моря, шли через Оттоманскую империю, Персию, Афганистан и Тибет к Китаю и Тихому океану. Отношения между двумя державами затрагивали баланс сил в Европе, контроль над этими промежуточными землями, их столкновения». В комплексе все это жизнерадостно именовалось большой игрой европейской политики, в которой участвовали слон и кит, в ином варианте акула и волк, то есть Англия и Россия. Медведь в игре почему-то не фигурировал. Увенчалась британская политика доктриной статус-кво, предусматривавшей сохранение власти и влияния Османской империи на Балканах. Россия, указывала Елавич, не могла без соответствующего флота осуществить вторжение на Британские острова, Англия, не имея союзника с соответствующей сухопутной армией, не могла «нанести удар в сердце России»²⁵. Казалось, конца их противостоянию не будет.

²⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 79. Т. 2. Л. 434, 436.

²⁵ Jelavich B. British Means of Offense against Russia in the Nineteenth Century // Russian History. № 12. 1974. P. 119.

²² Красный архив. 1933. № 3. С. 215.

²³ Татищев С.С. Указ. соч. С. 487, 495.

Последняя русско-турецкая война перевернула все карты. Турецкая империя от нанесенных ударов уже не оправилась. Она докатилась до суммы, обзаведясь неоплатным государственным долгом, и вступила в полосу угасания.

Не меньшее, а может быть и большее значение, нежели балканские аспекты замирения, имели аспекты европейские. Рухнула вся тщательно сооруженная система оберегания Османской империи, венцом которой являлась доктрина статус-кво. Пятерка великих – Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия, Италия – стеной стояла на пути балканских стран к независимости. Русский штык прорвал эту блокаду. На конгрессе оппоненты склонились перед волей России, признав государственную независимость трех стран. России удалось вернуть себе Южную Бессарабию, вычеркнуть из памяти последнее вызывавшее досаду условие Парижского мира 1856 года, присоединить в Закавказье несколько важных пунктов, включая Батум с прекрасной естественной гаванью, Карс и Ардаган.

Закончилось более чем полувековое противоборство Англии и России на Балканах, причем в пользу нашей страны. В огне войны рухнула доктрина статус-кво – неприкосновенность власти и владений Османской империи в Юго-Восточной Европе. Восторжествовал российский курс на возрождение и укрепление здесь национальной государственности христианских народов. Турецкая держава получила удар, от которого уже не смогла оправиться. Конечно, итоги выглядят совершенно иначе, если подходить к ним с локальными мерками, сопоставлять их с планами и надеждами.

Профессор М. Войводич в докладе на международной конференции «Россия и освобождение народов Юго-Восточной Европы от османского ига (к 130-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг.)» в Москве 28 мая 2007 г. говорил о разочаровании в Сербии результатами конгресса, расценив их как удар по славянству. Что же, путь к освобождению и национальному объединению, как правило, тернист и долог, далеко

не все удалось осуществить и в ходе Восточного кризиса. Но, если подходить к итогам войны с традиционной меркой и сравнивать ситуацию до и после войны, результаты выглядят впечатляюще.

1876 год. Апрельское восстание в Болгарии потоплено в крови. Нури Осман паша, будущий защитник Плевны, нанес поражение сербским войскам. Румынская попытка добиться независимости, закамуфлировав ее под индивидуальность, натолкнулась на резкий отказ Стамбула. Балканских сил явно не хватало для достижения цели, конца зависимости от Высокой Порты не предвиделось.

Итоги войны 1877–1878 годов в самом кратком варианте выглядят так: договор стер последние следы крымского поражения, вернув Южную Бессарабию в состав России, санкционировал присоединение к ней в Закавказье Батума, Карса и Ардагана, признал государственную независимость Сербии, Румынии и Черногории, восстановил после почти пятисотлетнего перерыва государственность болгарского народа, нанес сокрушительный удар власти и влиянию Порты на Балканах и приблизил тем ее конец. Рухнула британская система оберегания Османской империи, венцом которой выступала доктрина статус-кво, предусматривавшая сохранение власти и влияния Высокой Порты на Балканах. В условиях стремительного угасания того и другого приказала долго жить пресловутая доктрина. Восторжествовал российский курс на освобождение христианских народов полуострова. Британии пришлось перекраивать всю систему защиты имперских интересов, перенеся ее центр из зоны Черноморских проливов к Суэцкому каналу. Наступила новая эпоха в истории региона, и первую скрипку в его судьбах стали играть балканские народы.

Уже тогда, в 1878 году, встал вопрос о перспективах развития балканских государств под сенью Берлинского трактата. Ответ на него дала история. Прошло всего тридцать с небольшим лет, и в ходе Первой балканской войны 1912 г. вооруженные силы Болгарии, Сербии, Греции и Черногории в течение одного месяца наголову разгромили турецкую армию.

И. В. Крючков

АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ДОНЕСЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ В НАЧАЛЕ XX В.

Проблемы взаимоотношений Австрии и Венгрии и особенно трудности заключения очередных экономических соглашений между двумя половинами империи Габсбургов привлекали внимание со стороны российских дипломатов. От характера выстраиваемых отношений Австрии с Венгрией в рамках дуализма зависели судьбы империи Габсбургов и сопредельных государств. Поэтому дипломатический корпус России, работавший в Вене, Будапеште, Фиуме (Риеке) постоянно снабжал Санкт-Петербург соответствующими донесениями, где давался анализ отношений между австрийской и венгерской половинами Дунайской империи.

Российские дипломаты фиксировали рост интереса в Будапеште к событиям, происходившим в Австрии. В Венгрии понимали, что будущие страны во многом будут зависеть от развития ситуации в Цислайтании. В донесениях генерального консула в Будапеште князя А. Львова в 1900–1901 гг. констатировалось, что правящая элита Венгрии с презрением и тревогой смотрела на развитие политической ситуации внутри Австрии, где отсутствовало стабильное правительственное большинство в парламенте, а Цислайтания погрязла в череде политических и национальных конфликтов¹. По мнению венгерских политиков и журналистов, Австрия вступила на опасный путь славянизации, так как после заключения дуалистического соглашения в австрийской половине империи австро-немцы постепенно сдавали свои позиции в пользу славян². Это обстоятельство вызывало большую обеспокоенность в Будапеште.

Центральное место в донесениях дипломатического корпуса, работавшего в Австрии и Венгрии, занимала проблема заключения очередного 10-летнего экономического соглашения между Австрией и

Венгрией. В начале XX в., согласно донесениям князя А. Львова, среди деловых и политических кругов Венгрии не было полного единства в вопросе о целесообразности сохранения экономического союза с Австрией. В Венгрии постоянно звучали требования о создании собственного таможенного пространства с целью защиты отечественной промышленности от конкуренции со стороны австрийских производителей³. Консул замечал, что бесконечные склоки между Австрией и Венгрией в вопросах сохранения экономического единства самым негативным образом сказывались на перспективах развития их экономик. Данное обстоятельство существенно мешало развитию внешнеэкономической экспансии империи Габсбургов.

В 1901 г. внимание консула заинтересовало мнение Будапештской торговой палаты, по поводу заключения нового экономического соглашения с Австрией. А. Львов признавал, что положительный исход в деле заключения данного соглашения во многом был связан с позицией, занятой венгерскими аграриями в этом вопросе. В 1901 г. во время дискуссий в торговой палате аграрии поддержали проект нового экономического соглашения с Австрией, но при условии устранения препятствий на пути ввоза венгерской сельскохозяйственной продукции в Австрию, включая ликвидацию придинок австрийских ветеринарных служб и лишение иностранных государств льгот на сельскохозяйственном рынке Австрии. Аналогичную позицию занимали представители торговли, получавшие значительную часть прибыли от торговых операций с Цислайтанией. Однако промышленные круги и ремесленные союзы все решительнее требовали разрыва с Австрией, им было трудно на равных конкурировать с австрийскими производителями⁴.

А. Львов задавался вопросом, кто в случае начала между Австрией и Венгрией эко-

¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 575. Л. 50.

² Там же. Л. 2.

³ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 576. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 144.

номической войны пострадает в большей степени? Ответ для него был очевидным – Австрия! Дело в том, что Цислайтания сильно зависела от поставок венгерского продовольствия и сырья, в то время как венгерская промышленность могла частично восполнить отсутствие австрийских товаров в Венгрии, а частично данный пробел можно было легко устранить с помощью импорта недостающих промышленных товаров из других государств и, возможно, на более льготных условиях. А. Львов отмечал, что аграрные страны, включая Венгрию, с меньшими последствиями переживали экономические войны в сравнении с экономически развитыми государствами, в том числе Австрией⁵.

В 1900 г. генеральный консул обратил внимание на влияние германского фактора на характер экономических взаимоотношений Австрии и Венгрии, что в принципе ранее не проявлялось. Германские аграрии на рубеже XIX–XX вв. все активнее настаивали на повышении таможенных пошлин на ввоз в Германию сельскохозяйственной продукции из России, Австро-Венгрии и других государств. В случае реализации данного проекта на практике венгерский аграрный экспорт понес бы колоссальные убытки. Это мнение наиболее ярко выразил в своей речи депутат венгерского парламента Полоньи. Он утверждал, что в случае повышения Германией таможенных пошлин на аграрную продукцию, Австро-Венгрии пришлось бы повысить пошлины на германские промышленные товары, что непременно привело бы к повышению цен на австрийские промышленные товары в Венгрии⁶. Следовательно, от экономической войны с Германией вся тяжесть падала на плечи Венгрии, в то время как Австрия еще получала дополнительные дивиденды. Полоньи требовал экономической независимости для Венгрии, ибо только так она сможет наиболее эффективно защищать свои интересы.

А. Львов отмечал, что в венгерском парламенте данная позиция встречала силь-

ное противодействие. В выступлении графа Б. Серени, приводимом генеральным консулом в отчете в МИД России, прозвучала мысль, затрагивавшая опосредованно и Россию. Граф отмечал, что опыт России показывал неэффективность высоких таможенных пошлин, ее экономика из-за этого постоянно испытывала проблемы. Поэтому Б. Серени призывал не повторять печальный опыт России и сохранить экономический союз с Австрией⁷. В то же время в конце 1901 г. А. Львов отмечал увеличение в Венгрии числа сторонников разрыва экономического союза с Австрией⁸.

В 1902 г. генеральный консул обратил внимание на выступление бывшего премьер-министра Венгрии Д. Банфи, ставшего одним из лидеров венгерских националистов. Он отмечал рост в Австрии политического хаоса, что должно было, по его мнению, привести к трансформации династии Габсбургов в мадьярскую династию, и смещению центра тяжести Дунайской империи с австрийской на венгерскую половину. В результате этого Венгрия приобретала привилегированный статус в империи. Одновременно консул акцентировал внимание МИД на слова Д. Банфи о том, что он против разрыва отношений с Австрией, так как Венгрия в данном случае могла превратиться в «малое балканское государство», ставшее игрушкой в руках могущественных европейских стран⁹.

В начале 1905 г. А. Львов вновь возвращается к теме австро-венгерских взаимоотношений. На этот раз угрозу единства империи консул увидел в позиции евреев Венгрии¹⁰. А. Львов постоянно с большим опасением относился к венгерским евреям. В частности в них он видел противников сближения Австро-Венгрии и России. По его мнению, «всесильные» евреи Венгрии оказывали значительное влияние на политическую и экономическую жизнь страны.

⁷ Там же. Л. 154.

⁸ Там же. Л. 308.

⁹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 577. Л. 176.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 580. Л. 5.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 146.

В случае отделения от Австрии евреи Венгрии могли рассчитывать на дальнейшее укрепление своих позиций в народном хозяйстве Транслайтании.

Однако А. Львов не сводил число противников единства империи в Венгрии в 1905 г. только к евреям. На его взгляд, поражение И. Тисы на последних парламентских выборах символизировало желание большинства венгров избавиться от союза с Австрией при сохранении общего монарха¹¹. Начавшийся после выборов конфликт короны с национальной оппозицией еще больше запутал перспективы будущего экономического союза Австрии с Венгрией. Консул докладывал в Санкт-Петербург о политической программе Ф. Кошута и его сторонников. В ней дипломат постоянно акцентировал внимание на призывах лидеров национальной оппозиции о необходимости разрыва экономического союза с Австрией.

В начавшейся борьбе венгерской национальной оппозиции с короной, по мнению А. Львова, ее успех во многом зависел от занятой представителями национальных меньшинств позиции, так как Ф. Кошут и его сторонники не могли успешно бороться на два фронта. Это привело к заигрыванию оппозиции с лидерами национальных меньшинств и ослаблению политики мадьяризации. А. Львов не сомневался в том, что большинство славян и румын Венгрии в данном конфликте находилось на стороне короны и Австрии.

Анализируя ситуацию в 1907 г. российские дипломаты в Австрии и Венгрии отмечали дальнейший рост настроений венгерского общества в пользу разрыва экономических и иных связей с Австрией. Более того, назывался год, когда это должно было произойти – 1917 г.¹² В то же время они констатировали наличие в парламенте страны и за его пределами мощного лобби, стремившегося любыми способами сохранить экономический союз с Австрией.

¹¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 580. Л. 7.

¹² АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 581. Л. 27, 46.

1907 г. ознаменовался введением в Австрии всеобщего избирательного права. Это событие вызвало большой резонанс в империи Габсбургов и за ее пределами. Российские дипломаты внимательно следили за реакцией венгерской общественности на данное событие. Дипломаты в Вене и в Будапеште отмечали болезненную реакцию большинства политиков Венгрии на избирательную реформу в Австрии¹³. Обратная реакция была у социал-демократов, левых радикалов и представителей национальных меньшинств. Не случайно внимание дипломатов к визиту Франца-Иосифа I в Будапешт по случаю 40-летия его коронации. Они отмечали, что император вообще не хотел ехать в столицу Венгрии и только настоятельные рекомендации его окружения и правительства Венгрии заставили его приехать в Будапешт. Дипломатов поразила будничность этого визита и пассивность венгров при встрече монарха¹⁴. Абсолютно неожиданно с ликованием короля встречали социал-демократы, тем самым они поддерживали введение всеобщего избирательного права в Австрии. Францу-Иосифу также не могли простить конфликт с национальной оппозицией.

Эти события разительно отличались от аналогичных донесений дипломатов в 1892 г., когда король приезжал в Будапешт на 25-летие коронации и ему жителями и гостями города был организован радушный прием¹⁵. Но уже через три года после событий 1907 г., во время визита Франца-Иосифа в Будапешт летом 1910 г., ему вновь устроили блистательный прием¹⁶. Помня о провале визита в 1907 г., генеральный консул в Будапеште Д. А. Нелидов подчеркивал наличие у венгров сильных династических чувств и верности династии Габсбургов, но венграм

¹³ Там же. Л. 104.

¹⁴ Там же. Л. 175.

¹⁵ АВПРИ. 172. Посольство в Вене. Оп. 514. Д. 376. Л. 75.

¹⁶ «Примирение» венгров и короля состоялось в сентябре 1908 г., в ходе визита Франца-Иосифа в Будапешт. Это событие совпало с годовщиной трагической гибели императрицы-королевы Елизаветы.

была присуща крайняя эмоциональность, которая не раз приводила их к шараханьям из крайности в крайность¹⁷.

Возникал вопрос, почему большая часть политической элиты Венгрии боялась радикальных преобразований в Австрии? Она опасалась аналогичных реформ в Венгрии и заразительности австрийского опыта для немадьярских народов. Австрия могла оказаться более привлекательным политическим проектом, чем Венгрия. Между двумя половинами империи шла скрытая война за симпатии народов, населявших империю Габсбургов.

Более того, на взгляд российских дипломатов, власть в Венгрии монополизировали сельские джентри, консервативные и даже реакционные в видении будущего Венгрии¹⁸. Они защищали свои корпоративные интересы в ущерб единству Австро-Венгрии, отстаивая свои привилегии, джентри готовы были пожертвовать единством империи, превратив Венгрию в островок реакционного консерватизма в Средней Европе. Они предпочитали заниматься либо сельским хозяйством, либо идти на государственную службу, полностью отдав экономику страны в руки евреев. Кстати евреи, в отличие от джентри, спокойно относились к проектам введения всеобщего избирательного права, поскольку эта реформа не затрагивала их экономические интересы¹⁹.

Осенью 1907 г., когда стало известно о подписании очередного экономического соглашения между Австрией и Венгрией, российские дипломаты в Вене, в том числе посол России князь Л. П. Урусов, обратили внимание на секретность этого мероприятия и содержания самого текста соглашения. Они подозревали, что возникшая пауза создана сознательно, так как Вена не торопилась обнародовать текст соглашения, ибо оно было подписано в ущерб экономическим интере-

сам Австрии, и от его заключения в очередной раз выиграли венгерские аграрии²⁰.

Вскоре посольство России в Вене в лице советника С. Н. Свербеева отправило в Санкт-Петербург подробный отчет о новом экономическом соглашении. По мнению российского дипломата, соглашение 1907 г. по структуре и содержанию скорее напоминало торговый договор двух независимых государств, заменявший таможенный союз зоной беспошлинной торговли, причем этот союз носил временный характер²¹. Однако единые таможенные тарифы на внешних границах империи Австрия и Венгрия полностью согласовали лишь после жарких дискуссий. Особенностью соглашения становится полная свобода действий Вены и Будапешта в выстраивании внутренней экономической политики. Соглашение 1907 г. еще меньше оставляло свободы действий для общеимперского министерства иностранных дел, предавая больше прав при создании и ратификации торговых соглашений с другими государствами правительствам Австрии и Венгрии²².

Генеральный консул России в Будапеште В. Штрольборн в донесении в начале 1908 г. подчеркивал, что соглашение 1907 г. действительно в большей степени походило на международный договор, чем на правовой документ, заключенный между двумя половинами единой империи. Фактически, по мнению генерального консула, Венгрия получила право не продлевать соглашение в 1917 г. после окончания срока его действия²³. Он также обратил внимание на изменение процедуры заключения империей Габсбургов международных договоров, если раньше все делалось от имени общеимперского министерства иностранных дел, то теперь подписывался отдельно договор для Австрии и отдельно для Венгрии. Эта процедура должна была символизировать государственную самостоятельность Венгрии. Следовательно,

¹⁷ АВПРИ. Ф.151. Политархив. Оп. 482. Д.583. Л. 110.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 581. Л. 104.

¹⁹ Там же. Л. 105.

²⁰ Там же. Л. 145.

²¹ Там же. Л. 147.

²² Там же. Л. 147.

²³ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 582/1. Л. 40.

Будапешт постоянно стремился подчеркнуть свою независимость даже в тех сферах, на которые раньше венгерская элита не акцентировала внимание. Другой генеральный консул России в Будапеште М. Приклонский констатировал, что в начале XX в. венгры стали внимательно относиться к представлению иностранных генеральных консулов в Будапеште, требуя, чтобы эта процедура проходила в венгерской столице и только в исключительных случаях в Вене²⁴.

В данной связи Д. А. Нелидов в октябре 1908 г. отмечал заключение Венгрией соглашения с Италией о взаимном страховании рабочих. Сам по себе договор мало чем был примечателен. В Венгрии трудилось около 12 тыс. итальянцев, а в Италии несколько сот венгров. Однако он стал первым международно-правовым актом, заключенным Будапештом самостоятельно без Австрии и общеимперского МИД²⁵.

Сам В. Штрольборн не стремился делать предположения о будущем экономического союза Австрии и Венгрии. Выделяя те факторы, которые вели к развалу союза, он одновременно подчеркивал тенденции, способствовавшие дальнейшей экономической интеграции обеих половин империи. В этом случае примечательно выступление премьер-министра Венгрии Ш. Веккерле летом 1908 г., где он призывал к созданию таможенного союза Австрии, Венгрии, Германии и Швейцарии с целью противостояния экономической экспансии США в Европе²⁶. Генерального консула данное выступление очень заинтересовало, так как он принадлежал к числу тех дипломатов, которые надеялись на развитие взаимовыгодного экономического сотрудничества России и Австро-Венгрии в условиях охлаждения отношений между Санкт-Петербургом и Вашингтоном.

²⁴ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 584. Л. 14.

²⁵ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 582/2. Л. 102.

²⁶ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 582/1. Л. 42.

В одной из депеш В. Штрольборна отмечались основные моменты экономического соглашения 1907 г. Во-первых, оно устраняло невыгодные для Австрии железнодорожные тарифы, кроме этого, Вена получала право проведения железной дороги в свой анклав – Далмацию – до декабря 1911 г. Во-вторых, Австрия не согласилась на строительство железной дороги от Кошице к прусской границе, но пошла на увеличение грузоперевозок из Венгрии в Германию по уже существующим железным дорогам. В-третьих, обе стороны получили больше свободы в установлении акцизных сборов. В-четвертых, квота Венгрии в общеимперских расходах увеличивалась на 2 %. В-пятых, Венгрия соглашалась на своевременное погашение своих долгов²⁷.

Таким образом, первоначальный пессимизм российских дипломатов не подтверждался. Соглашение 1907 г. действительно в целом было выгодно для венгерских аграриев, но за это Будапешту пришлось пойти на ряд существенных уступок Австрии. Поэтому они признавали, что в общем соглашение носило компромиссный характер, устраивавший обе стороны. В то же время в Вене и в Будапеште оказалось много недовольных данным экономическим соглашением между Австрией и Венгрией. К тому же Венгрии не удалось реализовать идею трансформации Австро-Венгерского банка в Картельный банк²⁸.

Кстати, многие российские дипломаты в Вене не очень верили заявлениям венгерской оппозиции о необходимости раздела Австро-Венгерского банка. По мнению С. Н. Свербеева, подавляющая часть венгерской правящей элиты и, прежде всего, представителей бизнеса понимала опасность такого шага для Венгрии, поскольку 2/3 векселей банка имело венгерское происхождение, около 80 % его залоговых операций также приходилось на Венгрию. Поэтому Будапешту было выгодно сохранять единство Австро-Венгер-

²⁷ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 581. Л. 147.

²⁸ АВПРИ. Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Д. 41. Л. 8.

ского банка, чтобы переложить на Австрию часть своего финансового бремени. К тому же слабая венгерская банковская система остро нуждалась в дешевых государственных кредитах, которые мог предоставить только Австро-Венгерский банк²⁹. Отсюда С. Н. Свербеев призывал МИД России с большой осторожностью относиться к лозунгам Ф. Кошута и его сторонников о необходимости раздела единого банка империи.

Причиной постоянных выяснений отношений между Австрией и Венгрией являлся вопрос о статусе Боснии и Герцеговины с самой ее оккупации в 1878 г., особенно эта проблема обострилась после аннексии провинций. Во время аннексии Боснии и Герцеговины российские дипломаты внимательно следили за реакцией венгерской общественности на это событие. Аннексия не вызвала удивления, общество было уже готово к такому повороту событий. Практически все венгерские издания не сомневались в решенности вопроса о включении Боснии и Герцеговины в состав Венгрии, но санкционировать данный акт должны были не делегации, а венгерский парламент. Таким образом, в Будапеште и не помышляли о возможности вхождения аннексированных провинций в состав Австрии. «Особый статус» Боснии и Герцеговины, по мнению российских дипломатов, был выгоден Австрии, и она любыми способами будет стремиться оттянуть окончательное определение статуса Боснии и Герцеговины в составе империи Габсбургов³⁰.

Дипломаты отметили рост антиавстрийских настроений в венгерском обществе из-за провала плана присоединения провинций к Венгрии. Они внимательно отслеживали столкновение интересов Австрии и Венгрии в Боснии и Герцеговине, что не могло не сказаться на охлаждении отношений между двумя половинами империи. В качестве примера можно привести историю о предоставлении Пештскому

коммерческому банку концессии на учреждении Венгерского земельного банка в Боснии и Герцеговине, и если для венгров это был вполне логичный шаг, подчеркивающий права Венгрии на провинции, то Австрия вытребовала для себя ряд уступок в обмен на концессию. Это событие вызвало бурю возмущения в венгерском обществе, что не прошло мимо российских дипломатов³¹.

В мае 1910 г. Франц-Иосиф совершает поездку в Боснию и Герцеговину. Венгерская пресса к этому шагу императора-короля отнеслась отрицательно. Она полагала, что данный визит преждевременный, до тех пор пока окончательно не будет урегулирован вопрос о статусе аннексированных провинций. Д. А. Нелидов признавал, что Австрия, по сути, установила экономическую гегемонию в Боснии и Герцеговине, так как Венгрия не имела мощных экономических рычагов воздействия на ситуацию в провинциях. Поэтому население Боснии и Герцеговины встречало Франца-Иосифа как императора Австрии, а не короля Венгрии³².

Летом 1912 г. генеральное консульство в Будапеште обратило внимание на вал статей в венгерской прессе, где раздавались призывы о необходимости включения Боснии и Герцеговины в состав Венгрии, обосновывались исторические права Венгрии на провинции и т. д.³³ М. Приклонский в дискуссии вокруг статуса Боснии и Герцеговины видел перманентный раздражитель во взаимоотношениях Австрии и Венгрии, способный еще не раз привести к очередному витку конфронтации между двумя половинами империи Габсбургов.

В 1908–1912 гг. российские дипломаты обращали пристальное внимание на события, развернувшиеся на Балканском полуострове и в империи Габсбургов после аннексии Боснии и Герцеговины. Консул в Фиуме в марте 1912 г. в своем донесении

²⁹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 583. Л. 25.

³⁰ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 582/1. Л. 92.

³¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 582/2. Л. 64.

³² АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 583. Л. 87.

³³ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 586. Л. 56.

отмечал распространение популярности доктрины триализма в югославянских землях Дунайской империи. На его взгляд, Вена на данное явление смотрела абсолютно спокойно, в то время как в Будапеште царил паника³⁴. Аннексию Боснии-Герцеговины и триализм поддержали даже представители консервативных кругов Австрии в лице К. Люгера, князя А. Лихтенштейна и других влиятельных противников дуализма. По мнению консула, некоторые политические круги в Вене желали заигрыванием со сторонниками триализма оказывать давление на Будапешт с целью получения от него дополнительных уступок. Были также и те, кто стремился разыграть триалистическую карту в своих далеко идущих планах. В случае реализации триализма можно было хорватов оторвать от сербов, ослабить Венгрию и усилить позиции Австрии среди южных славян на фоне их разочарования в политике Будапешта³⁵.

По мнению консула в Фиуме, венгерская национальная оппозиция использовала в своих целях в 1905–1907 гг. хорватов, проигнорировав обещанные им уступки. Более того, правительство Ш. Веккерле – Ф. Кошута продолжило наступление на права Триединого королевства. Это привело к окончательной утрате веры южных славян в способность Венгрии удовлетворить их национальные чаяния. Поэтому их взоры все чаще обращались в сторону Вены и Белграда. На взгляд консула в Фиуме, вся попытка Вены, направленная на заигрывание с южными славянами, была обречена на провал, так как доктрина триализма носила ярко выраженный антинемецкий и антимадьярский характер³⁶.

В марте 1912 г. большой резонанс в Венгрии и за ее пределами вызвала неожиданная отставка премьер-министра страны К. Куэн-Хедервари. Многие венгерские газеты писали о происках эрцгерцога Франца-Фердинанда и «бельведерской клики»,

³⁴ АВПРИ. Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Д. 51. Л. 12.

³⁵ Там же. Л. 13.

³⁶ Там же. Л. 10.

стремившихся уничтожить дуализм и широкую автономию Венгрии в интересах Австрии. Представитель Петроградского телеграфного агентства, а по сути, еще и агент российской разведки В. Сватковский скептически относился к таким рассуждениям в своем докладе под броским названием «Значение венгерского вопроса»³⁷. По мнению В. Сватковского, император не доверял наследнику престола, в то время как К. Куэн-Хедервари его злопыхатели называли «холопом императора». К. Куэн-Хедервари сам себя скомпрометировал в глазах императора, начав самостоятельные переговоры с оппозицией, затронув прерогативы короны. Недруги сразу довели эту информацию до императора, предрешив отставку венгерского премьер-министра. В К. Куэн-Хедервари будапештская элита видела сильного противника введения в стране всеобщего избирательного права. После его отставки в Будапеште опасались повторения австрийского сценария, означавшего введение в Венгрии всеобщего избирательного права³⁸. Поэтому В. Сватковский не верил во все теории о заговоре императорского двора против Венгрии и начала ее нового поглощения Австрией.

Кстати К. Куэна-Хедервари российские дипломаты «недолюбливали». Когда ему в начале 1912 г. сделали операцию по удалению катаракты, генеральный консул в Будапеште М. Приклонский полагал, что МИД России не должен направлять соответствующую поздравительную телеграмму венгерскому премьер-министру по ряду обстоятельств. Первое – это отсутствие у К. Куэна-Хедервари симпатий к России. Второе – в условиях возможного сближения России и Венгрии первый шаг к сотрудничеству должна была делать не «Великая Россия», а «Скромная Венгрия»³⁹.

В отличие от В. Сватковского, М. Приклонский отставке К. Куэна-Хедервари придавал большее значение. В этом событии он

³⁷ АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 309. Л. 1.

³⁸ Там же. Л. 3.

³⁹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 586. Л. 7.

даже усматривал начало краха самой Австро-Венгрии, к чему Россия должна была подготовиться⁴⁰. Генеральный консул в Будапеште констатировал ослабление позиций Венгрии перед Австрией в годы борьбы национальной оппозиции с короной и после отставки К. Куэна-Хедервари, но это не означало, что России не следовало развивать отношения с Будапештом. Консул полагал, что Венгрия сможет оправиться после понесенных потерь⁴¹.

В июле 1912 г. М. Приклонский высказал свое отношение к доктрине федерализации империи Габсбургов. Этот факт непременно привел бы к снижению статуса Венгрии в составе Дунайской империи и коренной перекройке политической карты Австрии. Однако за этими плюсами крылись большие опасности для России. Федерализация Австро-Венгрии могла стать сигналом для федерализации России, образование украинского и польского центров в Дунайской империи могло способствовать распространению польского и украинского сепаратизма внутри России, славяне, ущемленные в правах в Австрии и Венгрии, будут испытывать теплые чувства к России и т. д. Поэтому для М. Приклонского дуализм в данном историческом контексте являлся самой удобной для России формой политической организации империи Габсбургов⁴².

Неожиданные рассуждения о возможном сценарии развития австро-венгерских отношений возникают во время Балканских войн. По мнению М. Приклонского, венгерская общественность не хотела войны с Сербией, тем более большой войны с Сербией и Россией. Она понимала, что в случае войны Венгрия попадет в сильную зависимость от Австрии в ущерб ее национальным чаяниям⁴³. Будапешт не был уверен в хорватах, симпатизировавших Вене, в румынах и сербах, где были сильны сепаратистские

настроения, по крайней мере среди части общества.

Этим же М. Приклонский в конце 1912 г. объяснял миролюбивый тон венгерской прессы после прихода на высшие командные посты в австро-венгерской армии генералов А. Кробатина и К. Гетцендорфа. К. Гетцендорф был близок к наследнику престола и другим противникам дуализма. «Партия войны» в случае начала боевых действий могла в любой момент забыть о конституционных правах Венгрии и ее равноправии в отношениях с Австрией.

Следовательно, российские дипломаты в начале XX в. отмечали постепенное охлаждение отношений между Австрией и Венгрией. Это было во многом связано с желанием Будапешта расширить собственный суверенитет на новые сферы взаимоотношений двух половин империи. Серьезным испытанием для Австрии и Венгрии становится аннексия Боснии и Герцеговины и очередное обострение югославянского вопроса. Они вполне допускали возможность разрыва экономического союза Австрии и Венгрии.

В то же время дипломаты постоянно призывали не драматизировать ситуацию и не обращать внимание на риторику австрийских и венгерских сторонников разрыва союза Австрия – Венгрия. Несмотря на все обстоятельства, экономики Австрии и Венгрии нуждались друг в друге. В Вене и в Будапеште понимали, что в случае разрыва Цислайтания и Транслайтания не смогут врозь претендовать на роль лидера европейской политики, что было чревато для них серьезными последствиями в условиях нового обострения ситуации на Балканском полуострове. Однако дуалистическая система нуждалась в обновлении, поскольку она не устраивала значительную часть политических сил империи Габсбургов.

⁴⁰ Там же. Л. 20–21.

⁴¹ Там же. Л. 78.

⁴² Там же. Л. 90–92.

⁴³ Там же. Л. 164.

В. В. Миронов

ВОЙНА НА УНИЧТОЖЕНИЕ» В СЕРБИИ КАК ЧАСТЬ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После дворцового переворота 1903 г., ознаменовавшего кардинальную смену внешнеполитического курса Сербии, Белград и Вена неоднократно находились на грани крупномасштабного военного конфликта. Концепция «превентивной войны» нашла своих сторонников как в генеральном штабе Австро-Венгрии, так и в высшем военном командовании Сербии. Вдохновителем «упреждающего удара» в Вене был шеф генерального штаба К. фон Гетцендорф, временно отошедший от службы в конце 1912 г. и представивший правительству свою аналитическую записку о Балканах. Содержавшиеся в ней выводы сводились к тому, что военное решение «славянской проблемы» становилось неизбежным из-за территориального расширения Сербии в результате двух Балканских войн, особенно ее попыток закрепиться в Северной Албании и выйти к Адриатическому морю. Позиция К. фон Гетцендорфа, выступавшего за немедленное нападение на Белград, нашла поддержку у большинства членов венского кабинета, за исключением министра иностранных дел графа К. Берхтольда. Он справедливо опасался, что военная операция, предпринятая без видимых на то оснований, приведет в итоге к международной изоляции Австро-Венгрии и лишит ее германской поддержки. Вместе с тем К. Берхтольд не был принципиальным противником военных действий против Сербии, полагая, что необходимо найти лишь подходящий повод, чтобы расправиться с южным соседом¹.

Такова геополитическая подоплека «карательной экспедиции» Вены в Сербию, последовавшей за Июльским кризисом 1914 г. В военной пропаганде Австро-Венгрии с первых дней боевых действий всячески акцентировалась необходимость осуществления воз-

мездия сербам, поголовно изображавшимся как коварная и в то же время отсталая «балканская нация»².

Поведение вторгшихся в «сербские пределы» военнослужащих австро-венгерской армии по отношению к гражданскому населению, санкционированное военным командованием, резко противоречило международному законодательству о законах и обычаях войны. О том, что террор, развязанный австро-венгерской военщиной на временно оккупированной территории Сербии, был неотъемлемой частью самого стратегического замысла, красноречиво свидетельствуют официальные документы габсбургских вооруженных сил, обнаруженные у павших в бою офицеров. Так, приказ, изданный 27 августа 1914 г. в боснийском Брчко командующим 5-й армией генералом Л. Франком, предписывал беспощадное обращение с сербским гражданским населением. В нем, в частности, говорилось: «Солдаты, милостивый император доверил Вам войти в Сербию и взять в свои руки эту страну авантюристов и разбойников. Это ваш долг уничтожить в этой несчастной стране всех мужчин, женщин, и их собственность. Каждый, кто проявит милосердие к преступникам, будет беспощадно наказан...»³. Данный приказ, опубликованный до того в сербской прессе, 1 января 1919 г. был направлен адвокатом из Шабаца Еротичем югославской делегации на Парижской мирной конференции⁴.

Официальные сербские источники подтверждают, что балканское королевство понесло в Первой мировой войне самые боль-

² Holzer A. Der Krieg gegen Zivilisten. Fotografien aus dem Ersten Weltkrieg //www. kakanien.ac.at/beitr/fallstudie/ AHolzer1pdf, S. 2.

³ Цит по: Буковић И. Нађмеђер: аустроугарски логор за Србе, 1914–1918. Београд, 2002. С. 23–24.

⁴ Ibid.

¹ Cramer A. Dynamic of Destruction. Cultere and Mass Killing in the First World War. Oxford, 2008. P. 86.

шие людские потери среди всех воевавших держав. Они составляли 250 000 военнослужащих и 300 000 гражданских лиц при довоенной численности населения в 3 100 000 человек. Военная машина Австро-Венгрии недосчиталась 273 000 солдат и офицеров из 450 000 военнослужащих, участвовавших в боевых действиях на территории Сербии⁵. Тяжелый удар по сербскому генофонду являлся в первую очередь следствием «войны на уничтожение», заранее спланированной стратегами австро-венгерского высшего военного командования⁶.

Предыстория самого термина, употребляемого главным образом применительно к военным преступлениям нацистской Германии, тесно связана с карательными мерами, широко практиковавшимися в годы первого глобального конфликта в отношении мирного населения захваченных территорий. Уже тогда оно систематически подвергалось насильственной депортации, привлекалось к принудительным работам, а также становилось жертвами садистских выходок распоясавшихся оккупантов, в «арсенале» которых были самые изощренные способы умерщвления. Закапывание и сожжение живьем, выкалывание глаз, отсечение различных частей человеческого тела – вот лишь неполный список преступных действий, направленных во время Первой мировой войны на истребление целых народов⁷. В отличие от устоявшейся тенденции к систематическому изучению геноцида армян на территории Османской империи, «европейская история» массовых убийств гражданского населения во Франции, Бельгии и Сербии вопреки обилию разнообразных документов была надолго предана забвению. Обращение к ней как в Веймарской Республике, так и в постимперской Австрии дискредитировало «славные воинские традиции» и порожденный версальскими реалиями реваншизм⁸.

⁵ Cramer A. Op.cit. P. 144.

⁶ Бојић Д. Српске избеглице у Провм светском рату (1914–1921). Београд, 2007. S. 51.

⁷ Ibid. S. 57.

⁸ Holzer A. Op. cit. S. 3.

Занятие австро-венгерскими войсками приграничных населенных пунктов на сербской территории в ходе так называемого «первого вторжения» (август 1914 г.) сопровождалось физической ликвидацией гражданского населения, напоминавшей своими масштабами этнические чистки современности. Одержанная в августе 1914 г. сербской армией на хребте Цер победа позволила сделать злодеяния оккупантов достоянием международной общественности. В ряде освобожденных населенных пунктов (всего 24) были обнаружены массовые захоронения стариков, женщин и детей со следами жестоких пыток. Командир 3-й сербской армии генерал П. Юришич-Штурм 21 августа того же года известил Верховное командование о приглашении группы иностранцев из Валево, чтобы задокументировать австро-венгерские зверства⁹. Только за один день 12 августа у Мачвы оккупантами было убито около 3 000 мирных жителей¹⁰.

Широкий резонанс вызвало расследование трагических событий в сербском Шабаце, занятом 12 августа австро-венгерскими войсками. 80 мирных жителей стали жертвами кровавой расправы, учиненной военнослужащими 44-го пехотного полка на церковном дворе¹¹. В Шабаце производились повальные аресты гражданских лиц под предлогом их принадлежности к партизанам, причем значительное число арестованных (1 500 тыс.) было интернировано в лагерях Надьмедьер, Добой и Арад, расположенных на австро-венгерской территории¹².

Профессор Лозанского университета А. Райсс обнаружил в 1915 г. обвинительный материал, собранный в течение сентября – ноября 1914 г. по официальному поручению сербского правительства. К подготовленному А. Райссом отчету были приобщены многочисленные доказательства, свидетельствовавшие о военных преступлениях

⁹ Ђуковић И. Op. cit. S. 25.

¹⁰ Бојић Д. Op. cit. S. 53.

¹¹ Rauchensteiner M. Der Tod des Doppeladlers. Österreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg. Graz-Wien-Köln, 1994. S. 178.

¹² Ђуковић И. Op.cit. S. 26–28.

ниях австро-венгерской армии. Среди делопроизводственных материалов, уличавших австро-венгерское военное руководство в спланированном характере карательных акций в отношении сербского гражданского населения, фигурировали два приказа, изданных 14 августа 1914 года командованием 9-го корпуса. В одном из них, выпущенном за подписью генерала Хорштейна, австро-венгерские военнослужащие инструктировались следующим образом: «Война привела нас во вражескую страну, населенную народом, который наполнен к нам фанатической ненавистью; в страну, где убийство из-за угла, как показывает катастрофа в Сараево, характерно и для высших классов, воспевающих его как героизм. По отношению к такому населению неуместны и вредны какая-либо гуманность и мягкосердечность, которые могут нанести ущерб безопасности войск. Поэтому я приказываю проявлять к каждому гражданскому во время боевых действий большую строгость, жесткость и недоверие»¹³. Второй приказ вводил институт заложников, противоречивший международному законодательству. Соппротивление, оказанное мирными жителями оккупантам, влекло за собой немедленную казнь причисленных к заложникам гражданских лиц и сожжение самого населенного пункта¹⁴. Таким образом, санкционированная «сверху» эскалация насилия неизбежно оборачивалась чудовищными злодеяниями. Австрийские немцы, мадьяры и босняки, как явствовало из доклада Верховного сербского командования (август 1914 г.), особо отличились в насилиях над мирным населением, чинившихся на пути следования австро-венгерской армии. Изошренный садизм наблюдался по отношению к сербским женщинам, у которых оккупанты отсекали груди и уши¹⁵.

Неоспоримым доказательством массовых казней гражданского населения служили так называемые «фотографии с виселиц», сделанные самими палачами. Снимки, запечатлевшие солдат и офицеров, позирующих на фоне повешенных, были широко распространены среди австро-венгерских военнослужащих, особенно офицеров. Так, 13 декабря 1916 г. итальянская газета «Secolo» сообщила о фотографии, найденной в карманах у одного павшего недалеко от Горицы австро-венгерского офицера, на которой была изображена казнь гражданского населения в Сербии. Военная пресс-квартира Австро-Венгрии поспешила опровергнуть это сообщение, назвав выдачу подобных фотографий личному составу в пропагандистских целях чистым вздором¹⁶.

Подводя итоги, отметим, что вторжение австро-венгерской армии в Сербию сопровождалось тяжелыми нарушениями международного законодательства о законах и обычаях войны. Планируя военно-политическую акцию против Сербии, австро-венгерское военное руководство было твердо убеждено в скором исчезновении балканского королевства с политической карты, чувствовало свою безнаказанность и поэтому не стеснялось в выборе средств уничтожения мирного населения.

¹³ Reiss R. A. Report upon the Atrocities committed by the Austro-Hungarian Army during the First Invasion of Serbia. London, 1916. P. 181.

¹⁴ Ibid. P. 165.

¹⁵ Буковић И. Op. cit. S. 28.

¹⁶ Hautmann H. Habsburg Totenrummel und vergessene Vergangenheit // Mitteilungen der Alfred Klahr-Gesellschaft. 2011. № 3. S. 7.

И. Бертени-младший

ДВЕ ВОЙНЫ ВЕНГРОВ. 1914–1919 гг.

По итогам Первой мировой войны наибольшие потери понесла Венгрия: в результате Трианонского мирного договора территория страны, некогда составлявшая 325 тыс. кв. км, сократилась до 93 тыс. кв. км, страна потеряла более половины своего населения, в том числе и несколько миллионов венгров. Уничтожение исторического государства стало для венгров крупной трагедией, возможность которой могла являться им лишь в кошмарных снах. Эта трагедия стала, прежде всего, следствием поражения в мировой войне, поэтому можно с полным правом поставить вопрос: стоило ли вступать в борьбу, имевшую столь трагический исход?

Как известно, являясь частью Габсбургской империи, Венгрия не могла вести самостоятельную внешнюю политику, поэтому можно было бы утверждать, что Вена принудила венгров принять участие в трагически закончившейся мировой войне силой, не спрашивая их мнения, и в этом гипотетическом случае поставленный нами выше вопрос, конечно, потерял бы всякий смысл. Значительная часть венгерского общества военных лет действительно думала, что венгерские политики, обслуживавшие властные устремления Вены и пренебрегавшие национальными интересами, мнения венгерской нации действительно не спросили, вследствие чего война, начатая без учета пожеланий венгров, велась во имя чужих интересов, а не венгерских. Но неужели война велась исключительно во имя чужих интересов? За что же воевали сами венгры? Что могла бы выиграть Венгрия, если бы она не потерпела поражение, а одержала победу в войне? Каковы были военные цели венгров в Первой мировой войне? Попытаемся дать ответ на эти вопросы.

Национальные цели Венгрии в эпоху дуализма

Хотя система дуализма действительно делала невозможным ведение независимой венгерской внешней политики, венгерское

правительство все же вполне могло влиять на великодержавную политику Австро-Венгерской монархии. Таким образом, не соответствует действительности мнение, что Франц Иосиф вовлек Венгрию в мировую войну без ведома или вопреки желанию венгерского руководства. Однако, чтобы хотя бы конспективно ответить на вопрос, как же все-таки это произошло, необходимо коротко остановиться на предпосылках, иначе говоря, на том, как венгерская политическая элита представляла себе национальные интересы Венгрии в начале XX века.

Общезвестно, что венгерское королевство исторически было многонациональным государством, в котором, однако, венграм, благодаря их экономическому, политическому и культурному весу, удалось добиться влияния, намного превышавшего долю венгров в населении страны, вследствие чего Венгрией – особенно после австро-венгерского соглашения 1867 г. – по существу управляли венгры (конечно, за исключением Хорватии, имевшей значительную автономию). Это означало, что национальные цели венгерского этноса реализовывались несравненно лучше, чем политические устремления остальных народов Венгрии. В результате доминирующего положения венгров воля т. н. национальностей (румын, словаков, сербов и т. д.) была полностью оттеснена на задний план и если и учитывалась, то лишь временно и частично (как, например, пожелания румын на инициированных Иштваном Тисой переговорах 1910 г.). Несмотря на то что руководители национальных меньшинств, внешние и внутренние враги венгров объясняли этот факт осуществляемым венграми национальным угнетением, имеет смысл указать на то, что в эпоху национализма XIX в. влияние, участие в политической жизни этнических меньшинств (находившихся на различных

стадиях развития) практически ни в одном из многонациональных государств того времени не соответствовало их процентной доле в населении данной страны. Подобно тому как в большой политике вильгельмовской Германии не проявлялись интересы поляков или датчан, а в политике Англии – интересы ирландцев, никто не удивлялся и тому, что в царской России устремления польского, татарского и других этносов, которые, по данным переписи 1897 г., вместе с украинцами и белорусами составляли в совокупности более половины населения страны, совершенно не находили выражения по сравнению с властными интересами русских. Похожим было и положение в Венгрии, где, вопреки разнородному этническому составу населения, венгерская элита была склонна управлять страной как национальным государством, то есть считала, что в Венгрии государство должно было, прежде всего, служить венгерским национальным интересам.

Такое положение называлось в то время венгерской супремацией, с необходимостью поддержания которой полностью соглашались все венгерские парламентские силы. Различия существовали самое большее в методах обеспечения супремации. Некоторые (главным образом те, кто стоял на стороне правительства) были готовы проявить определенную умеренность, руководствуясь отчасти внешнеполитическими соображениями, а отчасти – стремлением обеспечить себе лояльность национальных меньшинств. В противовес им оппозиция, почти всегда настроенная более националистически, чем правительственная партия, настаивала на меньшем количестве компромиссов и проведении последовательной венгерской национальной политики¹.

Наряду с соотношением сил внутри страны (то есть экономическим, культурным и политическим перевесом венгерского и в большинстве случаев солидарного с ним немецкого этноса), большую роль в поддержании венгерской супремации сыграла и сама система дуализма, предоставлявшая Венгрии практически полную самостоятельность во внутренних делах. Иначе говоря, в отличие от периода, предшествовавшего 1867 году, национальности не могли рассчитывать на помощь Вены, династии Габсбургов против венгров. Для Франца Иосифа стабильность империи была гораздо важнее «справедливости», поэтому он оказывал «примирительное влияние» на иногда горячие споры между венграми и проживавшими в Венгрии меньшинствами лишь в тех случаях, когда эти споры уже начинали угрожать великодержавному престижу и боеспособности Австро-Венгерской монархии. Однако национальные меньшинства не могли рассчитывать на его защиту или поддержку с его стороны своих национальных устремлений.

Помимо этого в австро-венгерском соглашении предусматривался паритет, то есть полное равноправие венгерских и австрийских интересов, а также подчеркивалось, что за общую внешнюю политику, наряду с австрийским, ответственен и венгерский премьер-министр, который, таким образом, естественно получал и право влиять на нее. Правда, в самом законе, оформившем соглашение, содержалась довольно туманная формулировка – «дипломатическое и торговое представительство империи за границей, а также распоряжения, необходимые для заключения международных договоров, относятся к ведению общего министра иностранных дел, действующего в согласии с министерствами обеих сторон и с их одобрения»², – однако права и ответственность венгерского премьер-министра в области

¹ См.: Iván Bertényi ml. *Smiesnosť zabíja? Dodatky k pochopeniu šovinizmu na prelome 19. a 20. storočia v Uhorsku./Maďarsko – slovenské terminologické otázky. Materiály medzinárodných konferencií usporiadaných 8. júna a 1. decembra 2006 v Ostrihome. Redigoval Barna Ábrahám Pilišska Čaba – Ostrihom, 2008. S.114–128.*

² 1867: XII. tc. a magyar korona országai és az Ő Felsőge uralkodása alatt álló többi országok között fennforgó közös érdekű viszonyokról ezek elintézésnek módjáról. 8. §. Magyar Törvénytár. 1836–1868. évi törvénycikkek. Budapest, 1896. S. 335.

определения общей внешней политики были общепризнанными и реализовывались на практике. Ведущий проправительственный публицист того времени писал: «...Венгрия не только обладает титулом, провозглашающим ее государственность, но и посредством своего парламента может влиять на ход дел в мире. Она не располагает собственным представительством и собственным министром иностранных дел; но может требовать отчета о руководстве внешними сношениями не только с помощью делегации (имеется в виду венгерское представительство в общем Совете министров Австро-Венгрии, включавшем в себя общих министров иностранных дел, обороны, финансов, а также премьер-министров обеих половин дуалистической монархии. – Прим. И. Б.), но и в парламенте. В делегации за это руководство ответственен общий министр иностранных дел, а в парламенте – премьер-министр»³. Из этого следует, что поддержание дуализма входило в круг венгерских национальных интересов, так как принцип паритета обеспечивал существование Венгрии как в первую очередь страны венгров.

Хотя система дуализма оказалась прочной, у нее было много противников как в Австрии, так и в Венгрии. За Лейтой многие видели наиболее логичный способ укрепления Габсбургской империи в изменении соглашения 1867 г., которое, по их мнению, предоставило венграм слишком большую власть и самостоятельность. Венские централисты и часто сотрудничавшие с ними на почве антивенгерских настроений славянские (по преимуществу) федералистские группы одинаково стремились к сокращению венгерского влияния, политического веса Венгрии. Интересно, что в Венгрии значительная часть общественного мнения также считала австро-венгерское соглашение плохим компромиссом. Для этих людей, опиравшихся на

³ A dualismus. Története, közjogi értelme és nemzeti törekvéseink. Írta Beksics Gusztáv. Budapest, 1892. S.109.

романтические воспоминания о национально-освободительном движении 1848–1849 гг., соглашение с Францем Иосифом было равносильно отказу от принципов; в программе оппозиции от Партии независимости выдвигалась цель ликвидации дуализма и введения чистой персональной унии. Однако поскольку эта программа была невыполнима на практике, на передний план все в большей степени выступало мнение о том, что необходимо повышать роль Венгрии в управлении империей оставаясь в рамках дуализма. В популярной формулировке это звучало так: из Австро-Венгерской монархии нужно сделать Венгерско-Австрийскую монархию.

Таким образом, венгерские национальные цели в эпоху дуализма можно обобщить в трех пунктах: 1) само собой разумеющейся считалась неприкосновенность территориальной целостности и самостоятельности страны, а также венгерской супремации; 2) для достижения этой цели руководство страны настаивало на сохранении дуализма; 3) существовало стремление по возможности увеличить политическое влияние Венгрии в рамках Австро-Венгерской монархии.

Следовательно, можно видеть, что цели венгерской политики имели явную внутриполитическую направленность, и во внешней политике Австро-Венгрии венгры стремились отнюдь не к экспансии и завоеванию новых территорий. По мнению известного проправительственного публициста Густава Бекшича, после создания политического государства венгерская национальная идея должна быть нацелена на создание венгерского национального культурного государства, которое должно означать единый венгерский национальный характер интеллигенции и культуры, а не полную языковую ассимиляцию. «Пока венгерская нация еще не готова, нельзя проводить национальную политику, направленную вовне. До тех пор наши цели и устремления не должны выходить за границы нашего отечества», – заявил он⁴.

⁴ Uj korszak és politikai programja. Írta: Atticus [Beksics Gusztáv]. Második, változatlan kiadás. Budapest, 1889. S.13.

В то время, когда венгры занимались созданием венгерского национального государства, было бы преждевременным и опасным присоединять к стране новые венгерские территории. Но венгерским интересам не соответствовало и значительное территориальное расширение Австрии, так как в этом случае было бы нарушено равновесие между Венгрией и Австрией, что поставило бы под вопрос важный для венгров дуалистический паритет. Кажется, что соглашение 1867 г., открывшее двери венгерскому влиянию, действительно связало Габсбургам руки: венгры не были заинтересованы ни в каких завоеваниях, вследствие чего Австро-Венгерская монархия была обречена на пассивную или, если выразиться благожелательнее, миролюбивую внешнюю политику, поскольку не сумела справиться с противодействием венгров более активной политикой.

Во многих отношениях это соответствовало и имперским интересам. После 1866 г. экспансия в западном направлении стала уже невозможной, а в связи с будущим слабевшей Османской империи существовали сильные аргументы в пользу необходимости до последней возможности поддерживать ее существование. Это отвечало и интересам Англии, которая опасалась угрозы со стороны России, интересовавшейся проливами. Венгерский национализм также был сильно заинтересован в продлении существования слабых и безопасных турецких соседей, однако в том случае, если это уже стало бы невозможным из-за дряхлости Османской империи, венгры считали меньшим злом возникновение независимых государств освободившихся балканских народов и не поддерживали завоевательные планы определенных кругов Австро-Венгрии на Балканах. Однако националисты балканских народов, несмотря на то, что их маленькие, завоевывавшие независимость государства не принадлежали к одной весовой категории с Австро-Венгрией, выдвигали

в перспективе цель этнического объединения, то есть создания национальных государств, в которые вошли бы румыны, сербы и – шире – южные славяне, жившие в границах Австро-Венгерской монархии. Правда, у них не было шансов добиться этого своими силами, однако, пользуясь поддержкой Российской империи, традиционно интересовавшейся этим регионом, они уже представляли собой опасность.

Таким образом, Российская империя была серьезной угрозой для Австро-Венгрии, обеспечивавшей благоприятные условия для достижения венгерских национальных целей. Венгерские либералы уже с 1830-х гг. считали царскую Россию опасной державой, которая подавляет свободу народов своим тираническим государственным строем. Поэтому они даже были готовы умерить свои требования по отношению к Габсбургам. Лучшим примером этого был «величайший венгр», граф Иштван Сечени. Но и более решительный оппозиционер, Ференц Деак, либеральный политик, заключивший с венгерской стороны соглашение 1867 г., уже в 1836 г. считал, что венское правительство «всегда может рассчитывать на большую, рассудительную часть Государственного собрания, которая уже хотя бы из-за России проникнута чувством необходимости крепкого единения с Австрией»⁵.

Подавление национально-освободительного движения 1848–1849 гг. лишь усилило эти антирусские опасения, которые казались тогда вполне естественными всем европейским либералам. К тому же венгры – тогда еще без достаточных оснований – боялись и того, что царь намерен под знаком панславизма распространить свое влияние на славянское население Габсбургской монархии, иначе говоря, Россия внушала опа-

⁵ Цитируется по: Dioszegi I. The Hungarian Liberal Party and German Unity/ Dioszegi I. Hungarians in the Ballhausplatz. Studies on the Austro-Hungarian Common Foreign Policy. Budapest, 1983. S. 123.

сения даже в отношении минимума венгерских национальных целей, т. е. сохранения территориальной целостности страны. Перед лицом угрозы со стороны России Венгрия нуждалась в сильных союзниках, так как царская империя и лишь складывавшееся венгерское национальное государство, безусловно, принадлежали к разным весовым категориям. Эта русофобия в значительной мере способствовала заключению компромисса 1867 г., что хорошо демонстрировало мнение наиболее значительной в то время венгерской газеты «Пешти напло», опубликованное в 1866 г.: «По нашему мнению, тот, кто не считает Россию главной угрозой для Венгрии и видит естественных союзников Венгрии не в естественных противниках России, не заслуживает названия венгерского политика»⁶. Конечно, нельзя считать случайностью и то, что именно первый венгр, ставший общим министром иностранных дел, граф Дюла Андраши, добился заключения Двойственного союза с Германией, обеспечившего эффективную защиту против русской угрозы, так как, будучи сильнейшей державой континента, Германия была для венгров достаточной гарантией против России. С этого времени необходимость дружественных отношений с Германией логично стала почти аксиомой во внешнеполитическом мышлении практически всех политических сил Венгрии, поскольку в данном регионе лишь Германия была способна гарантировать территориальную целостность Австро-Венгрии в случае нападения России. Лишь в качестве обособленного явления можно назвать венгерских политиков, которые не были убеждены в важности дружбы с Германией. К их числу относился руководитель одной из фракций оппозиции сторонников независимости, франкофил Габор Угрон, считавший, что союз с Германией требует слишком больших жертв и поэтому опасен, а в период длительного мира к тому же и не нужен⁷.

⁶ Pesti Napló. 1866. október 28.

⁷ Dioszegi I. The Hungarian Opposition Parties and the Austro-Hungarian Common Foreign Policy/ Dioszegi I. Op. cit. особенно S. 280–289.

Неоднократно критиковал абсолютистские устремления немецкого руководства, а также агрессивные выступления Вильгельма II и Вильмош Важони, лидер и единственный парламентский представитель Демократической партии, которую поддерживали прежде всего будапештские буржуа еврейского происхождения⁸. Критиком германского милитаризма стала и Социал-демократическая партия Венгрии, особенно после революции 1905 г., когда появилась надежда на демократические преобразования в России, однако с угасанием этой надежды критика социал-демократов тоже ослабла⁹.

В общем же в предвоенные годы все руководители партий, доминировавших в венгерском парламенте, были германофилами, включая и лидеров умеренной оппозиции, Дюлу Андраши-мл., Альберта Аппони и Ференца Кошута. «Горе было тому, кто тогда не одобрял официальной немецкой политики, основанной на Тройственном союзе», – вспоминал граф Тивадар Батяни, один из немногих антигермански настроенных представителей сторонников независимости¹⁰.

Было единственное, казавшееся серьезным исключением из всеобщего германофильства и русофобства: небольшая, радикально оппозиционная парламентская группировка графа Михая Каройи, сочетавшего национализм, ориентированный на 1848 год, с демократическими лозунгами, но тогда еще совершенно невосприимчивого по отношению к устремлениям национальных меньшинств. Каройи считал, что

⁸ V. V.: Korhadó alkotmányok. Pesti Hírlap. 1898. július 23; V.V.: Caesarok és királyok. Pesti Hírlap. 1898. augusztus 2; V. V.: Véres imádság. Pesti Hírlap. 1900. augusztus 4. Цитируется по: Vázsonyi Vilmos: Beszédei és írásai. Első kötet. Budapest, 1927, az Országos Vázsonyi-emlékbizottság kiadása. S.103–106. és S.111–113.

⁹ Erényi T. A Magyarországi Szociáldemokrata Párt és a Monarchia külpolitikája (1908–1914)/ Erényi T. Szocializmus a századelőn. Tanulmányok a magyarországi munkásmozgalom történetéből. Budapest, 1979. S. 138–170.

¹⁰ Batthyány Tivadar gróf: Beszámoló. I. kötet. Budapest, 1928. S. 16.

наибольшую опасность для независимости Венгрии представляют гнет Габсбургов и многократно усиливающие его империалистические цели Германии¹¹. Поэтому он сделал все возможное для того, чтобы предотвратить победную для Германии войну и даже был готов пересмотреть ради этого вековую антирусскую позицию венгров¹², однако в этом отношении он был совершенно одинок в венгерском общественном мнении.

Обобщая, можно сделать вывод, что на пути реализации венгерских национальных целей стояли три противника различной силы:

1) представлявшие национальные меньшинства политики, которые не собирались мирно склонить голову перед венгерским национализмом и не желали способствовать построению единого венгерского национального культурного государства;

2) соседние балканские страны, Сербия и Румыния, которые, оказывая культурное и политическое влияние на родственные им по языку национальные меньшинства, в благоприятной ситуации охотно аннексировали бы населенные этими меньшинствами территории;

3) Россия, чьи завоевательные устремления и балканская политика, осуществляемая при поддержке южных соседей Австро-Венгерской монархии и тем самым Венгрии, могли привести к такому значительному ослаблению Австро-Венгрии, ко-

торое поставило бы под угрозу и территориальную целостность Венгрии. Наиболее опасной из перечисленных угроз была угроза со стороны России, даже учитывая то, что официальная русская политика не предусматривала в любом случае претензий на венгерские территории (хотя существовало несколько проектов присоединения к царской империи земель закарпатских русинов, считавшихся русскими)¹³. Достаточно сильным ударом по территориальной целостности Венгрии был бы и возможный разгром Россией Австро-Венгрии с последующей передачей некоторых ее территорий южнославянским и румынским сателлитам России.

В то же время венгры нашли и казавшуюся достаточной защиту против всех трех противников:

– Венгры чувствовали себя достаточно сильными для оказания противодействия неloyальным руководителям национальных меньшинств и нуждались лишь в том, чтобы Габсбурги не вступали с этими руководителями в союз за спиной венгров. При жизни Франца Иосифа система дуализма позволяла предотвратить такой союз.

– Габсбургская империя как великая держава была настолько сильнее Румынии и Сербии, что это заведомо исключало нападение на Венгрию ее южных соседей.

– Нападение России принудило бы Австро-Венгрию вести борьбу за существование, но защиту от такого нападения обеспечивал союзник, казавшийся сильнее России, – Германия.

Однако эта ситуация таила в себе и крупные противоречия, а также факторы неопределенности. Прежде всего, нельзя было с уверенностью рассчитывать на сохранение системы дуализма после смерти Франца Иосифа, так как было известно, что наследник престола Франц Фердинанд смотрит на этот вопрос совершенно иначе. В начале

¹¹ «Une guerre victorieuse de l'Autriche, ou mieux encore de la Triple Alliance, serait désastreuse pour la Hongrie...», – писал он осенью 1912 г., готовясь к запланированной встрече с Пуанкаре. Károlyi Mihály levelezése I. 1905–1920. Ред.: Litván G. Budapest, 1976. S. 64. См.: Hajdu T. Károlyi Mihály. Politikai életrajz. Budapest, 1978, особенно: S. 141–145, 150–171, 175–177, 181–190, 193–196, 202–211.

¹² Весной 1914 г. Каройи даже собирался ехать в Петербург, но его отговорили от этой поездки товарищи по Партии независимости. Dolmányos I. Mihály Károlyi et le voyage de Saint Petersburg. (L'idée d'une alliance russo-hongroise en 1914) / Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis. Sectio historica 5. Budapest, 1963. S. 147–184.

¹³ Hajdu T. A cári Oroszország hadicéljai Magyarországgal szemben az első világháborúban. In: Magyarország és a nagyhatalmak a 20. században. Tanulmányok. Редактор: Romsics Ignác. Budapest, 1995. S. 29–35.

XX в. именно планы наследника престола представляли наибольшую опасность для венгерской национальной политики, поскольку смена монарха повлекла бы за собой оказание поддержки национальным меньшинствам, а может быть и преобразование системы дуализма. Как известно, эта проблема была «решена» сербским студентом из Боснии, и после сараевского убийства лишь немногие венгерские политики искренно оплакивали эрцгерцога.

Наряду с постоянной озабоченностью в связи с предстоящим правлением Франца Фердинанда, существовала и еще более глубокая проблема. Как мы уже упомянули, для противодействия южным соседям требовался великодержавный статус, авторитет, устрашающая сила Австро-Венгрии. Однако в то время как остальные великие державы набирали силы, Австро-Венгрия начала отставать. Это проявилось в несостоявшейся модернизации армии, ответственность за которую можно было возложить на венгерскую оппозицию, а также в несостоявшихся завоеваниях. В венских военных кругах экспансия на Балканах отнюдь не являлась запретной темой, ведь Габсбургская династия была способна включить в свою наднациональную империю южных славян и / или румын, в крайнем случае, пришлось бы преобразовать ее на федеративной или триалистической основе. Однако венгры, будучи решительными защитниками дуализма, отвергали подобные проекты и выступали против экспансии на Балканах.

Одновременно с этим им пришлось признать, что влияние Австро-Венгрии на Балканах совершенно необходимо в целях поддержания великодержавного статуса империи, ведь при отсутствии австро-венгерского влияния на южных соседей последние ориентировались бы на Российскую империю, родственную им по религии и отчасти по языку. А это, само собой разумеется, было бы невыгодно венграм, не желавшим появления русских на своих южных границах. Поэтому венграм приходилось идти на компромисс в вопросе балканской политики, чтобы

позже продолжать прежнюю политику, но уже на измененной (причем по возможности минимально измененной) основе.

Именно поэтому Венгрия – ценой огромных внутривнутриполитических бурь и «полупадения» правительства – пошла на оккупацию Боснии и Герцеговины в 1878 г., поскольку, как объяснял позже Бекшич, «ее толкнула на это не страсть к завоеваниям, а *horror vacui*: было невозможно опереть границу страны на эти две провинции, находившиеся в состоянии постоянной анархии»¹⁴. По той же причине венгерское правительство, между прочим состоявшее отчасти из политиков Партии независимости, – уже при значительно меньшем сопротивлении пошло и на аннексию Боснии и Герцеговины в 1908 г. Те же соображения стояли, наконец, и за согласием Иштвана Тисы на объявление войны Сербии в 1914 г.

Венгрия и мировая война

Как мы уже упоминали, при системе дуализма для вынесения внешнеполитических решений требовалось и согласие венгерского премьер-министра, следовательно, и объявление войны Сербии в июле 1914 г., положившее начало мировой войне, не могло состояться без согласия графа Иштвана Тисы, бывшего тогда главой правительства. Известно, что в течение двух недель после сараевского покушения венгерский премьер-министр выступал против войны и лишь с трудом переменил свое мнение. С тех пор было высказано много предположений о том, какие факторы побудили его изменить свою позицию, но несомненно, что к числу этих факторов нужно отнести и немецкое влияние¹⁵. Поначалу Тиса доказывал, что для преподнесения урока Сербии война не нужна, поскольку сложившаяся в то время ситуация на Балканах явно не благоприят-

¹⁴ Beksics G. A dualisztikus Monarchia. Sepsiszentgyörgy, 1896. S. 135.

¹⁵ Новейшая работа о важнейших теориях, повлиявших на изменение мнения Тисы в июле 1914 г.: Bertényi I. Tisza István és az első világháború. In: Mítoszok, legendák, tévhitek a 20. századi magyar történelemtől / Ред. Romsics I. Budapest, 2002. S. 28–86.

ствовала войне: Румыния, отвернувшись от Австро-Венгрии, перешла к русофильской политике, а выбранная для нейтрализации Румынии Болгария еще не приобрела боеспособность после поражения во второй балканской войне. Поэтому будучи ответственным руководителем Венгрии Тиса в то время не считал развязывание войны правильным решением, однако ему пришлось согласиться с тем, что Сербии необходимо преподнести урок, ведь южная соседка в течение многих лет методически подрывала великодержавный статус и престиж Австро-Венгрии¹⁶. Уже 15 марта 1914 г. Тиса изложил на бумаге свои соображения о том, что более благоприятного для Австро-Венгерской монархии соотношения сил на Балканах можно было бы добиться путем заключения тесного союза с Болгарией, что было бы более медленным, но зато мирным решением вопроса¹⁷. Однако в июле 1914 г. из Берлина поступили недвусмысленные сигналы относительно того, что немцы не только окажут поддержку, но и прямо ожидают жестких шагов со стороны Австро-Венгрии.

Тиса вынужден был продумать возможные последствия отдаления Германии от Австро-Венгрии. Учитывая, что противоречия между Австро-Венгрией и Россией были гораздо острее противоречий между Берлином и Петербургом, такой поворот в политике Германии мог привести к германо-российскому сближению. Для предотвращения этой возможности необходимо было дока-

¹⁶ Меморандум премьер-министра, графа Иштвана Тиса к Францу Иосифу I. Цитируется по: Tisza István összes művei. II. kötet. Budapest, 1924. S. 5–6; Телеграмма Тисы к министру иностранных дел, Леопольду Бертольд 5-го июля 1914 года. Цитирует: Österreich–Ungarns Außenpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des Österreichisch–Ungarischen Ministeriums des Äussern. Bearbeitet von Ludwig Bittner und Hans Uebersberger. Wien–Leipzig, 1930. [Далее: ÖUA]. T. VIII. S. 316. Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates des Österreichisch–Ungarischen Monarchie (1914–1918). Eingeleitet und zusammengestellt von Miklós Komjáthy. Budapest, 1966. S. 141–150; ÖUA. T. VIII. S. 371–374.

¹⁷ ÖUA. T. VII. S. 974–979.

зать, что Австро-Венгрия – сильная и жизнеспособная великая держава, являющаяся не просто прислужницей, а достойной союзницей Германской империи. Для этого, конечно, нужно было прежде всего восстановить великодержавный престиж, то есть дать отпор провокациям сербов.

Вместе с тем Тиса хотел добиться этого по возможности без большого риска. Несмотря на то что под давлением немцев пришлось действовать без промедлений, он все же постарался сделать все возможное, чтобы акция Австро-Венгрии осталась локализованным конфликтом. Для этого в конце июля Тиса уже стремился ужесточить требования ультиматума, который должен был быть послан в Белград, чтобы сербы смогли принять его только с большим уроном для своего престижа. Он просил военное руководство начать наступление сразу же после вероятного отклонения ультиматума, надеясь поставить тем самым Россию, медленно мобилизующую свои силы, перед свершившимся фактом и избежать большой войны. Кроме того, и это, быть может, наиболее важно с нашей точки зрения, Тиса неоднократно подчеркивал, что Австро-Венгрия не ставит своей целью полное уничтожение Сербии. Он опасался того, что царь не будет пассивно наблюдать за столь радикальным – и насильственным – изменением соотношения сил на Балканах, зато, получив обещание о сохранении существования Сербии, он, возможно, мог бы согласиться на урегулирование конфликта путем переговоров¹⁸.

Мы знаем, что практически ни одно из намерений Тисы не осуществилось и вместо быстрой карательной экспедиции вспыхнула ужаснейшая за всю предыдущую мировую историю долгая война. В качестве премьер-министра Тиса в 1914 г. был по

¹⁸ Даже через два года после начала войны в интервью американскому журналисту И. Тиса подчеркнул, что имеет в виду лишь некоторую коррекцию границы с Сербией и что Австро-Венгрия не ведет войны с целью захвата чужих территорий. Glant T. William C. Bullitt amerikai újságíró interjúja gróf Tisza Istvánnal 1916. szeptember 3-án / Történeti tanulmányok. Debrecen, 1997. S. 21–26.

существо единственным венгерским политиком, который мог оказывать влияние на развитие событий, остальные политические силы могли лишь следить за новостями, оставаясь на заднем плане. Тем не менее граф Альберт Аппони, авторитетный руководитель умеренной оппозиции, выразил мнение большинства венгерской политической элиты, завершив свою непривычно краткую парламентскую речь по поводу известия об объявлении войны словами: «Ну, наконец-то!» Всем уже надоели издевательские, провокационные действия маленькой Сербии, поэтому считавшаяся совершенно справедливой карательная акция встречалась восторженным одобрением при опросе общественного мнения.

Защита дуализма или добровольный отказ от него?

Итак, как мы видели, с венгерской стороны нападение на Сербию считалось в конечном итоге превентивной войной, целью которой было лишь изменение соотношения сил на Балканах, а не завоевание новых территорий. Тиса со всей очевидностью подчеркивал, что война не должна привести к аннексии Сербии, и всегда настаивал на этом и позже во всех случаях, когда поднимался этот вопрос. Когда осенью 1915 г. центральные державы, в конце концов, заняли Сербию, а несколько месяцев спустя – Черногорию и большую часть Албании, венгерский премьер-министр предпочел согласиться на утолнение сербскими территориями безмерного аппетита болгар, чтобы не допустить присоединения слишком больших территорий к Австро-Венгрии¹⁹. При этом он старался отложить окончательное решение вопроса о военной оккупации, поскольку постоянно чувствовал, как крепнут великохорватские планы перехода к триализму, то есть замыслы объединения Хорватии, Боснии и Сербии под руководством хорватов. Для предотвращения такого поворота собы-

тий Тиса в начале 1916 г. добился назначения гражданским комиссаром Сербии Лайоша Талоци, прекрасного эксперта по балканским делам, заместителя общего министра финансов. Более того, Тисе удалось настолько расширить юрисдикцию Талоци, что это уже само по себе предотвратило реализацию триалистических замыслов²⁰.

Принципиальное возражение Тисы против аннексий проявилось и в его польской политике. В 1915 г. центральные державы изгнали русских с большей части территории бывшей конгрессовой Польши, в результате чего практически все земли, населенные поляками, перешли под власть немцев и Австро-Венгрии. Хотя после этого немедленно появились различные планы объединения отвоеванных у русских территорий с Галицией, Тиса, как и остальные министры, выступали против такого решения²¹. Кроме того, на заседании венгерского Совета министров 2 октября 1915 г. многие его участники выразили мнение, что лучше было бы вернуть завоеванные территории русским в интересах заключения сепаратного мира, чем присоединить их к Австро-Венгрии. Министр по делам религии и народного образования даже пожертвовал бы ради этого частью Галиции! Тем не менее в качестве официальной позиции правительства было принято решение согласиться на аннексию польских земель лишь в том случае, если они перейдут к Австрии при сохранении дуализма и паритета. Для того чтобы с приобретением польских территорий Австрия не получила перевеса, было предложено взамен присоединить Далмацию к Хорватии, а Боснию – к венгерским коронным землям²². Однако при подробном рассмотрении этого дела

²⁰ См.: Vermes G. István Tisza. The Liberal Vision and Conservative Statecraft of A Magyar Nationalist. New York, 1985. P. 325–326.

²¹ Обобщающее исследование вопроса: Szokolay K. Az osztrák–magyar kormány lengyel politikája az első világháború idején. Budapest, 1967.

²² Magyar minisztertanácsi jegyzőkönyvek az első világháború korából 1914–1918. Összeállította: Iványi E. Budapest, 1960. S. 189–197.

¹⁹ Szabo D. A magyar álláspontok helye a Szerbiával szembeni hadicélok rendszerében (1915–1918). Budapest, 1976. S. 29.

было очевидно, что данное решение явилось вынужденным и должно было лишь спасти дуализм и паритет, в то время как на самом деле венгерские руководители не были рады даже возможному приобретению южнославянских территорий (они считали необходимым длительное сохранение там временной военной администрации и намеревались управлять этими территориями так же, как и Хорватией, но в качестве обособленной от нее области).

Однако в польском вопросе мнение венгерского правительства уже не отражало мнения всего спектра венгерских политических сил. Наиболее авторитетный лидер умеренной оппозиции граф Дюла Андраши-мл. публично поддерживал в печати объединение польских земель под властью Габсбургов, более того, не исключал и перехода к триализму²³. Но план Андраши нужно рассматривать не как особое мнение по вопросу о венгерских национальных целях. Андраши желал осуществления тех же целей, что и Тиса, но другими средствами. Во время парламентской обструкции при обсуждении вопроса военных реформ (или позже – дискуссии о расширении избирательного права) в позициях Андраши и Тисы возникли некоторые противоречия. Если Тиса намеревался защищать выгодное для венгров положение путем категорического отказа от всяких изменений, то Андраши надеялся с помощью мелких уступок и добровольного осуществления умеренных реформ избежать более крупных перемен. Именно об этом шла речь и в польском вопросе: в то время как Тиса всеми силами боролся за неизменное сохранение дуалистического *status quo*, Андраши понял, что мировая война привела к таким большим изменениям, что, вероятно, придется примириться с тем, что в случае победного или компромиссного завершения войны Австро-Венгрия подвергнется значительной

²³ О польской политике Д. Андраши см.: Szalai M. Ifjabb Andrassy Gyula élete és pályája. Budapest, 2003. S. 118–130.

структурной перестройке. По сути, Андраши старался упредить неизбежное и считал, что после печального падения системы дуализма меньшим злом было бы такое триалистическое государственное устройство, в котором третьим элементом стали бы поляки, не враждебные по отношению к венграм, а не чехи или южные славяне. Его замыслы все же не были осуществлены сначала из-за противодействия венгерского правительства, а позже – из-за растущих немецких претензий на польские земли, поэтому план, серьезно угрожавший системе дуализма, был временно снят с повестки дня.

Затянувшаяся война, умножение признаков слабости Австро-Венгрии, а также тот факт, что без помощи немцев она все в меньшей степени сохраняла способность к сопротивлению, в определенной степени изменили ситуацию. С каждым новым немецким успехом становилось все яснее, что, став частью руководимой немцами *Mitteleuropa*, Австро-Венгрия безвозвратно скатилась бы на уровень второстепенной державы. Поэтому венгерская политическая элита (прежде всего Тиса) с 1915 г. была вынуждена с растущей энергией защищать самостоятельность Австро-Венгрии, а также Венгрии внутри дуалистической монархии. Слишком большой перевес Германии вызвал у венгерских политиков болезненное раздвоение сознания. В то время как со все большей очевидностью выяснялось, что без немцев Австро-Венгрия фессильна, приходилось и каким-то образом противодействовать этому гнетущему превосходству Германии. Лидер радикальной оппозиции граф Михай Каройи, заведомо бросивший вызов истеблишменту, пытался вырваться из этого заколдованного круга с помощью растущей германофобии и пацифизма и, в конце концов, стал сторонником Антанты²⁴. Однако

²⁴ Согласно не всегда достоверным воспоминаниям Каройи, он уже на первой аудиенции 22 марта 1917 г. обратился к королю Карлу с вопросом: «Одобряете ли Вы, Ваше величество, создание мною партии, фундаментом которой является антигерманская политика»? Károlyi M. Egy egész világ ellen. Második kiadás. Budapest, 1965. S. 151.

подавляющее большинство венгерской политической элиты по-прежнему оставалось на стороне немцев, поскольку превосходство Германии было все же меньшим злом по сравнению с поражением в войне. Средства и в этом случае были различными. Тиса видел выход в упрямой и неуступчивой защите старого порядка и вежливо, но решительно отвергал немецкие планы установления господства в центрально-европейском регионе. Другие, особенно Андраши, предпочитали опередить события: умеренный оппозиционный политик, и без того располагавший прекрасными связями в немецких кругах, был готов сам инициировать углубление союза с немцами, надеясь избежать, ссылаясь на договор, еще более крупных жертв после ожидаемой (и желаемой) победы Германии и отклонить чрезмерные требования Германской империи, которая станет еще сильнее в результате военной победы²⁵.

В то же время затянувшаяся война все чаще наводила венгров на страшную мысль о том, что мир можно будет заключить лишь ценой территориальных потерь. Впервые эта проблема возникла в ходе переговоров с итальянцами. Поначалу венгры резко возражали против уступки Трентино, опасаясь того, что уступчивость создаст прецедент, и следующую жертву, необходимую для удержания Румынии от войны против центральных держав, должна будет принести именно Венгрия. Позже в результате ухудшения военного положения Тиса дал свое согласие, однако к тому времени итальянское правительство уже решило вступить в войну. Если военные цели итальянцев непосредственно затрагивали интересы Венгрии только в отношении Фиуме, то русские и румыны, не говоря уж о побежденных осенью 1915 г. сербах, стремились к отторжению венгерских территорий. Чтобы избежать вступления Румынии в войну, Тиса готов был пойти на уступки, но он не желал купить нейтра-

литет Румынии ценой передачи ей венгерских территорий. Во время войны были сделаны небольшие уступки проживавшему в Венгрии румынскому меньшинству²⁶, однако эта политика, заведомо столкнувшаяся с противодействием националистического общественного мнения, не могла получить продолжения. Тиса не хотел дать слишком много, чтобы это не было воспринято признаком слабости и не повлекло за собой нападения Румынии. Он ясно понимал, что позиция Румынии зависела в первую очередь от военных успехов Австро-Венгрии²⁷.

Хотя тогда уже были более или менее известны намерения Антанты оплатить услуги мелких союзников с помощью венгерских территорий, венгерская политическая элита поначалу не приняла эти намерения всерьез. С одной стороны, она верила в то, что война в худшем случае окончится компромиссным миром, и центральные державы сохранят достаточно сил для того, чтобы избежать столь тяжелых потерь. С другой стороны, сохранялась уверенность и в том, что, имея возможность заключить хороший мир, страны Антанты не будут продолжать борьбу только для того, чтобы выполнить данные союзникам обещания²⁸. Никто не рассчитывал на такую затяжную войну, а также на то, что эта война приведет к гибели некоторых

²⁶ Документы, касающиеся уступок, сделанных венгерским румынам осенью 1914 г., см. в кн.: *Iratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában*. Том VII., 1914–1916. Kemény G. Gábor gyűjtését kiegészítette és jegyzetekkel ellátta Szarka László и Szász Zoltán. Budapest, 1999. S. 95–158.

²⁷ «Мы получили бы большую выгоду, если бы сумели заручиться поддержкой румын, однако это достижимо только в случае победы над русскими», – писал Тиса германскому послу в Австрии фон Чиршки 5 ноября 1914 г. Цитируется по: *Tisza István összes művei*. Том 2. Budapest, 1924. S. 267.

²⁸ «...мы можем быть уверены в том, что, если придется защищать Марну, Антанта будет мало заботиться о Висле», – успокаивала своих читателей в целом антигермански настроенная газета буржуазных радикалов «Вилаг»// *A szlávok önálló állama*. Világ. 1918. június 9.

²⁵ *Irinyi K. Mitteleuropa-tervek és az osztrák-magyar politikai közgondolkodás*. Budapest, 1973. S. 254–259.

великих держав, поэтому в планах на ближайшее будущее серьезно учитывалась роль России и, конечно, все более усиливавшаяся Германии. И подобно тому, как в планах венгерских политиков не предусматривался распад России, так они исходили и из того, что Австро-Венгерская монархия и Венгрия в ее рамках сохраняют свое существование даже в случае поражения в мировой войне.

Осенью 1916 г. умер Франц Иосиф, однако новый монарх, Карл, не тронул системы дуализма, во время войны было бы неразумно вступать в конфликт с венграми, доблестно сражавшимися на фронтах войны²⁹. Однако доблесть венгров подняла вопрос о награде, который стал излюбленной темой венгерской оппозиции. Поскольку венгры не желали завоевания новых территорий, их устремления были направлены на укрепление самостоятельности Венгрии в рамках дуалистической монархии и усиление венгерского влияния внутри Габсбургской империи. Между прочим, последнее большей частью осуществилось само собой из-за диспропорций в производстве продовольствия, к тому же решительный Иштван Тиса, как правило, результативно проводил волю венгерской стороны в противовес своим менее талантливым и твердым австрийским партнерам по переговорам. Так случилось и в 1915 г. при создании общего герба монархии в соответствии с венгерскими запросами, что было давним пожеланием венгров, восприимчивых к символической политике. Также давним требованием венгерской оппозиции было введение в венгерских частях общей армии военных команд на венгерском языке, а также венгерской эмблематики. В начале 1918 г. король Карл дал обещание выполнить это требование, правда, только после войны.

К 1917 г. силы Австро-Венгрии начали иссякать, поэтому ее миролюбивый монарх

поставил перед собой главную цель как можно скорее заключить мир. Обычно Карл не посвящал венгерских политиков в свои тайные попытки, но можно сказать, что в принципе они не выступили бы против заключения мира, если бы оно не было связано с отказом от венгерских национальных целей. Принимая во внимание, что в число этих целей не входили завоевания, венгры не помешали бы заключению мира. Однако, с другой стороны, они вряд ли согласились бы на такой вариант, при котором выход Австро-Венгрии из кровавой войны достигался бы ценой сепаратного мира и разрыва с Германией. Как мы уже упоминали, компромиссный мир означал бы небольшую коррекцию довоенного положения и, таким образом, предполагал наличие по-прежнему сильного соседа, портить отношения с которым было нецелесообразно, а с точки зрения венгерских национальных целей – просто губительно, так как Антанта не могла, да, возможно, и не хотела бы дать венграм ту же гарантию, которую им давал Берлин. Немцы же не желали заключения мира, так как лучше переносили тяготы войны, да и рисковали меньшим, чем их союзница. Поэтому Австро-Венгрия была вынуждена продолжать войну, так как Карл по понятным причинам не решался повернуть против немцев.

К тому же война принесла и значительные успехи. К 1917 г. Австро-Венгрия – правда, всегда с немецкой помощью – справилась с румынским нападением, нанесла тяжелый удар итальянцам, а к концу года развалился и ее главный противник, Россия. Весной 1918 г. восточного фронта уже не существовало, и это создало новую ситуацию. Несмотря на то что в войну вступили США, немецкое наступление на западном фронте, начатое в марте 1918 г., на некоторое время пробудило веру в возможность победы и убеждение в том, что (как, например, заявил в марте 1918 г. общий военный министр) «на самом деле война на Востоке для нас уже закончилась»³⁰.

²⁹ Höbelt L. Karl I., der „Teufelspuk“ und die Deutschböhmen/Karl I. (IV.), der Ertse Weltkrieg und das Ende der Donaumonarchie. Hrsg. v. Andreas Gottsmann. Wien, 2007. S. 49–50.

³⁰ Заявление общего министра иностранных дел Штёгер-Штейнера цитируется по: Világ. 1918. március 23.

Закончилась, причем полной победой центральных держав. Россия разрушилась, Румыния потерпела поражение, Балканы находились под властью центральных держав. Однако у победителей возникли разногласия относительно способа и пропорций реализации этих успехов. В ходе переговоров о заключении Брест-Литовского и, особенно, Бухарестского мира, затрагивавшего, прежде всего Австро-Венгрию, выяснилось, насколько агрессивным и эгоистичным партнером является торжествующая Германия. В то же время в качестве второго по силе члена коалиции центральных держав, получившего абсолютную власть в регионе, Австро-Венгрия также смогла осуществить часть своих военных целей.

Поскольку немцы претендовали практически на все восточные завоевания, весной 1917 г. они были готовы передать Австро-Венгрии Румынию и Балканы, а после победы над Румынией – уже только Балканы³¹. На заседании общего Совета министров Австро-Венгрии 22 марта 1917 г. Тиса остался в одиночестве со своим мнением о том, что был бы выгоден и мир, заключенный на основе принципа *status quo ante bellum*, вследствие чего он вынужден был согласиться на передачу Валахии Австро-Венгрии. Больше того, он настаивал и на том, чтобы Венгрия получила румынские территории, предложив взамен Австрии Боснию-Герцеговину.

Казалось бы, тем самым Тиса отказался от тех принципов, которых он придерживался ранее, и превратился в сторонника аннексионистской политики. Однако на самом деле речь шла скорее о том, что Тиса уступил лишь по тактическим соображениям и надеялся на то, что завоевание не состоится. Его расчет оправдался, поскольку австрийцы не приняли менее ценной балканской провинции, а вскоре изменилась и позиция Германии: в начале 1918 г. она уже желала власти и над Румынией³². При заключении Бухарестского договора у кормила Венгрии – после

ухода Тисы и кратковременной деятельности правительства Эстерхази – уже стоял испытанный друг немцев, Шандор Веккерле. Поскольку его правительство управляло страной в меньшинстве, опираясь прежде всего на лозунг демократизации избирательного права, он оказался в зависимости от возглавляемой Тисой консервативной Партии труда, и бывший премьер-министр сохранил свое влияние.

Спорным был вопрос об аннексии и масштабах извлечения экономических выгод из достигнутого успеха. Несмотря на то что необходимость гарантий против мести и ответного удара румын требовала жестких условий мира и аннексии значительных территорий, единственным из венгерской политической элиты, кто выступал с серьезным требованием аннексий, был граф Иштван Бетлен (будущий премьер-министр), принимавший близко к сердцу венгерские интересы в Трансильвании. В своей парламентской речи 3 марта 1917 г. он выразил желание, чтобы помимо значительных румынских территорий к Венгрии была присоединена и Сербия, которая получила бы особый статус, подобный статусу Хорватии. Однако за этой единственной венгерской аннексионистской позицией стояло в первую очередь не стремление к завоеваниям, а убеждение, что румынское или сербское государство никогда не отказались бы от своих ирредентистских целей, поэтому было бы целесообразнее уничтожить саму базу ирредентизма, получив гарантии защиты венгерских национальных целей³³. То есть позиция Бетлена также может считаться выражением превентивной политики, хотя, конечно, в крайней форме. К тому же в сентябре 1917 г. Бетлен пересмотрел ее и предлагал присоединить к Венгрии лишь приграничные румынские территории³⁴.

Обособленная точка зрения Бетлена – лишь интересный эпизод, ведь, даже обладая политическим весом, Бетлен не располагал

³¹ Szabo D. Op. cit. S. 155–165.

³² Szabo D. Op. cit. S. 157–159.

³³ Romsics I. Bethlen István. Politikai életrajz. Második, átdolgozott kiadás. Budapest, 1999. S. 89–93.

³⁴ Szabo D. Op. cit. S. 124–130.

позицией, позволявшей оказывать серьезное влияние на принятие решений. Король, именно стремясь предотвратить полный срыв своих планов заключения сепаратного договора, был противником предъявления слишком жестких условий, однако венгерские политики не желали остаться с пустыми руками после вероломного нападения Румынии. Достигнутый компромисс и на этот раз соответствовал соображениям венгров: от Румынии была отторгнута стратегически важная, но по возможности ненаселенная территориальная полоса, которая, естественно, перешла к Венгрии, но не нарушила существенно этнический баланс в стране³⁵.

В 1918 г. изменились и проекты относительно Балкан. Так как немцы сообщили о своем согласии признать эти территории исключительной сферой интересов Австро-Венгрии, для решения проблемы нужно было «лишь» преодолеть сложное сплетение интересов в самой дуалистической монархии. Венское руководство предлагало объединить южнославянские территории, стараясь предложить конкурентоспособную альтернативу концепции Югославии, выдвинутой южнославянской эмиграцией³⁶. Однако венгры, настаивая на сохранении дуализма, отвергли это предложение и поддержали тот вариант, при котором различные южнославянские территории перешли бы в зависимость от венгерской короны по отдельности, как *corpus separatum*. Это был план премьер-министра Векерле, но чувствуется, что в данном случае цель венгров состояла в первую очередь в сохранении дуализма и предотвращении угрозы триалистической перестройки, а не в захвате боснийских, далматинских или сербских территорий³⁷. Той же концепции, хотя несколько умереннее, придерживался и Тиса.

Конечно, все эти проекты уже в тот момент считались анахронизмом, однако венгерское руководство, принеся огромные

жертвы, не собиралось делать добровольных уступок и надеялось на победу немцев во Франции.

Весной 1918 г. стало ясно, что австро-венгерские попытки заключения сепаратного мира провалились, но после побед на Востоке это в первое время казалось не столь важным. Все внимание тогда сконцентрировалось на западном фронте. От победы или поражения немцев зависело и будущее Габсбургской монархии, а также Венгрии, так как весной 1918 г. у Австро-Венгрии уже почти не осталось средств для оказания серьезного влияния на свою собственную судьбу. Это относилось и к Венгрии: крупномасштабный союз, хорошо функционировавший в течение десятилетий, на этот раз обернулся другой стороной медали. Судьба венгерской нации оказалась неразрывно связанной с судьбой Германии. И хотя эта война лишь опосредованно была войной венгров, выйти из нее было невозможно³⁸.

Президент вступивших в войну в 1917 г. США Вудро Вильсон провозгласил новые принципы, в том числе принцип самоопределения народов. До весны 1918 г. он был нацелен лишь на федерализацию Австро-Венгрии на этнической основе, то есть на сохранение целостности Габсбургской империи. Однако венгерские политики под влиянием сознательного самогипноза считали, что вильсонизм по существу означает принятие неделимой Венгрии, а отчасти даже и венгерской супремации, ведь в Венгрии существовала лишь венгерская (политическая) нация. Этим фальшивым аргументом особенно охотно пользовалась антигерманская партия Каройи, по-прежнему старавшаяся доказать бессмысленность войны. Есть ли смысл продлевать страдания, если в случае победы американцев станет не хуже, а лучше, и Венгрия получит право на самоопределение³⁹?! Правда, властная элита понимала

³⁵ Galántai J. Hungary in the First World War. Budapest, 1989. S. 283–284.

³⁶ Szabo D. Op. cit. S. 51–53.

³⁷ Ibid. S. 166–172.

³⁸ Общее освещение вопроса см. в работе: Bertényi I. A tragédia előszele? A budapesti sajtó Magyarország sorsáról 1918 tavaszán // Kisebbségkutatás. 2008/3. S. 475–503.

³⁹ Hajdu T. Károlyi Mihály. Politikai életrajz. Budapest, 1978. S. 254–256.

новые принципы не столь превратно, но не объяснила в доступной форме их значения обществу. Принципы Вильсона могли перенести европейскую политику, покоившуюся до тех пор, как правило, на фундаменте политического равновесия, на этническую основу, что ставило в особенно опасное положение многонациональную Габсбургскую империю, а также Венгрию.

Для внешних наблюдателей гражданская война, вспыхнувшая после прихода большевиков к власти, и Брест-Литовский сепаратный мирный договор были однозначны распаду России. Однако тем самым была разрушена вся система европейского равновесия, и западные державы больше не нуждались в традиционной уравнивающей роли Австро-Венгрии. К тому же, чтобы сломить сопротивление немцев, одержавших слишком крупную победу на Востоке, необходимо было разгромить слабую Австро-Венгрию. Поэтому весной 1918 г. Антанта поддержала этнический принцип и включила в число своих военных целей отделение народов Габсбургской империи и создание независимого единого южнославянского государства и Чехословакии, признав летом того же года воюющей стороной югославское и чехословацкое эмигрантские правительства⁴⁰. Тем самым участь Габсбургской монархии, а в том числе и Венгрии, была решена. В том случае, если бы немцам не удалось выиграть войну на Западе, самое позднее к 1919 г. центральные державы потерпели бы поражение в результате истощения сил Австро-Венгрии и волнений национальных меньшинств. Как известно, немцы не смогли победить.

Крах: вторая проигранная война Венгрии

В октябре 1918 г. Австро-Венгрия совершенно потеряла силы, необходимые для продолжения борьбы. Как на фронтах, так и в тылу чувствовалось, что дальнейшее сопротивление невозможно. Опережая со-

бытия, император Карл принял этнический принцип применительно к Австрии и примирился с тем, что следствием этого будет отделение по-прежнему казавшейся более сплоченной Венгрии и ослабление связи с ней до персональной унии⁴¹. Венгры старались покинуть тонущий корабль, надеясь перенести бурю, цепляясь за неправильно понятый вильсонизм. Несмотря на крах дуализма, ставшее независимым венгерское государство по-прежнему стремилось защитить свою территориальную целостность, больше того, венгерскую супремацию в ее максимально полной форме. Из довоенных противников удалось победить Румынию, Сербию, больше того, даже и Россию, поэтому, по сути дела, оставалось «лишь» достичь соглашения с национальными меньшинствами. В принципе персональная уния составляла максимум национальных целей – до поражения в войне. Теперь же она означала, что Венгрии придется в одиночестве столкнуться лицом к лицу с национальностями, располагавшими поддержкой извне. Венгрия должна была сохранить венгерскую супремацию на своих исторических землях одна, без помощи Австрии, больше того, в условиях вероятных антивенгерских настроений в этнических образованиях, которые должны были возникнуть на территории Австрии. Теоретически Венгрия, возможно, могла бы рассчитывать на поддержку немцев, однако они потерпели полное поражение, и было неясно, будут ли они вообще иметь влияние в данном регионе после окончания войны. Поскольку поначалу казалось вероятным, что будут, венгры не спешили порывать с ними отношения, однако после поражений Германии, во время недолгого пребывания Андраши младшего на посту общего министра иностранных дел, был сделан решающий шаг и в этом направлении.

⁴⁰ Romsics I. Der Friedensvertrag von Trianon. Herne, 2005. S. 49–50.

⁴¹ Rumpler H. Das Völkermanifest Kaiser Karls vom 16. Oktober 1918. Letzter Versuch zur Rettung des Habsburgerreiches. München, 1966. S. 32–34, 55–59.

Между тем в конце октября 1918 г. в Венгрии царили правительственный кризис и полная неразбериха. С ними не удалось справиться, так как оказалось невозможным прийти к согласию с опиравшимся на внепарламентские левые силы Каройи относительно создания правительства национального единства, поскольку Каройи претендовал на всю полноту власти. В качестве альтернативного решения можно было, ориентируясь исключительно на правые силы, разрушить замыслы Каройи и его сторонников, теперь уже открыто симпатизировавших Антанте (то есть официально все еще считавшихся изменниками родине), но на это не решились⁴². Так как венгерская политическая элита не могла верить ни в способности Каройи, ни в то, что Антанта пощадит правительство Каройи, в течение нескольких дней она оставалась в нерешительности. Наконец, уличная революция в Будапеште, почти единственной жертвой которой стал Иштван Тиса, привела к власти Каройи, что старая элита вынуждена была принять с «хорошей миной» на лице.

В начале ноября 1918 г. Каройи отказался повиноваться королю, и 16 ноября его правительство социал-демократического толка провозгласило создание народной республики. Сутью его пацифистской концепции была надежда на то, что в случае одностороннего разоружения Антанта будет рассматривать его правительство не как побежденную сторону, а как партнера. В условиях разрушенного порядка правительство и не решилось сохранить оружие вернувшейся домой армии, поэтому Венгрия оказалась беззащитной именно тогда, когда началась наиболее ожесточенная борьба⁴³. Теперь

приходилось защищать не дуализм и паритет и даже не венгерскую супремацию, от которых уже пришлось отказаться – на карту были поставлены первостепенные национальные интересы, территориальная целостность страны. Это была настоящая борьба не на жизнь, а на смерть, без оружия...

Каройи и его министр по делам национальностей Оскар Яси предложили национальным меньшинствам демократическую республику, земельную реформу и кантональное право на самоопределение. Однако они знали, что смогут добиться гораздо большего от победившей Антанты, поэтому даже подбадриваемые румынами и чехами словаки отклонили венгерские предложения⁴⁴. Напрасной оказалась и поддержка, оказанная в этом бедственном положении Каройи правыми, даже общими усилиями не удалось защитить венгерское королевство от вторжения чешских, сербских и румынских войск. Все большие территории Венгрии оккупировались на юге, наряду с французскими вооруженными силами на Балканах, сербской, на востоке реорганизованной румынской армиями, а на севере – вооруженными отрядами чехов. По мере отступления – без боя! – в сохранившихся венгерских войсках росло недовольство правительством. Политическая жизнь снова поляризовалась, однако в противовес сложившейся в условиях национальных неудач правой оппозиции Каройи проявлял большую уступчивость по отношению к коммунистам, демагогически пользовавшимся социальными бедствиями. Когда 20 марта 1919 г. по условиям новой ноты Антанты возникла необходимость эвакуировать войска уже и с венгерских этнических территорий, Каройи ушел в отставку и передал власть социал-демократам, которые немедленно объединились с коммунистами и провозгласили Венгерскую Советскую Ре-

ностях венгерской армии в этот период: Pollmanf F. Trianon felé. A magyar hadsereg ügye a kiegyezéstől Trianonig. Budapest, 2009. S. 39–68.

⁴⁴ Romsics I. Der Friedensvertrag von Trianon. Herne, 2005. S. 70–71, 79–81.

⁴² На заседании палаты представителей 16 октября 1918 г. представитель партии Каройи, Мартон Ловаси, воскликнул: «Пожалуйста, примите к сведению, что мы являемся сторонниками Антанты!» Цит. по: Salamon K. Nemzeti önpusztítás, 1918–1920. Forradalom – proletárdiktatúra – ellenforradalom. Budapest, 2001. S. 41.

⁴³ Военный министр Бела Линдер в одной из своих речей даже заявил: «Я больше никогда не хочу видеть ни одного солдата». Новейшая работа о возмож-

спублику. Большевистская диктатура пролетариата стояла на позиции интернационализма и классовой борьбы, но с оружием в руках оборонялась от нападения румынской «буржуазии», а в мае достигла кратковременных успехов в военных действиях против чехов. В то же время Бела Кун и другие руководители диктатуры пролетариата ясно продемонстрировали, что не придерживаются принципа территориальной целостности и, как и большевики на переговорах в Брест-Литовске, ставят своей целью выиграть время. Они были готовы отказаться даже от огромных территорий, чтобы спасти свой режим. Однако к концу июля Красная Армия развалилась, и 4 августа румынские войска заняли Будапешт. О быстроте поражения Венгрии свидетельствует то, что всего годом раньше венгерские войска находились в Бухаресте.

Несмотря на то что весной 1918 г. еще казалось, что все противники побеждены, Венгрия потерпела полное поражение. Австро-Венгерская монархия проиграла мировую войну, и Венгрия выделилась из монархии побежденной, теперь уже стараясь защитить свое национальное государство. Однако в 1918–1919 гг. в этой смертельной борьбе ее лозунгами стали пацифизм и интернационализм, поэтому истощенная и дезориентированная страна потерпела поражение и в этой второй войне, которая велась уже не ради чужих целей и не по принудительной логике союзнической системы, в которую входила Венгрия. Эта борьба велась уже исключительно в интересах национальной самообороны и была, бесспорно, войной венгров, но и она была проиграна.

В. М. Ибер

ОККУПАЦИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИЯ. СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К АВСТРИИ С 1945 ПО 1955/63 гг.

Советский Союз вышел из Второй мировой войны великим победителем, чрезвычайно укрепив свои позиции как внутри страны, так и на международном уровне. Однако это было достигнуто огромной ценой, так как война унесла миллионы жизней советских людей, и стране был нанесен значительный материальный ущерб. Тем не менее советское производство в 1945 году было восстановлено в некоторых отраслях по сравнению с 1940 г. и реконструкция проходила неожиданно быстро¹, но производственные потери были в некоторых отраслях огромными.

*Промышленное производство в СССР
1941–1945 (в % по сравнению с 1940 г.)*

Отрасль промышленности	1941	1942	1943	1944	1945
Металлообрабатывающая и металлургическая (включая добычу руды)	105	62	70	88	89
Угольная	94	43	54	71	88
Нефтяная	102	61	63	72	68
Производство электрической и тепловой энергии	97	62	67	81	91
Химическая	115	79	104	133	92
Машиностроение	112	119	142	158	129
Деревообрабатывающая	88	48	51	55	55
Производственных материалов	79	26	29	35	41

Источник: Segbers K. Die Sowjetunion im Zweiten Weltkrieg: Die Mobilisierung von Verwaltung, Wirtschaft und Gesellschaft im "Großen Vaterländischen Krieg" 1941–1943. Munich, 1987. S. 275.

¹ Raupach H. Geschichte der Sowjetwirtschaft. Hamburg, 1964. S. 100–101; Segbers K. Die Sowjetunion im Zweiten Weltkrieg: Die Mobilisierung von Verwaltung, Wirtschaft und Gesellschaft im "Großen Vaterländischen Krieg" 1941–1943. Munich, 1987.

СССР после войны пытался, как только мог, компенсировать эти экономические потери с помощью экономической эксплуатации оккупированных территорий Центральной и Восточной Европы, где находилась Красная Армия. Первоначально это происходило в виде демонтажа предприятий и в качестве второго шага – запуска конфискованных предприятий, которые работали в значительной степени экстерриториально и не были вовсе – либо были частично – предметом налоговой юрисдикции соответствующего государства. Данный тип экономики в Советском Союзе был организован согласно двум моделям.

Во-первых, Москва совместно с правительством оккупированного государства основывала двусторонние компании, которые де-факто контролировались СССР. Таким образом, Советский Союз мог размещать имущество, конфискованное им («германская собственность») в совместные предприятия, что рассматривалось в качестве капитальных вложений, предназначенных для «братских» государств. Такие двусторонние компании были созданы в Венгрии, Румынии (SovRoms), Болгарии² и с 1954 года в ГДР (советско-германское акционерное общество «Висмут»)³.

Во-вторых, из конфискованного «германского имущества» Москва основала фирмы, считавшиеся исключительной собственностью Советского Союза. Такие ком-

² Spulber N. Soviet Undertakings and Soviet Mixed Companies in Eastern Europe // Journal of Central European Affairs. Vol. 14. 1954/55. S. 154–173, 156–164; László von Taubinger. Die sowjetisch-rumänischen Gesellschaften. Osteuropa. Vol. 2. 1956. S. 145–149; Borhi L. The Merchants of the Kremlin: The Economic Roots of Soviet Expansion in Hungary. CWIHP Working Paper №. 28; Cold War International History Project, Washington: D.C., 2000.

³ On the S(D)AG Wismut / Karlsch R. Uran für Moskau: Die Wismut – Eine populäre Geschichte, 3rd rev. ed. Berlin, 2008.

пании были созданы в Советской зоне оккупации в Германии (Советское акционерное общество)⁴, просуществовавшие до 1953 г., в Австрии (наиболее важным из них являлась Советская компания по техническим маслам (SMV), Управление советским имуществом в Австрии (USIA), Управление советским имуществом на базе «германской собственности» в Финляндии, которая не была оккупирована СССР⁵.

Несмотря на подобные структуры, оккупационная экономика в занятой Советским Союзом части Австрии имела совершенно иной политический фон, по сравнению, например, с Восточной Германией. Советская экономическая политика, проводимая в «народно-демократических странах» Восточной Европы, являлась «радикальной экономической эксплуатацией для укрепления советской реконструкции»⁶, представляла собой лишь один из многих компонентов советизации в Восточной Европе, которая наряду с экономикой охватывала в полном объеме политическую, социальную, культурную и идеологическую области⁷. Двойственная, но последовательная стратегия, известная в литературе как «революционно-имперская парадигма»⁸, по-

служила основой для советизации Восточной Европы. Она реализовывалась Москвой после 1945 года с созданием «пояса безопасности» через формирование государств-союзников в Восточной Европе. Кремль преследовал политические интересы в целях безопасности. Прагматизм И. В. Сталина, конечно, зашел слишком далеко, однако он никогда не стремился безоговорочно к империализму и экспорту революции, но всегда действовал в этом направлении в зависимости от сложившейся ситуации⁹. Пример Австрии наглядно это продемонстрировал.

В 1945 году Австрия, как и Германия, была разделена на четыре зоны оккупации. Однако разделения страны не состоялось, потому что советизация Восточной Австрии не играла серьезной роли в стратегических планах И. В. Сталина. Кроме того, американские, британские и французские войска также присутствовали в Австрии. Так как четыре оккупационные державы создали совместный механизм управления, у СССР не было возможности противостоять западным союзникам и самостоятельно установить просоветский режим, как это было ранее сделано в Польше или Болгарии¹⁰. И. В. Сталин не был готов рисковать войной против западных держав из-за маленькой Австрии¹¹. В отличие от Германии, свободные выборы могли проходить по всей Австрии в ноябре 1945 года. С поражением

⁴ Foitzik J. Sowjetische Militäradministration (SMAD) in Deutschland 1945–1949. Berlin, 1999. S. 180–186.

⁵ Büttner R. Sowjetisierung oder Selbständigkeit? Die sowjetische Finnlandpolitik 1943–1948. Hamburg, 2001. S. 306–307.

⁶ O'Sullivan D. Wer immer ein Gebiet besetzt... Sowjetische Osteuropapolitik 1943–1947/48/ Stefan Kreuzberger and Manfred Görtemaker, eds., Gleichschaltung unter Stalin? Die Entwicklung der Parteien im östlichen Europa 1944–1949. Paderborn, 2002. S. 50.

⁷ Pavlenko O. Österreich im Kraftfeld der sowjetischen Diplomatie 1945 / Karner S., Stelzl-Marx B., eds., Die Rote Armee in Österreich: Sowjetische Besatzung 1945–1955. Beiträge. Graz; Vienna; Munich, 2005. S. 596.

⁸ Этот термин ввели в 90-х гг. В. Зубок и К. Плешаков: Subok W., Pleschakow C. Der Kreml im Kalten Krieg: Von 1945 bis zur Kubakrise, trans. by Ulrich Schweitzer [original title: Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev]. Hildesheim, 1996. S. 32–33.

⁹ Ruggenthaler P. Einleitung, ed., Stalins großer Bluff: Die Geschichte der Stalin-Note in Dokumenten der sowjetischen Führung. Munich, 2007. P. 12.

¹⁰ Gibianskij L. Osteuropa: Sicherheitszone der UdSSR, sowjetisiertes Protektorat des Kreml oder Sozialismus 'ohne Diktatur des Proletariats'? Zu den Diskussionen über Stalins Osteuropa-Politik am Ende des Zweiten Weltkrieges und am Anfang des Kalten Krieges// Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. Vol. 8. 2004. № 2 («Jalta und die europäische Nachkriegsordnung»). P. 125–127.

¹¹ Ruggenthaler P. Warum Österreich nicht sowjetisiert werden sollte. S. Karner and B. Stelzl-Marx, eds., Die Rote Armee in Österreich. P. 61–87, und Ruggenthaler P. Warum Österreich nicht sowjetisiert wurde: Sowjetische Österreich-Politik 1945 – 1953/55/ Ibid. P. 649–726.

Коммунистической партии Австрии (КПА) опасность прихода к власти правительства «Народного фронта» была ликвидирована. Десятилетняя военная оккупация Австрии была следствием геостратегической политики великих держав. В первую очередь со стороны США и Советского Союза в контексте конфликта Восток – Запад, который неоднократно приводил к паузам и перерывам в переговорах по Договору о будущем Австрии. До 1954–1955 гг. СССР вынашивал план новой аннексии Австрии Германией, прежде всего, он хотел рассматривать австрийский вопрос совместно с вопросом о будущем Германии. После 1945 года советские оккупационные власти не оказывали серьезного влияния на австрийскую внутреннюю политику.

Советская политика в Восточной Австрии в период между 1945 и 1955 гг. так и осталась по большей части, в отличие от стран Восточной Европы, действительно ограниченной в отношении экономической эксплуатации для решения репарационных целей. Создание в Австрии двусторонней нефтяной компании (Sanafta) – проект, к которому СССР стремился после Потсдамского соглашения, – стало проявлением данной политики. Проект Sanafta не мог сопровождаться дальнейшей советизацией Австрии. С советской точки зрения это была попытка создания высокорентабельного предприятия с помощью австрийских капиталовложений¹².

Несмотря на все политические и идеологические «посторонние шумы», которые, по крайней мере, до выборов в ноябре 1945 года витали в воздухе¹³, Sanafta был пред-

¹² Это было не зря, когда СССР повторно попытался получить уступки у австрийского правительства для Sanafta. Похожие действия можно наблюдать весной и зимой 1946 и в январе 1948 г. Iber W. M. Die Sowjetische Mineralölverwaltung in Österreich. 1945–1955: Sowjetische Besatzungswirtschaft und der Kampf ums Öl als Vorgeschichte der OMV. Ph. D. Diss, University of Graz, 2008. P. 137–139 and 158–159.

¹³ В отличие от советских дипломатов на месте, И. В. Сталин считал КПА более сильной накануне выборов, что рассматривалось как «текст для

ставлен как экономический проект. Однако этот факт для англичан, американцев и французов и, конечно, для австрийского Временного правительства являлся проявлением советизации. В конечном счете, реализовать проект Sanafta не удалось из-за вето западных держав, после чего СССР решил создать с SMV свою, чисто советскую экономическую модель и использовать австрийские нефтяные месторождения самостоятельно¹⁴.

Наряду с экономической эксплуатацией, существовали «положительные» советские меры по отношению к Австрии, такие как, например, помощь СССР продуктами («гороховая помощь») 1 мая 1945 г. или пожертвования на реконструкцию здания Государственной Оперы, сделанные во время избирательной кампании¹⁶.

Процесс экономической эксплуатации Австрии, конечно, может рассматриваться только в контексте советской военно-стратегической политики по отношению к Центральной и Восточной Европе и, главное, в попытке создания санитарного кордона в этом регионе. Тем не менее Австрия в целом достаточно сильно испытывала влияние экономических планов Кремля. Все промышленные предприятия в «Восточной Марке» (с 1943 г. территории Альп и Дуная в Третьем Рейхе) сыграли значительную роль в производстве вооружений для нацистской

руководства» в советской зоне оккупации. Плохие результаты выборов для австрийских коммунистов, однако, в конечном счете, имели небольшое значение для Кремля. Seidel H. Österreichs Wirtschaft und Wirtschaftspolitik nach dem Zweiten Weltkrieg. Vienna, 2005. P. 433–434.

¹⁴ Seidel H. Österreichs Wirtschaft und Wirtschaftspolitik nach dem Zweiten Weltkrieg. Vienna, 2005. P. 433–434.

¹⁵ Stelzl-Marx B. Erbsen für Wien: Zur sowjetischen Lebensmittelhilfe 1945/ Karner S., Stangler G., eds., «Österreich ist frei!»: Der österreichische Staatsvertrag 1955. Beitragband zur Ausstellung auf Schloss Schallaburg 2005. Horn/Vienna, 2005. P. 54.

¹⁶ Mueller W. Kulturpolitik und Propaganda der sowjetischen Besatzungsmacht in Österreich / Karner and Stangler, eds., «Österreich ist frei!»: P. 241.

Германии, прежде всего, в добывающей промышленности, машиностроении, сталелитейной, в авиастроении, а также в энергетической и текстильной промышленности¹⁷.

В ходе Второй мировой войны, но не позднее 1943 г., Москва была уже очень хорошо информирована об экономическом потенциале Австрии, ее значении для военной экономики Третьего рейха, ее природных ресурсах и концентрации промышленности на Востоке страны. Эта информация была использована, когда Комиссия по перемирию, созданная в 1943 году Народным комиссариатом по иностранным делам СССР («Комиссия Ворошилова»), начала планировать возможные варианты раздела Австрии на зоны оккупации¹⁸. Одно из предусмотренных тогда положений касалось включения в Советскую зону оккупации Бургенланда, части территории Нижней Австрии и Штирии.

Согласно окончательному докладу, представленному комиссией И. В. Сталину 12 июня 1944 года, реализация этого проекта означала бы, что большая часть промышленных предприятий Австрии оказалась в Советской зоне. Окончательный раздел на зоны в июле 1945 года выглядел иначе. В советскую сферу влияния отводились часть Верхней Австрии, Нижняя Австрия, Бургенланд и часть Вены. Никто не может отрицать тот факт, что «Комиссия Ворошилова» оказала важное влияние на экономико-географическую политику Советской оккупационной администрации. СССР стал проводить активную политику в Штирии, несмотря на то что она не являлась частью Советской оккупационной зоны. До конца июля 1945 года войска Красной Армии оставались в Штирии, где они контролировали крупные промышленные центры и провели

¹⁷ Wagenführ R. Die deutsche Industrie im Kriege: 1939–1945. Berlin, 2006 [1954]. P. 103–105; see also Schausberger N. Rüstung in Österreich 1938–1945. Vienna, 1970.

¹⁸ Filitov A. Sowjetische Planungen zur Wiedererrichtung Österreichs 1941–1945 / Karner and Stelzl-Marx, eds., Die Rote Armee in Österreich. P. 33–34.

операции по демонтажу бывших крупных оружейных предприятий до их вывода¹⁹.

В течение последних недель Второй мировой войны, когда Красная Армия находилась уже на территории Австрии, Москва получила через свои разведслужбы дополнительную подробную информацию по отдельным отраслям промышленности Австрии, считавшимся особенно важными²⁰. Тот факт, что австрийские месторождения нефти быстро стали объектом пристального внимания СССР, не был случайным стечением обстоятельств. В рамках германской военной экономики, именно Австрия в 1945 году была крупнейшим в Европе производителем нефти после Румынии. В то же время нефтяной сектор СССР особенно пострадал в период войны, в то время как англо-американские нефтяные концерны сразу оказались настоящими победителями в войне. Финансовое положение, прежде всего, американских фирм, таких как Standard Oil особенно улучшилось с 1938 по 1945 гг. На Ближнем Востоке англичане и американцы контролировали богатейшие месторождения нефти в мире. США владели 40 % нефтяных промыслов в 1946 году. Англичане еще сильнее укрепились на Ближнем Востоке в нефтедобывающих странах не в последнюю очередь из-за своего господствующего положения в Иране, где нефтяная промышленность контролировалась Англо-Иранской нефтя-

¹⁹ Karner S. Die Steiermark im 20. Jahrhundert. Politik – Wirtschaft – Gesellschaft – Kultur. Graz Vienna Cologne, 2000. P. 322–323; Karner S., Ruggenthaler P., Stelzl-Marx B. Die sowjetische Besetzung der Steiermark 1945 / Karner S., Pickl O., eds., Die Rote Armee in der Steiermark: Sowjetische Besetzung 1945. Graz, 2008. P. 34–36 and the documents reproduced / Ibid. P. 392–411.

²⁰ Российский государственный архив социально-политических исследований (далее РГАС-ПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 395. Л. 1–3. On this report see also Karner S. Zu den sowjetischen Demontagen in Österreich 1945–1946: Ein erster Aufriss auf russischer Quellenbasis / Pammer M., Neiß H., John M., eds., Erfahrung der Moderne: Festschrift für Roman Sandgruber zum 60. Geburtstag. Stuttgart, 2007. P. 303, note 9.

ной компанией²¹. Ввиду низких возможностей своих нефтяных месторождений СССР был не в состоянии идти в ногу с экономической экспансией западных нефтяных компаний. В 1944 году И. В. Сталин предусматривал сценарий вооруженного конфликта с его бывшими союзниками США и Великобританией и, обратив внимание на это обстоятельство, выдвинул первоначальные соображения по использованию «черного золота» за пределами Советского Союза²². Первые советские попытки такого рода наблюдались на севере Ирана²³, затем последовал вопрос об Австрии.

В 1945 году, в конце войны и в первые месяцы после войны, советское правительство со своими экономическими амбициями в Австрии изначально не руководствовалось идеей развития местных ресурсов. Поэтому от демонтажа промышленных предприятий пострадали практически все отрасли промышленности, хотя и в разной степени.

Советская политика демонтажа

Советская политика демонтажа промышленного оборудования началась в апреле 1945 года, т. е. за несколько недель до окончания Второй мировой войны в Европе. Многие промышленные предприятия, машины и производственные установки были демонтированы, запасы товаров были конфискованы. СССР перевозил военные трофеи на поездах на Восток, где они должны были быть вновь развернуты для советской промышленности. Советскому командованию было поручено демонтировать в Австрии в общей сложности 220 заводов (более 31 000 товарных вагонов). Это меньше того,

что было демонтировано, например, в советской зоне оккупации в Германии, или в Польше, но значительно больше, чем степень демонтажа, произведенного СССР в Венгрии и Чехословакии.

Объем операций по демонтажу оборудования, проведенный СССР в Европе по состоянию на 1 мая 1947 г.

	План демонтажа		Демонтировано	
	Количество объектов	Оборудование, в тыс.	Количество объектов	Оборудование, в тыс.
Итого	4 537	841,6	4 458	809,5
Германия (Зона советской оккупации)	3 024	550,8	2 955	518,5
Польша (в современных границах)	1 119	211,5	1 119	211,5
Австрия	220	31,2	220	31,2
Венгрия	16	2,8	16	2,8
Чехословакия	36	6,5	36	6,5

Источник: Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 580. Л. 1–2.

Несмотря на недостатки в мероприятиях по демонтажу, неосторожному обращению с оборудованием, серьезные инженерные ошибки²⁴, стоимость демонтированного оборудования для реконструкции в Советском Союзе не могла быть недооценена²⁵. Для пострадавших стран экономические потери, конечно, были значительными, в том числе для Австрии, где стоимость демонтажа, проведенного советской стороной в 1947 году, по внутренним оценкам составила 51,6 млн долларов²⁶. По курсу 1 доллар к 26 шиллингам в тот период, что было эквивалентно сумме

²¹ WIFO-Monatsberichte. 1948. S. 135. СССР также пытался с 1944 года получить доступ к богатым месторождениям нефти в Иране, что, естественно, вызвало конфликт интересов с англичанами и американцами: Hasanli J. At the Dawn of the Cold War: The Soviet-American Crisis over Iranian Azerbaijan, 1941–1946. Lanham, 2006. P. 46–59.

²² Zubok V. A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill. London, 2007. P. 41.

²³ Последнее изд-е Hasanli J. At the Dawn of the Cold War. P. 46–59.

²⁴ Musial B. Modernisierung durch Demontagen? Zur Wirtschaftspolitik Stalins nach dem Zweiten Weltkrieg/ Dornik W., Gießauf J.Iber W. M., eds. Krieg und Wirtschaft: Von der Antike bis ins 21. Jahrhundert. Innsbruck, 2010.

²⁵ Subok V., Pleschakow C. Der Kreml im Kalten Krieg. P. 81.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 104. Л. 1–2.

в 1,3 млрд шиллингов, то есть 8,5 млрд шиллингов (300 млн долларов) в ценах 1955 г.²⁷

На Потсдамской конференции в июле – августе 1945 года, где победившие союзники Великобритания, США и Советский Союз установили политический курс для будущей Германии, главным при обсуждении был вопрос о репарациях. Демонтаж оборудования СССР рассматривался в качестве важной составляющей при выплате репараций со стороны Австрии. Соответствующее предложение было сделано 30 июля 1945 года советской делегацией, согласно которому планировалось производить демонтаж оборудования в Австрии в течение года²⁸. Министр иностранных дел СССР В. М. Молотов ранее уже напрямую ссылался на ответственность Австрии за совместные действия с Германией в войне и разрушения, произведенные в Советском Союзе, потребовал репараций от Австрии в размере 250 млн долларов. Репарации выплачивались начиная с 1 июля 1945 года в рассрочку (в форме поставок товаров) в течение шести лет и должны были быть разделены между Советским Союзом, Великобританией, США и Югославией. Однако в конечном итоге Советский Союз дистанцировался от всех этих заявлений по репарациям и заявил на консультациях с США и Великобританией, что он не хотел никаких репараций из Австрии. Такое заявление, правда, требовало необходимости прекращения операций по демонтажу в Австрии, но СССР получил гарантии со стороны западных держав в отношении других выплат по

²⁷ Для преобразования курса доллар – шиллинг я использовал обменный курс 26:1 во всей работе. Переоценка цен с 1955 г. была проведена с помощью индекса стоимости жизни для четырех человек в рабочей семье (с апреля 1945 приняты в качестве основы для индекса): Статистика Австрии на сайте: http://www.statistik.at/web_de/statistiken/preise/verbraucherpreisindex_vpi_hvpi/zeitreihen_und_verkettungen/index.html, accessed on 17. 6. 2009, at 11:40 a.m., using MS Internet Explorer.

²⁸ U. S. Department of State. Foreign Relations of the United States, 1945 (FRUS). Vol. II: Conference of Berlin (Potsdam Conference). Washington, 1960. P. 667.

репарациям, которые были в долгосрочной перспективе более тяжелыми для Австрии – доступ к «германским активам»²⁹.

Никаких австрийских репараций? Потсдамское заблуждение

В соответствии с решениями Потсдамской конференции «германские активы» в Центральной и Восточной Европе передавались СССР в счет репарационных выплат, в то время как союзники взаимно отказались от своих претензий на «германские активы» в других зонах оккупации. Это поставило СССР в положение, которое позволяло распоряжаться по своему усмотрению «германскими активами» в Восточной Германии, в Восточной Австрии, Болгарии, Финляндии³⁰.

Однако это Потсдамское решение по урегулированию репарационных выплат имело одну важную особенность. Было неясно, что именно подразумевается под термином «германские активы». Вскоре это было продемонстрировано в случае с нефтяными компаниями в Австрии, в частности в отношении действия «закона Битумен», введенного национал-социалистами в 1938 году. Закон полностью ставил отрасль под контроль государственной военной экономики. Согласно ему каждый нефтяной завод, который хотел продолжать работу в Австрии, должен был найти нефть на основе бесплат-

²⁹ Bader W.B. Österreich in Potsdam, Österreichische Zeitschrift für Außenpolitik. Vol. 2 (1962). P. 210–217. See also Wagnleitner R. Großbritannien und die Wiedererrichtung der Republik Österreich. PhD Diss., University of Salzburg, 1975. P. 227–233; Brunner W. Das Deutsche Eigentum und das Ringen um den österreichischen Staatsvertrag 1945–1955. Vienna, 1976. P. 27–32; Bollmus R. Ein kalkuliertes Risiko? Großbritannien, die USA und das 'Deutsche Eigentum' auf der Konferenz von Potsdam / Bischof G., Leidenfrost J., eds., Die bevormundete Nation: Österreich und die Alliierten 1945–1949. Innsbruck, 1988. P. 107–126; Fisch J. Reparationen nach dem Zweiten Weltkrieg. Munich, 1992. P. 129–137; Bischof G. Austria in the First Cold War 1945–1955: The Leverage of the Weak. Basingstoke, 1999. P. 36–41.

³⁰ Klambauer O. Staat im Staate: Sowjetisches Vermögen in Österreich 1945–1955 / Karner S. eds., "Österreich ist frei!". P. 182.

ной разведки в течение двадцати трех месяцев³¹. Если нефть не была найдена, право на бесплатную разведку теряло силу. Таким образом, закон оставил тем нефтяным компаниям, которые обладали правами разведки в Австрии, две возможности: увеличить производство или продать право на разведку, то есть государство должно было решить, с какой интенсивностью новые нефтяные месторождения должны быть использованы. Именно в этом заключалась фундаментальная проблема, когда дело дошло до вопроса о «германских активах»: должны ли фирмы, которые были переведены в разряд германской собственности после 1938 года, как, например, в случае с австрийским нефтяным сектором, именно на основе «закона Битугмен», рассматриваться как «германские активы» в 1945 году? Этот главный вопрос остался без ответа в Потсдаме. Он до сих пор остается предметом дискуссий в литературе, был ли этот случай англо-американским расчетом (раздел сфер интересов, уничтожение способности Германии вести войну) или просто ошибкой на переговорах со стороны западных держав³². Несколько месяцев спустя англичане и американцы вместе с Советским Союзом принимают Закон № 5 (приобретение и регистрация германской недвижимости за рубежом) Контрольного Совета Союзников в Германии, внося коррективы в определение этого пункта, что было по сравнению с Потсдамом, возможно,

³¹ Law Gazette for the Country of Austria (Gesetzblatt für das Land Österreich, GBLÖ). 1938. №8. 375.

³² Например, ссылки на тактический расчет: Klambauer O. Die Frage des deutschen Eigentums in Potsdam. Jahrbuch für Zeitgeschichte, 1978. P. 128–136; Fisch J. Reparationen nach dem Zweiten Weltkrieg. P. 131–132; для ознакомления с другой точкой зрения см. тезисы об ошибке переговоров, представленной и подчеркиваемой автором: Bader W. Österreich in Potsdam. P. 218; Bollmus. Ein kalkuliertes Risiko? P. 119–120; Sandgruber R. Das wirtschaftliche Umfeld des Staatsvertrages/Rauchensteiner M., Kriechbaumer R., eds., Die Gunst des Augenblicks. Neuere Forschungen zu Staatsvertrag und Neutralität. Vienna Cologne Weimar, 2005. P. 362.

более точным, но все еще чрезвычайно размытым, играя на руку СССР. Закон № 5 был подписан 30 октября 1945 года³³, т. е. в то время, когда западные спецслужбы и оккупационные власти в Вене следили за переговорами в отношении Sanafta³⁴.

Тем не менее независимо от того, была ли политика западных держав сформирована тактическими расчетами или некомпетентностью (или даже комбинация из двух факторов), с точки зрения Австрии приходится говорить о серьезной неудаче для нее. СССР продолжал умело использовать теневые стороны права, результатом этого стало отсутствие ясности вокруг термина «германские активы». Для Москвы вся собственность была «германской», которая находилась в руках Германии в конце войны и которая была приобретена без оплаты её стоимости прежним хозяевам³⁵. Даже в случае с «аризацией», где те, кого лишили собственности, в большинстве случаев получили небольшую сумму «компенсации», в значительной степени игнорировались в течение последующих конфискаций³⁶. В то же время, Советский

³³ Control Council Law № 5 (in German). 30.10.1945, at: <http://www.verfassungen.de/de/de45-49/kr-gesetz5.htm>, accessed on 25. 6. 2009, at 2:30 p.m., using MS Internet Explorer.

³⁴ Например, предложения по договору Sanafta, где подробно перечислены те нефтяные компании, которые интерпретируются СССР как «германская собственность», были уже доступны для британской стороны в Союзнической комиссии по Австрии в конце сентября 1945 года. В это же время, «секретный информатор» уже давно сообщил англичанам о конфискациях SMV в районе Цистерсдорфа (Нижняя Австрия), а с ним и тот факт, что Москва конфисковала активы, которые принадлежали Западу до 1938 г. TNA. FO 1020/3096 (ACA 323/66): Zistersdorfer Oil Concessions. Nixon (Headquarters of the British Military Government, Vienna) to Bennet (Allied Commission for Austria, Finance Division), 28.9.1945 and *ibid.*, British City Commander's Office in Vienna to the British Troops Austria (BTA). Economic Division. 9. 10. 1945.

³⁵ Seidel H. Österreichs Wirtschaft. P. 402.

³⁶ Федеральное правительство насчитывало в 1947 году в общей сложности 52 предприятия USA, которые стали жертвами во время нацист-

Союз оставался при толковании термина «германские активы» в большинстве случаев в рамках договоренностей, достигнутых в Потсдаме³⁷. В период надвигающихся разногласий СССР с западными державами, они даже были в выигрыше от этого определения и обращались к вышеупомянутому Закону № 5 как к убедительному аргументу, чтобы сгладить эти разногласия³⁸.

Занятая Советским Союзом Восточная Австрия, таким образом, особенно пострадала от Потсдамских решений по репарациям, так как согласно советскому определению, больше всего «германских заграничных активов» в конце войны было взято именно здесь. СССР рассчитал стоимость «германских активов», только суммировав активы, но не обязательства³⁹. В Восточной части

ской политики «ариизации», они составили около 20 % от общего числа конфискованных промышленных предприятий. Австрийский государственный архив Республики (далее ÖStA/AdR), BMfF, Sekt. Vermögenssicherung: Staatsvertragsakten, Kart. 4879, GZ 66/349, List of Aryanisations, 1947. Это, однако, вероятно, только промежуточный результат, так как, в соответствии с Кламбауэром (Klambauer), доля предприятий в период «ариизации» на самом деле составляла 20 %. See Klambauer O. Die USIA-Betriebe. 2 volumes, PhD Diss. Vienna, 1978. P. 267–268.

³⁷ Bader W. Österreich in Potsdam. P. 219.

³⁸ ÖStA/AdR. BMfF. Sekt. Vermögenssicherung: Staatsvertragsakten, Kart. 4875. GZ 66/346. Conclusions of the Soviet Delegates at the 71st Session of the Austrian Treaty Commission, Vienna. 2 September 1947 (перевод с русского языка).

³⁹ В Вене представители четырех оккупационных держав провели в общей сложности 85 сессий с мая по октябрь 1947 года, чтобы обсудить все спорные аспекты будущего Австрийского государственного договора (и в частности «германское имущество»). Советская делегация отметила лаконично: «Советская делегация основывает эту позицию на основе Потсдамской резолюции, которая, как известно, определяет германские активы как таковые, а не обязательства. [...] Советская делегация считает, что такие обязательства должны покрываться за счет тех, кто поддержал Германию в войне против Организации Объединенных Наций». ÖStA/AdR (as in note 38).

Австрии в 1947 году их стоимость составила чуть меньше 130 млн долларов.

*«Германская собственность за рубежом»
в сфере влияния СССР в Восточной
и Центральной Европе (включая Финляндию):
Советское определение и расчеты, 1947 г.*

Страна	Стоимость (в млн долл.)
Восточная Австрия	129,6
Румыния	43,0
Болгария	16,0
Венгрия	89,5
Финляндия	46,8

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4597. Л. 13.

Конфискации, осуществляемые с октября 1945 года в Восточной Австрии советскими оккупационными властями со ссылкой на Потсдамское соглашение, представляли собой «в соответствии со строгими критериями международного права» не австрийские, а германские репарационные платежи. Тем не менее, даже если предположить, что Советский Союз, с точки зрения участия австрийцев в нацистской коалиции и их совместной ответственности за войну, имел бы определенное моральное право на такие конфискации согласно упомянутой декларации в Потсдаме, но не стал требовать никаких репараций с Австрии, то это было бы неубедительно. К 1945 году австрийская экономика долгое время была неразрывно связана с германской собственностью, хотя такое резкое увеличение «германских активов» могло только произойти в результате аншлюса в 1938 году, легитимность которого вызывала большие сомнения. «Германская империя включила в себя крупные предприятия, которые имели решающее значение для австрийской экономики, забрав все в свое распоряжение», – именно так федеральный президент Карл Реннер заявил в 1946 году. Он отмечал, что «...за счет увеличения уставного капитала в результате инвестиций рейха... рейх приобрел контрольный пакет акций (многих предприятий. – Прим. автора)». Кроме того, многие германские

предприятия в Австрии были созданы за счет средств Австрийского национального банка⁴⁰.

Германский капитал на самом деле не играл доминирующей роли в экономике Австрии до 1938 года. Германское проникновение в австрийскую экономику в конечном итоге привело к большому участию германского капитала в австрийских банках, а именно *Creditanstalt* и *Länderbank*. Значительная часть промышленности находилась в руках немцев только в конце войны в 1945 году. Если германская доля в австрийских предприятиях составляла 9 % в 1937 году, то она возросла до 57 % к 1945 году⁴¹. Таким образом, необходимо де-факто говорить об экономической эксплуатации Австрии и скрытых репарациях (или выплатах эквивалентным репарациям)⁴², так как конфискация «германских активов» Советским Союзом неизбежно представляла собой сильнейший удар по экономике Австрии.

Англичане, французы и американцы также конфисковали часть «германских активов» в соответствующих зонах, а именно то имущество, которое в соответствии с западным пониманием, уже было в руках немцев до аншлюса в 1938 году или попало в германские руки между 1938 и 1945 гг. без применения мер принуждения. Как раз здесь и проявились западные понятия о том, как следует понимать формулу «использование принуждения». Однако они значительно расходятся с узким определением СССР (на основе этого определения западные оккупационные власти считали «Закон Битумен» недействительным)⁴³. Во всяком случае США вернули конфискованные активы Австрийской Республике в июле 1946 года в форме доверительного соглашения, а весной 1949 года западные державы заявили о своем

намерении отказаться от «германских активов» в Австрии, расположенных в их зонах⁴⁴.

Советские оккупационные власти тем временем разместили массу имущества, конфискованного в Восточной Австрии, под управление хозяйственных органов *SMV* и *USIA*, оба из которых были организованы в соответствии с плановой экономикой и были специально созданы с этой целью.

Оккупационная экономика: *SMV* и *USIA*

В результате около 50 % промышленных предприятий в советской зоне находились под управлением оккупирующей державы. Между тем *SMV* и *USIA* вместе взяли на службу почти 60 000 трудящихся: высшие эшелоны и старшие управляющие должности были укомплектованы советскими, а нижние (и частично средние) эшелоны состояли из австрийских рабочих, принадлежавших по большей части к КПА⁴⁵. В первую очередь советские предприятия в Австрии были подчинены ГУСИМЗ (Государственному Управлению советским имуществом за границей). Центральный отдел с единственной или главной ответственностью еще не существовал. На самом деле, действовало множество министерств и ведомств в Москве, которые вмешивались с той или иной степенью интенсивности, наряду с ГУСИМЗ в вопросы, касающиеся советских предприятий в Восточной Австрии⁴⁶. Советские предприятия приносили прибыль, которая способствовала созданию Советского Военного Банка (СВБ) в Вене, являющегося филиалом Госбанка СССР, образованного в 1946 году. Банк предоставлял предприятиям необходимые средства на льготных условиях. Если не

⁴⁴ Klambauer O. Staat im Staate. P. 184. Seidel. H. Österreichs Wirtschaft. P. 406–407.

⁴⁵ Iber W.M. Sowjetische Wirtschaftsenklaven in Österreich: *USIA*, *SMV* und die Handelsbeziehungen zur Tschechoslowakei, 1945–1955 / Karner S., Stehlik M., eds., Österreich. Tschechien. geteilt – getrennt – vereint. Beitragsband und Katalog zur Niederösterreichischen Landesausstellung 2009. Schallaburg, 2009. P. 192.

⁴⁶ См. подробнее: Iber W. M. Die Sowjetische Mineralölverwaltung. P. 51–52.

⁴⁰ ÖStA/AdR. BMfF. Sekt. Vermögenssicherung: Staatsvertragsakten. Kart. 4876, GZ 66/348. Renner to Figl. 16 July 1946 (copy).

⁴¹ Seidel H. Österreichs Wirtschaft. P. 366–369.

⁴² Fisch. Reparationen nach dem Zweiten Weltkrieg. P. 136.

⁴³ ÖStA/AdR (as in note 38).

было доступных льгот, СБВ выдавал кредиты, в результате такого подхода много предприятий USIA «влетели» в значительные долги⁴⁷.

Если посмотреть на весь период их существования, цели SMV и USIA, а также ряда других, меньших, советских организаций, которые были тесно связаны экономически и административно с SMV или USIA, например, советской DDSG (Дунайское пароходство. – *Прим. автора*)⁴⁸, основанное 2 февраля 1946 г., были явно не расположены к рациональной экономической стратегии. Фактически их цель заключалась в том, чтобы как можно быстрее сообщить в Москву о высоких результатах производства⁴⁹. К 1955 г. эти фирмы были истощены и, как следствие, были возвращены Австрии по условиям Государственного договора в обмен на единовременные выплаты.

SMV было основано в сентябре 1945 г.⁵⁰ и со 2 октября 1945 г. начала свою деятельность по условиям Потсдамской резолюции⁵¹,

⁴⁷ Klambauer O. Die USIA-Betriebe. P. 291–294.

⁴⁸ Советское Дунайское пароходство (Donaudampfschiffahrtsgesellschaft, DDSG) подчинялось USIA с 15 декабря 1946 г., но сохраняло право на независимое руководство. РГАЭ. Ф. 107. Оп. 3. Д. 3. Л. 192–193.

⁴⁹ Это давление на производство, несомненно, было характерно для государственной социалистической плановой экономики СССР. Типичными для плановой экономики были также значительные недостатки, которые демонстрировали USIA и SMV, например: отсутствие нововведений, что представляло собой риск для успешного выполнения плана, или низкое качество выпускаемой продукции, вызванное отсутствием конкурентной борьбы между фирмами как результат монопольной бизнес-структуры. См.: Staatssozialistische Zentralplanwirtschaft / Gabler Wirtschaftslexikon. Sp-Z, revised edition. Wiesbaden, 1992. P. 3077.

⁵⁰ 30 сентября 1948 года газета рабочих-коммунистов отметила «Der Erdölarbeiter» в специальном выпуске, озаглавленном «Drei Jahre SMV» (три года SMV) // Der Erdölarbeiter. № 17. 30 September 1948.

⁵¹ ÖStA/AdR. BMfF. Sect. Vermögenssicherung: Staatsvertragsakten, Kart. 4863. Beilage zu GZ 66/271.

предусматривающей ее владение «германскими» нефтяными компаниями. Советские предприятия контролировали почти всю австрийскую нефтяную промышленность: месторождения нефти и природного газа, нефтеперерабатывающие заводы, нефтебазы и автозаправочные станции принадлежали их активам. SMV арендовало приблизительно 300 автозаправочных станций и несколько крупных нефтебаз для OROP (Торговое общество австрийских и русских нефтяных продуктов), основанное в Москве в сентябре 1946 года. Общество являлось коммерческим предприятием, обладающим в соответствии с австрийским законодательством правом на монопольную торговлю нефтью в Советской зоне оккупации⁵². SMV не довольствовалось объемом эксплуатации нефтяного месторождения вокруг Цистерсдорфа, открытого еще в период нацизма. Фактически оно начало проводить бурение в поисках новых месторождений и в других регионах⁵³. В марте 1949 года оно открыло в Нижней Австрии крупнейшее месторождение, известное в Центральной Европе до 1955 года, которое особенно ценилось советскими предприятиями за счет его качественной и дорогостоящей нефти. Еще в январе 1950 года удалось открыть одно особенно продуктивное месторождение в регионе Адерклаа, которое использовалось в течение следующих лет. Кроме того, нефтяные залежи были обнаружены вблизи Зюбенбрунна в 1951 году⁵⁴. Почти за десять лет своего существования SMV до-

---

Deutsche Gasolin AG (German Petroleum Ether PLC) to BmfVuW. 16 January 1947: Confiscation of the German Petroleum Ether PLC by the Soviet Mineral Oil Administration for Austria.

⁵² ÖStA/AdR. BMfF. Sect. Vermögenssicherung: Staatsvertragsakten, Kart. 4789. GZ 1274–261. 498/433–35/55. Public administrators Mayrhofer and Degen to the BMfF. 3 November 1955.

⁵³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВПРФ). Ф. 66. Оп. 23. П. 24. Д. 8. Л. 157–167.

⁵⁴ Bezemek E. Dokumentation der Betriebe des USIA-Konzernes in idem; Klambauer O. Die USIA-Betriebe in Niederösterreich: Geschichte – Organisation – Dokumentation. Vienna, 1983. S. 325.

было на месторождениях приблизительно 17,8 млн тонн нефти в качестве репарационных платежей. Около 55 % от этой суммы были вывезены из страны, в то время как так называемые «внутренней квоты», то есть доля продукта, продававшегося в Австрии, долгое время оставалась строго ограниченной⁵⁵. По советским данным, SMV почти за десять лет получило общую прибыль в 3,8 млн шиллингов, что эквивалентно примерно 146 млн долларов (по ценам 1955 года)⁵⁶.

Через несколько недель после начала работы SMV главнокомандующий советскими вооружёнными силами в Австрии маршал И. Конев посоветовал министру иностранных дел В. М. Молотову дальнейшую идентификацию и конфискацию «германского имущества в восточной Австрии» и изменение управления им на основании создания «Управления по вопросам германской собственности в Австрии»⁵⁷, расположившегося в Бадене. На основе резолюции Совета министров СССР, предложение И. Конева было осуществлено в соответствии с советским приказом № 17 от 27 июня 1946 г. Приказ регулировал передачу всего «германского имущества в восточной Австрии» в собственность СССР⁵⁸. Управление и ведение этой собственности возлагалось на USIA.

Когда USIA официально начала работать 16 июля 1946 г.⁵⁹, всего 436 предприятий концернов (из них 231 были промышленными, 163 аграрными и лесными и 31 др.) и 3 109 частных фирм находились в ведении управления. Большинство предпри-

ятий являлось маленькими или средними с устаревшим техническим оборудованием (только 84 из 231 промышленного предприятия имело более 100 рабочих)⁶⁰, что также объясняет, почему доля USIA в объёме промышленной продукции Австрии, составляла примерно 5–8 %⁶¹. Исключением стали крупные концерны, подчинявшиеся USIA, включая инженерную фирму «Фойт», AEG-Union, Аустро-Фиат, Сименс-Шуккерт, Wiener Brucknenbau AG⁶². USIA тем не менее играла в своей зоне влияния значительную роль на рынке.

Наряду с центральным управлением, USIA имела отраслевые управления, подобно Восточно-Германскому SAG, такие как «Автотело» (автомобильная промышленность), «Мартен» (сталелитейное производство), «Текстиль» (текстильное производство) и «Вкус» (элитная пищевая промышленность). Кроме того, Советский Союз создал сеть USIA-магазинов, в которых товары продавались дешевле, ускользая от австрийских налогов и государственных пошлин. Число концернов значительно варьировалось в последующие годы, поскольку их закрытия и объединения происходили довольно часто. В оперативных списках с 1955 г. значилось 264 концерна USIA⁶³. В течение своего существования USIA зарегистрировала валовую прибыль в 7,5 млрд шиллингов, равных примерно 288 млн долларов (курс цен 1955 г.)⁶⁴.

⁶⁰ Российский государственный архив новейшей истории (далее РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 224. Л. 70–78.

⁶¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 224. Л. 70–78.

⁶² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 224. Л. 70–78.

⁶³ ÖStA/AdR. BMF. Sekt. Vermögenssicherung: Staatsvertragsakten. Kart. 4781. GZ 66/380. USIA Operational Lists, 5 August 1955. Существует, однако, данные, которые отличаются от этой цифры. В ноябре 1955 года А.К. Курзаменко, заместитель главы управления советским имуществом в Австрии и Финляндии, представил цифру 263 концернов USIA, переданных Австрии (хотя всего насчитывалось 213 концернов, перечисленных в прилагаемом списке). См. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 331. Л. 328–345.

⁶⁴ Sowjetische Wirtschaftsenklaven. S. 195.

⁵⁵ Iber W. M. Die Sowjetische Mineralölverwaltung. S. 96–106.

⁵⁶ Iber W. M. Sowjetische Wirtschaftsenklaven. S. 195.

⁵⁷ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 726. Д. 322. Л. 100–101. См. also Mueller W. Die sowjetische Besatzung in Österreich 1945–1955 und ihre politische Mission. Vienna-Cologne-Weimar, 2005. S. 150–151.

⁵⁸ Order № 17 Ruggenthaler P. Warum Österreich nicht sowjetisiert wurde. S. 663–665.

⁵⁹ Steiner H. Die USIA-Betriebe: Ihre Gründung, Organisation und Rückgabe / Die Österreichische Hoheitsverwaltung. Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Vol. 43 (1993). S. 206.

Несомненно, дипломаты западных оккупационных властей в Вене постепенно стали понимать после 1946 г., что советские экономические анклав в Восточной Австрии фактически служили не столько экономическим, сколько стратегическим интересам СССР. Основное внимание уделялось нефтяным скважинам, сконцентрированным в Нижней Австрии, располагавшимся как раз на пересечении Востока и Запада. В конце концов, британская, американская и французская разведывательные службы в годы «холодной войны» стали направлять австрийских рабочих и служащих в советские концерны с целью шпионажа. Информационные сведения, полученные таким путём, были важными деталями, позволявшими Западу собрать сведения об экономическом потенциале СССР⁶⁵. Американского уполномоченного в Австрии, Джона Г. Эрхарда снабжали в августе 1947 г. информацией разведывательных служб относительно советской оккупационной экономики. Он констатировал: «очевидность детального планирования по включению Восточной Австрии в зону Советского контроля на территории восточно-европейского экономического блока не вызвали сомнения»⁶⁶. Действительно, «чёрное золото» из Австрии – в значительной степени с конца 1940-х гг. – приносило пользу экономике Советского Союза и его союзников. SMV снабжало сырой нефтью нефтеперерабатывающие заводы в Венгрии и ЧСР⁶⁷. В 50-е гг. большая часть потребностей в смазочных материалах ГДР была покрыта нефтепродуктами из Австрии⁶⁸. В 1953 г., в соответствии

⁶⁵ Iber W.M. *Wirtschaftsspionage für den Westen: Erdölarbeiter im Spannungsfeld des Krieges*/ Karner S., Stelzl-Marx B., eds., *Stalins letzte Opfer: Verschleppte und erschossene Österreicher in Moskau 1950–1955*. Vienna-Munich, 2008. S. 169–188.

⁶⁶ National Archives and Records Administration (NARA). Record Group 84, Box 83. File 710: Research Section to Erhardt, 7 August 1947, Enclosure: Outline of Soviet Economic Penetration of Austria.

⁶⁷ WIFO-Monatsberichte. Supplement 33 to № 11. 1955: Österreichs Wirtschaftsverkehr mit der Sowjetunion. S. 6.

⁶⁸ Karlsch R., Stokes R. G. *Faktor Öl: Die*

с данными ЦРУ, примерно 90 % неочищенной нефти из Восточной Австрии, которую поставляла SMV, было продано социалистическими странам Восточной Европы⁶⁹.

USIA, до 1950 г. продававшее более 50 % своих товаров на Австрийском внутреннем рынке, также усилило свою торговлю с восточно-европейскими демократическими государствами⁷⁰.

В большей степени изменения в политической структуре в первой половине 1950-х годов – из-за начала сталинизации Восточной Европы – отражались в поставках из Австрии. Западные зоны, не подверженные советизации, постепенно двигались к рыночным структурам, развивавшимся с помощью США, так как Австрия была включена в план Маршалла⁷¹. Поэтому на этом этапе Австрия больше подвергалась эксплуатации, чем дружественные Советскому Союзу государства Восточного блока. По расчетам германского историка Йорга Фиша, австрийские репарационные взносы после Второй мировой войны были выше на душу населения, чем, например, румынские или болгарские репарации⁷².

Mineralölwirtschaft in Deutschland 1859–1974. Munich, 2003. S. 329.

⁶⁹ Предварительный доклад разведки: Советский блок в торговле нефтью и нефтепродуктами. 6 апреля 1955 г. С. 16–17 // www.foia.cia.gov, по состоянию на 15 июля 2008 года. Информация, используемая ЦРУ вполне может быть неточной. Один пример: в меморандуме к 1952 году объем экспорта оценивается в общей сложности около 1,6 млн тонн. Меморандум разведки: расход нефти в странах Советского блока. 1952. ЦРУ / RR IM-375. 13 июля 1953. С. 3. // www.foia.cia.gov, по состоянию на 15 июля 2008 года. Эта цифра завышена, если иметь в виду, что оценка австрийской внутренней квоты была 1 млн тонн (на самом деле она составляла около 1,2 млн тонн в 1952 году). Это означает, что соответствующее перераспределение даст (реалистичный) показатель экспорта, что составляет около 1,4 млн тонн.

⁷⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 224. Л. 70–78.

⁷¹ Iber W. M. *Die Sowjetische Mineralölverwaltung*. S. 109–117.

⁷² Фиш Й. оценивает австрийские репарации, в том числе оккупационные расходы, в размере 105 долларов на душу населения. После вычета затрат на западные оккупационные зоны,

Как подчеркнуто выше, советская оккупация Австрии имела (в первую очередь) как стратегические, так и (бесспорно хорошо продуманные) экономические планы. Оба фактора играли важную роль в 1955 году, когда Москва продемонстрировала готовность вывести свои войска из Австрии. Это решение советским руководителям далось легко, потому что Австрия заявила о своем нейтралитете, и по этой причине вместе со Швейцарией они привели НАТО к географическому расколу⁷³. Мало кому известно, что этот компромисс с Веной также сыграл на руку советской внешней торговле.

Во время последних переговоров с делегацией австрийского правительства в апреле 1955 года (Московский меморандум) министр внешней торговли в Москве подсчитал, что продолжающаяся эксплуатация австрийских нефтяных месторождений не будет больше прибыльной для СССР⁷⁴. У Советского Союза теперь была возможность избавиться от находящихся в кризисе концернов и еще раз получить достойную прибыль путем завышенной оплаты поставок: только за столом переговоров с австрийцами Советский Союз спонтанно зависил одноразовый платеж для SMV⁷⁵ в 10 млн т неочищенной нефти (в ко-

нечном итоге ее было только 6 млн т)⁷⁶. Политбюро первоначально послало советскую делегацию на переговоры с более низкими цифрами относительно оплаты, а именно 4,1 млн т неочищенной нефти⁷⁷. Одноразовый взнос для USIA (150 млн долларов) даже не обсуждался на Московских переговорах в 1955 году, хотя эта сумма была зафиксирована в 1949 году, в то время когда USIA еще не достигла кульминации своей производительности. Концерны были истощены к 1955 году, стоимость их была около 80 млн долларов⁷⁸. Для того чтобы окончательно добиться ухода Советского Союза из страны, австрийское правительство приняло эту цену (и на самом деле заплатило даже больше).

Скрытые репарации. Все австрийские выплаты Советскому Союзу (1945–1955/1963 гг.)

Если принять за основу весь объем экономического потенциала, который был взят советскими оккупационными властями, то можно сделать вывод о следующих суммах в шиллингах в ценах 1955 года: 8,5 млрд шиллингов, полученные в виде демонтажа и вывоза оборудования; самая огромная сумма в 11,3 млрд шиллингов была сформирована выплатами репараций от производства советских концернов, т. е. прибыли от USIA и SNU; 7,3 млрд шиллингов одноразового платежа⁷⁹ за советские концерны в Австрии в качестве стоимости, установленной Государственным договором, выплаченного до

по данным Фиша, австрийские «репарации», выплаченные Советскому Союзу на душу населения, составляют 97,1 доллар. Тем временем Фиш оценивает румынские репарации в 91,1 доллара, а болгарские – в 35,7 долларов на душу населения. Для сравнения: возмещение расходов в советской зоне оккупации в Восточной Германии были, конечно, намного выше – 888,7 долларов на душу населения, в том числе оккупационных расходов. См.: Fish J. Reparationen nach dem Zweiten Weltkrieg. S. 230–231, 319.

⁷³ Ruggenthaler P. Warum Österreich nicht sowjetisiert wurde. S. 705–707.

⁷⁴ Prozumensčikov M. Nach Stalins Tod. Sowjetische Österreich-Politik 1953–1955/ Karner S., Stelzl-Marx B., eds. Die Rote Armee in Österreich. S. 751–752; Iber W.M. Die Sowjetische Mineralölverwaltung. S. 161–167.

⁷⁵ Stourzh G., Um Einheit und Freiheit: Staatsvertrag, Neutralität und das Ende der Ost-West-Besetzung Österreichs 1945–1955. Vienna – Cologne – Graz, 2005. S. 415–449.

⁷⁶ Во время личной беседы с Никитой Хрущевым в 1960 году федеральный канцлер Юлиус Рааб добился сокращения платежных требований. См.: Grubmayr H. 60 Jahre mit den 'Russen': Erinnerungen an meine Zeit als Legationssekretär an der Österreichischen Botschaft in Moskau/ Karner S., Stelzl-Marx B., eds. Die Rote Armee in Österreich. S. 794–796.

⁷⁷ РГИАИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 136. Л. 9 и 36–39.

⁷⁸ Iber W. M. Sowjetische Wirtschaftsenklaven. S. 195.

⁷⁹ Помимо платежей за SMV и USIA, Австрия также должна была произвести и другие выплаты. См.: Sandgruber R. Das wirtschaftliche Umfeld des Staatsvertrages. S. 366–367; Seidel H. Österreichs Wirtschaft. S. 463–465.

конца 1963 года⁸⁰ частично деньгами, а в основном в виде поставок продовольствия и неочищенной нефти. Таким образом, репарации в размере 27,1 млрд шиллингов.

Сюда следует добавить финансовые расходы Австрии, выделяемые на содержание советских оккупационных войск. Стоимость этих расходов составила до 9,7 млрд шиллингов. Это дает нам общую стоимость расходов в сумме 36,8 млрд шиллингов (около двух процентов ВВП 1946–1955 гг.)⁸¹, что эквивалентно 1,4 млрд долларов. Данный показатель, рассчитанный главным образом на основе информации советских документов, соответствует данным по оценкам репараций, которые рассчитали австрийские историки Гюнтер Бишоф и Ганс Зейдель⁸². Эта сумма соответствовала в 2008 году (если взять потребительские цены в шиллингах в 1955–2008 гг., которые увеличились в шесть раз), примерно в 16 млрд евро.

*Передача средств Австрии
Советскому Союзу, 1945–1963 гг.*

	млрд шиллингов, цены 1955 г.	млрд долларов, цены 1955 г.	млрд евро, цены 1955 г.
Операции по демонтажу	8,5	0,3	3,7
Прибыли USIA и SMV	11,3	0,4	4,9
Единовременные выплаты по Государственному Договору	7,3	0,3	3,2
Итого по репарациям	27,1	1,1	11,8

⁸⁰ Поставки товаров (USIA) были прекращены в 1961 году, последняя поставка нефти (SMV одноразовый платеж) из Австрии была проведена 30 декабря 1963 // Arbeiter Zeitung. 31 March 1963. S. 2.

⁸¹ ВВП 1945 года я показал в ценах 1937 года, переведенных в цены 1955 года, и сократил их вдвое, то есть «измерил» ВВП за шесть месяцев, с июля по декабрь 1945 года.

⁸² Мои подсчеты привели к результату в сумме 1,41 млрд долларов. Г. Бишоф оценивает в 1,33 млрд и Г. Зейдель 1,45 млрд долларов (за вычетом платежей западным оккупационным властям) См.: Bischof G. Austria in the First Cold War. S 87; Seidel H. Österreichs Wirtschaft. S. 467.

Затраты на содержание советской оккупационной зоны	9,7	0,4	4,2
ВСЕГО	36,8	1,4	16,0

Источники: Авторские расчеты: Bischof G. Austria in the First Cold War 1945–1955: The Leverage of the Weak. Basingstoke, 1999. S. 87; Seidel H. Österreichs Wirtschaft und Wirtschaftspolitik nach dem Zweiten Weltkrieg. Vienna: 2005. P. 433–434.

Что касается реальной помощи, то есть иностранной помощи, то эта цифра была около 1,6 млрд долларов, из которых почти миллиард пришел с планом Маршалла⁸³. Австрийские репарации Советскому Союзу были, таким образом, фактически оплачены Западом, или, иначе говоря, американцы и англичане организовали эту помощь Австрии за свой провал в Потсдаме. С другой стороны, США, Великобритания и Франция стали экономическим бременем для австрийского государства, так как фактически расходы на них составили сумму около 10,5 млрд шиллингов (что эквивалентно около 400 млн долларов, из которых более 90 % шли на расходы по оккупационным зонам)⁸⁴. Сравнение показывает, как советская оккупационная политика была сосредоточена на экономической эксплуатации: от общих австрийских платежей четырем оккупационным державам 75 % было отправлено в СССР.

Однако следует отметить, что скрытые репарации Советскому Союзу также содержали и положительные моменты для Австрии, из них самым главным было то, что советская оккупационная экономика помогла Австрии в переходный период развивать собственную нефтяную и газовую промышленность. В довоенный период Австрия отказалась от своих, тогда, правда, мало развитых скважин с минеральными маслами в пользу в основном англо-американских нефтяных компаний. После 1938 г. эта отрасль, по большей части (то есть примерно две тре-

⁸³ Butschek F. Die österreichische Wirtschaft im 20. Jahrhundert. Stuttgart, 1985. S. 89.

⁸⁴ Seidel H. Österreichs Wirtschaft. S. 468–470.

ти) стала «германизированной» как результат «Закона Битумен»⁸⁵. Многие из прежних владений западных фирм в данной отрасли не учитываются после 1945 года в связи с советским пониманием «германских активов». SMV осуществляла практически полный контроль над сектором нефтепродуктов в период оккупации. В 1955 г. СССР передал этот сектор промышленного производства Австрии. Правительство страны включило его в виде компании ÖMV в национализированную промышленность, сегодня она частично приватизирована. ÖMV в настоящее время один из ведущих нефтегазовых концернов в Центральной Европе, сформированный в 1956 году. Такое развитие событий было бы невозможно без SMV, при всех издержках данного процесса для современной Австрии. Если западные державы были бы в состоянии после Второй мировой войны выполнить в противовес СССР восстановление владений довоенного периода, крупные концерны, такие как Shell или Mobil Oil могли бы себя позиционировать гораздо сильнее в Австрии. В такой ситуации австрийская фирма вряд ли смогла конкурировать с транснациональными нефтяными компаниями⁸⁶.

После 1955 года: Австрия как спутник советской экономики?

После соглашения о передаче от 13 августа 1955 года бывшие советские концерны были интегрированы в австрийскую экономику со значительными издержками из-за огромного отставания некоторых концернов в развитии. Эта интеграция, в частности, была возможна только за счет методов рационализации⁸⁷. Советская сторона также пыталась оставаться в максимально возможной степени информированной о развитии бывших SMV и USIA.

СССР и Австрия, в конце концов, достигли соответствующих соглашений в 1955 году в ходе переговоров в Москве. Австрий-

ское правительство обещало само, «что никакие дискриминационные меры не принимаются в отношении лиц, занятых в USIA, концернах бывшего Советского управления по нефтепродуктам, OROP и DDSG»⁸⁸. Кроме этого, соглашение заключается сроком на 5 лет торговый договор, подписанный в октябре 1955 года. По мнению австрийского историка Петера Руггенталера, этот договор в сочетании с платежами, согласованными в Московском меморандуме, дал советскому министерству внешней торговли основание для планирования дальнейшего давления на Австрию в экономическом отношении⁸⁹.

Однако, недооценив сложившиеся обстоятельства, СССР действовал здесь, «будто план Маршалла не оказывал никакого влияния на Австрию»⁹⁰. Москва вскоре вынуждена была признать, что у нее не оставалось мощных аргументов для оказания давления на Австрию. Об этом говорит один тот факт, что рабочие бывшего USIA и SMV покинули КПА в массовом порядке после августа 1955 года⁹¹ в состоянии (необоснованного) чувства⁹² страха увольнения. Их членство в партии показывает, что десятилетняя советская оккупация ни в коей мере не была способна привести к стабильному укреплению позиций коммунизма в Ав-

⁸⁸ См., например, Меморандум по итогам дискуссии между делегацией правительства Австрийской Республики и делегацией правительства Советского Союза («Московский меморандум», 15 апреля 1955 г.), приводится в Stourzh. Um Einheit und Freiheit. S. 667.

⁸⁹ Ruggenthaler P. Warum Österreich nicht sowjetisiert wurde. S. 706–707.

⁹⁰ Ibid. S. 707.

⁹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 431. Л. 30–31.

⁹² На примере нефтяных концернов видно, что после ликвидации SMV австрийское правительство не участвовало в каких-либо крупномасштабных политически мотивированных увольнениях коммунистов. Напротив, в связи с Московским меморандумом, с целью сохранения занятости рабочих SMV, численность работников на ÖMV в конце 1957 года, составляла более чем 10 000 чел., даже выше, чем в более поздний период SMV. См.: ÖMV-Geschäftsbericht. 1957. S. 21.

⁸⁵ Die Sowjetische Mineralölverwaltung. S. 28–33.

⁸⁶ Ibid. S. 202.

⁸⁷ Sandgruber R. Das wirtschaftliche Umfeld des Staatsvertrages. S. 371–372.

стрии. Советский Союз не мог достигнуть цели, очевидно предусмотренной вышеупомянутым соглашением о торговле, которое должно было по крайней мере ослабить «экономическую зависимость Австрии от западных держав»⁹³.

В связи с планом Маршалла и в значительной степени с приобретением населением негативного опыта по отношению к советской оккупационной администрации западная ориентация Австрии очень прочно укрепила свои позиции к концу 1940-х годов. В этих условиях австрийская экономическая зависимость от Советского Союза, на которую надеялись в СССР, оставалась чистой иллюзией.

Помимо оговоренных поставок до конца 1963 года, которые были незначительны, обмен в рамках торгового соглашения с СССР имел место только тогда, когда это соответствовало целям Вены. СССР извлек пользу в том плане, что ранее оккупированная страна интерпретировала свою прозападную ориентацию после 1955 года никоим образом не догматически, особенно когда дело касалось экономики. Традиционная сильная австрийская торговля с восточноевропейскими государствами, правда снизилась, за счет участия в Европейской программе восстановления (ERP) и в результате «железного занавеса». Однако эти экономические связи де-факто никогда полностью не прерывались⁹⁴. Австрия использовала свою новую роль нейтрального плацдарма между Востоком и Западом не только для того, чтобы развивать свою внешнюю политику, но и чтобы позиционировать себя сильным торговым партнером Восточной Европы во время последующих кризисов «холодной войны». Таким образом, это было продуманным шагом, а не случайностью, что именно Австрия стала первой европейской страной за пределами СЭВ, которая подписала долгосрочный договор с Советским Союзом на поставку природного газа, что фактически

было сделано в середине мирового кризиса 1968 года⁹⁵.

Подводя итог вышесказанному, можем сделать вывод, что советская экономическая политика по отношению к Австрии определялась факторами оккупации и эксплуатации. Ее лейтмотивом было право после победоносного завершения войны претендовать на экономические ресурсы побежденных (хотя Австрия официально рассматривалась не как потерпевшая поражение, а как освобожденная страна). Этот подход не может рассматриваться как «типично советское явление» – оно определено в контексте военных конфликтов с ключевыми словами «завоевывать», «занимать» и «использовать». Как правило, это основной принцип, с которым мы сталкиваемся от случая к случаю, от эпохи к эпохе в той или иной вариации.

В конкретном случае рассматриваемая экономическая политика СССР в занятых Советским Союзом странах Центральной и Восточной Европы после 1945 года представляла собой систематическую, организованную экономическую эксплуатацию, осуществляемую посредством политической и военной силы. Советский Союз проводил довольно четкую линию в соответствии с девизом «компенсировать и скрыть». Это был, во-первых, вопрос о компенсации потерь, понесенных в ходе прошедшей войны, то есть вклад в восстановление экономической мощи СССР. Во-вторых, на фоне биполярного мира СССР постоянно учитывал сценарий новой великой войны, то есть не в последнюю очередь речь шла о демонстрации силы, чтобы скрыть наилучшим образом свои слабые стороны по сравнению с потенциалом во многих отношениях экономически мощных, военных противников, имея в виду США и Великобританию с их богатыми нефтяными ресурсами.

⁹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 432.

⁹⁴ Butschek F. Die österreichische Wirtschaft im 20. Jahrhundert. S. 132–134.

⁹⁵ По договору поставки см.: Feichtinger F., Spörker H. ÖMV – OMV / Die Geschichte eines österreichischen Unternehmens. Horn, 2005. S. 151–152.

Австрийская экономика пострадала от этих экономических задач в относительно большей степени. Если рассматривать репарации, выплачиваемые Советскому Союзу некоторыми другими государствами Восточной Европы, то репарации Австрии были больше. Тем не менее репарации, конечно, сравнительно небольшая цена за то,

чтобы Австрия, в отличие от своих восточноевропейских соседей, в значительной степени была избавлена от попытки ее советизации и смогла, наконец, в 1955 году вернуть себе полную свободу.

*Перевод с английского языка
Ж. Малаокой*

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ И РОССИЯ

А. Н. Сухой

РУСОФИЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГАЛИЧИНЕ: ФОРМИРОВАНИЕ «РОССИЙСКО-РУСЬКОЙ» ПАРТИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

110

Вопросы, связанные с развитием русофильского движения в граничащей с Российской империей Галичине, всегда вызвали научный интерес и споры. Ныне они рассматриваются украинской историографией в контексте национальной самоидентификации местного галицкого населения «русынив» («украинцев»), а период их развития первой половины XIX века определен как «этап» («начало», «волна») украинского национального самовозрождения (Я. Грыцак, А. Сухой и др.)¹ или «нациетворчества» (Г. Касьянов)². Вместе с тем отдельные авторы рассматривают эти политические и этнические процессы как чисто «русское» или «русское» движение (А. Бахтурна)³, а национально-политическое развитие «русынив» («украинцев») периода 1848–1849 гг. – как искусственный проект австрийского правительства (Н. Ульянов). Эти и другие подходы вызывают необходимость обращения к теме галицкого русофильства и ее научного изучения.

Революция 1848–1849 гг., вошедшая в историю как «Весна народов», стала знаменательным событием в жизни Европы XIX века. В этот период революционные движения охватили большую часть европейского континента. Однако в различных регионах цели революции имели различный характер. Для Франции, Бельгии, Голландии «Весна народов» стала борьбой за либерализацию в пределах собственной государственности.

¹ Грыцак Я. Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX століття. К.: Генеза, 1996; Сухой О. Галичина: між Сходом і Заходом. Львів: Львівський національний університет ім.І.Франка; Інститут українознавства ім.І.Крип'якевича НАН України, 1999. – 226 с.

² Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму: монографія. К.: Либідь, 1999. – 352 с.

³ Бахтурна А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны // под редакцией Г. А. Бордюгова. Серия «Первая монография». М.: АИРО-XX, 2000. – 264 с.

Для итальянцев и немцев это было выражение стремления к объединению государства. Для венгров и поляков – прежде всего борьба за национальную независимость. Во время революции 1848 года украинский вопрос впервые стал составной частью национального вопроса в Европе. В украинском галицком обществе «Весна народов» пробудила большие надежды на улучшение своего положения, создала условия, в которых не только национальные деятели, но и широкие слои общества сосредоточили свое внимание на проблеме национальной идентичности. Национальный вопрос вышел за рамки идейных схем и конструкций, которые существовали лишь в теории. В то же время он перестал быть лишь дискуссией для узких кругов интеллигенции; для многих людей именно революция 1848–1849 гг. стала толчком для того, чтобы впервые поставить перед собой вопрос о собственной национальной принадлежности. Нередко на этот вопрос было непросто ответить однозначно, а размышления над ним порождали много личных переживаний и внутренних коллизий.

Отправной точкой для анализа русофильского течения в Галичине периода «Весны народов» считаем свидетельство тогдашнего украинского общественно-политического деятеля, греко-католического священника Василия Подолинского. В брошюре «Слово предостережения», написанной 1848 году, В. Подолинский выделил в украинском национальном движении периода «Весны народов» четыре главных политических течения, которые назвал партиями: чисто-русской, польско-русской, австрийско-русской и российско-русской. Последняя, по словам автора брошюры, «тоже хочет Руси, может и свободной, и направляется к ней через предварительное объединение с Россией с мыслью, что тогда будет

свободной, когда будет свободной Россия»⁴. Очевидно, что речь не шла о четко сформулированной политической программе в отношении какого-либо направления, скорее всего, можно говорить лишь об определенном круге симпатий, стремлений и надежд. Сам В. Подолинский предупредил свое партийное деление предостережением, что «русины [...] не смеют ни на кого решительно возлагать свои политические надежды», а «их принципы» с трудом укладываются в определенные направления. Главную причину такой нечеткости В. Подолинский видел в том, что «каждый русин втайне несмело думает еще о своей Руси, ибо не может еще найти для своей Руси надежную и стойкую точку опоры»⁵.

«Весна народов» настигла галицких русинов абсолютно неподготовленными к такому ходу событий. В то время когда другие народы империи, требуя ввода конституционного строя и демократических свобод, стремились обеспечить свои национальные права, украинцы не имели не только опыта политической борьбы, надлежащей инфраструктуры и соответствующего руководства, но даже четкого осознания своего положения и потребностей. В контексте и под прямым влиянием революционных потрясений, которые всколыхнули почти всю Европу весной 1848 года и не только выявили острую необходимость социально-экономических преобразований, но и поставили на повестку дня вопрос о национальном освобождении угнетаемых народов, во Львове была образована Главная Руськая Рада – первая политическая организация галицких украинцев. Главная Руськая Рада (далее – ГРР) была создана прежде всего в противовес

польской Центральной Раде Народовой⁶. Ее первоочередная задача заключалась в том, чтобы декларировать отличие целей галицких украинцев от целей польского национального движения, не допустить, чтобы интересы Галичины в революции были представлены и соотносились исключительно только с польской национальной организацией. Создание Рады знаменовало собой переход украинского национального движения в Галичине от культурно-просветительской к политической фазе развития⁷.

Первой задачей, которую необходимо было выполнить Главной Руськой Раде, была выработка текста воззвания к украинскому населению края. Это воззвание обсуждалось на нескольких заседаниях Рады. В результате дискуссий было решено отстаивать идею национального единства и соборности всех украинских земель. В воззвании, принятом 10 мая 1848 года, указывалось:

*Мы, Русины Галицки, належимо до великого руского народу, котрый ѓднымъ говоритъ языкомъ и 15 милъонѓвъ виносить зъ котрого пѓлтретя милѓна землю Галицку замешкуе*⁸.

⁶ Более подробно о деятельности Рады Народовой см.: Stolarczyk M. Działalność lwowskiej Centralnej Rady Narodowej w świetle źródeł polskich. Rzeszów, 1994.

⁷ Турій О. Українська «Весна народів» / Головна Руська Рада (1848–1851): протоколи засідань і книга кореспонденції / за ред. О. Турія; упоряд. У. Кришталович та І. Сварник. Львів, 2002. С. X–XI. Положение о начале политического движения галицких украинцев в 1848 г. рассматривал в начале XX в. галицкий общественный деятель и ученый М. Лозинский, который считал, что в деятельности Маркияна Шашкевича и его единомышленников народное сознание проявилось первый раз литературно, на что указывало употребление украинского языка в книгах, а в требованиях ГРР народная сознательность проявилась политически. Это значило, что ГРР требовала установления таких политических порядков, при которых наш народ мог бы жить и развиваться как отдельный народ / Лозинський М. Українство і москвофільство серед українсько-руського народу в Галичині. Репринтне видання. Стрий, 1994. С. 6.

⁸ Зоря Галицка. Львів. 1848. 15 травня.

⁴ Подолинський В. Слово перестороги [Сянін, 1848] / Вступна стаття, примітки і переклад з польської Ф. І. Стебля. Львів, 2001. С. 55–56.

⁵ Стеблій Ф. Визначна пам'ятка української політичної думки середини XIX століття – «Слово перестороги» Василя Подолинського // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1994. Т. ССХХVIII: Праці Історично-філологічної секції. С. 475.

Таким образом, несмотря на присутствие в украинском галицком движении на момент революции 1848 года разных национально-политических ориентаций, на уровне деклараций выразительно преобладала проукраинская концепция национальной идентичности галицких русинов⁹. Преобладание настроений украинофилов в 1848 г. было обусловлено несколькими причинами. Быстротечность событий, которые происходили в течение этого года, революционные изменения делали знакомый для тогдашней галицкой интеллигенции, хотя и невыразительный, образ «Малой Руси» более четким. Обострение отношений с поляками вынуждало галицких украинцев осуществлять поиск таких понятий собственной идентичности, из которых следовало бы, что они ни территориально, ни за количеством населения не уступают разделенному на три части государственными границами польскому пространству. Греко-католическая иерархия, в руках которой находилось управление национальным движением, была вынуждена учитывать судьбу униатской церкви в Российской империи, которая с 1839 г. оказалась вне закона. В конечном итоге нужно учитывать позицию Австрийского правительства, которое прилагало немало усилий для отторжения галицких русинов от польского революционного движения и в то же время пыталось предотвратить их притяжение к всерусьскому миру.

⁹ Вместе с этим деятельность ГРР не следует рассматривать как окончательно определенную или революционно-активную, как это следует из советской и в некоторой мере украинской эмиграционной историографии (Біднов В. Школи й освіта в Україні // Антонович Д. Українська культура / з передмовою К. Костева. Мюнхен, 1988. С. 34–61, 65). Поэтому поводульвовский профессор С. А. Макаручук отметил, что ГРР на протяжении 1848 г. занимала нейтральную, отчасти выжидательную позицию в отношениях между преимущественно польской Радой Народовой и австрийской администрацией в Галичине. Однако правительство почувствовало общественно-политическую значительность ГРР (Макаручук С. А. Москвофільство: витоки та еволюція ідеї (середина XIX ст. – 1914 р.) // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів, 1997. Вип. 32. С. 82–92).

Всплеск настроений украинофилов в 1848 г. был таким сильным, что вынудил галицких русофилов признать свою малочисленность и даже засомневаться в будущем течения, которое они представляли. К. Хоминский в письме к А. Петрушевичу от 7 октября 1848 г. разделял «гореванья» своего адресата «надъ неистовымъ починаніемъ нашихъ Малоруссомановъ» и подтверждал, что «Малоруссомания» не встречает противодействия в обществе. Д. Зубрицкий в письме к «Императорскому обществу истории и древностей» в Москве от 6 (18) января 1853 г. признавал, что в период революции «едва 10 человекъ находилось въ Галиціи, которые разумѣли настоящее Русское слово» и что тогда распространенным было убеждение в национально-языковой отдельности между российским и украинским народами¹⁰. Один из более поздних теоретиков галицкого русофильства Богдан Дидицкий вспоминал:

[...] Подъ понятіемъ “Русь” я представлялъ собѣ тогда такъ, якъ и наибольшая часть ново въ то время возрожденныхъ нашихъ Русиновъ, только южную или Малую Русь съ ея древними стольными городами, Киевомъ и Галичемъ, а съверную Великую Русь уважали мы хотя сродною намъ по общеславянскому происхожденію, но мало-же не такъ само не своею, якъ не своею была для насъ даже и ближе съ нами сусѣдня, тоже славянская Польша. Еще-жъ къ тому тую съверную Русь изъ-давна называно у насъ загаломъ “Москвою”, противъ которой именно во мнѣ, яко бывшомъ до недавна рянымъ патриотомъ польскимъ, еще не цѣлкомъ усмирлись вовсе не братерскіе реминисценціи, набранныи изъ Мицкевича, Словацкого, Красинского и цѣлого міра литературы москво-вражихъ Поляковъ¹¹.

¹⁰ Турій О. “Українська ідея” в Галичині в середині XIX століття // Україна модерна. Львів, 1999. Число 2–3 (за 1997–1998 рр.). С. 63–64.

¹¹ [Дидицький Б.] Своєжитєвьи записки Богдана А. Дъдицкого. Львовъ, 1906. Ч. I: Где-що до історії саморозвитія языка и азбуки Галицкой Руси. С. 8.

Украинское движение в Галичине развивалось не только в постоянном противостоянии с польским политиком, но и в тесной взаимосвязи с ним. Украинцы заимствовали у поляков немало идейно-политических положений, в частности идею о необходимости противостояния российскому самодержавию как притеснителю национальных прав народов империи. В то же время утверждение отдельных польских деятелей о самостоятельности малороссийского политического, культурного пространства, о необходимости польско-украинского союза против России и создания в будущем польско-украинской федерации было направлено в 1848 г. против самих поляков. Полемика с поляками воспроизводила самые яркие страницы украинской истории и межнационального противостояния. К ним в первую очередь принадлежали исторические сведения о Галицко-Волынском княжестве и войне под предводительством Богдана Хмельницкого. Упоминания об этих событиях, в свою очередь, подчеркивали политическое единство малороссийского пространства, его государственную традицию и, таким образом, были дополнительным аргументом в пользу малороссийской национальной идентичности. Заметно, что аргумент о принадлежности галицких русинов к 15-миллионному народу тогдашняя украинская политическая элита в Галичине считала достаточным, чтобы противостоять полякам. «Заря Галицкая» в 1848 г. активно популяризировала мысль о принадлежности галицких русинов к 15-миллионному украинскому народу, который «немного» превышает по численности всех поляков: «Не повинни вони (поляки. – А. С.) зъ ока спущати, же нась є 15. мїлїонивъ (а то троха бѣльши якъ всѣхъ Полякивъ и со зляшеними Русинами) и же черезъ оутисканье и понижуванье Русинивъ Польска погїбла!»¹². Тезис о разрушении польской государственности из-за пренебрежения украинским вопросом исполнял по меньшей мере две задачи: во-первых, он выступал для галицких украинцев средством самоутверждения; во-вторых, давал основания для вывода, что

¹² О подъяль Галиціи // Зоря Галицка. 1848. Ч. 18. 12 вересня. С. 74. Подпись: І. Л.

потенциально сила Малороссийского пространства и в дальнейшем способна защищать украинцев от национального притеснения со стороны поляков.

Русофильские настроения в Галичине в период революции 1848–1849 гг. не нашли благоприятной почвы в среде греко-католической иерархии. Исходя из внутренней сущности униатской церкви ее руководство было вынуждено действовать, считаясь и с католическим миром, и с восточной традицией. В то же время оно должно было работать таким образом, чтобы не позволить ни одному из этих направлений добиться значительного преимущества, поскольку это могло бы подвергнуть сомнению саму рациональность существования церкви. Украинские церковные иерархи не были заинтересованы ни в реставрации польской государственности, ни в возможной оккупации Галичины российскими войсками, ибо это угрожало Греко-католической церкви¹³. В 1850 г. анонимный автор в статье, которую опубликовала «Заря Галицкая», так объяснял причины, связанные с противодействием распространению пророссийских симпатий среди греко-католического духовенства во время революции:

Греческо-католическе священничество, которое теперь лучше образованное, якъ благочестивое російское, разъ вступивши на керму руско-народного порушенія, не найшовши прежде ниякого соперника, не могло хотѣти опустити тоє становище, которое его возносило, честолюбію его догоджувало и лишь въ самостоятельнѣмъ розвитію народа єсть возможнымъ, – та и забувши на собственный хосєнь кинути ся до идей всеславянскихъ; ниякимъ образомъ не могло того бажати зречи ся всей въ новомъ времени набутой славы и хѣсна, дабы запасти въ политическое ничество въ Росіи, которои существованіє съ формоу правленія найтснїйше соєдиненое¹⁴.

¹³ Турій О. «Українська ідея» в Галичині... С. 66–67; Ibidem. Греко-католицька Церква і революція 1848–1849 pp. у Галичині / Rok 1848. Wiosna Ludów w Galicji / Zbiór studiów pod red. Wł. Wica. Kraków, 1999. S. 72–91.

¹⁴ Зоря Галицка. 1850. 3 (15) червня.

Стремление к самосохранению сделало Греко-католическую церковь в период революции надежной опорой Габсбургов и решительным противником польского революционного движения. Церковная иерархия в значительной мере определяла идейно-политическую платформу, структуру, методы деятельности Головной Руськой Рады.

Национальные и социальные противоречия, которыми сопровождалось развитие революционного движения в Галичине, умело использовала австрийская власть, которая направила свои главные усилия на отделение галицких украинцев от польского революционного лагеря, а одновременно из внешнеполитических побуждений пыталась предотвратить их притяжение к России. Реализатором политики австрийского правительства в Галичине в 1847–1848 гг. был губернатор края Франц Стадион. Для сплочения своих поклонников губернатор образовал так называемый Байрат¹⁵ – комитет с совещательными функциями, который имел целью парализовать деятельность Рады Народовой. С украинской стороны в комитет были приглашены епископ перемышльский Григорий Яхимович, каноник Михаил Куземский и священник Михаил Малиновский. Эти лица в период революции и в последующие годы играли важную роль в определении направлений политики галицких украинцев. Именно позиция Ф. Стадиона, его содействие украинцам привели к тому, что митрополичья консистория (канцелярия митрополита. – А. С.) осмелилась взять в свои руки руководство украинским национальным движением.

Губернатор Галичины Ф. Стадион фактически был первым австрийским чиновником, силой обстоятельств вынужденным формировать специальную политику Вены относительно украинского вопроса. Эта по-

¹⁵ “Рада Дорадчая” (Байрат) действовала на протяжении мая 1848 г., обсуждая вопросы финансового состояния провинции, проект устава для гмин/ Grzybowski K. *Galicja 1848–1914 / Historia ustroju politycznego na tle historii ustroju Austrii*. Kraków; Wrocław; Warszawa, 1959. S. 10.), устав для выборов в сейм.

литика заключалась в подъеме украинцев до уровня общеавстрийского политического фактора и в противопоставлении их в этой роли государственным устремлением поляков. С другой стороны, уже в период Ф. Стадиона было заметно, что Вена рассматривает галицких украинцев не как постоянного союзника, а только как союзника временного и что ее поддержка украинских национальных интересов или соответственно пренебрежение ими непосредственно будет зависеть от того, как будут складываться польско-австрийские отношения. Перевести революционные настроения в Галичине в контролируемое русло, а также завоевать симпатии по отношению к австрийскому правительству у подавляющего большинства украинского населения Ф. Стадиону удалось посредством двух энергичных шагов. 22 апреля 1848 г. по его инициативе в крае было объявлено распоряжение австрийского правительства об отмене барщины с 15 мая этого же года¹⁶. Это произошло на несколько месяцев раньше, чем в других австрийских краях, а одновременно парализовало аналогичные инициативы польской шляхты, утвердив среди украинского крестьянства образ австрийской власти как защитницы его интересов. Ф. Стадион также поднял и к соответствующему моменту удерживал в повестке дня вопрос о разделе Галичины на украинскую и польскую провинции. В глазах галицких поляков влияние Ф. Стадиона на украинское движение было настолько значительным, что начиная с 1848 г. в польской публицистике на много десятилетий прочно утвердился тезис об «изобретении» им русинов как национально-политического феномена¹⁷.

В начале 1848 г. Ф. Стадион согласился на издание в Галичине украинского журнала, проект которого обсуждался членами Ставропигийского института с осени 1847 г. Органы центральной и краевой власти не скрыва-

¹⁶ Возвание [до русинів Галицького краю з приводу знесення панщини]. Львов, 1849. 4 с.

¹⁷ Со временем это положение начало активно эксплуатироваться и русской публицистикой (Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма [Репринтное издание]. М., 1996. – 288 с.

ли от украинцев своей заинтересованности в том, чтобы они не присоединялись к польскому революционному движению. С предложением возглавить редакцию журнала Ставропигийский институт обратился к Д. Зубрицкому. После долгих колебаний и раздумий Д. Зубрицкий согласился. Ключевой проблемой для проектируемого журнала было правописание. Д. Зубрицкий сначала не видел возможности издавать журнал «несовершенным языком». Ища выход из этой проблемы правописания, уже после своего согласия быть редактором, в письме к Антонию Петрушевичу он предлагал «середины держать», то есть опираться на народный язык, а нехватку слов заимствовать с «побратимчого или церковного диалекта». Язык журнала не должен был «опускаться к тривиальности языка простого народа, но не подниматься к употребляемому в великороссийской литературе способу трактовки», быть обычным и понятным для всех галицких русинов. Сам Д. Зубрицкий считал свое новое задание достаточно обременительным, учитывая преклонный возраст, а также недостаточную практику писания русским языком. Он признавал, что согласиться его вынудили только «важные обстоятельства», под которыми очевидно понимал возможность посредством австрийского правительства подчеркнуть наличие в Галичине русского народа и несоответствие его интересов с польскими¹⁸.

Вопросы языковой орфографии оказались самыми сложными и неразрешенными в декларируемом Главной Руськой Радой тезисе о национальной самостоятельности украинского народа. Проблемы правописания опять попали в число наиболее актуальных в связи с созданием украинцами в Галичине в июле 1848 г. по образцу других славянских народов Галицко-русской матицы – культурно-просветительного общества, которое должно было вести просве-

дительскую и издательскую деятельность, способствовать развитию украинской школы. Вопрос о языке будущих изданий вызвал острую дискуссию на Соборе руських ученых, который состоялся во Львове в октябре 1848 г. при участии 118 представителей украинской науки, образования и культуры Галичины¹⁹. Большинство участников обсуждения высказались в пользу литературного языка, близкого к народному, «гражданского шрифта» и фонетического правописания, сохранив, однако, за поклонниками церковнославянского языка, которые были в меньшинстве, право на использование этого языка и этимологического правописания в научных трудах²⁰. В недалеком будущем этимологическое правописание стало весомым аргументом в руках поклонников обоснования общеруського единства. Языково-правописные дискуссии с новой силой возрождались по мере спада революционного движения, подвергая сомнению единодушные галицкой общественности в поддержке национального выбора Главной Руськой Рады, выявляя различное понимание украинской научной и политической элитой того времени направления национального развития.

Сомнения галицких украинцев относительно возможности сравниться на волне революции в своем национальном развитии с другими народами Австрийской империи усилились в связи с ходом Славянского съезда в Праге в июне 1848 года.

В Славянском съезде в Праге в качестве делегатов приняли участие Григорий Гинилевич, Иван Борисикиевич и Олекса Заклинский. Другие присутствовали как гости. Представители Главной Руськой Рады поддержали главный документ Пражского съезда – «Манифест к Европейским народам», в котором шла речь о созыве общеевропейского конгресса народов, который должен

¹⁹ [Желехівський Ю. В.] Съезд галицко-русских ученых в 1848 г. и их языковыя прения. Из записок Ю.В.Ж. Львов, 1898. – 51 с. [Автор восстановлений акад. М. Возняком].

²⁰ Криль М. М., Стеблій Ф. И. Галицкая матица во Львове // Славянские матицы / отв. ред. И. И. Лещиловская. М., 1996. С. 190–233.

¹⁸ Орлевич І. Ставропигійський інститут у Львові (кінець XVIII – 60-і рр. XIX). Львів, 2001. С. 103–107; Львівська національна наукова бібліотека України ім. В. Стефаника (далее – ЛННБ України ім. В. Стефаника), відділ рукописів. Ф. 77 (А. Петрушевич). Спр. 207. Арк. 1–2.

был стать гарантом решения спорных европейских и международных проблем.

Григорий Гинилевич в письме из Праги от 9 июня 1848 г.²¹ в Яворивскую Руськую Раду писал: «Долго еще надо ждать, чтобы у нас развился так, как здесь, национальный патриотизм»²². Участники съезда не добились своей главной цели – славянского единства. Интересы представленных на съезде наций оказались чрезвычайно разными, а временами и противоположными. Главная причина этого заключалась в том, что славянские народы переживали интенсивные процессы формирования наций, доминирующей тенденцией которых была дифференциация, а не интеграция под эгидой общеславянской идеи²³. Наиболее выразительно отсутствие

²¹ Организованный в ответ на политическое заявление Франкфуртского национального собрания он стал следствием славянского движения, которое активизировалось в ходе революционных выступлений весной 1848 г. Идея съезда впервые была высказана в прессе 20 апреля 1848 г. И. Кукулевичем-Сакцинским. Каждый славянский народ Австрии ставил перед собой конкретные программные задачи. Например, чехи как наиболее активные организаторы съезда стремились найти единомышленников для борьбы за собственные национальные права в рамках Австрийской империи. Требования сербов, хорватов и словаков, в которых они тоже рассчитывали на общеславянскую поддержку, ограничивались их противостоянием венгерскому господству. Многочисленная польская делегация намеривалась найти поддержку славян в борьбе за собственную независимость. И, наконец, представители галицких украинцев заявили о собственных национальных амбициях в противовес польским силам в Галичине (Велика історія України... С. 679). До 1923 г. опрацювали проф. д-р Іван Крип'якевич і ред. Микола Голубець; До 1948 г. доповнив проф. д-р Дмитро Дорошенко; Про історію України заповнив проф. д-р Ярослав Пастернак. Львів; Вінніпег, 1948. – 967 с.

²² Франко І. З 1848 року. Давні матеріали до оцінення нових заходів около польсько-руської угоди // Франко І. Зібрання творів: у 50 т. Київ, 1985. Т. 46. Кн. 1. С. 329.

²³ Исламов Т. М. Революция 1848 г. в Австрийской империи: национальные и межнациональные аспекты/ Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001. С. 163.

славянского единства проявилась в рамках польско-украинской секции. Напряжение было таким значительным (дискуссия продолжалась вокруг национального характера Галичины), что ради улаживания конфликта оказалось необходимым даже вмешательство Павла Йосефа Шафарика и Михаила Бакунина – единственного россиянина на съезде. 7 июня 1848 г. на съезде было заключено украинско-польское соглашение, которое предусматривало достижение в Галичине языкового и религиозного равноправия. Вопрос раздела Галичины откладывался до созыва законодательного сейма²⁴. Игнорирование поляками этого соглашения на практике, а также нежелание Вены, вынужденной прислушиваться к политически более сильным полякам, пойти на раздел Галичины подчеркивало слабость украинского движения, свидетельствовало о бесперспективности его однозначной ориентации на официальную Вену²⁵, в фарватере которой создавалась концепция австрославизма и возобновлялся

²⁴ Брик І. Славянський з'їзд у Празі 1848 р. і українська справа // Записки Наукового товариства імени Шевченка. Львів, 1920. Т. СХХІХ. С. 141–217; Франко І. З 1848 року... С. 323–337.

²⁵ За галицкими українцями утвердилось название «Трипольцев Востока», что стало символом их лояльности к австрийскому престолу. Галицкий историк С. Томашивский в начале XX в. писал: «Это слово стало у нас кпипною и удобным коньком для многих молодых политиков, материалом для их критики, что вот – это русины не использовали революции 1848 г., что были реакционерами, что поэтому их судьба не изменилась и т. п. Известно, что так говорить может лишь тот, кто истории 1848 г. вообще не знает. ...Украинцы не могли поступить иначе, как это сделали практически все Славяне, прежде всего Хорваты, которые были в аналогичном положении, потому что как они Мадьяров, так и Украинцы Поляков имели ближе нежели центральное немецкое правительство. В конце концов и само правительство имело столько удобств, чтобы приклониться к более слабым народам. Что Украинцы не достали этого, что достали за Выслугу Хорваты – это уже другое дело...» (Сеньобос. Австрія в XIX ст. / з франц. переклад і пояснів С. Томашівський. Коштом С. Бриттана. Львів. С.97).

интерес галицких украинцев к славянскому пространству на востоке.

Не способствовало усилению украинского движения и начало парламентской деятельности украинцев в Австрийской империи. Скорее наоборот, она вызывала разочарование. В мае 1848 г. под воздействием революционных выступлений в Вене цесарь Фердинанд II провозгласил созыв однопалатного парламента для принятия новой конституции²⁶. В Галичине выборы в парламент, что происходили на основании куримальной и двухступенчатой системы в конце июня – начале июля 1848 г., характеризовались стихийностью и непредсказуемостью. Такое состояние вытекало из возможностей легальной политической деятельности, созданной императором для своих подданных, и было одновременно обусловлено нехваткой конституционных традиций²⁷. Это позволило австрийской администрации влиять на ход избирательных процессов как в Галичине, так и в конечном итоге во всей Австрии. Из всех провинций империи Галичина и Буковина послали в парламент больше всего крестьянских депутатов и священников, которые преимущественно не владели немецким языком в той мере, чтобы

²⁶ Провозглашенная 25 апреля 1848 г. так называемая Апрельская конституция предусматривала созыв двухпалатного парламента (рейхсрата) для австрийских и чешских провинций и Галичины с Буковиной. (Этому предшествовала отдельно изданная конституция для Венгрии). Парламент должен был состоять из сената (200 депутатов, из которых 50 назначал император, а 150 избирались преимущественно крупными землевладельцами страны) и палаты депутатов (383 членов). В сенате Галичина (вместе с Краковским округом) была представлена 41 депутатом, а в палате депутатов – 100 (из которых 91 депутат избирался в сельской курии, а 9 – в городской: Львов – 3, Краков – 2, Броды, Тернополь, Станислав, Перемышль – по одному) (My Ferdynand Pierwszy [...] Tymczasowy porzadek wyborów odnoszący się do konstytucji z dnia 25. Kwietnia 1848. [Wiedeń, 9 maja 1848]. – [14 s.]).

²⁷ Protokoły Koła Polskiego w wiedeńskiej Radzie Państwa (lata 1867–1868) / Opracowanie i wstęp Z. Fras i S. Pijaj. Kraków, 2001. S. 27.

с пониманием следить за ходом дискуссий²⁸. С 29 избранных в парламент галицких украинцев 17 были крестьянами, 9 – священниками, и только 3 – представителями светской интеллигенции²⁹. Сам Ф. Стадион был избран в парламент голосами украинских крестьян и священников сразу в двух округах. О роли, которая отводилась австрийскими чиновниками украинскому и в целом крестьянскому представительству от Галичины, свидетельствуют попытки Ф. Стадиона во время заседаний парламента руководить голосованием этой части парламента³⁰. За время заседаний (июль 1848 г. – март 1849 г., Вена – Кромерж) парламент становился все больше управляемым, особенно после отмены барщины 7 сентября 1848 г. Однако взрыв во Львове в начале польского восстания ноября 1848 года засвидетельствовал, что галицкие украинцы являются для австрийского правительства достаточно слабым противовесом польским государственным требованиям.

Первые попытки политической деятельности в Австрии, посеявшие разочарование в галицких украинцев свидетельствовали, что украинское национальное движение не было подготовленным к кардинальным изменениям, не было и надлежащей реакции на политическую конъюнктуру и использование возможностей, которые открывала для национального развития революция 1848–1849 гг. Галицкие украинцы ощутимо отставали от тех преобразований, которые осуществлялись как в крае, так и во всем государстве, не могли они ориентироваться

²⁸ Зъ собору оустановодательного въ Вѣдни // Зоря Галицка. 1848. Ч. 12. 1 сепня. С. 51–52.

²⁹ Подробно о составе первого украинского парламентского представительства см.: О депутатовъ сейму нашого Австрийского на початку мѣсяця Студня 1848. перенесеного недавно зъ Вѣдни до Кромержа // Зоря Галицка. 1848 (1849). Ч. 2. 27 грудня (8 сѣчня). С. 9–10; Ч. 3. 29 грудня (10 сѣчня). С. 14–15; Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців 1848–1914. На підставі споминів. Львів, 1926. С. 32–33.

³⁰ Buszko J. Polacy w parlamencie wiedeńskim 1848–1918. Warszawa, 1996. S. 13–37.

в специфике противоречий, которые выявила революция в Австрийской империи. Все это порождало среди украинцев ощущение собственного бессилия, невозможности влиять на события, которые непосредственно затрагивали их интересы. В таких условиях начался отход части галицких деятелей от провозглашенной Главной Руською Радой программы соборности украинских земель, которая, как показал ход революционных событий, не принесла галицким украинцам ожидаемой быстрой и конкретной пользы. В то же время практическая деятельность лидеров Главной Руськой Рады показала, что они не могут защитить украинцев от давления поляков. Становилось понятным и то, что впоследствии украинцы все меньше могут рассчитывать на благосклонность Вены. На фоне революционных потрясений в Австрии симпатии галицких деятелей опять обратились к России, которая выгодно выделялась своей стабильностью, крепкой государственной властью. Из-за отсутствия политического опыта украинцы быстро, уже после первых месяцев революционных потрясений, отошли от активных действий.

Быстрый отход большинства украинских галицких деятелей от национальной программы Главной Руськой Рады свидетельствовал, что ее провозглашение не было результатом глубинных процессов, укоренившихся во всем украинском обществе Галичины. Вероятно, деятельность Главной Руськой Рады свидетельствовала, прежде всего, о понимании украинской общественностью собственной фольклорно-религиозно-языковой самобытности. Для многих галичан взгляды украинофилов того периода оказались лишь этапом в их переходе от непольской к всеруськой идентичности. Б. Дидицкий, делая памятную запись в альбоме А. Петрушевича (январь 1901 г.), так вспоминал об этих событиях:

*Братямъ Русинамъ.
Гей кто Русинъ веселися!
Покинь смутокъ,
Стри слезы –
Не журися!» и пр. и пр.*

(Стихъ А. С. Петрушевича, напечатанный д. 15 Мая 1848 «Зори Галицкой» Ч. 1).

Чудно-наивный, русско патриотичный духъ сего стиха, прочитанный мною въ м. Маѣ 1848, всего больше повліялъ на мене, тогда 21-лѣтнѣго молодца, що я изъ завязато-го Ляха сталъ Галицкимъ Русиномъ, послѣ въ томъ же году и всерусскимъ Русиномъ³¹.

Важными факторами, повлиявшими в этот период на некоторых украинских деятелей Галичины в плане усиления их русофильских настроений, были непосредственные контакты с российскими солдатами и офицерами, которые в 1849 г. появились в Галичине во время рейда российских войск под командованием генерала Ивана Паскевича, направленного на подавление революции в Венгрии. В глазах определенной части галицкого общества этот рейд был свидетельством военно-политической силы России, способной выступить защитником славянского населения и в то же время удержать под контролем независимые планы поляков, ведь подавление революции в Венгрии делало невозможным взрыв нового польского восстания в России³². Такая политика казалась некоторым галичанам значительно более реальной и эффективной, нежели надежды решить проблемы своего национального развития собственными путями при поддержке Австрии. Кроме рассуждений политического характера, присутствие российских солдат в Галичине дало галицким украинцам первый опыт личного общения с этническими россиянами. Б. Дидицкий вспоминал, что из этих встреч при участии духовенства и сравнения языка церковных изданий сделал для себя окончательный вывод о единстве Руси, увлекся этой мыслью и разбудил в себе желание «посвятить свои силы на подвиги во благо той единой нашей святой Руси»³³.

³¹ ЛННБ України ім.В.Стефаника, відділ рукописів. Ф. 77. Спр. 171. Арк. 12.

³² Kruczkowski T. Rewolucje 1848 roku w Europie w ocenie historiografii rosyjskiej XIX i początku XX w. // Galicja i jej dziedzictwo. Rok 1848. WWSF, 1998. S. 222.

³³ [Дидицький Б.] Своежитъевыи записки... Ч. I. С. 8–10.

Таким образом, в период революции 1848–1849 гг. русофильские настроения в Галичине прошли эволюцию от почти полного видимого исчезновения, свидетельством чего стала декларация Главной Руськой Рады о принадлежности галицких русинов к 15-миллионному украинскому народу, к постепенному возобновлению и усилению, что было связано в первую очередь с рядом разочарований галицких украинцев в своих первых неудачных попытках стать самостоятельным фактором в политике. Преимущества течения украинофилов в началах «Весны народов» были обусловлены рядом факторов, а именно: чувством близости к Надднепрянщине; последующим утверждением своего отличия от поляков и стремлением противопоставить им равнозначное по территории и численности населения этноязыковое пространство; позицией высшей иерархии Греко-католической церкви, которая опасалась повторить судьбу униатов в Российской империи; политикой австрийского правительства, которое стремилось противопоставить галицких русинов польскому революционному движению и в то же время пыталось предотвратить их притяжение к России. Последующий ход событий показал, что национально-политическая декларация Главной Руськой Рады не стала еще результатом убедительного понимания галицкими украинцами того, что они являются отдельной нацией, а свидетельствовала о более быстром понимании ими отдельности от поляков, которая опиралась на ощущение духовного притяжения к Малороссийскому пространству. Русофильские настроения в Галичине усиливались

по мере спада революционного движения и исчезновения надежд галицких украинцев на обеспечение их национальных прав путем соглашения с поляками или Веней. Их активизация началась с возобновления языково-правописных дискуссий по поводу орфографии, которые в глазах определенной части деятелей тогдашней украинской галицкой литературы и науки были определяющими для этнической идентичности. К симпатиям некоторых украинских деятелей Галичины к России в это время их склонили непосредственные контакты с российскими солдатами и офицерами во время рейда российских войск И. Паскевича в Западную Европу для подавления Венгерской революции, что усиливало веру в силу России и ее способность успешно противостоять государственническим устремлениям поляков. В период «Весны народов» «русско-руськая партия» в Галичине существовала больше в теории, чем на практике; она не была ни идейно, ни организационно оформлена и проявилась в идеологических взглядах нескольких лиц, в невыразительных и нечетко сформулированных симпатиях к «руському миру» определенной части украинской галицкой политической и научной элиты. Однако именно во время революции 1848–1849 гг. были заложены предпосылки для развития русофильского движения в Галичине и быстрого изменения отдельными галицкими деятелями собственного взгляда на национальную идентичность от идеи выделения из польского мира через принадлежность к малороссийскому, а впоследствии – к более широкому «руському» пространству.

А. С. Стыкалин

**РУМЫНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТРАНСИЛЬВАНИИ С МОМЕНТ
ЗАРОЖДЕНИЯ ДО НАЧАЛА ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1860-Е ГОДА
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ***

Румынское (влашское, восточнороманское) население, к середине XIX в. составлявшее в монархии Габсбургов не менее 3 млн человек, проживало в нескольких исторических регионах – в Трансильвании, в Восточной Венгрии (в исторической области на крайнем западе современной Румынии, которую в венгерской традиции называют Парциум, а в румынской традиции – Кришана), в Банате, в Марамуреше (область к юго-востоку от Подкарпатской Руси и к северу и северо-западу от Трансильвании), в Буковине (северная часть Молдавского княжества, перешедшая под австрийскую юрисдикцию в 1770-е годы). Во всех этих регионах румыны составляли если не большинство, то не менее 40 % населения. Только в Буковине с ее молдавским боярством румыны представляли собой нацию с полной социальной структурой, с собственным (и национально ориентированным) дворянством, в других же областях (включая Трансильванию) это была нация с ярко выраженной неполной социальной структурой, до 90 % ее составляло крестьянство. Имелся также влашский городской плебс, а национальная элита включала в себя слабую, зарождающуюся буржуазию и купечество некоторых трансильванских городов (экономическая элита), духовенство и вышедшую из низов интеллигенцию (культурная и находившаяся в зачаточном состоянии политическая элита). Румынский дворянский слой Трансильвании, давший Венгрии выдающегося полководца XV в. Яноша Хуняди и его сына, не менее выдающегося государственно-деятеля короля Матяша Корвина, подвергся полной мадьяризации в XIV–XVII вв.

Центром румынского национального движения в империи было находившееся на востоке державных владений Габсбургов Трансильванское княжество, где в середине

XIX в. по приблизительным подсчетам проживало 1,3 млн румын (влахов), 600 тыс. венгров и 200 тыс. немцев (саксов) – колонистов, живших в Трансильвании с XIII в. Весьма велика была роль движения трансильванских румын и в становлении общерумынского национального самосознания, национальной идеологии и культуры.

Формирование румынского национального движения в Трансильвании (как и в других габсбургских землях) происходило в XVIII–XIX вв. в условиях территориальной разобщенности румынского этноса, проживавшего не только в составе Габсбургской империи, но и в соседних Дунайских княжествах, подчиненных Османской империи. Можно согласиться с крупным отечественным историком Т. М. Исламовым в том, что «существенные различия в социально-экономическом уровне и образе жизни романоязычного населения по обеим сторонам границы не представляли непреодолимого препятствия для их взаимного общения»¹, что, по сути, в определенной мере подтверждает одну из базовых идеологем румынской историографии о существовании со Средних веков некоего «румынского пространства» поверх государственных границ. Действительно, контакты влахов Австрийской империи с их единоплеменниками в Валахии и Молдове были достаточно интенсивными, если этому не препятствовал по внешнеполитическим причинам венский двор, как это случалось в определенных конкретно-исторических условиях. Существовали тесные экономические связи. Продукция ремесленников крупных трансильванских городов Брашова и Сибиу (в которых доминировало мощное немецкое бюргерство) находила главный рынок сбыта в Дунайских княжествах. Не менее интенсив-

* Работа выполнена в рамках проекта «Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг.», поддержанного РГНФ. Грант № 12-01-00202 (руководитель О. В. Хаванова).

¹ Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. / отв. редактор В. И. Фрейдзон. М., 1980. С. 218.

ными были культурные связи. Книги, изданные на румынском языке в университетской типографии Буды, распространялись по всем землям, где проживали румыны, и сыграли ключевую роль в развитии национальной культуры. Происходили постоянные миграции населения. В длительные периоды внутривосточной нестабильности в Дунайских княжествах, усиления гнета господарей-фанариотов, присылаемых из Стамбула (особенно в последней трети XVIII в. – первые десятилетия XIX века), многие жители Дунайских княжеств пересекали хребты Южных Карпат и переселялись в Трансильванию, пополняя и укрепляя тем самым социальную базу румынского национального движения, боровшегося за равноправие влахов с венграми (включая особую этническую группу – секеев, населявших горные, приграничные районы Восточной Трансильвании), безраздельно господствовавшими в этом крае политически со времен раннего Средневековья, и саксами, обладавшими сильными экономическими позициями, особенно на юго-востоке края.

Территория Трансильвании вошла в состав Венгерского королевства еще в XI в. После Мохачского трагического поражения от турок (1526 г.) и распада Венгерского королевства образовалось относительно самостоятельное Трансильванское княжество (1541 г.), признавшее над собой сюзеренитет турецкого султана. Внутреннее спокойствие, политическую и экономическую стабильность в крае обеспечивал едва ли не первый в Европе закон о веротерпимости, принятый в Трансильвании еще в 1568 г.: венгры-католики, венгры-кальвинисты и немцы-лютеране уравнивались в правах. Православные румыны, будучи крестьянской нацией, не были представлены в трансильванской элите и оказались вне поля действия этого закона.

На рубеже XVI–XVII вв. на очень короткое время Трансильвания объединилась с Молдавским и Валашским княжествами под властью господаря Михая Храброго, однако в условиях оппозиции венгерской знати он не смог удержать власть. В XVII в.

Габсбургская и Османская империи соперничали между собой за влияние в Трансильвании, но доминировало турецкое политическое влияние. Опираясь на поддержку осман, трансильванские князья Иштван Бочкаи (1605–1606 гг.), Габор Бетлен (1613–1629 гг.), Дердь I Ракоци (1630–1648 гг.) успешно вели военные действия против Габсбургов, в том числе в период так называемой Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. По сути дела, в этот период своего расцвета Трансильванское княжество стало не только оплотом антигабсбургского движения венгерского дворянства, но и существенным фактором в системе международных отношений в Средней Европе. В борьбу за влияние на это государство включились и другие игроки, в частности, Речь Посполитая, Швеция, а в начале XVIII в., в период Северной войны, и Россия. Исключительно венгерский характер трансильванской государственности XVII в. закрывал на последующие два столетия любые возможности культивирования ее традиций в интересах румынского национального движения (тогда как венгерским они, напротив, культивировались чрезвычайно широко, ведь на протяжении длительного времени Трансильванское княжество было единственным реальным воплощением и носителем венгерской государственной идеи). В 1687 г. в ходе борьбы против осман войска Габсбургской империи оккупировали территорию Трансильванского княжества. На Карловацком конгрессе 1698–1699 гг. Габсбурги добились международного признания своей власти над Трансильванией.

В 1697–1699 гг. православному (главным образом румынскому) населению, составлявшему большинство в Трансильвании, была навязана уния с римско-католической церковью. Но сохранилось и православие. С этих пор в конфессиональной структуре румынского этноса в Трансильвании были представлены как православные, так и униаты (чья элита до середины XIX в. играла, как правило, более активную роль в зарождающемся национальном движении). С конца XVII в. расширяется миграция влахов из

Трансильвании в Банат – земли на юго-востоке империи, вошедшие в ее состав после изгнания оттуда турок. Специфика национального движения румын в этом крае заключалась в том, что влашское население Баната до 1860-х годов находилось под юрисдикцией сербской православной иерархии и в течение всего XVIII и первых десятилетий XIX вв. боролось за самостоятельность своей церкви.

В 1703–1711 гг. князь Трансильвании Ференц II Ракоци, опираясь на поддержку венгерского дворянства, вел крупномасштабные боевые действия против Габсбургов, но в конечном итоге потерпел поражение. Согласно Сатмарскому миру 1711 г. Трансильвания была интегрирована в монархию Габсбургов, сохранив в то же время определенную автономию и периодически созывавшийся местный сословный орган парламентского типа. Сословное парламентское учреждение в этом крае, базировавшееся в Коложваре (рум.: Клуж; нем. Клаузенбург), всецело находилось под контролем венгерского дворянства, в нем были представлены и саксы, но не было румын. С Сатмарским миром открылась полоса длительного мирного развития Трансильвании, были созданы предпосылки для экономического подъема.

Зарождавшееся румынское национальное движение, лишенное возможностей для парламентской деятельности, в течение целого столетия практикует в качестве главной формы манифестирования своей программы петиции, адресованные местному парламенту, но чаще, через его голову, венскому двору. Практика апелляции к Вене с выражением своих чаяний и выдвижением политических требований зародилась при императрице Марии-Терезии (1740–1780 гг.), продолжилась при ее сыне Иосифе II (1780–1790 гг.), существовала и дальше. Мария-Терезия последовательно позиционировала себя как императрица, заботящаяся обо всех своих подданных независимо от их национальности. Во время неоднократных посещений Трансильвании она совершала demonstra-

тивные жесты благоволения к верноподданным влахам, несшим на себе главный груз налогообложения в крае (венгерское дворянство было свободно от уплаты налогов), и в силу этого была очень популярна среди влахов Трансильвании, в ней видели защитницу от притеснений венгерского дворянства, вызвавших в 1784 г. мощное крестьянское восстание². Монархические, прогабсбургские настроения, надежда на помощь из Вены, противопоставление «хорошего» и «мудрого» императора, равнодушного к чаяниям румын, злым венгерским дворянам, становятся на долгие десятилетия одной из неотъемлемых характеристик румынского национального движения, в полной мере проявились они и в период революции 1848–1849 гг.

Первой политической акцией зарождающегося румынского национального движения можно считать меморандум с изложением политических требований, который первый униатский епископ Трансильвании И. Мику вручил Марии-Терезии еще в 1744 г. Уже в этом документе была представлена в зародыше политическая программа движения, которая будет выкристаллизована в петициях последующих десятилетий и сохранит свою актуальность на сто лет вперед, вплоть до революции 1848 г. Речь в меморандуме шла о предоставлении влахам тех же прав (в том числе и политических, в частности права избрания в парламент), которые имели три другие нации Трансильвании – венгры, секеи, саксы. При этом указывалось, что влахи – это самая многочисленная народность в крае, к тому же, как уже отмечалось, несущее главное бремя налогов. Эти тезисы были уже в то время дополнены исторической аргументацией: влахи – народ, проживающий на данной территории со времен римского императора Траяна.

Новый этап в румынском петиционном движении пришелся на рубеж 1780–1790-х годов, когда возник острый конфликт между венским двором и венгерским дворянством

² См.: Maior L. In the Empire: Habsburgs and Romanians. From Dynastic Loyalty to National Identity. Cluj-Napoca, 2008.

(Венгрии и Трансильвании), недовольным централизаторскими реформами Иосифа II³. Главным событием этой эпохи явилась петиция униатских епископов 1791 г. – так называемый «Влашский суплекс». Национальные требования трансильванских влахов были сформулированы в ней от имени всего народа, в котором к этому времени была представлена и начавшая формироваться, экономически пока очень слабая торговая буржуазия. В этой петиции содержалось требование соблюдать принцип «справедливого представительства» разных наций при выборе депутатов в трансильванское госсобрание, комитатские органы и при назначении чиновников. Борьба влахов за равноправие происходила в условиях острого противодействия. Не только эта, но и более умеренные петиции тех лет означали вызов политической гегемонии венгерского дворянства и саксонской элиты, а потому были отклонены клужским госсобранием. Не были они одобрены и в Вене. Правда, в атмосфере просвещенного абсолютизма Иосифа II с пробивавшей дорогу идеей веротерпимости все-таки удалось добиться официального признания свободы исповедания православной религии в Трансильвании.

Произошедшее к 1792 г. восстановление союза венгерского среднепоместного дворянства с Веней закрыло на несколько десятилетий политические перспективы румынского национального движения, которое вплоть до конца 1830-х годов по сути дела замкнулось на решении культурно-просветительских задач. При этом успешная реализация выдвинутой им культурной программы расширяла социальную базу национального движения, готовила почву для его нового подъема, перехода в политическую стадию.

Несмотря на откат, произошедший в румынском национальном движении в Трансильвании, в пределах Габсбургской монархии социально-экономическое поло-

жение романоязычного населения было в целом более благоприятным, нежели в этот же период в Дунайских княжествах, что сделало на ряд десятилетий именно Трансильванию центром формирования общенациональной культуры восточнороманского этноса⁴. Общенациональное, общерумынское значение имела деятельность так называемой «трансильванской школы», зародившейся под влиянием идей европейского Просвещения в среде униатского духовенства в последние десятилетия XVIII в. (С. Мику-Клайн, П. Майор, Г. Шинкай и др.). Именно в недрах этой школы была впервые сформулирована развернутая программа национального развития. Идеи, возникавшие в Трансильвании, получали затем распространение в Дунайских княжествах, способствуя формированию общерумынского национального самосознания. Утверждение общности восточнороманского этноса по обе стороны Карпат было одной из базовых идеологией трансильванской школы.

В противовес мощному греческому культурному влиянию на восточных романцев, усилившемуся в период фанариотского правления в Дунайских княжествах, представители трансильванской школы, мыслившие в общерумынских национальных категориях, выдвинули идею дакорумынизма, т. е. происхождения восточнороманского этноса от даков и римлян. С ней были тесно связаны идея латинского происхождения языка и борьба за его очищение от чуждых (славянских, венгерских, тюркских) влияний, в крайних своих проявлениях иногда создававшая барьеры между языком высокой культуры и народным языком, что заставляло филологов трансильванской школы корректировать свои идеи, поверяя их практикой (отгородиться от языковых влияний иноязычного этнического окружения было попросту невозможно, особенно

³ См.: Хаванова О. В. *Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 г. М., 2000.*

⁴ См.: Фридман М. В. *У истоков формирования концепции румынской национальной художественной культуры // Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII–XIX веков. М., 1985.*

в Трансильвании). В этой же среде зародилась идея континуитета (непрерывного пребывания романоязычного населения в Трансильвании со времен Римской империи). В рамках трансильванской школы происходило, таким образом, конституирование национальных традиций, возведение их на значительную (17- или 18-вековую) историческую глубину. При этом, как и в случае с движениями других пробуждавшихся народов региона, не обходилось, конечно, и без идеализации и фальсификации прошлого.

Идеи трансильванской школы нашли отражение в учебниках, исторических трудах, словарях, грамматиках и т. д., выпускавшихся с 1780 г. в типографиях Вены, Буды, Пешта, потом и Клужа, а также в программных документах и меморандумах, адресованных как трансильванскому госсобранию, так и венскому двору. Распространяясь на все более широкую аудиторию, они закладывали культурно-идеологические основы будущего национального движения, создавали базу для придания ему подлинно массового характера. Уже в период революции 1848–1849 гг. плоды усилий трансильванской школы нашли проявление в широкой апелляции румынского национального движения края к политическим и военным традициям Древнего Рима при формулировании программных документов, проведении собраний и даже при организации вооруженных отрядов по древнеримским образцам. Развернутая идеологическая концепция «трансильванской школы», включавшая в себя историческую, филологическую и другие составляющие, широко использовалась для решения не только культурно-просветительских, но и политических задач. В последующем концепция трансильванской школы, обогащаясь новыми элементами, корректируя в изменяющихся условиях свое социальное содержание и сохраняя вместе с тем свою основную аргументацию, продолжала играть ведущую роль в формировании национальной идеологии и общерумынского национального самосознания, закладывая идеологические основы для медленного

трансформирования романоязычного населения, проживавшего по обе стороны Карпат, в единую румынскую нацию (процесс этот завершился только в XX в. в межвоенный период).

В 1830-е годы формируются культурные институции, составляющие базу румынского национального движения. Его центрами были не столько крупные трансильванские города, где доминировали венгры и саксы, сколько резиденция униатских епископов, небольшое местечко Блаж (венг. Балажфалва) с первой и долгое время единственной румынской гимназией (сначала даже неполной), сыгравшей большую роль в подготовке кадров интеллигенции, воспитанной в национальном духе. Национальное неравноправие, сословные ограничения препятствовали созданию институций, в рамках которых происходило бы формирование национально ориентированной интеллигенции. Существовавшая в крае система образования ни в малейшей мере не отвечала решению этой задачи. Даже формировавшаяся румынская буржуазия нередко выбирала другую альтернативу – посылать детей в венгерские и немецкие гимназии, что открывало пути в первом случае для более успешного продвижения по бюрократической лестнице и внедрения в элиту, а во втором – для повышения социальной мобильности в германском пространстве (тесные связи Брашова и Сибиу с немецкими протестантскими культурными центрами никогда не прерывались). Ценой открывавшихся здесь перспектив была денационализация, угроза которой продолжала сохраняться и в середине XIX в. Специфическая ситуация сложилась в Банате, где менее остры были противоречия румын с более слабым, нежели в Трансильвании, венгерским дворянством и немецкими колонистами (швабами – католиками, поселившимися там только в XVIII в.), но долго не распутывался другой клубок противоречий – на религиозной основе, между сербами и румынами, стремившимися освободиться от сербской церковной доминации, требовавшими автономии своей православной церкви.

Активизация со второй половины 1820-х годов в Трансильвании венгерского дворянского движения за реформы стала определенным толчком и румынскому движению в крае. Некоторые лидеры венгерского движения, в частности М. Вешшелени, пытались навести мосты к румынам. По мнению Вешшелени, успех среднепоместного дворянства в осуществлении реформ был возможен лишь при поддержке крестьянства. В созванном в 1834 г. в Клуже после длительного перерыва госсобрания по-прежнему доминировали венгры и саксы, вместе с тем оно способствовало и оживлению пробуждавшегося румынского национального движения, главной формой политической активности которого, как и раньше, оставались петиции. Госсобранию был направлен ряд петиций, в которых, по сути, не было ничего нового, в основном повторялись требования петиций 1791–1792 гг. Вместе с тем в новых условиях активисты румынского движения получили возможность, излагая и продвигая свою программу, играть на усилившихся противоречиях между венграми и саксами. Опасения, что успехи венгерского движения приведут к усиленному насаждению венгерского языка в административной, судебной, школьной системе вплоть до церковно-приходских школ (что до известной степени сдерживалось Веной), делали румын потенциальными союзниками саксов, не желавших никакой мадьяризации. Если на ранних этапах едва ли не исключительную роль в румынском национальном движении играло духовенство (особенно униатское), то в 1830-е годы при сохранении ведущей роли духовенства все активнее заявляла о себе светская интеллигенция (лидерами нового поколения были Г. Барициу, С. Барнуциу, Т. Кипариуи др.), а также зарождающаяся буржуазия, особенно в Брашове. С конца 1830-х годов в программу румынского движения впервые входят не только культурно-просветительские и умеренные политические требования, но и задачи экономического характера, объективно расчищавшие путь для буржуазных преобразований.

Важнейшей вехой в развитии румынского национального движения, открывшей принципиально новые возможности для распространения национальных идей на более широкую аудиторию, явилось создание в Брашове в 1838 г. первого в Трансильвании (а фактически ему не было в то время аналогов и в Дунайских княжествах) периодического печатного органа на румынском языке – «Газеты де Трансильвания» (редактор Г. Барициу). Политическая программа его была довольно умеренной, особенно в сравнении с программами венгерских реформаторов тех лет. Как и авторы петиций 1791–1792 гг. и более поздних, редакторы «Газеты де Трансильвания» надежды на осуществление своих национальных чаяний возлагали на императора: читателю внушалась мысль о том, что только «под отеческой защитой австрийского дома» влахов ждет счастливое будущее. Требование отмены крепостного права, уже фигурировавшее в наиболее радикальных программах движения трансильванских венгров, не выдвигалось, хотя подавляющее большинство крепостного крестьянства в крае составляли именно румыны. Крестьян призывали не допускать насильственных действий против помещиков. Вместе с тем газета агитировала своих читателей активнее развивать экономику, в том числе торговлю, опять-таки в интересах лучшего будущего румын. Умеренность проявлялась также в культурно-языковых и образовательных требованиях: речь шла о создании новых средних школ, публикации на румынском языке всех распоряжений властей, но не более того. В целом несколько более радикальными и антигабсбургскими были настроения в румынском движении Баната, теснее была его связь с венгерским национальным движением края. При всей слабости румынского движения в Трансильвании оно способствовало росту национального самосознания, формированию национальной идеологии, утверждению в широких массах идеи единства румын и в канун революции 1848 г. было уже не просто культурным феноменом, но и политическим фактором, способным серьез-

но повлиять на ход событий, учитывая большую численность румын в Трансильвании и ряде других областей на востоке империи.

Революции в Вене и Пеште нашли отклик в разных уголках монархии, не стала исключением и Трансильвания, где ход событий, оказавшихся не просто остро драматическими, но глубоко трагическими (кровавопролитные межэтнические столкновения, жертвами которых стали тысячи человек⁵), в немалой мере определялся сложностью национального состава и существующими межэтническими противоречиями. Наиболее левые, радикально настроенные представители румынского национального движения с энтузиазмом отреагировали на мартовские события в Пеште и обнародованную революционную программу, на прозвучавшие в ней требования общедемократического и экономического характера, в том числе направленные на ограничение крупной феодальной собственности. В поддержке революции проявились вековые антагонизмы между венгерской аристократией, имевшей в Трансильвании огромные владения, и румынским крестьянством. Однако от венгерского революционного правительства ждали новых шагов и, в частности, практических мер в интересах национальных меньшинств, составлявших не менее половины населения исторических земель Венгрии. Кредит доверия был исчерпан довольно быстро, на смену энтузиазму через считанные недели пришло разочарование, поскольку деятели румынского движения убеждались в неготовности пештских революционеров идти навстречу национальным меньшинствам, предоставлять им уступки там, где дело касалось даже расширения сферы применения национальных языков, школьной системы, не говоря уже о реформах избирательного законодательства с учетом многонационального состава населения страны. Это разочарование все чаще находило выражение в выступлениях деятелей ру-

мынского движения на митингах в городах Трансильвании и Баната перед широкой публикой, внимательно следившей за новыми известиями о событиях в Вене и Пеште.

В пештскую мартовскую программу «12 пунктов» было включено положение об унии Трансильвании с Венгрией, привлекшее особое внимание в этом крае и вызвавшее крайне неоднозначную реакцию. Оно было поддержано основной массой политически активного венгерского среднепоместного дворянства (в значительной своей части революционно настроенного), но не было принято венгерской аристократией и саксонской элитой, увидевшими в слиянии края с Венгрией перспективу ослабления своих политических позиций. Сложнее обстояло дело с румынским движением. Принятие унии привело бы к распространению на Трансильванию некоторых революционных установлений, провозглашенных в Венгрии, и прежде всего антифеодальных аграрных законов. Поэтому радикальное крыло национального движения трансильванских румын выступило за унию. От унии оно ждало также усиления своего влияния на 1,2 миллиона румын, живших на востоке самой Венгрии (в Парциуме). Более влиятельное и умеренное крыло движения во главе с Баричиу и др. связывало унию с гарантиями национальных прав для румынского большинства и, видя неготовность венгерских революционеров идти навстречу, выступило против унии. Нежелание деятелей венгерского движения принять во внимание требования румын объяснимо не просто эйфорией, вызванной успехами в борьбе с Габсбургами, и не только националистической ограниченностью и политической недалекостью, заставлявшей отталкивать потенциальных союзников в антигабсбургской войне. Речь идет и о достаточно трезвом просчитывании последствий предоставления румынам, составлявшим около 60 % населения Трансильвании, реального равноправия с венграми и саксами – при всей относительной слабости и неразвитости румынского национального движения предоставление им рав-

⁵ См.: Виноградов В. Н. Венгерский поход И. Ф. Паскевича 1849 г.: легенда и действительность // Новая и новейшая история. 2000. № 3.

ноправия грозило бы привести к утрате венгерским дворянством контроля над краем, в котором оно политически доминировало на протяжении 800 лет. К этому даже наиболее склонная к компромиссу с румынами часть венгерских дворянских революционеров явно не была готова.

Только в 1849 г., когда противостояние революционной Венгрии Габсбургам достигло предельной остроты, и в соответствии с принципом монархической солидарности Российская империя предприняла военное вмешательство в интересах спасения венгерского двора, в среде венгерских революционеров наметилось определенное понимание необходимости урегулирования межнациональных отношений на основе признания некоторых прав других народов, населяющих венгерские коронные земли. Представитель правительства Л. Кошута в Париже граф Л. Телеки пошел дальше других, он писал о возможной федерализации Венгрии, хотя и с сохранением центрального парламента, правительства, доминированием венгерского языка. Командующий венгерской революционной армией в Трансильвании польский генерал Ю. Бем также на контролируемой им территории готов был идти на значительные уступки румынам во имя создания единого с ними антигабсбургского блока. Но члены дебrecенского революционного правительства, считая законными некоторые требования национальных меньшинств, как правило, не шли дальше признания права на использование национальных языков в местном самоуправлении (наряду с венгерским), на деле они были сторонниками унитаризма. Однако даже наиболее радикальное в своих антигабсбургских взглядах крыло румынского национального движения (прибывший из Валахии Н. Бэлческу), готовое пойти на компромиссы с венгерским движением во имя кардинальных революционных преобразований в регионе, решительно требовало отказа от унитаристских проектов политической реорганизации земель венгерской короны. В основной своей части румынское движение, сохранявшее

определенную лояльность Габсбургам как противовесу давлению венгерского дворянства, не было готово принять столь решительную меру дебrecенского правительства, как детронизация Габсбургов и предпочло в лучшем случае уклониться от участия в конфликте венгерских революционеров с Веней, либо однозначно поддержать Габсбургов. Тем не менее сложившаяся ситуация иногда заставляла венгерские власти принимать меры пожарного порядка в целях нейтрализации антивенгерского потенциала румынского национального движения, который усилился вследствие массовых межэтнических столкновений. Так, зимой 1848–1849 гг. Комитет обороны стал уделять особое внимание соблюдению помещиками аграрных законов в районах, где доминировали румыны. Существовали вполне резонные опасения, что угнетение венгерскими помещиками румынских крестьян настроит их против революционной администрации.

Ситуация в крае в 1849 г. в условиях почти полного раздора венгерского и румынского движений «война всех против всех» с массовым уничтожением сел враждующими между собой венгерским войском и вооруженными отрядами румынских крестьян, массовой поддержкой румынами габсбургского контрнаступления и царской интервенции, нашла отражение в работах выдающегося отечественного историка В. Н. Виноградова⁶ и нет смысла на ней подробно останавливаться. Эти события не только надолго оставили след в исторической памяти обеих наций, но и стали неотъемлемой частью того приобретенного в период венгерской революции непосредственного исторического опыта, который в условиях, сложившихся после разгрома революции, предопределял поиски каждой из сторон путей решения стоявших перед ней национальных задач.

⁶ См.: Виноградов В. Н. Венгерский поход И. Ф. Паскевича 1849 г.: легенда и действительность. См. также его раздел в книге: Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / отв. редактор С. М. Фалькович. М., 2001.

После поражения венгерской революции 1848–1849 гг. дом Габсбургов установил военно-бюрократическое правление в рамках всей империи, в многонациональной монархии торжествовал принцип централизации и унификации, национально-историческая специфика отдельных регионов нещадно подавлялась. Трансильвания, Восточная Венгрия и Банат оказались под властью навязанной сверху австрийской администрации.

Трансильванское княжество было разделено на 10 округов и 79 более мелких административных образований. Каждая административно-территориальная единица управлялась назначенным Венной префектом, как правило, немцем, присланным из немецкоязычных австрийских областей (либо Богемии, Моравии). Дворянское собрание бездействовало. Существовала должность губернатора (он назначался непосредственно императором), при котором функционировал исполнительный совет, составленный из чиновников, тоже, как правило, немцев. Политический контроль над краем, осуществляемый военно-бюрократической администрацией, был направлен на нейтрализацию любой националистической активности и поощрение лояльности правящей наднациональной династии не только чиновников и национальных элит, но всего полиэтничного социума.

Главной задачей внутренней политики дома Габсбургов в отношении венгерских коронных земель (и не в последнюю очередь Трансильвании) было ослабление позиций венгерского дворянства – как аристократии, так и особенно среднепоместного дворянства, проявившего себя в революционных событиях 1848–1849 гг. как главная центробежная сила, угрожавшая целостности империи. Происходившая реорганизация административно-территориальной системы наносила удар по исторически сложившимся механизмам управления на местах (на уровне прежних комитатов), обеспечивавшим ведущую роль венгерского дворянства.

Внутренняя политика венского неоабсолютизма 1850–1860 гг., связанная с именем министра внутренних дел А. Баха, харак-

теризовалась стремлением к реставрации прежней системы отношений, прежде всего, в той мере, в какой речь шла о религиозности дома Габсбургов в глазах его разноязычных подданных, о восстановлении лояльности многонационального общества правящей династии. Без этого невозможно было восстановить сильно пошатнувшиеся в 1848–1849 гг. позиции имперского центра. О реставрации же прежней административной системы речи не шло. Более того, наблюдалось и определенное стремление венского двора к тому, чтобы рационализировать (с учетом прежнего негативного опыта) систему управления состоящей из многих разнородных компонентов империи, неэффективность прежнего управления которой доказало развитие событий по революционному пути в конце 1840-х годов. Политика баховского неоабсолютизма, таким образом, не сводилась всецело к укреплению общегосударственных силовых и административных структур (надежных инструментов осуществления централизованной имперской власти) и к подавлению национальных движений (особенно наиболее опасного для венского двора венгерского движения). Ей были присущи и некоторые модернизационные, в определенной мере даже реформаторские, тенденции, проявившиеся как в правовой практике (новый гражданский кодекс 1853 г.), так и особенно в сфере экономической политики. Как известно, были оставлены в силе принятые венгерской революцией меры по ликвидации крепостнической системы (освобождение крестьян сопровождалось компенсацией дворян-землевладельцев). Дом Габсбургов пошел на эту меру, поскольку был заинтересован в подрыве экономических позиций венгерского дворянства. Объективно отмена крепостничества служила интересам преимущественно крестьянских наций монархии Габсбургов, особенно румын и словаков. С освобождением крестьян от феодальных повинностей в 1850-е годы заметно ускорился процесс формирования румынской буржуазии в Трансильвании, Восточной Венгрии и Банате, что создавало условия для расширения социаль-

ной базы румынского национального движения. Не только отмена крепостничества, но в более широком плане удар, нанесенный системой Баха по позициям венгерского дворянства (в частности, на комитатском уровне администрации), были положительно восприняты в политически активной румынской среде, увидевшей в этом для себя новый шанс. «Добрая воля», проявленная Веной в отношении румынских крестьян, не могла не способствовать возрождению в формирующемся уже на более широкой основе румынском обществе Трансильвании и Восточной Венгрии легитимистских, лоялистских, прогабсбургских настроений. Венский двор, как и в XVIII в., по-прежнему воспринимался в качестве защитника от притеснений венгерских помещиков. Позитивно была встречена и временная ликвидация в 1851 г. саксонской автономии в Юго-Восточной Трансильвании (район Брашова и Сибиу), сохранение которой не отвечало централизаторским принципам проводимой политики. Ограничение саксонских привилегий в этом крае расценивалось как шаг к обеспечению реального равноправия румын. Правда, даже в самый период апогея баховского неабсолютизма среди чиновников на низовом уровне на местах было гораздо больше венгров (а в ряде областей и трансильванских саксов), чем румын, поскольку средний уровень образования у них был выше.

В 1849 г. после подавления венгерской революции видные деятели румынского национального движения Трансильвании, в том числе православный епископ Андрей Шагуна и командир антивенгерских воинских формирований популярный «крестьянский вождь» Аврам Янку, получили из Вены государственные награды за проявленную лояльность габсбургскому дому либо (в случае с Янку) за военный вклад, внесенный в разгром мятежников. Но поражение венгерской революции разом обесценило для династии значение любых тактических союзов с антивенгерским национальным движением трансильванских румын, усиление которого, ни в малейшей мере не отвеча-

ло задачам унификации и централизации управления империей. Вооруженные отряды румын были распущены в процессе реорганизации императорской армии. Были ликвидированы также стихийно возникавшие в 1848–1849 гг. на контролируемых румынскими вооруженными отрядами территориях органы местной власти, главным образом в сельской местности. А. Янку, пытавшийся этому воспрепятствовать, подвергается преследованиям. Запрещается выход единственной в крае регулярно выходившей с 1838 г. румыноязычной «Газеты де Трансильвания». Ее редактор, идеолог румынского национального движения Трансильвании Г. Баричиу временно уходит из политики, оказавшись, по сути, во внутренней эмиграции. С. Барнуциу, выходец из Валахии Н. Бэлческу и другие видные румынские политики предпочли покинуть габсбургские земли.

Хотя иллюзии некоторых деятелей румынского движения, связанные с восстановлением власти дома Габсбургов над Венгрией и Трансильванией, были далеки от осуществления, основные надежды на воплощение национальных чаяний по-прежнему связывались с Веной. Наиболее влиятельным румынским национальным лидером Трансильвании был православный епископ Сибиу А. Шагуна. Именно в этом качестве его рассматривали и в Вене, обсуждая прежде всего с ним (а также с блажским униатским епископом А. Стерка-Шулуциу) все вопросы, касающиеся положения румын: в сложившихся условиях заручиться лояльностью церковных иерархов, по сути, означало поставить под контроль Вены румынское национальное движение в пределах монархии. Уже с конца 1849 г. во многом по инициативе А. Шагуны возрождается практика обращения к императорскому дому с петициями в качестве традиционной для румынского национального движения формы выражения политических требований. Наиболее значительная, имевшая программное значение петиция была отправлена А. Шагуной в Вену в июле 1850 г. Не выступая против усиления центральной власти и всецело

поддерживая административные меры, направленные на ослабление позиций венгерской аристократии и дворянства (в частности, ликвидацию дворянской комитатской системы управления), Шагуна и его единомышленники вместе с тем питали надежды на сохранение трансильванской автономии, напрямую связанной с Веной, и обеспечение более широкого представительства румын в органах местной власти. В качестве политической программы-максимум выступало далеко идущее требование объединения всех румын Австрийской империи в единой административно-территориальной единице. Ввиду особенности расселения румынского этноса это был нереальный проект, тем более что создание национально однородных областей и национальных административных органов в принципе не отвечало стратегии австрийского неоабсолютизма. От таких планов, как и от проекта созыва румынской национальной ассамблеи, пришлось в то время быстро отказаться, точнее, положить их в запасники своей практической политики. Ставка делалась на отделение Трансильвании от Венгрии, ее автономию (а значит, пришлось признать неактуальным требование о ликвидации административных границ, разделивших румынское население Восточной Венгрии и Трансильвании), обеспечение реального равноправия румын, административную реорганизацию края в интересах расширения представительства румын в органах местного управления (о расширении представительства румын в местных органах речь шла также применительно к Банату и Восточной Венгрии). На службу румынскому национальному движению было поставлено и своеобразно интерпретированное наследие венгерской революции. Показательно, что в петициях А. Шагуны неизменно содержались ссылки на программные заявления Габсбургов, сделанные в условиях подъема венгерской национально-освободительной борьбы и декларировавшие вынужденные уступки и венграм, и тем национальным движениям, которые воспринимались Габсбургами как потенциальные союзники

в подавлении венгров (речь идет в первую очередь о конституции 4 марта 1849 г.). Во всех программных документах неизменно фигурировали и требования церковной автономии, в частности, создания в рамках империи самостоятельной румынской национальной православной церкви, не подчиненной карловацкой митрополии, где доминировало сербское духовенство.

Со временем осознавалась несбыточность слишком далеко идущих политических проектов, противоречивших генеральной стратегии венского двора. Согласно мнению правительства, которое непосредственно озвучил министр внутренних дел А. Бах, румыны в империи не созрели еще для получения автономии в силу низкого уровня развития политической культуры их элиты. В самом деле, к 1860 г. среди служащих на разных уровнях государственной власти (главным образом, низовых) было не более 200 этнических румын⁷. Поездка молодого императора Франца Иосифа в Трансильванию, состоявшаяся в 1852 г., не принесла ожидаемых результатов (она не могла сравниться в этом смысле с поездками Марии-Терезии и Иосифа II в XVIII в., вызывавшими благодаря правильно продуманной стратегии прилив верноподданнических чувств среди румынских подданных империи). Более того, она даже вызвала некоторое разочарование среди румынского населения, способствовав снижению верноподданнических настроений⁸. Как бы то ни было, столкнувшись с противодействием Вены, румынское национальное движение в монархии не проявляет решительности в поисках путей единения

⁷ О ситуации в крае в 1850–1860-е годы написана большая литература как на румынском, так и на венгерском языках. Из англоязычной литературы см. синтетический труд венгерских исследователей: *History of Transylvania*. Вр., 1994 (автор соответствующих разделов Золтан Сас). См. также фундаментальный труд историков Румынии: *The History of Transylvania*. Vol. III. From 1711 to 1818. Ed. Ioan-Aurel Pop, Thomas Năgler, Andras Magyari. Cluj-Napoca, 2010.

⁸ См.: Maior L. *In the Empire: Habsburgs and Romanians. From Dynastic Loyalty to National Identity*. Cluj-Napoca, 2008.

с соплеменниками по другую сторону Карпат на основе общенациональной платформы, а, напротив, становится постепенно менее радикальным по выдвигаемым им программным требованиям. Выражая недовольство положением румын в системе баховского неоабсолютизма, его представители, связанные с епископами православной и униатской церквей, по сути, ограничивают свои политические требования созданием незначительной по территории румынской административной единицы с центром в Блаже, где находилось униатское епископство. На первый же план выходили более умеренные требования, касающиеся статуса национальных церквей и создания условий для развития национальной культуры. Именно на этом поле деятельности румынскому национальному движению удалось достичь реальных и серьезных результатов. В 1853 г. Ватикан санкционировал образование в Блаже греко-католического архиепископства. Речь шла не просто о повышении статуса, но по сути дела о создании автономной румынской национальной греко-католической церкви. Более того, она распространяла свое действие не только на Трансильванию, но и на Восточную Венгрию, став, таким образом, первым выходящим за узкорегionalные рамки общенациональным румынским институтом в монархии. Но православные, составлявшие примерно половину румынского населения в империи, по-прежнему (до 1863 г.) подчинялись сербскому архиепископству в Карловаце. Зная о большом политическом и моральном авторитете епископа А. Шагуны как наиболее влиятельного национального лидера, венские власти не хотели еще больше усиливать его влияние повышением статуса румынской православной епископии. Они стремились также блокировать возникновение союза сербского и румынского национальных движений на оппозиционной платформе, а потому считали целесообразным сохранение противоречий между этими двумя меньшинствами (двумя православными народами, кстати сказать, никогда в истории не воевавшими друг против друга).

Более радикальной в сравнении с требованиями церковных иерархов была политическая программа румынской эмиграции. Первую скрипку в ее разработке играл вплоть до своей кончины в 1852 г. крупный валашский революционер и участник событий 1848–1849 гг. в Трансильвании Н. Бэлческу. Деятельность эмигрантских организаций, таких как Румынский демократический комитет, Революционный комитет 1848 г. и т. д. стала в условиях неоабсолютизма важнейшей формой национального движения румын не только Австрийской империи, но и оккупированных Дунайских княжеств.

Программа, с которой выступал Бэлческу, включала в себя как национально-политические требования, так и общеполитические (обеспечение гражданских свобод и равноправия граждан независимо от их национальности), а также социальные (справедливое наделение крестьян землей). Как и некоторые другие идеологи румынского национального движения, в своих письмах он отдал определенную дань утопическим проектам создания в будущем королевства Дакия (под скипетром Габсбургов или нет), которые, впрочем, заняли достаточно периферийное положение в идеологии этого движения в рассматриваемый период. С другой стороны, разработанные Бэлческу в эмиграции планы (в сущности, не менее утопические) создания Дунайских Соединенных штатов на основе компромиссной договоренности народов, населяющих регион, перекликались с теми концепциями Дунайской конфедерации и т. д., которые прорабатывал в изгнании лидер венгерской революции Л. Кошут. Это позволило двум крупнейшим национальным политикам установить контакты. И Кошут, и Бэлческу на основе осмысления негативного опыта 1848–1849 гг. искали пути разрешения национальных противоречий и проявили определенную склонность к компромиссу. Однако прийти к единой и даже близкой позиции отнюдь не удалось. Вождь венгерской революционной эмиграции в это время был категорически против отрыва Трансильвании от Венгрии,

не без основания полагая, что в самостоятельной (или даже автономной) Трансильвании резко усилится влияние румынских и саксонских движений за счет венгерского. Хотя его позиция в этом вопросе претерпевала с течением времени некоторую эволюцию, признание права Трансильвании на существование в качестве самостоятельного элемента в проектируемой системе Дунайской конфедерации находилось в зависимости от признания им способности венгерской политической элиты управлять этим краем. Бэлческу же последовательно отстаивал право Трансильвании на самоопределение, неизменно видел в ней самостоятельную единицу в любого рода конфедеративных проектах и, более того, ссылаясь на долю румын в составе населения, подвергал сомнению исторические права венгерской аристократии и дворянства на политическую доминацию в этом крае, что было уже совсем неприемлемо для венгерских эмигрантских политиков. Среди ведущих деятелей венгерской эмиграции наиболее последовательным сторонником компромисса с румынами (и вообще национальными движениями народов, проживавших на землях венгерской короны) был граф Л. Телеки, выразивший готовность продолжать переговоры вплоть до выработки взаимоприемлемой платформы. Но в любом случае союз двух движений на антигабсбургской основе мог быть только временным и тактическим, ведь в представлениях Бэлческу и его единомышленников создание самостоятельной Трансильвании (входящей в дунайскую конфедеративную систему) было только этапом в осуществлении национальной революции, конечной же целью должно было стать достижение единства румынского народа на основе общей государственности (в этом контексте, как правило, и высказывались идеи о будущей Дакии). Но эта задача могла быть решена только при неизбежном конфликте с венграми, не собиравшимися отказываться от своих исторических прав на Трансильванию. Эти проблемы реально присутствовали в идеологии румынской революционной

эмиграции, делавшей ставку на будущий развал империи Габсбургов. В самой же монархии, где тон задавали умеренные и лояльные правящей династии политики во главе с А. Шагуной, в румынском национальном движении торжествовал политический реализм, перед движением ставились гораздо более скромные задачи, о которых речь шла выше. Целостность монархии Габсбургов и ее сохранение в качестве Дунайской державы в существующих границах не ставились под сомнение. Любые более радикальные проекты находились в маргинальном положении.

Как бы то ни было, внешнеполитический фактор несколько продлил поиски лидерами венгерских и румынских движений взаимоприемлемой компромиссной платформы. После начала в 1853 г. Крымской войны русские войска временно оккупировали Дунайские княжества Молдову и Валахию, что противоречило интересам монархии Габсбургов. Сохранивший в 1849 г. свою власть только благодаря вмешательству русской армии Франц Иосиф «удивил весь мир неблагодарностью», заняв недружелюбную России позицию в ходе Крымской войны. Л. Кошут, увидев в новых условиях определенные перспективы создания широкой антигабсбургской коалиции, вел переговоры с представителями валашской элиты. На этом фоне и в самой Трансильвании активизировалось венгерское национальное движение. Только с оккупацией в августе 1854 г. Дунайских княжеств Австрийской монархией после вывода оттуда русских войск был на некоторое время положен конец антигабсбургским «интригам» как на территории самой империи, в Трансильвании, так и в непосредственной близости от нее, по другую сторону Карпат.

Оккупация Дунайских княжеств дорого обошлась императорской казне, что способствовало упадку системы неабсолютизма. Как бы то ни было, Парижский мирный договор не разрешил Австрии держать свои войска в Молдове и Валахии. В 1857 г. под давлением венгерской аристократии экономически несколько ослабленный венский

двор в целях стабилизации положения в стране пошел на амнистию. После этого происходит возвращение в Трансильванию многих политических беженцев 1848–1849 гг., что значительно укрепило базу венгерского национального движения в этом крае.

Господарь А. И. Куза, ставший в 1859 г. правителем обоих Дунайских княжеств, проводил антиавстрийскую политику и не прочь был разыграть против Габсбургов венгерскую карту, для чего установил контакты с военным лидером венгерской эмиграции генералом Д. Клапкой. Обозначились перспективы создания антиавстрийской коалиции в составе Пьемонта и Дунайских княжеств при поддержке венгерской эмиграции. У румын были совершенно конкретные расчеты – вернуть Буковину, до 1775 г. составную часть Молдавского княжества. Начались поиски компромисса в вопросе о Трансильвании, ее будущем статусе. Представители венгерского движения проявили некоторую готовность отказаться от идеи унии Трансильвании с Венгрией, но настаивали на своих исторических правах. Венгерское движение в самой Трансильвании вновь начало активизироваться. Перспективы использования Дунайских княжеств как плацдарма для антигабсбургской активности венгерского национального движения, определявшие и степень готовности венгерских национальных лидеров к диалогу с румынским движением в самой империи, были полностью закрыты только в 1866 г., с приходом к власти в обоих княжествах выходца из боковой ветви династии Гогенцоллернов Карла, будущего короля Румынии Кароля, склонного к хорошим отношениям с домом Габсбургов.

В 1860 г. в условиях активизации (при поддержке Франции) антиавстрийского движения в Северной Италии создалась очень близкая перспектива ухода Габсбургов со всех контролируемых ими итальянских земель (кроме Триеста). В этих условиях Франц Иосиф был вынужден отказаться от неомонархического режима и встать на путь конституционных экспериментов, пойти на компромисс с аристократией венгерских, чешских,

польских земель, требовавшей ограничения центральной власти в пользу традиционных элит исторических земель, готовых в свою очередь проявить лояльность в обмен на укрепление позиций на местах. Речь, таким образом, шла о признании права на автономию исторических земель и о восстановлении исторических прав местных элит, в том числе венгерской аристократии и дворянства в Трансильвании. В соответствии с принятым 20 октября 1860 г. так называемым Октябрьским дипломом была восстановлена отдельная трансильванская придворная канцелярия, обозначилась также перспектива созыва местного собрания. Формируются местные (земельные) органы административной власти в Клуже (Gubernium). И в этих органах, и в рамках трансильванской придворной канцелярии создаются структуры, специально занимающиеся положением румын. На деятельности, как канцелярии, так и местных органов с самого начала сказывались противоречия между умеренным венгерским унионизмом ведущих функционеров, поставленных Веней отвечать за «трансильванские дела» и понимавших региональную специфику (барона Ф. Кемени, графа Мако), и централизаторскими устремлениями министра внутренних дел А. фон Шмерлинга, сменившего на этом посту в 1860 г. А. Баха.

Венгерские политики либеральной ориентации, верные идеалам революции 1848 г., не были удовлетворены Октябрьским дипломом, продолжая настаивать, прежде всего, на гарантиях унии Венгрии и Трансильвании, тогда как Октябрьский диплом по сути ее отменил, гарантировав автономию Трансильвании, но отнюдь не ее унию с Венгрией. Деятели румынского движения, включая церковных иерархов, напротив, были довольны обещанием автономии, а еще более – декларированным признанием румын равноправной нацией. Уступка Вены воспринималась как императорский жест поддержки румын в их извечном сопротивлении экономическому и политическому диктату традиционного угнетателя и врага – венгерского дворянства, что только усиливало верноподданнические

настроения и прогабсбургские ориентации румынских политиков, продолжавших вместе с тем выступать за полноценное осуществление (при поддержке правящей династии!) своей национальной программы, выдвигавшейся в 1848 г.

Воссоздание трансильванской автономии отвечало целям Габсбургов – они не были заинтересованы в объединении венгров в одной политико-административной структуре в рамках монархии. Однако игнорировать интересы венгерского дворянства, которое сформировало самое мощное, организованное и разветвленное национальное движение, обладавшее благодаря эмиграции широкими международными связями, венский двор в сложившейся внешнеполитической обстановке никак не мог. Заинтересованность Вены в укреплении базы своей власти заставила ее наводить мосты с венгерским дворянством, а для этого пришлось уравновесить Октябрьский диплом другими акциями. Обнародованный в феврале 1861 г. так называемый Февральский патент (своего рода конституция) призван был успокоить венгерское общественное мнение, сделав акцент на исторических правах венгерского дворянства, в том числе и в Трансильвании. Однако в сравнении с октябрьским документом в нем получили большее отражение централистские устремления Вены, что не могло не вызвать сопротивление венгерских либералов, верных своей программе 1848 г.

Начавшиеся конституционные эксперименты способствовали активизации внутривнутриполитической жизни на землях венгерской короны. В апреле 1861 г. было создано Венгерское госсобрание. Оно выступило с требованием полной внутривнутриполитической автономии Венгрии. Большинство венгерских либералов, принявших участие в работе госсобрания, высказывались за унию Венгрии и Трансильвании не только потому, что Трансильвания воспринималась ими как историческая венгерская земля, традиционно управляемая венгерской элитой, но и потому, что осуществление унии заметно усилило бы позиции Венгрии перед диктатором

Вены. Принципы национальной политики венгерской политической элиты сформулировал Ференц Деак, прекрасно понимавший необходимость решения остро стоявшего в венгерских землях национального вопроса. Другой крупный политик Йожеф Этвёш возглавил парламентскую комиссию, которая занялась подготовкой закона о национальностях. В основе представлений Деака и Этвёша лежала идея единой венгерской политической нации в соответствии с исторической концепцией венгерского государства. Представители национальных меньшинств не должны были подвергать сомнению свою принадлежность к венгерской политической нации (т. е. должны были принимать и разделять венгерский государственный патриотизм). Всем гражданам независимо от национальности гарантировались равноправие и определенный набор демократических свобод. В то же время в качестве коллективных общностей меньшинства должны были получить право на собственные школы разных уровней, развитие национальных культур, существование автономных национальных церквей и культурных обществ, широкое использование национальных языков в местных (комитатских) органах власти (а также в судебной практике), обращение и в более высокие инстанции на родном языке. Все эти представления составили национальную программу классического венгерского либерализма, которая не утратила актуальности и в эпоху дуализма (после 1867 г.), но не выдержала проверку политической практикой.

На заседаниях венгерского госсобрания присутствовало около 20 румынских депутатов из Восточной Венгрии, в целом они выступали за компромисс с венграми, надеясь на уступки в свою пользу с учетом негативного опыта 1848–1849 гг. В то же время они настаивали на корректировке положения о единой венгерской политической нации. Предлагалось, в частности, отразить в программных документах тезис о том, что все национальности страны должны быть признаны равноправными с мадьярами нациями. Таким образом, именно союз рав-

ноправных наций должен был составить политическую нацию Венгрии, с этой идеей была тесно увязана другая – об автономизации невенгерских областей и даже (в более радикальном варианте) о федерализации Венгрии (особенно в случае присоединения к ней Трансильвании). Ф. Деак обещал предоставить Трансильвании (как и Хорватии) автономный статус в составе Венгерского королевства (под скипетром Габсбургов), но исторические права венгерской знати в Трансильвании не подвергались им сомнению. Между максимумом уступок, на которые готовы были пойти наиболее дальновидные из венгерских либералов, и тем минимумом, который считали приемлемым для себя представители нацменьшинств, пролегла пропасть, не только не преодоленная, но в эпоху дуализма постепенно расширявшаяся. Госсобрание проработало недолго, оно было распущено в августе 1861 г., так и не найдя компромисса с монархом, по сути дела настаивавшим на восстановлении своей программы 1849 г. (в частности, мартовской конституции). Однако эпоха конституционных экспериментов на этом отнюдь не завершилась, прорабатывались новые планы созыва госсобраний как в Венгрии, так и в Трансильвании (с учетом обещания Вены предоставить этому краю автономный статус). Разрабатывая проект созыва Трансильванского собрания, австрийские власти рассчитывали на то, что его удастся (благодаря некоторой модификации избирательного законодательства) сделать лояльным правительству и, более того, использовать как инструмент давления на венгерскую либеральную оппозицию. Для этого предстояло умело разыграть против венгров румынскую карту. Франц Иосиф, принимая в 1861 г. румынскую делегацию, заверил ее, что не допустит объединения Венгрии и Трансильвании в единое политическое целое.

К началу 1860-х годов в Трансильвании заметно укрепилась социальная база румынского движения, сформировались условия для выступления национальной либеральной буржуазии со своей политической

программой, в основе которой лежала идея автономной Трансильвании, в рамках которой следует отстаивать права румын. Ведущий публицист румынского национального движения Г. Барициу, вновь приобщившийся к активной политике, указывал на неприемлемость для составляющих большинство в Трансильвании румын, ссылок на чьи бы то ни было исторические права, но при этом был склонен к компромиссу, понимая, что решить трансильванский вопрос можно лишь при нахождении платформы взаимоприемлемой для венгров и румын, при обязательном признании прав румын как национальной общности. В поисках компромисса он проявил готовность в принципе согласиться и на унию, но при условии, что в Венгрии будет обеспечено реальное равноправие румынского языка с венгерским, произойдет реформа избирательного права на более демократических основах, местные чиновники будут назначаться и выбираться пропорционально численности каждой национальности в соответствующих комитатах, румынский язык получит самое неограниченное распространение в тех областях, где румыны составляют большинство. Концептуальная основа движения трансильванских румын все более формировалась в национальных, а не региональных категориях: ставился вопрос о созыве конгресса всех румын империи и выработке его программы, о приближении административных границ внутри монархии к границам расселения разных этносов. Связанный с наиболее экономически сильным среди румын Трансильвании брашовским румынским буржуазным слоем, Барициу при изложении требований национального движения не забывал и об экономических интересах формирующейся трансильванской румынской буржуазии. Большое внимание в его программе уделялось обеспечению условий для торговли с Дунайскими княжествами.

С начала 1860-х годов активизируются культурные движения румын Трансильвании. Наиболее значительное из них, *Asociația*

Transilvană pentru Literatura Română și Cultura Poporului Român (ASTRA), было основано в Сибиу в 1861 г., в ее руководство вошли наиболее влиятельные деятели национального движения: епископ А. Шагуна, Г. Баричиу и др. ASTRA не ограничивалась в своей деятельности рамками исторической Трансильвании, а распространяла ее на Банат, Восточную Венгрию (особенно Бихор), где уже в первой половине 1860-х годов формируется много местных отделений. Устанавливаются тесные связи с Дунайскими княжествами. Пожертвования румынского боярства с другой стороны Карпат, жившего идеей общенационального единения, становятся одним из главных источников прибыли. Особенно велики были заслуги ASTRA в области просвещения – при содействии этого общества создается целая инфраструктура румынских культурных институций в крае – библиотеки, музей в Сибиу, театр. Параллельно в Юго-Восточной Трансильвании активизируется автономистское и культурное движение в среде экономически очень сильной немецкой диаспоры. Трансильванские саксы выступили за восстановление своих традиционных прав и институций, гарантировавших местную автономию, возвращение к ситуации, существовавшей в этом плане до 1848 г.

В условиях, когда немногочисленная, экономически все еще довольно слабая и политически весьма умеренная, склонная к компромиссам румынская буржуазия Трансильвании еще и не приступила к процессу формирования своих политических партий, в качестве главных национальных институтов по-прежнему выступали церковные иерархии. Православная церковь, возглавляемая епископом А. Шагуной, в новых условиях, сложившихся в 1860–1861 гг., выступила за созыв трансильванского собрания, выборы в него с учетом тех пропорций, которыми в крае были представлены отдельные этносы, за равноправие венгерского, немецкого и румынского языков. На собраниях, организованных при участии церкви, вновь зазвучали призывы к созданию румынской провинции

в империи, объединению всех румын монархии Габсбургов в одной административной единице: румынская общенациональная идея пробивала себе дорогу и здесь, вопреки доминировавшим в этой среде настроениям монархической лояльности, поощряемой церковными иерархами, склонными к далеко идущему компромиссу с Габсбургами, в котором виделась единственная возможность отстоять интересы румын в противоборстве с политически сильным венгерским дворянством. Как и в эпоху неоабсолютизма, А. Шагуна продолжал оставаться самой влиятельной фигурой румынского движения, с которой считались и вели переговоры при дворе. Будучи уверенной в лояльности епископа правящей династии Вена согласилась в конце концов на отделение православных румын от сербской церкви, А. Шагуна в 1864 г. был возведен в сан митрополита. Реальные успехи в борьбе за церковную автономию способствовали возрастанию политико-идеологического влияния румынского духовенства, с которым по-прежнему не могли конкурировать идеологи национальной буржуазии. Церковные иерархи задавали тон на созванном в 1860 г. в Альба-Юлии (венг. Дюлафехервар) национальном собрании (ассамблее) румын, делегированных из разных районов Трансильвании. На этом и других, менее масштабных, собраниях вырабатывалась программа, с которой предстояло выступить на выборах в трансильванское госсобрание. Ставился вопрос о снижении избирательного ценза, создания более доступных для широких масс условий доступа к избирательным бюллетеням.

Состоявшееся незадолго до этого, в 1859 г., фактическое объединение Молдавского и Валашского княжеств под властью антигабсбургски настроенного А. И. Кузы могло внушить наиболее радикальному крылу национального движения надежды на дальнейшее расширение румынского государства, теперь уже за счет земель, относившихся к монархии Габсбургов. Однако как православные, так и униатские иерархи не дали ход далеко идущим проектам соз-

дания дако-румынского государства, распавшись в своей верности действующей монархии. Они требовали недопущения унии Трансильвании и Венгрии либо признания румын политической нацией как условия этой унии. Неготовность венгров к серьезным уступкам там, где дело касалось вопросов унии, (а тем более признания румын монархии в качестве равноправной политической нации) усиливала прогабсбургские ориентации румынского национального движения. Шагуне и Шулуциу в это время удалось создать видимость национального единства румын монархии на прогабсбургской платформе и ориентировать румынское национальное движение на поддержку политики венского двора. Румынское движение в 1860-е годы, находясь в руках лояльных правящей династии сил, в целом шло в фарватере политики австрийского правительства. Лозунг соединения всех румын монархии был отброшен. Речь шла в первую

очередь о восстановлении трансильванской автономии, существовавшей до 1848 г., и корректировке избирательного закона в пользу румын, составлявших большинство населения в крае. Вена, в свою очередь, поощряла активность румынских церковных иерархов в той мере, в какой она имела антивенгерскую направленность, препятствовала реализации планов венгерской элиты относительно слияния Венгрии с Трансильванией, а значит резкого усиления той территориальной единицы в монархии Габсбургов, которая могла бы выступить наиболее мощным оплотом центробежных устремлений. Созыв в 1863 г. трансильванского госсобрания в Сибиу, где тон задавали представители румынского национального движения, избранные туда вследствие введения более демократического избирательного законодательства, ознаменовал собой начало нового этапа в развитии этого движения в пределах монархии Габсбургов.

А. Н. ПТИЦЫН

ЭМИГРАЦИЯ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ УЧИТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ В РОССИЮ В 60–80-е гг. XIX ВЕКА

В Российской империи существовала давняя традиция приглашения зарубежных преподавателей и учёных. Среди приглашённых было немало выходцев из славянских земель Габсбургской монархии. В данной связи можно вспомнить имена хорвата Ю. Крижанича, сербов Ф. И. Янковича де Мириево, А. Стойковича, карпатских русинов А. Дудровича, И. С. Орлая, М. А. Балугьянского, В. Г. Кукольника и многих других¹.

Самая массовая кампания по приглашению иностранных учителей имела место в период «великих реформ» Александра II, когда российская образовательная система подверглась масштабной модернизации по западным образцам. Среди зарубежных специалистов, привлечённых на работу в российские учебные заведения в этот период, доминировали как раз выходцы из Австро-Венгерской монархии.

В 1860–1870-х гг. в нашей стране была внедрена классическая модель гимназического образования, основанная на приоритетном изучении древних языков. В 1864 г. был принят новый «Устав о гимназиях», разработанный под руководством министра народного просвещения А. В. Головнина, согласно которому все гимназии страны подразделялись на два вида – классические и реальные. В классических гимназиях существенно увеличивался объём часов на изучение латинского языка и постепенно, по мере подготовки преподавателей, вводился греческий язык. Подавляющее большинство гимназий стали классическими. Следующий министр народного просвещения граф Д. А. Толстой (занимал этот пост в 1866–1880 гг.) продолжил и расширил курс на внедрение классицизма (за что был прозван современниками «классическим графом»). Под его руководством в 1871 г. был разработан новый

¹ См.: Птицын А. Н. Венгерские специалисты в Российской империи // Вопросы истории. 2012. № 9. С. 143–147.

«Устав гимназий и прогимназий», по которому звание гимназий сохраняли лишь учебные заведения с двумя классическими языками, и только их выпускники получили право поступать в университет. Учебные заведения с одним латинским языком становились прогимназиями. Реальные гимназии были переименованы в реальные училища, они были ориентированы на получение технических и прикладных знаний.

В классических гимназиях и прогимназиях образование приобрело ярко выраженный гуманитарный характер. Так, по уставу 1871 г. гуманитариями являлись 9 из 11 положенных по штату гимназических учителей, при этом 4 из них были преподавателями древних языков². Несмотря на существовавшее в обществе недовольство из-за явного «перекоса» в сторону изучения древних языков в ущерб другим предметам, классическая модель гимназического образования просуществовала до начала XX в. практически в неизменном виде³.

Проведение гимназической реформы 1864–1871 гг. столкнулось с немалыми трудностями, главной из которых стала острая нехватка специалистов. Первоначально потребность в учителях древних языков составляла 60–80 человек в год, российские же университеты удовлетворить её были не способны. Для подготовки учителей были открыты историко-филологические институты в Петербурге и Нежине, а также Русская филологическая семинария (институт)

² Свод постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям ведомства Министерства народного просвещения. СПб., 1888. С. 197.

³ См.: Алешинцев И. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912; Басаргина Е. Ю. Из истории классического образования в России: Учительский институт славянских стипендиатов // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. XIV. Чтения памяти И. М. Тронского. Ч. 1. СПб., 2010.

при Лейпцигском университете. Однако на первых порах основным источником пополнения преподавательских кадров стало приглашение их из-за границы.

При этом приоритет отдавался австро-венгерским педагогам, что объясняется следующими обстоятельствами. В Габсбургской монархии действовала эффективная система классического гимназического образования. Подготовка филологов уделялось большое внимание в Венском, Пражском и других университетах. Работавшие там ученые имели тесные научные связи с российскими коллегами. Выпускники австрийских и венгерских университетов, бывшие славянами по происхождению, сочетали в себе два достоинства – европейское образование и знание славянских языков. Благодаря последнему обстоятельству им было гораздо проще, чем другим европейцам освоить русский язык и преподавать на нём.

В приглашении зарубежных специалистов славянского происхождения определённую роль сыграли идеи славянского единства, весьма популярные в пореформенной России и разделяемые многими влиятельными людьми. Не случайно инициатором приглашения австро-венгерских учителей стал Михаил Фёдорович Раевский, который в течение четырёх десятилетий был священником русской посольской церкви в Вене и одновременно являлся посредником во всех неофициальных контактах габсбургских славян с российскими властями и общественностью⁴. Примечательно, что еще в 1840–1850-е гг. он участвовал в привлечении на российскую службу австрийских техников, музыкантов и других специалистов, и накопил определенный опыт в этой области⁵.

Обращались к М. Ф. Раевскому с просьбой о трудоустройстве в России и некоторые австро-венгерские преподаватели-филологи. Находясь в конце 1865 г. в Петербурге,

священник встретился с министром народного просвещения А. В. Головниным и сообщил ему об этом. Министр, весьма обеспокоенный кадровым голодом в своём ведомстве, сразу же ухватился за это предложение и подготовил соответствующий доклад Александру II.

«Высочайше одобренный» 22 декабря 1865 г. «всеподданнейший доклад» министра стал правовой основой для приглашения австро-венгерских учителей. В нём констатировалось, что российские вузы еще долгое время по объективным причинам не смогут выпускать необходимого количества педагогов-классиков, и говорилось о том, что «...по отзыву священника Раевского и других компетентных лиц, австрийские славяне и чехи могут усвоить себе русский язык в весьма непродолжительном времени»⁶. Ввиду этих соображений, предполагалось «...в виде опыта допустить австрийских славян и чехов, имеющих удостоверенные в Австрии дипломы учителей древних языков в гимназии и прогимназии, к преподаванию сих языков в наших средних учебных заведениях»⁷.

Для того чтобы приглашенные преподаватели «предварительно приобрели в России достаточные сведения в русском языке», их следовало причислять к педагогическим курсам, действовавшим в учебном округе при университетах, на срок «от одного до двух лет». Приглашенным гарантировалась оплата расходов на переезд в Россию и выплата стипендии во время переподготовки. В завершающей части доклада министра говорилось о том, что необходимо всех «... воспользовавшихся стипендией и признанных способными к преподаванию в наших учебных заведениях австрийских славян и чехов обязать прослужить в звании учителя одного из древних языков два года за каждый год получения стипендии, в чем и отобрать у них подписку»⁸.

⁴ Чуркина И. В. Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославяне. М., 2011. С. 4.

⁵ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского 40–80-е гг. XIX в. М., 1975. С. 114, 117–118.

⁶ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. IV. СПб., 1871. С. 267.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 267–268.

Координировать работу по приглашению учителей в докладе было поручено инициатору этого дела М. Ф. Раевскому. Педагоги, приглашаемые для работы в России в соответствии с условиями этого постановления, получили название «славянских стипендиатов».

На рубеже 1860–1870-х гг., чтобы расширить круг кандидатов, российские власти разрешили приглашать не только состоявшихся учителей, но и студентов австрийских и венгерских университетов, которые окончили в своё время классические гимназии и изучали древние языки в вузе. В число последних включались не только студенты филологических факультетов, но и историки, юристы и богословы. Именно студенты и выпускники вузов и составили в итоге большинство среди приглашённых.

В конце 1860-х и 1870-е гг. в Австро-Венгрии была организована широкая кампания по привлечению и отбору кандидатов на учительские должности в российских гимназиях. М. Ф. Раевский обратился к своим многочисленным знакомым из числа славянских учёных, преподавателей и общественных деятелей, с просьбой подыскивать кандидатов, согласных отправиться в Россию. В частности, в чешских землях этой работой занимались К. Я. Эрбен, А. Вртятко и А. Патера, в словенских – Я. Блейвейс, в Галиции – Я. Ф. Головацкий и т. д. Масштабная работа по привлечению учителей нашла своё отражение в архиве М. Ф. Раевского, где хранится его переписка с самими кандидатами, с австро-венгерскими посредниками, российскими дипломатами, чиновниками министерства просвещения и учёными. Значительная часть этих материалов опубликована в различных изданиях⁹.

В подборе и приглашении австро-венгерских учителей принимали участие рос-

сийские ученые-слависты (В. И. Ламанский, И. А. Срезневский, А. Ф. Гильфердинг и другие). Так, например, А. Ф. Гильфердинг предложил привлечь на русскую службу словенца Франца Ребеца. Русский ученый сообщал в марте 1871 г. члену совета министра народного просвещения А. И. Георгиевскому следующее: «Ф. Ребец был рекомендован мне вождами словенской народности как один из лучших представителей молодого поколения между словинцами, и личное знакомство с ним (он сопровождал меня в путешествии по южному краю словенской земли) оставило во мне самое отрадное впечатление»¹⁰. М. Ф. Раевский, к которому обратился за советом по поводу приглашения данного кандидата А. И. Георгиевский, горячо поддержал эту кандидатуру, обратив особое внимание на то, что «дело идет не о простом студенте, а об учителе гимназии и отличном филологе-педагоге... Упустить такого человека будет жаль»¹¹. В итоге летом того же года Ф. Ребец отправился в Россию.

В работе по приглашению участвовали также дипломаты, работавшие в Габсбургской монархии. Так, например, консул в Риеке Л. В. Березин пригласил в Россию работавшего в этом городе учителя-чеха Ивана Гайчмана, консул в Черновцах Д. А. Кира-Динжан – местного учителя-русина Юлиана Мильковича¹².

Для привлечения потенциальных кандидатов использовалась также печать. Так, уже 10 января 1866 г. газета «Словенец» опубликовала письмо чешского учителя из Москвы, в котором он призывал специалистов по древним языкам ехать работать в Россию. Позднее, в 1871 г. в газете «Словенски народ» и венском еженедельнике «Цукунфт» было опубликовано письмо Франа Целестина, одного из первых словенских учителей, перебравшихся в Россию, с призывом следовать его примеру¹³.

⁹ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского 40–80-е гг. XIX в. М., 1975; Југословени и Русија. Документи из архива М. Ф. Рајевског 40-80 године XIX века. Т. II. Београд, 1989; *Cesty na východ. Češi v korespondenci M. F. Rajevského*. Praha, 2006; Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.). М., 2010.

¹⁰ Русско-словенские отношения в документах. С. 571.

¹¹ Там же. С. 572.

¹² Југословени и Русија. С. 33–34; Зарубежные славяне и Россия. С. 208.

¹³ Чуркина И. В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. С. 161.

Агитационные материалы аналогичного происхождения публиковались и в других славянских газетах. Так, например, описание своей жизни в России, выдержанное в восторженных тонах, в мае 1869 г. опубликовал в словацкой газете «Пештбудинские ведомости» учитель-словак Эмилий Чёрный¹⁴.

Кампания по приглашению австро-венгерских учителей имела большой успех. Молодые специалисты охотно ехали в Российскую империю, где учительский труд пользовался уважением в обществе и хорошо оплачивался. Примечательно, что в рассматриваемое время заработок гимназического учителя в России был гораздо выше, чем в Австрии. Так, жалование австрийского учителя гимназии, в соответствии с законом от 9 апреля 1870 г., было повышено и составляло 1000 гульденов в год при поступлении на службу, а затем каждые 5 лет оно увеличивалось на 200 гульденов¹⁵.

Согласно гимназическому уставу 1871 г., жалование начинающего учителя «языков и наук» в российской гимназии составляло 750 руб. (по тогдашнему обменному курсу они равнялись 1 200 австрийским гульденам), а через 5 лет службы оно возрастало до 900 руб. (1 440 гульденов). В то же время жалование было рассчитано исходя из учительской «ставки» в размере 12 уроков в неделю. На практике же учителя, как правило, вели больше уроков, получая за каждый дополнительный урок 60 руб. в год. Таким образом, при 6 дополнительных уроках учитель получал еще 360 руб. в год, и общее жалование начинающего учителя при 18 уроках в неделю составляло уже 1 110 руб. в год (1 776 гульденов). Кроме того, дополнительно в российских гимназиях оплачивалось классное руководство (160 руб. в год) и проверка учебных работ (100 руб. в год в гимназиях и 60 руб. – в прогимназиях)¹⁶. Таким образом, реальный заработок учителя в российской

гимназии был в полтора-два раза выше, чем в австрийской. В памятных книжках российских учебных округов, изданных в 1870–1880-е гг., указан заработок учителей древних языков, составляющий 1 300–2 000 руб. в год¹⁷.

Учительская профессия в императорской России имела высокий статус. Педагоги считались государственными служащими, получали классные чины и ордена. «Учитель языков и наук» при поступлении на службу считался состоящим в чине коллежского асессора (чин VIII класса), а через 12–15 лет службы достигал чина статского советника (чин V класса). Директора гимназий производились в чин действительного статского советника (чин IV класса), дающий права на потомственное дворянство. Иностранцы, поступавшие на службу по министерству народного просвещения, могли сохранять своё прежнее гражданство или же, если желали, могли в упрощенном порядке принять российское подданство. Прослужив 15 лет, учителя гимназий могли уходить в отставку с правом получения половинной пенсии. Через 25 лет службы они начинали получать полную пенсию (800 руб. в год), при этом могли продолжать преподавать с сохранением и жалования, и пенсии.

К переезду в Россию австро-венгерских педагогов толкали главным образом материальные соображения. Современники отмечали, что их «влёк в Россию желудок, а не сердце»¹⁸. В письмах кандидатов на учительские должности, адресованных М. Ф. Раевскому, неоднократно отмечался мотив недовольства своим материальным положением и стремление его улучшить путём переезда. Так, например, словенец Доменик Пасколо, студент Грацкого университета, в апреле 1876 г. написал М. Ф. Раевскому о том, что из-за бедности родителей он испытывает

¹⁷ См.: Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1879 год. Тифлис, 1879; Именной список служащих в Одесском учебном округе. Одесса, 1884; Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. Варшава, 1884.

¹⁸ Дрновшек М. Словенские миграции и Россия в XIX в. // SLOVENICA I: История и перспективы российско-словенских отношений. СПб., 2011. С. 37.

¹⁴ Зарубежные славяне и Россия. С. 464.

¹⁵ Југословени и Русија. С. 307.

¹⁶ Свод постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям ведомства Министерства народного просвещения. СПб., 1888. С. 22–23, 32.

недостаток в средствах и не в состоянии, поэтому, продолжать учёбу. Вскоре после этого Д. Пасколо был принят в Русскую филологическую семинарию в Лейпциге, получил там высшее образование и отправился работать в Россию¹⁹.

Как заработок, так и условия службы в Российской империи выглядели для иностранных педагогов весьма привлекательно. Помимо австро-венгерских подданных в пореформенную Россию охотно приезжали учителя из других европейских стран – Германии, Швейцарии, Франции. Учителей-иностранцев в то время можно было встретить почти в каждой российской гимназии. Они преподавали, как правило, языки – новые европейские (немецкий и французский) и древние.

Следует отметить, что часть австро-венгерских учителей эмигрировала в Россию вовсе не из-за размеров жалования, а в силу трудностей с трудоустройством на родине. Это могло быть вызвано как объективным отсутствием вакансий, так и целенаправленной политикой властей. Так, например, ряд словацких педагогов эмигрировали после того, как словацкие гимназии, где они работали, были в 1870-е гг. закрыты вследствие проводившейся в Венгрии политики «мадьяризации»²⁰.

В то же время следует подчеркнуть, что материальные стимулы для эмигрантов были далеко не единственными. Молодых славян влекли в Россию традиционные симпатии к крупнейшей славянской державе, идеи славянской солидарности, широко распространённые в то время, а также недовольство неравноправным положением славян в Габсбургской монархии²¹. Почти в каждом письме претендентов на учительские должности в адрес М. Ф. Раевского можно найти ссылки на этот мотив, а также встретить заявления о желании поработать в братской славянской стране.

¹⁹ Русско-словенские отношения в документах. С. 352.

²⁰ Зарубежные славяне и Россия. С. 371.

²¹ Дрновшек М. Словенские миграции и Россия в XIX в. С. 38.

Некоторые славянские интеллектуалы эмигрировали в Россию и по политическим причинам: из-за преследований со стороны австрийских и венгерских властей за активное участие в национальном движении. Так, например, российскими учителями стали некоторые из деятелей русинского национального движения (Виктор Кимак, Эммануил Грабарь, Николай Лисикевич и др.)²².

Приглашение австро-венгерских специалистов на работу в Россию существенно облегчалось тем обстоятельством, что по конституционным законам этой страны, принятым в декабре 1867 г., для габсбургских подданных вводилась свобода эмиграции. Правительство Дунайской монархии теперь не могло запретить выезд за границу своему гражданину, за исключением случая, если тот не отбыл обязательную для всех мужчин воинскую повинность²³ (впрочем, студенты отбывали ее в ополчении – ландвере – в сокращенные сроки). Пока действовала австро-российская картельная конвенция о борьбе с дезертирами, от кандидатов на учительские должности, прибывавших в нашу страну, требовалось предоставить свидетельство о прохождении ими воинской службы на родине, но после её разрыва российской стороной в 1869 г. вопрос о воинской повинности кандидатов перестал интересовать²⁴.

М. Ф. Раевский координировал всю работу по приглашению учителей. Со всеми кандидатами он вступал в переписку, со многими встречался лично. При этом священник, по их отзывам, неизменно проявлял участие и доброжелательность. Трудоустроившись в России, некоторые учителя писали М. Ф. Раевскому, сообщая о своих успехах на новом месте, и благодарили за участие в своей судьбе²⁵.

²² Зарубежные славяне и Россия. С. 534, 538.

²³ Staatsgrundgesetz über die allgemeinen Rechte der Staatsbürger. 21 Dezember 1867/ Texte zur Österreichischen Verfassungs-Gtschichte. Von der Pragmatischen Sanktion zur Bundesverfassung (1713–1966). Wien, 1970. S. 64.

²⁴ Басаргина Е. Ю. Из истории классического образования в России. С. 98.

²⁵ Зарубежные славяне и Россия. С. 464–465.

Однако не стоит думать, что в состав славянских стипендиатов автоматически принимались все желающие. Была сформирована система отбора кандидатов. От последних требовалось предоставить диплом австрийского университета или свидетельства о прослушанных университетских курсах, письменные работы, показывающие уровень профессиональной подготовки (автобиографию на латинском языке и переводы с латинского или греческого на немецкий язык), а также рекомендацию какого-либо известного ученого-филолога. Письменные работы сразу же пересылались для проверки учёным-классикам из Петербургского университета.

Отбор кандидатов осуществлялся М. Ф. Раевским и руководителями министерства просвещения. Эту работу курировал лично председатель ученого комитета министерства А. И. Георгиевский, который находился в непрерывной переписке с венским священником. При этом каждую кандидатуру А. И. Георгиевский представлял для одобрения министру народного просвещения или его товарищу (заместителю)²⁶.

О каждом кандидате М. Ф. Раевский обязательно собирал отзывы у видных славянских учёных и общественных деятелей. Так, например, библиотекарь Чешского национального музея Антонин Вртятко в конце 1871 – начале 1872 гг. рекомендовал для работы в России ряд кандидатов, дав о каждом из них краткую справку. В частности, Иосифа Фарника он рекомендовал как «достойного молодого кандидата», председателя филологического общества, имеющего большое желание ехать в Россию. О Яне Прусике А. Вртятко писал как о знающем и опытном преподавателе, сдавшем государственный экзамен и могущим быть освобожденным от сдачи обязательной для кандидатов письменной работы. При этом он обращал внимание на то, что Я. Прусик имеет жену и ребенка и должен поэтому получить «подъемные» в повышенном размере. Положительные рекомендации, аналогичные приведенным

²⁶ Югословени и Русија. С. 206.

выше, получили от А. Вртятко также Вацлав Коздерка, Ян Виту, Йозеф Ланца, Вячеслав Ракушан. Все они отправились работать в Россию²⁷.

В то же время об одном из кандидатов – Августине Хауздорфе – А. Вртятко отозвался резко отрицательно, сообщив, что «...подробно навел о нём справки, просил его прибыть и убедился в его абсолютной непригодности...»²⁸. Получив отказ от М. Ф. Раевского, А. Хауздорф через год подал повторное ходатайство о зачислении его на российскую службу, однако оно вновь было отклонено. Примечательно, что в то же время А. Хауздорф смог получить место учителя в одной из австрийских гимназий²⁹. По такой же схеме действовал при отборе кандидатов из числа своих земляков видный словенский учёный и общественный деятель Янез Блейвейс³⁰.

Наличие чёткой системы отбора кандидатов на учительские должности полностью опровергает утверждения некоторых дореволюционных ученых о том, что среди приглашенных из Австрии учителей «в значительной степени... были неудачники на родине, искатели приключений и лёгкой наживы»³¹. Более того, по словам российского министра народного просвещения Д. А. Толстого, его австрийский коллега К. Штремайр при личных встречах «...не раз сетовал на то, что Россия отбирает у него наилучших учителей древних языков, и пенял, что тогдашние австрийские законы не дают ему возможности воспрепятствовать этому»³².

Все кандидаты должны были до отъезда в Россию подписать обязательство следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, желая поступить учителем латинского и греческого языка в одну из гимназий Русской империи или Царства Польского, принимаю

²⁷ Зарубежные славяне и Россия. С. 103, 106–107.

²⁸ Там же. С. 105.

²⁹ Там же. С. 105–106.

³⁰ Чуркина И. В. Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославяне. С. 162.

³¹ Алешинцев И. Указ. соч. С. 320.

³² Басаргина Е. Ю. Из истории классического образования в России. С. 99.

стипендию в 450 руб. ежегодно и путевых до С. Петербурга 100 рублей с обязательством с моей стороны: 1) слушать лекции в С.-Петербургском университете по предметам, кои мне будут указаны в продолжении одного или двух лет, судя по моим успехам, 2) подчиняться всем требованиям устава, 3) выдержать до определения меня в должность устное испытание, установленное на звание учителя, и 4) за каждый год стипендии прослужить в России два года»³³.

Во второй половине 1860-х гг. среди приглашённых из Австро-Венгрии учителей подавляющее большинство составили галичане. Представители зарождавшейся русинской интеллигенции в Галиции в условиях австрийского и польского господства тяготились своим неполноправным положением и охотно эмигрировали в «братскую» Россию. В нашей стране их с неменьшей охотой принимали, поскольку по тогдашним представлениям австрийские и венгерские русины считались составной частью русского народа (как и малороссы с белорусами). Принадлежность русинов к греко-униатской религии также позволяла считать их «единоверцами» православных, в отличие от прочих габсбургских славян, преимущественно католиков.

В 1866–1880-х гг. на службу по министерству народного просвещения в качестве преподавателей древних языков было принято около 60 молодых русинов³⁴. Они работали в основном в Царстве Польском, Виленском, Московском и Одесском учебных округах. Среди учителей этого призыва многие сделали успешную карьеру – 14 из них стали директорами гимназий и прогимназий, а двое – инспекторами учебных округов. Так, Михаил Костев был директором гимназии в Петербурге, Лукиан Лавровский

³³ Русско-словенские отношения в документах. С. 564.

³⁴ Подсчитано по: РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Л. 1–9; Зарубежные славяне и Россия. С. 535, 538; Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1871. Варшава, 1872; Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1884. Варшава, 1884.

возглавлял гимназии в Петербурге и Москве, Лев Кульчицкий – в Москве и Рязани, Пётр Феерчак – в Одессе, Иван Сыроечковский – в Вязьме, Владимире и Риге, Осип Витошинский – в Красноярске. Антон Семенович служил инспектором Московского учебного округа и директором Калишской гимназии, Лев Лопатинский занимал поочередно должности директора гимназии в Троицке (Оренбургская губерния), инспектора прогимназии в Пятигорске и инспектора Кавказского учебного округа³⁵.

Помимо русинов, во второй половине 1860-х гг. на российскую службу охотно принимали словаков, особенно протестантов. Густав Штур, племянник известного словацкого учёного и теоретика славянского единства Людовита Штура, в 1866 г. отправился в Россию, прошёл переподготовку при Петербургском университете, в 1868 г. стал учителем Варшавской 2-й гимназии, но через 3 года умер. В 1868 г. в Россию отправились словаки Эмилий Черный (преподавал в 3-й Московской гимназии) и Юлиан Стовик (работал в Харьковском и Одесском учебном округах, был директором прогимназий в Краснослободске и Измаиле, организовал частное реальное училище в Феодосии). В том же году в состав славянских стипендиатов поступил молодой словак Михаил Янко, который в дальнейшем работал учителем в Новгороде и Петербурге, а затем служил директором гимназий в Ташкенте, Петербурге, Пскове и Кишинёве. В 1869 г. в Россию приехал Август Шандори, затем много лет проработавший в Харькове, в 1870 г. – Людовик (Александр) Мичатек, преподававший в Новгороде и Петербурге и составивший первые русско-словацкий и словацко-русский словари.

Одним из первых чешских учителей древних языков, приглашенных в Россию, стал Ян (Иван) Шрадек. В 1865 г. его рекомендовал российским славистам И. И. Срезневскому и В. И. Ламанскому знаменитый

³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Л. 1–9; Список лиц, служащих по ведомству министерства народного просвещения. СПб., 1873–1905.

чешский учёный К. Я. Эрбен. В январе 1866 г. товарищ министра народного просвещения И. Д. Делянов, которому сообщили об этом кандидате, поручил М. Ф. Раевскому собрать сведения о нем. Они оказались благоприятными, и осенью того же года Шрамак приступил к работе в 5-й Петербургской гимназии, а позднее стал её директором. В 1867 г. в Харьков выехал чешский учитель Иосиф Тихий, который также был рекомендован К. Я. Эрбеном. В дальнейшем И. Тихий служил директором гимназий в Тамбове, Елатье и Харькове. В 1868 г. в состав славянских стипендиатов были приняты чехи Иван Гайчман (работал в Туле), Антон Пречан (преподавал в Твери, был директором гимназий в Костроме и Смоленске) и Карл-Драгутин Новак (работал учителем в Пскове, а затем был назначен директором гимназии в Верном (ныне – Алма-Ата)). В 1869 г. в Россию переехали чешские учителя Иосиф Канский (преподавал в Харькове, а затем возглавлял гимназии в Новочеркасске и Варшаве), Иоахим (Аким) Квачала (работал в Твери и Москве), Мартин Долежел (преподавал в Орле и Москве, был директором прогимназии в Егорьевске), Томаш (Фома) Неворал (был учителем Тамбовской и Сумской гимназий). В конце 1860-х гг. на российскую службу были приняты также словенцы Варфоломей Брезовар (работал в Курске) и Фран Целестин (преподавал во Владимире и Харькове)³⁶.

Однако назначение учителей-католиков проходило с большим трудом. Министр народного просвещения Д. А. Толстой с явной неохотой соглашался на это, ссылаясь на политическую обстановку. После польского восстания 1863–1864 гг. отношения российского правительства с католической церковью стали очень напряжёнными и в 1866 г. оно разорвало конкордат с Ватиканом из-за попыток последнего заступиться за своих единоверцев. В этой связи российское руководство поставило задачу всемерно уменьшить «католическое влияние» в стране, в

том числе и в сфере образования. В этой связи можно процитировать одно из писем А. И. Георгиевского к М. Ф. Раевскому (октябрь 1869 г.): «Поспешаю уведомить Вас, что словинцы, доктор Целестин и г. Брезовар зачислены, наконец, в стипендиаты... Замедление относительно их зачисления произошло от того, что они имеют несчастье быть католиками, а поэтому товарищ министра, управляющий министерством, не решился взять на себя их зачисление и дождался возвращения графа Дмитрия Андреевича (Толстого. – А. П.), который согласился их принять только во внимание к тому, что это первые словинцы, желающие посвятить свои силы на служение России. Вообще, всякий раз, когда Вы предлагаете в стипендиаты католиков, особенно весьма хороших, я поставляюсь в истинное затруднение, ибо, с одной стороны, по моему убеждению, их следовало бы принимать с полным радушием, а с другой, граф Дмитрий Андреевич уже три раза отказал на моё настояние по этому предмету»³⁷.

В конце концов, руководство министерства народного просвещения убедилось в том, что только протестантами и униатами оказалось невозможно заполнить существовавшие в российских гимназиях учительские вакансии. В 1870 г. Д. А. Толстой наконец официально разрешил приглашать зарубежных учителей, не обращая внимания на их вероисповедание³⁸.

Это решение сразу же привело к усилению учительской эмиграции из Австро-Венгрии. Среди приглашённых в 1870-е гг. на первый план вышли чехи. Сыграло свою роль и разрешение приглашать не только дипломированных специалистов, но и студентов, которые завершали своё образование уже в российских вузах. В это же время была существенно повышена стипендия, которую получали славянские стипендиаты – с 450 до 600 руб. в год³⁹.

Примечательно, что «российский спрос» привёл к росту набора на филоло-

³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Л. 1–9; Зарубежные славяне и Россия. С. 160, 227, 464–465, 481, 492, 552–553.

³⁷ Югословени и Русија. С. 208.

³⁸ Басаргина Е. Ю. Из истории классического образования в России. С. 98–99.

³⁹ Там же.

гические факультеты австрийских университетов. Так, М. Ф. Раевский подметил, что с конца 1860-х гг. значительно увеличилась численность студентов-филологов славянского происхождения, обучавшихся в Венском и Пражском университетах⁴⁰. Таким образом, российский «заказ» оказывал влияние на формирование образовательной среды в самой Австро-Венгрии. Определённую роль в усилении эмиграции сыграла и сила примера, поскольку первопроходцы, оказавшиеся в нашей стране, рекламировали свою работу в газетных статьях, печатавшихся на родине, в своих письмах, а также в личных беседах, когда приезжали в родные места провести летний отпуск.

Самый значительный приток австро-венгерских учителей имел место в начале 1870-х гг. Так, в апреле 1871 г. чешский профессор филолог Адольф Патера писал М. Ф. Раевскому: «...из разных местностей постоянно являются ко мне кандидаты классических языков и желают поступить в русские гимназии»⁴¹. Только в 1872 г. на российскую службу было принято 22 учителя из Габсбургской монархии. В августе 1873 г. министр народного просвещения Д. А. Толстой в своем всеподданнейшем докладе констатировал, что количество вызванных из Габсбургской монархии филологов уже достигло ста человек, вследствие чего «в самой Австрии начинает чувствоваться в них недостаток»⁴².

Важнейшей проблемой являлась адаптация приглашенных специалистов, их интеграция в российское образовательное пространство. В первую очередь им было необходимо в краткие сроки овладеть русским языком на таком уровне, который позволял бы осуществлять преподавание. Для этого была организована переподготовка иностранных учителей: вначале она осуществлялась на педагогических курсах при российских университетах, а затем была

сосредоточена в Учительском институте славянских стипендиатов. Этот институт существовал в Петербурге в 1866–1882 гг. Он не был учебным заведением обычного типа, а скорее представлял собой организационный центр, занимавшийся делами славянских стипендиатов, с момента их приглашения и до определения на службу. Руководителем (куратором) института был председатель ученого комитета Министерства просвещения А. И. Георгиевский, который уделял стипендиатам много внимания и старался всячески помочь им обустроиться на новом месте.

Годовой бюджет Института славянских стипендиатов составлял 15 тыс. рублей. Из этих средств выплачивались стипендии, деньги на переезд, вознаграждение наставникам и преподавателям, занимавшимся со стипендиатами. Собственного помещения и штата преподавателей в институте не было. Славянские стипендиаты бесплатно слушали филологические курсы в Петербургском университете и Историко-филологическом институте, а также специально занимались русским языком с приглашёнными преподавателями. Жили они на частных квартирах. Единых сроков переподготовки не было – всё зависело от базового уровня подготовки и личных успехов того или иного стипендиата. Некоторым удавалось пройти обучение за несколько месяцев, у других его срок увеличивался до двух и более лет. Пребывание в составе стипендиатов заканчивалось экзаменом на звание учителя древних языков в гимназии, который принимала специальная комиссия при Петербургском университете. После этого стипендиаты получали назначение в гимназии.

В списке слушателей Института славянских стипендиатов, составленном чиновниками министерства просвещения, указаны фамилии 175 человек, из которых 158 были австро-венгерскими подданными и 17 – гражданами Германии, Дании и Норвегии, а также российскими немцами из Прибалтики. Следует заметить, что несколько человек в данном списке было пропущено, в то время

⁴⁰ Там же. С. 99.

⁴¹ Зарубежные славяне и Россия. С. 347.

⁴² Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. V. СПб., 1877. Стб. 2141.

как в фондах Института славянских стипендиатов их личные дела имеются⁴³.

Большинство слушателей составляли чехи, за ними шли русины и словенцы. Из австро-венгерских слушателей института чуть меньше половины (42 %) уже работали учителями на родине, остальные же были недавними выпускниками и студентами. Примечательно, что среди стипендиатов было 3 доктора философии: галичане Антон Семенович и Василий Белецкий, а также словенец Фран Целестин. Большинство стипендиатов учились в Пражском и Венском университетах, широко были представлены также выпускники Львовского, Черновицкого и Пештского университетов. Средний возраст австро-венгерских стипендиатов на момент зачисления составлял 26 лет, при этом двум самым молодым было по 19 лет, а двум самым взрослым – 41 и 43 года. Во время обучения двое стипендиатов умерли, а четверо были отчислены (за пьянство, слабые успехи и по болезни). Все остальные успешно прошли обучение, что свидетельствует о хорошем подборе кандидатов и высокой эффективности работы самого института.

В целом, по оценке куратора института А.Г. Георгиевского, студенты из числа австро-венгерских славян производили «отрадное впечатление как в умственном, так и в нравственном отношении»⁴⁴. В то же время в конце 1874 г. имела место конфликтная ситуация со стипендиатами-чехами. Они с большим интересом занимались с русскими преподавателями и неохотно посещали занятия профессоров германского происхождения, читавших свои курсы по-немецки. Особую их неприязнь заслужил профессор историко-филологического факультета Л. А. Мюллер, который во время занятий позволял себе оскорблять национальные чувства слушателей. В результате 12 стипендиатов-чехов отказались сдавать пробный экзамен этому профессору. А. И. Георгиевский попытался разрешить конфликт в ти-

пичных российских традициях: он пригрозил слушникам лишить их стипендии. Когда же те стали требовать выдать им паспорта на выезд за границу, в ситуацию вмешался министр Д. А. Толстой, который, несмотря на своё реноме «реакционера», предложил компромисс – приглашение на экзамен других преподавателей и чтение лекций стипендиатам не по-немецки, а по-латыни. Все жаловавшиеся благополучно закончили обучение, сдали экзамены и получили назначение в гимназии (любопытно, что среди них был будущий ректор Харьковского университета Иван Нетушил)⁴⁵. Впрочем, данный инцидент был исключением, не характерным для спокойной жизни института и представлял собой отражение весьма острых в это время в Австро-Венгрии чешско-немецких противоречий.

26 апреля 1878 г. императором было утверждено постановление, согласно которому педагоги, имевшие австрийские либо германские звания гимназических учителей, получили право поступать на службу в российские гимназии без специальной переподготовки. Для этого учебному начальству было «...достаточно лишь удостовериться в знании ими русского языка настолько, чтобы они были в состоянии преподавать на нем древние языки»⁴⁶. Данное постановление также разрешало принимать на службу на тех же условиях, что и славянских стипендиатов, всех выпускников австрийских и германских университетов, независимо от национальности⁴⁷. В этой связи система славянских стипендиатов стала терять своё значение.

В 1882 г. Учительский институт славянских стипендиатов был закрыт. К этому времени российские вузы наладили подготовку достаточного количества специалистов по

⁴³ РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 40. Л. 1–20; Басаргина Е. Ю. Из истории классического образования в России. С. 100–101.

⁴⁶ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. VII. СПб., 1883. Стб. 499.

⁴⁷ Алешинцев И. А. История гимназического образования в России. С. 320.

⁴³ РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Л. 1–36.

⁴⁴ Басаргина Е. Ю. Из истории классического образования в России. С. 101.

древним языкам, и надобность в массовом привлечении их из-за границы отпала.

Вторым центром, где происходило обучение филологов австро-венгерского происхождения, являлась Русская филологическая семинария (институт) при Лейпцигском университете, открытая в 1873 г. Туда наряду с российскими подданными принимались австро-венгерские студенты славянского происхождения (главным образом, в первые годы работы семинарии). В течение 3 лет они проходили филологические курсы в Лейпцигском университете и дополнительно изучали русский язык под руководством приехавших из нашей страны преподавателей. Поступавшие в семинарию австро-венгерские подданные обучались бесплатно на правах славянских стипендиатов, они принимали на себя обязательство прослужить за каждый год получения стипендии два года в качестве учителя в России.

Лейпцигская филологическая семинария действовала до 1890 г., а затем была закрыта, как выполнившая своё назначение. За все годы в ней обучалось 113 человек. 81 из них были российскими подданными, 27 – австро-венгерскими, 5 – германскими. Таким образом, из Габсбургской монархии прибыл каждый четвёртый студент Лейпцигской семинарии. По национальной принадлежности её австро-венгерские студенты были, главным образом, чехами (18 человек). Также среди них было 3 галичанина, 2 словенца, 2 хорвата, 1 словак и 1 серб. Окончили семинарию и получили назначение в российские гимназии 24 австро-венгерских студента (два чеха во время учёбы умерли, ещё один был отчислен по болезни)⁴⁸.

Как уже говорилось, ряд приехавших учителей прошли переподготовку на педагогических курсах при российских университетах. Также австро-венгерские студенты-филологи (преимущественно русины и чехи) обучались в различных российских университетах – Петербургском, Московском, Киевском и других.

Всего с 1865 г. по 1882 г. на российскую службу было принято в общей сложно-

сти около 210 австро-венгерских учителей древних языков. Среди них преобладали чехи (примерно 110 человек, или 52 %), второе место занимали русины (примерно 65 человек, или 31 %). Далее шли словенцы (17 человек, или 8 %), словаки (12 человек, или 6 %), хорваты (4 человека, или 2 %) и сербы (2 человека, или 1 %)⁴⁹. В чешском доминировании нет ничего удивительного, поскольку чехи, наряду с немцами, являлись самым образованным народом Габсбургской империи.

География работы австро-венгерских учителей древних языков в нашей стране была весьма обширна. Они служили почти во всех тогдашних гимназиях и прогимназиях – от Варшавы до Иркутска и от Архангельска до Эривани (Еревана). Большинство приглашённых проработали в нашей стране длительные сроки, часто по несколько десятилетий. Лишь единицы ограничивались оговоренными при поступлении на службу несколькими годами. Примечательно, что отдельные славянские стипендиаты находились на службе по 40 и более лет – вплоть до 1918 г., когда гимназии в нашей стране были упразднены новыми властями.

Опыт приглашения учителей древних языков оказался весьма удачным, поэтому практика привлечения австро-венгерских специалистов была продолжена и в дальнейшем. На рубеже 1870–1880-х гг. в качестве славянских стипендиатов было приглашено несколько чешских учителей математики и черчения. Они проходили переподготовку при Московском императорском техническом училище и затем распределялись по гимназиям. Один из них – Фёдор Коваржик – много лет проработал учителем в Полтаве, а затем стал директором Константиноградской мужской гимназии. Вернувшись после революции на родину, он оставил мемуары о своей жизни в России, где очень тепло отзывался о нашей стране. Его коллега Дамиан Фогл преподавал в Москве и Иваново-Вознесенске, а затем служил директором технических училищ в Красноуфимске и Брянске.

⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 234. Д. 12. Л. 1–35.

⁴⁹ Подсчитано по: РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Л. 1–36; Оп. 324. Д. 12. Л. 1–35.

Среди педагогов-русинов, перебравшихся в нашу страну, также было несколько учителей математики. Один из них – Маркелл Лавровский – был директором нескольких гимназий в Царстве Польском. Также в нескольких российских гимназиях и реальных училищах работали чешские учителя рисования и чистописания. Самый известный из них – Ярослав Немец (сын известной чешской писательницы Божены Немцовой) служил учителем и инспектором в Одесском реальном училище, а затем стал директором Ровенского реального училища⁵⁰.

Во второй половине XIX и начале XX вв. в российские учебные заведения было принято несколько десятков учителей новых европейских языков (немецкого и французского), являвшихся подданными Франца-Иосифа. В дореволюционной России существовала заслуживающая высокой оценки практика приглашения в качестве преподавателей иностранных языков людей, являвшихся их носителями. Поэтому большинство таких педагогов были по происхождению иностранцами (немцами, французами, швейцарцами и т. д.). Они приезжали в нашу страну, изучали русский язык и сдавали специальный экзамен на учительское звание, после этого получали назначение в то или иное учебное заведение.

Среди австрийских подданных, поступавших учителями новых языков в российские гимназии, преобладали всё те же славяне, которым было проще освоить русский язык, но также были представлены и австрийские немцы. Первенствовали здесь, впрочем, те же чехи. Так, в 1880–1890-е гг. новые языки преподавали в различных российских регионах чехи Фома Поризка (Смоленск), Иван Саска (Новгород-Северский), Роман Ратибор-Уличный (Павлоград), Август Рыбарж (Полтава), Пётр Брзобогатый (Воронеж), Александр Свобода (Ар-

хангельск и Белгород), Иван Сукуп (Ейск), Иосиф Томек (Пятигорск), Юлий Грумлик (Тифлис), Мануил Вавра (Оренбург и Эривань) и другие. Их коллегами были словаки Федор Францисци (преподавал в Москве и Калуге, позднее был директором гимназии в Нерехте) и Людвиг Стовик (Симферополь), словенцы Даворин Хостник (работал в Рыльске, составил первые русско-словенский и словенско-русский словари) и Андрей Юртела (Ставрополь и Москва). Более десятка преподавателей иностранных языков были по происхождению русинами. Самый известный из них – Эммануил Грабарь, отец знаменитого художника Игоря Грабаря и юриста-академика Владимира Грабаря. Среди австрийских учителей-немцев, переселившихся в нашу страну, можно назвать Иосифа Кенига (учитель, а затем директор петербургского Училища при Евангелическо-Лютеранской церкви Св. Анны, действовавшего на правах гимназии), Оскара Иогансона (преподавал в Новгороде-Северском, Чернигове и Киеве), Эммануила Штамма (Ростов-на-Дону), Иоганна Шулера (Одесса) и других.

В рассматриваемое время в России работало множество чешских музыкантов, значительная часть которых одновременно занималась преподаванием. Они служили в Петербургской и Московской консерваториях, музыкальных училищах в различных российских городах, в гимназиях и других учебных заведениях. Впрочем, их деятельность заслуживает отдельного рассмотрения. Также сюжетом, требующим специального рассмотрения, является работа в нашей стране многочисленных чешских преподавателей гимнастики из общества «Сокол», которые начали приезжать в 1890-е гг., расцвет же их деятельности пришёлся на предвоенные годы.

О количестве преподавателей австро-венгерского происхождения, работавших в России в конце XIX в., дают представление материалы Первой Всеобщей переписи 1897 года. Так, «учебной и воспитательной деятельностью» в нашей стране

⁵⁰ Полтавский адрес-календарь на 1887 год. Полтава, 1887. С. 177; Справочная книга об учебных заведениях Московского учебного округа на 1901–1902 учебный год. Ч. 1. М., 1902. С. 200; Именной список служащих в Одесском учебном округе. 1884. Одесса, 1884. С. 56.

в то время было занято 259 чехов и словаков (их считали вместе), в том числе 41 женщина (они работали, как правило, домашними учительницами, воспитательницами и гувернантками). Аналогичной деятельностью в России были заняты также 26 «сербов, хорватов и словенцев» (их также считали вместе), в том числе 4 женщины⁵¹. Что же касается австрийских русинов и австрийских немцев, то в переписи данные по ним отдельно не выделялись.

Адаптация учителей-эмигрантов в нашей стране протекала по-разному. Переселенцы сталкивались с различными трудностями, главной из которых была необходимость освоить весьма сложный для иностранцев русский язык. По отзывам современников, многие из приглашённых учителей, даже проработав в России по несколько лет, продолжали разговаривать с акцентом. Это, безусловно, снижало качество преподавания. Один из московских гимназистов 1870-х гг., будущий историк и политик П. Н. Милюков, в своих мемуарах так описывал первые шаги своего зарубежного учителя хорвата⁵² Ивана Млинарича: «По-русски он только от нас начал учиться, и класс не мог не смеяться...», когда тот на ломаном русском языке делал какое-либо «филологическое объяснение»⁵³. Впрочем, со временем языковая проблема для переселенцев, как правило, сходилась на нет.

Ещё одной проблемой для переселенцев был тяжёлый российский климат. Некоторые австро-венгерские педагоги, особенно из числа работавших в северных или уральских губерниях, а также на Кавказе, рано умирали или досрочно уходили в отставку по причине «расстроенного здоровья». Хотя всё, конечно, было индивидуально – другие стипендиаты благополучно работали в тех же регионах по 30–40 лет.

⁵¹ Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. Т. II. СПб., 1905. С. 327.

⁵² Сам П. Н. Милюков в мемуарах ошибочно называет И. Млинарича чехом.

⁵³ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 52.

Сложности, особенно на первых порах, вызывали бытовые условия, с которыми сталкивались заграничные учителя в российской провинции. Однако существовавшая в рассматриваемый период «дешевизна жизни» глубинки и хорошее жалование мирили приезжих с этими условиями. Были, конечно, и печальные примеры. Так, например, один из чешских выпускников Лейпцигской семинарии Антон Кончина в 1878 г. получил распределение в прогимназию уральского городка Стерлитамака, но проработал там недолго, поскольку, по официальному отзыву, «...женившись на русской, попал в очень неблагоприятную семью и среду, спился и уволен со службы в конце 1881 г.»⁵⁴. Впрочем, подобные случаи носили единичный характер.

В целом процесс адаптации приехавших учителей протекал успешно. Большинство из них проработали в России по несколько десятилетий, многие остались в нашей стране навсегда. Так, например, из 17 словенцев, бывших славянскими стипендиатами, достаточно скоро (через 4 года) на родину вернулся лишь один – Фран Целестин. Но и это возвращение было вынужденным – он подал в отставку из-за самоубийства своего ученика⁵⁵. Остальные остались в России надолго или навсегда. Двое из них дослужились до должности директора гимназии.

Также можно проследить судьбы словаков из числа славянских стипендиатов. Вначале их было 14, но двоих отчислили во время учёбы. На службу были зачислены 12 словаков, из них двое вскоре умерли (проработав 2 и 3 года), один ушёл в отставку из-за расстроенного здоровья через 9 лет службы, ещё один проработал 20 лет, пятеро – по 30 лет, а трое – по 40 лет. Половина стипендиатов-словаков смогла сделать учебную карьеру – четверо стали директорами гимназий, а ещё двое – инспекторами.

Приезжая в Россию, молодые учителя в своём большинстве были холостыми. Они женились на россиянках, что существенно

⁵⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 234. Д. 12. Л. 13 об. – 14.

⁵⁵ Чуркина И. В. Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославы. С. 163–164.

облегчало им процесс адаптации. Примечательно, что сыновья и дочери целого ряда стипендиатов пошли по их стопам и стали педагогами. Самой известной из них стала О. А. Добиаш-Рождественская (дочь чешского филолога, учителя гимназии в Харькове, а затем профессора Нежинского историко-филологического института Антона Добиаша), которая стала знаменитым учёным-медиевистом, первой российской женщиной – доктором всеобщей истории.

Ярким свидетельством успешной адаптации стало то, что большинство приезжих педагогов приняли российское подданство и православие. Некоторые, принимая православие, меняли и имена. У всех приезжих педагогов, в соответствии с российскими традициями, появились отчества.

Австро-венгерские учителя сыграли важную роль в постановке преподавания в российских гимназиях древних и новых европейских языков. Они подготовили несколько десятков учебников, пособий и словарей по древним языкам, по которым учились поколения российских гимназистов⁵⁶. А учебник греческого языка словака Эмилия Черного до сих пор считается одним из лучших, вышедших в нашей стране, недавно он был переиздан в качестве вузовского учебника⁵⁷.

По отзывам современников, австро-венгерские педагоги, в своём большинстве, отличались добросовестностью, глубокими знаниями своего предмета и высокими нравственными качествами. Они внесли весомый вклад в развитие российского гимназического образования в последней трети XIX – начале XX в. Педагоги знакомили российское юношество с сокровищами античной и европейской культуры. Так, например, выдающийся философ А. Ф. Лосев вспоминал, что интерес к античности у него сформировался под влиянием его учителя

⁵⁶ Басаргина Е. Ю. Из истории классического образования в России. С. 102.

⁵⁷ Черный Э. В. Греческая грамматика: этимология, синтаксис: учебник для вузов. М., 2008.

по древним языкам в Новочеркасской гимназии – чеха Иосифа Микша⁵⁸. Примечательно, что один из славянских стипендиатов чех Алоис (Алексей) Пóспешил, отработавший в российских гимназиях полвека, образно определил своих коллег как «чехословацкую духовную армию в России», сыгравшую важную роль в просвещении страны⁵⁹.

Жизнь в империи Габсбургов воспитала в славянских стипендиатах педантичность, основательность и дисциплинированность. Из австро-венгерских выходцев получались хорошие администраторы – примерно четверть из них (около 55 человек) дослужилась до должности директора гимназии или прогимназии. Также многие педагоги занимали должности инспекторов в гимназиях, а три стипендиата дослужились до должности инспектора учебного округа (чех Франц Зборил – Петербургского, русины Антон Семенович – Московского и Лев Лопатинский – Кавказского).

Многие славянские стипендиаты (в основном чехи) имели склонность к научной работе и смогли внести свой вклад в развитие российской филологической науки, а также истории и археологии. Ряд чешских учителей-филологов подготовили магистерские и докторские диссертации, а затем перешли на работу в российские вузы. Так, профессорами Харьковского университета стали Иван Нетушил (в 1912–1919 гг. он занимал должность ректора этого вуза), братья Ричард и Викентий Шерцли (последний также был профессором университета в Одессе). Иосиф Шебор служил профессором историко-филологического института в Петербурге. Иван Луньяк являлся профессором трёх российских университетов – Казанского, Московского и Новороссийского. Профессором Нежинского историко-филологического института был Антон Добиаш. Вячеслав Петр был доцентом университета в Киеве и профессором Нежинского историко-филологического института. Алоис (Алексей) Пóспешил служил доцентом университета

⁵⁸ Тахо-Годи А. А. Лосев. М., 2007. С. 17.

⁵⁹ Pospíšil A. Československá duševní armáda na Rusi // Naše zahraničí. 1925. Sv.1–4.

в Киеве. Русин Филипп Дьячан стал профессором Варшавского университета⁶⁰.

Также среди чешских учителей были известные археологи: Викентий Хвойка стал одним из первооткрывателей знаменитой Трипольской культуры и основателей Киевского краеведческого музея, Алоис Кашпар и Владислав Шкорпил занимались раскопками в Крыму, причём последний после завершения педагогической карьеры служил заведующим Керченским археологическим музеем⁶¹.

Следует отметить еще один важный аспект. Учителя-эмигранты, как правило, не прерывали связи с родиной и выступали в качестве посредников в деле развития культурных контактов между славянскими народами Габсбургской монархии и Россией. Так, например, можно указать на такие стороны деятельности словенских учителей-эмигрантов, как составление русско-словенского и словенско-русского словарей (Д. Хостник), перевод произведений выдающихся

русских писателей на словенский язык (Ф. Штифтар), публикации как в словенских, так и в российских газетах и журналах статей, знакомящих с жизнью другого народа, его культурой и т. д. (Л. Лесковец, Ф. Целестин, Ф. Штифтар, М. Хостник, М. Боле и др.)⁶².

Подводя итоги, можно отметить, что приглашённые из Австро-Венгрии учителя внесли несомненный вклад в развитие системы гимназического образования в нашей стране – и как педагоги, и как руководители учебных заведений, и как авторы учебников и учебных пособий. Они удачно адаптировались к новым условиям, стали составной частью многонационального российского учительского сообщества и способствовали развитию российского образования.

⁶⁰ См.: Список лиц, служащих по ведомству министерства народного просвещения. СПб., 1873–1917.

⁶¹ Памятная книжка Киевской губернии на 1905 год. Киев, 1904. С. 144; Пукиш В. С. Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868–2010. Ростов-на-Дону, 2010. С. 284; 175 лет Керченскому музею древности. Керчь, 2001. С. 24.

⁶² Русско-словенские отношения в документах. С. 555–556, 603.

О. В. Павленко

РОССИЯ И АВСТРО-ВЕНГРИЯ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.: ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ

Тема «империи модерна и национализм» неисчерпаема: историки много лет изучают механизмы взаимодействия национальной среды и имперских реалий¹. На рубеже XIX–XX вв. в Российской и Австро-Венгерской империях сложилась во многом схожая ситуация: наряду с формированием общеимперской идентичности складывались и национальные проекты. Между национальными и общеимперскими установками неизбежно возникали острые противоречия.

Сложность исследования этой темы состоит в том, что конфликтная общность органично вписывалась в государственное пространство, а ее внутреннее «единство противоположностей» скреплялось традиционной лояльностью к правящей династии и лично к императору.

Российская и Австро-Венгерская империи во второй половине XIX – начале XX вв. создавали два разных по своей сути проекта государственной идентичности, рассчитанных на многонациональные и многоконфессиональные государства. Однако цель этих проектов была похожа: усиление лояльности подданных к власти и престолу.

Историки о презентации имперской власти России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв.

Исследователи истории и теории национализма считают рубеж XIX–XX вв. апофеозом национализма в Европе². В 1870-е

годы ведущие мировые государства вступают в стадию империализма³. Резкое усиление национал-мессианских идей, расизма и ксенофобии в общественных настроениях и политической риторике стали отличительными признаками переходной эпохи конца XIX – начала XX вв.⁴

Профессор Принстонского университета (США) Э. Джентиле назвал еще одну важную черту этой эпохи: нарастание процесса сакрализации политики европейских империй: «Принцип национального суверенитета, основанный на национализме, стал наиболее универсальной демонстрацией процесса сакрализации политики в современном мире и воспроизвел значительное количество идеологий, культурных и религиозных традиций»⁵.

В книге «Политика как религия» Джентиле проанализировал процесс, который с XVIII в. набирал силу в странах Европы и США. Институты власти постепенно стали присваивать, прямо или опосредованно, элементы традиционных религий. Заимствованные мифы и ценности, символы и ритуалы, получали новые смыслы и вводились в сферу публичной политики. По мнению Джентиле, существовали «гражданская религия» и «политическая религия»; они различались соотношением общественного и государственного начал, а также уровнем развития гражданских свобод. «Гражданская религия», согласно Джентиле, развивалась в политической системе, гарантировавшей плюрализм идей и их свободную конкурен-

¹ Das Gewerbe der Kultur. Kulturwissenschaftliche Analysen zur Geschichte und Identität Oesterreichs in der Moderne. Innsbruck, 2001; Lindström F. Empire and Identity. West Lafayette, Indiana, 2008; Giloi E. Monarchy, Myth, and Material Culture in Germany 1750–1950. Cambridge, 2011.

² Hobsbaum E.J. Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1991. P. 102–111; Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002. С. 166–169.

³ Porter A. European Imperialism, 1860–1914. Studies in European History. London, 1994. P. 2–13.

⁴ Ballhatchet K. Race, Sex and Class under Raj: Imperial Attitudes and Policies and their Critics, 1793–1905. London, 1980; Said W. Edward. Culture and Imperialism. London, 1993.

⁵ Gentile E. Politics as Religion. Princeton, 2006. P. XVIII.

цию в пространстве власти. «Политическая религия», напротив, основывалась на идеологическом монизме, обязательной субординации индивидуального и коллективного. Несмотря на некоторое упрощение, концепция Джентиле содержит важную мысль об общности политических процессов в европейских государствах и качестве развития гражданского общества.

Политика, вторгаясь в пространство религии, имитировала формы массового поклонения, подменяя святыни кодами коллективной идентичности. Религиозные ритуалы и символика постепенно интегрировались государственной идеологией. В обществах, где развивались модернизационные процессы, новой секулярной религией, по сути, становился национализм. В ряде государств Европы и в США под влиянием «культы нации» мифы об исторической миссии своего народа превращались в реальность, все больше вовлекая граждан в «священное служение» нации, отечеству. Для этой цели создавались символы, проводились ритуалы и отмечались праздники. Существует обширная литература, посвященная исследованию функций и символики массовой идентичности индустриальной эпохи⁶. Активно разрабатывался системный проект власти, содержащий ответ на сепаратистские национальные движения в имперских государствах, радикально-демократические настроения интеллигенции и молодежи, социальные противоречия и протестные движения рабочих в промышленных центрах.

⁶ Das Zeitalter Kaiser Franz Josephs. 1880–1914. Glanz und Elend. Wien, 1987; Полосин В. С. Миф, религия, государство. М., 1998; Paullman J. Pomp und Politik. Paderborn, München, Wien, 2000; Захарова О. Власть церемониалов. М., 2003; Kastner R. H. Glanz und Glorie. Wien, 2004; Модерн. Модернизм. Модернизация. М, 2004; Peckham R.S. National Histories, National States. Oxford, 2006; Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начала XX вв. М., 2007; Russlands imperiale Macht. Intergarationsstrategien und Ihre Reichweite in Transnationaler Perspektive. Bonn, 2012.

Для сплочения населения вокруг институтов государственной власти требовались новые «скрепы» – проявления общественного сознания, мобилизационные ресурсы, которые смогли бы объединить разнородные социальные и национальные группы в современную буржуазную нацию во главе с «национальным лидером».

В отечественной историографии давно существует научная школа Ю. М. Лотмана, которая с 1970-х годов разрабатывает тему презентаций власти⁷. Школа Лотмана оказала сильное влияние на зарубежные историко-культурологические исследования, в частности на творчество американского ученого Р. Уортмана.

Уортман в труде «Сценарии власти» рассматривает эволюцию политических мифов и их символическое воплощение в торжествах и праздниках в России от Петра Великого до Николая II. Автор неоднократно подчеркивает мысль о доминировании до конца XIX в. «чужеземной» трактовки русской власти. По мнению Уортмана, «чужеземность» позволяла сохранять сакральную дистанцию между монархом, высшими кругами дворянства, государственной бюрократией, с одной стороны, и народом – с другой. Национальный контекст, по мнению Уортмана, появился в церемониях и ритуалах российской власти в середине XIX в., но оставался на втором плане.

Уортман показывает, что в последние два царствования в России сложилась парадоксальная ситуация: «чтобы соответствовать господствовавшей на Западе доктрине национализма, русская монархия должна была демонстративно преподносить себя

⁷ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Ученые записки Тартутского университета, 1973. Вып. 308. С. 282–307; Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987; Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб., 1996; Черняев Н. И. Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия. М., 1998; Успенский Б. А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.

в качестве противоположности Западу и происходящей из укорененных в народе традиций»⁸. Употребление Уортманом модальной формы «должна была» подчеркивает вынужденность этого действия. Однако Уортман не учел последствий поражения России в Крымской войне и наступившей вслед за ним дипломатической изоляции, которая оказала сильное воздействие на мировоззрение императора Александра II и мир русского двора.

Со второй половины XIX в. в России началась постепенная, но неизбежная девальвация Запада как референтной модели для самодержавия, что выразилось в усилении «исконности» и «русскости» в имперской идеологии. Поставленная Уортманом проблема политических технологий самодержавия и отмеченный им поворот от династического сценария к национальным основам, характерный для царствований Александра III и Николая II, вызвали дискуссии в научном сообществе. Масштабная панорама смены смысловых кодов в пространстве российской власти нуждалась в дальнейшей детализации и в концептуальном осмыслении.

В работах историков и политологов Д. А. Андреева, А. М. Семенова, М. В. Долбилова реконструировались сценарии презентации власти на основе анализа политических интересов и ресурсов влияния, которыми обладали два последних русских царя. Долбилов обнаружил нараставший конфликт двух самостоятельных политических сценариев – самодержавного и бюрократического. В течение своей трехсотлетней истории дом Романовых, пытаясь сделать эффективным государственный аппарат управления, передавал высшей бюрократии часть верховных полномочий. Бюрократическая элита постепенно превратилась в самодостаточный субъект политического

процесса. Бюрократия контролировала все большее политическое пространство и разрабатывала свои представления о верховной власти. В соответствии с собственными интересами она формировала образ самодержца и транслировала этот образ народу. Анализируя исследование Уортмана, Долбилов сформулировал тезис (впрочем, весьма спорный), что «самодержавие, по крайней мере, за несколько лет до отречения Николая II перестало существовать как институт, уступив место некоей предельно персонализированной властной сущности»⁹.

Произошедшая на рубеже XIX–XX вв. переориентация первоначально предназначенного для элиты династического сценария на народ объясняется стремлением императорского престола противопоставить амбициям бюрократии массовую народную поддержку самодержавия. Узел дискуссии завязался вокруг проблемы соотношения самодержавной власти и ее бюрократического воплощения, вокруг изменений в государственном управлении и новаций в пропаганде монархизма.

А. М. Семенов считает, что «антагонизм монархии и бюрократии» был вызван попытками Николая II вернуться к политическим моделям и образам XVII в., которые «исключали бюрократию как часть позднего европейского заимствования»¹⁰. Д. А. Андреев предлагает иной ракурс темы. Обращение к символам XVII в., свойственное последнему русскому царю, было, по мнению историка, ответной реакцией на экспансию бюрократии «в сферу суверенитета верховной власти». Это заставило самодержавие искать «политическое убежище» как

⁹ Dolbilov M. The Political Mythology of Autocracy. Scenarios of Power and the Role of the Autocrat/ Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. Bloomington, Indiana. 2001. № 2 (4). P. 788, 794–795; Wortman R. Replay to Mikhail Dolbilov / Ibid.

¹⁰ Семенов А. М. «Заметки на полях» книги Ричарда Уортмана «Сценарии власти: миф и церемония в истории русской монархии» // *Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*. 2000. № 2. С. 296.

⁸ Wortman R. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. V.1, New York, 1995; V.2, New York, 2000; Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т.1: от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.

в мифологии допетровской России, так и в «доверительных беседах с ближайшими неформальными советниками». Проводимая государственной бюрократией вестернизация «маскировала несовместимость самодержавия и модернизации». Когда же в сценарии власти обозначился разворот в сторону «национально ориентированных ценностей», стала очевидной несовместимость модернизационной среды с основами самодержавия¹¹.

Продолжением изысканий в русле новой культурной истории стали статьи О. Е. Майоровой, содержащие тонкие наблюдения о политической символике эпохи Александра II. Исследователь проанализировала стилистику празднования Тысячелетия России в Новгороде в 1862 г. и Славянского съезда в России в 1867 г. О. Майорова пришла к выводу: «противопоставление метафор в оформлении московского и новгородского праздников, их внутренняя полемика – это не только оппозиция разных моделей прошлого, это еще и противостояние двух проектов национального строительства. Народный нарратив выстраивался как оппозиция династическому и имперскому»¹². Стоило бы, на наш взгляд, отметить не дихотомию «национальное – имперское», а скорее синтез двух прежде исключавших друг друга позиций.

Дискуссии о динамике и качестве государственного и общественно-политического развития в России перекликаются с историографическими позициями, которые сформировались за последние 20 лет в изучении монархии Габсбургов. Ранее среди специалистов преобладало мнение, что имперское пространство Австро-Венгрии формировалось на основе конфликтного развития этических и религиозных общностей, политических партий и торгово-промышленных

¹¹ Андреев Д. А. Размышления американского историка о «сценариях власти» в царской России // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 114–115.

¹² Майорова О. Е. Бессмертный Рюрик. Празднование Тысячелетия России в 1862 году // Новое литературное обозрение. 2000. № 43; ее же. Славянский съезд 1867 года: метафорика торжества // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 95.

групп. Однако благодаря трудам представителей историко-культурологической школы академика М. Чаки (Австрия), исследованиям Д. Бойера, Д. Л. Уновски, Л. Хебелта, Т. Миллс Келли, Д. Кинга, И. Малиржа картина жизни Австро-Венгрии стала выглядеть более яркой и реалистичной¹³.

Современный российский историк А. Н. Боханов определяет режим царствования Николая II как «монархический авторитаризм», исторические возможности которого на рубеже XIX–XX вв. иссякали. Социальная динамика общества и неизбежная радикализация общественных умонастроений требовала «быстрых, оперативных решений, развития полицентризма и инициативы снизу. А это вступало в принципиальное противоречие со сложившейся практикой, возможностями самодержавной системы, жизнестойкостью империи»¹⁴. Непонятно, почему потребовалось заменять традиционное понятие «самодержавие» на «авторитаризм» – термин, более подходящий для описания политических кризисов индустриального общества XX века. Но заслуживает особого внимания поставленная А. Н. Бохановым проблема двойственного положения русского самодержавия на рубеже XIX–XX вв. В аналогичном двойственном положении находился и в это время и режим Австро-Венгерской «двуединой» монархии.

Санкт-Петербург и Вена: династический миф

Какими способами осуществлялось оказывающее магическое воздействие на подданных явление имперской власти народу? Как шло «политическое кодирование» общества? Как разрабатывались сценарии юбилейных торжеств, реализовывались призванные прославить императора монументальные проекты, открывались музеи и выставки имперского масштаба, осуществлялись другие подобные акции, имевшие

¹³ Павленко О. В. Зарубежная историография монархии Габсбургов // Новая и новейшая история. 2013. № 3.

¹⁴ Боханов А. Н. Император Николай II. М., 2001. С. 150, 148.

широкий общественный резонанс? Какие смыслы и предписанные эмоции закладывались в имперские и династические презентации власти? Поиск ответов на эти вопросы позволяет приблизиться к пониманию феномена имперской политической культуры и способов конструирования национальной идентичности.

Воображаемое историческое пространство Российской и Австро-Венгерской империй представляло собой совокупность мифов, внутренних и внешних образов, традиций, пронизанных патриотическими, героическими и божественными смыслами, освещавшими престол и династию. В обеих империях в конце XIX – начале XX вв. существенно менялась идеологическая трактовка символов государственной власти, в частности династического мифа. Прежние представления об универсальной природе единоличной власти и божественном предопределении монарха, уходили в прошлое, уступая место идеям об «исконном», народном происхождении правящей династии, ее естественной (по «земле и крови») прямой связи с народом-нацией.

Династический миф, складывавшийся веками, был опорной конструкцией системы имперской идеологии. Сакральный собирательный образ монарха, помазанника Божьего, в каждое царствование дополнялся персональными чертами правителя. Этот образ был олицетворением государственной истории империи, символом ее прошлого и настоящего. На основе династического мифа формировался определенный «канон власти», в соответствии с которым происходило ее ежедневное действие. Мифологическая трактовка реальных событий и явлений, вписанная в имперский нарратив, представляла официально одобренный образ монарха, призванный вызывать воодушевление и преклонение подданных.

В Австро-Венгрии национальные и политические конфликты разворачивались на фоне развитой и многомерной политической культуры «двуединой» монархии. Важнейшей частью этой культуры была ло-

яльность императору Францу Иосифу подданных разных национальностей, религий и социальных групп. Удивительный феномен народной любви к престарелому императору исследуется на многочисленных примерах публичных торжеств и исторических юбилеев, которыми была так насыщена повседневность Дунайской монархии в позднюю эпоху¹⁵.

Естественно, государство стремилось максимально поддерживать и развивать чувства патриотизма и лояльности подданных к имперской власти, даже если они приобретали такие экзотичные формы, как полуметровый шоколадный бюст Франца Иосифа, изготовленный во Львове в 1908 г. в честь 60-летнего пребывания кайзера на троне. Однако личность австро-венгерского императора – не самый удачный пример харизматического лидера: император Франц Иосиф, как и царь Николай II, не отличался высоким интеллектом, харизмой и ораторским даром. Но простых людей трогала старомодная воспитанность кайзера, его добропорядочность, колоссальная работоспособность и скромность, доходившая до аскетизма.

Сложился образ Франца Иосифа – императора на службе своему отечеству и народу, человека простого, честного и доступного для подданных. Его открытая нелюбовь к роскоши и отсутствие влиятельных фаворитов (долговременный роман с актрисой Катериной Шратт никак не влиял на политику) встречали понимание в обществе. Особое сочувствие вызывала череда трагедий в семье императора. Смерть маленькой дочери, убийство в Мексике брата Максимилиана, самоубийство единственного сына Рудольфа, убийство жены императрицы Элизабет в Женеве, наконец, сараевское убийство

¹⁵ Boyer J. Political Radicalism in Late Imperial Vienna. Origins of the Christian Social Movement. 1848–1897. Chicago, 1981; Grossegger E. Der Kaiser Huldigungs Festzug. Wien, 1992; Commemorations: the Politics of National Identity. Princeton, 1994; Unowsky D.L. The Pomp and Politics of Patriotism. Imperial Celebrations in Habsburg Austria 1848–1916. Indiana (USA), 2005.

его племянника, наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги. Фотохудожники нередко изображали на открытках императора коленапреклоненным в молитве, над которым витали образы его трагически погибших родных.

Истоки всеобщей лояльности к императору в стране, разрываемой национальными конфликтами, исследователи видят в длительности правления Франца Иосифа (с 1848 по 1916 гг.). Смерть императора в 1916 г. означала не только окончание «эпохи Франца Иосифа», но и закат многонациональной монархии Габсбургов. Под скипетром Франца Иосифа родились три поколения австрийцев. Его гибкая династическая политика позволила консервативному дому Габсбургов с истинно царственным достоинством принять неизбежные перемены и во многом соответствовать вызовам времени. Конечно, Франц Иосиф действовал в пределах допустимых компромиссов, на которые он был готов пойти. Историк Д. Уновски (США) в книге «Помпа и политика патриотизма» так объясняет феномен народной популярности престарелого монарха: «Имперские праздники в конституционную эпоху пытались отделить Франца Иосифа от политических столкновений и ассоциировать его, несмотря на то что он сам управлял государством, с конкретными улучшениями в жизни населения. Придворные церемонии игнорировали специфические исторические события, но рисовали Франца Иосифа как Отца Народов»¹⁶.

Отметим, что в «Первой Всеобщей переписи населения Российской империи», утвержденной 5 июня 1895 г. пункт 14 определял «занятие, ремесло, промысел или службу» и имел два раздела – «главное, то есть то, которое доставляет главные средства для существования» и «побочное или вспомогательное». Николай II, отвечая на вопросы анкеты, оставил лишь одно слово «главное», остальное собственноручно зачеркнул и приписал «Хозяин земли Русской». В графе о побочных занятиях отметил: «Землевладе-

лец». От имени императрицы Александры Федоровны царь записал: «Хозяйка земли Русской», из побочных занятий – «попечительница Домов Трудолюбия»¹⁷.

Так формировались два образа династического мифа – «Отец Народов» и «Хозяин Земли Русской». В них были заложены разные императивы. Австрийский кайзер выступал в образе собирателя всех народов Австро-Венгрии под свою «отеческую опеку». Династический патернализм формировал главную идею Габсбургского престола в позднюю эпоху. Император выше всех национальных амбиций, выше политических предпочтений, сословной иерархии, выше государственной бюрократии и армии; он над всеми, но всех готов понять и за всех радуется, всех любит отцовской любовью и за всех в ответе. Пожалуй, это была единственно возможная формула монархической власти в конституционном государстве с развитой парламентской системой. В отличие от австро-венгерского опыта понимание высшей власти в России означало полное ее сосредоточение в руках императора. В этом смысле Россия была гораздо больше империей, чем конституционная, разделенная на две полуавтономные части Австро-Венгрия.

После дипломатических побед в начале XIX в. имперская экспансия Австрии стала затухать. В середине XIX в. были потеряны итальянские владения Ломбардия и Венеция. Затем последовало унижающее поражение в австро-прусской войне 1866 г. Оккупация Боснии и Герцеговины, на которую Вена решилась дважды в 1878 г. и в 1908 г., так и не превратилась в триумф Франца Иосифа, хотя и была приурочена к юбилеям его царствования – скорее наоборот, она стала источником серьезных дипломатических осложнений. Постепенную утрату геополитических ресурсов Австро-Венгрия компенсировала сближением и тесным сотрудничеством с Германией. Союз Габсбургов с мощной и агрессивной милитаристской империей Го-

¹⁶ Unowsky D. L. Op. cit. P. 182.

¹⁷ Ирошников М., Процай Л., Шелаев Ю. Николай II. Последний российский император. СПб., 1992. С. 242–243.

генцоллернов помогал восполнить нехватку собственных побед и территориальных приобретений. Чем меньше оставалось у Франца Иосифа реальных ресурсов влияния внутри монархии и в европейской политике, тем помпезнее и масштабнее становились массовые торжества, прославляющие лично императора и величие Австро-Венгрии.

В отличие от Австро-Венгрии историческое развитие России осуществлялась путем последовательной военно-политической, хозяйственной и культурно-просветительской экспансии, в результате которой создавалось гигантское евразийское государство с особой геополитической идентичностью. Даже в условиях дипломатической изоляции на Западе после Крымской войны Россия продолжила свое продвижение в Среднюю Азию. Вторая половина XIX – начало XX вв. прошли под знаком «похода на Восток»¹⁸. Накануне Первой мировой войны страна находилась на взлете своего развития, обладая серьезным геополитическим, экономическим, демографическим потенциалом¹⁹. В состав России входили регионы, сильно отличавшиеся от монархии Габсбургов уровнем общественного развития. Но центр обладал достаточными ресурсами для создания унитарной государственной системы, способной удерживать национальные территории под своим контролем.

Русский этатизм, монолитный по своей сути, был ориентирован на государственное пространство, скрепленное единым монархическим принципом власти. Понятие «народность» в триаде российской державности («православие – самодержавие – народность») было приближено по смыслу к пониманию того, что есть «единый государственный русский народ». «Народность» в предписании министерства народного просвещения от 1847 г. определялась так: «На-

родность наша состоит в беспредельной преданности и повиновении Самодержавию»²⁰. Этот принцип консервативной государственной идеологии в эпоху поздней империи неоднократно корректировался, но суть власти оставалась неизменной – персонифицированное политическое лидерство царя, обладавшего неограниченным ресурсом управления страной.

Этим Россия существенно отличалась от Австро-Венгрии, в которой формы парламентского представительства медленно, но неуклонно развивались. В 1882 г. пошаговая демократизация монархии Габсбургов могла бы существенно снизить остроту национальных конфликтов. Но новые элиты не были склонны к поиску компромиссов – они стремились к достижению собственных интересов. Все попытки найти общую платформу, выработать единую стратегию наталкивались на непреодолимые национальные амбиции, взаимные претензии и недоверие сторон. Их политическая агитация и действия лишь усиливали общую конфронтацию, в частности в парламенте. К 1905 г. император уже исчерпал ресурсы для поиска компромиссов с либеральными силами и национальными демократами. Франц Иосиф не верил в федерализм как принцип реформирования политической системы, опасаясь, что любые крупные нововведения разрушат и без того хрупкое равновесие между двумя частями империи – Австрией и Венгрией, а также между центрами власти – Венной и Будапештом, с одной стороны, и национальными провинциями – с другой²¹.

Половинчатый парламентаризм Австро-Венгрии и отстававший от него почти на полвека конституционализм в России, больше имитационный, чем реальный, все же свидетельствуют о развитии граждан-

¹⁸Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.

¹⁹Россия накануне Первой мировой войны: статистико-документальный справочник. М., 2008. С. 15–35; Никонов В. Крушение России. 1917. М., 2011. С. 32–52.

²⁰Циркуляр министра народного просвещения от 30 мая 1847 г. // Русский Архив. 1892. № 7. С. 336; Записки и дневник А. В. Никитенко. М., 1893. Т. 1. С. 488–489.

²¹Rumpler H. Eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie // Österreichische Geschichte 1804–1914. Wien, 1997. S. 272.

ского общества в обеих империях. Причем в Австро-Венгрии гражданская активность и ответственность, закреплённые парламентской практикой, были гораздо сильнее развиты, чем в России. Но к началу XX в. в России активно создавались добровольные общественные ассоциации, которые стали своеобразной школой гражданского самоуправления. Правда, отношение самодержавия к ним было противоречивым. С одной стороны, власть поощряла общественные инициативы, понимая важную роль самоуправления, с другой – опасалась потерять свое могущество и контроль над обществом²². Таким образом, обе монархии дрейфовали в сторону политической модернизации, хотя и с различной скоростью. В России неразвитость политико-правовой жизни и слабость среднего класса компенсировались патерналистским могуществом самодержавия и государственной бюрократии. В Австро-Венгрии гражданская активность трансформировалась в борьбу за национальные права и приоритеты. В этом заключалась одновременно сила и слабость политической модернизации в обеих монархиях. Рассмотрим российский и австро-венгерский опыты конструирования государственной идентичности и сравним их ключевые смыслы.

Россия: от «имперской династии» к «народно-монархической власти»

В царствование Николая I историческая традиция трактовала основание государства в соответствии с норманнской (или варяжской) теорией. Династический миф, высочайше одобренный и распространенный в обществе, строился на основе двух легенд – божественном предопределении государственной власти и ее востребованности местным населением. Не завоевание, а именно «призвание варягов» придавало государственным началам мессианский смысл. Династия, демонстрируя приверженность западной имперской традиции,

²² Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 290–292.

предпочитала цивилизаторскую трактовку своего «пришествия» в русские земли. Мифологизация образа Рюрика и включение его в генеалогию дома Романовых на правах праоснователя формировали универсальный, надэтнический, «олимпийский» образ самодержавной власти и проводили историческую преемственность между Рюриковичами и Романовыми²³. Легенда основания играла определяющую роль в структуре династического мифа. Намеренное увеличение исторической и генеалогической протяженности и преемственности власти на основе династических мифов служило дополнительным подтверждением права правящей династии на престол.

В октябре 1854 г. под влиянием поражений в Крымской войне Вел. Кн. Александр Николаевич (будущий император Александр II) признавался, что «мы не проявили достаточно национального эгоизма, но обстоятельства толкнули нас на правильный путь и доказали, до какой степени ложна и опасна наша политическая программа»²⁴. «Национальный эгоизм» противопоставлялся прежнему имперскому наднациональному образу власти. В 1856 г. в начале царствования Александра II по высочайшему указу началась реконструкция городской усадьбы бояр Юрьевых-Романовых в Москве. Считалось, что здесь родился Михаил Федорович, первый царь из династии Романовых. Создание первого в России династического музея находилось под личным контролем императора: тем самым утверждалась идея исконности происхождения правящей династии.

Присутствие императора и августейшей семьи на торжественных церемониях начала реставрационных работ и открытия музея «Дом бояр Романовых» (27 августа 1859 г.) свидетельствовало о государственном зна-

²³ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 1–3. М., 1846; см. также: Павленко Н. И. Михаил Погодин. М., 2003. С. 110–126.

²⁴ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990. С. 75–76.

чении музея. При закладке фундамента музея царь и члены его семьи положили в землю золотые и серебряные монеты чеканки 1856 г. – даты коронации и 1858 г. – начала реставрации усадьбы Юрьевых-Романовых а также монеты времен царя Михаила Федоровича²⁵. Это была первая попытка осмысления нового национального проекта власти, трансляция династического мифа от Рюриковичей к Романовым, от чужеземности к русскости.

Появление «Дома бояр Романовых» с его древнерусским убранством, старинными семейными реликвиями отражало поиск нового, исконно русского, славянского образа верховной власти. В 1860–1870-е годы стала пропагандироваться всеславянская общность. Волны сочувствия к «единоверным и единокровным» братьям-славянам на Балканах и в Австро-Венгрии поднимались в России во время Славянского съезда 1867 г. и русско-турецких войн. Это была часть нового государственного проекта национальной имперской идентичности – единства династии и народа на основе «крови и почвы», в который был включен всеславянский компонент.

В отчете министерства иностранных дел России за 1866 г. говорилось, что Россия должна взять на себя «моральное руководство» славянскими движениями, чтобы «использовать в этих целях влияние, по справедливости принадлежащее России в силу ее традиций, географического положения и ее законных интересов таким образом, чтобы исполнить нашу историческую миссию на Востоке»²⁶. Для доказательства права России «законно выражать» интересы славян важно было усилить общественные представления о России как общей «славянской метрополии», «центре славянского мира».

Пропаганда создавала новый русско-славянский образ самодержавной власти. Стала востребованной старая славяно-

фильская формула: «русское» может быть понято только через «славянское», а «славянское» – через «русское»²⁷.

«Возвращение к истокам», которое начала демонстрировать Российская империя в последней трети XIX в., отражалось в создании первого в России исторического музея, экспозиция которого иллюстрировала официальную историю Российского государства. Концепция музея была сформулирована академиком К. Н. Бестужевым-Рюминым: «Народ, желающий быть великим народом, должен знать свою историю... велик тот народ, который ясно сознает свое историческое призвание... Музей – одно из самых могущественных средств к достижению народного самосознания – высшей цели исторической науки»²⁸.

Открытие Императорского Российского Исторического музея было приурочено к коронации Александра III в 1883 г. История Российской империи, представленная в залах музея в хронологическо-тематическом порядке, имела выраженный централизаторский контекст. Государственный музейный проект презентовал официальную имперскую концепцию истории российской государственности, окончательно закреплял национальный исконный образ дома Романовых. Русскость и православие Романовых подчеркивались экспонатами музея. Династия Романовых представала как спасительница России в Смутное время и в эпоху наполеоновских войн, созидательница государства, защитница и покровительница подданных, независимо от происхождения и вероисповедания.

Монументальное строительство имперских доминант – соборов, музеев, памятников – с печатью русской исконности усилилось в царствование Александра III и Николая II. Тяготение к древнерусскому стилю, народным началам, которое демонстри-

²⁵ Фролов А. И. Московские музеи. М., 1999. С. 134–136.

²⁶ Никитин С. А. Очерки по истории южных и западных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX века. М., 1970. С. 150–151.

²⁷ Pavlenko O. Rußland und die Donauslaven (1848 bis 1871) // Der Austroslavismus. Wien; Köln; Weimar, 1996. S. 156–178; Павленко О. В. Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–61.

²⁸ Фролов А. И. Указ. соч. С. 140.

ровала государственная власть в конце XIX – начале XX вв., во многом было вызвано охранительной реакцией на радикальные настроения и секуляризацию общественного сознания, неизбежно сопровождавшие процессы проходившей в стране модернизации.

Австро-Венгрия: ритуалы власти в эпоху Франца Иосифа

Подобно тому, как российское самодержавие демонстрировало свою нерасторжимую связь с православием, династия Габсбургов традиционно была связана тесными узами с Римской католической церковью. Со Средневековья, когда Габсбурги доминировали в Священной Римской империи германской нации, сложились особые ритуалы власти, в которых принимали участие иезуиты, капуцины, кармелиты и другие католические ордена. Если дом Романовых выступал главным защитником православия, то династия Габсбургов стремилась утвердить свою роль патронов католицизма в Европе. Австро-турецкие войны и победа над турками Евгения Савойского закрепили этот образ в исторической памяти, воплотив его в многочисленных памятниках, скульптурах и эпических художественных полотнах. Проводилась мысль о том, что именно Габсбурги – спасители католического мира от турецкого завоевания и истинные ревнители христианской веры²⁹.

В первой трети XIX в. произошло изменение габсбургской династической традиции. При поддержке канцлера К. Меттерниха было опубликовано 8-томное издание истории дома Габсбургов, написанное князем Лихновским, который пересмотрел прежние легенды, в частности происхождение династии от римских аристократических родов Колоннов и Пирлеонов или от эльзасского герцога Этихо. Выдвигалась

²⁹ Vocolka K. *Glanz und Untergang der höfischen Welt. Repräsentation, Reform, und Reaktion im habsburgischen Vielvölkerstaat*. Wien, 2001. S. 185–235; MacHardy K. J. *War, Religion and Court Patronage in Habsburg Austria // The Social and Cultural Dimensions of Political Interaction*. New York, 2003. P. 30–49.

новая легенда о первых могущественных предках, бывших якобы доверенными лицами династии Каролингов в X–XI вв. Отсутствие источников не являлось препятствием для констатации древнего происхождения Габсбургов. Основной акцент делался на деятельном участии династии в основании Священной Римской империи германской нации³⁰.

Старинные ритуалы, демонстрировавшие единство церкви и династии, свято соблюдались на протяжении столетий. Некоторые из них дожили до времен Франца Иосифа. В чистый четверг накануне Пасхи придворные священники выбирали 12 стариков из бедных семей, привозили их в Вену в императорскую резиденцию Хоффбург. В торжественном зале для придворных церемоний Франц Иосиф под пение псалмов и чтение Евангелия омывал беднякам ноги. Это было символическим напоминанием о последних днях земной жизни Христа, когда он омыл ноги своим ученикам перед пасхальным застольем. Ритуал воспроизводил божественную персонификацию императорской власти, когда кайзер повторял символические действия Христа, полные христианского смирения и общечеловеческого смысла.

В первые годы царствования Франца Иосифа произошла не только реформа двора, но и пересмотр некоторых церемоний. В 1849 г. он ограничил празднование своего дня рождения 18 августа только службой в придворной часовне, военным парадом и артиллерийским салютом. Первоначально никаких массовых празднеств и шествий не предполагалось. Но с 1850-х годов стал изменяться формат и контекст торжеств, связанных с правящим домом. День рождения императора превратился в грандиозный массовый праздник, в котором придворный этикет и строгий порядок католических шествий растворился в массовой культуре на-

³⁰ Wandruszka A. *Das Haus Habsburg. Die Geschichte einer europäischen Dynastie*. Wien, 1978; Magris C. *Der Habsburgische Mythos in der Österreichischen Literatur*. Salzburg, 1988. S. 43–55.

родных праздников-фестивалей, уходящих корнями в Средневековье. Каждый год 18 августа с 4-30 утра во всех городах и деревнях империи гремели бравурные военные марши. Празднично одетые люди заполняли улицы и перетекали в костелы, церкви, мечети и синагоги. В храмах и моленных домах всех конфессий верующие молились за здоровье и благоденствие императора и дома Габсбургов. Служители разных культов должны были демонстрировать лояльность и патриотизм, воспевая императора и его власть. Государственный гимн «Господь, сохрани» исполнялся не только на немецком, но и на чешском, польском, венгерском, украинском, еврейском и других языках монархии³¹.

Если в начале царствования Франца Иосифа во время императорских торжеств не было принято публично выражать энтузиазм, то во второй половине XIX в. вся государственная пропаганда была направлена на возбуждение патриотических чувств верноподданных. Газеты публиковали имена людей и названия предприятий, пожертвовавших средства на организацию династических торжеств. Акт жертвования денег был публичным, он приравнивался к гражданскому долгу, хотя и оставался добровольным³².

Действовавший с 1852 г. закон, запрещавший критику и сатиру в адрес императора, был воспроизведен в статье 63 Конституции Австро-Венгрии 1867 г. Контроль над «династической литературой» осуществляло императорско-королевское министерство религии и образования. Оно же организовывало системное патриотическое воспитание во всех школах западной части монархии. Учителям предписывалось обсуждать с учениками патриотическую литературу, ставить со школьниками инсценировки, воспевающие подвиги Габсбургов.

³¹ Fugger N. Im Glanz der Kaizerzeit. Wien, 1932. S. 53–77.

³² Blöchl A. Die Kaiser Gedankentage. Die Feste und Feiern zu den Regierungsjubiläen und runden Geburtstagen Kaiser Franz Josephs // Der Kampf um das Gedächtnis. Öffentliche Gedenktage in Mitteleuropa. Wien, 1997. S. 25–38.

Министерство особо поощряло литераторов, которые пользовались репутацией «профессиональных патриотов». За большие гонорары им заказывались книги для учителей и учебники. Эта группа писателей имела приоритетное право описывать в восторженных тонах династические юбилеи и придворные торжества³³. Самым известным автором такого рода педагогической литературы был Л. Смолле: с 1880 по 1908 гг. он создал серию книг для детей и юношества под общим названием «О нашем императоре». Читая поучительные новеллы о детстве и юности Франца Иосифа, его добродетельных поступках, справедливости и мужестве, юноши и девушки проникались сознанием того, что государь император – это «лучший из лучших». В сознание подданных внедрялась мысль, что Франц Иосиф всегда готов прийти на помощь, особенно к бедным и страждущим. Такого рода литература переводилась на все языки народов Австро-Венгрии и издавалась огромными тиражами. Центральное место отводилось официальной трактовке «собрания» славянских земель вокруг престола Габсбургов. В сочинениях «профессиональных патриотов» подчеркивалось, что слабые и беспомощные славяне никогда не смогли бы выжить, если бы их не взяла под свой скипетр династия Габсбургов. Вся история и государственная сущность Австро-Венгрии была основана на идее гармоничного мирного сосуществования разных народов, объединенных общей династией и одним для всех императором³⁴.

Франц Иосиф лично контролировал учреждение новых орденов в честь императоров Габсбургского дома за верную службу государству и династии. Количество орденов, так же как и списки награжденных особенно увеличились на рубеже XIX–XX вв. Ордена-

³³ Unowsky D.L. Op. cit. P. 129.

³⁴ Smolle L. Kaiser Joseph II. Fuer das Volk und die Jugend Oesterreich. Wien, 1880; idem. Das Buch von unserem Kaiser. Wien, 1888; idem. Fuenf Jahrzehnte auf Habsburgs Throne. Wien, 1898; idem. Unserer Kaiser. Sein Leben und Wirken der Jugend erzahlt. Wien, 1908.

ми св. Штефана, Марии-Терезии, Леопольда, Железного креста, Франца Иосифа, императрицы Элизабет были отмечены заслуги представителей государственной бюрократии – как штатской, так и военной. В честь 50-летия правления Франца Иосифа для гражданских и военных чинов было заказано 7 395 юбилейных медалей «За безупречную службу»³⁵.

Современный австрийский ученый В. Телеско исследует формы воплощения «общей государственной идеи» в произведениях изобразительного искусства, архитектуре, памятниках, топонимике городов и улиц, поздравительных и видовых открытках, декоративных орнаментах вокзалов и опер. Через визуальные формы городской архитектуры закладывались коды коллективной идентичности. Это был государственный заказ, направленный на углубление чувств лояльности и патриотизма среди подданных³⁶.

Примером воплощения этого государственного заказа могут служить торжества в Вене 24 апреля 1888 г. по случаю открытия церкви святого Вотива, построенной в честь чудесного спасения Франца Иосифа от покушения 1853 г. Когда прибывшую на церемонию открытия храма императорскую семью приветствовала восторженная толпа, впервые в Вене загорелись гирлянды электрических лампочек; об «электрическом эффекте» этого праздника писали по всей империи³⁷.

Воспитание «государственного патриотизма» в Австро-Венгрии нередко приводило к столкновению противоположных идеологических веяний и национальным конфликтам. Так, в 1888 г. в канун 170-летия Марии Терезы в центре Вены напро-

³⁵ Unowsky D.L. Op. cit. S.103.

³⁶ Barock. Ein Ort des Gedächtnisses. Interpretament der Moderne/ Postmoderne. Wien; Koeln; Weimar, 2007; Telesko W. Kulturraum Oesterreich. Die Identitaeten der Regionen in der bildenden Kunst des 19. Jahrhunderts. Wien; Koeln; Weimar, 2008. S. 632.

³⁷ Springer E. Geschichte und Kulturleben der Wiener Ringstrasse. Wiesbaden, 1979. S. 519.

тив императорской резиденции Хоффбург был торжественно открыт памятник этой императрице, по обеим сторонам которого сооружены императорские музеи – естественнонаучный и художественный. Мария Тереза предстает как мать государства, покровительница искусств и прогресса. Ее окружают статуи советников и полководцев, мыслителей, ученых, художников, символизирующих объединительную силу «австрийства». Но факт открытия памятника Марии Терезе, которая противостояла прусским гегемонистским устремлениям, вызвал негодование в среде австрийских пангерманистов, выступавших за тесное сближение между Австро-Венгрией и Вторым германским рейхом. В знак протеста пангерманисты организовали шествие у памятника, распевали песни, призывавшие к объединению всех немцев³⁸.

В отличие от династии Романовых или Гогенцоллернов, во второй половине XIX в. усиливавших в государственной идеологии и публичных презентациях власти идею гегемонии титульной нации, Габсбурги не могли себе позволить выступать как немецкая или австро-немецкая династия. Император Франц Иосиф олицетворял собой историческую правящую династию, символ государственного единства. Именно имперский образ власти не допускал проникновения в ее символическое пространство националистических идей. Культ австрийского «общего дома» создавал основу, столь необходимую для государства, разрываемого национальными противоречиями.

Создание дуалистической политической системы в 1867 г. нанесло серьезный удар по системе единых общегосударственных ценностей. Если в Цислейтании, объединившей австрийскую часть – Галицию, Буковину, Богемию, Моравию, австрийскую Силезию, небольшую часть северной Италии, а также коронные альпийские владения Габсбургов, – власть императора презентовалась обществу как наднациональная и объединительная, то в венгерской Транс-

³⁸ Das Vaterland. 18.V.1888. S. 1.

лейтании ситуация была иной. Венгерская элита предпочитала воспринимать Франца Иосифа прежде всего как венгерского короля, нередко относилась к общегосударственным торжествам в Цислейтании подчеркнуто холодно, иногда даже игнорируя их³⁹.

Вторая половина XIX – начало XX вв. в Европе прошли под знаком общегосударственных и национальных выставок. Они знаменовали собой достижения наций в индустрии, культуре, государственном строительстве, были своего рода визуальным отражением прогресса и конкуренции между государствами. По сути, именно выставки – мировые, европейские, региональные, общегосударственные, национальные – стали своего рода символом эпохи промышленного капитализма и самоутверждения наций. Неудивительно, что вокруг выставок происходили острые национальные столкновения. Когда Франц Иосиф посетил выставку в Праге в 1891 г., которую бойкотировали богемские немцы, то он не преминул также нанести визит в Рейхенберг – город, где доминировала немецкая община. В 1894 г. на галицийской выставке остро столкнулись интересы поляков и русинов. В 1896 г. на выставке в Будапеште представители хорватов, румын и сербов демонстративно жгли венгерские флаги, подписывали петиции протеста и призывали к бойкоту выставки. Для Франца Иосифа было необходимо балансировать между вспыхивавшими очагами национальных конфликтов и не позволять втягивать в них высшую власть.

В Австро-Венгрии образ «народного императора» воспроизводился в сценариях всех общегосударственных торжеств и содержал три основные темы: 1) историческая и политическая легитимность; 2) социальная забота о бедных и малоимущих; 3) наднациональный, общеавстрийский характер

³⁹ Gerö A. Francis Joseph, King of the Hungarians. New York, 2001; Urbanitsch P. Pluralist Myth and Nationalist Realities: the Dynastic Myth of the Habsburg Monarchy – a Futile Exercise in the Creation of Identity? // Austrian History Yearbook. 2004. № 35.

власти⁴⁰. Император, будучи ревностным католиком, не только посещал, но и принимал участие в религиозных церемониях всех религий и конфессий – православной, григорианской, униатской, мусульманской (после присоединения Боснии и Герцеговины). Конституция 1867 г. уравнила в гражданских правах евреев. Франц Иосиф стал посещать синагоги. Верховная государственная власть подчеркивала равенство перед императором всех национальностей, религий и конфессий. Габсбурги стремились к межнациональному и межконфессиональному согласию. В основе модели коллективной идентичности, которую пыталась сконструировать власть, лежало представление об исторической общеавстрийской общности всех наций, языков, конфессий и территорий монархии Габсбургов.

Австро-Венгрия: династические торжества как общенациональные праздники

В 1888, 1898, 1908 гг. широко отмечались круглые даты правления Франца Иосифа. Если сорокалетний юбилей восшествия кайзера на престол монархия отмечала скромно, то в 1898 г. была развернута масштабная подготовка к 50-летию правления Франца Иосифа. Накануне юбилея развернулась дискуссия по сценарию «живых картин» из истории империи. Каждая из 17 картин посвящалась определенному историческому событию. Проект обсуждался министром иностранных дел, министром-президентом Цислейтании и другими высшими сановниками. Первоначальный сценарий был отвергнут под предлогом, что в нем недостаточно ярко показано величие династии для народов Австро-Венгрии и Европы в целом. Недовольство вызвала картина «Апофеоз», в которой демонстрировался императорский дворец и панорама новой Вены после реконструкции города. Сценарий был подвергнут значительной переработке: «живые картины» стали еще сильнее воспевать подвиги Габсбургов, а в «Апофеозе» помпезно воспроизводилось единство и гармония народов империи. В центре картины возвышалось изображение

⁴⁰ Grossegger E. Op. cit. S. 1–10.

Франца Иосифа – «великодушного отца всех народов» и «главного покровителя искусства, культуры и индустрии»⁴¹.

Столь пристальное внимание к стилистике и содержанию династических торжеств объяснялось тем, что к концу XIX в. в парламенте Цислейтании нарастало напряжение между федералистами и централистами. Бурные политические дебаты разразились вокруг реформы о национальных языках. Триада «территория – язык – нация» во многом определяла содержание политической полемики и общественных столкновений. Особенно острым был конфликт между немецкими либералами и славянскими парламентскими фракциями. Политические страсти накалялись не только в здании парламента в Вене, но и в национальных провинциях империи. Прага буквально раскололась на две части – чешскоязычную и немецкоязычную. Борьба шла вокруг прав чешского языка. Чешские патриоты выступали за то, чтобы делопроизводство велось на двух языках – чешском и немецком. Немецкие либералы и централисты не могли простить правительству потери привилегированного статуса немецкого языка. В этих условиях Франц Иосиф придавал торжествам 1898 г. объединяющий, примирительный смысл. Но могли ли торжественные декорации общеавстрийского единства скрыть реальное положение дел?

Запланированные на октябрь – ноябрь 1898 г. праздники были отложены: 10 сентября на берегу Женевского озера императрица Элизабет была убита итальянским анархистом. Франц Иосиф и весь двор погрузились в траур. Похороны Элизабет вызвали огромную волну сочувствия к императору, потерявшему в 1889 г. сына, а в 1898 г. супругу⁴². Но остановить уже запущенный маховик общегосударственных торжеств император не мог. Для празднования юбилея 1898 г. общественными комитетами и добро-

вольными пожертвованиями было собрано более 39, 6 млн гульденов⁴³. Среди наиболее крупных пожертвований были банкирский дом Ротшильдов, баронесса К. Хирш, галицийский промышленник М. Гартенберг, «стальной король» А. Крупп. Собранные средства направлялись не только на организацию праздников, но и на благотворительность – устройство детских домов, поддержку бедных семей, строительство домов для еврейских общин в Галиции, открытие социальных столовых⁴⁴.

На подданных Франца Иосифа обрушилась лавина брошюр, буклетов, иллюстрированных изданий, в которых прославлялся император и восхвалялись достижения его правления в экономике, политике, искусстве, народном образовании, помощи бедным и больным⁴⁵. Выдающиеся австрийские художники, архитекторы, музыканты (Муха, Хоффман, Мозер, Клинт, Кокошка) были привлечены к имперским проектам. Мощное объединение финансовых и интеллектуальных ресурсов власти способствовало закреплению в сознании подданных мысли, что они живут «в эпоху Франца Иосифа». Император представлялся единственным гарантом стабильности, конституционного порядка и безопасности Австро-Венгрии. В честь торжеств была издана официальная история Австрийской империи, в которой Габсбурги выступали спасителями и хранителями отечества. Официальная история была отражена в исторических картинах и опубликована в приложении к популярной «Венской газете»⁴⁶.

⁴³ Sypniewski A. Fünfzig Jahre Kaiser. Wien, 1898. S. 282.

⁴⁴ Henop C. Das Jubilaumsjahr 1898. Ein Gedenkbuch an die humanitaeren und festlichen Veranstaltungen aus Anlass des 50-jaehrigen Regierungs Jubilaeums Sr. Majestaet des Kaiser FJI. Am 2.December 1898. Wien, 1898. S. 18–19.

⁴⁵ Franz Joseph und Seine Zeit. Gedenkbuch zur Jubelfeier. B.1–2. Wien, 1898; Viribus Unitis. Das Buch vom Kaiser. Wien, 1898; Henop C. Op. cit.; Jubilaums-Ausstellung 1898. Wien, 1898; Verordnungsblatt fuer den Dienstbereich des Ministeriums fuer Cultus und Unterricht. Wien, 1898.

⁴⁶ Kaiser Jubileum Festblatt der Wiener Zeitung // Wiener Zeitung. 2.XII.1898.

⁴¹ Unowsky D. L. Op. cit. P. 85–87.

⁴² Neue Freie Presse. 17.IX.1898; Hamann B. Elisabeth. Kaiserin wider Willen. Wien, 1981. S. 290–325.

Портреты императора, декоративно украшенные в стиле модерн, не только ежедневно появлялись на страницах брошюр для народного чтения, но и в любом общественном месте – от кабинетов чиновников до трактиров. Тысячи бюстов императора и императрицы изготавливались в бронзе и гипсе для продажи в разных частях империи. Публичный интерес к придворной жизни, описаниям путешествий императорской четы особенно возрос после гибели императрицы Элизабет. Последовавшие за этим несчастьем торжества в честь юбилея династии лишь закрепили своеобразный культ «императрицы Зизи» – трагической красавицы с мятущейся душой.

В честь 50-летнего юбилея был издан прекрасно иллюстрированный сборник патриотических стихов, написанных высокопарным немецким слогом, который предназначался «для всех германо-австрийских диалектов»⁴⁷. Франц Иосиф объявлялся австро-немецкими поэтами «князем мира», «наиболее благородным правителем», «отцом своих народов». Проведение юбилейных торжеств растянулось почти на год. Праздничные программы в больших и малых городах монархии, в имперской столице Вене были сконцентрированы вокруг двух дат – 2 декабря (восшествия на престол) и 18 августа (дня рождения императора). В честь праздника проходили тожественные богослужения всех конфессий, фестивали, шествия, иллюминации, парады, народные гуляния.

Анализируя сценарии и смыслы юбилейных торжеств 1898 и 1908 гг., исследователи Д. Уновски и Э. Гроссегер приходят к выводу, что лидеру христианских социалистов К. Лугеру удалось «монополизировать общеавстрийский патриотизм»⁴⁸. Лугер, став бургомистром Вены на волне антисемитизма, попытался извлечь максимальную политическую выгоду из юбилея 1898 г. Христианские социалисты активно использовали

риторику «общеавстрийской лояльности» для собственных политических целей. Их газета «Рейхспост» призывала к тому, чтобы все, кто «считает ценностью быть австрийцем, кто думает и чувствует себя как австриец, кто проникнут любовью и почтением к нашему юбиляру-императору, должен присоединиться к партии христианских социалистов и работать в этот год мира в честь нашего императора»⁴⁹.

Приведенные примеры показывают, что в Австро-Венгрии к концу XIX в. усилилась государственная пропаганда общенационального образа власти. Но концепция этого идеологического проекта – на первый взгляд, простая и логичная, единственно возможная в условиях острой национальной борьбы, – была чревата серьезной угрозой. Персонифицированный образ власти и «общего австрийства» был блистательным, доступным каждому, открытым, и вместе с тем неопределенным. Декларируя, что имперская власть стоит над всеми национальностями и конфессиями, политическими пристрастиями и социальными группами, государственные идеологи преследовали благую цель. Необходимо было найти объединяющее начало для многочисленных разрозненных компонентов монархии. Но открытый всем образ власти таил в себе другую опасность: каждая национальная общность или политическая партия могла присваивать себе образ императора, заявляя, что действует в интересах государства, от имени Франца Иосифа. Отсутствие отчетливой программы реформирования Австро-Венгрии, бесконечное лавирование и стратегия умиротворения различных центров влияния внутри монархии приводили к обратному результату. Столь желанный общеавстрийский консенсус все более отдалялся. В реальности «идеологический вакуум» в трактовке имперской власти заполнялся каждым национально-политическим течением по-своему в зависимости от конкретных интересов и целей.

⁴⁷ Kaiser – Jubilaeums-Dichterbuch. 50 Jahre Oesterreich. Wien, 1898.

⁴⁸ Unowsky D. L. Op. cit. S. 145–149; Grosseger E. Op. cit. S. 234–235.

⁴⁹ Reichspost. 4.I.1898. S. 2.

Россия: династические праздники и юбилеи

Презентации власти в России разделялись, как и во всех европейских государствах, на две категории – придворные церемонии и общественные празднества. Организация и масштаб торжеств существенно различались, но неизменно на них присутствовали члены августейшей семьи. Этикет и церемониал двора, освященный традицией, регламентировал придворную иерархическую систему до мельчайших деталей. В царствование Николая II дворцовое действо – от высочайших выходов до бального ритуала, хотя и не ограничивалось тесным кругом «светских правил», тем не менее, строго контролировалось нормами придворного этикета. Двор жил внутренней жизнью, вращающейся вокруг царственной семьи, где каждый имел свое четко определенное место и предписанную модель поведения⁵⁰.

Главной функцией придворной среды считалось поддержание престижа монаршей власти. Но двор призван был также осуществлять ежедневный обиход царствующей семьи. Этикет петербургского двора был в основном заимствован у Габсбургского дома. Общее число придворных чинов при дворе Николая II составляло 1 543 персоны⁵¹. Хотя Николай II, так же как Александр III, был равнодушен к вопросам церемониальной части, но строго соблюдал придворный регламент.

Несмотря на то что число светских ритуалов, особенно балов, существенно уменьшилось, до русско-японской войны Петербург сохранял репутацию одной из самых элегантных светских столиц Европы. Великий Князь Александр Михайлович, внук Николая I, женатый на сестре царя Ксении, с ностальгией вспоминал: «Тот иностранец, который посетил бы Санкт-Петербург в 1914 году, перед самоубийством Европы,

почувствовал бы непреодолимое желание остаться навсегда в блестящей столице российских императоров, соединявшей в себе классическую красоту прямых перспектив с приятным, увлекающим укладом жизни, космополитическим по форме, но чисто русским по своей сущности. Чернокожий бармен в Европейской гостинице, нанятый в Кентукки, истые парижанки-актрисы на сцене Михайловского театра, величественная архитектура Зимнего дворца – воплощение гения итальянских зодчих, сановники, завтракавшие у Кюба до ранних зимних сумерек, белые ночи в июне, в дымке которых длинноволосые студенты спорили с жаром с краснощеками барышнями о преимуществах германской философии... Никто не мог бы ошибиться относительно национальности этого города, который выписывал шампанское из-за границы не ящиками, а целыми магазинами»⁵².

Культурный космополитизм имперской столицы резко контрастировал с усиливавшимся историческим традиционализмом двора. Одной из особенностей последнего царствования было постепенное угасание придворных церемоний. Князь С. Е. Трубецкой вспоминал: «В отношении балов и вообще светской московской жизни я должен заметить, что мне пришлось выезжать в эпоху ее заката. Мне посчастливилось еще захватить „вечернюю зарю“ и видеть ее последние лучи, но непосредственно за этим она совсем угасла: на долю моего брата, который всего на два года моложе меня, уже почти ничего не осталось. Это случилось еще до войны 1914–1918 годов»⁵³. Представители петербургского света ощущали падение «бальной эпохи», царственная семья теряла интерес к придворным ритуалам, исполняя только необходимые из них.

Но именно за годы последнего правления увеличилось число общественных торжеств, во время которых власть совершала

⁵⁰ Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2003. С. 237.

⁵¹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 188.

⁵² Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 85.

⁵³ Трубецкой С. Е. Минувшее // Князь Трубецкие. Россия воспрянет. М., 1996. С. 167.

символическое «схождение» в народ. Наиболее масштабные церемониальные зрелища происходили во время коронации Николая II и Александры Федоровны в мае 1896 г. и празднования 300-летия дома Романовых в 1913 г., которые предусматривали наряду с торжествами в Москве и Петербурге турне царствующей четы по древнерусским городам. Участниками праздничного действия, призванного символизировать единство династии и народа, становились не только представители элиты. Фактически все слои населения в той или иной степени были представлены в ритуалах времен последнего царствования. Все торжества вписывались в исторический имперский контекст, но их стиль, риторика и символическое наполнение призваны были демонстрировать единение династии и народа.

Во время путешествия Николая II и Александры Федоровны по волжским городам в 1913 г. в списках «особ и лиц, встречающих Их Императорские Величества», кроме местных губернских и уездных представителей чиновничества и дворянства, обязательно вводилась квота: по два крестьянина от каждого уезда и отдельно «хуторяне и отрубники» (по одному от деревни или села). В Костроме предусматривалось, что депутация от крестьян Шунгенской волости поднесет царю хлеб-соль. В обязательном порядке государю должны были представляться депутаты от мусульманских обществ, еврейских общин, старообрядцев, инославного духовенства, фабрично-заводских рабочих⁵⁴.

Новый «народный» масштаб торжеств соответствовал представлению о началах самодержавия, которое сформировалось у Николая II. При этом случалось немало казусов, которые нарушали прежний церемониал и изменяли смыслы презентаций имперской власти. Дело не ограничивалось массовой давкой в Москве на Ходынке во время торжеств по случаю коронации Николая II, в которой погибли 1 400 человек и были покалечены более 600.

Один из случаев, правда, менее кровавый, чем Ходынка, произошел на праздновании канонизации старца Серафима Саровского в Сарове в середине июля 1903 г. В Сарове во время «схождения» царя в народ толпа навалилась спереди, и царь невольно сел на руки сопровождавших его двух придворных, которые подняли его на плечи. Народ увидел царя, и раздалось громовое «ура»⁵⁵. Насколько был опасен этот душевный порыв императора, стало ясно сразу после того, как он благополучно преодолел толпу, вернулся по деревянному помосту. Но доски не выдержали ринувшуюся за ним толпу, и помост с грохотом провалился, увлекая за собой людей. Царская свита была смята толпой. Министр двора граф Фредерикс вернулся весь окровавленный, с разбитым лицом и в разорванном мундире.

Опыт сближения с народом, грозивший стать новой Ходынкой, разрушал канон императорских массовых действий. Однако «схождение» царя в народ свидетельствовало о том, что Николаю II нужны были доказательства народной любви. Царь не испытывал страха перед народной стихией или же умело демонстрировал его отсутствие; являлся поводырем «боголюбивого» народа своего, показывал «отцовскую» любовь к нему.

В 1905 г. во время созыва I Государственной Думы, император пригласил депутатов в Зимний дворец, чтобы произнести тронную речь. Поскольку опыта подобных церемониалов у петербургского двора не было, обер-церемониймейстер граф В. А. Гендриков создал специальную комиссию по разработке нового ритуала, используя практику европейских конституционных монархий. Генерал А. А. Мосолов, начальник канцелярии при министерстве императорского двора, вспоминал: «Он, помню сильно и явно нервничал: боялся, что депутаты – чуждый двору и дворцовым обычаям элемент – не сумеют стоять в том порядке, который им будет предьказан»⁵⁶. Мелом были расчерчены ли-

⁵⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 826. Оп. 1. Д. 161. Л. 5–26 об.

⁵⁵ Мосолов А.А. Указ. соч. С. 179–180.

⁵⁶ Там же. С. 190.

нии в Тронном зале, где предстояло выстроиться народным избранникам перед троним императора. В день приема перед депутатами прошествовала торжественная процессия: впереди императора государственные чины несли символы власти – знамя, печать, скипетр, державу и корону. Их сопровождали дворцовые гренадеры в полной парадной форме и высоких медвежьих шапках. В зале справа были размещены депутаты, слева – члены Государственного Совета, высшие чины двора и министры. Царская семья остановилась посередине зала, символизируя свое высшее положение в государстве. Немаловажно, что государственные регалии были представлены членам государственной Думы – эта церемония подчеркивала государственный и легитимный характер российского парламентаризма. После молебна императрица и члены царской семьи прошли к возвышению с левой стороны от трона. Император затем прошел к трону и сел, депутаты оставались стоять перед ним – жест, который был особо подчеркнут в церемонии, и который подразумевал исключительное положение монарха. После вручения ему тронной речи, он встал и стоя огласил ее, затем спустился со ступенек трона. Выход последовал в том же порядке, но без выноса регалий. Никаких приветственных адресов, никакого диалога в пространстве власти не подразумевалось. Депутаты отправились в Таврический дворец на первое заседание Государственной Думы.

Эта помпезная церемония, призванная произвести эффект «схождения» власти к народу, вызвала взаимное раздражение обеих сторон. Депутаты, одетые в скромные гражданские мундиры, серые фраки, крестьянские армяки, были подавлены роскошью расшитых золотом мундиров, сверканием драгоценностей, пышностью дамских туалетов, а главное – высокомерно учтивой атмосферой высшего света, которая еще более отдаляла от них монарха. Граф Фредерикс после завершения официальной церемонии открыто высказывал мнение, что «эти депутаты скорее похожи на стаю преступников, ожидающих сигнала, чтобы

зарезать всех, сидящих на правительственной скамье. Какие скверные физиономии! Ноги моей больше не будет в Думе»⁵⁷. Больше император не ставил таких экспериментов, не пытался объединить высший свет с депутатским корпусом. Ритуал, характерный для конституционных монархий, спровоцировал внутреннее отторжение двух миров, враждебно настроенных друг к другу.

Умеренная вестернизация, которая по воле государей осуществлялась в России в XVIII – начале XX вв., привела к необратимым последствиям, которые самодержавие было уже не в силах контролировать. Николай II не скрывал своего критического отношения к Петру I, начавшему модернизацию России: «Этот предок, которого менее других люблю за его увлечения западной культурой и попирание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время как переходный период и было необходимо, но мне оно несимпатично»⁵⁸.

В начале XX в. власть пыталась сформировать новое культурное пространство в империи через присвоение прошлого той «святой матушки-Руси», которая еще не была затронута прозападными экспериментами. Реконструировались исторические образы допетровской эпохи, которым придавались патриархальные, миротворческие, традиционалистские смыслы. Они создавали замкнутый круг самодержавной утопии, по которому осуществлялось вращение жизни императорского двора и церемоний последнего царствования. Николаю II достались в наследство разработанные К. П. Победоносцевым политические технологии власти, культивировавшие традиционалистские ценности и нежелание следовать прогрессистским западным веяниям. Эта намеренная «остановка во времени» стоила престолу потери престижа и ресурсов влияния на общество.

Русскость и исконность становились нормой придворной жизни. Это проявлялось

⁵⁷ Там же. С. 182.

⁵⁸ Там же. С. 194.

во всем. В всеподданейших докладах Николая II подчеркивал красным карандашом все иностранные слова, употребление которых не терпел в русском языке. Лингвистический национализм царя дополнялся разными идеями по изменению регламента придворной жизни. В окружении Николая II обсуждалась мысль об уничтожении современных придворных мундиров и заменой их на боярские костюмы эпохи Московской Руси. Николай, как и его отец, носил дома красные крестьянские рубахи. По царскому приказу такие рубахи надевали под мундир стрелки императорской гвардии. Во время высочайших выходов предписывалось, чтобы дамы были в «русских платьях со шлейфами»⁵⁹.

Создавая воображаемое и идеализированное пространство XVII в., романовская династия искала ресурсы влияния на современное общество в прошлом через мифологические образы первых Романовых, народность и миротворческое охранительство. Демонстративный путь «к истокам», которым упорно и последовательно шел последний самодержец, был направлен к одной цели – национальной консолидации вокруг исторической династии. Политический сценарий этого царствования разрабатывался в расчете на то, чтобы династия смогла возглавить и регулировать процессы формирования русской нации, не допустить «средостение» в – святая святых – сознание русского народа. По сути, престол стремился присвоить право на использование и трансляцию колоссальной силы национализма. Но последние Романовы не смогли реализовать намеченной цели, все более противопоставляя себя обществу, находясь в плену собственной консервативной утопии. Невозможность и нежелание понять веяния времени отразилась и в казусах новых политических ритуалов, которые так и не стали нормой презентаций власти.

Лидер партии кадетов П. Н. Милюков, оценивая общественную ситуацию в России

при Николае II, писал о «жалком провале юбилейных “Романовских торжеств”» и девальвации призывов к «большей вере в русский народ», «исконной преданности родине», «безграничной преданности государю»⁶⁰.

Общественную атмосферу в России рубежа XIX–XX в. определяли общеевропейские процессы либерализации и экономической модернизации. Самодержавная империя, идеология, практика и управление которой строились исключительно на принципе личной власти, столкнулась с фрондированием по отношению к власти даже в среде лояльных граждан. Историческая традиция монархизма все сильнее вступала в конфликт с новыми либерально-конституционными увлечениями общества. С первых дней воцарения от Николая II ожидали реформирования власти. Но в публичных выступлениях императора, особенно в первое десятилетие, твердо отстаивался принцип монархии. Риторика его выступлений основывалась на идее незыблемости «начал самодержавия».

Николай II следовал технологиям презентации власти, разработанным во время царствования его отца Александра III. Освоение идеалистического образа «народного самодержавия» осуществлялось при помощи разнообразных инструментов государственной пропаганды – монументального строительства, верноподданнической литературы, государственной символики, в которую включались портреты царствующей четы, «народных праздников», сопровождавших высочайшие выходы и общественные церемонии. Но желаемого эффекта так и не получилось. В российской имперской пропаганде на рубеже XIX–XX вв. так и не сформировался столь желаемый общественностью образ монарха – прогрессиста и реформатора, но упорно воспроизводился прямо противоположный образ самодержца, осененного многовековыми традициями. Династический миф последнего русского царствования создавался в условиях духовной конкурен-

⁵⁹ Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1999. С. 203–204; Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. М., 1991. С. 136.

⁶⁰ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 183.

ции с интеллектуалами-модернизаторами и способствовал расколу общества на «своих» и «чужих», что в конечном итоге и привело Россию к революции.

Конфликт бюрократии и самодержавия, модернизационные и охранительные стратегии, национализм и имперская идентичность как в России, так и в Австро-Венгрии требуют дальнейшего осмысления. Россия после эпохи Великих реформ Александра II пошла по пути усиления консерватизма, укрепления охранительной, патриархально-монархической государственной идеоло-

гии. Эта тенденция изменила русский проект государственной идентичности, дополнив его консервативным историзмом и образами «народной монархии». Австро-Венгерская государственность развивалась в другом направлении, уступая общественным инициативам и усиливая тем самым «гражданскую религию», что, впрочем, не спасло ни Российскую, ни Австро-Венгерскую империи, павшие под натиском революционных потрясений, вызванных глубочайшим внутренним кризисом и усугубленных Первой мировой войной.

В. Доубек

ПОИСКИ ПАРТНЕРОВ ЧЕШСКОЙ СЛАВЯНСКОЙ ПОЛИТИКИ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ*

Когда Карел Гавличек-Боровский, основоположник современной чешской политической журналистики, в своей переломной статье «Славянин и чех» (1846) рассуждал о необходимости поиска политического сотрудничества только там, где есть общие интересы, он, наверное, и не подозревал, насколько пророческими окажутся его слова. Тогда он оппонировал идеалистическим представлениям панславизма. Но о пророчках известно, что их чаще преследуют, чем следуют их идеям. С того времени как чешская национальная буржуазная элита стала принимать участие в австрийской политике, она постоянно стремилась завязать с кем-то партнерские отношения, но нужно добавить, что стремление это также постоянно было безуспешным. Очень хорошо эту безрадостную картину видим на поле парламентского сотрудничества. Еще во время парламентской деятельности Гавличека летом 1848 г. на базе центрального австрийского парламента был основан Славянский клуб – как оказалось позднее, крупнейший парламентский клуб того созыва. Но эти тенденции только начинали свой многолетний путь, очень часто, – можно сказать, как правило, – инспирированный чешскими кругами. Слабые возможности безуспешных концепций славянской политики в конце XIX в., чешские идеи, постоянно звучащие, но в то же время не могущие быть принятыми вследствие недостаточности общих интересов или же недостаточности заинтересованности других славянских народов в целях и намерениях чехов, чехи, «опущенные» русскими славянофилами в конце 1870-х и далее будоражимые своей собственной политической активностью – таковы были основные политические препятствия последующих десятилетий. Реакция конкретных политических фигур была разной: от постоянных поисков своих

славянских корней и опор до роста лояльности и проавстрийского патриотизма, но все более-менее сходились на том, что нужно искать общие пути к усилению чешского политического интереса. Каждое новое поколение, каждый новый импульс давал новую надежду и вел к новым испытаниям.

В конце XIX в. в Чешских землях политическая палитра меняется. В это время на место традиционной ведущей силы чешской буржуазной политики – Национальной партии – активно наступают представители когда-то отпочковавшейся от нее Национальной свободомыслящей партии, которая в результате выборов 1891 г. получила неожиданно сильное представительство в Парламенте империи. До того времени эта партия выступала в качестве постоянного и принципиального оппозиционного игрока, получающего свою политическую прибыль и рост популярности за счет своей радикальной оппозиционности. Теперь же следовало изменить стратегию, подыскивая для себя конструктивные темы. Одной из важнейших задач партия считала улучшение своего имиджа и положения в Государственном совете, что во многом обуславливало насущную необходимость в поиске новых партнеров, усилении коалиционного потенциала партии, которая стала играть роль политического представителя нации. В такой интерпретации, в таком понимании партийного и национального восприятия речь шла об усилении коалиционного потенциала чешской нации по отношению к другим национальным группам империи.

Для описания развития стратегии при поиске таких партнерских связей важно подчеркнуть, как изменились индивидуальные действия младочехов. Как уже было сказано, депутатами парламента они становились, имея репутацию радикалов и чешских политических «ворчунов». В то же время разумные политики из этой партии осоз-

* Работа выполнена в рамках проекта GAČR № 409/09/0900.

навали необходимость смены курса в тот момент, когда сама партия изменила, улучшила свои позиции. В партию еще перед выборами вступила интеллектуально мощная и при этом умеренная формация так называемых «реалистов» (Йозеф Кайзл, Карел Крамарж и Томаш Г. Масарик), первые два из которых в будущем будут стоять во главе партии. Поставленная ими цель проникнуть в высшие партийные органы была связана и с представлением о необходимости изменения характера чешской политики, в чем они получали поддержку в среде умеренных политиков внутри партии (напр., долголетний парламентский партийный журналист Густав Эйм). Однако процесс замены стратегии с оппозиционной на форму политики т. н. «свободной руки» – политики, ожидающей и реагирующей на явные действия правительства, – длился несколько лет, вплоть до формирования правительства Казимира Бадени в 1895 г.

Но как раз отличия в поисках поддержки в среде парламентских союзников в момент назревающего радикализма I половины 1890-х и, наоборот, в период встречной политики II половины того же десятилетия ярко выражены и во многом особенны. Приход новой политической группы младочехов был связан с повторным (после попыток старочехов) стремлением начать межславянское сотрудничество, которое можно было бы использовать с чешской стороны, развивая его в целях поддержки специфических черт политических интересов чехов. Проявлялись тенденции к оживлению старой концепции австрославизма Палацкого, закодировавшей в себе различные моменты успешных и наступательных действий чешской политики. Проявления ее, впрочем, могли быть разными. С одной стороны находился пока еще неопытный политический идеал Карела Крамаржа и его видение обновленной, но убежденно проавстрийской славянской политики, как он ее формулировал в своей программной статье 1890 г., еще до своего активного занятия делами партии: «Мы считаем Австрию живым организмом,

способным развиваться во благо своих народов, а не случайным историческим образованием, который нельзя шевелить, чтобы он не распался. [...] Славянские народы Австрии, вне всякого сомнения, заинтересованы в успехе и могуществе империи, и ничем ей не угрожают»¹. Но развивался в то время и иной взгляд на австрославизм – практичный, служащий актуальным политическим интересам, а в этом смысле – и обустройству конструкций коалиционных связей. Младочехи, мало-помалу избавляясь от своего последовательно оппозиционного прошлого, после смелого прихода в парламент стали навязывать естественные союзнические отношения с моравскими депутатами и славянскими политиками. Постепенно клуб младочехов становился центром оппозиционного славянского сотрудничества в парламенте, принявшего в свою среду югославянских депутатов Спинчича, Лагиню, Биянкини, Перича и Дапара. Эта все более расширяющаяся группа, наконец, формализовала свою деятельность, сформировав по инициативе младочехов в конце 1893 г. Славянскую унию. Она, впрочем, была слишком слабой, чтобы быть сколько-нибудь значимой оппозицией проправительственному блоку в парламенте, неуклюжей и внутренне неоднородной, но зато давала ощущение новой силы, которому некоторые молодые депутаты с воодушевлением поддались. В зарождении этой коалиции Крамарж увидел «один из величайших моментов жизни славян в Австрии и славян вообще»². Представление о величии создавала уже сама возможность нового установления межславянских связей. Речь не шла

¹ Kramář K. Na rozcestí, citováno podle archivního opisu, хранится в: Archiv Národního muzea. Praha. Fond K. Kramář, V. Vlastní články, Články Času 1889–1890, Kart. 50. S. 7, опубликовано. Na rozcestí II // Čas. 4. 10.1890.

² Письмо К. Крамаржа Г. Эйму от 24. 11. 1893, цит. по: Velek L. Národní strana svobodomyšlná (mladočeská) 1889–1907: Příspěvek k dějinám politického stranictví v habsburské monarchii v období procesu politické modernizace. Díl I. Diss. Praha, 2004. S. 375.

о великой цели построения на основании федерализации Австрии какой-либо славянской государственности, с такой оппозиционной славянской позиции невозможно было выстраивать активную австрийскую политику, но говорил он о сохранении самоуверенного, хоть и затухающего, радикализма, лишней раз, подтверждая хотя бы минимальный коалиционный потенциал своей партии и ее возможности действовать в качестве ведущего, интегрирующего элемента.

Именно такую способность к интеграции младочехи хотели развить в будущем. Впрочем, как оказалось, им пришлось приспособить ее к характеру своей политической деятельности. Основные их намерения не изменились и после смены партийной стратегии во II половине 1890-х годов. Она ориентировалась на выстраивании отношений с чешскими и австрийскими немцами. Не с либералами Эрнеста Пленера, но с «новыми» немцами, с новым поколением немецких политиков, которое наконец-то сможет понять, что для роста и укрепления империи необходимо изменить ее государственно-правовую структуру, так чтобы она стала сочувствующей и открытой к уступкам в пользу чешских политических интересов на региональном поле. Сторонником такой стратегии в группе реалистов (из которой Масарик вышел, так же как и из партии вообще, в 1893 г.) был, прежде всего, прагматично настроенный член народнохозяйственной партии Йозеф Кайзл. Подобную идею, т. е. мирное сотрудничество чехов и немцев, поддерживал и председатель совета министров Бадени.

Как раз в 1895–1897 гг. с точки зрения чешской политики «преломлялся хлеб» чешско-австрийского будущего. Последнее поколение проавстрийски настроенных чешских политиков уже не хотело ждать; они желали немедленно видеть плоды своего труда и ощутить их влияние на течение событий. Устремления чехов, после того как в течение многих лет предпочтение отдавалось региональным автономистским интересам, после многолетних призывов инте-

грального изолированного национализма снова выходили на наступательный путь интересов имперских, федеративных. На поле практической политики доминировало представление вновь оживленного австрофильства, развитого реалистами в начале 1890-х гг. В своем представлении, впрочем, этот имперский проект должен был опираться не на австрославянскую программу, т. е. поддержку славянских народов Австрии, при которой чешские интересы были бы принесены в жертву, а на примирение с прогрессивной частью чешских и австрийских немцев.

Кайзл делал ставку на новую позицию, состоявшую в ведении переговоров с «новыми немцами», возникшими путем раскола партий как на правом, так и на левом фланге спектра. Кайзл искал «новых немцев», готовых строить «новую Австрию». В то же время он отказывался видеть их среди крайних консерваторов. С предыдущей консервативной связью чешской политики было покончено. В отличие от Масарика Кайзл был все-таки более открыт к общению с возрожденными немецкими либералами, от которых ожидал он отношения, подобного тому, который показывали младочехи, т. е. умеренную национальную линию в конфронтации с радикалами и большую открытость по отношению к др. либеральным группам, находившимся под влиянием усиливающегося вульгарного социализма. Хотя дальнейший ход событий не оправдал его надежд, он все же и далее продолжал надеяться (как это делали и другие недовольные ходом событий фигуры) на силу своего идеализированного представления, реализуемого в определенной мере фаталистически в соответствии с логикой развития. Когда в 1894 г. в Вене была основана новая прогрессивная редакция «Die Zeit», склонная к чешско-немецкому и вообще межавстрийскому сотрудничеству, младочешские реалисты готовы были полностью ее использовать, чувствуя свое идеологическое родство с редакцией. Они видели в газете проявление движения возрождения, а в руководстве хотели видеть – как признаки

изменения венской атмосферы – передовой отряд политических реформаторов, которые благодаря своему дару предвидения понимали бы силу и ценность чешской нации для Австрии, а в силу своего благородства признавали бы ее постоянные требования и поддерживали ее политические права, и имели политическую силу для их выполнения.

Однако вскоре стало ясно, что с точки зрения младочешской партии Кайзла редакция «Die Zeit» не желала в достаточной мере ангажировать себя в практической политике. Основной движущей силой политической линии «Die Zeit» был Хайнрих Каннер. Он был основным автором политических передовиц, и в основном благодаря ему эта газета пользовалась большим авторитетом, привнося новые взгляды в политическую жизнь Вены и всей Австрии. Переломный момент с точки зрения партии младочехов произошел уже в период работы переходного кабинета графа Эриха фон Кильмасегга летом 1895 г. Тогда Кайзл проводил консультации как с Каннером, так и еще с одним членом редакторского трио газеты – народнохозяйственным Исидором Зингером – относительно перспектив дальнейшего развития событий. Переговорщики пришли к единому мнению, не доверяя процессу обновления правоконсервативного блока, который бы являлся всего лишь временным решением вопроса: «Залог постоянства только в договоренности с немцами, которые... сейчас наверняка уже поумнели»³. Исходя из этого представления Кайзла, младочехи приступили к переговорам со следующим правительством Казимира Бадени. В то время они уже были стабильной партией изнутри, умеренное руководство которой искало свой путь выхода из оппозиции. Бадени делал ставку на новые политические силы, а в Праге внимательно ожидали, будет ли в его кабинет приглашен кто-либо из чехов; большие надежды полагали на личного доктора бывшего пред-

седателя совета министров Тааффе – Эдуарда Альберта, известную в Чешских землях общественно-политическую фигуру. В кругах младочехов понимали тонкость всей ситуации. На задуманную правительством программу, от которой младочехи ожидали для себя выгоды, оказывали давление немецкие партии, и проталкивание чехов в правительство лишь подлило бы масло в огонь. Поэтому Йозеф Кайзл якобы прямо отговаривал Бадени от намерений последнего передать какое-нибудь министерство в ведение чешского политика. «Это правда, что Бад[ени] с удовольствием назначил бы министром чеха и не слушал того, как некоторые депутаты, прежде всего Кайзл, отговаривали его против этого... Но сегодня немцы ему отказали в дружбе, а... «N[eu]e[f]reie Presse» провозгласила, что наличие министра-чеха означало бы провокацию со стороны немцев. Поэтому весь этот вопрос откладывается до выборов»⁴. Таким образом, в кабинете Бадени не появился ни один министр-чех; однако глава кабинета заботился о проведении непрерывных консультаций с чешскими представителями по поводу получения ими или их полномочными представителями высоких должностей в правительстве, находясь на которых, они могли бы оказывать влияние на ход событий. В следующие годы вопрос о возобновлении чешско-немецких партнерских отношений не был снят с повестки дня – наоборот. И, поскольку не получалось найти сколько-нибудь сильных союзников и среди отколовшихся либералов, а представления о том, что либеральные немцы «поумнеют», не были осуществлены, младочехи должны были полагаться на усиление своей собственной роли. Когда же после публикации новых языковых законов в среде немецких либералов возникла волна неприятия, Кайзл стал с презрением относиться к любому упоминанию о возможном сотрудничестве с ними. В начале апреля 1897 г. Бадени

³ Записи в дневнике Йозефа Кайзла от 25.6.1895 г., цит. по: Kaizl J. Z mého života. Díl III. Od vstupu dra Jos. Kaizla do Národní strany svobodomyšlné až do jeho smrti. Část 1. Praha, [1914]. S. 361–362.

⁴ Письмо Густава Эйма Эдуарду Альберту от 24.01.1896 г.; цит. по: Kokešová H. Gustav Eim: Životopisná studie a edice korespondence. Praha, 1999. S. 197.

подал в отставку, но Кайзл был уверен, что тот вернется и создаст еще более консервативное большинство; «...наша позиция среди народа и в [таком] большинстве была бы лучшей и более сильной», – отметил Кайзл в своем дневнике, и констатировал в письме супруге: «Либеральные немцы не хотят его [законодательство о языках] проглотить и не хотят идти вместе с нами в большинство; то, что мы максимум могли бы сделать, это действовать в интересах нем[ецких] либ[еральных] землевладельцев»⁵. Союз младочехов с «новыми немцами» не получился; более того, после введения некоторых реформаторских программ правительства Бадени дело дошло до массовых протестов немцев в Чешских землях, Австрии, а также в кайзеровской Германии; немецкие депутаты в Государственном совете заняли obstructивную позицию, что вело к падению Бадени. Ставка на чешско-немецкое примирение при поддержке стремления к политической проавстрийской деятельности провалилась. Напротив, следствием последних событий стало усиление немецкого фактора в Австрии на основе т. н. «Троицыной программы» 1899 г. пяти немецких буржуазных партий Австрии, в которой выдвигались требования о гарантиях минимальных национальных свобод.

Интересно, что подобным образом в то время действовала и группа реалистов Масарика, представленная, кроме него самого, работавшим преимущественно в Вене чешским поэтом Йозефом Сватоплуком Махаром. Она также делала ставку на развитие новых связей с австрийскими прогрессистами, и также – еще более четко, чем Кайзл и младочехи, – искала их в среде газеты «Die Zeit». Политические приемы и позиция младочехов особенно четко отслеживаются после окончательного и личного разрыва Кайзла с Масариком, в основе которого лежал

конфликт относительно понимания последних книг Масарика (*Naše nynější krize*, 1895).

Масарик не дождался признания и понимания со стороны младочехов своих, как он считал, конструктивных критических мыслей. О раздоре с Кайзлом, долгое время скрытом, стало известно всем, и не кто иной, как Кайзл стал во главе критиков Масарика. «Он хочет быть один, оставьте его. С его „туманностями“ невозможно делать политику, а еще меньше с этим кокетничаньем с „младшим поколением“»⁶, – комментировал Кайзл Крамаржу позицию Масарика.

В тот политически сложный период II половины 1890-х гг. Масарик выжидал. Он уже не хотел возвращаться назад к младочехам и, несмотря на то что сам позиционировал себя как руководитель молодежи, ищущий источник будущей политической силы в последующих поколениях, продолжал выжидать. «Речь идет о моем влиянии на студентов и молодежь в целом. Оно существует, и притом влияние значительное... Это современная, неясная неопределенность, но она существует. Итак, влияние есть. Но для меня остается большим вопросом, куда вести („дирижировать“) эту молодежь? Пока что процесс идет более в негативном направлении, отвергая прошлое прогрессистов, но куда дальше, стоит ли обращать внимание на определенные партии и обстоятельства?»⁷. Эта неясность и неопределенность не только современной, но и общей политической ситуации вела, по нашему мнению, к сдержанности Масарика. Масарик пытался сориентироваться в ситуации в целом. Он оценивал возможности возникающих течений и искал свою собственную позицию. Находившийся в Вене Махар подыскивал для него, как увидим ниже, в основном «цайтистов» (сотрудников газеты «Die Zeit») и разрабатываемые ими (Зингером) темы для практического политического выступления; Масарик тем вре-

⁵ Запись в дневнике Йозефа Кайзла и письмо супруге Камилле от 2.04.1897 г., цит. по: Kaizl J. Z mého života. Díl III. Od vstupu dra Jos. Kaizla do Národní strany svobodomyslné až do jeho smrti. Část 1. Praha, 1914. S. 577.

⁶ Письмо Й. Кайзла К. Крамаржу от 25.08.1895 г. Цит. по: Kaizl J. Z mého života. Díl III. Od vstupu dra Jos. Kaizla do Národní strany svobodomyslné až do jeho smrti. Část 1. Praha, [1914]. S. 379.

⁷ Ibid. S. 271.

менем и сам пытался повышать свое влияние среди молодежи в национальном политическом движении, при том не только чешском («прогрессисты»), но и в словацком. Там из рядов молодых словаков, обучающихся в Пражском университете, формировалась группа, которая издавала – нередко под влиянием Масарика – журнал «Нлас» (1898–1904). Однако Масарик не пошел на открытый союз с кем-либо из этих людей. Он оставался в политическом уединении, довольствуясь ролью «ищущего вдохновителя».

Аналогичную идею поиска новых союзников в среде младогерманского и младоавстрийского движения находим после провала «Манифеста чешской модерны» у новореалистов и Махара. Сам Махар был дилетантом с политической точки зрения, хотя и человеком большого энтузиазма, очарованным верой в силу и способности новой волны, которой не так нужна определенная политическая программа, как просто импульс; сила ее возрождения проявится затем как-нибудь сама по себе во благо чешской нации и новой Австрии. Определенный парадокс был в том, что Махар в одинаковой мере шел к общеавстрийским целям новой политики и хотел их достичь с позиций возрождающегося младоавстрийства, но отвергал ее в реальной политике, избегал сотрудничества с существующими партиями, особенно с младочехами. У новореалистов, таким образом, проявлялось разногласие между высокими амбициями и минимальной реальной политической поддержкой, а также их способностью получить такую поддержку. Масарик верил в силу «спасительного слова», уповал на «ударность» «молодой модерны» и своего влияния на нее, но ему также была хорошо известна ее «незакрепленность», и он сам предполагал свой возврат в политику в течение шести лет. «Политическую модерну» он находил в Чешских землях и Словакии, в Вене и в других местах Австрии, но выжидал, пока она сформируется и продвинется политически. Махар же, наоборот, такую исходную инициативу ожидал от одного только Масарика. Он надеялся

на него и в нем видел будущее чешской и австрийской политики. В нем видел титана, который если только решит вернуться, то возвращение это будет триумфальным: «Через 6 лет вернетесь сюда как руководитель великой партии»⁸. Махар видел уже подготовленным критический фронт возрождения, которому нужны только импульс и сильный руководитель, стоящий поодаль и пока что не вмешивающийся в ход событий. С воодушевлением он показывает возможные для Масарика пути, по которым могли бы пойти реформаторы, и возможные основания для их сотрудничества и группирования.

Его цели в сравнении с целями реалистов-младочехов еще более универсальны, беспощадны к чешским политическим интересам. Для него идеалы возрождения стоят выше, чем практическая политика, а также первоначальные политические интересы чехов. Поэтому ему чуждо представление Крамаржа о постоянном, хотя вроде как заново конструируемом, чешском государственном праве. «Я не выступаю за чешское государство, – говорил Махар, – поскольку при переговорах с немцами командуем мы и при этом имеем больше: всю Цис[лейтанию]. А ныне она [!] нам необходима, и мы не можем запереться». Он предпочитал такой путь, переоценивая роль венской газеты и возможностей ее редакции. «У цайтистов, – добавляет он, – и это моя заслуга, – эта идея уже в крови»⁹. Если Кайзл и Крамарж полагались на соглашение с чешскими немцами, и на него же ставили чешские (и младочешские) политики в своей деятельности на общеавстрийском уровне, то Махар это общеавстрийское влияние предполагал независимо от чешских событий, вместе с Веной и прогрессивным немецким движением в Австрии вообще.

Махар строил иные планы, которые должны были принудить Масарика к со-

⁸ Письмо Й. С. Махара Т. Г. Масарику от 4.06.1896 г.: Literární archiv Památník národního písemnictví (далее – LA PNP). Fond T. G. Masaryk, sl. 39/76/101.

⁹ Письмо Й. С. Махара Т. Г. Масарику от 13.07.1896 г.: LA PNP. Fond T. G. Masaryk, sl. 39/76/106.

трудничеству, и сотрудничеству с «Цайтом». Уже в мае того же года он сообщал Масарику из Вены, что цайтисты «желают сотрудничать», хотя содержание такого сотрудничества оставалось неясным. Прежде всего, Каннер, который отвечал за политический профиль газеты, якобы «выступал против активной политики (сегодня), но желает более интенсивной работы изнутри»¹⁰. В следующие месяцы стало очевидным, что предложения о практическом политическом сотрудничестве новореалисты не будут проводить через Каннера. Он пытался сохранить политическую независимость, как газеты, так и свою личную. Сдержанность Каннера не разделял его коллега по редакции Зингер. Народнохозяйственник с амбициями серого кардинала, он в то же время мечтал вступить в практическую политику. Сам он был родом из Будапешта, но к чехам уже длительное время имел профессиональный интерес: темой главной его научной работы был социально-экономический анализ северной Чехии¹¹. Именно с ним Махар связывал свои планы по созданию политической группы. Остальные стимулы приходили непосредственно от Зингера, который вдохновился движением чешского возрождения и якобы даже открыто уверял Махара, что он надеется, «а с ним и ряд других людей, что из Чехии, из нашего поколения взойдет звезда ренессанса Австрии»¹². Переговоры о возможностях открытого политического выступления продолжались более года, но его контуры пока оставались неясными, прежде всего потому, что главными его вдохновителями были второстепенные личности: Зингер, возможности которого в редакции «Цайта» ограничивал рассудительный Каннер; и Махар, который

действовал в качестве представителя Масарика как потенциального руководителя новой политической партии. Это, впрочем, не уменьшало фантазию обоих политических визионеров. Планирование такого сотрудничества должны были фактически тормозить всеавстрийские интересы «Цайта» под явным влиянием чешских прогрессистов и при финансовой поддержке Вены (и лично Зингера). К сотрудничеству должны были пристать и политические группы из Галичины под руководством Ивана Франко, а также словенцы из Краньска-Горы. Но главную ось такого сотрудничества должна была представлять чешско-немецкая связь, а в интерпретации Махара там были элементы жертвенности, откуда следовало, что всякий успех зависит в первую очередь от решения Масарика. «Зингер видит в Вас и только лишь в Вас [подчеркнуто Махаром] единственного человека, с которым цайтисты могут политически сотрудничать. Имеется в виду, что следует составить общую современную политическую программу, за которую бы голосовали как чехи, так и немцы. А в парламенте – не коалиция, а клуб. Младочехи уже посылают к черту (и Крамаржа! О Кайзеле считал, что его еще могли увлечь), хотят лишь Вас»¹³. Махар считал, что путь уже готов, тем более что Зингер уже якобы отказался от своего первоначального условия более широкого сотрудничества с младочехами. Комбинации возникали и исчезали, но основное условие, т. е. согласие Масарика, так и не было достигнуто. Следует сказать, что в течение последующих месяцев Махар израсходовал много стилистики и аргументов, чтобы переубедить Масарика. Тот был склонен к сотрудничеству, но согласно с представлениями Каннера, а не Зингера.

Из описанной ситуации, сложившейся в 1890-е гг., можно сделать однозначный вывод: не только в парламенте, но и в чешской политике в целом доминировали, так

¹⁰ Письмо Й. С. Махара Т. Г. Масарику от 8.05.1896 г.: LA PNP. Fond T. G. Masaryk, sl. 39/76/96.

¹¹ Singer I. Untersuchungen über die socialen Zustände in den Fabrikbezirken des nordöstlichen Böhmen. Leipzig, 1885.

¹² Письмо Й. С. Махара Т. Г. Масарику от 27.01.1896 г.: LA PNP. Fond T. G. Masaryk, sl. 39/76/83.

¹³ Письмо Й. С. Махара Т. Г. Масарику от 5.04.1896 г.: LA PNP. Fond T. G. Masaryk, sl. 39/76/91.

сказать, традиционные модели, которые постоянно повторялись с минимальными изменениями сцен и действующих лиц. Со времен Палацкого в концепции австрославянизма произошел один существенный сдвиг, а именно – уже никогда больше в чешской политической стратегии она не занимала место конструктивного политического проекта. Со времени австро-венгерского дуализма и утраты надежд на использование славянской стихии в общеавстрийском пространстве, и особенно ее массовости, последующие политические поколения в Чехии и далее использовали ее как концепцию наступательную, которую они инициировали и в которой должны были занимать первые позиции и при случае пожинать лавры, развивая их далее до пределов, когда такая концепция будет чувствовать достаточность наличных политических сил, политического самомнения – именно поэтому возвращаются на кон в такие времена новые политические поколения, не обремененные долгами прошлых лет и свободные от прошлых неудач. Но теперь эта концепция, в отличие от 1840-х гг. и изначальной конструктивной проавстрийской позиции времен Палацкого, была соединена с эрой оппозиционности, с попытками поисков альтернативы, которая была предложена первой после удовлетворения краевых государственно-правовых требований чехов – и такой альтернативой было соглашение с чешскими и австрийскими немцами. Именно эта альтернатива оказалась подходящей и выгодной во время мирной проавстрийской деятельности, которая с точки зрения чешской политики в последний раз выразительно проявилась как раз в середине 1890-х гг.

Провал ставки на соглашение и реформаторских попыток правительства Бадени во II половине 1890-х гг. предзнаменовал разочарование последней проавстрийской генерации чехов. Молодые политики, вступающие в австрийскую политическую жизнь с видением новых программ и движений, ожидали получить за свою проавстрийскую позицию соответствующие политические

выгоды, на основании которых они могли бы обосновать такие изменения и отстоять их перед своими избирателями, воспитанными во время и в стиле радикальной оппозиции. Цели эти не были достигнуты.

После преждевременной кончины Йозефа Кайзла (1901) во главе партии младочехов стал Карел Крамарж со своим традиционным видением «активистской» политики, которая, впрочем, в условиях политической конфронтации во время выборов 1907 г. не принесла удовлетворительных результатов. Младочехи были отодвинуты, а их роль наиболее мощной чешской партийной группы взяли на себя партии социал-демократов и аграриев. Результатом разочарования в среде младочехов была их попытка усиления национальной линии и ее укрепление с помощью более широких межславянских связей, чем просто внутриаустрийское, австрославянское сотрудничество, – сотрудничества с другими странами, всеславянского сотрудничества, которое в данном контексте из тактических соображений можно назвать «неославянским»¹⁴. В обоих этих движениях следует видеть альтернативу, которую искали в период политической беспомощности и неспособности достигать политических целей собственными силами, альтернативу, которая происходила из недовольства последним ходом событий и потому была более склонной к оппозиционности и недовольству, чем к достижению конструктивных целей, пусть даже ценой частичных поражений.

Так было и в 1909 году, когда под покровом обновленной австрославянской волны среди депутатов Государственного совета возникла новая инициатива – так называемая Славянская уния (*Slovanská jednota*). Возникновение данной парламентской группы было целенаправленным, а основой ее стал чешско-югославянский союз. В начале 1909 г. наиболее ограниченными в правах чувствовали себя прежде всего австрийские сербы и хорваты. Начиная с лета 1908 г. в их среде проходили массовые аресты «преда-

¹⁴ Другой термин – «неославистский». Прим. перев.

тельских элементов», целью деятельности которых был развал монархии с помощью официальных учреждений Сербии. Вся эта акция, в конечном итоге повернувшаяся против австрийских властей, являла собой непродуманный пропагандистский акт, с помощью которого должны были быть усилены антисербские настроения в монархии на момент кульминации боснийского кризиса. На внутриавстрийской политической сцене эта акция привела к падению правительства Бека (7 ноября 1908 г.) и провозглашению кабинета Рихарда фон Бинерта. Но с приходом нового правительства международная политическая ситуация не успокоилась. Усиление напряженности на Балканах и далее отражалось на австрийской политике и в австрийском парламенте.

В марте 1909 г. в Государственном совете под давлением не успокоившихся «боевых» настроений должно было проходить голосование по поводу выражения вотума доверия правительству и позиции нового руководства нижней палаты парламента. Первая встреча представителей Союза чешских депутатов (Чешский союз) с австрийскими южными славянами (на встрече присутствовали и представители русин – депутаты Глебвицкий и земский советник Курилович) состоялась 11 февраля 1909 г. – всего лишь через несколько дней после принудительного окончания 18-го заседания Государственного совета – под председательством чешского депутата от аграрной партии Франтишека Удржала. Помимо общих фраз обе стороны договорились о необходимости единой оппозиционной политики по отношению к правительству, в силу которой никто из участников клуба обязуется не голосовать самовольно. В завершение заседания был избран общественный комитет, «предназначенный для принятия решений по необходимым тактическим мероприятиям»¹⁵. На заднем фоне переговоров с самого начала находилось чешское требование поддержки кандидатуры чеха на пост председателя парламента.

¹⁵ Čeští a jihoslovanští poslanci o nové vládě// Čas. 23 (43). 12. 2. 1909. S. 2.

Большие надежды при этом полагались на Масарика как на кандидата, приемлемого для всех. Это предложение не было для Масарика новым, подобные идеи уже высказывались во время его возвращения в парламент в 1907 году. Тогда предложение было высказано немецкими (!) депутатами, и уже тогда Масарик относился к нему хоть и трезво, но не отрицательно. Тогда бы Масарик стал противником важнейших чешских кандидатов – Карела Крамаржа и Яна Жачека. Через два года ситуация изменилась. Его кандидатуру сейчас могла бы поддержать Славянская уния, что помогло бы нейтрализовать слабость партийной позиции Масарика (он являлся одним из двух депутатов прогрессивной партии). При этом «Народни листы» младочехов считали кандидатуру Масарика весьма надежной, считая, что он способен был получить поддержку с различных сторон, среди других – со стороны Славянской унии. «Кандидатура проф. д-ра Масарика на пост председателя палаты весьма примечательна. Общеизвестно, что этот депутат способен во время выборов собрать больше всего голосов: вотум всех членов Славянской унии 125 голосов и клерикалов ему обеспечен»¹⁶. Масарик теперь активно и целенаправленно работал над усилением своего положения. По его представлению, успех выборов зависел от позиции Славянской унии: «Если бы Слав[янская] уния высказалась за [кандидатуру], т. е. чешские партии, за ними русины, чешские соц[иал]-демократы, сионисты ... а также и несколько русских. Поляки бы при решающем голосовании, вероятно, не были бы против, а если бы и были, то речь бы шла только о нескольких голосах»¹⁷.

Его амбиции, однако, были перечеркнуты пропорциональным представителем

¹⁶ Masarykova kandidatura na presidentství poslanecké sněmovny (Кандидатура Масарика на пост председателя палаты депутатов)// Národní listy 49 (63). 4. 3. 1909. S. 4.

¹⁷ Masarykovy politické zápisky, nedatováno (psáno mezi 3. a 9. březnem 1909), (Политические записки Масарика, недатировано; написано между 3 и 9.03.1909 г.), хранятся в Archiv Ústavu T. G. Masaryka – Masarykův archiv (dále A UTGM MA). F. Politické stati, Karton 25, složka 109.

ством определенных партий, что лежало в основе работы руководящих органов Славянской унии. В них сильные позиции были у младочехов. Во главе подготовительного комитета Славянской унии 11 февраля от чешской стороны стали депутат от младочехов Бедржих Пацак в качестве председателя, а от югославян – Иван Шустершич в качестве заместителя председателя. На заседании клуба 4 марта наряду с принятием устава было избрано временное руководство в лице Крамаржа, Удржала, Ивчевича и Шустершича. Именно это решение, очевидно, ознаменовало перелом в оптимистических ожиданиях Масарика. После единогласного принятия устава дальнейшие переговоры перешли в споры по поводу общего кандидата на пост председателя парламента, в которых кандидатура Масарика постепенно лишалась поддержки. И, поскольку в тот же день в некоторых чешских газетах появилась положительная оценка кандидатуры Масарика, его «Час» мог лишь подавлять в себе слова разочарования по поводу действий Славянской унии: «Из решений, принятых Славянской унией, становится ясно, что она все еще не знает о своих намерениях и должна еще ясно осознать свои цели – будет ли она выполнять ту роль, которую предназначали для нее ее основатели»¹⁸.

При этом «Час» не ошибался в том, что наиболее важной целью нового наднационального клуба в данный момент должен стать в первую очередь вопрос достижения согласия относительно поддержки общего кандидата на пост председателя нижней палаты австрийского парламента. В своей статье от 3 марта, если написанной не самим Масариком, то точно под его влиянием, правомочность дальнейшего существования Славянской унии была прямо обусловлена окончательным результатом голосования: «В случае избрания председателем немца ясно, что Славянская уния утратит саму суть своего существования. Мы хотим, наконец, иметь действительно чешскую политику!»¹⁹ Главная цель была сформули-

¹⁸ Slovanská Jednota // Čas. 23 (64). 5. 3. 1909. S. 3.

¹⁹ Slovanská jednota a volba presidenta poslanecké sněmovny // Čas. 23 (62). 3. 3. 1909. S. 1.

рована как необходимость недопущения избрания немецкого кандидата, и, наоборот, объединение усилий для проведения кандидата-славянина – конечно же, чеха, поскольку никого другого чешские политики практически не принимали во внимание. «Для Славянской унии ситуация вполне понятна: те положения, на которых она была основана, не позволяют ей голосовать на выборах председателя за представителя партии Луэгра (Luegr), как и за представителей немецких национальных партий... Кого же избрать? Славянина! Если чехи придут к согласию по кандидатуре, и если Славянская уния будет с ними заодно, то будет несложно получить нужные голоса... Славянская уния и ведущие чешские партии 10 марта 1909 года покажут, насколько политически зрелыми и политически решительными они являются»²⁰. В конечном итоге кандидатура Масарика не получила в клубе Славянской унии нужной поддержки. В окончательном решении чешские представители ухватились за мысль, что «они и уния все равно не проголосовали бы за проф. Масарика, и его кандидатура бы не прошла»²¹. В качестве своего кандидата на пост председателя нижней палаты парламента они в конечном итоге номинировали младочеха Пацака, но он не был избран. По сравнению с 237 голосами за немецкого кандидата Роберта Паттая (Robert Pattai) общий кандидат Славянской унии получил всего лишь 103 голоса. Но усилия Славянской унии не пропали: члены ее руководства аграрник Ян Зазворка и хорватский депутат Лагиня получили посты заместителей председателя палаты.

На данном этапе австрославизм уже не являлся детально разработанной программой. Из его идеала сотрудничества всех славян под скипетром Габсбургов сейчас, когда эра монархии уже подходила к концу, остались только обломки былой уверенности в способности славян к взаимной поддержке и совместному продвижению вперед. Более того, ослабление веры в возможность

²⁰ Ibid.

²¹ Z říšské rady // Čas. 23 (70). 11. 3. 1909. S. 5.

сотрудничества сказывалось и на масштабности целей, которые от далеко простирающихся программ всеавстрийского масштаба перешли в плоскость предложений, формулируемых для текущего момента, чему ярким примером стали выборы председателя парламента в марте 1909 года.

Парадоксально, но именно в то время ослабления возможностей славянской политики возникает один из ее наисложнейших и реально наименее осуществимых гибридов – попытка объединения внешнеполитического (панславянского, в то время определявшегося как неославянский) и внутривосточного (австрославянского) проекта на основе национального, родового славянского союза. Камнем преткновения был тот факт, что обе эти концепции – как внешняя неославянская, так и внутренняя австрославянская – не дополняли, но взаимно исключали друг друга. Их совместимость обуславливала предпосылка разделения политических и культурно-хозяйственных зон интересов. Если австрославянская программа могла иметь политические устремления, то творцы и последователи всеславянского союза думали о сближении Австро-Венгрии с царской Россией, но с учетом чувствительности межславянских связей они демонстративно сторонились политической плоскости такого сотрудничества и, наоборот, протезировали хозяйственную и культурную плоскость, а также другие неполитические виды деятельности. Именно такой двоякий подход к вновь оживавшему панславизму стал началом конца надежд на успех. В результате его ожидала жесткая критика оппонентов, запутанность симпатизировавших ему и неопределенность проповедников определенной таким образом славянской стратегии.

В формирующейся позиции чешской политики ключевой и символической фигурой как таких программ, так и их конечного провала стал руководитель наиболее сильной партии младочехов, выражавшей интересы горожан, – Карел Крамарж. Именно он стоял за превращением чешско-либерального на-

ционального курса партии в более широкую позицию прославянской политики. При этом он не понимал, какому большому давлению он подвергнет свою партию в случае провала этих грандиозных проектов. Именно он также стал примером лавирования между обеими плоскостями славянской стратегии, и именно он был ответственен за их негибкую и саморазрушающую деятельность.

Несостоятельность внешней политики обоих направлений и их замыслов можно показать на примере деятельности Крамаржа относительно мирного коммунике Славянской унии. Об их деятельности было проинформировано не только зарубежное славянство – ее пыталась активно использовать русская политика. Внешнеполитическое давление русской дипломатии достигало стен австрийского парламента, неизбежно разбивая иллюзорное представление об австрославянской политике и панславянском (неославянском) сотрудничестве.

У Карела Крамаржа были долгосрочные интересы относительно сотрудничества с российской стороной, мотивированные как его мировоззренческим русофильством, так и тем, что его жена была русской. Начиная с осени 1907 года, фамилия Крамаржа фигурирует во всех важных комитетах и подготовительных комиссиях неославянского движения. Совершенное владение русским языком и знание российских реалий, а также связи в среде влиятельных лиц русской культурной, экономической и политической жизни делали его основным представителем австрийских делегаций на переговорах о дальнейшей судьбе [славянских] съездов. Больше всего усилий Крамарж приложил, чтобы заручиться поддержкой конкретных неославянских действий со стороны властей, как в Вене, так и в Петербурге. Поэтому перед ключевой встречей делегации австрийского парламента с представителями российского правительства Крамарж встретился с министром иностранных дел Австрии Алоизом Лексой фон Эренталем. Шеф австрийской дипломатии оказался чрезмерно доволен тем, как Крамарж обрисовал ему ситуацию

и возможности неославянского сотрудничества. Он ожидал, что готовившаяся встреча чешской и русской делегаций окажет благотворное влияние на отношения обеих империй, и аналогичным образом оценивал попытки сближения славян в целом, хотя и понимал их правильно, т. е. только лишь «на поле культуры и мирного сосуществования [Nebeneinanderleben]». «Наши восточные соседи, – информировал по этому вопросу посол в Петербурге Л. Берхтольд, – должны именно сейчас созреть к ясному пониманию того, что для России существование сильной Австрии, в которой различные славянские народы в силу необходимости, рожденной временем, добьются большего влияния, несравненно более важно, чем фантастические устремления Сербии или Черногории»²². Парламентская делегация в составе Карела Крамаржа, словенского либерала, старосты Любляны И. Грибара и галицкого старорусина М. Глебовицкого была принята самыми важными министрами российского правительства: председателем П. А. Столыпиным, министрами финансов В. Н. Коковцовым, образования – А. Н. Шварцом и иностранных дел – А. П. Изловским. Почести, с которыми делегация была встречена в Петербурге, были такого уровня, что возбудили спекуляции со стороны австрийского посольства о том, что это форма демонстративного ответа на недавний визит германского канцлера князя Бюлова в Вену²³. Как эти переговоры в Петербурге в мае 1908 г., так и пражский, т. н. подготовительный славянский съезд (12–18 июля) проходили под знаком счастливой звезды Карела Крамаржа.

Однако 5 октября 1908 г. Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии и Герцеговины, вследствие чего отношения двух

²² Письмо А. фон Эренгальта Л. Берхтольду от 14.06.1908., цит. по: Wank S. (ed.): *Aus dem Nachlass Aehrenthal*. T. 2. Graz, 1994. S. 596–597.

²³ Zpráva legačního rady Karla Emila prince Fürstenberga A. Aehrenthalovi z 12. 5. 1908 (Донесение советника посольства герцога Карела Эмиля Фюрстенберга А. Эренгальту от 12.5.1908 г.), хранится в Národní archiv. Fond MZV/R (Ministerstvo zahraničí - Videaň), opisy, XLV/2, kart. 62, sl. 8.

государств немедленно охладели до точки замерзания. После этого, разумеется, изменилась позиция новославянского движения и его ведущей личности – Карела Крамаржа. Новославянское движение пришло к выводу об иллюзорности австро-русского сближения; более того, идя за дипломатическими событиями, оно очутилось в ловушке собственных широких концепций. Под сомнение была поставлена сама надежность Крамаржа в глазах российских новославян и членов правительства. Пытаясь удержать сильные позиции австрийских славян, он приветствовал аннексию, расширившую границы империи за счет области с преимущественно славянским населением. Информацию о степени надежности Крамаржа и его отношении к русской политике царское Министерство иностранных дел получало из двух новых информационных источников, из которых лишь один был дружеским по отношению к Крамаржу.

Уже в начале 1909 г. по указанию товарища министра иностранных дел Николая Валерьевича Чарыкова секретарь русского посольства Сергей Николаевич Свербеев был проинструктирован, чтобы посольство поддержало новообразованную в Петербурге в разведывательных целях сеть пресс-служб и принимало от конкретных агентов заслуживающую доверия информацию о развитии событий во вверенном ему регионе. Так, Всеволоду Павловичу Сватковскому, руководителю русской пресс-службы в Вене, было поручено получение информации для целей министерства²⁴. Российская политика создала свою шпионскую сеть в потенциально вражеских государствах, и использование политических наклонностей славянских народов, проживавших в Австрии и Турции, явилось как нельзя кстати. Для поддержки этого замысла служил прежде всего аргумент о более эффективном и деликатном подходе к информации недипломатического характера: «Представитель Санкт-Петербургского

²⁴ Письмо Е. П. Демидова С.Н. Свербееву от 12/25.2.1909: АВПРИ. Ф. 151 Политархив, 1909. Оп. 482. Д. 3424. Л.1–26.

телеграфного агентства в Вене мог бы, таким образом, послужить звеном между славянскими кругами и Посольством, официальное положение коего очевидно затрудняет подобные сношения, возбуждающие подозрение австрийского правительства»²⁵. Уже из первых донесений Сватковского было ясно, что именно Крамарж станет его основным информатором, и что, с другой стороны, также именно на Крамаржа Сватковский будет делать ставку в плане поддержки российского правительства. В этом смысле Сватковский рекомендовал поддерживать и парламентскую Славянскую унию, как группу, протезированную Крамаржом и младочехами: «Эта группа в 125 депутатов может быть созвана наиболее выдающимся в ней лицом – Крамаржом, и по его предложению сделать восхитительное официальное заявление в пользу мира»²⁶. Славянская уния должна была стать важной группой давления, работающей под влиянием и управлением Карела Крамаржа во благо российских заграничных интересов. О ходе этих действий с самого начала был проинформирован Чарыков, сделавший свою дипломатическую карьеру как раз на Балканах. Именно Чарыков давал поручения Сватковскому, и, наоборот, ему шеф русской агентуры в Вене предоставлял положительные отчеты о деятельности Карела Крамаржа и Славянской унии.

Кроме того, в 1910 г., т. е. через год после учреждения Славянской унии, в Праге было открыто российское консульство. Его информационные источники находились вне партии младочехов и не сочувствовали Крамаржу. Также и русский консул в Праге В. Г. Жуковский получал информацию о чешской и австрийской политике от чешских депутатов. Среди его доверительных информаторов, однако, числился не Крамарж, а в первую очередь председатель Чешской национально-социальной партии (и

оппонент младочехов) Вацлав Клофач. Поэтому нет ничего удивительного, что описание деятельности Крамаржа, приходящее в российское министерство с этой стороны, было диаметрально противоположным: «Личность чешского политика проявляется в весьма несимпатичном свете. Разыгрывая из себя друга России и славян, он остается, прежде всего, австрийцем, затем чехом и, наконец, человеком, к которому надо относиться с большой долей осторожности»²⁷.

Но вернемся к доверительному сотрудничеству Карела Крамаржа с Всеволодом Сватковским, которое позволяет определить связи между двумя концепциями славянского сотрудничества и их сознательную настройку в пользу России, причем под прямым контролем российского МИДа. Славянская уния возникла в начале 1909 года в атмосфере политического напряжения между Австро-Венгрией и Россией. Сам факт аннексии в российской дипломатии, печати и обществе интерпретировался как акт дипломатического произвола и агрессивного вмешательства в сферы российских интересов, как подготовка к будущей агрессии Австрии против Сербии. Россия чувствовала себя ущемленной в своих балканских позициях, а в будущем считала себя защитницей мира на Балканах перед имперским давлением Дунайской монархии. Австро-венгерскую международную политику как раз в то время постигла выразительная неудача, когда во время своего боснийского похода она потеряла потенциального балканского союзника – болгарского царя Фердинанда, сердечно встреченного в Петербурге в начале марта 1909 года...

Следующей задачей Сватковского, решение которой было доверено непосредственно Крамаржу, было издание коммюнике Славянской унии в пользу миротворческой роли России. Славянские депутаты австрийского Государственного совета должны были высказаться в пользу русской позиции и ее

²⁵ Письмо Е. П. Демидова С.Н. Свербееву от 12/25.2.1909: АВПРИ. Ф. 151 Политархив, 1909. Оп. 482. Д. 3424. Л.1–26.

²⁶ Письмо В.П. Сватковского Николаю Валерьевичу Чарыкову от 19. 2. / 4. 3. 1909: АВПРИ. Ф. 151 Политархив, 1909. Оп. 482. Д. 3424. Л.18–21.

²⁷ Секретное донесение русского консула в Праге В.Г. Жуковского от 27.11.1910: АВПРИ. Ф. 151 Политархив, 1909. Оп. 482. Д. 3424. Л. 150.

интересов. Соответственно, Сватковский разыграл сложную комбинацию, желая косвенно соединить деятельность Славянской унии с выступлением польских галицких политиков, находившихся вне данной парламентской группы. В этом контексте он контактировал как с проф. С. Гломбиньским, новым Президентом Польского Кола (Польского кружка) в Государственном совете, так и с его предшественником Дедушицким. Но главную роль он и здесь назначил Крамаржу. В беседах речь шла не только о формальном выступлении Славянской унии, но и о вопросе позиции чешских политиков – и конкретно Крамаржа – в случае вспышки войны. По отзывам Сватковского, Крамарж был больше всего разочарован недостатком информации о состоянии русской армии, имевшейся в его распоряжении и которую ему Сватковский готов был предоставить. «Если бы он только знал, – восклицал он, – что русская армия сколько-нибудь отвечает задаче, которая выпадет ей в случае войны, он, может быть, задавался бы сейчас другими целям и планами»²⁸. Такое представление взглядов Крамаржа имеет, по нашему мнению, более широкое поле действия. Также и другие представители чешского политика традиционно пытались вводить в свои политические цели и действия существенный фактор, составленный из множества неизвестных – желания, умения и формы поддержки чешской австрийской политики Россией. Из сведений Крамаржа же вытекало однозначное желание информировать русскую сторону о количественном составе австрийских войск и успокоительные рассуждения о том, что можно было бы устроить так, чтобы в случае войны чехи не стреляли... Если принять во внимание, что оппонент Крамаржа Клофач через несколько лет будет так же настраивать свою партию к партизанским боям в случае прямого стол-

кновения русских и австрийских войск²⁹, то получим весьма грустную картину не только о степени благонадежности чешских политиков по отношению к Австро-Венгрии, но и о представлениях их лидеров об использовании партийных структур для партизанских форм ведения войны. Само собой, на такие предложения российская сторона реагировала; консул Жуковский в одинаковой мере рекомендовал русскому послу в Вене Гирсе председателя национал-социалов Клофача: «Рабочей силой в руках Клофача, пользующегося большим уважением своих единомышленников, нам не следует пренебрегать, т. к. в этой партии – в случае осложнений с Австрией – мы могли бы организовать скрытую себе поддержку»³⁰.

Но в начале 1909 г. бои еще не шли и о войне говорили только в кулуарах. Открытые шаги должны были вести к обороне мира. Крамарж сформулировал текст резолюции Славянской унии и согласовал его с русской стороной, чтобы далее, согласно Сватковскому, лишь для проформы предложить его вниманию члена руководства – югославянского депутату Шустершичу. Он, однако, высказал свои опасения по поводу реакции на документ со стороны правительства, но Крамарж все же настоял на его опубликовании. Сама же «кроткая» резолюция, состоящая всего из одного предложения, принятая на заседании парламентской комиссии Славянской унии 4 марта 1909 года, прошла в истории австрийского парламента почти незамеченной. Ее не заметила гер-

²⁹ См. корреспонденцию В. Клофача с другим сотрудником Петербургской пресс-службы в Вене русским журналистом Д. Н. Вергуном. В одном из писем Клофач сообщает Вергуну, что нашел подходящего человека, который «на случай войны с Россией может подготовить, организовать команды для взрыва мостов, уничтожения коммуникаций и т. д.» (Письмо В. Клофача Д. Н. Вергуну от 18.01.1901. Российский государственный исторический архив. Ф. 909. Оп. 1. Ч. 156. Л. 11–15).

³⁰ Письмо российского консула в Праге В. Г. Жуковского русскому послу в Вене Н. Н. Гирсе от 30.06.1912: АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Ч. 604. Л. 361.

²⁸ Письмо В. П. Сватковского Николаю Валерьевичу Чарыкову от 19. 2. / 4.3. 1909: АВПРИ. Ф. 151 Политархив, 1909. Оп. 482. Д. 3424. Л. 18–21.

манская печать, и лишь вкратце упомянули о ней чешские газеты. А газеты младочехов, в других случаях очень скрупулезно следившие за деятельностью своих депутатов и председателя партии, оставили декларацию без каких-либо комментариев. Центральная ежедневная газета младочехов «Народни листы» только через два дня в общем комментарии, посвященном попыткам решения балканского кризиса, констатировала: «Славянские народы этого дуалистического государства [т. е. Австро-Венгрии] с самого начала упомянутых событий принадлежали к большому лагерю друзей мира, и поэтому верным проявлением их убеждений явилось постановление парламентской комиссии Славянской унии, принятое в четверг, в котором была высказана надежда, что «в интересах славянских народов и монархии все участники смогли достичь мира»³¹.

Это краткое постановление Славянской унии, никак не определенное, все же исполнило свою роль. Оно продемонстрировало поддержку австрийскими славянами статуса-кво на Балканах и предоставило российскому правительству аргумент в пользу слабости действий Австрии, которые не находили поддержки даже у себя дома. С точки зрения российского министерства вся акция была оценена как успешная, а Чарыков мог высказать Сватковскому свою искреннюю благодарность³².

Весь ход этих событий дает возможность увидеть сложный характер славянских действий в период перед Первой мировой войной. Политика меняла свой характер, и проекты, скрывавшиеся под старыми именами, уже могли иметь иное содержание и нести иной политический заряд. Чешские политики последней проавстрийской генерации прошли путь разочарования, начиная со второй половины 1890-х гг., и их намерения в последующий период можно охарактеризовать как искренне активистские. Они искали альтернативу для собственного применения сил, окутывали себя все более широкими (славянскими) связями, но их интересы уже проходили мимо Австрии. Но пока ведущие представители чешской политики не могли в бурном мире представить альтернативу в виде собственного независимого государства, а искали связи на востоке. Накануне войны Карел Крамарж выработал проект Конституции Славянской империи, в которой уже латентно прогнозировался распад Австро-Венгрии. Понимал он это сам или нет, но его славянская (в т. ч. парламентская) политика следовала в этом направлении уже на протяжении нескольких лет.

*Перевод с чешского языка
В. Пукиша*

³¹ Ve stopách žádoucího uklidnění// Národní listy. 49 (65). 6. 3. 1909. S. 1.

³² См.: Письмо Е. П. Демидова С. Н. Свербееву от 26.2 / 11.3.1909: АВПРИ. Ф. 151 Политархив, 1909. Оп. 482. Д. 3424. Л. 26.

С. А. Романенко

**ПРОБЛЕМА АВСТРО-ВЕНГРИИ И ЮЖНОСЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В РОССИИ (ФЕВРАЛЬ – ОКТЯБРЬ 1917 г.)²**

Февральская революция не только изменила судьбу России, но и соотношение сил на политическом, идеологическом и военном театре Первой мировой войны. 27 февраля (12 марта) 1917 г. был избран Временный комитет Государственной Думы¹, создан объединенный Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (ПСРСД)²,

Данная статья продолжает исследование проблемы «Национальные движения южных славян Австро-Венгерской монархии и Российская империя. Австро-Венгрия и Россия как геополитические противники», начатой автором в ряде ранее опубликованных монографии и статей: Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г. М., 2011; Романенко С. А. Национальные движения югославянских народов Австро-Венгрии и судьба монархии Габсбургов // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 67–81; Романенко С. А. Австро-Венгрия и Балканы глазами теоретиков российских социалистов накануне Первой мировой войны // Славяноведение. 2011. № 1. С. 41–52; Романенко С. А. Лидеры российской социал-демократии об Австро-Венгрии в период Первой мировой войны // Труды Института Российской истории. Вып. 10. М., 2012; Славяно-итальянские отношения в 1915–1917 гг. по материалам российского МИД и периодической печати // Историки-слависты МГУ. М., 2013. Кн. 9. В. А. Тесемников. С. 95–125; Социалистическая революция в России и «национальная революция южного славянства» в Австро-Венгрии 1917–1918 гг. // Россия и славянство: диалог культур. Тверь, 2013. С. 190–198.

¹ Революционное движение в России после свержения самодержавия / отв. ред. Л. С. Гапоненко. М., 1957. С. 401.

² Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. 27 февраля – 26 октября 1917 г. Том первый. 27 февраля – 31 марта 1917 г. Л., 1991. С. 25. Далее – Петроградский Совет. Т. 1.

опубликован Манифест РСДРП «Ко всем гражданам России»³. Таким образом, еще до отречения императора Николая II 2(15) марта, все три основные политические силы России заявили о своих претензиях на власть и начали формировать свои властные структуры. Свидетельством начавшейся сразу же ожесточенной политической борьбы стал выход «Известий» Петроградского совета рабочих депутатов 28 февраля (13 марта; со 2(15) марта – ПСРСД) и в один и тот же день – 5(18) марта – «Вестника Временного правительства» и возобновление издания большевистской «Правды». В эти же дни начали выходить ежедневные газеты различных фракций меньшевиков и эсеров – соответственно, «Рабочая газета», «День», «Единство», «Луч», «Новая жизнь» и «Земля и Воля», «Воля народа», а также кадетская «Речь» и праволиберальное «Русское слово». Естественно, каждая группировка и каждый лагерь в целом обладал своим видением не только внутривластных, но и внешнеполитических проблем. Впрочем, главной из них была продолжавшаяся Первая мировая война, которая определяла все стороны жизни Росси и перспективы ее развития.

С приходшей свободой политических организаций и печати стали открыто обсуждаться идеи, которые ранее цензура не допускала, а их носителей преследовала полиция. Вернулись эмигранты. Все три политических лагеря – либерально-консервативный (Временное правительство), социал-демократический и социалистический (меньшевики и эсеры) и полуполициарно-радикально-революционный (большевики) – имели свои внешнеполитические структуры соответственно, МИД с прежним составом сотрудников и унаследованными посольствами; Отдел международных сношений

³ Коммунистическая партия Советского Союза. В резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М., 1983. С. 484–485.

ПСРСД и связи с большинством партий II Интернационала; разветвленную полулегальную сеть в странах Европы, связанную с различными фракциями в международном социалистическом движении.

В первом составе образованного после Февральской революции Временного правительства во главе с князем Г. Е. Львовым 2(15) марта 1917 г. пост министра иностранных дел занял кадет П. Н. Милюков. Именно этот период отечественные исследователи характеризуют как время наиболее активной внешней политики, когда либеральное правительство, стоявшее «в области внешней политики на „патриотических“, а фактически на империалистических позициях», стремилось «представить революцию как выражение недовольства общества плохим ведением войны царским правительством»⁴.

Одним из первых шагов новой власти стало официальное обращение 4(17) марта к союзным и нейтральным странам с просьбой о признании. При этом оно вновь засвидетельствовало верность новой России всем ее международным обязательствам «относительно решимости страны бок о бок с другими державами Антанты «сражаться с общим врагом до конца, непоколебимо и неутомимо»⁵.

Временное правительство имело возможность с большей легкостью и эффективностью, чем это делало царское правительство, «использовать во внешней политике принцип национальностей». Это касалось и Средней Европы, где П. Н. Милюков хотел в будущем освободить славянские народы от «немецкого ига», в частности путем создания независимых чешско-словацкого и сербско-хорватского государств. Кадетская «Речь» (М. Ростовцев) писала 8(21) апреля: «Еще страшнее германский мир для Балкан. Он обозначает не равное право на развитие всех национальностей, а резкую германизацию всех австрийских и балканских славян, гегемонию жестоких и ничем не стесняю-

щихся болгар, полное крушение всей государственной жизни Сербии, ограбленной, избитой и истерзанной. Такое положение дел на Балканах неизбежно, и на него не пойдут те немцы, для которых как для англичан и французов моральные и идеальные интересы всегда стояли на первом плане. Ясно, что на такой мир наши союзники не пойдут, если не будут принуждены к этому угрозой сепаратного мира со стороны России. А эта угроза влечет за собой все те же кошмарные перспективы, которые так ясно стали перед нами, когда мы представили себе возможность сепаратного мира в чистом виде»⁶.

Согласно плану Милюкова, Австро-Венгрия должна была по национальному признаку «понести территориальные потери в пользу Италии и Румынии». С одной стороны, Милюков не мог отказаться от выполнения Россией Лондонского договора. С другой – министр иностранных дел, сохраняя в неизменности «традиционное покровительство Сербии» ради достижения не менее традиционной цели – получения Россией Черноморских проливов, обещанием территориальных компенсаций надеялся перетянуть Болгарию на сторону Антанты⁷. Однако и Лондонский договор 1915 г., отдававший Италии районы побережья Адриатического моря, которые южные славяне считали своими этническими территориями, а династия Габсбургов – «коронными землями» (в этом случае совпали принципы естественного права южных славян и исторического государственного права Монархии) и «покровительство Сербии» шли вразрез с интересами и целями национальных движений хорватов и словенцев Австро-Венгрии.

По словам П. Н. Милюкова, «приобретение» проливов «в суверенное обладание Россией» стало для него и его коллег «руководящей нитью».

Временное правительство в своей декларации, обращенной к союзным державам от 27 марта (9 апреля), опубликованной

⁶ Мир – без аннексий или война до победы // Речь. 1917. 8(21) апреля.

⁷ История внешней политики России. С. 547–548.

⁴ История внешней политики России. С. 545.

⁵ Цит. по: История внешней политики России. С. 546.

на следующий день в «Вестнике Временного правительства», также подтвердило, что «цель свободной России не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достоинства, не захват чужих земель, но учреждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления мощи своей за счет других народов. Он не стремится к порабощению и угнетению кого бы то ни было»⁸.

Однако в сопроводительной ноте от 18 апреля (1 мая) Миллюков подтвердил позицию правительства относительно того, что оно «будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников». Он полагал, что после свержения «старого режима» «всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого»⁹. Эта нота сторонника сербско-хорватского единства, опубликованная 20 апреля (3 мая), 20–21 апреля (3–4 мая) привела к демонстрации солдат Петроградского гарнизона под лозунгами «Долой Миллюкова!», «Долой войну!». Временное правительство попыталось защитить коллегу, опубликовав 22 апреля (5 мая) «Сообщение о ноте Миллюкова»¹⁰, но первый правительственный кризис – отставка всего состава Временного правительства – стал неизбежен¹¹. Новый состав правительства был сформирован 5(18) мая.

⁸ Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Часть 2. Империалистические войны до снятия блокады с Советской России. С. 74; Также см.: Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 444–445; История внешней политики России. С. 559.

⁹ Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. С. 75.

¹⁰ Сообщение Временного правительства о ноте Миллюкова // Русское слово. 1917. 22 апреля (5 мая).

¹¹ История внешней политики России. С. 560–562. Интересно, что уже в первых сообщениях сербских дипломатов из Петрограда после революции есть информация о различиях во взглядах П. Н. Миллюкова и А. Ф. Керенского. Правда, тогда они не касались внешней политики. См.: Дипломатика переписка Српске владе. С. 29.

Поддержка Миллюковым создания единого государства южных славян, о которой не было и речи в его ноте, естественно, не была причиной кризиса. В телеграмме Миллюкова от 4 марта российским дипломатическим представителям о внешней политике Временного правительства ни Австро-Венгрия, ни южные славяне не упоминались¹².

При этом достижение этой цели непременно увязывалось с поражением Австро-Венгрии, а это, в свою очередь, требовало и «доведения мировой войны до решительной победы», и «соблюдения обязательств, принятых в отношении наших союзников», и «гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем» и которые были бы в первую очередь направлены против государств враждебной коалиции¹³.

Позицию Миллюкова, его «упрямство определяло не в последнюю очередь и то обстоятельство, что Миллюков считал себя специалистом по Балканам и мнение А. А. Нератова, никуда из Петрограда не выезжавшего, или же А. М. Петряева, хотя и знатока Балкан, ему не импонировало». «Пиррова победа» Миллюкова (одержанная им, когда он настоял на сопроводительной ноте. – С. Р.) объяснялась тем, что его политика была слишком прямолинейна. Он «упускал из виду ту неустранимую условность, которая присуща всякому политическому акту, касающемуся будущего»¹⁴.

Первое коалиционное Временное правительство в декларации о своей программе 5 мая 1917 г., «отвергая в согласии со всем народом всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господство над другими народами, ни отнятие у них национального их достоинства, ни насильственный захват чужих территорий – мир без аннексий и контрибуций на началах самоопределения на-

¹² Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 422–424.

¹³ История внешней политики России. С. 560.

¹⁴ Михайловский Г. Н. Записки. Т. 1. М., 1993. С. 306–311.

родов»¹⁵. Авторы декларации – сотрудники сохранившегося аппарата императорского МИД, а также российские либералы и социалисты соединили представления великого князя Николая Николаевича, выраженные в прокламации «Народам Австро-Венгрии» от 1(14) сентября 1914 г. с наиболее последовательными социалистическими лозунгами. «Вступая во главе Российского войска в пределы Австро-Венгрии, именем великого русского царя объявляю вам, что Россия, не раз уже проливавшая свою кровь за освобождение народов от иноземного ига, ничего иного не ищет кроме восстановления права и справедливости, Вам, народы Австро-Венгрии, она также несет теперь свободу и осуществление ваших народных (т. е. национальных. – С. Р.) вожделений. <...> Россия... стремится только к одному, чтобы каждый из вас мог развиваться и благоденствовать, храня драгоценное достояние отцов – язык и веру, и объединенный с родными братьями, жить в мире и согласии с соседями, уважая их самобытность»¹⁶.

И балканский вопрос, и планы переустройства Средней Европы, включая ее юго-восточную часть, т. е. судьба Австро-Венгрии, сохраняли для России свою важность. Согласно представлениям 1917 г., некоторые славянские народы должны были после освобождения войти в состав России. Существовали планы создания на основе этнического родства и под покровительством России чешско-словацкого и сербско-хорватского государств. Царизм в борьбе за позиции на Балканах делал главную ставку на Сербию. Россия постоянно колебалась в балканско-славянском квадрате: Сербия – Болгария – Черногория – югославыне Австро-Венгрии – и почти всегда выбирала Сербию. Хорваты и словенцы из-за этноконфессиональных предрассудков, бытовавших в Петербурге и Москве, всегда были на последнем месте. Не отказываясь от традици-

онного российского покровительства Сербии и от своих взглядов на то, что сербы и хорваты – один народ, Милюков пытался исправить «ошибку» царской дипломатии в отношении Болгарии¹⁷. Но это не привело к желаемым результатам, позиции Петрограда на Балканах постепенно слабели.

Правительство также было очень удивлено, когда министр иностранных дел сообщил «о соглашении с Италией 1915 г., согласно которому Италии в награду за вступление в войну на стороне Антанты были обещаны славянские территории вдоль всего Адриатического моря. Владимир [Николаевич] Львов, человек крайне консервативного склада ума, вскочил с места и, возбужденно размахивая руками, воскликнул: «Мы никогда, никогда не признаем этих соглашений!»¹⁸.

В начале апреля председатель Совета министров князь Г. Е. Львов дал интервью газете «Српске новине», в котором поддержал идею Великой Сербии и уверял, что Россия готова на новые жертвы во имя победы. Сербии приходилось считаться с поддержкой России. Ведь она была чуть ли единственной страной антигерманской коалиции, выступавшей за создание после войны самостоятельного южнославянского государства¹⁹.

Полемика относительно характера войны и ее целей развернулась в социал-демократической прессе сразу же после Февраля. 11 (24) марта 1917 г. газета ПС РСД «Известия» опубликовала статью «О современной войне». Она начиналась с констатации того факта, что оба блока обвиняли друг друга в начале войны. Необходимо завоевать Константинополь, Армению, Польшу, Галицию. Но «разве в этом заключается окончательная победа над Германией? – задавался вопросом неизвестный автор. Однако сразу же он переходил на позиции «революционного обо-

¹⁷ Игнатъев А. В. Внешняя политика Временного правительства. С. 117–119.

¹⁸ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 170.

¹⁹ Игнатъев А. В. Внешняя политика Временного правительства. С. 163.

¹⁵ Революционное движение в России в мае – июне 1917 г. Июньская демонстрация. С. 229.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 134. Война. Оп. 473. Д. 18. Манифесты и воззвания. Л. 15, 17, 18.

рончества»: «Заклучить мир с Вильгельмом и его правительством мы не можем. До тех пор пока германские завоеватели угрожают России, продолжение войны неизбежно. Мы можем заклучить мир только с германским народом после того, как он заставит свое правительство положить оружие. С такими же призывами мы должны обратиться к трудящимся массам союзных держав – Англии, Франции, Италии»²⁰.

15 (28) марта «Известия» опубликовали обращение Петроградского совета от 14 (27) марта «К народам всего мира», в котором орган новой власти обращал внимание «братьев-пролетариев австро-германской коалиции» на то, что «с первых дней войны вас убеждали в том, что поднимая оружие против самодержавной России, вы защищаете культуру Европы от азиатского деспотизма»²¹. «Нет больше главного устоя мировой реакции и “жандарма Европы”... Демократическая Россия не может быть угрозой свободе и цивилизации», – говорилось в воззвании. Однако «революционные оборонцы» из Петросовета подчеркивали: «Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств – как изнутри, так и извне. Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой».

«Мы готовы протянуть руку германскому и австрийскому народам, если они заставят своих правителей отказаться от завоеваний, – говорилось в разъяснительно-пропагандистской статье «Сторонники мира и сторонники войны» в «Известиях». – Но мы будем бороться с оружием в руках против наступления германских и австрийских завоевателей. Т. е. мы вынудили народ австро-германской коалиции выбирать между войной и миром». Для достижения мира Петроградский совет призывал: «Сбрасывайте с себя иго вашего

²⁰ О современной войне // Известия. 1917. 11 марта (24 марта).

²¹ К народам всего мира // Известия. 1917. 15 (28) марта); К народам всего мира // Рабочая газета. 1917. 15(28) марта.

полусамодержавного порядка, подобно тому как русский народ стяхнул с себя царское самовластие, откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках аграрно-империалистской клики, – и дружными объединенными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую человечество»²².

Ленин в те дни подчеркивал, что война вызвана «столкновением двух могущественных групп миллиардеров... за передел мира», причем «германская группа капиталистов хочет отнять Турцию себе и вознаграждать себя за потерю колоний захватом мелких соседних государств». При этом он не выделял из этого списка Россию и писал, что и она ведет войну, чтобы «огрбить Армению, Турцию, Галицию», а также «за захват Константинополя»²³. В мае он занял ту же позицию²⁴. Таким образом, Сербия Карагеоргиевичей в его глазах представляла исключительно как жертва, в то время как она была просто более мелким по сравнению с великими державами государством, имевшим свои этнотерриториальные притязания к соседям. Отметим, что в томе «Биографической хроники» Ленина, посвященном его деятельности после февраля 1917 г., ни Австро-Венгрия, ни Балканы не упоминаются²⁵.

Поднимая вопрос о степени информированности за границей о ситуации в России, центральный орган партии меньшевиков «Рабочая газета» писала 17 (30) марта: «Очевидно, российская революция, вначале встреченная сочувственно империалистической буржуазией держав согласия, начинает вызывать в ней серьезные опасения <...> Смысл происходящих в России событий систематически искажается не только

²² Сторонники мира и сторонники войны // Известия. 1917. 31 марта (13 апреля).

²³ Ленин В. И. Письма издаека; Революция в России и задачи рабочих всех стран // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 50, 68.

²⁴ Ленин В. И. Защита империализма, прикрытая добренькими фразами // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 11, 12.

²⁵ См.: Ленин В. И. Биографическая хроника. М., 1973. Т. 4. Март – октябрь 1917 г.

в Германии и Австрии, но и во всей Европе»²⁶. 31 марта (13 апреля) в статье «Борьба за мир и защита революции» она продолжала тему: «[Буржуазная печать] изо дня в день напрягает все усилия, чтобы разжечь вражду народов России к народам враждебной нам коалиции, и убедить российскую демократию, что там, среди народных масс Германии, Австро-Венгрии воззвание совета депутатов никакого успеха не имеет»²⁷. Для того чтобы «опровергать “сказки и клеветы” о СРСД, с одной стороны, и преодолеть «слабость информации о других странах» Петросовет создал свой собственный «отдел международных сношений» – своеобразный собственный «МИД»²⁸.

27 апреля (10 мая) 1917 г. в «Известиях» было опубликовано Постановление Исполкома СРСД от 25 апреля, в котором Исполком заявлял о том, что «берет на себя инициативу по созыву международной социалистической конференции»²⁹. В эти же дни в Петроград прибыл представитель комитета по подготовке всеобщей социалистической конференции – редактор центрального печатного органа СДП Дании И. Боргбьерг, ставившей своей целью поиск возможностей для скорейшего заключения всеобщего мира. Гость, активно поддерживавший идею проведения мирной конференции социалистических партий в Стокгольме, выступивший перед объединенным комитетом рабочих партий Голландии, Дании, Швеции, Норвегии (Голландско-скандинавский комитет), представил депутатам Петроградского совета программу германской социал-демократии, основанную на признании принципа самоопределения наций. Она (и с этим

были согласны и германские социал-демократы) предполагала восстановление независимости Сербии и Черногории, передачу Болгарии болгарских областей Македонии и предоставление Сербии свободного выхода к Адриатическому морю. В России в пользу конференции выступило большинство российских социалистических партий, против – по разным причинам – Плеханов и Ленин со своими сторонниками³⁰. Наибольшую поддержку эта инициатива летом 1917 г. находила на страницах «Новой жизни» и «Рабочей газеты». Впоследствии из-за резкого противодействия правительств стран Антанты конференция не состоялась. Однако ее подготовительные материалы – отчеты многих социал-демократических партий и протоколы заседаний комитета – представляют большой интерес.

16–17 (29–30) марта Ленин написал автореферат «О задачах РСДРП в русской революции», напечатанный в германском издании «Volksrecht» 31 марта. Он считал, что «устаи Керенского империалистская буржуазия России говорит рабочим: мы дадим тебе республику, 8-часовой рабочий день (он уже введен в Петербурге), обещаем свободы – все ради того, чтобы ты помог нам ограбить Турцию, Австрию, отнять у немецкого империализма *его* добычу, удержать добычу англо-французского империализма»³¹.

В «Воззвании к солдатам всех воюющих стран» от имени ЦК и ПК РСДРП и редакции «Правды» 21 апреля (4 мая) говорилось о «грабеже слабых народностей, о дележе колоний, о захвате земель на Балканах и в Турции». Выход автор воззвания видел в «отказе от всех аннексий, освобождении

²⁶ Российская революция и международная буржуазия // Рабочая газета. 17(30) марта.

²⁷ Борьба за мир и защита революции // Рабочая газета. 1917. 31 марта (13 апреля).

²⁸ В исполнительном комитете С.Р. и С.Д. В отделе международных сношений // Известия. 1917. 28 апреля (11 мая). Также см.: Отдел международных сношений // 27 августа (9 сентября).

²⁹ Постановление Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов о конференции // Известия. 1917. 27 апреля (10 мая).

³⁰ Европейское социалистическое движение. 1914–1917. Разрубить или развязать узлы? М., 1994. С. 62; Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2002. С. 94; Кудрина Ю. В. Некоторые проблемы скандинавского пацифизма времен Первой мировой войны (датская модель) // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. М., 1998. С. 205.

³¹ Ленин В. И. О задачах РСДРП в русской революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 74.

всех без исключения колоний, насильственно присоединенных или неполноправных народностей»³².

В опубликованной в «Правде» статье «Тайны внешней политики» Ленин писал о «задачах, поставленных на Юго-Востоке Европы (читай в Австрии и Турции, т. е. грабеж Армении, Константинополя, Галиции)»³³. Однако, притязания Сербии на Боснию и Герцеговину, территорию Австро-Венгрии (Хорватию и Далмацию, и часть «коронных земель», в которых проживали южные славяне), Черногорию и территории, где проживали македонцы и албанцы, Ленин по-прежнему «грабежом» не считал.

В Петроградском Совете и социал-демократической среде активно обсуждались и конкретные вопросы внешней политики. Печатный орган ЦК меньшевиков «Рабочая газета» 15 (28) марта 1917 г. опубликовала статью «О Царьграде». В ней повторялась довоенная оппозиция меньшевиков и всей российской социал-демократии, а также II Интернационала. «Империалистическим планам о захвате Царьграда» меньшевики «противопоставляли социалистическую политику на Балканах: образование балканской союзной республики путем объединения многочисленных государств, имеющих на Балканском полуострове по образцу Соединенных Штатов Америки». В статье повторялась позиция относительно того, что «новая Балканская республика» сможет противостоять политике великих держав и «Балканский вопрос не будет больше очагом и непрерывной угрозой миру народов. «Балканы – для балканских народов». Вот лозунг и принцип социальной демократии»³⁴.

Дебаты шли и в самом Совете. Выступая на заседании солдатской секции Петроградского Совета 24 марта (7 апреля) 1917 г., большевик, депутат Государственной Думы, в 1914 году сосланный в Сибирь за анти-

военную пропаганду, Н. Р. Шагов, демонстрируя смесь элементарного невежества и трезвого политического анализа, заявил: «19 июля [началась] война, сначала – [между] Австрией и Сербией. На сербской территории (так в документе. Иными словами, руководство большевиков следовало за этнической – сербской – концепцией Боснии и Герцеговины. – С. Р.) [был убит] наследник австрийского императора местным народом. Наше правительство в своем манифесте, [подписанном] царем, объявило войну на защиту угнетенных Австрией славян. Прошло 2 г. и 8 месяцев. Все здесь [сидящие знают], что война началась не из-за славян, [что] нас обманули»³⁵. Иной взгляд на мировую войну и роль «славянского вопроса» для России после свержения царского режима представил меньшевик Б. О. Богданов 22 марта (4 апреля) на заседании Исполкома: «Смысл борьбы за освобождение угнетенных народов Сербии, Польши»³⁶.

12 (25) апреля «Рабочая газета» проинформировала своих читателей о позиции германской социал-демократии по вопросу о мире в связи с Возвращением Петроградского совета от 14 марта. «Не только меньшинство, которое с нами было солидарно и раньше, но и большинство ее устами официальных своих учреждений заявляет свою полную солидарность с обращением к народам всего мира Совета раб. и солд. депутатов. И то же говорят нам лица *австро-немецкой и венгерской социал-демократии, вожди их Адлер и Гарамы* (выделено мной. – С. Р.) В. Адлер подписал ответ на обращение социал-демократической фракции в Думе в 1913 г.)»³⁷. Тема мира был продолжена Петросоветом в обращении «Ко всем рабочим и работникам России» в связи праздником 1 мая. Он обратился с «братским приветом к пролетариям всех воюющих стран» и призвал «трудящихся всего мира подать друг другу руки и потребовать от своих правительств

³² Воззвание к солдатам всех воюющих стран // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 293, 295.

³³ Тайны внешней политики // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 55–57.

³⁴ О Царьграде // Рабочая газета. 1917. 15 (29) марта.

³⁵ Петроградский Совет. Т. 1 С. 554.

³⁶ Там же. С. 471.

³⁷ Германская социал-демократия о мире // Рабочая газета. 1917. 12(25) апреля.

скорейшего заключения мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов»³⁸.

Обосновывая необходимость «революционного оборончества», иными словами – продолжения войны, бывший в 80-е годы XIX в. активным народником, вступивший после Февраля в партию эсеров, А. П. Буланов писал: «После России, какой она была при царском правительстве, наименьше власти у народа из остальных больших европейских государств – это в Германии и Австро-Венгрии». Перечисляя неполноправные славянские народы – сербы, русины, поляки, чехи – Буланов не упоминал хорватов, словенцев, словаков. Когда же царское правительство, – конечно, не из жалости к сербам, а не желая потерять своего влияния среди балканских славян, которых оно когда-то освободило от турецкого ига, вступилось за сербов и мобилизовало армию»³⁹.

Буланов писал, что «остается единственное средство кончить войну, достойное великого народа, – это разбить германские армии и силою оружия заставить заключить мир на (указанных выше) справедливых условиях», заканчивал эсер-народник, решительно выступив против «братания» на фронте, значение которого особо отмечал Ленин в «Апрельских тезисах»⁴⁰.

Что же касается «принципа свободного самоопределения народов», то, по мнению Буланова, из него «вытекают и дальнейшие следствия. Вопрос о присоединении спорных областей к тому или другому из воюющих государств (Ленин это трактовал только как межимпериалистические противоречия. – С. Р.) должен решаться не силой оружия, а свободным всеобщим голосованием населения этих областей, плебисцитом. Тако-

³⁸ Ко всем рабочим и работницам России // Рабочая газета. 1917. 18 апреля (1 мая).

³⁹ Буланов А. Как можно кончить войну и каковы справедливые условия мира? Петроград, 1917. С. 4–5.

⁴⁰ Там же. С. 16, 17, 18; О задачах пролетариата в данной революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114. О братании также, напр., см.: Крлежа М. Поездка в Россию. 1925. С. 246–247.

вы вопросы о судьбе Эльзаса и Лотарингии, Итальянских, Славянских и Румынских областей, входящих в состав Австро-Венгрии, и наконец, – вопрос о Турецкой Армении»⁴¹.

Ответом на позицию Буланова и сторонников ведения войны стала статья Троцкого «На этом пути выхода нет», опубликованная 28(15) июня 1917 г. в газете «Вперед». «Милюков ушел, но осталась война. Составилось коалиционное правительство, – из мелкобуржуазных демократов и притаивших до поры до времени империалистические когти представителей буржуазии, – писал он. – Нигде, может быть, эта комбинация не обнаружила в такой мере свой противоречивый характер, как в области международной политики, т. е. прежде всего войны. Капиталистическая буржуазия послала в это правительство своих представителей во имя “наступательных действий на фронте и неизменной верности нашим союзникам” (резолуция кадетской конференции). Мелкобуржуазные демократы, считающие себя социалистами, вошли для того, чтобы – “не отрываясь” от капиталистической буржуазии и ее мировых союзников – закончить войну по возможности скорее и по возможности безобидно для всех участников: без аннексий, без контрибуций и даже с гарантией национального самоопределения»⁴².

Пошедший на сотрудничество с большевиками в составе группы межрайонцев летом 1917 г. Троцкий, на VI съезде РСДРП (б) объединившейся с большевиками⁴³, со сво-

⁴¹ Буланов А. Нужно ли воевать и на каких условиях может быть заключен мир. Петроград, 1917. С. 14.

⁴² На этом пути выхода нет // Троцкий Л. Сочинения. Т. III. Ч. 1. С. 94–95.

⁴³ В состав группы «межрайонцев» входили, в частности, В. Володарский, А. А. Иоффе, А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский, Л. Д. Троцкий, М. С. Урицкий, К. К. Юренев и другие. Вопрос о взаимоотношениях большевиков и межрайонцев по-прежнему остается в историографии дискуссионным. VI съезд проходил 26 июля (8 августа) – 3 (16) августа 1917 г. Напр., см.: Сталин И. В. Сочинения. 1917–1953. Т. 18. Тверь, 2006. С. XV. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Межрайонцы>.

ей стороны в брошюре «Программа мира. К Стокгольмской конференции» (авторская переработка Троцким его статей в парижском «Нашем слове» в 1915–1916 гг.) резко критиковал идею Стокгольмской конференции за «полуофициальное нащупывание почвы для мирных переговоров», поскольку «ликвидация войны путем гнилого соглашения (за счет главным образом малых и слабых народов) становится такой же задачей для официальной дипломатии, как восстановление “Интернационала” путем взаимного отпущения грехов»⁴⁴. Не говоря уже о том, что заключение мира выбивало почву из-под ног большевиков.

Касааясь роли Сербии в возникновении Первой мировой войны, Троцкий отметил, что «национальная энергия Сербии послужила гирькой на мировых империалистических весах, колебания которых в ту или иную сторону меньше всего зависят от самостоятельных интересов Сербии», которая «войдет составной и подчиненной частицей в великую игру капиталистических гигантов»⁴⁵. Отметим, что рассуждая о проблеме установления «национальных очертаний», к которым тяготеют «малые народы», Троцкий наряду с поляками, эльзасцами, бельгийцами и сербами отдельно упоминает и «далматинцев» – то есть жителей Далмации, под которыми, возможно, имел в виду хорватов.

«Прямая и непосредственная зависимость национального самоопределения слабых народов от всего европейского режима исключает возможность для пролетариата ставить вопрос, например, о независимости Польши или объединении всех сербов вне европейской революции», – писал он, не заметив, что идея «объединения всех сербов» противоречила интернационалистской концепции национального самоопределения и вела к отрицанию права на самоопределение других народов, проживающих на одной с сербами территории»⁴⁶.

⁴⁴ Троцкий Л. Программа мира // Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 123. Также см.: Троцкий Л. Сочинения. Т. III. Ч. 2. С. 70–92, 387.

⁴⁵ Там же. С. 127.

⁴⁶ Там же. С. 135–136.

Подобно многим социал-демократическим авторам того периода, Троцкий был сторонником создания на Балканах федеративной республики. «Как лозунг национальной независимости сербов, болгар, греков и прочих остается голой абстракцией без дополняющего его лозунга федеративной балканской республики, играющего такую огромную роль во всей политике балканской социал-демократии, так в общеевропейском масштабе принцип “права” на самоопределение может получить плоть и кровь только в условиях европейской федеративной республики, – писал он. – Но если на Балканском полуострове лозунг демократической федерации стал чисто пролетарским, то тем более это относится к Европе с ее несравненно более глубокими капиталистическими антагонизмами»⁴⁷. Однако относительно формы будущего устройства Балкан Троцкий не расходился с инициаторами стокгольмской конференции.

Троцкий отметил экономические причины противодействия интеграционным тенденциям в Средней Европе со стороны венгерской буржуазии по отношению к австрийской, австро-венгерской – по отношению к германской, а также германских аграриев по отношению к австро-венгерским и трудности в «согласовании» интересов имущих классов центральных империй с интересами англо-французских капиталистов. Поэтому отметил он, рассматривая перспективу создания Соединенных Штатов Европы, в этих условиях сколько-нибудь полное экономическое объединение Европы сверху, путем соглашения капиталистических правительств, является чистейшей утопией. Он считал, что «экономическое объединение Европы, сулящее огромные выгоды производителю и потребителю, всему вообще культурному развитию, становятся революционной задачей европейского пролетариата в его борьбе с империалистическим протекционизмом и его орудием – милитаризмом. Соединенные Штаты Европы – без монархий, постоянных армий и тайной дипломатии – являются поэтому важнейшей

⁴⁷ Там же. С. 137.

составной частью пролетарской программы мира»⁴⁸. Среднюю Европу он понимал как пространство без Англии и Франции, с одной стороны, и России – с другой⁴⁹. Само собой разумеется, что Соединенные Штаты Европы станут лишь одной из двух осей мировой организации хозяйства. Другой осью явятся Соединенные Штаты Америки»⁵⁰.

Внес свой вклад в разработку балканской концепции большевиков и член ЦК этой партии с 1907 г. Л. Б. Каменев. В 1917 г. он опубликовал брошюру «Империализм и балканская республика», написанную им в конце 1916 г. В частности, в ней он дал характеристику геополитического положения региона и его развития. Вполне в духе идей Ленина он писал: «Территория, на которой империалистические мотивы самым причудливым образом сплетаются со стремлениями, порожденными незавершенностью демократических движений к созданию национально-государственных объединений, может быть приблизительно обозначена треугольником, вершина которого лежала бы у Кенигсберга, а стороны спускались к устью Днестра и к Триесту. Эта полоса земли обнимает, таким образом, кроме частей России с польским и украинским населением, славянские области Австро-Венгрии и балканские государства». Каменев отметил, что, бросив взгляд на карту этой части Европы можно «сразу заметить поразительное, нигде в других частях Европы, не встречаемое несоответствие между политическими и национальными границами». По его мнению, это являлось «пережитками средневековья, результатом и показателем незавершенности даже первых стадий капиталистического развития»⁵¹.

⁴⁸ Троцкий Л. Программа мира // Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 123. Также см.: Троцкий Л. Сочинения. Т. III. Ч. 2. С. 137–138.

⁴⁹ Там же. С. 138.

⁵⁰ Там же. С. 141–142.

⁵¹ Каменев Ю. Империализм и Балканская республика. Петроград., 1917. С. 6. См. также перевод фрагментов на хорватский язык: Radošević M. Hrvatsko pitanje. Bolševizam i Jugoslavija. Socijalno-politička rasprava. Zagreb, 1925. S.35.

Большевистский аналитик обратил внимание и на особенности геополитического положения балканских народов и государств. «Одним словом, – делал вывод Каменев, – перед нами то самое средневековье, когда товарный обмен в своем развитии должен был преодолевать десятки таможенных застав, считаться с самыми различными системами управления, права, юрисдикции и т. д. Это средневековье стоит сильнейшим препятствием на пути развития производительных сил края и полезно отнюдь не народным массам, а только иностранному империалистическому капиталу, который эксплуатирует отсталость страны и утверждает свое господство, пользуясь призрачной самостоятельностью и реальной борьбой бессильных и лишенных возможности самостоятельного развития мелких государств»⁵².

Рассматривая явление «„национального самоопределения” отсталых и колониальных областей», Каменев утверждал, что оно «имеет своей необходимой предпосылкой классовое „самоопределение” демократий передовых капиталистических стран. И наоборот. Там, где промышленная демократия (как, напр., в Австрии и Германии в лице Шейдемана, Давида, Адлера, Реннера и т. д.) проходит мимо вопросов о самоопределении, где она пренебрегает этими вопросами, там без всякого дальнейшего исследования можно смело говорить о том, что время действительного классового самоопределения еще не пришло. <...> Это особенно верно для нашей эпохи, когда, например, на почве германского внутригосударственного империалистического блока вырастают такие явления, как недавняя конференция социал-демократов Австрии и Германии с ее заявлениями о насильственном включении Балкан и Польши в Среднеевропейский таможенный и политический союз (И то же самое мы наблюдаем, когда русские министры-„социалисты”, купно со всеми империалистами России отказывают Украине и Финляндии в признании их прав на самоопределение)».

⁵² Каменев Ю. Империализм и Балканская республика. С. 7–8.

«Мы считаем сентиментально-утопическим всякие представления о “самоопределении” как о верховной инстанции демократической политики, как об идеальном типе разгораживания человечества и т. д. Исторический процесс работает в прямо противоположном направлении, в направлении создания крупных хозяйственных, а следовательно, и политических объединений, погашающих старинные межи. А это, между прочим, обозначает, что серьезно говорить о самоопределении можно только там, где обособление опирается на специфические хозяйственные условия, где его базисом является территория, достаточно обширная и географически пригодная для развертывания процесса промышленного развития», – писал большевистский публицист Каменев в духе «экономического детерминизма»⁵³.

Что же касается непосредственно Балкан, то соратник Ленина не сомневался в том, что если бы «на почве внутренней коренной ломки феодальных остатков и внешней поддержки разорвавших “гражданский мир” зарубежных демократий осуществился Балканский союз свободных народов, то это послужило бы могучим толчком к превращению самих же Балкан в новый очаг империалистической активной политики». Но это, вполне прагматично заключал он, «не должно для нас закрывать того факта, что только действительное проведение в жизнь права наций на самоопределение соответствовало бы интересам пролетарской борьбы с империализмом крупнейших европейских стран». «”Полное право наций на самоопределение, федеративная балканская республика”, торжество пролетарски-крестьянского революционного движения над империалистическими планами собственных династий буржуазии восточных и юго-восточных областей Европы – вот задачи, которые должны быть решены в первую очередь в тех странах, о которых мы говорим в этой статье и решение которых должно стать делом мирового пролетарского движения», – заканчивал свое сочинение будущий

член Политбюро РКП(б), партии, которая, придя к власти в России, и попыталась осуществить вышеописанные идеи⁵⁴.

21 мая (3 июня) «Рабочая газета» «горячо приветствовала те ноты в мирных условиях германских с.-д., которые свидетельствовали об их согласии принять за основу принцип мира без аннексий и контрибуций. С еще большей радостью должны мы приветствовать условия мира, сформулированные венгерскими с.-д. Доклад СДПВ после его представления Голландско-скандинавскому комитету 29–30 мая (н. ст.) был распространен в международных социалистических кругах. Выступавший перед комитетом лидер СДПВ Гарамы высказался против обороны, против великосербской идеи путем войны, за федеративное устройство (Австро-Венгрии), признал право Сербии на выход к Адриатическому морю, призвал к оказанию ей помощи всех воюющих стран. Он отметил связь Сербии с Черногорией и стремление Сербии к выходу на Адриатику. При этом Гарамы подчеркнул, что в реальности венгерское побережье Адриатики (в составе Австро-Венгрии, область Фиуме. – С. Р.) меньше по протяженности побережья Черногории, что имело значение для послевоенного определения территорий и проведения границ. Что касается Хорватии, то венгерский социал-демократ заявил, что «даже управление находится в руках венгров». На вопрос о возможности объединения всех южных славян под австро-венгерской короной, он ответил, что видит две возможности. Первая – вышеупомянутая; вторая – государственное объединение всех южных славян в самостоятельном государстве. Однако венгерская СДП «не видела необходимости в таком решении вопроса», а в предлагала «смену образа правления». Развивая эту мысль, он сказал, что хотя в (автономной. – С. Р.) Хорватии правительство находится в руках хорватов, «главная ответственность по-прежнему лежит на венграх. Поэтому главный вопрос заключается в демократизации Венгрии». На грустное заме-

⁵³ Там же. С. 20–21.

⁵⁴ Там же. С. 21–22.

чание Гюсманса о недооценке социалистами национального вопроса, Кунфи ответил, что «опасность состоит в превращении недооценки в переоценку»⁵⁵. Достоинство этой позиции «Рабочая газета» видела в том, что был «конкретизирован принцип „без аннексий и контрибуций“». В глазах венгерских социал-демократов это означало восстановление Сербии, а также борьбу «за полную демократизацию Венгрии, всеобщее избирательное право и др. реформы»⁵⁶.

В несколько иной редакции на день раньше представила своим читателям информацию о позиции венгерской социал-демократии «Новая жизнь»: «Без аннексий и контрибуций и интегральное восстановление всех оккупированных государств»; материальная ответственность Германии и Австро-Венгрии за разорение военных территорий; вопрос о «полной демократизации политического строя в Австро-Венгрии и Германии, отчетливо понимая, что это есть действительный путь к самоопределению народов, их населяющих»⁵⁷.

8(21) июня «Единство» опубликовало краткое изложение доклада чехославянской социал-демократии (в газете она ошибочно названа чехословацкой) в Стокгольме. О. Хаберман, А. Немец и Б. Шмераль: «Исходя из этих принципиальных положений [самоопределение и его последствия] мы требуем для нашей чешской нации (Nation. – С. Р.) создания самостоятельного чешского государства в рамках Дунайской империи, построенной на принципах федерации в целом. Мы требуем, чтобы в этом федеративном государстве все представители чешской нации, в той мере как они компактно проживают, получили свое политическое объединение, включая словаков. Мы требуем для чешской нации всех атрибутов суверените-

⁵⁵ №. P/24. Sitzung des Holländisch-skandinavischen Komitees mit der Delegation aus Ungarn, 29. Mai 1917 // <http://labourhistory.net/stockholm1917/documents/p64.php>

⁵⁶ Венгерские с.-д. об условиях мира // Рабочая газета. 1917. 21 мая (3 июня).

⁵⁷ Условия мира венгерских соц.-дем. // Новая жизнь. 1917. 20 мая (2 июня).

та – собственного национального представительства и ответственной перед ним власти». В отличие от австрийской делегации, чешские социал-демократы прямо заявили, что национально-культурной автономии не достаточно⁵⁸. Авторы документа резко критиковали план германского правительства, который, «в сущности, (является) планом великой Центральной Европы» и ставит под контроль Африку и Азию. Более всего чехославянских социал-демократов как жителей Австро-Венгрии, и как славян, волновало то, что «этот план в первую очередь значит политический и, вследствие этого, экономический контроль над Австро-Венгрией»⁵⁹.

Если говорить об Австро-Венгрии и Балканах, то социал-демократическую печать разных направлений в мае – июне 1917 г. волновали два судебных – смертных – приговора. Один был вынесен австрийскому социал-демократу Фридриху Адлеру за убийство К. фон. Штюргка; другой – сербскому полковнику Драгутину Димитриевичу (Апису) и его двум его товарищам по обвинению в организации покушения на престолонаследника Александра Карагеоргиевича.

Смертный приговор Адлеру бурно обсуждался и осуждался в «Известиях», «Единстве», «Рабочей газете», «Новой жизни»⁶⁰. Газеты публиковали статьи о его жиз-

⁵⁸ № P/45a. Pressecommuniqué zu den Sitzungen des Holländisch-skandinavischen Komitees mit der Delegation der Tschechoslowakischen sozialdemokratischen Arbeiterpartei am 26–27 Juni 1917. URL: <http://labourhistory.net/stockholm1917/documents/p64.php>.

⁵⁹ Заявление чешских социалистов // Единство. 1917 8 июня (21 июня).

⁶⁰ Фридрих Адлер приговорен к казни // Известия. 1917. 10 (23) мая; Фридрих Адлер // Единство. 1917. 12 мая (25 мая). Смертный приговор Фридриху Адлеру // Рабочая газета. 1917. 10(23) апреля; Фриц Адлер // Рабочая газета. 1917. 12(25) апреля; В защиту тов. Ф. Адлера // Рабочая газета. 1917. 13(26) апреля; Протесты против смертного приговора т. Адлеру // Рабочая газета. 1917. 17(30) апреля; Протестуйте против осуждения т. Адлера // Рабочая газета. 1917. 21 мая (3 июня); Протесты против смертного приговора т. Адлеру // Рабочая газета. 1917. 6 (19) июня; Смертный приговор

ни и позиции, причинах покушения и требования отмены приговора. Л. Мартов даже издал о нем отдельную брошюру⁶¹. Наряду с информацией о судьбе Ф. Адлера «Русское слово» сообщило о смертном приговоре, вынесенном в Австрии православному священнику О. Рожкову⁶².

Исполком Петросовета руководствовался «общими» соображениями, и в сознании русских революционеров офицеры-заговорщики, решительно расправившиеся в 1903 г. с сербским монархом, снискали такие же симпатии, как и австрийский социал-демократ Фридрих Адлер. Сын одного из лидеров СДПА Виктора Адлера в 1916 г. в знак протеста против войны и за отказ созвать сессию рейхсрата, распущенного в 1914 г. (в отличие от парламента Венгрии), застрелил министра – президента правительства Австрии графа Карла фон Штюргка. Деятели Петросовета также протестовали против вынесения ему в Австро-Венгрии смертного приговора⁶³. В отличие от Карагеоргиевичей, Габсбурги не привели его в исполнение. В 1917 г. Ф. Адлер получил 18-летнее заключение, а в 1918 г. его освободила революция.

«Известия», «Рабочая газета» также активно протестовали против смертного приговора Апису, вынесенного на процессе 28 мая – 5 июня и приведенного в исполнение в середине июня (называются разные даты) 1917 г.⁶⁴

Фрицу Адлеру // Новая жизнь. 1917. 10(23) мая. Также см. статью Троцкого в газете «Новый мир» от 3 февраля 1917 г.: Виктор и Фридрих Адлер / Троцкий Л. Сочинения. Т. VIII. Политические силуэты. М.; Л., 1926. С. 33–36.

⁶¹ Мартов Л. Фридрих Адлер. Петроград, 1917.

⁶² Процесс Адлера // Русское слово. 1917. 10(23) мая; Смертный приговор в Австро-Венгрии священнику о. Рожкову // Русское слово. 1917. 11(24) мая.

⁶³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. М., 2002. Том третий. 6 мая – 2 июля 1917 г. С.24, 25, 31, 29, 44, 209.

⁶⁴ Напр. См.: Против смертных казней в Сербии // Известия. 1917. 17(30) июня.

В неприятии приговора суда в Солуни (Салониках) позиция социал-демократов и Временного правительства совпадали. Министр иностранных дел России М. И. Терещенко также троекратно выражал протесты. Но все усилия оказались напрасными.

Еще одним красноречивым свидетельством отношения эсеров и меньшевиков к «сербскому вопросу» стала до сего времени вызывающая ожесточенные историко-политические споры история Солунского процесса.

Эсер-интернационалист, «циммервальдец» В. Чернов, в отличие от большинства публицистов и идеологов российского революционного движения, особое внимание уделил «славянскому вопросу». После Февральской революции он издал обстоятельную брошюру «Марксизм и славянство. К вопросу о внешней политике социализма». Своей задачей Чернов считал объяснение исторических и иных условий возникновения у основоположников социалистического движения концепции «реакционных» и «контрреволюционных народов», к которым они относили славян. Его брошюра содержала критику с позиций социалиста-революционера «индустриального социализма», позиции Ленина и большевиков (хотя они ни разу не названы), а также германской и австронемецкой социал-демократии. «Маркс и Энгельс не гарантировали себя от этих злоупотреблений. Их “шовинизм” был не германским, а “революционным шовинизмом”, прилепавшимся к традициям якобинства великой французской революции, – писал Чернов. – Все современные немецко-австрийские социал-шовинисты, радостно провозглашающие, что в войне против России теперь “впервые рождается в полном смысле этого слова немецкая нация, сливающая Германию с Австрией”, с необыкновенной охотой вспоминают слова Маркса, что “немецкое единство и немецкая демократия могут проистечь лишь как продукт движения, в котором будут играть решающую роль столь же внутренние конфликты, как и война с Востоком”, и что

«только война с Россией будет истинно-революционной войной Германии»⁶⁵.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., по мнению Чернова, «туркофилами» выступали Маркс, Энгельс, Либкнехт, Бебель, а «защитниками угнетенных балканских славян» – в том числе и «будущие светила партии Каутский, Бернштейн, Роза Люксембург»⁶⁶.

«В современном кризисе социализма доля вины падает и на то идейное наследство, которое получено вторым интернационалом от его предшественников и основоположников. <...> Едва ли не всего характерные его основные, типические черты выступают в отношении Маркса и Энгельса к России и славянству», – писал Чернов, ставя знак равенства между Россией и славянством⁶⁷.

Одной из причин негативного отношения и не всегда объективных оценок России и славянства Марксом и Энгельсом Чернов видел в «якобинских пережитках марксизма». «Непосредственно за французским пролетарским авангардом должна была выступить центральная Европа: Германия и Италия. Им нужно было преодолеть в центральной Европе «внутреннего врага», главным образом, в лице прусской и австрийской династий. Внешним врагом являлась Россия и тяготеющее к ней славянство». Заметим, что «славянство» далеко не целиком и не всегда «тяготело» к России; это представление довольно схематично⁶⁸.

Вторым элементом концепции «классиков» было признание необходимости войны с ней ради свободы: «Слишком ясно, что революция пожелавшая сделать своим служебным оружием стихию национального чувства, незаметно сама для себя сделалась, наоборот, его бессознательным орудием»⁶⁹.

Что же касается психологического аспекта восприятия Марксом и Энгельсом

славянства, то в трактовке Чернова «долго, бесконечно долго, они ощущали пережитые ими революционные события не как слишком естественную по соотношению сил трагедию тогда еще бессильной рабочей демократии, а как результат исторического преступления какой-то внешней для революции силы, преступления, вызывающего к отмщению и каре. <...> Виновником и подсудимым они сделали не только Россию, но и всё – в их представлении неудержимо тяготевшее к ней – славянство»⁷⁰.

«Смертный приговор, произнесенный Энгельсом над югославянами и чехами был кассирован историей, – продолжал анализировать Чернов. – Но характерно, что даже такие вдумчивые марксисты как Меринг... даже они не выходят вполне из-под власти все той же абсолютной схемы...». При этом автор привел оценки профессиональных историков Макса Баха и Вильгельма Блоса, не подтверждающие «приговор» Энгельса⁷¹.

«Панславизм, влекущий в объятия к русскому абсолютизму, – вот виновник реакционного грехопадения славянства, – возражал Чернов Энгельсу. – Однако если мы присмотримся хорошенько к пугалу этого панславизма, то из-за странной маски показываются довольно невинно-романтические черты сентиментально этнографического общеславянского культурного тяготения – и только»⁷². Однако и эта оценка представляется далекой от действительности.

Что касается германо-славянских отношений, то (по Чернову) точка зрения Энгельса состоит в том, что «славяне не имеют будущности, не имеют и прошлого. От полного варварства и жалкого прозябания их спасли немцы и мадьяры. Немцы и мадьяры принесли им современную культуру, городскую жизнь, индустрию, торговлю, образование, гражданственность». Энгельс отрицал наличие собственной истории у «иллирийских словенцев, далматинцев, кроатов, шоказов (шокцев. – С. Р.)». Это высказывание сви-

⁶⁵ Чернов В. Марксизм и славянство. К вопросу о внешней политике социализма. Петроград, 1917. С. 100.

⁶⁶ Там же. С. 4.

⁶⁷ Там же. С. 5.

⁶⁸ Там же. С. 12.

⁶⁹ Там же. С. 17.

⁷⁰ Там же. С. 19–20.

⁷¹ Там же. С. 21, 24.

⁷² Там же. С. 28.

детельствует, по мнению Чернова, что «Энгельс с олимпийским спокойствием говорит про победоносное шествие колесницы великодержавного ассимилятора»⁷³.

Чернов полагал, что многим социал-демократам начала XX в. свойственна характерная для марксистов второй половины XIX в. «недооценка роли национального начала в истории». Он писал: «Что же это за интернационализм, который в борьбе двух национализмов, – агрессивного национализма крупных национальностей, драпирующегося в тогу «цивилизаторской миссии» и под нею скрывающего свои ассимиляторско-великодержавные поползновения, – и оборонительного национализма мелких народностей, служащих объектами такого поползновения – не умеет хранить должного объективного беспристрастия, но заранее предрасположен быть с сильными против слабого?»⁷⁴. Лидер движения за создание независимой Чехословакии Томаш Гарриг Масарик в своей брошюре, написанной во время его пребывания в России для формирования в России из военнопленных австро-венгерской армии Чехословацкого легиона, положительно отозвался об этой «удачно написанной» брошюре Чернова «об ошибочных воззрениях Маркса на национальности»⁷⁵.

Сохраняя верность своим взглядам, Чернов, как и в 1902 г. в вышеупомянутой брошюре о Венгрии, характеризует западноевропейский социализм как «исключительно пролетарский», полагая, что возможен и непролетарский социализм⁷⁶.

Эсер-интернационалист и убежденный противник большевиков, Чернов выдвигает

⁷³ Там же. С. 34, 37.

⁷⁴ Там же. С. 42–43.

⁷⁵ См. хорватское издание: Masaryk T. G. Nova Evropa. Slavensko stajalište. Zagreb, [1920]. S. 57. Второе издание этой же брошюры на хорватском языке: Masaryk T.G. Borba za samoodredjenje naroda. (Nova Evropa sa slavenskog stajališta). Drugo izdanje. Zagreb, 1923.

⁷⁶ Чернов В. Марксизм и славянство. С. 50. См.: Чернов В. Из практики социалистического движения в Венгрии и Италии. М., 1905. С. 5, 95, 100.

свою гипотезу возникновения австромарксизма. «Бедой Маркса и Энгельса было то, что их мирозерцание и в самом деле складывалось крайне неблагоприятно для выработки такой программы. Вот почему впоследствии потребовалось и возникло в Австрии целое идейное течение, получившее имя «национального ревизионизма», с Отто Бауэром, Гильфердингом и др. во главе, течение, пошедшее навстречу зародившемуся впервые среди югославянских социалистов идеям о федеративном переустройстве Австрии, дополненном институтами так называемой “персональной”, или культурной, автономии». Несмотря на то что сам же Чернов в своих статьях времен войны резко критиковал австрийскую социал-демократию за то, что она не выступала против нападения на Сербию и против развязывания войны, идея федерализма была близка ему, как и другим эсерам. И в этом отношении он становится на сторону австрийских социал-демократов против Ленина, выступившего в этом отношении прямым наследником Маркса и Энгельса. «Маркс и Энгельс по всем своим тенденциям были централизаторами. К федеративному принципу у них была явная идиосинкразия. В этом смысле они не могли встать выше исключительных, своеобразных условий своего места и времени». У части международного социалистического движения «борьба против известной формы федерализма незаметно переходит в борьбу против самого принципа федерации»⁷⁷, что произошло с Лениным и большевиками.

В то же время Чернов резко критически отнесся к геополитическим соображениям Энгельса, которые экстраполировались в современную ему обстановку Первой мировой войны. Российский социалист-революционер заметил: «Рассуждение ведется с точки зрения национального германо-мадьярского капитализма, с точки зрения ее великодержавных интересов, – но только не с точки зрения классового, интернационального социализма»⁷⁸. «Великая нация не

⁷⁷ Чернов В. Марксизм и славянство. С. 50, 51.

⁷⁸ Там же. С. 96–97.

может позволить малой себя отрезать от необходимых для нее исторических путей! Но ведь как раз во имя этого Германия требует себе свободного прохода через Салоники и Константинополь (при этом притязания России на Проливы и на Царьград не были упомянуты. – С. Р.) на Багдад и в Персидский залив»⁷⁹.

В конце июня (начале июля) «Новая жизнь» опубликовала меморандум германских независимых социал-демократов. Германские левые подчеркнули, что «национальное и социальное освобождение не может быть делом войны между правительствами; оно может быть лишь делом демократий». Они выступили за «восстановление Сербии в качестве автономного и независимого государства», «которое абсолютно необходимо». Кроме того, они «не отрицали справедливости движения сербов к объединению в одно национальное государство»⁸⁰, не уточняя, однако, что это будет означать как для Австро-Венгрии (распад или территориальные потери), так и для южнославянских народов, которые не считали себя сербами.

Весной правое крыло партии эсеров в «Воле народа» критиковало позицию Австро-Венгрии, которая, как и Германия, «воздерживается от публикаций целей войны», а также отвергает предположение, что «австро-венгерское правительство признало основой прочного мира право национальностей на самоопределение». Хотя «Австро-Венгрия истощена войной и нуждается в мире, и, тем более что на почве войны обостряются внутренние противоречия лоскутной империи, усиливаются центристские тенденции составляющих ее наций», «король Карл V (так в тексте. Видимо, Карл I. – С. Р.) и его министры, верны традициям австрийской политики, никогда добровольно не признают принцип самоопределения народов, осуществление которого разрушило бы основу их господства», – писал

Е. Сталинский⁸¹. Однако существовал риск – и в этом отдавали себе отчет австро-венгерские консерваторы независимо от национальности, – что осуществление принципа национального самоопределения не только не положило бы конец Первой мировой войне, но и породило бы на территории империи войны нового типа – этно-гражданские. Автор статьи ставил вопрос о «защите австрийских народов, в том числе сербов, хорватов, чехов, итальянцев и т. д., подвергавшихся сейчас самым жестоким гонениям».

Новым министром иностранных дел 5(18) мая в составе первого коалиционного правительства по согласованию с Исполкомом Петросовета был назначен М. И. Терещенко, занимавший этот пост до 25 октября (7 ноября) 1917 г. После его прихода в МИД подход России к южнославянским проблемам несколько изменился. Новый министр полагал, что «принцип свободного самоопределения будет благоприятствовать России больше, чем Германии, ибо балканские народы, имея свободу выбора, будут гораздо больше стремиться к сближению с Россией, чем с Германией. Поэтому в отношении Австро-Венгрии выдвигался принцип самоопределения народов (то есть самоопределения славян. – С. Р.), под прикрытием которого можно присоединить Галицию, а на Балканах планировалось вокруг Сербии создать южнославянскую федерацию (выделено мной. – С. Р.), в рамках которой выделить другие славянские земли»⁸².

Временное правительство продолжило линию царского правительства и поддерживало Сербию в наиболее важных вопросах, стремясь сохранить свое влияние, но делало это более осторожно. Часто проявлявшиеся непоследовательность и нерешительность в балканской политике Временного правительства, свойственные и царской России, в конце концов неизбежно привели к падению его авторитета, как у сербского правительства, так и у Югославянского комитета.

⁷⁹ Чернов В. Марксизм и славянство. С. 98–99.

⁸⁰ Меморандум германских с.-д. (независимых) // Новая жизнь. 1917. 27 июня (10 июля).

⁸¹ Австрия и мир // Воля народа. 1917. 23 мая (5 июня).

⁸² Цит. по.: Игнагьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. С. 217, 251–252.

18 июня посланник в Греции Е. П. Демидов отмечал «временный упадок русского традиционного влияния на Балканском полуострове»⁸³. Таким образом, Временное правительство не воспользовалось возможностью «эффективнее царизма использовать во внешней политике «принцип национальностей». Давая общую характеристику «славянской» политики России после Февраля 1917 г. можно прийти к выводу: правительство было новым и Временным, но политика оставалась прежней и постоянной, унаследованной от предшественников.

После ухода Г. Е. Львова с поста министра-председателя второе коалиционное правительство во главе с А. Ф. Керенским 24 июля (6 августа), несмотря на ослабление его позиций внутри страны и за ее пределами, продолжало политику поддержки славян, хотя его внешнеполитические возможности заметно уменьшились. Основным и почти единственным союзником на Балканах была Сербия. Россия одобрила сербско-хорватский компромисс, оформленный на о. Корфу, помогла Сербии добиться участия в Парижской конференции летом 1917 г.⁸⁴, поддерживала ходатайство правительства Н. Пашича о восстановлении сербского управления на освобожденной территории Сербии, проект создания в США югославянского корпуса и т. д.⁸⁵

1(14) июля «Русское слово» поместило статью под названием «Югославяне». В ней говорилось о том, что «Временное правительство обратилось к съезду делегатов югославянских земель, собравшихся на о. Корфу, с приветственной телеграммой». Поскольку в программных документах разных составов Временного правительства проблемы Австро-Венгрии и южных славян не затрагивались⁸⁶, эту телеграмму можно

⁸³ Там же. С. 253.

⁸⁴ Mandić A. Fragmenti za historiju ujedinjenja. S. 244; Дипломатска преписка српске владе. С. 102.

⁸⁵ Игнатъев А. В. Внешняя политика Временного правительства. С. 333.

⁸⁶ Напр., см.: Декларация Временного правительства о его составе и задачах 3 марта 1917 г. / Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 419–420; Декларация первого коалиционного правительства о своей про-

считать выражением официальной позиции Временного правительства и министра Терещенко и его аппарата по данному вопросу. В ней «высказано пожелание, чтобы труды съезда, являющегося подготовительной работой к установлению в будущем тесного и прочного единения между юго-славянами на началах самоопределения, справедливого признания взаимных прав и согласования экономических и политических интересов, увенчалось полным успехом».

Позицию МИД и его министра относительно будущего Балкан и славян, имеющего большое значение в политико-дипломатической игре между союзниками, отражала инструкция Терещенко поверенному в делах в Париже в делах в Париже М. М. Севастопуло от 8(21) июля о союзнической конференции по балканским вопросам. «В настоящую минуту общее военно-политическое положение, а равно условия нашего участия в конференции, – писал министр, видимо, по совету своего аппарата, – побуждают нас избегать принятия на конференции каких-либо кардинальных политических решений, которые могли бы в будущем связать нашу свободу действий, хотя бы решения эти и были формулированы в более мягкой форме „пожеланий“»⁸⁷.

10(23) июня «Русское слово» проинформировало читателей о «совещании членов югославянского комитета с членами сербского правительства». Согласно газете, обсуждался не осуществившийся в 1917 г. план «формирования нового сербского (выделено мной. – С. Р.) кабинета, в члены которого предлагается пригласить и главарей

грамме 5 мая 1917 г. / Революционное движение в России в мае – июне 1917 г. Июньская демонстрация. М., 1957. С. 229; Декларация Временного правительства с изложением программы своей деятельности 8 июля // Революционное движение в России в июле 1917. Июльский кризис. М., 1959. С. 295–297; Декларация Временного правительства нового состава 25 сентября 1917 г. // Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. М., 1961. С. 234.

⁸⁷ Революционное движение в России в июле 1917. Июльский кризис. С. 297–298.

югославянского движения, дабы повести более деятельную работу в делах достижения объединения сербов, хорватов и словенцев»⁸⁸.

Хотя участники переговоров на о. Корфу не опубликовали приветствие Временного правительства и свой ответ, праволиберальное «Русское слово» обнародовало оба эти документа. Временное правительство «высказывало пожелание, чтобы труды съезда (т. е. участников конференции на о. Корфу. – С. Р.), являющегося подготовительной работой к установлению в будущем тесного и прочного единения между югославянами на началах самоопределения, справедливого признания взаимных прав и согласования политических и экономических интересов, увенчалась полным успехом». Министр Терещенко и его сотрудники подчеркивали, что «съезд может быть уверен, что в этом отношении он встретит поддержку и сочувствие со стороны свободной России»⁸⁹.

«Мы можем известить братскую и демократическую Россию, что мы пришли к соглашению о будущей совместной жизни в едином государстве, основанном на демократических началах, которые путем общего, тайного и прямого голосования обеспечить народу право самоопределения государственного, так же как и в административных единицах. Граждане, кто бы они ни были, будут пользоваться одинаковыми правами и одинаковой свободой: все религии, вероисповедания и обряды будут иметь те же самые права и определенную защиту в законах, азбуки кириллица и латиница будут повсюду и во всех судебных и присутственных местах и учреждениях равноправными... династия Карагеоргиевичей признана всеми в качестве конституционных свободных народов. Сербы, хорваты и словинцы, которые были и вовеки будут одним и тем же народом, жили искусственно разделенные, дабы германский народ легче мог денационализировать

их и подчинить своей (? – нрзб; повреждена газета. – С. Р.) германской культуре». Авторы ответного послания с о. Корфу соединили социально-политические принципы Четверного согласия с этнонациональной принадлежностью: «Теперь, когда демократическая и свободная Россия примкнула к европейской и американской демократиям, борющимся против насилия германизма, мы ожидаем скорейшего воскрешения своей независимости и государственного единства»⁹⁰.

22 июля (4 августа) 1917 г. газета меньшевиков-оборонцев «День» опубликовала подробную телеграмму с о. Корфу, где сербское правительство решило провести встречу с лидерами Югославянского комитета для выработки общей позиции. Временное правительство вынуждено было принять это как данность и направить приветствие конференции. В нем выражалось удовлетворение созывом этой встречи, и содержались заверения в поддержке со стороны «свободной России»⁹¹. Полученная газетой «День» информация, содержащая сведения о предварительных контактах премьер-министра Сербии Н. Пашича с председателем Югославянского комитета А. Трумбичем перед подписанием Корфской декларации 20 (7) июля, была отправлена с о. Корфу 13 (26) июня. В статье под названием «Югославянское государство» подчеркивалось, что «идея национального единства никогда не угасала среди этих народов, неустанно поддерживавших борьбу с сильнейшими и многочисленными врагами: немцами и венграми на западе и турками на востоке». Авторы заявления основывались «на принципе самоопределения народов» и подчеркивали, что «югославы стремятся к освобождению от всяческого иноземного владычества и к образованию

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Deklaracija od 20.(7.) jula 1917. / Dokumenti o postanku kraljevine srba, Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. Zagreb, 1920. S. 96–98; Balkanski ugovorni odnosi. Beograd. 1876–1996. T. I. S. 486–489. Также см.: Mandić A. Fragmenti za historiju ujedinjenja. S. 244; Игнатъев А. В. Внешняя политика Временного правительства. С. 163–164; Зеленин В. В. Под красным знаменем Октября. С. 59.

⁸⁸ Сербия // Русское слово. 1917. 10(23) июня.

⁸⁹ Югославыне // Русское слово. 1917. 1(14) июля.

свободного и независимого национального государства», которое «объединит сербов, хорватов и словинцев, именуемых совместно югославянами». Иными словами, в российский политический лексикон слово «югославяне» вошло не только как этноним, но и как политоним⁹². Примечательно, что не только адрес национально-оппозиционного большинства собора Хорватии от 9 марта 1917 г. (возможно, о нем не было известно, поскольку он был вручен императору и королю Карлу I(IV) только 17 сентября), но и принятая 30 мая 1917 г. Декларация Югославянского клуба рейхсрата в Вене не встретила практически никакого отклика в российской социал-демократической печати⁹³.

В. Рафаилов-Чернышев, автор пропагандистской брошюры «Кто за свободу, тот за победу» (1917), работавший для издававшегося Г. В. Плехановым «Единства», в статье «Война за право народов на самоопределение» следующим образом трактовал этот принцип: «Война все с большей отчетливостью принимает характер революционной борьбы за право народов на самоопределение, характер демократически-национальной войны». При этом публицист, перечисляя народы, населявшие Австро-Венгрию, не включил в их число ни хорватов, сербов и словенцев, ни югославян в целом. «Внутренняя политика Австро-Венгрии строилась сначала на преобладании германской нации, позднее передавшей власть мадьярам. Такая политика ставила славянские народы и, в особенности, чехов в положение отверженных, – писал автор, – пробуждая в народах их национальные стремления, это привело к политическим преследованиям, достигшим небывалых размеров во время войны»⁹⁴.

⁹² Югославянское государство // День. 1917. 23 июля (4 августа). Публикацию текста Корфской декларации на русском языке см.: Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. С. 81–83.

⁹³ Adresa većine hrvatskog sabora; Deklaracija Jugosovenskog kluba; Deklaracija Starčevićeve stranke prava/ Dokumenti o postanku kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. S. 85–88, 94–96.

⁹⁴ Война за право народов на самоопределение // Единство. 1917. 28 июня (11 июля 1917 г.).

В номере, вышедшем месяц спустя, в июле (августе) были опубликованы строки, против которых по форме, но вкладывая иное содержание, вероятно, не стал бы возражать и Ленин: «Очевидной обязанностью всякого социалиста является стремление к тому, чтобы в наивысшей возможной степени парализовать все те неисчислимы последствия, которые несет человечеству это зло. Добиваясь самоопределения всех наций, мы именно это и делаем. И этот взгляд Интернационал выразил на своем Базельском конгрессе, вменив в обязанность всем социалистам, и особенно социалистам заинтересованных стран, всеми способами бороться за то, чтобы результаты первой Балканской войны не были отняты у балканских народов»⁹⁵.

Эсеровская газета «Земля и воля» (крестьянская газета партии социалистов-революционеров) в рубрике «За границей» также опубликовала статью «Самоопределение народов». «Нет ни одного номера австрийских газет, в котором венские журналисты, политики и профессора не обсуждали бы вопроса о преобразовании Австрии таким образом, чтобы она и далее под каким-либо предлогом могла продолжать свою завоевательную политику». Газета называет разные варианты этого «преобразования» – «един общий союз с Германией, Болгарией и Турцией»; «многочисленные проекты, в основе которых лежит лишь временное примирение между австрийской властью и недовольными славянами»; «проект о создании “молодой Австрии”». Однако все они «умалчивают о демократическом преобразовании и даже не затрагивают глубоких политических реформ страны»⁹⁶.

Под влиянием первых успехов июньского наступления и еще не ведая грядущего поражения, «Известия» писали: «Наступление заставит демократические слои Германии и Австро-Венгрии теснее сомкнуться

⁹⁵ Голос истины // Единство. 1917. 30 июля (12 августа).

⁹⁶ Самоопределение народов // Земля и воля. 1917. 30 июля (12 августа).

вокруг своих империалистических классов, что будет на руку австро-германским империалистам, упрочит их господство над демократией». По мнению автора статьи, «трудящиеся Германии и Австро-Венгрии убедились, что политика их господствующих классов не дает им основания надеяться на скорый и прочный мир. Трудящиеся Германии и Австро-Венгрии оказались, таким образом, на распутье. От того или иного выбора, который будет ими сделан, зависит будущее средневропейских стран», иными словами, осуществится ли план Серединой Европы. Что же касается России, то, считали в Петроградском совете, «будучи далеко от мысли насильно путем войны освобождать народы Германии и Австро-Венгрии из-под власти империализма, наши наступающие войска ставят перед этими народами вопрос об их существовании и пробуждают их к разрыву с империализмом, к борьбе за мир и свободу»⁹⁷. Как тут вновь не вспомнить обращение Великого князя Николая Николаевича к народам Австро-Венгрии в сентябре 1914 года?!

«Земля и воля» отмечала связь идей внутреннего переустройства Австро-Венгрии с планами Серединой Европы. «Крайней уступкой со стороны буржуазных партий была попытка преобразовать двуликую Австро-Венгрию в тройственное государство с определенной автономией славян, — писал автор. — В настоящее время политики Австрии готовят найти к будущему конгрессу мира новые формы австрийского владычества на Балканах. Эта задача сводится к созданию менее враждебных отношений с чехами и поляками и к решению южно-славянского вопроса. Насколько притворной является уступчивость Вены по отношению к северным славянам, настолько определены ее задачи по отношению к южным славянам. Уже самый вопрос об южных славянах открывает двуличную политику Австрии». В то же время содержание «южнославянского вопроса» разнилось: «Для

Австрии захват Сербии и этим еще более властное подчинение южных славян, живущих уже в ее границах, является вопросом жизни; для Германии тот же вопрос связан с разрешением военно-политического господства по пути к Багдаду»⁹⁸.

Сразу же после обнародования 1 августа послания о мире Папы Римского Бенедикта XV в среде российских меньшевиков и эсеров развернулась полемика относительно значения этого документа и намерений самого Папы.

«Новое послание Папы можно с полным правом истолковать как признак наступающего перелома в ходе мировой войны, новое свидетельство победы дела мира», — написали «Известия» 6 (19) августа 1917 г.⁹⁹

Однако уже в тот же день «Воля народа» высказала совершенно иную оценку. Автор полагал, что «нота Бенедикта XV о мире вряд ли встретит больший успех, чем его предыдущие мирные послания. Папа лишь неопределенно предлагает разрешить территориальные вопросы, касающиеся Армении, Балкан и Польши в согласительном духе в меру необходимости принимая во внимание, как принцип справедливости, так и фактические возможности. Но фактические возможности сейчас благоприятствуют Германии, а на справедливость германского милитаризма вряд ли приходится положиться. Да и сам Бенедикт XV это понимает, недаром он и не распространяет требование эвакуации на эти территории <...> Эта программа обеспечивает центральным империям осуществление плана Серединой Европы, который превратил бы Германию в мирового гегемона»¹⁰⁰.

9 (22) августа Г. Алексинский в «Единстве» рассматривал Австрию как «оплот официального католицизма, который в Австрии является казенной правительственной религией». Однако напомним, что хорваты и

⁹⁸ Земля и воля. 1917. 30 июля (18 августа).

⁹⁹ Послание о мире // Известия. 1917. 6 (19) августа.

¹⁰⁰ Нота папы // Земля и воля. 1917. 6 августа (19 августа 1917 г.).

⁹⁷ Движение в Германии и наше наступление // Известия. 1917. 29 июня (12 июля).

словенцы, как и итальянцы, принадлежали к Католической церкви, что не повлияло на их политическую позицию. «Можно утверждать, что такой план – план вознаграждения Германии за уступки Западной Европе приобретениями за счет Восточной Европы и прежде всего за счет России – стоит в непосредственной связи с внутренним состоянием нашей страны и положением дел на нашем фронте. Папа как бы скидывает Россию со счетов международной политики», – утверждал публицист-«оборонец»¹⁰¹.

«Известия» в конце концов поменяли точку зрения и присоединились к «Единству». В статье «Рим и Берлин» в номере от 13 сентября газета писала, что «Папа нащупывает почву для сепаратного мира между нашими союзниками и центральными империями за наш счет, за счет единственной революционной страны – России»¹⁰².

Ленин в «Правде» 26 августа (8 сентября) объяснял свою позицию неприятия плана Голландско-скандинавского комитета: «... в настоящее время буржуазия обеих воюющих коалиций преследует грабительские цели: немецкая воюет за ограбление Бельгии, Сербии и т. д., английская и французская – за ограбление немецких колоний и проч., русская – за ограбление Австрии (Львов), Турции (Армения, Константинополь)». Примечательно, что в этом списке «грабителей» он не назвал Австро-Венгрию, а обрушился на социал-шовинистов, которые понятием «защита отечества» прикрывают защиту грабительских интересов «своих» правящих классов. Стокгольмская конференция в его глазах была мероприятием, проводимым именно «социал-шовинистами»¹⁰³.

В отличие от других газет социал-демократического направления, «Единство» Плеханова уделяло большое внимание национальным проблемам южных славян Балканского полуострова и Австро-Венгрии.

¹⁰¹ Папское послание о мире // Единство. 1917. 9 августа. (22 августа 1917 г.).

¹⁰² Рим и Берлин // Известия. 1917. 13 сентября (26 сентября).

¹⁰³ Ленин В.И. О Стокгольмской конференции / Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 98–107.

Еще в апреле (мае) в статье «Без аннексий и контрибуций» математик по образованию и убежденный оборонец» В. А. Костицын критиковал позицию «Рабочей газеты», которая, в свою очередь, критиковала Временное правительство. По мнению «Рабочей газеты», оно «торжественно обещало, что кровь его (русского народа. – С. Р.) будет литься до тех пор, пока народы Австрии не будут отрезаны от моря, поделенного между Италией и Сербией, пока Румыния не получит свою плату за участие в войне в виде Трансильвании». Если от этого отказаться, полагал Костинский, то «за счет итальянцев и сербов, единственных обитателей австрийского Адриатического берега (о хорватах и словенцах он не упоминал! – С. Р.). „Рабочая газета“ хочет обеспечить выход к морю для австрийских, а значит, для истинно-немецких немцев и для мадьяр. Рабочая газета, во чтобы то ни стало, хочет гарантировать целостность Венгрии... Для „Рабочей газеты“ подавленные национальности существуют только по (э)ту сторону фронта, и империализм меняет название и сущность за этой чертой»¹⁰⁴.

30 сентября (13 октября) «Единство» вновь обратилось к проблеме взаимосвязи освобождения славянства и революции. В статье с длинным названием «Старые погудки на новый лад, или Царский дипломат в роли полу-ленинца» бывший большевик и социал-демократ, по словам Ф. И. Дана, «объявленный бесчестным человеком», Г. А. Алексинский критиковал письмо А. М. Горькому царского дипломата Р. Р. Розена, опубликованное в «Новой жизни». В рисунке, в частности, барон писал: «Мечтание об аннексии части Фракии с Константинополем и азиатского берега, если вообще осуществимо, было бы во всяком случае осуществимо лишь в отдаленном будущем и поэтому не могло быть отнесено к реальным интересам России»¹⁰⁵. «В своих мемуарах барон Розен

¹⁰⁴ Без аннексий и контрибуций // Единство. 1917. 25 апреля (8 мая 1917 г.).

¹⁰⁵ См.: К вопросу о мире // Новая жизнь. 1917. 28 сентября (9 октября).

восстает против идеи защиты Россией славянства совсем не с той точки зрения, с какой мы, революционеры, восстали против попыток реакционного царизма опекать более свободные, чем Россия, славянские страны. Нет, барон Розен в 1913 г. осуждал идею освобождения славян как идею революционную, и сетовал на то обстоятельство, что эта идея, толкнув Россию на войну 1877–1878 гг., подготовила (по словам Розена) почву для революционного движения в России. Борьба за интересы славянства ненавистна для барона Розена также и потому, что она, на его взгляд, повлекла за собой охлаждение отношений между Россией и Германией, разрыв союза трех императоров, к которому барон относится отнюдь не отрицательно, и заключение Россией союза с Францией, которому барон, конечно, не сочувствует»¹⁰⁶.

Вышеупомянутый «доверительный меморандум», законченный в Париже 1(14) октября 1912 г., т. е. сразу после начала Первой Балканской войны 25 сентября (8 октября), Розен в октябре довел до сведения своего правительства. По-видимому, уже после Февральской революции в России он решил сделать ее достоянием гласности и опубликовал ее отдельной брошюрой, на которую и ссылался Алексинский¹⁰⁷.

Меньшевистский «День» 7 (20) сентября опубликовал чрезвычайно интересный для аналитиков того времени и современных историков материал. Это была перепечатка из британской газеты «Манчестер гардиан», содержащая сравнительные таблицы условий мира, выдвигаемых разными политическими силами и государствами. Что касается планов относительно Австро-Венгрии и проживавших в ней южных славян, то картина получилась такая:

¹⁰⁶ Старые погудки на новый лад или царский дипломат в роли полуленинца // Единство. 1917. 30 сентября (13 октября).

¹⁰⁷ Розен Р.[Р.] Европейская политика России. Доверительный меморандум, составленный летом 1912 г. в преддверии мировой войны и грозившей России катастрофы и предъявленный правительству в октябре того же 1912 года. Петроград, 1917. С. 4–5, 17–24.

«Союзники: итальянцы, южные славяне, румыны, чехи и словаки должны быть освобождены из-под власти Австро-Венгрии;

Папа Бенедикт XV: Территориальные споры между а). Австрией и Италией и б). Германией и Францией должны быть разрешены в примирительном духе в соответствии с желанием населения в пределах возможной справедливости;

Лейбористы: австрийские итальянцы должны быть присоединены к своей родине Италии;

Большинство германской социал-демократии: принимается точка зрения австрийской социал-демократии;

Меньшинство германской социал-демократии: не делает определенных предложений по этим вопросам, только излагает общие принципы мира без аннексий и контрибуций. Исправление границ должно быть поставлено в зависимость от воли заинтересованного населения, а не производится силой. Сербия – все восстановление. Но меньшинство германской социал-демократии считало, что все сербы должны быть объединены в одном национальном государстве¹⁰⁸, которое должно образовать вместе с остальными балканскими государствами Балканскую республиканскую федерацию;

Австрийские социалисты: народы Австро-Венгрии должны остаться в составе монархии, но должны быть наделены национальной автономией. Выход к морю Сербии, хотя бы посредством соединения с Черногорией;

Петроградский совет: «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов»¹⁰⁹. Эта позиция Петросовета касалась всех упомянутых в таблице этнотерриториальных проблем. Любопытно, что влиятельная британская газета тех лет не включила в свой анализ позиции ни Временного правительства, ни набравшей силу радикально-революционной организации – большевиков.

¹⁰⁸ Меморандум германских с.-д. (независимых) // Новая жизнь. 1917. 27 июня (10 июля).

¹⁰⁹ Семь программ мира // День. 1917. 7 (20) сентября.

МИД продолжал получать информацию из «первых рук». В ряд с вышеназванными записками Анте Мандича, Франко Поточняка, Фердинада (Левослава) Тумы¹¹⁰ можно поставить и записку сараевского депутата, члена Югославянского комитета Николы Стояновича «Босния и Герцеговина». По-видимому, он ее написал летом 1916 г. и, – учитывая, что это было сделано одновременно с вышеуказанными документами его коллег, – по просьбе российского МИД. Однако в Особом политическом отделе МИД документ был зарегистрирован только 29 июля 1917 г. Кроме того, письмо было адресовано министру иностранных дел М. И. Терещенко, и в тексте упоминаются события 1917 г. Так что, возможно, Стояновиче дорабатывал, дополнял и отправил позднее. В написанном по-французски документе кратко излагается история Боснии и Герцеговины, ее внутривнутриполитическое развитие и роль для международных отношений, в частности – аннексия БИГ 1908 г. В конце выражается поддержка идеи будущего югославского государства, объединяющего всех южных славян и находящегося под эгидой государства Сербии¹¹¹.

В октябре – ноябре 1917 г. «Единство» опубликовало четыре статьи хорватского социал-демократа Мийо (Мишко) Радосевича¹¹², выступившего 28 августа 1917 г. с докладом вместе с Франьо Маркичем от

¹¹⁰ АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 284, 285, 286; Романенко С. А. Славяно-итальянские отношения в 1915–1917 гг. по материалам российского МИД и периодической печати / Историки-слависты МГУ. М., 2013. Кн. 9. В. А. Тесемников. С. 95–125.

¹¹¹ АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 337. Л. 22–87. Записка депутата сараевского сейма Николы Стояновича «Босния и Герцеговина». 29 июля 1917 г.

¹¹² Если бы Австрии не было, ее пришлось бы создать // Единство. 1917. 4 октября. (17 октября 1917 г.); Нужно ли покончить с Австрией? // Единство. 1917. 6 октября (19 октября 1917 г.); Реформация деспотизма и императорский социализм // Единство. 1917. 11 октября (24 октября 1917 г.). К вопросу о национальном объединении югославян // Единство. 1917. 4 ноября (17 ноября 1917 г.).

Социал-демократической партии Хорватии и Славонии на предварительных заседаниях Голландско-скандинавского комитета Стокгольмской конференции. В докладе после подробного обзора положения «югославянского региона», была дана характеристика экономического и политического подавления славян со стороны Австро-Венгрии. После этого было выдвинуто требование свободы и независимого южнославянского государства, состоящего из Сербии, Словении, Хорватии-Славонии, Боснии и Герцеговины и Истрии с «косвенным подключением Болгарии в единую южно-славянскую нацию». Упоминался и рукописный меморандум словенского социал-демократа Хенрика Тумы с требованием «установления этнографического единства сербов, хорватов и словенцев и объединения его в единый государственный Адриатическо-Дунайско-Балканский союз». От российской социал-демократии на выступлении представителей хорватской социал-демократии присутствовали П. Б. Аксельрод (председатель Организационного комитета РСДРП, избранный на Августовском (объединительном) съезде председателем партии и принимавший участие в обсуждении вопросов об организации кампании за мир и ходе подготовки к созыву международной социалистической конференции) и М. Панин (М. С. Макадзюб, член ОК и член комиссии Бюро ОК «для теоретической разработки вопросов, связанных с программой мира»)¹¹³. Этот доклад был издан также в Лондоне на английском языке¹¹⁴.

Орган ЦО РСДРП (объединенной) «Рабочая газета» 10 августа 1917 г. сообщила, что «делегаты Орг. Комитета нашей партии тт. Аксельрод и Панин выехали за границу для

¹¹³ №. P/64 Sitzung des Holländisch-skandinavischen Komitees mit der Delegation aus Kroatien, 28. August 1917 // <http://labourhistory.net/stockholm1917/documents/p64.php>

¹¹⁴ См.: Radošević M., Markić F. Memorandum addressed by the Yugoslav socialists to the International Socialist Peace Conference in Stockholm / Pref. by M. Radošević. [London]: Yugoslav Workmen's Association, 1917.

подготовки Стокгольмской конференции и участия в ней»¹¹⁵. По-видимому, Панин привез в Россию и предоставил МИД экземпляр доклада Радошевича и Маркича. Он был издан в Петрограде в типографии «Нового времени» на французском языке. Экземпляр и сокращенный перевод на русский язык, хранятся в фонде Особого политического отдела¹¹⁶. В докладе хорватской социал-демократии, в частности, говорилось, что «русская революция 1917 г. нашим народом была принята с радостью. Были выражены приветствия хорошим положениям (так в документе. – С. Р.)». Что же касается перспектив послевоенного устройства, то в глазах Радошевича и Маркича – «как социалистов» – оно должно было быть осуществлено ради «всеобщего мира», путем «организации лиги “Соединенных штатов Европы” на следующих принципах: 1) уничтожение тайной дипломатии; 2) разоружение; 3) контроль и демократизация политики 4) свободное плавание на морях; 5) международный арбитраж; 6) открытие проливов; 7) свобода торговли; 8) свобода колоний; 9) регулирование производства; 10) общая демократизация политической жизни; 11) равноправие женщин». «Дальше требовалось самоуправление (можно предположить, что правильно было бы перевести самоопределения. – С. Р.) для югославянского народа в экономическом и политическом смысле, чтобы дать им возможность объединиться в одну республику с другими балканскими державами»¹¹⁷. Однако о социальной революции (или социальных изменениях) не было сказано ни слова.

¹¹⁵ Рабочая газета. 1917. 10 августа (23 августа).

¹¹⁶ АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 290. Октябрь 1917. Адрес югославянских социалистов на интернациональной конференции в Стокгольме. Л. 11–17; Mémoire des Socialistes yougoslaves adresse á la Conférence Internationale Socialiste de Paix á Stokholm. Типография А. Суворина – «Новое время». Л. 2–9.

¹¹⁷ Там же. Л. 14, 16.

Однако сама конференция из-за отказа правительств стран Антанты выдать паспорта ее участникам, так и не состоялась¹¹⁸.

Присутствовали ли российские социал-демократы на отчете СДП БиГ – того же хорвата Маркича и серба Душана Глумца 19 мая и 20 июня 1917, еще предстоит установить. Целью боснийско-герцеговинских социал-демократов было обретение государственности южных славян в виде автономии и субсидиарного применения права¹¹⁹. На докладах представителей австронемецкой (25–26 мая), как и упомянутых выше венгерской (29–30 мая) и чехославянской социал-демократии, российские представители не присутствовали. В. Адлер заявил комитету от имени своей партии: «...если говорить о решении с позиции разума, то мы можем сказать, что если Босния и Герцеговина и Сербия будут объединены в государство, то образуется федерация. Но об этом не может быть и речи». Он добавил, что Интернационал не разрабатывает плана по устройству Балкан¹²⁰.

Краткое содержание позиции представителей чешской социал-демократии 26–27 июня было опубликовано в «Единстве» в июне 1917¹²¹.

Результатом всех этих слушаний стал манифест комитета Стокгольмской конференции. В изложении газеты «День» планы относительно южных славян Австро-Венгрии мало чем отличались от позиций стран

¹¹⁸ Подробнее об этом, напр., см.: Костяев Э. В. Критика Г. В. Плехановым и его единомышленниками антивоенных взглядов и деятельности меньшевистско-эсеровского руководства Петроградского совета в 1917 году // <http://www.sgu.ru/files/nodes/10082/21.pdf>

¹¹⁹ См.: №. P/16. Sitzung des Holländisch-skandinavischen Komitees mit der Delegation aus Bosnien-Herzegowina, 19. Mai 1917 // <http://labourhistory.net/stockholm1917/documents/p64.php>

¹²⁰ См.: P/21 Sitzung des Holländisch-skandinavischen Komitees mit der Delegation aus Österreich, 25. Mai 1917/ <http://labourhistory.net/stockholm1917/documents/p64.php>

¹²¹ Заявление чешских социалистов // Единство. 1917. 8 июня (21 июня 1917 г.).

Антанты и США 1917 г.: «Разрешение чешского вопроса в смысле объединения чехов, населяющих области с однородным чешским населением, в федеративное государство с Австро-Венгрией, где югославянские народы будут пользоваться экономической самостоятельностью и будут выделены в административном отношении в отдельную область. Итальянские области Австрии, которые не будут уступлены Италии, будут пользоваться культурной автономией»¹²².

Логику соотношения социальных и национальных процессов в Австро-Венгрии не могли понять российские социал-демократы, вне зависимости от «оборонческой» или «пораженческой» позиции. В их сознании отождествлялись государственный централизм (даже после революции) и интернационализм. Децентрализацию они рассматривали как наносящую вред пролетариату и «его» единому государству. «Рабочая газета» отметила провозглашение России республикой 1(14) сентября 1917 г. статьей Б. Горева (настоящее имя Б. И. Гольдман, один из лидеров меньшевиков, член ВЦИК первого созыва) «„Федеративная республика” и социал-демократия». (В 1907–1911 гг. он входил в руководящие органы меньшевистской партии, участвовал в венской конференции меньшевиков 1912 г., после начала войны стал «оборонцем»; в 1917 г. был членом ВЦИК 1-го созыва). Его статья важна тем, что в ней даются определения некоторых понятий и представлено отношение значительной части российских социал-демократов к проблеме федерализма. А это, в свою очередь, позволяет понять их отношение к событиям и проблемам Австро-Венгрии.

«В России – федеративную республику группы населения, требуя федерацию, имеют в виду главным образом свои местные сословные, национальные или областные интересы. <...> Всем им хочется ввести у себя такую широкую самостоятельность,

¹²² Манифест комитета Стокгольмской конференции // День. 1917. 7 октября (20 октября); Манифест организационного комитета Стокгольмской конференции // День. 1917. 7 (20) октября.

которая означала бы фактически полный распад России на ряд почти независимых областей. <...> Общегосударственной власти предоставляют почти исключительно внешние сношения, – писал Горев. По его мнению, «федеративный государственный строй означает соединение в одном государстве нескольких раньше существовавших самостоятельных государств, которые, объединяясь в общий союз, оставляют за собою ряд государственных прав, но значительную часть этих прав передают общему государству». Иными словами, он рассматривал лишь один вариант возникновения федерации – объединительный, который можно было теоретически применить, например, к идее балканской федерации. Однако из его поля зрения выпал другой вариант создания федерации – реформы многонационального государства, в том числе и империи, будь то Российская или Австро-Венгерская. То есть он рассматривал их исключительно как дезинтеграционный вариант. «Российская социал-демократия всегда была противницей федеративного устройства России (см. выше взгляд В. Чернова. – С. Р.), признавая за всеми входящими в ее состав народами право на самоопределение, т. е. борясь против всякого их угнетения и даже насильственного удержания их в пределах государства», поскольку «не в интересах пролетариата всех населяющих Россию народностей дробление ее на более или менее самостоятельные части». РСДРП выступала за «широкую местную автономию для отдельных областей, отличающихся национальными, экономическими или бытовыми условиями»¹²³. Когда-то этой позиции придерживались и большевики, закончил Горев.

В 1917 г. большевики временно перешли на иные позиции. Критикуя программу большевиков по национальному вопросу, ушедший от большевиков после Февраля литератор и экономист А. А. Блюм в статье «О жупелах патриотизма» («Новая жизнь»

¹²³ „Федеративная республика” и социал-демократия // Рабочая газета. 1917. 5 сентября (18 сентября).

22 августа (4 сентября) с позиций государственного централизма едко критиковал их программу по национальному вопросу. «Пункт девятый политической части новой программы большевиков – право на свободное отделение и на образование своего государства всеми нациями, входящими в состав государства. Республика русско-го народа должна привлекать к себе другие народы или народности не насилем, а исключительно добровольным соглашением на создание общего государства. Единство и братский союз рабочих всех стран не мирятся ни с прямым, ни с косвенным насилем над другими народностями, – писал он. <...> Какая беспринципная и какая трогательная и «поучительная» защита права на образование бесконечно малых государств за всеми народностями...»¹²⁴. Однако централистский и формально интернационалистский подходы, обусловленные представлением о необходимости после революции сохранить крупное государство, проявились год спустя в воззвании Ленина, Свердлова и Каменева «К трудящемуся народу Австро-Венгерского государства» от 3 ноября 1918 г.

У Петросовета было свое понимание балканских проблем. Оно отразилось в «Инструкции делегату ЦИК на союзную конференцию» 3–5 октября 1917 г. («наказ Скобелеву»), авторами которой в большинстве своем были меньшевики – Р. А. Абрамович, А. Р. Гоц, Ф. И. Дан (бывший редактор «Луча»), В. Н. Розанов – докладчик(и) в Голландско-скандинавском комитете, участник доклада российской делегации Голландско-скандинавскому комитету М. И. Скобелев и другие. Она предусматривала: восстановление в прежних границах Сербии и Черногории с предоставлением Сербии доступа к Адриатическому морю и обязательством дать полное самоопределение Добрудже; самоопределение итальянских областей Австрии (т. е. Истрии и Далмации); вывод немецких войск и решение путем плебисцита вопроса о национально-государственной принад-

¹²⁴ О жупелах патриотизма // Новая жизнь. 1917. 22 августа (4 сентября).

лежности спорных областей на Балканах и итальянских областей Австро-Венгрии; предоставление автономии Боснии и Герцеговине. Под отказом от аннексий авторами понимался отказ великих держав от новых захватов, что означало признание прежних, что противоречило провозглашенному ими же праву Боснии и Герцеговины на самоопределение¹²⁵.

Необходимо заметить, что выработка большевиками, равно как и представителями других партий и политических течений, оценки событий на Балканах и в Австро-Венгрии происходила на фоне все более усиливавшегося процесса национального самоопределения в самой России, в которой в этот период также набирали силу центробежные тенденции.

В декларации от 15 сентября Временное правительство нового состава с прежним министром иностранных дел в разделе о внешней политике ничего конкретно ни об Австро-Венгрии или о южных славянах не говорило. Лишь подчеркивалось, что, «действуя в полном согласии с союзниками, Временное правительство примет в ближайшие дни участие в конференции союзных держав. Причем Временное правительство будет на ней представлено в числе своих уполномоченных и лицом, облеченным особым доверием демократических организаций. Стремясь к миру, Временное правительство, однако, все свои силы положит на защиту общесоюзнического дела, на решительный отпор всяким попыткам отторжения национальной территории и навязывания России чужой воли, на изгнание неприятельских войск из пределов родной страны». Чуть ниже во внутренней политике «за всеми народностями» признавалось «право на самоопределение на основах, которые будут выработаны учредительным собранием»¹²⁶.

¹²⁵ См.: Европейское социалистическое движение. С. 124–125; История внешней политики России. С. 585–597; Игнатъев А. В. Внешняя политика Временного правительства. С. 366–368; История внешней политики России (конец XIX – начало XX в). С. 596.

¹²⁶ Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. С. 234–235.

Однако именно реализация права на самоопределение могла быть истолкована (что и случилось впоследствии) именно как «попытка отторжения национальной территории и навязывания России чужой воли».

Фонд Особого политического отдела МИД, занимавшегося проблемами послевоенного переустройства Средней Европы, хранит документ, на основании которого можно составить представление о направленности размышлений сотрудниками МИД относительно будущего Австро-Венгрии и зарубежных славян. Написанный карандашом текст без названия и даты предположительно датируется сентябрем 1917 г. Его автор следующим образом видел этнополитическую карту славянского мира после победы России и ее союзников в войне: «Чехо-словаки-поляки (сходный язык) католическое вероисповедание. Возможность создания общей федерации. Отдельная конституция. Столицы в Праге и Варшаве». Сходное представление было у российского дипломата о будущем устройстве югославянского государства: «Словенцы – хорваты – (католики). Столица Загреб. Сербь – черногорцы (православные). Столица Белград»¹²⁷. Таким образом, предполагалось создание двух двухцентровых славянских государств. При этом в первом случае необоснованно подчеркивалось сходство языка западных славян, во втором – характеристика степени близости языка южных славян отсутствовала (словенский, хорватский и сербский языки часто считали одним языком); однако отмечалось конфессиональное различие. При этом написавший эти строки дипломат или эксперт отдавал себе отчет в том, что южные славяне, в особенности хорваты и сербы, не представляют собой единой этнонациональной общности, вплоть до того, что им нужна отдельная государственность. Однако, этот план подразумевал отрицание если не этнической, то политической индивидуальности словаков, словенцев и черногорцев. Кроме того, в российском МИДе предполагался «пересмотр конституции Австрии»¹²⁸.

¹²⁷ АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 272. Л. 93.

¹²⁸ Там же. Л. 94–98.

13 (26) октября «Единство» резко критиковало позицию эсеров и меньшевиков, выработанную для поездки М. И. Скобелева в Париж на конференцию стран Антанты. Вероятно, для того чтобы найти общий язык с союзниками, «наказ Скобелеву» соответствовал манифесту оргкомитета так и не состоявшейся стокгольмской конференции, опубликованному в России 7 (20) октября.

В разделе «Территориальные вопросы» «непременным условием мира является вывод немецких войск из занятых областей России. Россия предоставляет полное самоопределение Польше, Литве и Латвии». «Сербия и Черногория должны быть восстановлены и получить материальную помощь. Спорные области на Балканах получают временную автономию с последующим плебисцитом. В итальянских (не славянских и не югославянских – С. Р.) областях Австрии вводится временная автономия с последующим плебисцитом по вопросу о государственной принадлежности»¹²⁹.

На заседании Временного Совета Российской Республики М. И. Скобелев заметил, что Терещенко «указал на забвение лозунга самоопределения народов». Что касается Балкан и славянства, то делегат от Совета лишь сказал, что «Сербия вновь должна встать на ноги и войти в семью народов». «Делегация Российской республики на парижской конференции, конечно, должна быть единой, ибо она должна выражать единую волю единой революционной страны». В речах других ораторов при обсуждении внешней политики в Совете республики австро-венгерская и славянская проблема не были упомянуты.

Плеханов в «Единстве» назвал «наказ Скобелеву» «минимальной программой германского империализма». В частности, к Австро-Венгрии принцип самоопределения «был применен лишь в самой незначительной степени. «Автономия Боснии и Герцеговины.

¹²⁹ Инструкция делегату Ц.И.К., избранному для участия на Парижской конференции // 1917. 7 (20) октября. Так же см.: Внешняя политика и революционная демократия. Там же.

А что будет со славянскими народами, населяющими двуединую империю? Получат ли они право на полное самоопределение» или хотя бы только на автономию? – спрашивал «патриарх» русской социал-демократии. – Об этом хранят молчание авторы наказа (Скобелеву), в качестве циммервальдцев-контральцев считающие право народов на самоопределение одним из двух членов своего символа веры»¹³⁰.

«Новая жизнь» негативно отнеслась к кандидатуре Скобелева и к попытке направить общую делегацию Временного правительства и СРСД на парижскую конференцию. Газета писала: «Судя по газетным сообщениям, предполагается просто «назначить» отставного и обанкротившегося во главе революционной демократии министра Скобелева». Автор назвал это «попыткой международной фальсификации ее (революционной России. – С. Р.) мнения и воли»¹³¹.

Объясняя позицию России, стоявшей перед искушением заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией, тесно связанной не только отношениями с Великобританией и Францией, но и с Сербией, Г. Н. Михайловский писал, что «этот вопрос рассматривался в МИД иначе, чем сепаратный мир с Германией». Этот вариант а priori предполагал сохранение этого государства. В этом случае «славянские народы при возведенной новой форме правления австро-венгерской федерации становились с каждым днем все влиятельнее и влиятельнее. Только их влиянию и можно было приписать совершенно явственно обнаружившийся с лета 1917 г. пацифизм австро-венгерского правительства. Народы Австро-Венгрии могли уже – даже при сохранении Габсбургской империи и осуществлении австрийской программы 1917 г. – стать полными хозяевами империи»¹³².

Однако сам Михайловский отметил противоречие: «Как же при этих условиях

можно было идти на сепаратный мир Австро-Венгрии с Россией, принимая во внимание, что Россия вступила в войну исключительно из-за славянского вопроса? При всех соблазнах быстрого окончания войны, что теперь для России было неизмеримо важнее, чем в 1916 г., вопрос о сепаратном мире... был чреват последствиями, крайне важными для славянского положения России. Мы знали, что чехи, словаки, хорваты, словенцы, трансильванские румыны не желали больше Габсбургов. Мы знали поэтому, что сепаратный мир с Австро-Венгрией мог быть заключен только за счет австрийских славян и других подвластных народов Австро-Венгрии <...> Самая широкая федерация Габсбургской империи все же явилась бы деспотизмом после тех ожиданий, которые породила мировая война. Только полное уничтожение власти Габсбургов – вот что было лозунгом этих народов»¹³³. Но если не мир, то война за распад Австро-Венгрии, что расходилось с позицией Великобритании и США, противившихся этому до последнего момента.

Необходимо все же иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, стремясь к сепаратному миру с Россией, Австро-Венгрия не отказывалась от своих притязаний получить Сербию, Черногорию, Румынию и Албанию¹³⁴. Во-вторых, германские немцы не остановились бы и «перед смещением пацифистского правительства (в Австро-Венгрии. – С. Р.) и заменой его правительством войны»¹³⁵.

Но дело было не только в австрийских славянах. «Раньше всего мы не желаем сепаратного мира. И всякому ясно, почему: Бельгия, Сербия и Франция станут первыми жертвами нашего спасения», – писал меньшевик-интернационалист Д. Далин¹³⁶. И это был не вопрос особых отношений России

¹³³ Там же. С. 477–478.

¹³⁴ Игнатъев А. В. Внешняя политика Временного правительства. С. 134.

¹³⁵ Михайловский Г. Н. Указ. соч. С. 477.

¹³⁶ Цит. по: Европейское социалистическое движение 1914–1917. Разрубить или развязывать узлы? М., 1994. С. 59.

¹³⁰ Минимальная программа германского империализма // Единство. 1917. 13 (26) октября 1917 г. Также см.: Костяев Э. В. Указ. соч.

¹³¹ Временного Совета Российской Республики // Речь. 1917. 23 октября (5 ноября); 24 октября (6 ноября).

¹³² Михайловский Г. Н. Записки. Т. I. С. 477.

с Сербией, а общий принцип. В этом у Временного правительства с Советами разногласий не было.

Последним свидетельством отношения Временного правительства и его министра иностранных дел к проблеме Австро-Венгрии стала речь М. И. Терещенко 16 (29) октября в Совете республики. В ней он критиковал «наказ Скобелеву», подчеркнув верность союзникам, в том числе и по соображениям практической целесообразности и недопустимость для России унижительного мира. Эти слова были произнесены в ситуации кризиса в отношениях России с ее союзниками и ослабления ее внешнеполитических позиций. Министр высказался за свободное самоопределение славянских народов Австро-Венгрии¹³⁷. 23 октября, вновь выступая перед той же аудиторией, Терещенко подтвердил свою позицию¹³⁸.

В статье «Заявление Правительства о внешней политике» «Известия» 17(30) октября предложили читателям свою интерпретацию выступления министра иностранных дел в Совете Российской Республики на заседании 15 октября. «Было сказано: “мир без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение”. Приемлема ли эта формула как основа всеобщего мира? Для нас она приемлема безусловно, а для других – не знаем, но мы знаем, что она становится все более и более приемлемой.... Везде делают оговорки, например, право наций стараются навязать противнику и очень не хотят видеть его у себя». «Министр иностранных дел полагал, что возможно самоопределение для Литвы, Латвии, Польши, но не для народов Австро-Венгрии», – писала газета. Заметим, что в изложении выступления Терещенко, напечатанном в этом же номере, эта тема не упомянута. «Самоопределение – благо, а не кара.... Продолжать войну до тех пор, пока все народы Австро-Венгрии не будут удовлетворены, и не соглашаться до тех пор на мир, это значит затягивать войну на неопределенно долгое время. Такой ответственности перед собственным народом

мы нести не можем <...> Если требовать безусловного самоопределения для всех народов Австро-Венгрии и Германии, то почему не требовать этого же для Индии и Египта. <...> Но мы не будем говорить, что мы не перестанем воевать, пока не освободим всего мира. Такая задача нам не по плечу, а война – неподходящее средство освобождения <...> Все Балканы постепенно получают совсем иной вид, если в результате войны балканские народы перестанут быть игрушкой великих держав <...> Министр впал в большое недоразумение, смешивая самоопределение с отделением, – продолжал неизвестный автор и заканчивал: – Министр говорил в духе национальном, но он не говорил как народный министр»¹³⁹.

«Единство» в тот же день, 17(30) октября в статье «Стокгольм и Петроград. Что стало с формулой идеального мира» подвергло критике выдвигавшиеся проекты решения южнославянского вопроса, как Петроградского совета, так и социалистов нейтральных стран. «Справедливость требует отметить, что петроградский проект в балканском вопросе гораздо ближе держится права на самоопределение, чем проект нейтральных социалистов. Так, он требует для Сербии действительно целесообразного для нее выхода к Адриатическому морю. А спорным областям на Балканах он правильно обещает “временную автономию” с последующим “плебисцитом”, – отмечал неизвестный автор – ...Но, само собой разумеется, что и петроградский проект в югославянском вопросе вообще от принципа “самоопределения” уклоняется. В нем нет ни слова о судьбе сербо-хорватов и других славянских народностей, поработанных Австро-Венгрией. Даже об автономии для них он забыл. Впрочем, может быть, виновата просто поспешная редакция»¹⁴⁰. Впрочем, сама формула, которую продолжали повторять, – «сербо-хорваты» – также означала отрицание не только самоопределения, но и этнической индивидуальности обоих народов.

¹³⁹ Известия. 1917. 17(30) октября.

¹⁴⁰ Стокгольм и Петроград. Что стало с формулой идеального мира // Единство. 1917. 17 октября (30 октября).

¹³⁷ История внешней политики России. С. 596.

¹³⁸ Там же. С. 596–597.

Ф. САВАИ

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВОПРЕЕМСТВА АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ МОНАРХИИ*

Недавний развал Советского Союза, Югославии и Чехословакии пополнил наш опыт разными типами правопреемства государств¹.

Дефиниция термина «правопреемство государств»

С точки зрения международного права правопреемство государств определяется как принятие международно-правовых прав и обязанностей ликвидированного государства другим, вновь созданным. Как правило, правопреемство возникает из договорных механизмов, благодаря которым вновь созданное государство наследует обязательства прежнего государства, приобретая территориальный суверенитет и территориальную юрисдикцию. Одним из таких исторических примеров правопреемства является процесс передачи прежних обязательств Австро-Венгерской империи государствам, возникшим после ее распада.

Проблема: распад Австро-Венгерской монархии

В октябре 1918 года в результате военного поражения и внутренних процессов происходит сначала гибель Австро-Венгер-

* Исследование, результаты которого нашли отражение в данной статье, выполнено в рамках гранта Яноша Бойяи Венгерской академии наук при поддержке Фонда научных исследований в Вене (Programm № P 13699-OEK, vom Collegium Hungaricum, Wien und vom OTKA, Budapest, Programm №. 29062).

¹ Закон о государственной преемственности может быть в типичном варианте, т. е. Dismembration (разделение на несколько государств в случае роспуска или гибели прежнего государства), Fusion (присоединение к другому существующему государству в случае разрушения прежнего государства), Sezession (удаление части прежнего государства), Zession (уступка или передача части прежнего государства), и все другие возможные варианты, в которых в любом случае имеет место «включение» или передача территории.

ской монархии, а затем стремительный распад полиэтничного государства Австрии. Предложенная императором федерация не была поддержана и 17 октября 1918 года, т. е. уже на следующий день после издания императорского манифеста о создании представительных органов в национальных районах, Венгрия разорвала личную унию с Австрией, положив тем самым начало процессу отделения. В отличие от намерений, изложенных в императорском манифесте, до конца 1918 года на карте Европы появились новые государства: Чехословакия (28.10), Немецкая Австрия (30.10), Польша (11.11), Королевская Венгрия (16 ноября 1918 г. здесь была провозглашена республика), Государство сербов-хорватов-словенцев (01.12, так называемые «Королевство СХС», ставшее с 1929 года Югославией)².

Попробуем проанализировать случай правопреемства, спровоцированный процессом распада Австро-Венгерской империи.

Проблема правопреемственности в процессе распада Австро-Венгерской монархии в целом

Действующее на тот момент международное право признавало три типа территориальных приобретений: оккупация (временное владение), незаконное владение (или аннексия) и цессия или уступка (чаще всего за вознаграждение, т. е. продажа территории)³.

До сих пор наиболее важной правовой основой для приобретения территории является цессия, то есть приобретение территории по международному договору между государствами. Этот процесс, именуемый процессом «передачи территории», обычно является составной частью мирных договоров, куда он включается

² Brauneder W. Österreichische Verfassungsgeschichte. 7. Auflage. Wien, 1998. S. 168–169.

³ Kimminich O. Einführung in das Völkerrecht. 6. Auflage. Tübingen und Basel, 1997. S. 135.

особой частью в виде Цессионных правил (Zessionsbestimmungen).

Таким образом, если говорить об уступке территории в рамках заявленной проблемы государственного правопреемства, то следует уточнить, что правопреемник приобретает права и обязанности только в отношении части переходящей государственной территории⁴.

Случай правопреемства государств в переходной ситуации (т. е. ситуации распада прежде единой территории) резко отличается от случая правовой преемственности между субъектами международного права. Поэтому прежде всего следует выяснить, идет ли речь о цессии или же о правопреемстве в случае гибели прежнего субъекта международного права⁵. Разрушение прежнего субъекта международного права неизбежно влечет за собой проблему правопреемственности, а также проблему непрерывности и разрыва государственности.

Разрыв правовой преемственности между дуалистической Австрией и Немецкой Австрией

Немецкая Австрия была новым явлением в круговороте государственных образований, она не была продолжением таких государств, как дуалистическая Австрия и Австро-Венгерская монархия. Для дуалистической Австрии Немецкая Австрия явилась новым образованием, внешней страной.

Другое новое государство, созданное в 1918 году после распада Австро-Венгрии, была Чехословакия, которая в отличие от Немецкой Австрии, ориентировалась на страны Антанты, ставшие победителями в Первой мировой войне. Это позволило Чехословакии получить значительные преимущества по Трианонскому договору.

Что касается Венгрии, потерявшей по условиям Трианонского договора большую часть земель в рамках существенно урезанной Транслейтании, она восстановила монархический строй в 1920 году⁶.

⁴ Ebd. S. 145.

⁵ Ebd. S. 146.

⁶ Vgl. Brauneder. S. 189–190.

Именно эти три государства стали полноценными правопреемниками монархии, существовавшей на Дунае до 1918 года, – Австрийская Республика, Чехословацкая Республика и Венгрия. Но так как процесс дробления территорий не ограничивался оформлением этих трех государств, то каждое из этих образований, теряя часть своей территории, отдавало и часть своих прав и обязательств тем государствам, которые здесь возникали. Так, Немецкая Австрия стала цедентом для Италии, Польши, Румынии, Королевства СХС и Чехословакии; Венгрия – для Австрии, Вольного города Фиуме, Польши, Румынии, Италии, Королевства СХС и Чехословакии.

Относительно содержания или предмета правопреемства государств, которые регулировались Конвенцией, Комиссия международного права приняла решение осуществить дальнейшие ограничения на следующие пункты: казначейство⁷, государственные архивы и государственные долги.

Как правило, в случае приобретения государством территории, оно приобретает обязанности, но вместе с ними и ту государственную собственность, которая находится на этой территории. В этом случае речь идет о собственности прежнего государства, существовавшего здесь до передачи или включения территории в состав другого (нового) государства⁸. Таким образом, в случае передачи прав и обязанностей бывшей Австро-Венгерской монархии перед новыми государствами неизбежно вставал вопрос о распределении между ними ее активов и обязательств.

⁷ Госимущество – государственная общественная собственность, активы, которые можно разделить на суверенные активы (Domaine public; например, дороги и сооружения общего пользования) и на бюджетную обеспеченность (Domaine Privé, например, государственные леса, культурное наследие).

⁸ Vgl. Haselsteiner H.–Szávai F. Dokumente des Österreichisch-Ungarischen Schiedsgerichtes von Lausanne. Frankfurt am Main, 2001. Einleitung.

Таблица 1
 Распределение Австро-Венгерской
 территории и населения между
 государствами-преемниками

Страна	Пло- щадь, кв. км	%	Насе- ление (тыс.)	%
Королевства и зем- ли, представленные в рейхстаге	300 004		28 572	
Австрийская республика	79 580	26,16	6 572	22,28
Чехословакия	77 834	25,91	9 843	34,30
Румыния	10 441	3,48	800	2,82
Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев	29 256	10,15	1 680	5,87
Польша	80 390	26,77	8 352	29,30
Италия	22 584	7,53	1 544	5,43
Земли венгерской короны Св. Сте- фания	324 411		20 886	
Трианонская Венгрия	92 720	28,58	7 946	38,04
Чехословакия	62 937	19,40	3 576	17,12
Румыния	102 787	34,26	5 265	25,20
Королевство Серб- ов, Хорватов и Словенцев	66 497	20,50	4 071	19,49
Австрийская республика	5 055	1,56	392	1,87
Вольный город Фиуме	21	0,06	44	0,21

Источник: Peter-Robert V. Der Donaauraum im wirtschaftlichen Umbruch nachdem Ersten Weltkrieg. Währung und Finanzen in den Nachfolgestaaten Österreich, Ungarn und Tschechoslowakei 1918–1929. Wien, 1982. Bd. 1. S. 3.

Что случилось с активами и обязательствами бывшей Австро-Венгерской империи? Этот вопрос, равно как и вопрос о территориальном перераспределении, можно назвать кардинальными вопросами правопреемства государств.

В целом, проблемы правопреемства можно систематизировать таким образом:

1. В области активов:

– военные укрепления, построенные во время войны: здания, военные объекты;

– военная техника;
 – военные базы;
 – движимое и недвижимое имущество прежде единых гражданских властей;
 – ценности, которые были рассмотре-
 ны в качестве активов монархии.

2. В области обязательства:

– общая сумма государственного долга;
 – административные долги государственного бюджета в стране и за рубежом;
 – судебные штрафы для обоих государств⁹.

3. Другие ключевые вопросы:

– ликвидация совместных активов пропорционально в государствах-цедентах (Австрийской Республики и Королевства Венгрии);

– вопросы исполнения приговора согласно Гаагскому Генеральному соглашению, оставившему в силе контракты и другие соглашения;

– участие в регулировании частных до-
 военных и старорежимных (Altkronen) дол-
 гов и дебиторской задолженности;

– другие межправительственные догово-
 ренности по вопросам ликвидации прав соб-
 ственности (Liquidierungsangelegenheiten)¹⁰;

– разное.

1. Проблема разделения активов

Значение австрийской и венгерской во-
 енной собственности для государств-преем-
 ников.

Встреча партнеров (Австрийская Ре-
 спублика и Королевство Венгрия) для об-
 суждения вопросов о передаче прав во-
 енной собственности состоялась в период
 с 3 по 6 апреля 1923 года в Будапеште. Со
 стороны Венгрии в обсуждениях приняли
 участие министр финансов Венгрии Тибор
 Каллай и полковник Лев Бергер. Последний

⁹ Österreichisches Staatsarchiv – Archiv der Republik – Bundesministerium für Finanzen (im weiteren ÖStA-AdR-BMfF, Dept. 17, Karton 98. Allgemeines Jahr(e) 1920–1925 Faszikel 79-V-A-1, Zl.: 43993-19/25. ÖStA-AdR-BMfF, Dept. 17, Karton 98. Allgemeines Jahr(e) 1920–1925 Faszikel 79-V-A-1 Zl.: 43993-1925.

¹⁰ ÖStA-AdR-BMfF, Dept. 17, Jahr(e) 1933-1944. Karton 96. Zl.: 12431/1939.

позже принял участие и в выработке оценок по вопросам военных компенсаций по предложению министра финансов 26 апреля 1923 года. В связи с этой оценкой австрийские партнеры предложили кредит на сумму 400 млн золотых крон в счет репарационных выплат. Кредит был обеспечен ценными бумагами в размере 330 млн золотых крон и военным имуществом на сумму 68,3 млн золотых крон. (См. Таблица 2 и 3)¹¹.

Таблица 2

Стоимость движимой собственности бывшего руководства армии в государствах-преемниках (в золотых кронах)

Стоимость движимой собственности бывшей армии в государствах-преемниках (в золотых кронах)		
Страна	На прежней территории	
	Австрия	Венгрия
	Государственная территория	
Чехословакия	1 367 572 804	547 507 762
Польша	1 767 492 776	-
Румыния	30 267 920	800 608 227
Италия-Фиуме	1 837 537 147	39 360 287
Государство Словенцев, Хорватов и Сербов	928 126 891	1 488 636 663
Итого		
Приходилось на территорию бывшего австрийского государства		5 931 033 538 ЗК
Приходилось на территорию бывшего венгерского Государства		2 876 112 933 ЗК
Всего		8 807 146 471 ЗК

Источник: Österreichisches Staatsarchiv (Archiv der Republic) – Bundesministerium für Finanzen Dept. 17 Karton 98. Jahr(e) 1920-1925. Faszikel 79-II-A-I., Zl.:43167 (40572)/1923.

¹¹ ÖStA-AdR-BMfF, Dept. 17, Karton 98. Jahr(e) 1920-1925. Faszikel 79-II-A-I., Zl.: 43167 (40572)/1923.

Таблица 3

Стоимость недвижимой собственности бывшего руководства армии в государствах-преемниках (в золотых кронах)

Стоимость недвижимой собственности бывшей армии в государствах-преемниках (в золотых кронах)				
Страна	На бывшей территории государства	Казармы, военные строения, учебные плацы и прочее недвижимое имущество	Крепости	Вместе
	Венгрия	31 964 543	32 974 851	64 939 394
Польша	Австрия	108 572 901	184 196 261	292 769 162
	Венгрия	-	-	-
Румыния	Австрия	1 931 522	-	1 931 522
	Венгрия	164 266 374	-	164 266 374
Италия	Австрия	151 462 697	122 353 761	273 816 458
	Венгрия	2 173 109	-	2 173 109
Государство Сербов, Хорватов и Словенцев	Австрия	45 603 106	52 871 314	98 474 420
	Венгрия	51 412 135	26 628 920	78 041 055
Итого				
Приходилось на территорию бывшего австрийского государства			841 391 923 ЗК	
Приходилось на территорию бывшего венгерского Государства			309 419 932 ЗК	
Всего			1 150 811 855 ЗК	

Источник: Ebenda.

Кроме ряда более или менее важных вопросов, возникших в связи с передачей прав и обязательств, Австрия подняла вопрос об арбитражном разбирательстве с Венгрией. Австро-венгерский арбитраж со штаб-квартирой в Лозанне стал возможным в соответствии со статьей VI из так называемого

Бургенландского соглашения от 26 февраля 1923 г. (опубликован в Бюллетене федеральных законов от 1923 года под № 133, далее – B.G.B I). Их содержание было определено Венецианским протоколом 13 октября 1921 г. (B.G.B I № 138, 1922), закрепившим соглашение по вопросу урегулирования перехода Бургенланда под юрисдикцию Австрии¹².

К 15 сентября 1930 г. на момент завершения оформления австро-венгерского арбитражного суда¹³, ряд вопросов, связанных с финансовыми правами и документами военных архивов ликвидационных военных служб были отложены¹⁴, но зато были приняты наиболее важные кадровые решения: председателем суда был назначен Агостино Солдати¹⁵, член Федерального суда Швей-

¹²Szávai F. Az Osztrák–Magyar Monarchia közösvagyona. [Das gemeinsame Vermögen der Österreichisch-Ungarischen Monarchie]. Pécs, 1999.

¹³ Арбитражный суд в частном праве осуществляет правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Обычно состоит из одного или трех арбитров, выбранных или назначенных сторонами, востребован для решения спорных ситуаций при участии нескольких сторон. Для разрешения спорных ситуаций между Австрией и Венгрией арбитраж был создан в 1907 г. в первый раз для урегулирования разногласия по поводу толкования или применения Таможенного и Торгового Альянсов.

¹⁴ Kriegsarchiv, Liquidierendes Kriegsministerium (im weiteren KA – LKM), Militärliquidierungsamt (im weiteren MLA), – 1930, Präs., Zl. 1230, Zl. 1426, Zl. 1558. Österreichisch-Ungarisches Schiedsgericht – Konstituierung.

¹⁵ Агостино Солдати (1857–1938 гг.), был ректором в 1882–1883 гг. Лицея кантона Лутано; в 1883–1891 гг. членом Великого Совета (и его Председателем в 1884 г., 1889 г.); в 1891–1892 гг. членом Конституционного совета; заседал в Сенате с 1889 по 1892 гг., с 1890 по 1892 гг. входил в Госсовет, где председательствовал в 1891 г.), в 1892 г. участник и в 1906 г. – президент Федерального суда, в 1923 г. – президент Международного арбитражного суда и трибуналов по ликвидации ущерба, нанесенного в ходе войны между Италией и центральными державами, в 1923 году – член бельгийского Института сравнительного права. С 1930 г. до своей смерти – президент Международного австро-венгерского арбитражного суда.

царии. Должность секретаря занял Плинио Болла, который был членом Федерального суда Швейцарии. Представителем австрийской стороны стал Виктор Кинбек¹⁶, а венгерской – Йозеф Штерени¹⁷.

Несмотря на то что местом заседаний арбитражного суда была установлена Лозанна, председатель мог по мере необходимости проводить заседания и в других местах. Суд правомочен был делать суждения по всем вопросам, связанным со статьей 6 Бургенландского соглашения от 26 февраля 1923 г. Официальными языками конференций были признаны немецкий и французский. Записи на других языках должны были быть сертифицированы.

Арбитражный суд обязал австрийскую сторону в течение трех месяцев представить ответ по существу содержания претензий венгерской стороны, поданных в декабре 1930 г. Таким образом, содержание спора было определено. Австрия могла оспорить иск в течение двух месяцев. Судебные расходы каждая из сторон возмещала поровну¹⁸.

¹⁶ Виктор Кинбек (1873–1956 гг.), его отец происходил из крестьянской семье в Штокерау, позднее он изучал право. Наиболее важные должности: министр финансов и комиссар по реабилитации австрийского государственного бюджета (1922–1924 гг.), член парламента (1924–1926 гг., 1929–1932 гг.), министр финансов (1926–1929 гг.), президент Австрийского Национального банка (1932–1938 гг.), также являлся членом Государственного Совета, с 25 июня 1945 г. – консультант, а с 10 марта 1952 г. и вплоть до своей смерти – вице-президент Австрийского национального банка.

¹⁷ Йозеф Штерени (Szerenyi) (1861–1941 гг.), его отец, Альберт Штайн, был раввином в Уйпеште. Его дед по материнской линии был известным главным раввином Гирш Фассел. Позже его отец заменил его имя Magyarize на Szerenyi. Во время правления Михая Каройи он был интернирован. Сфера деятельности: социальная политика (законы, постановления), детский труд, труд женщин, проблемы работников сельского хозяйства и шахтеров, промышленных инспекторов, продвижение промышленности, преподавание в сфере торговли и коммерции; в течении пяти лет был делегатом в Лиге Наций.

¹⁸ ÖStA-AdR-BMfE, Dep.17, Faszikel 79-I-A, Karton 92, Zl. 66104/1930. Prozessordnung des österreichisch-ungarischen Schiedsgerichtes.

В целом, претензии Венгрии оценивались приблизительно в один миллиард золотых крон. Австрия выдвинула встречный иск. После принятия Конституций арбитражный суд Венгрии дополнил свой основной иск¹⁹ двумя дополнительными²⁰, а Австрия представила встречный иск²¹, каждый из этих актов сопровождался многочисленными заявлениями, которые потребовали

¹⁹ Основные жалобы относятся к тем судебным процессам, которые непосредственно касаются процессуальной стороны, позже объединенных исков. Из-за временного приоритета основного действия иногда его называют *Vorklage* (шаблон). В качестве примеров, можно назвать встречный иск ответчика в гражданских исках, а также дополнительные действия истца после принятия закона о браке.

²⁰ Неблагоприятное действие для пострадавшей стороны в силу ряда преступлений позволяет реализовать свою заинтересованность в преследовании независимо от прокурора, в то время как только одно признается в качестве особо уязвимой группы нарушения этого независимого участия (удовлетворение функции совместного истца).

В современном австрийском уголовном праве данная специфика – это случаи диффамации (в отношении должностных лиц и пастора во время осуществления их служебных обязанностей / услуг, или жестокого обращения, или угрозы применения силы, или оскорбление человеческого достоинства различных государственных лиц и органов). Потерпевшая сторона определяется как со-истец и получает статус частного обвинителя, но без связанных с этим рисков затрат. Однако потерпевшая сторона не имеет в любом случае никаких полномочий, чтобы подать в суд, так как это не может быть частным обвинением.

²¹ Встречный иск – независимое действие ответчика в качестве контр-истца против истца (встречный иск ответчика) в ожидании судебного разбирательства, до завершения такового, для обеспечения исполнения отложенного иска в тесной связи с фактическим объектом как предмета спора. Таким образом, предоставляется возможность изменить расстановку ответчик-истец. Тесная связь исковой вещи может получена либо из того же набора фактов или той же правовой нормы (*Konnexität*), или в результате взаимозачетов (*Kompensabilität*) или дополнительной декларации по поводу предмета спора в ходе разбирательства (*Präjudizialität*) [§ 96 Закон юрисдикцию].

внести изменения в сотни печатных страниц. Австрия не соглашалась с предметом венгерского иска по существу, считая его спорным²² прежде всего в вопросах о библиотеках, музеях, коллекциях, а также финансовых активах и оценки военных сил Боснии и Герцеговины²³. Непосредственно во время арбитражного разбирательства с помощью усилий нейтрального президента удалось достичь некоего примирения сторон, чтобы урегулировать все жалобы.

Но после официального принятия Конституции Королевства Венгрии 27 декабря 1930 г. Австро-Венгерский арбитражный суд в Лозанне вновь вернулся к венгерскому иску к Австрии.

Теперь претензии были конкретизированы и представлены следующим образом:

- 1) доля военного имущества была оценена в сумму около 71 млн крон золотом;
- 2) а) доля военной техники – в 447 млн крон, б) доля средств связи – в 90 млн золотых крон;
- 3) доля невоенного оборудования (при совместном введении составляющая 32,82 %) – в 164 600 золотых крон;
- 4) доля в здании Венской консульской академии;
- 5) умеренное соотношение долей бывшего посольского дворца в Лондоне (200 000 золотых крон)²⁴;

²² Совместное владение – одна (неразделенная вещь) в общей собственности нескольких лиц. В современном понимании имущество делится между совладельцами в соответствии с фракциями и коэффициентами. Индивидуальный совладелец получает информацию о реальной части вопроса, проблемы совместной собственности.

²³ Szávai F. A Habsburg-Lotharingiai Ház vagyona az első világháború után. [Vermögen des Hauses Habsburg-Lothringen nach dem Ersten Weltkrieg.]. In.: Magyarország a nagyhatalmak erőterében. Tanulmányok Ormos Mária 70. születésnapjára. Pécs, 2000. S. 581–595.

²⁴ Под квотой понимается выраженный в процентах вклад всех участников в процессе покрытия расходов на двух территориях монархии. Существуют ставки или коэффициенты вклада. Так, процентное соотношение участия Венгрии в общих расходах в разное время до распада монар-

6) 50 % от сельскохозяйственных активов (около 200 млн золотых крон);

7) 50 % от активов фидеикомисса (Fideikommiss) бывшего правящего дома на сумму около 36 млн золотых крон;

8) половина коллекций на условиях фидеикомисса, как и в случае с венгерской долей обычной интеллектуальной собственности;

9) с учетом указанного определялись соответствующие пропорции активов в Боснии и Герцеговине в размере около 3,3 млн динаров;

10) квота в 36,4 % от движимого и недвижимого имущества как результат военных потерь и повреждений на австрийской территории и государств-преемников²⁵.

Венгерские иски к Республике Австрия от 18 апреля 1931 г. содержали оппозиционные и встречные пункты. Так пункты А, В, С включали убытки, связанные с Бургенландом, Советской республикой и румынским вторжением. Пункт D содержал требование вернуть венгерские ценности вместе с 5 % годовых. Подпункт b) пункта D содержал призыв к австрийскому правительству решить вопросы, связанные с обозначениями на картах: Венгрия брала на себя обязательство возместить или оплатить до 31 декабря 1950 г. стоимость денежных затрат Австрии. Пункт E требовал осуществления поставки табачного сырья с 5 % годовых или уплаты стоимости. Согласно пункту F излагались требования о 5 % годовых по обязательствам Австро-Венгерского банка на сумму в размере 80 млн золотых флоринов от обязательств Австро-Венгерской банка с 5 % годовых. В пункте G, наконец, был сделан запрос, может ли Венгрия в качестве вклада в общие облигации внести 59 500 000 крон²⁶.

хия было следующим: 1868–1871 гг. – 30,00 %; в 1900–1907 гг. – 34,4 %; в 1872 гг. – 30,28 %; в 1907–1918 гг. – 36,4 %; в 1873–1899 гг. – 31,40 %. Размер квоты определялся в ходе особой парламентской процедуры обоих государств, результатом которой была выработка положений для специальных комитетов.

²⁵ ÖStA-AdR-BMfF, Dept. 17, Faszikel 79-I-A, Karton 96, Zl. 548656/1938, S. 3–4.

²⁶ Ebda. S. 4–6.

Настоящая Конвенция была парафирована правительствами обеих сторон, и до ее официального подписания и ратифицирования Венгрии еще предстояло расставить окончательно точки в отношении многих пунктов, определившись в предпочтениях: разрешить их на основе судебного решения или пойти по пути урегулирования. Среди таких пунктов – пункт о военном имуществе. Этот пункт оставался неурегулированным, так как Венгрия включила в свой иск Австрии претензии на сумму около 450 млн золотых крон²⁷.

Пересмотр своих условий венгерская сторона завершила в июне 1935 года, результатом этого пересмотра стало снижение ранее обозначенной общей суммы претензий (от первоначального 1 млрд, затем 500 млн крон)²⁸ до 447 483 817 крон. В итоге из общей стоимости в 3,619 млрд крон активов, Венгрия получала лишь 447 483 817 крон, что было меньше суммы, получаемой пропорционально установленным квотам для обеих сторон. Окончательная оценка венгерской ситуации такова²⁹:

²⁷ Szávai F. Das Schicksal des militärischen Vermögens der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. Unter Veröffentlichung im Jahr 2001. Im Jahrbuch des Historischen Instituts in Wien.

²⁸ «Представление» используется в международной юридической терминологии в основном для презентации или представления о наличии документа, действия или побуждения (или аналогичный). Например, «представление» спора в Международный Суд в соответствии с Бернской конвенцией об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года с поправками.

²⁹ ÖStA-AdR-BMfF, Dept. 17, Frieden. Faszikel. 79-II-A-2 Jahr(e) 1935, Karton 105, Zl.: 74709/1935. Unterbreitung des Vertreters der königlich-ungarischen Regierung beim österreichisch-ungarischen Schiedsgericht mit welcher er die im Beschlusse des hohen Schiedsgerichtes vom 16. April 1935 bezeichnete Detaillierung der militärischen Sachgüter vorlegt. S. 38.

Таблица 4
Окончательная оценка венгерских претензий (в золотых кронах)

	В Австрии	В Венгрии
Стоимость движимого имущества	2 660 557 894	851 255 717
Стоимость военных укреплений	89 032 764	18 818 469
Сумма	2 749 590 658	870 074 186
Общая сумма обоих государств	3 619 664 844	
Квота (А.63,6 %, В.36,4 %)	2 302 106 841	1 317 558 003
Долевое участие	+447 483 817	-447 483 817
Положительное сальдо Венгрии	447 483 817 ЗК	

Источник: ÖStA – AdR – BMfF – Dept. 17, Faszikel 79-II-A-2, Jahr(e) 1935 – Karton 105. Zl.:74709/1935. Unterbreitung des Vertreters der königlich – ungarischen Regierung beim österreichisch – ungarischen Schiedsgericht, mit welcherer die im Beschlusse des hohen Schiedsgerichtes vom 16. April 1935 bezeichnete Detaillierung der militärischen Sachgütern vorlegt (Budapest, 26. Juni 1935.) S. 38.

Согласно немецкой официальной точки зрения с распадом австрийского государства сама Австрия полностью исчезла как субъект международного права и, более того, без правопреемника. Германский рейх не занял место Австрии в силу так называемой государственной преемственности, и попытка после распада создать немецкую (Германскую) Австрию в 1918 году оказалась безуспешной.

Венгерский посланник в Берлине попросил продолжить переговоры по урегулированию и арбитражное разбирательство по делу ранее общих австро-венгерских государственных активов.

Но в конце июля 1939 года венгерское правительство объявило о том, что прекращает борьбу и разбирательство по поводу общих активов, так как по всем обозначенным претензиям финансового характера были достигнуты соглашения и стороны находились в процессе их урегулирования или же собирались приступить к таковому³⁰.

³⁰ Szávai F. A lausanne-i osztrák-magyar döntőbírószág működése. [Die Tätigkeit des österreichisch-ungarischen Schiedsgerichtes in

Соглашение между Правительством Германии и Королевским венгерским правительством о завершении всех относящихся к бывшей Австро-Венгрии общих вопросов финансового характера, оригинальный и подписанный текст которого автором не был выявлен на момент написания статьи, содержал изложенные ниже пункты.

1. Королевство Венгрия обязывалось ратифицировать Соглашения, парафированные 15 апреля 1935 г. в Вене и 1 сентября 1935 г. в Будапеште, по крайней мере, в течение 4 недель.

2. Венгрия отказывалась от исполнения баланса по отчету о военном движимом имуществе (безвозвратно и окончательно).

3. В результате реализации принципов, изложенных здесь, взаимные отказы от всех финансовых претензий любого рода как следствия распада бывшего Австро-Венгерского сообщества есть проявление консенсуса, который является условием полного (окончательного) решения и урегулирования этих претензий без права повторного их рассмотрения³¹.

9 февраля 1942 г. записи и публикации бывшего Австро-Венгерского арбитражного суда из Берлина были отправлены в Вену для постоянного хранения с объявленным (обязательным) условием, что данная информация останется доступной для королевского правительства Венгрии по запросу³².

2. Вопросы правоприменения положений Генеральной Гагской конвенции, действующих контрактов и других соглашений

А. Реституция Греции, прервавшей нейтралитет

В соответствии с положениями § 4 Приложения к ст. 249 и 250 Сен-Жерменского Договора о компенсациях Греция тре-

Lausanne]. In: A hosszú tizenkilencedik és a rövid huszadik század. Tanulmányok Pölöskei Ferenc köszöntésére. Budapest, 2000. S. 531–546.

³¹ Vgl. Szávai, Ferenc: Az Osztrák–Magyar Monarchia közös vagyona. [Das gemeinsame Vermögen der Österreichisch-Ungarischen Monarchie]. Pécs, 1996.

³² ÖStA-AdR-BMfF – Dept 17, 426/1942, ÖStA-AdR-NPA (Neues Politisches Archiv). 443/1942. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes – Bonn – Rechtsabteilung (R VII), Rechtsakten 8, Band 2. Zl.: 53584/1942.

бовала от Австро-Венгрии компенсировать ущерб эллинским гражданам, который они понесли в период прерванного нейтралитета Греции.

В соответствии с Конвенцией по урегулированию таких претензий, заключенной 27 декабря 1929 года между Австрией и Грецией, австрийское правительство обязалось выплатить в течение семи лет 8 млн золотых франков в долларом эквиваленте (доллар США).

С этой целью греческому правительству предоставлялись 7 казначейских векселей, первый из которых на сумму \$ 385 900 должен был выплачен 15.01.1931 г., в то время как 6 других казначейских векселей, каждый на сумму \$ 192 950 – ежегодно 15.01. с 1932 г. по 1937 г.

Б. Участие в исполнении договора, заключенного в рамках Пенсионного Соглашения государств-преемников

Речь идет о «Римских пенсионных конвенциях» от 6 апреля 1922 г., опубликованных в В.Г.В I № 170/1924 г., Конвенции от 30 ноября 1930 г. между Австрией, Италией, Польшей, Румынией, Югославией и Чехословакией о пенсиях, не регулируемых вышеупомянутой Конвенцией, т. е. земельных, муниципальных и районных пенсиях (В.Г.В I № 157/1930 г.), и, наконец, соглашение с Чехословакией от 3 февраля 1929 г. о взаимной корректировке оплаты отдыха, дополнительного питания и других выплат³³.

В. Участие в исполнении договора, заключенного с государствами-правопреемниками Конвенции о приведении в исполнение ст. 266, последний абзац, и ст. 273 Сен-Жерменского Договора

Эти соглашения касались разделения прежних австрийских учреждений и фондов, а также прежних субъектов австрийского публичного права и других организаций, которые находились в ведении Министерства финансов по согласованию с правительством Австрии. Подобные соглашения были заключены с Чехословакией от 7 декабря 1925 года; с Югославией – от 26 ноября

1927 года; с Италией – от 22 декабря 1927 года; с Польшей – от 24 февраля 1928 года.

Д. Конфликт с чехословацким Правительством относительно толкования ст. 208 на восстановление собственности австрийских приграничных общин на землю на территории Чехословакии

В то время как в соответствии с судебной практикой Верховного суда Австрии чехословацкие приграничные общины сохраняли за собой их недвижимое имущество на австрийской территории, чехословацкое правительство экспроприировало земельную собственность австрийских приграничных общин на чехословацкой территории с учетом положений ст. 208, пункта 7 Сен-Жерменского межгосударственного договора. Причиной тому были затянувшиеся консультации управления бывшего канцлера с казначейством о введении реторсии.

3. Регулирование частных предвоенных и старорежимных обязательств (Altkronenschulden) и дебиторской задолженности и ликвидация австрийских активов в бывших «вражеских странах»

А. Австрийские претензии в отношении государств, которые выступили посредниками в процессе клиринга после мирного договора

1. В процессе клиринга, который завершился довоенные урегулирования задолженности в соответствии со ст. 248 Договора о мире, а также ликвидировал австрийскую недвижимость в Великобритании, во исполнение Генеральной Гагской конвенции Великобритания в рамках соглашения от 15 марта 1930 года (В.Г.В I. № 320) согласилась освободить еще неликвидированные австрийские активы.

Стоимость выполненной акции составила около 160 000 фунтов стерлингов, после чего общение с британским клиринговым управлением для возможных исправлений и отдельных случаев урегулирования было ограничено. Следует отметить, что значительный профицит Австрии от австро-британского расчетов (1,8 млн фунтов стерлингов) был обеспечен широким применением

³³ Vgl. Anmerkung 11.

британского меморандума от 27 августа 1920 года (St.G.V.I. № 478), предоставлявшем возможность заключать прямые сделки между кредиторами и должниками.

2. Ситуация с Францией была иной. Австро-германское соглашение от 3 августа 1920 г. (B.G. Bl. № 334 экс. 1921 г.) позволяло не удерживать возможные австрийские излишки в процессе расчетов и выплат по репарациям. При расчетах с Францией у Австрии было значительное положительное сальдо, но главным образом потому, что в соответствии с вышеупомянутой Конвенцией австрийские долги были выплачены по большей части непосредственно. Большую часть этого кредитного баланса Австрия вносила в форме свободных платежей на протяжении многих лет, но все еще существовал остаток, размер которого нельзя было определить количественно до подготовки окончательных отчетов. Этот заключительный счет и последующая выплата окончательного баланса в Австрии требовались, в частности, для завершения многих отдельных секвестровых выплат (*Sequesterabrechnungen*) во Франции (по мнению Французского управления все еще оставалось 2–3 тыс. случаев), но для этого необходимо было принятие французским Управлением имущества закона, который обеспечил бы частные интересы осенью 1937 года. Переписка французского Управления по секвестровым выплатам (*Sequesterabrechnungen*) была довольно обширной и французское бюро взяло тайм-аут.

3. По окончанию процедуры клиринга в отношении Бельгии стало ясно, что и бельгийское правительство обеспечило Австрии профицит в соответствии с Соглашением от 18 января 1930 г. (B.G. V.I. № 200). Очевидно, что сложившиеся обстоятельства предполагали обмен письмами между Австрией и бельгийским Бюро.

4. Процедура клиринга прекращалась и по отношению к старой Италии. Деятельность учреждений взаимного аудита и компенсаций была определена Соглашением от 24 ноября 1930 г., (B.G. V.I. № 149 ex. 1932 г.). Австрийская излишки от австро-итальян-

ских расчетов были конфискованы Италией, но она со своей стороны должна была отказаться от некоторых финансовых претензий других юридических учреждений. Остальная часть переписки по поводу урегулирования претензий итальянским Бюро по вопросам проверки компенсаций имеет довольно ограниченный объем.

5. Расчеты и ликвидационное производство в отношении Греции завершались, так как Австрии оставалось уплатить небольшую задолженность. Греция предоставила отсрочку для Австрии, дав возможность не только сохранить, но хотя бы ненамного увеличить австрийские активы, не включенные в клиринговые выплаты.

В. Австрийские требования к странам, которые не присоединились к процедуре клиринга

1. Выпуск австрийских ценных бумаг на американском континенте все еще продолжался, и на тот момент общая сумма выпущенных акций составила большую часть всех австрийских активов (примерно \$ 9 000 000). Америка осуществила выпуск этих акций, поскольку изъятые австрийским правительством денежные средства покрывали имеющиеся австрийские долги. Невозможно сказать, сколько еще могло быть выпущено акций, так как австрийские власти не представили всех участников, и, кроме того, нигде не упоминались активы, которые вернулись в австрийское Федеральное казначейство после ликвидации бывшего Австро-Венгерского банка. Переписка с иностранными учреждениями по вопросам урегулирования финансовых претензий все еще оставалась очень активной, так что не может быть сомнений в информации, полученной из США.

2. Среди других, не участвующих в клиринговом процессе государств, где шла ликвидация австрийской собственности, назовем Канаду и Сиам, граждане которых были освобождены от претензий со стороны Австрии, а также можно упомянуть еще и государства Южной Африки, которые имели расписки австрийского государства,

позволявших некие действия в отношении изымаемых австрийских активов. Уточним, что Сербия, Португалия и Румыния не завершили ликвидационный процесс.

Кроме того, в отношении Румынии существовало некоторое разночтение в толковании статьи V Генерального Гаагского соглашения по финансовым вопросам, а именно: можно ли считать правомерными права и интересы, связанные с австрийским имуществом, на дату подписания настоящего договора для Румынии.

Румыния представляла все в соответствии со ст. 249 Договора о мире о секвестровании ликвидной дебиторской задолженности и поэтому отказалась от освобождения от секвестра, но на 20 января 1930 г. банки не располагали ни поступлениями по дебиторской задолженности, ни налогами на инвестиции³⁴.

С. Регулирование обязательств старого режима между австрийцами и «новыми» итальянцами (Neuitalienern)

Для регламентации существовавших частных требований и обязательств между членами семей и родственниками в Австрии и на территории, прежде принадлежащей старой империи, а теперь отошедшей к Италии, между Австрией и Италией 6 апреля 1922 г. в Риме было заключено соглашение, о котором было объявлено в Федеральном вестнике законов № 160, 1924 г.

Заключение и реализация настоящей Конвенции были особенно в интересах Австрии: так, благодаря данному соглашению Австрия получила возможность преобразования по долгам своих граждан на территориях, которые уступила Италии. По условиям мирного договора 100 золотых крон старого режима соответствовали 56,8 итальянских лир. Это условие было проведено Федеральным законом от 17 марта 1926 г. (В. Г. В I. № 66) с одной лиры на одну старую крону или две лиры, если платеж осуществлялся после 30 июня 1926 года. Следует подчеркнуть, что выплата баланса в процессе клиринга отсутствовала, австрийские кре-

диторы выплачивали только из выплат, осуществляемых австрийскими должниками. То же самое происходило и в Италии. Движения денег через границу не происходило. Реализация Конвенции осуществлялась для взаимных расчетов офисов: в Италии – Бюро по вопросам проверки компенсаций, располагавшееся сначала в Триесте, а затем в Риме, и в Вене – Бюро урегулирования, после упразднения в феврале 1935 г. получившее статус Ликвидационного агентства в составе Министерства финансов.

Д. Регулирование обязательств старого режима между австрийцами и Чехословакией

Аналогичная схема реализации обязательств старого австрийского режима была применена и в случае с Чехословакией, что нашло отражение в австро-чехословацкой Конвенции от 18 июня 1924 г. (В. Г. В I. № 92 ex. 1926 г.), часть его положений регулировалась дополнительным протоколом, принятым в тот же день, и в двух Дополнительных протоколах от 17 сентября 1926 г. (В. Г. В I. № 49 ex. 1927 г.), и от 27 ноября 1928 г. (В. Г. В I. № 285 ex. 1929 г.). Австрийское Бюро достигло соглашения с чехословацким координационным центром по обязательствам и механизму применения этой Конвенции, а после завершения процесса разбирательства в Австро-Чехословацком арбитраже определились по обязательствам старого режима, в соответствии с чем австрийские должники переводили взносы по уплате долга в Чехословацкую расчетную службу через Австрийский почтовый офис Сбербанка, а чехословацкие должники переводили долговой взнос в клиринговую палату в Праге.

Другие ликвидационные мероприятия

А. Экспроприации в Конопиште и Хлумице

Два сына эрцгерцога Франца Фердинанда от его морганатического брака с герцогиней фон Гюгенберг, Макс и Эрнст Гюгенберг владели расположенными в Чехословакии поместьями Конопиште и Хлумиц как частной собственностью. По чехословацкому закону 12 августа 1921 г. (Коллекция № 354) вопрос об экспроприации частного имущества был закрыт, но эти имения и имущество в них были отчуждены без компенсации.

³⁴ Ebda.

В. Претензии, вытекающие из чехословацкой аграрной реформы

Интересы ряда крупных землевладельцев австрийской национальности были затронуты в Чехословакии аграрной реформой, по которой, как известно, владельцам предлагалась лишь небольшая часть стоимости в качестве компенсации. Из-за несовершенства юрисдикции ни одна из жалоб не была рассмотрена в австро-чехословацком Арбитражном суде. В ст. 267 Сен-Жерменского Договора, в частности, отсутствует определение юрисдикции по этому поводу, содержащееся, например, в ст. 250, п. 3 Трианонского Договора. Поэтому спорные вопросы между Австрией и Чехословакией в аграрной сфере не получили статуса межгосударственных.

С. Послевоенные требования

При подписании Гаагской конвенции в январе 1930 г. министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш сделал устное заявление о том, что взаимные претензии между Австрией и Чехословакией, которые не оговорены мирным договором, но появились в первые годы после распада, не подпадают под действие положений Гаагской конвенции. Принятие этой оговорки, которая на самом деле содержала только само собой разумеющееся, была также устно поддержана бывшим австрийским канцлером Й. Шобером. В последующий период чехословацкое правительство пыталось категорически отказать от так называемых послевоенных требований, так как получило в соответствии с ними главным образом претензии, хотя позднее сообщило о своем согласии с послевоенными требованиями. Дело было отложено на несколько лет, вероятно, по той причине, что ни одна из двух сторон не знала насколько превышены были претензии противоборствующей стороны³⁵.

Разное

Бельгия представила просьбу Австрии в отношении Триптиха Св. Адальберта (известного произведения Рубенса), который был доставлен в Вену в 1777 году. Бельгия

также предъявила еще один иск о праве собственности на сокровища Ордена Золотое руно, коллекция была доставлена в Вену в 1794 году³⁶.

Чехословакия выдвинула претензии Австрии по поводу различных предметов искусства в Вене. Эти два документа были использованы в качестве правовых обоснований в переговорах между Венгрией и Австрией с 10 по 15 мая 1928 года в Лугано. Второго мая 1928 года документы были отправлены в Посольство Австрии в Париже и в Вену. Нейтральный правовой комитет из трех членов должен был найти в тексте чехословацкой конституции и в текстах мирных соглашений аргументы, насколько оправданы чехословацкие претензии по поводу собственности на произведения искусства в Вене³⁷.

Регулирование общих дел приобрело новые нюансы после ликвидации Австро-Венгерского банка, что стало отправным моментом в создании международного финансового сообщества. Принципиальное отличие состояло в том, что теперь во всех переговорах по поводу австро-венгерских активов Австрия и Венгрия не были единственными партнерами, все другие государства-правопреемники принимали участие в этом процессе. Во многих случаях Австро-Венгерский банк не рассматривали как государственное учреждение.

На тот момент при оценке и распределении довоенных долгов были определены два субъекта-партнера, но и за новыми государствами устанавливалась определенная доля выкупа обеспеченных и необеспе-

³⁶ Commission des Réparations, Annexe №. 1141 Revendications de la Belgique concernant le Triptique de Saint Ildephonse et le Trésor de l' Ordre de la Toison d' Or, Rapport du Comité des Trois Juristes Annex 1141, Belgian claims to the Triptych of Saint Ildephonse and the Treasure of the Order of the Golden Fleece, Raport of the Committee of Three Juristes (21. Oktober 1921).

³⁷ Commission des Réparations, Annexe №. 1151 Article 195 du Traité de Saint-Germain, Revendications Tchéco-Slovaque, Rapport du Comité des Trois Juristes (23. August 1922).

³⁵ Ebda.

ченных долгов прежней Австро-Венгрии. Новые государства были намерены в ближайшее время учредить собственные независимые национальные банки, которые могли претендовать на активы бывшего Австро-Венгерского банка, но при этом не скрывали, что хотели бы максимально уйти от обязательств.

При обсуждении процесса реорганизации банка австрийская сторона выступила с предложением положить в основу принцип территориальности, т. е. не считать банк государственным учреждением, а придать ему статус публичной компании. Переговоры о ликвидации активов Австро-Венгерского банка между государствами начались в августе 1920 г. и к 14 августа 1922 г. Договор, учитывая интересы населения, закреплял достигнутое соглашение о принятии банкнот от 27 октября 1918 года³⁸.

Вторым кардинальным вопросом было распределение обязательств бывшей Австро-Венгерской монархии. Строительство соответствующей инфраструктуры, которая требовалась современной экономике, поглощало огромные суммы денег, большая часть которых являла собой внешние займы. Задолженность Австро-Венгерской империи была, во-первых, следствием растущих расходов на инфраструктуру, с другой стороны – финансирования Первой мировой войны.

Статья 186 Трианонского Договора и ст. 203 Сен-Жерменского Договора перекликались в положениях о пропорциональном переводе предвоенного долга со стороны государств-преемников (это относилось и к новым Австрии и Венгрии). В соответствии с этими положениями каждое государство должно было взять на себя ту часть бывшего государственного долга, которая, как и репарации, соотносилась с учетом показателей развития некоторых отраслей экономики или состоянием финансовых ресурсов в 1910, 1912 и 1913 гг. Вышеуказанные диспо-

зиции обнаружили, что решающее значение в определении уровня долга для этих вновь образованных государств имели показатели состояния дел на 28 июня 1914 года, так как были застрахованы в случае применения необеспеченных обязательств³⁹.

В силу этого Комиссия установила твердую ставку возмещения австрийского долга, она в среднем в год составила 36 млн крон. В случае с Венгрией, эта сумма составила 400 млн (в среднем 2,6 млн крон)⁴⁰.

К необеспеченным обязательствам Австрии были отнесены 7 767 835 764 кроны, а за Венгрией фиксировались 6 741 322 674 кроны. Данные таблицы 5 отражают распределение бывшего долга Австро-Венгрии⁴¹:

Таблица 5
Процентное распределение государственных долгов Австро-Венгерской монархии между государствами-преемниками

Процентное распределение государственных долгов Австро-Венгерской Монархии в государства-преемники			
Австрия	%	Венгрия	%
Австрия	36,827	Венгрия	49,629
Италия	4,087	Румыния	23,659
Польша	13,733	Австрия	1,716
Румыния	1,610	Чехословакия	17,384
Королевство СХС	2,043	Королевство СХС	6,800
Чехословакия	41,700	Город Фиуме/Риека	0,812
Итого	100,000	Итого	100,000

Источник: Reparation Commission VII Distribution of the pre-war Austrian and Hungarian debt. S.17–19.

Среди общего долга Австрии и Венгрии были более ранние долги, связанные с эксплуатацией двух железнодорожных систем, а именно: венгеро-галицийской и

³⁹ Halmosy D. Nemzetközi szerződések 1918–1945 [Internationale Verträge 1918–1945]. Budapest, 1966. S. 18–119.

⁴⁰ ÖStA-AdR-BMfF, Dept. 17, Karton 142 Reparation Zl. 85134/1929. Reparation Commission VII Distribution of the pre-war Austrian and Hungarian debt. S. 11–12.

⁴¹ Ebd. S. 19–20.

³⁸ Pogány Á. Az Osztrák–Magyar Bank felszámolása [Die Liquidation der Österreichisch-Ungarischen Bank]// Aetas 4/1992. S. 19–31.

австро-венгерской государственной железной дороги. Венгерская доля обязательств по венгеро-галицийской железной дороге составляла только 0,0439 %, тогда как основная нагрузка долгов перераспределялась на Польшу, в то время как Австрия освобождалась от этих обязательств. Доля Венгрии в общей сумме долга по австро-венгерской государственной железной дороге была 11,602 %, Австрии – 10,539 %, а наибольшая доля в 62,808 % – у Чехословакии⁴².

Ликвидация бывших центральных властей осуществлялась тремя организациями: 1) Конференцией послов; 2) Международной ликвидационной комиссией, 3) Коллегией, созданной с целью ликвидации центральных органов власти. В составе последней были представлены государства-преемники. Эта коллегия занималась ликвидацией бывшего Министерства иностранных дел, Военного министерства и Единого Казначейства, или Верховного контрольного управления⁴³.

В Конференции послов были представлены Германия, Италия, Польша, Румыния, Королевство СХС, Чехословакия, Украина и Венгрия. Председательство в ней осуществлялось в порядке французского алфавита.

Международным мандатом коллегия была определена как Международная ликвидационная комиссия и наделена международно-правовым статусом. Ее целью была реализация ликвидации, ее задачей – создание общих активов и обязательств, в то же время она была открыта для вопросов юридических консультаций⁴⁴.

На своем третьем совещании 30 января 1919 г. Международная ликвидационная комиссия приняла рескрипт, в котором были изложены руководящие принципы для определения бывших активов и обязательств⁴⁵.

С 5 по 11 сентября 1922 г. проводились переговоры по задолженности бывшего

⁴² Ebd. S. 12–14; 39.

⁴³ Matsch E. Der auswärtige Dienst von Österreich (-Ungarn) 1720-1920. Wien-Köln- Graz, 1986. S. 165–166.

⁴⁴ ÖStA-AdR-Bundesministerium für Äußeres – Handelspolitik (BMfA 14 HP) Karton 736 Protokoll zur Sitzung am 24. Januar 1919. 4. Sitzung (Geschäftsordnung).

⁴⁵ ÖStA-AdR-BMfF, Dept. 17, Karton 101, Zl. 47102/1919.

Управления австро-венгерских железных дорог. Здесь были представлены Королевство Венгрия, Чехословакия, Королевство СХС и Австрия, но Румыния отсутствовала. Было установлено различие между двумя долговыми группами: Австрия, ее государства-преемники и Чехословакия, с одной стороны, Королевство Венгрия и ее государства-преемники – с другой. Первые имели долг в размере 19 392 000 франков и 3 763 000 марок, вторые – 14 042 700 франков. Главный комиссар рассчитывал распределение долгов между Австрией и ее государствами-преемниками пропорционально размерам территории, отведенной каждому из них: 20,023 % – Австрии, 70,977 % – Чехословакии. Распределение между Венгрией и государствами-преемниками показано в таблице 6⁴⁶.

Таблица 6

Распределение долга в государства-преемники прежних Австро-Венгерских железных дорог(STEG)%

Распределение долга в государства-преемники прежних Австро-Венгерских железных дорог, %	
Королевство Венгрии	23,168
Чехословакия	43,731
Королевство СХС	8,000
Румыния	25,101

Источник: Reparation Commission VII Distribution of the pre-war Austrian and Hungarian debt. S. 48.

Несомненно, решение проблемы с правопреемством государств (разделение государственных активов) Австро-Венгерской монархии – уникальный пример в истории.

Не вызывает сомнений, что в будущем я смогу углубить свое исследование и выявить более подробные сведения по этой теме, но и эту попытку я, вне всяких сомнений, могу представить как прорыв в силу ее актуальности для современности.

Перевод

Т. Н. Плохотнюк

⁴⁶ ÖStA-AdR-BMfF, Dept. 17, Karton 142, Reparation, Zl. 85134/1929. Reparation Commission VII Distribution of the pre-war Austrian and Hungarian debt. Appendix G. S. 46–50.

РАЗДЕЛ III. ИМПЕРИЯ ГАБСБУРГОВ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Л. В. Мольнар

ВЕНГРИЯ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ЭПОХИ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

В 1949 г. Золтан Трочани, известный венгерский знаток русской классической литературы, с сожалением писал о том, что до 1848 г. была опубликована лишь единственная работа, описывающая путешествие в Венгрию, а именно поездка князя Анатолия Николаевича Демидова (1813–1876 гг.), который в 1837 году посетил Пешт и Буда¹. Однако в последующие десятилетия стали известными путевые заметки как минимум 17 русских путешественников, посетивших Венгрию с 1439 г. до середины XIX в., причем только два из этих описаний касаются XVIII в.²

По настоящий день мы не знаем источников, предшествующих описанию, сделанному Симеоном Суздальским в 1439 году³. Как и в случае со многими другими последующими описаниями, Венгрия выступала для путешественника транзитной территорией, ибо в составе делегации церковных иерархов (во главе ее стоял митрополит Исидор) Симеон Суздальский только проездом посетил Венгерское Королевство, по пути домой с Феррарского и Флорентийского соборов⁴.

В хронологической последовательности – после длительного перерыва – за описанием Симеона Суздальского идет описание Федора Дорохина, родившегося в городе Ельце, которое было впервые опубликовано в переводе на венгерский язык известным украинским исследователем венгерско-сла-

вянских связей Я. И. Штернбергом⁵. Дорохин был в турецком плену на протяжении 12 лет (с 1662 по 1674 г.), в это время он попал из Белграда в город Буду, находившийся под властью османского полумесяца. Автор описал наиболее крупные поселения, через которые проезжал, изобразил печальную картину городов Пешт и Буда, находившихся под турецким игом.

В последние годы XVII века через Венгрию, уже освободившуюся из-под турецкого угнетения, проезжал выдающийся русский дипломат Прокофий Богданович Возницын, прибывший в 1698 г. в Вену в составе делегации, руководимой Петром Великим, и принявший участие в 1699 г. в переговорах по заключению мирного договора в Карловаце. В написанном 27 сентября 1698 г. докладе Возницын излагает свои впечатления о Пеште и Буда, о большом замке, окруженном двойной стеной, напомнившим ему город Азов. Автор пишет о нищете жителей «городов-братьев» по обе стороны Дуная, горько заметив, что большинство людей на отвоеванных от турок в 1686 г. землях живет в землянках и халупах, крытых соломой. Возницын видел минареты, мечети и бани, посетил теплые источники Буды и выразил мнение о том, что они больше подходят для лечения болезней, нежели источники Вены⁶.

⁵ См.: Varady-Sternberg J. Utak, találkozások, emberek (írások az orosz-magyar és ukrán-magyar kapcsolatokról). Uzsgorod-Bp., 1974. P. 10–11. В основе публикации лежало издание 1890 г., выполненное П. Л. Сирку в Санкт-Петербурге (Православный Палестинский сборник. Т. X). На русском языке см. также: Штернберг Я. И. Мир поэзии и дружбы. Ужгород, 1979.

⁶ Ibid. P. 11–12. Среди сопровождавших П. Б. Возницына был уроженец Закарпатья и выпускник Венского университета Янош Зейкан. Во время «великого посольства» на него обратил внимание Петр I, поручивший ему воспитание детей в семье родственников своей матери – Нарышкиных. Позже ему поручили воспитание

¹ Két emlékirat az 1849. évi cári intervencióról / Szerk. Trocsányi Z. Budapest (далее – Вр.), 1949. P. 12–13.

² Orosz és ukrán utazók a régi Magyarországon / Közreadta, fordította, az előszót és a jegyzeteket írta Tardy L. Bp., 1988. P. 35.

³ См.: Казакова Н. А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» / Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXV. Памятники русской литературы X–XVII веков. М.; Л., 1970. С. 61.

⁴ Из литературы см.: Н. Tóth I., Kristó Gy. Orosz utazó a XV. századi Magyarországon // Történelmi Szemle. 1977. № 1.

Хотя в первой половине XVIII в. значительно возросло количество выходцев из Российской империи, проезжавших через венгерские земли, мы находим только одно-единственное описание, принадлежащее перу Василия Григорьевича Барского (1701–1747 гг.)⁷. Уроженец Киева, выходец из купеческой семьи, получивший теологическое образование, он отправился в паломничество на Святую землю осенью 1723 г. и прибыл в Венгрию через Дуклинский перевал ранней весной 1724 г. В дневнике он подробно описывает города и села, через которые проезжал, упоминая их достопримечательности, памятники, много внимания уделяет вероисповеданию населения. И хотя описания паломника зачастую поверхностны и не всегда достоверны, работа его имеет значительную историко-культурную ценность, ибо дает представления об условиях жизни городского и сельского населения, питания, особенностях поведения и одежде людей. В Буде он посетил сербскую колонию, где был тепло принят архимандритом. В отличие от сербского архимандрита, немцы, преобладавшие в венгерских городах, по воспоминаниям Барского, «не удостоили нас ни гостеприимством, ни дарованиями. Отправившись из Комарома, мы шли целую ночь и прошли три длинные мили. Лучше отдыхали на берегу Дуная, чем у немцев. На рассвете достигли села, где выспались на гумне. В четверг продолжали путь до города Дьёр. Здесь стражи городских ворот забрали наши бумаги и от-

царского внука, будущего императора Петра II. После смерти Петра Великого Зейкан оказался в размолвке с князем А. Д. Меншиковым и ему пришлось бежать из России. После вступления в 1727 г. на престол Петра II он получил приглашение вернуться в Россию, но австрийские власти не разрешили ему выехать.

⁷ См.: Странствования Василия Григорьевича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1744 год // Труды Православного Палестинского Общества. Т. I. СПб., 1885 (Первое издание: СПб., 1778). Подробно о жизни В. Г. Барского см.: Барсуков Н. Жизнь и труды В. Г. Барского. СПб., 1885. См. также: Tardy L. Régi feljegyzések Magyarországról. Bp., 1982. P. 105–114.

несли главам города с целью получения разрешения для входа в город. Но те вернули бумаги и запретили войти в стены города... В пятницу мы собрались и, пройдя одну милю, достигли Мадьярвара. Здесь произошло то же самое, что и в уже упомянутых городах, и мы снова спали в предместье»⁸. Страсть повидать мир привела Барского в Италию, где его принял на аудиенции сам Папа, отсюда на корабле он отправился в Грецию, позже достиг Ближнего Востока и Святой Земли, изучил арабский язык, в родной Киев вернулся через 20 лет, незадолго до смерти.

В конце XVIII в. настало время более частых династических связей, военных и дипломатических командировок, а московская и петербургская печать с удовольствием публиковала на своих страницах путевые заметки о доселе неизвестных российскому читателю народах, населявших страны, через которые шли дороги русской армии, особенно о народностях славянского происхождения. В 1799 г. в ходе похода А. В. Суворова в Северную Италию несколько полков русской армии под командованием генерал-майора Ребиндера прошли через Венгрию. Радужный прием, оказанный русской армии, союзнице Австрии, описывает один из офицеров Суворова, оставшийся неизвестным, в статье «Рассказ старика суворовского ратника», появившейся в свет на страницах журнала «Московитянин»⁹. Автор описывает, как жители города большой толпой приветствовали солдат возле Хатванских ворот при въезде в Пешт, где для приветствия русских войск появился сам наместник короля – герцог Йозеф Габсбург. Прошедшие через город парадным маршем войска расположились на ночлег в лагерях на берегу Дуная. Вечером наместник пригласил русских офицеров и дал в их честь пышный бал. Рядовые солдаты пировали под открытым небом, где столы ломились от обилия еды и напитков, и могли бесплатно посещать театры Пешта.

⁸ Странствования Василия Григорьевича Барского. С. 26–27.

⁹ Varady-Sternberg J. Utak, találkozások, emberek. P. 13.

Автор описывает бедную одежду простых людей, противопоставляя ей ослепительную пышность одежд аристократии. Незвестный автор оказался метким наблюдателем, заметив, что Венгрия в одном напоминает ему родину: дороги такие же – везде ухабистые, множество ям и ветхих мостов.

В хронологическом порядке ряд русских путешественников, оставивших записки, продолжает Александр Иванович Тургенев (1784–1845 гг.). Ставший позже довольно известным писателем и историком, он был сыном видного представителя масонского движения в России Ивана Петровича Тургенева, человека особенно влиятельного во времена Павла I. В детстве его воспитывали в духе свободомыслия, позже он продолжил свое образование в Московском университете. С осени 1802 г. А. Тургенев вместе со своим другом Андреем Сергеевичем Кайсаровым (позже профессором Дерптского университета) обучался в Германии в Гёттингенском университете, был одним из любимых студентов известного историка и филолога А. Л. Шлёцера.

После окончания университета А. И. Тургенев в сопровождении Кайсарова отбыл из Гёттингена 12 апреля 1804 года. Путь их лежал сначала в Лейпциг, оттуда в Дрезден и Прагу, затем они остановились на некоторое время в Вене, где благодаря своим связям в масонских кругах получили важные рекомендательные письма к видным венгерским политикам и ученым. 3 августа молодые люди прибыли в Буду, откуда спустя неделю А. И. Тургенев отправил отцу свое первое письмо с путевыми впечатлениями. Письма талантливого, всесторонне развитого и прогрессивно мыслящего молодого литератора, внимательно наблюдавшего за страной своего пребывания, представляют немалый интерес для исследователей истории Венгрии начала XIX в., ибо в них находят отражение экономические и межрелигиозные связи, образ жизни как господствующего класса, так и низовых социальных слоев¹⁰.

¹⁰ См.: Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям в 1804 году. Под редакцией В.М. Истрина / Архив братьев Тургеневых. Выпуск 4. Пг., 1915.

В письме от 10 августа А. Тургенев подробно рассказывает о том, как молодые путешественники за три с половиной дня преодолели по Дунаю более 200 километров от Вены до Буды. Он с восторгом описывает удобства и преимущества речного плавания, а также атмосферу вечерних развлечений в городах, через которые лежал путь – в Прессбурге (венг. Пожонь, нынешняя Братислава) и Комароме. Свои дальнейшие впечатления он передавал следующим образом: «Переночевав еще раз на дороге, пристали мы, наконец, в город Пешт, который одним только Дунаем отделен от Офена (немецкое название Буды. – Л. М.), и кто не знает, тот не почтет никак их за два различные города, в которых даже городская полиция, присутственные места, все особо. Случай привел нас сюда в самое интересное время: здесь теперь начался смотр 25-тысячной императорской армии, составленной из различных и разноплеменных народов сего государства. Сюда приехали теперь все принцы Австрийского дома: эрцгерцог Карл, Алберт, Фердинанд и наш мекленбургский принц, с которым я познакомился еще в Вене. Мы сперва остановились и жили неделю в Пеште, но вчера переехали сюда в Офен потому, что здесь живут по большей части наши знакомые. Не проходит почти ни одного дня, чтобы мы не были званы к какому-нибудь венгерскому магнату на обед. Здесь в свежей еще памяти обожаемая сербами и венгерцами Александра Павловна и русские в большом уважении»¹¹.

На следующий день после прибытия в Буду Тургенев и Кайсаров обедали у известного аристократа графа Алайоша Батяни (1750–1818 гг.), который оказал молодым людям сердечное гостеприимство и пригласил в свой дом нескольких видных в Венгрии ученых. Вечером того же дня путешественники получили приглашение к князю Миклошу Эстерхази (1765–1833 гг.),

¹¹ Там же. С. 36. Дочь Павла I Великая княгиня Александра Павловна, жена наместника Венгрии эрцгерцога Йозефа Габсбурга, скончалась от родов в 1801 г., не дожив до 20-летнего возраста.

«венгерскому Шереметьеву», славившемуся своим расточительством. Именно в усадьбе князей Эстерхази в Фертёде долгие годы служил придворным капельмейстером еще здравствовавший в 1804 г. великий композитор Йозеф Гайдн.

Меткий глаз Тургенева позволил ему прикинуть, что сама одежда, в которой принял их хозяин, стоит несколько миллионов венгерских форинтов, на сапогах красовались жемчужины стоимостью в сто тысяч форинтов. Тургеневу, имевшему хорошее юридическое образование, полученные впечатления дали повод порассуждать о принципе неделимости родового имения, он писал: «Но я не желаю этого богатства, потому что это не ему, а вообще старшему в доме принадлежит, и он ни продать, ни заложить его не может»¹².

На следующий день русские путешественники были гостями губернатора Йожефа Подманицки (1756–1823 гг.), члена совета наместничества, с которым у них нашлось много общих тем для бесед, ведь венгерский барон тоже окончил университет в Гёттингене. Встретились они и с известным историографом, бывшим директором университетской библиотеки Мартоном Дёрдём Ковачичем (1743–1821 гг.), который ознакомил молодых русских дворян с достопримечательностями города.

Благодаря ходатайствам главного гофмейстера габсбургского дворца в Буде графа Яноша Сапари русские путешественники были представлены самому королевскому наместнику, эрцгерцогу Йозефу Габсбургу. О нем Тургенев писал отцу следующее: «Супруга его, в бозе почивающая Александра Павловна, вселила, может быть, в нем любовь ко всем русским. Я думал, что перед ним замешаюсь, а вышло напротив; Вы, я думаю, изволили видеть его в Москве (речь может идти о его приезде в Москву в конце 1799 г., вскоре после бракосочетания с великой княгиней. – Примечание редколлегии); все принцы на одно лицо, и эрцгерцог Карл, любимец всей армии, очень похож на него.

¹² Там же. С. 37.

Он спрашивал меня о цели моего путешествия; я отвечал, что мне хочется знать родственные с нами народы и видеть земли, которые менее прочих известны иностранцам, но не менее того примечательны»¹³.

Русский путешественник, по всей вероятности, произвел положительное впечатление на эрцгерцога Йозефа Габсбурга, так как получил от него приглашение на бал, состоявшийся на следующий день. Сделанное описание дает неплохое представление о светской жизни венгерской элиты: «Вчера видел я на балу цвет венгерского народа. Одно уже национальное платье делает его великолепным. Все обшито золотом и серебром; особенно магнаты, составляющие знатнейшее дворянство. Мне нравится их важная поступь и то, что они по сию пору удержали свой национальный характер, по крайней мере в платье, и неохотно смотрят на того, кто не в панталонах. Они и танцуют в шпорах. Здесь без менуэта бал не начинается. Прекрасный пол здесь в самом деле заслуживает свое имя. После Вены, которая славится своими красавицами, я думаю, что в пропорции нигде нет столько прекрасных женщин, как здесь. Это еще первый бал, который сделал эрцгерцог по кончине Александры Павловны»¹⁴.

Тургенев обратил внимание и на свободулюбие венгерского народа, которое порой, по его мнению, было пропитано чрезмерным национализмом: «Недаром называют венгры свою родину землей свободы и говорят «*Extra Hungariam non est vita, si est vita, non est ita*»¹⁵. Это их любимая поговорка, но я думаю, что это каждый может сказать о своей родине... точно так же и для меня *extra Russiam*, даже *Extra Moscoviam non est vita*»¹⁶.

Образованный молодой путешественник обратил внимание и на острые социальные противоречия в венгерском обществе:

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 38.

¹⁵ «За пределами Венгрии нет жизни, если же есть – не такая» (перевод с латыни).

¹⁶ Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 году. С. 39.

«Здесь простолюдин не считается членом общества; венгерскую нацию образуют духовенство, землевладельцы и знать. Эти три сословия не платят никаких налогов, их привилегии дошли до того, что, если магнат убьет крестьянина, никто не осмелится его арестовать, а его свободу даже ограничить нельзя, пока он не судим... Когда Йозеф II пожелал изменить немного конституцию и уменьшить разницу между сословиями, венгры начали возмущаться и ничем не желали помочь в войне против турок, пока не восстановят их конституцию»¹⁷.

Как явствует из писем А. И. Тургенева, он трижды побывал в селе Уром (Ирем), где похоронена жена наместника Йозефа, великая княгиня Александра Павловна, умершая при родах 16 марта 1801 года¹⁸. Автор письма упоминает построенную в селе православную церковь, первым священником которой был духовный пастырь великой княгини Андрей Афанасьевич Самборский (1732–1815 гг.): «... но видно ему не захоте-

лось остаться в этом скучном месте, и он уехал в Вену величаться там перед публикою, отбил у тамошнего священника на целых два года церковь и, следовательно, доходы, а на свое место выписал другого из Триеста, наобещав ему множество выгод и ничего не исполнив»¹⁹. А. И. Тургенев не скрывает своей антипатии, характеризуя влиятельного придворного священника, которого он считал порочным мужчиной, интриганом, с довольно каверзным характером: «Никогда не был я хорошего мнения о Самборском; а лучше узнав его, еще менее, и теперь жалею, что сравнил когда-то его с Платоном. Ах, если бы были известны все его козни!»²⁰.

Одаренный метким глазом и отличавшийся трезвостью суждений молодой путешественник обратил внимание и на религиозные распри современной ему Венгрии. При этом он заметил, что протестанты, как правило, более трудолюбивы, чем католики, а их более вольное мышление способствовало восприятию идей Просвещения. А. Тургенев оставил также отзывы о плодородии венгерских земель, с признанием он пишет о хорошо обработанных угодьях, засаженных виноградом и кукурузой, об обильном выборе фруктов и вин. С еще большим восхищением он отзывается о целебных ваннах Буды, часть которых была построена еще турками. По замечанию 20-летнего юноши,

¹⁷ Там же. С. 40. О реформах императора Иосифа II и реакции на них венгерского дворянства, защищавшего свои сословные права см.: Хаванова О. В. Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000.

¹⁸ Великий князь Йозеф Габсбург (с осени 1795 г. королевский наместник Венгрии) и дочь царя Павла I Александра Павловна обвенчались 30 октября 1799 г. в Гагчине. Супруги прибыли в Вену 2 января 1800 года, потом в Буду 11 февраля, где поселились в королевском дворце. Смерть великой княгини, наступившая внезапно после родов 16 марта 1801 года, дала множество поводов для догадок в кругу современников и историков последующих поколений. Ее духовник А. А. Самборский подозревал, что ее отравили. Он исходил из того, что жена императора Франца I (княгиня Терезия, неаполитанского происхождения) и барон Франц Тутут (бывший начальник австрийской полиции) с ревностью и подозрением смотрели на присутствие и все растущую популярность Александры Павловны в Венгрии. См.: Самборский А. А. О пребывании великой княгини Александры Павловны в Угрии // Памятники новой русской истории. СПб., 1871. Т. 1. С. 53–67. Эту версию, однако, нельзя считать доказанной.

¹⁹ Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. С. 41–42. Об истории храма в Уроме (Иреме), на месте захоронения великой княгини Александры Павловны см.: Ким Николай, протоиерей. История русской духовной миссии в Венгрии. Судьба храма в Иреме и преемственность священства // Славянский альманах. 2008. М., 2009. С. 45–68.

²⁰ См.: Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. С. 44. Замечания молодого литератора не были лишены субъективизма. Из новейшей литературы об А. А. Самборском см.: Мольнар Ласло В. Самборский и Тешедик: два просвещенных полигистора // Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений XII–XX вв. Памяти Т. М. Исламова / отв. редактор А. С. Стыкалин. СПб., 2009. С. 453–467.

если бы воды этих теплых источников провели в московские бани, наверное, излечилась бы даже боль в боках его отца.

А. Тургенев посетил и Сентэндре, городок на правом берегу Дуная в 30 километрах к северу от Буды, центр сербской колонии в Средней Венгрии, образовавшейся с конца XVII в. Сербь, составлявшие большую часть населения города, оказали исключительное внимание русским путешественникам. В то же время наблюдательный юноша с сожалением констатировал, что сербы и греки, проживающие в Венгрии, по его впечатлениям, абсолютно не жалуют друг друга, хотя общая вера могла бы способствовать установлению более тесных дружеских отношений между ними. Местные славяне настолько презирали греков, что на вопрос А. И. Тургенева, кого он в тот день вез, кучер-серб ответил: двух людей и двух греков.

Второе и в то же время последнее письмо из столицы Венгерского Королевства Буды А. И. Тургенев написал 4 сентября 1804 года. В этом гораздо более кратком письме путешественник информирует родителей, что неоднократно посещал возле Пешта войско в 30 тысяч человек, облаченных в узкие венгерские панталоны, короткие шведские сапоги и римские шлемы – все это составляло поистине восхитительное зрелище. Это войско, собранное против Наполеона, состояло из венгров, сербов, хорватов, словаков, трансильванских румын и немцев (саксов). Особое внимание Тургенев уделит южным пограничным полкам, которые «живой стеной» защищали империю Габсбургов от турок.

Далее Тургенев описывает свою встречу с князем Ю. В. Долгоруким в Буде, после чего они вместе отправились в Уром, где простояли в храме на службе за упокой души Александры Павловны. Эта встреча убедительно доказывает тот факт, что помимо путешественников, оставивших своими путевыми записками след в литературе, Венгрию в период наполеоновских войн посетил целый ряд образованных людей из знатных российских дворянских, аристо-

кратических фамилий, которые, однако, к большому сожалению будущих поколений, не делали записей о своем пребывании в этой стране.

Тургенев упоминает и о том, что он познакомился с рядом венгерских ученых и магнатов, обучавшихся в Гёттингене или других немецких университетах. К сожалению, он не упоминает их поименно, по всей вероятности, из-за того, что все они состояли членами запрещенного масонского движения. В этих кругах часто упоминали тех венгерских ученых, прежде всего медиков и педагогов, которые нашли себя в России, доказательством чему являются следующие строки: «Если изволите увидеть Г. Керестури, то скажите ему, что здешние соотечественники его помнят и хотят вместить в лексикон ученых венгерцев; также и покойного Шадена»²¹.

В конце своего письма Тургенев снова указывает на несправие венгерского крестьянства. Виновником его тяжелого положения он считал как духовенство, так и власть: «Если бы этот народ не столь был предан своему духовенству, и если бы правительство старалось более в просвещении так называемой черни и подражало бы в том своему соседу, Александру I, то Венгрия была бы самую завидною землею. Но, к несчастью, один дворянин здесь только наслаждается в полной мере жизнью, он один только имеет все права человека, мужик же – совершенно никаких...»²². При всей относительной объективности описания Тургеневым положения дел в Венгрии, обращает на себя внимание верноподданнический жест молодого литератора в адрес собственного императора, чьи экономические и культурные реформы, проводившиеся в первые годы XIX в., Тургенев горячо поддерживал.

После пребывания в Буде А. И. Тургенев еще несколько недель ездил по территории тогдашней Венгрии, посетив православные монастыри и значительные населенные пун-

²¹ Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. С. 40.

²² Там же.

кты Хорватии и других областей²³. На родину он возвратился в конце 1804 г., начиная со следующего года служил в Комиссии по подготовке законов, а с 1810 г. руководил Комитетом по делам иноверных (неправославных). При этом он был успешным литератором, входил в общество «Арзамас», до последних дней жизни дружил с В. А. Жуковским, находился в хороших отношениях с А. С. Пушкиным. Выступая за продолжение либеральных реформ и отмену крепостничества, вступил в конфликт с всесильным А. А. Аракчеевым и был вынужден уйти с государственной службы, а с 1825 г. жил по преимуществу за границей, в крупных городах Западной Европы, которые отразил в своих записках о европейской жизни («Хроника русского» и др.)²⁴. Собирал в зарубежных архивах документы о древней истории России и в 1840-е годы их опубликовал. А. И. Тургенев был лично знаком либо находился в переписке с выдающимися современниками: И.-В. Гёте, В. Скоттом, А. Мицкевичем, П. Мериме, Ф. Шатобрианом²⁵. Его младший брат Н. И. Тургенев, известный экономист, один из основоположников финансовой науки в России, был активнейшим участником декабристского движения и после неудачи восстания, в момент которого он находился за рубежом, был заочно приговорен к смертной казни, замененной позже на вечную каторгу. В отличие от брата, до конца своих дней политэмигранта, А. И. Тургенев периодически приезжал на родину и умер в Москве в декабре 1845 г. Его письма, написанные в Буде в 1804 г., составляют только скромную часть его творческого наследия, но тем не менее являются ценным памятником истории русско-венгерских культурных связей.

²³ См.: Истрин В. М. Русские путешественники по славянским землям в начале XIX века // Журнал Министерства Народного Просвещения. Новая серия. Часть 41. СПб., 1912. № 9. С. 78–109.

²⁴ См.: Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.) / ред. М. П. Алексеев. М.; Л., 1964.

²⁵ О жизни и деятельности А. И. Тургенева см.: Гиллельсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство // Там же. С. 441–504.

Спустя два года после А. И. Тургенева Венгрию посетил Федор Николаевич Глинка (1786–1880 гг.), в будущем известный поэт, декабрист. Выходец из старинного западно-русского дворянского рода, родственник великого композитора М. И. Глинки, Ф. Н. Глинка родился в своем родовом имении Сутоки Смоленской губернии, в молодости как офицер русской армии был активным участником наполеоновских войн. 2 декабря 1805 г. он со своим полком сражался под Аустерлицем, а спустя 4 дня после заключения перемирия отправился на родину через территорию Северной Венгрии. По приезде в Россию Глинка запечатлел увиденное, и эти записки были опубликованы впервые в 1808 г.²⁶

Молодой Ф. Глинка, человек поэтического склада, создал одно из самых лирических описаний современной ему Венгрии: «Венгрия! Как приятно путешествовать по сим местам! Какая картина! Длинные цепи гор Карпатских: издали голубые верхи их синеют сквозь прозрачную завесу белого тумана. Подходишь ближе, и тысячи прекрасных разнообразных видов и удивительно приятных изменений природы представляются вдруг и очаровывают прелестью своего восхищенного странника. Частые перелески, зеленые полянки, виноградные сады придают много прелести дикой красоте гор; на самых возвышенных скалах видны древние опустелые замки с гордыми башнями; а внизу у подошвы смиренные хижинки. Между гор бывают обыкновенно деревни; тут на долинах поселяне сеют хлеб, косят сено и разводят сады. Быстрые и светлые ручьи тихо льются по долинам. В Венгрии отменно много картинных и прекрасных

²⁶ См.: Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях и Венгрии с подробным описанием похода россиян против французов в 1805 и 1806 годах. М., 1808. Второе издание этого произведения, которое отражает также личные впечатления автора, полученные в походах против Наполеона в 1812–1815 гг., было издано в Москве в 1815 году. «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки неоднократно переиздавались в разных редакциях, в том числе и в позднее советское время (М., 1985; 1987, 1990).

мест: извне это бесподобная земля, тебе надо сказать о ее внутренности»²⁷. Юношеская восторженность и впечатлительность автора не повредили вместе с тем его наблюдательности, а глубокая религиозность Ф. Глинки (предвосхищавшая его старческий мистицизм 1860–1870-х годов) сочеталась в его записках со свободолобием и реформаторскими настроениями будущего декабриста. От лирических описаний автор плавно переходит к размышлениям о политическом строе, внутреннем положении в стране, показывая при этом редкое для его российских современников знание венгерской истории. Причем он с неизменной симпатией отзывался о венгерском народе: «Венгры, народ воинственный и вольный, свято хранят права свои. Известно, с каким необоримым мужеством защищали они права свои, под предводительством храброго вождя графа Емерика Текели»²⁸. Это было в 1685, 86 и 87 годах. Около сего времени, то есть в 1654 году, с таким же мужеством малороссияне под предводительством знаменитого Хмельницкого отбили у поляков права и свободу свою... Все мужчины, даже и в мирное время, пашут землю в гусарском платье, которое хотя не пышно, но весьма к ним пристало»²⁹.

Красотам природы и сельской жизни Венгрии, описанным Глинкой в традициях романтизма своей эпохи, созвучна красота очаровавших его венгерских женщин: «Кто не подумает, чтобы это не была горная нимфа или Ореада? Вообразите себе прекрасный рост; прелестный стройный стан; локоны из длинных черных волос, небрежно рассыпанные по плечам, развеваются и движутся от дуновения горных ветерков. Как свежо это белое лицо! Нежный румянец играет на щеках, а губы алеют как майская роза. Прибавьте еще черные пламенные глаза. Стройная поселянка в белых руках держит глиняный сосуд, и едва дотрагиваясь

до земли, спешит черпать ключевую воду из горного колодца. Издали право подумаешь, что это Богиня гор; подойдешь ближе – и узнаешь в ней венгерку»³⁰. Автор продолжает: «Тихая жизнь, трудолюбие и сама природа, которой они могут назваться любезнейшими питомцами, награждает их здоровьем, крепостью и красотой тела и души. Поселянки занимаются хозяйством, воспитанием своих детей... и сохраняют всю чистоту и непорочность древних нравов. Напротив того, жительницы городские, зараженные тщеславием, последующие во всем тем народам, кои обитают к Западу за высокими цепями их гор, и продолжающие самую рассеянную жизнь, среди бурь большого света (недавно открывшегося в мирной венгерской стороне), во цвете юных лет лишаются здоровья и красоты... Я сам видел, как в больших городах венгерских светские женщины, носясь в вихрях балов, с жадностью ищут наслаждения, не находят его; а добрые сельские девушки, в праздничные дни пляшут по-венгерски близ светлых горных источников и наслаждаются истинно, не заботясь заранее о наслаждении»³¹. Образы Венгрии и венгров, созданные Ф. Глинкой, не получили, к сожалению, развития в русской литературе, публицистике, мемуаристике второй половине XIX в. – прочно укоренившийся стереотип о венграх как угнетателях славянства сильно мешал впоследствии тому беспристрастному взгляду на быт и культуру этого народа, который наблюдается в сочинениях Ф. Глинки и его современников, в частности А. Тургенева.

Очень типично для творческого метода Глинки, что он готовит только наброски, но не дает систематического описания своего маршрута и всего увиденного. Молодой поэт-романтик предпочитает отдаваться сиюминутным впечатлениям, спонтанно выражая их в своих описаниях. Его подробный рассказ о старинном обычае венгерских женщин провожать своих мужей, идущих на войну, заканчивается следующими харак-

²⁷ Глинка Ф. Н. Письма русского офицера... М., 1808. С. 54.

²⁸ Речь идет о трансильванском князе Имре Текели (1657–1705 гг.), одном из вождей антигабсбургского движения венгерского дворянства.

²⁹ Глинка Ф. Н. Письма русского офицера... С. 54.

³⁰ Там же. С. 55.

³¹ Там же. С. 55–56.

терными для авторского романтического взгляда размышлениями: «Может быть разврат, пленяющий народы и растлевающий святость древних нравов, страшится переступить за цепи угрюмых гор венгерских, и оттого-то по наружности грубые обитатели их сохраняют еще и любовь к родине и отечеству и все прочие семейственные добродетели, бывшие сродными нашим праотцам»³².

Живописная красота долины реки Ваг (сегодня – территория Словакии) вдохновила 20-летнего путешественника на символическое сопоставление грозных сил природы с законами общеевропейской войны, современником которой он являлся: «Река Ваг, от сильных осенних дождей исторгнувшись из крутых берегов своих, бурными потоками стремилась через холмы и долины... увлекая за собою огромные камни, столетние дубы и множество земляных глыб. Наконец, все разделявшиеся потоки, прорвав крепчайшие оплоты, сотворенные природою и руками человека, соединяются в одно необозримое, с яростью и ужасным шумом стремящееся сокрыться за обзором, пространство вод. Тысячи ручьев из глубины лесов и долин, с громким шумом, кажется, насильно влекутся к бурной реке, стремятся в нее и исчезают. – Взирая на разъяренную реку, сравнивал я ее с пламенным потоком войны, все погубляющей»³³. Ужасам войны поэт противопоставляет добрые деяния все той же великой княгини Александры Павловны: «О! Сколь вожделенная участь монархов, когда они все величие их сана обращают на защиту бедных; когда все золото, приносимое им в дань усердными подданными, употребляют на вспоможение несчастным! Что значит золото? Тщетное блестящее вещество: но оно делается бесценным, когда может осушать горестные слезы страдающих. – Пышные памятники возвышаются до облаков над могилами завоевателей; все деяния их изображены на досках серебряных; но странник с ужасом взирает на них, вспоминая тьмы лютых бедствий, нанесенных

ими роду смертных. А твои благие деяния, жена незабвенная! напечатлены в сердцах очастливленных тобою»³⁴.

В отдельной главе Глинка описывает «прелестные виды величественной природы» тогдашней Верхней Венгрии (Словакии), древних замков и городов, через которые проезжал. Представляет интерес описание сталактитовой пещеры в Аггтелеке, подобного которому до сих пор нет в литературе. Гармоничным дополнением возвышенного описания природных явлений стали зарисовки о незабываемых днях, проведенных в городах этого края. О пребывании в Кашше (Кашау, Кошице) он пишет: «В Кашау были мы в театре, где представляли одну комедию и балет, и на балу, который город давал русским офицерам». «По всей Венгрии, – резюмирует автор, – принимают русских отменно хорошо»³⁵.

Описывая свое прощание с Венгрией, молодой поэт поклялся, что воспоминание об этой прекрасной стране «останется неизгладимо в памяти и сердце» его³⁶. Ф. Глинка остался верен своей клятве, достаточно вспомнить его стихотворение «Мечтания на берегах Волги» (1810), в котором он вновь описал красоту долины реки «надменной и свирепой» Ваг, несущей свои воды меж гор, «через дебри и вертепы», кипящей и рвущей на пути своем все преграды, и снова увековечил свободолюбие венгерского народа, обратившись и к образам венгерской истории:

*Здесь храбрый вождь, герой сраженья
И враг оков и униженья,
Текелли молнией летал;
И, в бедствах чуждый укоризны,
Огонь и мужество вливал
В боях за святость прав отчизны...³⁷*

Современник Ф. Н. Глинки Василий Васильевич Вяземский с полком, возвращающимся из Австрии, прошел через Венгрию в 1808 г. Полк прибыл 18 марта в Буду, где при

³⁴ Там же. С. 66.

³⁵ Там же. С. 69.

³⁶ Там же. С. 72.

³⁷ Глинка Ф. Н. Избранные произведения. Л., 1957. С. 112.

³² Глинка Ф. Н. Письма русского офицера... С. 61.

³³ Там же. С. 62–63.

переправе через Дунай собралась огромная толпа по обе стороны реки. На левом берегу, в Пеште, русских солдат сопровождали три оркестра, дамы махали им платками из окон домов. Вечером офицеры были приглашены на ужин к барону Йожефу Алвинтци (1735–1810 гг.), бывшему военному воспитателю императора Франца I, где отличное шампанское, токайское вино и темпераментная венгерская музыка создали действительно неповторимую атмосферу. Вяземский сделал короткое описание замка Буды, показавшегося ему очень мрачным и холодным. Куда более понравился ему город Пешт, где он видел прекрасные здания, большие казармы, элегантные кафе на берегу Дуная и полные товаром магазины. Согласно его описанию, жители этого города веселы, чрезвычайно расточительны и большие любители красивых лошадей; женщины любезны и хорошо одеты. Но театры он назвал такими жалкими, что даже не стоит туда заходить. Вяземский сожалел, что из-за краткости своего пребывания в Буде и Пеште он не смог посетить знаменитые целебные ванны³⁸.

Впечатления о Венгрии 1810 г. описывает Владимир Богданович Броневский, ставший позже довольно известным военным историком, писателем и переводчиком. Автор этого описания родился в семье мелкого дворянина в 1784 г. в деревне Астахово Тульской губернии. Юношу записали в юнкера, после окончания военного учебного заведения он становится морским офицером, с 1805 г. принимает участие в сражениях на Черном море, сначала против турецкого, потом против французского флота. По некоторым сведениям, будучи командиром артиллерии на острове Тенедос в 1807 г., он проявил героизм, сумев отбить ряд атак со стороны турок³⁹. В начале 1810 г. Адмиралтейство пе-

ревело его из Триеста в Кронштадт, и часть своего пути он проделал с другими военноружащими через территорию современной Венгрии. О переходе русского войска (3 601 матрос и 680 офицеров) с соизволения венского Придворного военного Совета, его маршруте, главных остановках и своих личных впечатлениях он пишет в работе «Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 году», опубликованной в Москве в 1828 г.⁴⁰. Хотя его работа содержит немало ценных сведений, написана прекрасным языком, отличается редкой наблюдательностью автора, исследователь Л. Тарди обратил внимание на тот факт, что Броневский, отлично владевший английским языком и переведивший на русский язык ряд произведений Вальтера Скотта, в некоторых местах заимствовал описания из книги английского путешественника и естествоиспытателя Роберта Таунсона (1758–1822 гг.) «Travels in Hungary» (Лондон, 1797)⁴¹. Это среди прочего касается страниц, посвященных Пешту и Буде, изображения коронационных реликвий. Страдают некоторой компилятивностью и другие его сочинения, особенно «Письма русского офицера».

Произведение Броневского, содержащее наиболее подробное описание Венгрии той эпохи, сильно отличается по стилю от поэтических зарисовок Ф. Глинки. Автор стремится к предельно реалистическому изображению увиденного, хотя в своих экскурсах в средневековую венгерскую историю он нередко совершает фактические ошибки. Броневский, которому при въезде на территорию Венгрии пришлось ночевать в хижине крестьянина, с сочувствием изображает бедность и нищету жилья и всего образа жизни крестьян. Путешественник дает подробное описание городов, которые посетил, уделяет

³⁸ Отрывки из неопубликованного дневника В. В. Вяземского, касающиеся Венгрии, изданы: Varady-Sternberg J. Utak, találkozások, emberek. P. 14–15.

³⁹ Из новейшей литературы см.: Захарова М. М. К вопросу о биографии В. Б. Броневского // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Журналистика и литературная критика». 2008. № 11.

⁴⁰ Из других сочинений В.Б. Броневского см.: Записки морского офицера в продолжении кампаний на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина. СПб., 1818; Письма морского офицера. Т.1. М., 1825; Т.2. М., 1826.

⁴¹ Orosz és ukrán utazók a régi Magyarországon. P. 242, 247.

внимание экономической и торговой жизни, описывает быт и одежду людей, приводит данные об этническом и религиозном делении горожан. В области Шомодь русское войско остановилось близ поместья, хозяин которого оказал офицерам подлинное гостеприимство. Броневский с восторгом пишет о дворце барона, обставленном самой современной венской мебелью, о сентиментальных картинах в комнате баронессы, об ариях на немецком и итальянском языках в исполнении дочерей барона, о пышном обеде из пяти блюд, а также о вкусе токайского вина. Вместе с тем путешественник был довольно критичен в отношении ведения системы хозяйства помещиком, большую часть времени проводившим в Вене⁴².

На берегу Балатона Броневского настигла сильная гроза. Путешественник достоверно описывает дикую красоту сил природы, борьбу рыбаков, старавшихся выбраться из объятий волн бушующего озера. На следующий день, в страстную пятницу, солдаты отдыхали в Шиофоке, где Броневский осмотрел реку Шио, регулирующую водные ресурсы «венгерского моря». В Секешфехерваре он посетил место захоронения королей династии Арпадов. В Рацвароше доминировавшее там сербское население встретило русских военных овациями, а православный священник принял их крестом и освященной водой. Автор остался весьма доволен гостеприимством, ведь офицеров удостоили праздничным обедом из пяти блюд и каждый из них получил полбутылки вина. Броневский, всегда проявлявший интерес к архитектуре, дал описание этого небольшого города: «Главная площадь обстроена трехэтажными новой архитектуры домами; лавок и церковей немало; кофейный дом, в который я заходил, прекрасный. Между одним предместьем и городом протекает небольшой ручей <...>. Большая часть жителей состоит из славян, отправляющих знатную торговлю с Италией, через фиумскую пристань... Церковь в иезуитском монастыре отличается от

прочих обширностью и прекрасной живописью. В ней почивают мощи Св. Кандида; над богатой рокою святого в золотых рамах на стене прибита печатная булла Папы...»⁴³.

После отдыха и роскошных развлечений в Секешфехерваре, Броневский и барон Шлиппенбах, опередив русское войско, прибыли в Буду, где первым впечатлением для них был вид широко текущего голубого Дуная. Остановились они в одной из наиболее модных гостиниц столицы и, расположившись, отправились в долгую прогулку по городу, о которой Броневский писал: «Буда, немцами называемая Офен, находится на правом берегу, вместе с Пештом, расположенном на левом берегу Дуная, составляют весьма обширный город. Они разделяются только рекой, но почитаются особыми городами, в коих число жителей простирается до пятидесяти тысяч. Переехавши из Пешта через мост и поворота направо, отлогая и широкая, хорошо сделанная дорога, по сторонам которой идут весьма покойные лестницы для пешеходцев, ведет в крепость, командуемую Дунаем и обоими городами. Она обнесена каменной невооруженной стеной; по крайней мере, я не заметил на ней пушек. Посреди крепости прекрасная площадь обстроена хорошими домами, принадлежащими богатым господам. Предместья, простирающиеся в обе стороны от крепости от 10 до 12 верст, расположены вдоль Дуная и состоят из одной или двух параллельных берегу реки улиц, пересекаемых грязными площадями. Здесь дома одноэтажные и не более 7 или 9 окон в фасаде, с палисадниками, с хорошо прибранными огородами и цветниками. В Буде живет дворянство и служащие чиновники. Дома, занимаемые фельдмаршалом и комендантом, лучшие в крепости, но, кроме чистоты, не представляют ничего особенного: дворец же и казармы отличаются огромностью, величественной и вместе с тем простой архитектурой»⁴⁴.

После этого Броневский посетил королевский дворец, где осмотрел бывшую рези-

⁴² Броневский В. Б. Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 году. М., 1828. С. 66–69.

⁴³ Там же. С. 76–77.

⁴⁴ Там же. С. 84–85.

денцию великой княгини Александры Павловны. Он подробно описывает обстановку залов, мебель, привезенную из Санкт-Петербурга, фарфор, люстры, которые он оценил в несколько миллионов рублей. Путешественник видел ноты на открытом пианино, ноты русской арии «Скучно мне на чужой стороне», это была, вероятно, последняя песня, которую пела жена наместника незадолго до родов, стоивших ей жизни.

Броневский посетил местные казармы, военный госпиталь, далее упомянул в своих записях театры и знаменитые целебные источники. Подробно описывает он встречу с генералом-фельдмаршалом Йожефом Алвинтци, военным комендантом Венгрии, пригласившим русских гостей на обед. Семидесятипятилетний генерал долго расспрашивал гостей о графе Михаиле Федоровиче Каменском, с которым общался в период одной из русско-турецких войн.

Одним из самых ярких фрагментов в путевых записках Броневского явилось описание места захоронения Александры Павловны, которое он посетил, будучи гостем священника Николая Мушевского (позже – придворного священника царя Николая I): «Бросив беглый и жадный взор на церковь, я увидел перед собой квадратный пьедестал, коего каждая сторона едва ли более трех сажен; на сем пьедестале поставлен пирамидальный шпиг. Внутри церковь круглая и со сводом, алтарь отделан небольшим, на атласе писаным иконостасом; престол покрыт богато вышитым бархатом; сосуды из чистого золота, весом в 40 фунтов, превосходной работы. Две священнические ризы особенно замечательны: одна из них сшита из подвенечного платья, другая из платья императрицы Анны Иоанновны, которое тоже было в числе приданого великой княгини. Два местных образа в золотых окладах изобильно украшены крупными бриллиантами, жемчугом и драгоценными камнями. Первой благословила покойную Великая Екатерина, последней августейшая ее мать, императрица Мария Федоровна, которая почти в одно время лишилась супруга и неж-

но любимой дочери. Словом, все украшения церкви просты, богаты, отделаны с изящным вкусом и достойны российского императорского великолепия»⁴⁵.

По возвращении из Урома, Броневский еще несколько дней провел в Буде и уделил все свое время ознакомлению с городом. В заметках он хвалит парки столицы, уютные рестораны, где за бутылку токайского вина у него запросили 6 рублей. Во время пребывания в Буде он посетил знаменитую шелкопрядильную фабрику Валеро, где работали тысячи рабочих, а также известный университет, отдельные его кафедры, был в библиотеке университета, заметив с иронией, что вход бесплатный, но читателей встретить можно настолько редко, как редко можно видеть комету. В то же время он с признанием отозвался об обсерватории и королевском дворце, а также о коллекции минералов Музея естествознания.

После Пешта первой остановкой для русского войска был город Гёдёлло, посетив который, Броневский с восторгом отозвался о пленяющей красоте дворца князя Грашшалковича. Однако он с горечью отметил, что крестьяне этого богатейшего помещика живут как птицы, то есть у них нет ничего своего собственного.

Путь от имений князя лежал далее через болотистые бесплодные земли. Здесь внимание Броневского привлекает одежда крестьян: «Вот обыкновенный наряд крестьян: турецкие холстинные шаровары, снизу широкие, как юбка, рубашка без воротника, так что шея и грудь всегда открыты; обувь состоит из онуч и сыромятной кожи, просто обернутой вокруг ступни, а шапка из черной мерлушки. В праздники носят сапоги с медными скобами, иногда и со шпорами; волосы изобильно мажут свиным салом, обстригают в кружок, а иногда концы волос оплетают косицами, которые привязывают на лбу ремешком. Овчинный полушубок, на спине вышитый шнурками, или шубу носят летом и зимой. Для любопытных прилагаю рисунок, представляющий венгерского

⁴⁵ Там же. С. 98–99.

дворянина и крестьянина в национальной одежде. Саблю могут носить одни дворяне. Женщины несколько опрятнее мужчин; услужливы, трудолюбивы и добры; на них лежит большая часть работ как в доме, так и в поле. Короткая юбка и рубашка с широкими рукавами составляет их обыкновенную летнюю одежду; замужние носят небольшие скуфьи, девицы отличаются косами»⁴⁶.

Броневский, оказавшийся отличным наблюдателем, сделал следующие выводы о венгерском национальном характере: «Венгерцы вообще молчаливы, тихи, покорны, имеют суровый взгляд, неукротимы, когда бывают обижены; их можно упрекнуть в лености, в крайней беспечности, как и всякого раба, не имеющего собственности; они великодушны, потому что истинно храбры; нехвастливы, потому что не знают своей силы, однако ж не забыли еще, что они происходят от тех героев, кои служили христианской Европе оплотом против многочисленных армий турок»⁴⁷.

Броневский посетил и город Эгер, знаменитый красным вином. Защитники этого города в 1552 г. успешно отбили штурм многократно превосходившего их турецкого войска. Автор описания с признанием отзывается о епископском дворце и знаменитом теологическом институте города, называемого им «маленьким Римом». Этот институт был сооружен епископом Кароем Эстерхази (1725–1799 гг.). Большое впечатление на путешественника произвели аллегорические фрески часовни, писанные известным австрийским мастером Маульберчем. Он посетил и библиотеку духовной семинарии, аллею лип епископского парка и парники, где увидел посадки апельсинов и лимонов. В Эгере Броневский встретился с бароном Иштваном Фишером (1754–1822 гг.), занимавшим с 1807 г. должность епископа, и нашел его человеком чрезвычайно эгоистичным, самодовольным. Он обратил внимание на то, «что из всех окружающих его сыты

одни лошади», хотя годовая прибыль епископа превосходила 200 тысяч форинтов⁴⁸.

Путешественник наглядно описывает ванны Эгера, а затем набор новобранцев, свидетелем которого оказался и он сам. Броневский упомянул, что во время набора новобранцам авансом выплатили годовое жалованье, причем молодые парни с удовольствием шли в солдаты, так как помещики обращались с ними грубо⁴⁹.

В окрестностях огромного села Кёвешд земли казались плохо обработанными, но богатые пастбища вполне годились для выпаса скота, это было главным источником существования для местного населения. Очень интересным в этнографическом плане представляется описание Броневским венгерских пастухов, которые «имеют обычай для избавления себя от множества комаров напивать свои рубашки дегтем, что вместе с замасленными шубами представляет их дикарями...»⁵⁰. В борьбе с комарами и мухами местные крестьяне также поджигали траву, чтобы был дым, либо поджигали навоз (который употребляли в качестве топлива), кроме этого больные части тела смазывали деревянной смолой. Броневский обратил внимание и на множество аистов, которые гнездились на крышах домов, а население считало грехом обижать этих птиц.

Первого мая Броневский прибыл в поселок Эмёд, где после весенней погоды его снова встретили зимние морозы. Путешественник заметил, что дома жителей-кальвинистов похожи на швейцарские постройки, а своей образованностью, трудолюбием они значительно отличаются от людей других вероисповеданий. Оттуда русские военнослужащие продолжали путь в Мишкольц, где Броневский увидел колодки для наказания преступников. Морской офицер был очарован простотой местной православной церкви, красотой четырех картин, произведений русских мастеров.

Токай, знаменитый своими винами, произвел впечатление скудного городка.

⁴⁶ Броневский В. Б. Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 году. М., 1828. С. 122–123.

⁴⁷ Там же. С. 123.

⁴⁸ Там же. С. 124–126.

⁴⁹ Там же. С. 127–128.

⁵⁰ Там же. С. 133.

С сожалением Броневский замечает, что вино асу почти полностью вывозят за границу, а на месте оно стоит чрезвычайно дорого. После сильной грозы, загнавшей путешественника в болото, откуда он смог выбраться только с помощью местных крестьян, Броневский продолжил путь к селам, заселенным руснаками (русинами) и находящимся у подножия Карпат. Его очаровала красота природы в этом крае: «Как вдруг солнце показалось на горизонте, туман, тишина и мрак ночи, как легкие призраки сновиденья, мгновенно исчезли, и пред нами явились очаровательные места. Невысокие холмы, покрытые виноградниками и окруженные обработанными полями; ручьи, осененные дубовыми рощами, и луга, населенные, так сказать, стадами рогатого скота, лошадей, овец, свиней и множеством гусей, показывали вместе, что земля плодородна и жители не ленивы. С каждым шагом вперед великолепная природа дарила нас новыми картинами. Вдали на горизонте сквозь прозрачную синеву мелькали вершины Карпат и своим разнообразием веселили взоры...»⁵¹.

В Кашше (Кошице) его внимание привлекли дворец графа Сирмаи, кафе «Белый Сокол» и театр с импозантным фасадом. Как курьез Броневский воспринял то, что в театре французские военнопленные давали пьесу «Pas de deux». Далее идет подробное описание построенного в 1322 г. в готическом стиле знаменитого кафедрального собора Святой Елизаветы, путешественник восхищается его внушительными размерами, иконостасами главного алтаря, украшенными резьбой и позолотой.

Русский путешественник вкратце описывает также духовную семинарию и военное училище в Кашше, говорит о новых знакомствах с примечательными людьми, такими как молодой граф Сирмаи, один из самых богатых аристократов Верхней Венгрии, а также профессор Адам Ловиц (1755–1831 гг.), директор коллегии из Эперьеша (по-словацки Прешова, по-русински Пряшева). Привлекли его внимание и окрестно-

сти Кашши – ледовые пещеры Силице, залежи опала в Вёрёшвагаше. Побывав в усадьбе графини Надашди, Броневский лестно отозвался о ее дворце, убранном с безукоризненным вкусом, об отличном ужине и о приятной беседе.

Посетил Броневский и Прешов, город, окруженный высокой кирпичной стеной с башнями и четырьмя воротами. На берегах реки Дринава его внимание привлекли мельницы и кожевенные мастерские. Автор упоминает костел XII века, который он, впрочем, не нашел особенно красивым. Куда подробнее описывает он обед, ужин и бал, который дал в честь русских офицеров граф Сирмаи: «Свободное и непринужденное общество дам, внимание хозяина и ласковость вообще всех гостей нельзя довольно похвалить. Мы провели день с большим удовольствием, только одно показалось мне довольно странным: кавалеры в продолжение танцев, даже во время обеда, наполняли комнаты табачным дымом; почти все не выпускали больших своих пенковых трубок изо рта»⁵². На следующий день некий граф Г. пригласил русских офицеров на сельский праздник – свадьбу его охотника и горничной. Броневскому очень понравились и отличная атмосфера, и обильный выбор блюд, а также темпераментные танцы. Отсюда он направился в поселок Бартфа, знаменитый целебными ваннами, где познакомился с епископом Бригидо, майором Кнопштоком и семьей горожан по фамилии Энгел. О целебном действии ванн он писал: «...хотя и не успел окончить полного курса лечения, но рука моя с сего времени постепенно начала укрепляться»⁵³.

Броневский пересек границу возле села Комарник, далее лежали польские земли, тем самым завершилось его более чем месячное путешествие по Венгерскому королевству. Прибыв на границу, он обобщает свои впечатления, приводит в систему полученные сведения, в том числе об административном устройстве, праве, образе жизни населения,

⁵¹ Там же. С. 150.

⁵² Там же. С. 183.

⁵³ Там же. С. 216.

природе. Его свидетельства имеют ценность источников, которые используют в своих исследованиях как историки, так и этнографы, и даже натуралисты (автор оставил зоологическое, ботаническое и минералогическое описания тех областей Венгрии, которые посетил). О наблюдательности автора можно судить по его замечанию о том, что венгры вообще-то недолюбливают австрийцев, которые в свою очередь в Вене с постоянным подозрением глядели на потомков «ребеллов-куруцов». Путешественник обратил внимание и на то, что австрийское правительство смотрело на территории от реки Лейты вплоть до Карпат как на захваченные провинции и в соответствии с этим с ними обращалось. Справедливо отметил он и то, что Венгрию, попавшую (хотя сначала и не полностью) под власть династии Габсбургов еще в 1526 г., государи из Вены удоставляли своими посещениями весьма редко, а вместо созыва государственного собрания с участием сословий они предпочитали руководить указами сверху. Венгры, которые, по словам Броневского, великодушны и храбры, были всегда лояльными подданными своих королей, но в то же время требовали от каждого вступающего на престол государя принесения клятвы сохранять и уважать давние законы страны. Важной привилегией венгерской знати в государстве Габсбургов было то, что она располагала правом пользоваться собственным законодательством, имела налоговые льготы, кроме того, из четырех кандидатов, выдвинутых государем, могла выбрать надора (наместника короля), а двоих избирала на посты хранителей венгерской короны. Однако в сфере законодательства король имел право налагать вето, то есть мог отклонить проект любого закона, одобренного обеими палатами государственного собрания⁵⁴.

Броневский ясно видел, что венгерская знать – это такой привилегированный класс, который имеет немало политических свобод. В то же время венгерские дворяне с давних

пор не обязаны служить в армии и совсем не несут на себе налогового бремени, вся тяжесть платежей лежит на простом народе. Автор описания с горечью замечает, что за такими политическими понятиями как «народ» и «нация» стоит класс, огражденный от всего народа башнями сословных привилегий. Броневский пишет о бесправии крестьян, после восстания Дердя Дожи в 1514 г. прикрепленных к своему клочку земли, описывает все разновидности налогов (государственных, церковных, помещичьих), формы использования помещиками труда крепостных крестьян. Всему этому он противопоставляет безграничное богатство аристократии, упоминая в качестве примера трехмиллионное достояние князя Эстерхази и двухмиллионный доход графов Палффи и Надашди. Некоторые строки описания полны остроумия и даже сарказма, который может иногда показаться и преувеличенным. Как бы то ни было, не вызывает сомнения сочувствие автора записок к нижним слоям населения. Путешественник также осуждает политику императора Иосифа II (1780–1790 гг.), направленную на насильственное онемечивание населения многоязычной монархии – именно она стала главной причиной недовольства венгров. Свой труд о Венгрии Броневский завершает следующими словами: «Однако мне кажется, что даже среди множества трудностей этот народ со славной историей, когда-то бывший свободным и гордым, со временем сможет ступить на путь благополучия и снова обретет свое давнее величие»⁵⁵.

После возвращения в Россию В. Б. Броневский еще несколько лет оставался служить во флоте, а в 1828 г. стал смотрителем, потом директором тульской школы юнкеров. За заслуги в области литературы и военной истории Петербургская Академия наук избрала его членом-корреспондентом. В последние годы жизни произошла его ссора с А. С. Пушкиным, потом неудача с изданием газеты, не разрешенной царскими властями. В 1836 г., в возрасте 52 лет, он скончался в чине генерал-майора и должности директора кадетского училища в Санкт-Петербурге.

⁵⁴ Броневский В. Б. Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 году. М., 1828. С. 256–257.

⁵⁵ Там же. С. 262.

Завершают ряд путевых записок о венгерских землях в рассматриваемую нами эпоху заметки 25-летнего А. И. Михайловского-Данилевского, посетившего Буду и Пешт в составе свиты Александра I в октябре 1814 г., в период работы Венского конгресса. Автор этих записок стал впоследствии крупнейшим русским военным историком эпохи Николая I.

Подводя итоги, следует подчеркнуть: записки русских путешественников, посетивших венгерские земли в эпоху наполеоновских войн, сохраняют как источниковую, так и в ряде случаев историко-литературную ценность. Иногда они обращали внимание на такие явления, которые венгерские источники (и путевые записки путешественников из западных стран) даже не упоминают, и тем самым обогащая возможности национального самопознания венгров, в оптически отшлифованном зеркале которого зача-

стую сохраняется более идеализированная картина прошедших эпох, требующая корректировки при помощи взгляда извне.

Не меньший интерес эти путевые записки представляют для историков русской общественной мысли. Ознакомление с более развитыми, чем в самодержавной России, формами жизни способствовало формированию более критического взгляда на собственные порядки. Неудивительно, что некоторые из молодых офицеров (и не только офицеров), проезжавших через средневропейские земли в период наполеоновских войн, стали впоследствии участниками декабристского движения (как Ф. Глинка) или сторонниками далеко идущих реформ (как А. Тургенев).

Перевод
А. С. Стыкалина

А. Э. Татай

ПОХОД НАПОЛЕОНА НА РОССИЮ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ К РУМЫНСКИМ КНИГАМ, ИЗДАННЫМ В БУДЕ (1814–1815 гг.)

Поход Наполеона на Россию, завершившийся катастрофическим отступлением французской армии и ее последующим крахом, произвел глубокое впечатление на современников. Теперь уже не только деяния прославленного французского императора, но и победа над ним русских войск широко обсуждались в разных странах, находились в центре общественного внимания.

Университетская типография в венгерском городе Буда была в начале XIX в. важным центром румынского книгоиздания. Во втором десятилетии века здесь появилось немало печатных изданий на румынском языке, некоторые из них были иллюстрированы гравюрами, как правило, выполненными на металле. Широкое распространение и большая популярность этой печатной продукции в землях, где проживали румыны, объяснялась еще и тем, что в это время не было ни одной газеты и ни одного журнала на румынском языке, которые бы систематически информировали публику о событиях, происходивших в мире. Такие сведения можно было почерпнуть разве что из изданий, выходивших на немецком языке. Таким образом, румынское общественное мнение в связи с наполеоновскими войнами в немалой мере формировалось изданиями, выходившими в Буде¹.

Румынская секция университетской типографии Буды переживала в этот период настоящий расцвет. Изучение «Старой румынской библиографии»² позволяет выявить шесть изданных в 1814–1815 гг. под редакцией Петру Майора книг и брошюр, отражавших наполеоновские войны:

1. Военные приключения французов и их возвращение из Москвы, 1814. 104 с.³;

¹ Duțu A. Cărțile de înțelepciune în cultura română. București, 1972. P. 140.

² Bianu I., Hodoș N., Simonescu D. Bibliografia românească veche (1508–1830). Vol. III, IV. București, 1936. 1944.

³ Întâmplările războiului franțozilor și întoarcerea lor de la Moscova. Buda, 1814.

2. Краткое описание взятия Парижа и других событий, 1814. 16 с.⁴;

3. Грустные истории крепости Дрезден со времён разрушения моста и до защиты крепости, 1814. 24 с.⁵;

4. Наполеон Бонапарт, кем он был и кем остался, 1815. 40 с.⁶;

5. Александр I. Император всея Руси (автор И. Д. Ф. Румпф), 1815. 104 с.⁷;

6. Достойная упоминания победа нашего времени, или Пирамида из орудий, возведенная в Московском Кремле, 1815. 16 с.⁸

Согласно новейшим библиографиям, эти книги, как правило, являлись переводами современных немецкоязычных изданий, выходявших в разных городах и в разных государственных образованиях в условиях политической раздробленности тогдашних немецких земель⁹. В вышеназванных изданиях не содержалось положительных отзывов в адрес Франции и ее императора¹⁰. И это понятно, ведь издания будайской типографии выходили с санкции австрийских властей, а Австрия находилась в состоянии войны с Францией. К тому же румынские интеллектуалы того времени, как правило, не принимали идеалов французской революции и отрицательно оценивали ее последствия, хотя ни в коем случае не отвергали французскую культуру¹¹, примером чему яв-

⁴ Scurtă arătare despre luare Parisului și alte întâmplări. Buda, 1814.

⁵ Trista întâmplare a cetății Dresda de la spargerea încoace a podului, până la apărarea cetății. Buda, 1814.

⁶ Napoleon Bonaparte, ce au fost și ce iaste. Buda, 1815.

⁷ Alexandru I. Impăratul a toată Rossia de I.D.F. Rumpf. Buda, 1815.

⁸ Vrednica de pomenire biruintă, ce în vremea noastră s-au făcut, sau piramida cea din tunuri înălțată în marea cetatea Moscova. Buda, 1815.

⁹ Râpă-Buicliu D. Bibliografia românească veche. Additamenta I (1536–1830). Galați, 2000.

¹⁰ Duțu A. Op. cit. P. 140.

¹¹ Ibid. P. 139.

лялись многочисленные переводы Вольтера и других великих французских писателей и мыслителей. Из шести названных румынских книг, вышедших в Буде, три содержали иллюстрации. На исконных румынских землях в этот период книги о наполеоновских войнах, насколько можно судить по библиографии¹², не выходили. Но получившие хождение среди румынского читателя книжные иллюстрации, отражавшие наполеоновскую тематику, все же не ограничиваются книгами, изданными в венгерской Буде на румынском языке.

Издания будайской университетской типографии имели большой спрос. Сохранившиеся списки читателей, которые заказывали эти книги, внося заранее деньги, дают представление о распространении этой продукции среди румынского населения по обе стороны Карпат¹³. Например, книга «Александр I. Император всея Руси» Румпфа имела 1 551 подписчика, в том числе 415 в Молдавском княжестве, 374 – в Валахии. Также они получили распространение в Трансильвании и Банате, например, в Брашове было 75 подписчиков, в Сибиу – 66, в Араде – 104, в Тимишоаре – 55. Но были также читатели в Буде (18 подписчиков), Пеште (103 подписчика), Вене (24 подписчика). Приводимые цифры, свидетельствующие о масштабах влияния будайской книжной продукции на румынское общество, впечатляют. Ведь в 1815 г. в Молдавии было издано только 8 книг на румынском языке и все они – на церковную тематику. А в Валахии не было издано ни одной книги¹⁴.

Выполненные в металле гравюры, выступавшие в качестве иллюстраций к книгам, изданным в Буде в 1814–1815 гг., не становились пока предметом специального научного анализа. На одной из них изображен момент переправы французской армии через реку Березину в ноябре 1812 г. при

отступлении из России. Речь идет об изданной на деньги Алексея Лазара в 1814 г. книге «Военные приключения французов и их возвращение из Москвы», которая, как было указано в специальном примечании, была переведена с немецкого человеком, радеющим «за румынскую нацию». Помимо нескольких титульных листов с гравюрами на дереве, книга была иллюстрирована бронзовой гравюрой размером 17 × 35 см, с сопроводительной подписью, объясняющей читателю, что речь идет о грозных событиях на Березине 14 ноября 1812 г., когда отступавшая из Москвы наполеоновская армия в условиях более чем двадцатиградусного мороза терпела бедствие при переправе через реку на западных рубежах России¹⁵. Автор этой яркой, полной динамики, обладающей сложной композицией графической работы с множеством изображенных персонажей, неизвестен. Судя по тому, что название реки Березина дается в немецком варианте, можно предполагать, что румынский художник при создании гравюры использовал образы какого-то иностранного художника, обращавшегося к той же теме¹⁶. Следует заметить, что трагический эпизод переправы через Березину привлекал внимание многих художников в течение длительного времени. Свидетель этих драматических событий описывает их следующим образом: «Огромное количество беспорядочно движущихся людей, лошадей и телег подошло к узким мостам и в одно мгновение заблокировало переправу. Шедшие впереди были вытолкнуты толпой сзади, задавлены или выброшены на льды, проломили лед и утонули. Огромная несчастная толпа издавала глухой шум, временами раздавался ужасный вой вперемешку с плачем и страшными проклятьями»¹⁷.

На первом плане будайской гравюры – группа военных со знаменами, но на карти-

¹² Bianu I., Hodoş N., Simonescu D. Bibliografia românească veche (1508–1830). Vol. III, IV. Bucureşti, 1936. 1944.

¹³ Veress A. Tipografia românească din Buda // Boabe de grâu. Bucureşti, 1932. № 12. P. 602.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Mitric O. Din istoria cărţii româneşti. Suceava, 2002. P. 61.

¹⁶ Oprescu Gh. Grafica românească în secolul al XIX-lea. Vol. I. Bucureşti, 1942. P. 223–224.

¹⁷ Castelot A. Bonaparte Napoleon. Vol. II. Bucureşti, 1970. P. 402.

не изображены и люди в гражданской одежде, не только мужчины, но даже женщины. Все они устремляются к двум понтонным мостам, наспех построенным через Березину. Офицер на лошади пытается внести в возникший хаос некоторый порядок. Перед ним изображен мужчина, падающий в реку. К реке медленно движется пушка, которую сзади толкают артиллеристы. На берегу двое раненых мужчин упали на землю. Среди огромных глыб льда, плывущих по воде, тонут люди, в отчаянии пытаюсь спастись. Голова лошади вот-вот скроется под водой. На льдине двое мужчин, впавших в агонию. В крайней правой части гравюры художник изобразил дерево без листьев, его унылый вид созвучен душевному состоянию тонущих людей. Несколько солдат, которые помогли навести мост, греются у костра. Как описывает происходящее очевидец, «совсем голые, в воде до плеч, они пытаются навести плоты, чтобы перейти через огромные глыбы льда. Некоторые из них падают в воду и тонут на глазах у своих товарищей, которые продолжают делать свое дело в своем стремлении выжить»¹⁸. Рядом с группой строителей моста можно видеть инструменты, весла. Кто-то спит на земле мертвый от усталости, а поблизости другой раздевает покойника, чтобы одеться в его одежду и не умереть от холода.

На втором плане показан другой отряд, немного меньший, чем первый, он направляется ко второму мосту, который не виден на картине. На заднем плане тихие холмы, покрытые снегом. Тут и там группы пехотинцев, всадники, кто-то тянет за собой лошадь. Несколько человек греется у костра. Кое-где видны брошенные орудия, что только усиливает представление о масштабах бедствия, постигшего французскую армию в России. Вдали, на горизонте, село в зареве пожара. На наш взгляд, художнику удалось передать атмосферу переживаемого исторического момента. Причем благодаря мастерству гравера у зрителя создается впечатление, что действие происходит и за рамками

изображенного на картине: тысячи людей устремляются на другой берег Березины, преследуемые русской армией. Кажется, что они пытаются уйти не только от неприятеля, но от голода, холода, всех перенесенных страданий.

Переход французами реки Березины при отступлении из России неоднократно привлекал внимание художников в разных странах. Нам известна литография В. Адама (1801–1866 гг.), выполненная в середине XIX века и хранящаяся в Государственном историческом музее в Москве. Изображение на ней драматических событий при переправе Березины вызывает в памяти гравюру в румынской книге, изданной в Буде в середине 1810-х годов. Все те же два понтонных моста через Березину. Морозное утро, глыбы льда плывут вниз по реке. По мостам в страшной давке бегут французские солдаты, стараясь успеть перебраться на другой берег: ведь известно, что в половине девятого утра эти мосты были сожжены по приказу Наполеона, боявшегося атаки русской армии. Обе работы, насколько можно судить по сохранившимся описаниям перехода через Березину, адекватно отражают историческую реальность.

Печатное издание будайской типографии на румынском языке «Александр I. Император всея Руси», принадлежащее перу немецкого автора Румпфа (1815), содержит гравюру размером 15 × 9 см с изображением российского императора. Это одно из первых, если не первое, изображение императора Александра, получившее распространение в румынских землях. Художник Адам Шандор Эренрейх (1784–1852 гг.), работавший в Вене и Буде, был представителем австрийской художественной династии, учившимся мастерству у своего отца. Он получил известность благодаря своим гравюрам с изображением исторических персонажей и деятелей культуры разных народов, в том числе уроженцев Венгрии и Трансильвании. Венгерские исследователи называют свыше 150 портретов, выполненных этим граве-

¹⁸ Ibid. P. 400.

ром¹⁹, но при этом нигде не упоминают портрета Александра I. Император изображен во весь рост в генеральском мундире с эполетами, с саблей, держащим в руках (как и на известном портрете Дж. Доу 1826 г., хранящемся в Эрмитаже) специфический головной убор – треуголку. Как и с портрета Доу, перед зрителями предстает величественный образ человека, уверенного в своих силах. Руки, скрещенные на груди, строгая импозантная поза. Работа выполнена в манере, характерной для венских мастеров того времени, в техническом отношении она весьма совершенна, что проявилось среди прочего в изображении светотеней. О внешней схожести изображенного персонажа картины с самим императором Александром можно судить, сопоставив работу Эренрейха с другими известными изображениями: гравюрой Мари Франсуа Диена, изданной впервые в Лондоне в 1814 г. (портрет императора в профиль, сделанный в виде бюста) и уже упомянутой живописной работой Доу, на которой царь изображен, как и у Эренрейха, во весь рост.

Третья гравюра из будайского цикла, посвященного России эпохи наполеоновских войн, была опубликована в 1815 г. в брошюре «Достойная упоминания победа нашего времени». Выполненная неизвестным художником, она называлась «Пирамида из пушек в Москве». Ниже давалось пояснение, что на гравюре действительно была изображена пирамида из трофейных пушек, сделанная в Московском Кремле по приказу императора Александра в ознаменование Великой победы. Если верить составителям и издателям брошюры, с этой целью были задействованы 1 131 пушка, оставленные бежавшей французской армией. Согласно авторской концепции, именно оккупация Москвы и осквернение Кремля (святого места для России) сделали Наполеона неприимым врагом Александра I.

¹⁹ См.: Pataky D. A Magyar rézmetszét története. A XVI. századtól 1850-ig. Budapest, 1951. P. 106-116; Rózsa Gy. Ehrenreich Ádám forrásai/ Művészettörténeti értesítő. Budapest, 1959. P. 61-67.

Изображенная на гравюре конструкция из пушек больше напоминает высокую колонну, чем пирамиду, у основания ее стоят двуглавые орлы, еще более крупный двуглавый орел венчает всю композицию. Пирамида выстроена на Красной площади, рядом с ней прогуливаются люди, одушевляя всю композицию. На заднем плане – Большой Кремлевский дворец и соборы. Выполненные в сходной художественной манере городские пейзажи получили широкое распространение в этот период, особенно в германских землях²⁰. Но, если даже согласиться с мнением о серьезных художественных недостатках этого произведения²¹, несомненно, безмянному художнику удалось уловить и передать российский колорит, в том числе благодаря изображению церковных куполов, имеющих форму луковиц. Обращает на себя внимание знание архитектуры Московского Кремля. Неизвестный художник мог использовать в качестве образца и пособия одну из созданных ранее и получивших распространение в Средней Европе работ. Нам удалось обнаружить, например, гравюру художника Ф. Дюэрфелдта (начала 1790-х годов) с видами Московского Кремля. На ней изображена и пирамида из пушек, правда, значительно меньших размеров.

Еще одна гравюра, относящаяся к тому же периоду, выявлена нами при помощи профессора В. Олтяна в библиотеке музея в г. Брашове. Она называется «Освободители Европы» и помещена в качестве иллюстрации в первом томе двухтомного издания «Описание Земли», вышедшего в Буде в 1814–1815 гг. на румынском языке, как отмечалось в предисловии, при содействии одного из изображенных на картине «освободителей» – австрийского императора Франца I, покровительствовавшего будайской типографии. К содержанию книги гравюра имела мало отношения. Судя по подписи на книге, она была изготовлена художником Готфридом Прикснером, де-

²⁰ Oprescu Gh. Grafica românească în secolul al XIX-lea. Vol. I. P. 224.

²¹ Ibid.

лавшим гравюры и для других румынских изданий будайской типографии – известные нам его работы посвящены разным сюжетам, в том числе высадке Х. Колумба на берег Америки (книга «Открытие Америки», 1816 г.). Сопроводительный текст на гравюре, сделанный кириллицей, свидетельствует о том, что работа была выполнена для румынской публики, а не взята из какого-либо издания на другом языке. Не ясно лишь, была ли она изготовлена специально для книги «Описание Земли».

Пояснительный текст под гравюрой дает представление об изображенных на ней прославляемых художником исторических персонажах – «освободителях Европы». Это император России Александр I, император Австрии Франц I и король Пруссии Фридрих Вильгельм III, организаторы созванного осенью 1814 г. Венского конгресса, установившего вследствие победы над Наполеоном новый порядок в Европе, обеспечивший, хотя и за счет интересов некоторых народов, длительный мир на континенте. Лидеры трех больших континентальных держав, изображенные художником во весь рост в военных мундирах, с орденами и саблями, без головных уборов, подают друг другу руки в знак согласия, дружбы, мира и взаимного уважения. В центре компози-

ции император Франц, к нему повернуты вполборота два других монарха. Выше в сияющем лавровом венце художник изобразил три короны, символизирующие каждую из монархий-победительниц. Под каждой короной поставлены инициалы королей латинскими буквами – AL I, FI, FW III. На дальнем плане – величественный венский городской пейзаж.

Четыре упомянутые нами книжные гравюры, относящиеся к наполеоновской эпохе, не только отразили свое время, но и влияли на сознание румынской читающей публики. Обладавшие большим или меньшим дарованием художники (как известные нам мастера Эренрейх и Прикснер, так и оставшиеся анонимными граверы) доносили до румынского читателя знание о важнейших исторических событиях на европейском континенте и ключевых действующих лицах этих событий. Довольно значительный тираж книжной продукции, выпускавшейся будайской университетской типографией на румынском языке, делал возможным их распространение во всех землях, где проживали румыны, и в разных социальных слоях.

*Перевод с румынского языка
А. Стыкалиной-Колин*

А. А. Улунян

АВСТРО-ГЕРМАНСКИЙ БЛОК НА БАЛКАНАХ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЭСТОНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА*

Обращение эстонских историков к теме международных отношений в Балканском регионе второй половины XIX в. – первых двух десятилетий XX в. и к проблемам региональной политики основных европейских держав, включая Австро-Венгрию, было во многом обусловлено проявившимся в эстонской историографии интересом к роли и месту империй в формировании картины мира накануне и после Первой мировой войны, одним из результатов которой был их распад и создание новых национальных государств, в том числе Эстонии. В этой связи отчётливо выявились преференции в «эстонском взгляде» на значимость конкретных стран в международных процессах. Объяснимое с точки зрения эстонских исторических реалий выдвигание на первое место историками-авторами публикаций по международным отношениям на Балканах места Российской и Германской империй не означало игнорирование ими роли Британии, Австро-Венгрии, Османской империи, Италии и Франции. Несмотря на то что в 20–30-е гг. XX в. лишь проходило становление эстонской национальной исторической школы исследований всемирной истории Нового и Новейшего времени, тем не менее она имела серьёзный потенциал и перспективу развития. Образованное при Тартуском университете в 1920 г. Академическое историческое общество (Akadeemiline Ajaloo Selts) было призвано способствовать развитию исторических исследований по широкому спектру проблем, включая период Новой и Новейшей истории зарубежных государств. Его печатным органом стал созданный в 1922 г. «Исторический журнал» («Ajalooline Ajakiri»). Значимость этого ежеквартального академического издания, публиковавшегося на протяжении 1922–1940 гг.,

была отмечена в 1928 г. современником событий, известным эстонским историком Юханом Либе, в его статье «Обзор нашей исторической литературы, вышедшей в 1927 г.», в которой он писал, что ««Исторический журнал», вышедший в прошлом, седьмом году существования журнала, как таковой является одним из немногих эстоноязычных чисто научных изданий, добившихся серьёзного успеха как по содержанию, так и в распространении»¹. Тираж журнала до 1930 г. составлял 1000 экземпляров, но затем сократился². Эта тема обсуждалась в январе 1939 г. на заседании руководства Академического исторического общества, существовавшего в 1920–1941 гг. при Тартуском университете и издававшего журнал. До 1940 г., когда было опубликовано только 2 номера, в свет вышло 74 номера. В 1941 г., уже после утери Эстонской Республикой независимости, включения её в Советский Союз и превращения в Эстонскую ССР, советскими властями была предпринята попытка «советизации» «Исторического журнала», что ознаменовалось изданием трёх номеров откровенно пропагандистского содержания, после чего он был закрыт. На протяжении почти двадцатилетнего существования журнала в нём помещались работы как эстонских, так и зарубежных историков. Несмотря на то что подавляющая часть публиковавшихся статей и рецензий прямо или косвенно была посвящена национальной истории Эстонии, а также соседних с ней по Балтийскому региону государств и народов, предпринимались попытки развивать и такие направления исторической науки, как

* Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории». Название гранта «Геокартографическая концептуализация государственного пространства: От Средневековья до Новейшего времени», секция истории.

¹ Libe J. Ülevaade meie ajalookirjandusest läinud (1927) aastal. Ülevaade meie ajalookirjandusest läinud (1927) aastal. // Eesti Kirjandusest. 1928. № 5. Ввиду недоступности бумажной версии цитируется по электронному ресурсу – <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=121>.

² Rosenberg T. Ajalooline Ajakiri 1922–1940 // Kleio. Ajaloo Ajakiri. № 8. 1993. Lk. 27.

методология исторических исследований, философия истории, а также история европейских стран и народов с древности и до Новейшего времени. С приходом на должность главного редактора издания профессора Тартуского Университета Пеэтра Тарвела (до эстонизации в 1935 г. его фамилия звучала как Драйберг и Трейберг), являвшегося в 1925–1940 гг. председателем Академического исторического общества, тематика всеобщей истории получила в журнале дополнительное развитие. Это было обусловлено личной заинтересованностью Тарвела в развитии исследований по истории европейских стран в Новое и Новейшее время, так как он сам занимался эпохой Великой французской революции и британской историей XIX–XX вв.³ Помимо научно-преподавательской деятельности Тарвел являлся активным общественно-политическим деятелем, а также членом Рийгикогу (Парламента) первого (1920–1923), второго (1923–1926) и пятого (1932–1934) созывов от одной из крупнейших партий – Эстонской социал-демократической рабочей партии (переименованной в 1925 г. в Эстонскую социалистическую рабочую партию), руководители которой были в числе главных авторов Конституции Эстонской Республики 1920 г. Эта партия также была членом Социалистического Интернационала.

Во второй половине 30-х гг. в журнале стали публиковаться специализировавшиеся по проблемам Новой и Новейшей истории европейских государств его ученики – Лейда Лооне (до 1934 г. – Ребане)⁴, а также Леммит (до 1937 г. Леонхард) Марк⁵ – магистрант известного шведского историка Стена Ингвара Карлинга, преподававшего

в Тартуском Университете в 1933–1941 гг.⁶, Марта Соргсепп⁷, Херман Фишер⁸.

Появление в 1928 г., спустя десять лет после опубликования манифеста о независимости Эстонии, сборника статей «Побуждающая мотивация I: Мысли борца-республиканца», с подзаголовком «Десять лет испытаний», было расценено частью эстонского общества как скандальный факт, так как в этом издании фактически проводилась мысль о том, что борьба за независимость Эстонии не привела к желаемым результатам. В материалы сборника помимо переводной статьи Р. Ролана был включены эссе и заметки эстонских авторов – историков, культурологов, фольклористов и журналистов, принадлежавших к национал-демократическому левоцентристскому спектру общественной мысли страны. Среди участ-

⁶ Л. Марк (1912–1962 гг.) стал известен в эстонской историографии как специалист по Средневековью. Будучи лишён в годы советской власти возможности работать по специальности, он тем не менее не отказался от научных исследований и оставил рукописи «Старая эстонская историография» и «Освободительная война в древности», хранящиеся ныне в архиве Тартуского университета.

⁷ Данные о судьбе М. Соргсепп (1910 – ?), к сожалению, не были выявлены, и можно лишь отметить её активное участие в работе Академического исторического общества до 1940 г. Встречается написание её имени и фамилии как Martha Sorgsep. См. информацию о получении ею диплома Тартуского университета в: Ülikooli lõpetasid // Postimees. 18.09.1934. Lk. 7.

⁸ Более подробные сведения о Х. Фишере (1903 – ?) выявить не удалось. Помимо его статей, опубликованных в «Историческом журнале», существует газетная публикация по истории Эстонии начала XX в. «Борьба царских властей против газеты “Postimehe” 1900. – 1910» (H. Fisher. «Postimehe» võitlus tsaarivõimudega 1900. – 1910 // Postimees. 17.6.1937, там же помещён портрет Х. Фишера) известно о его магистерской диссертации «Политика Великих держав на Дальнем Востоке в период от заключения Симоносекского мирного договора до начала русско-японской войны (1895–1904 гг.)», защищенной в Тартуском университете в 1934 г. (Fischer H. Suurriikide poliitika Kauges-Idas Šimonoseki rahust kuni Wene-Jaapani sõja puhkemiseni (1895–1904) Magistritöö. Tartu Ülikool. Tartu, 1934).

³ П. Тарвел (1894–1953 гг.) являлся в Санкт-Петербургском Университете учеником русского историка Н. Кареева. Подробнее о жизни и деятельности П. Тарвела в: Kivimäe J. Peeter Tarveli elu ja töö // Akadeemia. 1989. №9; 1990. №1.

⁴ Л. Лооне (1911–1969 гг.) впоследствии занималась национальной эстонской историей XVIII–XIX вв.

⁵ Rosenberg T. Ajalooline Ajakiri 1922–1940 // Kleio. Ajaloo Ajakiri. № 8. 1993. Lk. 30.

ников сборника был Аугуст Аннист (до эстонизации его фамилии в 1936 г. Анни)⁹, поместивший несколько своих небольших эссе, включая и подписанный псевдонимом «Филолог»¹⁰ материал «Дилетантские размышления об обществе, интеллигенции, политике и другом»¹¹. Обращение А. Анниста к новейшей истории Австрии после распада Двуетной монархии делалось им в тесной связи с усилением после Первой мировой войны социал-демократии в общественно-политической жизни европейских государств. В политических воззрениях австрийских,

⁹ А. Аннист (1899–1972 гг.) – эстонский публицист, литературовед и переводчик. Подробнее о нем см. статью Хелены Сепп «Национал-демократический культурный идеал Аугуста Анни(ста) в ранние годы Эстонской Республики и в эпоху безмолвия» (Sepp H. August Anni(sti) rahvuslik-demokraatlik kultuuriideaal Eesti Vabariigi algusaastail ja vaikkival ajastul // Acta Historica Tallinnensia. 2008. № 12). В соответствии с существующей эстонской национальной традицией «Эпохой безмолвия» (vaikiv ajastu) называется период 1934–1940 гг., когда у власти находился авторитарный глава страны К. Пятс. Само словосочетание было введено премьер-министром Каарелом Ээнпалу, выступившим с заявлением о необходимости ограничить деятельность оппозиционных сил, способных destabilизировать ситуацию в стране. Во многом это было обусловлено действиями военизированной организации ветеранов освободительной войны 1918–1920 гг., которая предприняла попытку государственного переворота в 1934 г.

¹⁰ О принадлежности псевдонима «Филолог» А. Аннисту и о формировании группы интеллектуалов вокруг сборника см. в магистерской работе Моники Таза «Национальный ученый Оскар Лорритс и его время». (Tasa M. Rahvusteadlane Oskar Loorits ja tema kaasaeg (1920–1940). Magistritöö. Tartu Ülikool Filosoofiateaduskond Kirjanduse ja rahvaluule 3+2 õppekava. Tartu, 2008. Lk. 27). URL: http://dspace.utlib.ee/dspace/bitstream/handle/10062/26098/MA_Tasa.pdf?sequence=1.

¹¹ Filoloog. Võhiku mõtteid ühiskonnast, intelligentsist, poliitikast ja muust // Dünamis I. Mõtteid võitlevast vabariigist. Tartu, 1928. Во многом рассуждения на эту тему были продолжением идей, изложенных в статьях А. Анниста, опубликованных в 1923 г. в сборнике «Размышления о зрелости интеллигенции» (Mõtteid valmivast intelligentsist. Tartu, 1923).

скандинавских и британских интеллектуалов и интеллигенции (эти два понятия были для него синонимами – intellektuaale, intelligents)¹² Аннист выделял в первую очередь их социальную и национальную ориентированность и отказ от радикальности в их идеологических программных установках¹³. В определенной степени такая интерпретация взглядов социал-демократов была обусловлена его стремлением представить их как образец для соответствующих политических сил Эстонии на пути сближения с Европой. Основной идеей становился поиск приемлемого для эстонских условий сочетания национальной, социальной и политической идентичности, поэтому упоминание австрийского примера наряду со скандинавским было неслучайно, ведь имелось в виду превращение Австрии в независимое государство-республику после распада Австро-Венгрии.

Поражение Двуетной монархии в Первой мировой войне и последствия ее распада привлекали внимание эстонских интеллектуалов-гуманитариев в контексте общенационального дискурса и в рамках поиска культурно-исторической и политической идентичности, что нашло своё отражение и в проявляемом интересе к ситуации, складывавшейся в национальной литературе появившихся после исчезновения Австро-Венгрии новых национальных государств. Известный в межвоенной Эстонии литературовед-славист и переводчик Бернхард Линде¹⁴ первую из серии своих

¹² Примечательным было использование А. Аннистом терминов «сельская (maaharitlased)» и «городская (linnaharitlased)» интеллигенция. Ввиду недоступности бумажной версии статьи цитируется по электронной: Filoloog. Võhiku mõtteid ühiskonnast, intelligentsist, poliitikast ja muust // Dünamis I. Mõtteid võitlevast vabariigist. Tartu, 1928. URL: <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=651>.

¹³ Filoloog. Op. cit.

¹⁴ Б. Линде (1886–1954 гг.) являлся одним из популярных публицистов и литературоведов-славистов.

статей по этой теме¹⁵ посвятил современной ему венгерской литературе, опубликовав в мартовском (1929 г.) номере ежемесячного литературного журнала «Looming» («Творчество») статью «Взгляд на современную венгерскую литературу»¹⁶. Через анализ существовавших в 20-е гг. XX в. литературных направлений Б. Линде попытался определить вектор общественно-политического дискурса в независимой Венгрии, имея в виду, что она, как и Эстония, стала независимым государством после Первой мировой войны. Особое внимание в этой связи придавалось соотношению традиционализма и общеевропейских принципов в общественно-культурном пространстве страны. Так, в частности, он обращал внимание на приходившую в начале XX в. в венгерской литературе смену так называемого национально-консервативного направления на новое, связанное с ориентированной на Западную Европу группой писателей. Среди них он выделял левых по своим взглядам (о принадлежности к этому спектру общественно-политической жизни Венгрии Линде, вероятно, преднамеренно умолчал) поэта Эндре Ади (Endre Ady) и писателя Михая Бабича (Mihály Babits) с их созданным в 1908 г. и прекратившим существование в 1941 г. журналом «Nyugat» («Запад»), вокруг которого объединялась демократически настроенная либеральная венгерская интеллигенция¹⁷. Одновременно Линде от-

мечал и оформление противоположного ему направления – вокруг литературного журнала «Narkelet» («Восток»), идеологом которого была известная венгерская писательница Сесилия Тормай (Cécile Tormay), стоявшая на позициях венгерского национализма, относившаяся к правому политическому лагерю, резко выступавшая против венгерской коммунистической революции во главе с Б. Куном и территориальных изменений в отношении Венгрии после Первой мировой войны. Обращаясь к ситуации, складывавшейся в венгерской литературе, Линде давал собственную интерпретацию исторической судьбы собственно Венгрии после распада Двухединой монархии, отмечая, как он называл его, «несправедливый мирный договор после Мировой войны, оторвавший от Венгрии исконно венгерские земли, передав их Румынии, Югославии и Чехословакии, что сейчас подтверждается так называемой трансильванской литературой...», которая, считал он, «занимает теперь важное место» среди литературы новых государств¹⁸.

Обращение к теме Первой мировой войны, роли в ней противостоявших блоков и конкретных стран проходило в эстонской историографии крайне медленно, что объяснялось объективными причинами: отсутствием специалистов, а также повышенным интересом к национальной эстонской истории после освободительной войны 1918–1920 гг. и созданию независимого эстонского государства. Одной из первых работ по этой теме была изданная в 1932 г. в Тарту под эги-

XX в., в числе которых были Антал Серб, Габор Халощ, Ласло Кальноки и др. Все номера журнала доступны по электронному адресу: <http://epa.oszk.hu/00000/00022/nyugat.htm>. Подробнее о развитии различных направлений в венгерской литературе и их роли в общественно-политической жизни см.: Fenyő M. *Literature and Political Change: Budapest, 1908-1918*. Transactions of American Philosophical Society. Philadelphia, 1987; Grendel L. *A modern magyar irodalom története: magyar líra és epika a 20. században*. Pozsony, 2010.

¹⁸ Цит. по электронной версии: Linde B. *Pilk Ungari kirjanduslikku tänapäeva // Looming*. 1929. № 3: <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=281>.

¹⁵ См. статьи Б. Линде, посвященные развитию чешской, югославской и польской новейшей литературы: Linde B. *Tšehhi kirjanduslik tänapäev // Looming*. 1930. № 1; Linde B. *Pilguheit jugoslaavia oleviku kirjanduslikku olukorda // Looming*. 1932. № 4; Poola kirjanduslikke portreid // *Looming*. 1937. № 2, 8.

¹⁶ Linde B. *Pilk Ungari kirjanduslikku tänapäeva // Looming*. 1929. № 3.

¹⁷ В действительности, в сложившейся традиции оценки поколений писателей и поэтов, работавших с журналом, вышеупомянутые литераторы относятся к первому поколению. Второе поколение было представлено Лёринцем Сабо, Дьёрдем Шакёзи, Аггилой Йожефом и др., общественно-политическая ориентация которых включала широкий спектр от правого до коммунистического направления. Третье поколение – это писатели и переводчики, работавшие в 30-е – начале 40-х гг.

дой Эстонского литературного общества публицистическая по своему стилю брошюра Г. Уэллса, переведённая на эстонский язык молодым историком Лейдой Ребане (Лооне), с предисловием А. Анни (Анниста) и носившая в эстонском варианте название «Великая мировая война: после неё и перспективы человечества»¹⁹. В 1939 г. она была переиздана. Первой попыткой создания научного труда стало написание популярной истории Первой мировой войны до заключения Тартуского мирного договора. Инициатором этого проекта выступил бывший в 1919–1920 гг. министром обороны Август Ханко. Под его редакцией и с участием Кооператива эстонских издателей в 1937 г. начался выпуск серии «Мировая война» («Maailmasõda»). До потери национального суверенитета Эстонской Республики и вхождения в состав СССР вышло четыре книги первого тома «Военные события 1914 г.» («Maailmasõda: 1914–1918. 1914. aasta sõjasündmusi»). Эта работа являлась единственным изданием такого уровня с обзором событий, хотя и имела компилятивный характер.

Ситуация, складывавшаяся в эстонской национальной историографии нового и новейшего периодов всемирной истории, во многом объяснялась общественно-политическими и культурно-историческими реалиями Эстонии, что обусловило пристальное внимание к роли и месту «германского фактора» в событиях международной жизни конца XIX – начала XX вв., накануне и в годы Первой мировой войны. Значительная роль в формулировании подходов к изучению международных отношений и, в частности, внешней политики Германии и Австро-Венгрии принадлежала П. Тарвелу, опубликовавшему в 1922 г. одну из первых статей по данной проблеме в «Историческом журнале» под названием «Бисмарк и Вильгельм II в свете новых источников»²⁰.

¹⁹ Wells H. Suur maailmasõda: selle järelaeg ja inimsoo tulevikusihid / tõlkinud L. Rebane; eessõna A. Anni; kaas R. Kivit. Tartu, 1932.

²⁰ Treiberg P. Bismarck ja Wilhelm II uute allikate valgustusel // Ajalooline Ajakiri. 1922. № 2.

Её суть сводилась к выяснению причин неудачи германской внешней политики, что нашло своё выражение в поиске автором ответа на вопрос о том, являлось ли поражение Германии личной виной Вильгельма II или системным провалом германской внешней политики в целом. Основными источниками для П. Тарвела, по его признанию, были ставшие достоянием общественности и оказавшиеся в распоряжении историков опубликованные после войны материалы, главными из которых, как он считал, являлись секретные документы, «переписка между важными историческими личностями (в частности между Николаем I и Вильгельмом), донесения иностранных послов о происходившем в Берлине», среди них он особо выделял австрийских и бельгийских дипломатов²¹.

В связи с этим следует отметить, что эстонский историк, вероятнее всего, пользовался изданной в США в 1920 г. перепиской между российским императором и германским кайзером²², так как русскоязычное издание было предпринято лишь в 1923 г.²³ Выводы Тарвела были сформулированы в виде двух основных тезисов. Во-первых, «крушение проводимой Бисмарком внешней политики, базирующейся на сложной коалиционной системе, позже привело к тому, что Германия осталась одна». Во-вторых, «отсутствие достойного наследника [Бисмарка] привело к утере германской дипломатией доминирующих позиций в Европе, и в этом смысле падение германского канцлера ощущалось в международном масштабе

²¹ Цит. по электронной версии: Treiberg P. Bismarck ja Wilhelm II uute allikate valgustusel // Ajalooline Ajakiri. 1922. № 2: <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=482>.

²² Letters From The Kaiser To The Czar Copied From Government Archives In Petrograd. Unpublished Before 1920 private Letters From The Kaiser To The Czar Found In A Chest After The Czar's Execution and Now In Possession Of The Soviet Government Copied And Brought From Russia By Isaak Don Levine. New-York, 1920.

²³ Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. М.; Пг., 1923.

как шок»²⁴. Не менее жёстко Тарвел характеризовал способы и методы создания новой системы международных отношений, основы которой закладывались Версальским мирным договором 1919 г., что являлось в целом отражением общественно-политических взглядов эстонского историка. В двух номерах «Исторического журнала» в 1924 г. была опубликована его большая статья «Версальский мир 1919 г. на основе новых явлений», посвященная анализу как конкретно-исторической ситуации, сложившейся в международных отношениях, и роли в её формировании отдельных государств, так и социологической оценке Версальской мирной системы²⁵. Оценка Тарвелом Парижского мирного конгресса 1919 г. представляла его в виде «важнейшего из событий международной политики последнего времени наряду с предыдущими крупнейшими международными событиями, каковыми являлись Венский и Берлинский конгрессы», «величайшего эксперимента мировой империалистической политики по решению проблем на основе права и справедливости, при продолжающих доминировать во внешней политике принуждении, силе и политических интересах их [империалистических государств] господствующего положения», а также примером того, что «никогда не было большего поучительного банкротства, чем попытка Вильсона в Париже», стремившегося «отбросить костыли старой дипломатической традиции»²⁶. Акцент исключительно на захватнических интересах государств-участниц Первой мировой войны нашёл своё отражение особенно в оценке П. Тарвелом тех стран, которые проявляли колебания и занимали выжидательную позицию в ходе войны с целью получения от одного из двух противостоявших военных блоков обещаний

о гарантии своей захватнической политики. В этой связи приводились примеры Италии и Румынии. В отношении первой из них автор статьи писал: «Италия, которая, по словам её собственного министра иностранных дел Саландра, испытывала чистый эгоизм – *sacro egoismo*, не собиралась присоединяться к союзным державам вплоть до подписания Лондонского договора 26 апреля 1915 г., который гарантировал ей военные трофеи в виде территорий Трентино, Триеста, Горичцы и Градишки, части Тироля и Далмации (без Фиуме), территорий, основное (или даже большинство) население которых составляют немцы, славяне, албанцы и греки». Позиция Румынии характеризовалась с учётом того, что она «обеспечила себя подобного рода секретным соглашением в 1916 г. по поводу Трансильвании, Баната, Буковины, в то время как Франция добилась признания от союзников присоединения в свою пользу Эльзаса и Лотарингии, Саарского угольного бассейна и всего левого берега Рейна, отделив от Германии...»²⁷.

К концу 30-х гг. и ближе к началу Второй мировой войны общественно-политические взгляды П. Тарвела всё сильнее влияли на его исторические исследования и нашли проявление в достаточно острой антиимпериалистической риторике, использованной в анализе системы международных отношений, в которых, как он считал, именно имперская составляющая внешней политики многих государств мира определяла суть происходившего на международной арене. Симптоматичным было появление в 1939 г. в «Историческом журнале» статьи Тарвела «Империализм как новейший исторический период»²⁸. Несмотря на определенное созвучие названия с написанной главой российских большевиков В. Ульяновым (Лениным) в 1916 г. работой «Империализм как высшая стадия капитализма», его объяснение происходящего в системе международных отношений отличалось от большевистского. Ссыла-

²⁴ Цит. по электронной версии: Treiberg P. Bismarck ja Wilhelm II.

²⁵ Treiberg P. Versailles'i rahu a. 1919 uemate avalduste põhjal // Ajalooline Ajakiri. 1924. № 3, 4.

²⁶ Цит. по электронной версии: Treiberg P. Versailles'i rahu a. 1919 uemate avalduste põhjal // Ajalooline Ajakiri. 1924. № 3: <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=451>.

²⁷ Ibid.

²⁸ Tarvel P. Imperialism kui uusima ajaloo period // Ajaloolisest Ajakirjast. 1939. № 4.

ясь на концепцию Гоббса о природе человека и о постоянной борьбе за власть в обществе, он отмечал, что со временем появляются более цивилизованные формы власти, что происходит под воздействием таких факторов, как право и мораль, и поэтому более развитые государства используют для расширения своей власти в отношении других стран не только военные методы, но мирные способы культурной ассимиляции. Он отмечал, что надежды революционно настроенных социалистов на крушение капитализма в результате мировой войны не оправдались, и единственный путь в сложившейся ситуации – это давление на власть в интересах расширения участия представителей всех общественных слоев в решении политических и социальных вопросов²⁹. Являясь сторонником национального суверенитета и демократической формы общественно-политического устройства государства³⁰, Тарвел развивал социологический подход к изучению международных отношений, чем оказывал сильное влияние на молодое поколение формировавшихся историков. В определенной степени это проявилось в опубликованном в 1940 г. сборнике «Власть и дух», изданном под эгидой Эстонского студенческого общества, в котором пропагандировалась идея национальной демократии. Помимо П. Тарвела и А. Анниста в нём приняли участие и молодые ученые, в частности Лейда Лооне, ³¹анимавшаяся с начала 30-х гг. исследованием международных отношений. Ее

²⁹ Цит. по электронной версии: Tarvel P. Imperialism kui uusima ajaloo period // Ajaloolisest Ajakirjast. 1939. № 4. URL: <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=514>.

³⁰ Подробнее об этом, а также его работы по данной теме были опубликованы в сборнике «Будущее демократии» в Тарту в 2002 г.: Tarvel P. Demokraatia tulevik. Koostajad: Toomas Karjahärm ja Hando Runnel. Tartu, 2002.

³¹ Võim ja vaim: album Eesti Üliõpilaste Selts «Veljesto» 20-ks aastapäevaks, Tartu 1940. Символическим в данном контексте стало название исследования эстонских историков Т. Карьяхярма и В. Сирка, посвященного эстонской интеллигенции 1917-1940 гг.: «Дух и власть. Эстонская интеллигенция 1917-1940». /Karjahärm. T., Sirk. V. Vaim ja võim. Eesti haritlaskond 1917-1940. Tallinn, 2001.

статья в вышедшем в 1932 г. под редакцией А. Анниста сборнике, посвященном 300-летию юбилею Тартуского университета, называвшаяся «Англо-германские отношения накануне Первой мировой войны. (1908–1912 гг.)»,³² была одной из первых. Хронологические рамки исследования, представлявшего анализ внешнеполитических действий двух империй, включали период с момента аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины и до Балканских войн. Роль Германии в системе международных отношений рассматривалась Лооне как наиболее значимая, в связи с чем автор статьи обращала перво-степенное внимание на англо-германское соперничество как иницирующий фактор будущего возможного мирового конфликта: «Сначала Германия являлась державой, превосходящей другие европейские страны, чего было нельзя избежать. В достижении своих мировых гегемонистских целей она была вынуждена столкнуться с конкуренцией со стороны Британии, и было неизбежно острое столкновение. Британия являлась ведущей индустриально-торговой колониальной державой»³³. Именно противоречия Великобритании и Германии в этой схеме начинали приобретать решающее значение в соответствии с анализом, сделанным автором статьи: «По мнению Германии, мощной армии было достаточно для проведения империалистической политики. Провалу англо-германских переговоров способствовала на этот раз политическая некомпетентность немецких дипломатов. Империалистические руководители Германии обычно не просчитывали трезво реальную ситуацию, а делали упор только на значение Германии»³⁴. Этот «германоцентризм» Л. Лооне

³² Rebane L. Inglise-Saksa suhted enne maailmasõda a. 1908-1912.// Kultuuri ja teaduse teilt : mõtteid ja uurimusi. Tartu Ülikooli 300-nda mälestusaasta puhuks. Tartu, 1932.

³³ Цит. по электронной версии: Rebane L. Inglise-Saksa suhted enne maailmasõda a. 1908-1912.// A. Anni jt (toim). Kultuuri ja teaduse teilt : mõtteid ja uurimusi Tartu Ülikooli 300-nda mälestusaasta puhuks. Tartu, 1932: <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=717>.

³⁴ Ibid.

в определении главных акторов международных отношений достаточно чётко проявился в заключении упоминаемой статьи, когда она писала: «Англо-германский баланс в Европе существовал всё ещё по другим вопросам, ожидая решения в ходе войны»³⁵.

Боснийский кризис 1908 г. рассматривался первым поколением эстонских историков, начинавших специализироваться по истории международных отношений, именно в контексте внешней политики Германии и её внешнеполитических планов. Достаточно показательной стала публикация в 1935 г. в первом и втором номерах «Исторического журнала» статьи Л. Марка «Германская политика по Боснийскому вопросу в 1908–1909 гг.»³⁶, готовившегося к защите в 1936 г. в Тартуском университете магистерской диссертации по теме «Русско-английские отношения в первом десятилетии XX века»³⁷. Отмечая тот факт, что «основными соперниками в Балканском вопросе были Россия и Австро-Венгрия»³⁸, он тем не менее обращал внимание в целом на характер внешней политики Берлина и стоявших перед ним на международной арене задач. В этой связи Марк определял основные, как он считал, проблемы, объективно стоявшие на повестке дня германской дипломатии. Так как «начало конфликта можно было ожидать по двум основным вопросам – Эльзасу-Лотарингии и будущему Турции», германская сторона была готова нейтрализовать потенциальных противников и приобрести союзников. В более конкретном виде это означало, что Германия «должна была изолировать Францию, а с другой стороны, предотвратить кризис

в Турции»³⁹. В целях ослабления французских позиций Германии предстояло «получить потенциальных союзников Франции в лице России, Австрии, Италии и Англии». В то же время «в Балканском вопросе усиление России за счёт Турции должно было усилить зависть у Австрии, и наоборот [в случае усиления Австрии – у России]»⁴⁰.

Исследуя алгоритм и принципы реализации внешнеполитических планов Германии, Л. Марк акцентирует внимание прежде всего на принципах внешней политики О. Бисмарка, считая его более сильным политиком, чем тех, кто пришёл ему на смену. Поэтому особое внимание Л. Марк уделял действиям Германии на балканском направлении при О. Бисмарке в 70-е гг. XIX в., когда, стремясь сохранить Османскую империю, «железный канцлер» оказал давление на Россию «на Берлинском конгрессе, что привело к определенным уступкам в сторону учета турецких интересов», и «Россия с очевидным раздражением ответила Бисмарку на заключение в 1879 г. двустороннего германо-австрийского союза»⁴¹. Однако формирование австро-германского союза не было основано на стремлении изолировать Российскую империю, что было отмечено Л. Марком в его анализе политики Бисмарка, который, оказывая поддержку Австро-Венгрии «за счёт России», тем не менее способствовал восстановлению Союза трёх императоров в 1881 г., основа чему была заложена инициативами германского канцлера в 1872–1873 гг. Изменение ситуации произошло, по утверждению Марка, в начале XX в., когда Германия и Австро-Венгрия начали испытывать затруднения при реализации своих внешнеполитических планов, чему в немалой степени – особенно в последнем случае – способствовал подрыв «равновесия в австрийской государственной системе» из-за усиления национальных движений народов, входивших в Двудеиную монархию, а также стремление Вены расширить границы империи. Пора-

³⁵ Там же.

³⁶ Mark L. Saksa poliitika Bosnia küsimuses 1908–1909. Aastal // Ajalooline Ajakiri. 1935. № 1; Mark L. Saksa poliitika Bosnia küsimuses 1908–1909. Aastal // Ajalooline Ajakiri. 1935. № 1; 2.

³⁷ Mark L. Vene-inglise suhted XX sajandi 1. kümnendil. Magistritöö üldise ajaloo alalt. Tartu Ülikool. Tartu, 1936. K. 1, 2.

³⁸ Цит. по электронной версии: Mark L. Saksa poliitika Bosnia küsimuses 1908–1909. Aastal // Ajalooline Ajakiri. 1935. № 1. URL: <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=576>.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

жение Российской империи на Дальнем Востоке рассматривалось эстонским историком как один из важных иницирующих факторов активизации австро-венгерской политики на Балканах⁴². Роль Боснийского кризиса заключалась, как считал Марк, в том, что он продемонстрировал, что «Германия определилась с цветом: с кем и против кого. Она окончательно связала себя с Австрией»⁴³.

Обращаясь в своей статье «Русско-британские отношения в контексте русско-японской войны»⁴⁴, написанной в рамках темы подготовленной им магистерской диссертации, Л. Марк отмечал, что противостояние империй за доминирующие позиции в конкретных регионах являлось основой сложившейся системы международных отношений накануне Первой мировой войны. В этой связи алгоритм действий России определялся автором статьи тем, что «отличительной особенностью англо-русских отношений в XIX в. была сильная конкуренция в Восточном вопросе. Российская экспансия на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке была направлена на юг к свободным ото льда морям», в то же время эта ситуация не была статичной, и, как отмечал Марк, «отношения между европейскими государствами находились в процессе формирования, свидетельствующем о том, что прежнее соперничество между Англией и Россией уходит в историю». Во многом это было обусловлено тем, что, как писал Марк, проводившаяся Лондоном «в конце XIX в. английская морская политика в значительной степени основывалась на так называемой two-power system. Потенциальными противниками выступали Франция и Россия. Английский флот был сильнее, чем флоты этих двух вместе взятых государств. Эта система начала трещать по мере того, как стало известно о планах строительства военного флота Германии. Германо-английское сближение в 1900–1901 гг.

провалилось. У Британии возникла идея, что было бы полезно решить все важные вопросы с Францией, чтобы иметь свободу рук в отношении Германии. Результатом этой политики было рождение англо-французской Антанты 18 апреля 1904 г.»⁴⁵. Утверждение о колебаниях во внешнеполитических предпочтениях Российской империи между балканским и дальневосточным векторами стало одним из важных элементов анализа российского внешнеполитического курса в эстонской межвоенной историографии, и в работе Л. Марка это нашло своё отражение. Так, в частности, он отмечал, что Боксерское восстание 1900 г. в Китае усилило значение дальневосточного региона в мировой политике и привело к тому, что Российская империя «заморозила» балканское направление и активизировалась на Дальнем Востоке⁴⁶.

Этот тезис «колебания» интересов между Балканами и Дальним Востоком в российской имперской политике получил дальнейшее развитие в работе другого эстонского историка – Херманна Фишера. В опубликованной им в двух номерах «Исторического журнала» за 1936 г. статье «Балканская политика России в годы Балканских войн (октябрь 1912 – октябрь 1913)»⁴⁷ в качестве одной из причин активизации российской имперской политики на Балканах выделяется поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг., когда «Япония прекратила экспансию России на Дальнем Востоке»⁴⁸. Особое значение автором придавалось именно империалистическому характеру международных конфликтов, что нашло своё отражение в опубликованной в том же журнале

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Mark L. Vene-Inglise suhted Vene-Jaapani sõja taustal // Ajalooline Ajakiri. 1936, Ajalooline Ajakiri. 1937. № 1.

⁴⁵ Цит. по: Mark L. Vene-Inglise suhted Vene-Jaapani sõja taustal // Ajalooline Ajakiri. 1936, Ajalooline Ajakiri. 1937. № 1. URL: <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=509>.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Fischer H. Venemaa Balkani-poliitika Balkani sõdade ajastul (okt. 1912 kuni okt. 1913) // Ajalooline Ajakiri. 1936. № 2; 3/ 4.

⁴⁸ Цит. по электронной версии: Fischer H. Venemaa Balkani-poliitika Balkani sõdade ajastul (okt. 1912 kuni okt. 1913) // Ajalooline Ajakiri. 1936. № 2. URL: <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=521>.

в 1939 г. статье «Политика великих держав во время первого китайского кризиса в 1897–1899 гг.»⁴⁹. События в Китае в 1897–1899 гг., участниками которых были Россия, Германия, Франция и Япония, давали Х. Фишеру, использовавшему характерные для представителей лево-либеральных кругов эстонских интеллектуалов категории, основания считать, что «первым политическим кризисом “эпохи империализма” был китайский», а «российская политическая и экономическая экспансия ощущали на себе влияние британских успехов»⁵⁰.

На Балканском направлении ситуация лишь подтверждала доминирование имперского императива во внешней политике Великих держав. В этой связи автор отмечал, что меморандум министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Эренталя от 2 июля 1908 г., по которому в обмен на согласие России с австрийской аннексией Боснии и Герцеговины российская сторона получит возможность прохода её военных кораблей через Проливы, сыграл особую роль в формировании позиции России. В то же время оккупация Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины изменила баланс сил в Европе. Тройственный союз в лице Германии, Австро-Венгрии и Италии усилил свои господствующие позиции, в то время как Двойственный союз – Россия и Франция (и имеющая с ними двусторонние договоры Великобритания) – рассматривал боснийский кризис как проявление собственной слабости, и это способствовало ещё большему сплочению их военного союза. Укрепление позиций Австро-Венгрии на Балканах с опаской воспринималось в Балканских странах, так как это могло стать основой для новой экспансии Австро-Венгрии в этом направлении, а создание Балканского союза было

⁴⁹ Fischer H. Suurriikide poliitika esimese Hiina kriisi ajal a. 1897–1899. Suurriikide poliitika esimese Hiina kriisi ajal a. 1897–1899 // Ajaloolisest Ajakirjast. 1939. № 1.

⁵⁰ Цит. по: Fischer H. Suurriikide poliitika esimese Hiina kriisi ajala. 1897–1899 // Ajaloolisest Ajakirjast. 1939. № 1. URL: <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=510>.

в интересах России, стремившейся взять под контроль Проливы. При этом, как отмечал автор статьи, «вопрос Проливов не был решён в пользу России, но она была более успешной при формировании Балканского союза»⁵¹. Интересы Российской империи в отношении последнего заключались в представленном Х. Фишером выводе о том, что этот союз «1) станет инструментом влияния на его членов; 2) обеспечит расширение влияния Балканских государств; 3) разрешит болгаро-сербский конфликт; 4) передаст балканские владения Турции балканским народам»⁵². Автор замечает: «...что касается последнего, Россия не была готова к этому»⁵³, тем самым обращая внимание на нежелание Санкт-Петербурга усиливать малые Балканские государства, имея в виду возможность перехода контроля над Проливами в пользу одного из них. Австрийский фактор в Балканских войнах рассматривался с точки зрения усиления противоречий между Австро-Венгрией и Сербией, активизации национальных движений славянских народов в Дуалистической монархии и военных приготовлений Вены⁵⁴. Опасения Санкт-Петербурга относительно возможного обострения ситуации на Балканах, особенно во время межсоюзнической Второй Балканской войны, рассматривались Х. Фишером с точки зрения российских позиций в системе международных отношений, в связи с чем он приходил к выводу о том, что «к счастью для России не произошло катастрофы Балканских государств, воевавших с Турцией. Этот коллапс явился бы большим поражением для Российской политики, приблизив возможность большой войны»⁵⁵.

⁵¹ Fischer H. Venemaa Balkani-poliitika Balkani sõdade ajastul (okt. 1912 kuni okt. 1913) // Ajalooline Ajakiri. 1936. № 2. URL: <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=521>.

⁵² Ibid.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Цит. по электронной версии: Fischer H. Venemaa Balkani-poliitika Balkani sõdade ajastul (okt. 1912 kuni okt. 1913) // Ajalooline Ajakiri. 1936. № 3–4. URL: <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=521>.

Несмотря на превалировавший в исследованиях эстонских историков, занимавшихся новым и новейшим периодом всемирной истории (включая её балканский «сектор»), интерес к внешней политике Германии, России и Великобритании и нередко достаточно косвенное обращение к австро-венгерскому аспекту Балканской политики, в середине 30-х г. XX в. изучение роли Австро-Венгрии на Балканах активизируется. Одной из первых работ по этой теме стала статья Марты Соргсепп «Балканская политика Австро-Венгрии в 1912–1913 гг.», опубликованная в «Историческом журнале» в 1936 г. и посвященная одному из важнейших для Балканского региона периодов – двух региональных войн⁵⁶. И хотя основные постулаты, изложенные в статье, не являлись новыми, они тем не менее свидетельствовали о попытках поиска причинно-следственных связей при формулировании внешней политики Австро-Венгрии с точки зрения складывавшегося в эстонской историографии подхода к изучению европейских империй в целом.

Так, в частности, М. Соргсепп обращала особое внимание на то, что «в период до Первой мировой войны во внутренней политике Австро-Венгрии должна была решать серьезнейшую проблему, каковой являлся национальный вопрос, имевший также важное значение для её внешнеполитического курса», и «чем больше конкретные народы становились активными, тем ближе становился конец Габсбургского государства»⁵⁷. Именно внутривосточный кризис Дуалистической монархии определялся в статье как один из решающих факторов ослабления её позиций на международной арене: «Важнейшей причиной слабости Австрии было отсутствие национальной однородности её населения... ни один из народов не занимал доминирующих позиций. В то же

время усилилось проявление центробежных сил: каждая нация стремилась к независимости и предпринимала попытки создания [собственного] государства... Чем больше конкретные народы становились активными, тем ближе был конец Габсбургского государства. Национальный вопрос являлся фактором, который вёл к концу турецкого господства в Европе, крушению Австрии и возникновению малых Балканских государств»⁵⁸. Объяснение австро-венгерской политики в балканском регионе М. Соргсепп делала с учётом того, что «географическое расположение государства [Австро-Венгрии] и старая историческая традиция самой Австрии вела к распространению австрийского влияния и её продвижению на юг в Балканском направлении»⁵⁹. Анализируя внешнюю политику Дунайской монархии в «Историческом журнале», автор статьи пишет: «...в австрийской внешней политике на Балканах боролись две тенденции: военная, требовавшая активной политики, прежде всего, военного вмешательства с целью предотвратить усиление Сербии и Черногории, и вторая, более сдержанная, направленная на обеспечение в основном экономических и политических интересов, и в случае с Балканской войной предпочтение было сделано в пользу пассивной, выжидательной тактики»⁶⁰. Сторонником первой тенденции выступал глава Генерального штаба Франц Конрад фон Хётцендорф, второй – министр иностранных дел Леопольд фон Берхтольд. В этой связи, как и другие эстонские историки, в работах которых доминировал анализ «германского фактора» в региональных и мировых делах, М. Соргсепп уделяла внимание роли союзной Австро-Венгрии Германии в формировании политики Вены на балканском направлении. Особое место в этом занимали договоренности между двумя союзниками от 30 октября 1912 г., в соответствии с которыми Австро-Венгрия получала гарантии соблюдения своих инте-

⁵⁶ Sorgsepp M. Austria-Ungari Balkani-poliitika aastail 1912–1913 // Ajalooline Ajakiri. 1936. № 3–4.

⁵⁷ Цит. по электронной версии: Sorgsepp M. Austria-Ungari Balkani-poliitika aastail 1912–1913 // Ajalooline Ajakiri. 1936. № 3–4. URL: <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=522>.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

ресов при взаимоотношениях с Сербией и Черногорией и в отношении Салоникского порта, на использование которого претендовала австрийская сторона⁶¹. Однако победа коалиции государств в составе Балканского союза в войне против Османской империи серьезно беспокоила, как справедливо полагала М. Соргсепп, Австрию, и она начала отходить от политики сохранения *status quo*, опасаясь сербского продвижения к Адриатическому морю, что нашло своё выражение в поддержке независимости Албании, ведь «Австрия была заинтересована в том, чтобы новое государство было как можно более сильным»⁶². Оценивая в целом балканскую политику Вены, М. Соргсепп делала вывод о том, что «провал австрийской политики на Балканах произошёл не столько из-за неизбежной череды событий, которые Австрия стремилась остановить, но в большей степени из-за устаревших методов ведения австрийской дипломатии. Министр иностранных дел Бертолд не знал, как приспособить к изменяющимся условиям использовавшиеся в недавнем прошлом традиции австрийской внешней политики»⁶³.

Формировавшаяся в эстонской межвоенной историографии оценка роли Австро-Венгрии в системе международных отношений в конце XIX – начале XX в., а также характеристика её внутривосточного развития свидетельствовала о том, что

Дуалистическая монархия рассматривалась как второстепенный по отношению к Германии член австро-германского блока. Действия Вены на международной арене оценивались эстонскими историками в тесной связи с внешнеполитическими планами Берлина, а внутривосточное положение в империи Габсбургов характеризовалось как крайне нестабильное, прежде всего, ввиду нарастающей активности национальных противоречий, что выступало в работах эстонских исследователей одним из важных аргументов в пользу выдвижения тезиса доминирования Германии в Тройственном союзе. Становление эстонской национальной историографии всемирной истории нового и новейшего времени определялось особенностями общественно-политического развития независимой с 1920 г. Эстонии и связью с историей государств и народов Балтийского региона. Именно поэтому обращение к истории Австро-Венгрии проходило в контексте именно этой традиции. В то же время распад Дуалистической монархии и создание новых независимых государств народов, ранее входивших в её состав, привлекали внимание эстонских историков в силу схожести процесса обретения государственной независимости их страной и её общественно-политического развития с аналогичными процессами в Центрально-Восточной Европе.

⁶¹ Ibid.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

РАЗДЕЛ IV. ПУБЛИКАЦИИ

СДАЧА ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ РУССКИМ ВОЙСКАМ ПОД ВИЛАГОШЕМ 1 АВГУСТА 1849 г. ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

Публикуемый ниже документ, хорошо дополняющий статью И. Рошонци, представляет собой мемуары русского офицера, участвовавшего в венгерской кампании 1849 г. и явившегося непосредственным свидетелем сдачи в плен русским войскам под командованием фельдмаршала И. Ф. Паскевича венгерской революционной армии. Опубликованный в 1870 г. в Санкт-Петербургском «Военном сборнике», этот источник редко привлекал внимание историков, его обходили стороной даже многие авторы, обращавшиеся к истории венгерской революции 1848–1849 гг. Между тем он позволяет увидеть под непривычным углом зрения и осмыслить одно из ключевых событий революции – ее печальный финал, в интерпретации которого среди специалистов (а в Венгрии и широкой общественности) до сих пор бытует немало прочно устоявшихся стереотипов. Один из них – отношение к командующему венгерской армии генералу А. Гёргею, яркий образ которого предстает и со страниц нижеследующих мемуаров. Миф о малодушном, изменническом поведении Гёргея, сдавшего без сопротивления царскому войску, получивший широкое распространение в венгерской исторической литературе второй половины XIX – первой половины XX в., был заимствован и отечественными историками¹. Живучести его в нашей литературе² способствовало и то обстоятельство, что с осуждением поступка венгерского генерала, своим якобы малодушным поведением

поставившего крест на европейской «весне народов», выступало передовое общественное мнение дореволюционной России³. Однако в последние десятилетия в венгерской историографии (в работах Р. Германна и др.) доминирует иной подход к Гёргею, яркому полководцу эпохи венгерской национально-освободительной войны 1848–1849 гг. Талантливый военачальник, осуществивший ряд победоносных операций против австрийских императорских войск, он незадолго до решающей схватки и поражения большого соединения венгерской армии 9 августа под Темешваром отказывался вести с командованием численно превосходящей русской армии какие-либо переговоры о сложении оружия, «ибо речь здесь идет о спасении моей бедной, притесненной отчизны, политическую жизнь которой австрийский император и его ближайшее окружение хотят уничтожить»⁴. Однако через считанные дни, осознав всю несопоставимость численности 200-тысячной рос-

³ Из литературы см.: Орлик И. И. Венгерская революция 1848–1849 годов и Россия // Новая и новейшая история. 2008. № 2.

⁴ Письмо Гёргея генералу российской армии Ридигеру от 24 июля 1849 г. цитируется по: Германн Р. Русские войска в Венгрии в 1849-ом году. Будапешт, 2002. С. 15. Члены венгерского правительства адресовали после этого командованию российской армии послание, в котором содержалось предложение о создании венгеро-русских союзнических отношений и даже выражалась готовность принять для суверенной Венгрии короля «не-австрийской» династии. Однако Николай I, ставя превыше всего монархическую солидарность, не разрешил фельдмаршалу Паскевичу вести с венгерской стороной переговоры политического, а не военного (т. е. об условиях полной капитуляции) характера. Венгерские парламентёры не были приняты, а Гёргею через Ридигера в письме сообщено: назначение русских войск – воевать, и если Гёргей «желает согласовывать о поклоне перед законным императором», пусть обращается к главнокомандующему австрийской армии барону Гайнау (См.: Там же. С. 16).

¹ См.: Революция 1848–1849. Т. I–II / под ред. Ф. В. Потемкина и А. И. Молока. М., 1952. Соответствующий раздел в этой книге так и называется – «Изменническое поведение Гёргея» (Т. II. С. 121–123).

² О предательстве Гёргея говорится и в 3-томном фундаментальном труде начала 1970-х годов по истории Венгрии. См.: История Венгрии: в 3 т. Т. 2. М., 1972. С. 176. Однако в «Краткой истории Венгрии с древнейших времен до наших дней» (М., 1991) автор соответствующего раздела, выдающийся отечественный историк Т. М. Исламов дал более дифференцированную оценку роли Гёргея.

сийской и 30-тысячной венгерской армий, а значит бессмысленность сопротивления, Гёргей предпочел избежать ненужного кровопролития и сложить оружие, причем именно перед русским, а не австрийским императорским войском. «Лучше допущу уничтожение всего корпуса в отчаянной битве против любых превосходных сил, чем безоговорочно капитулировать перед австрийскими войсками», – писал он Ридигеру (письмо было получено 12 августа)⁵. Почти все члены Военного совета (кроме двух, предлагавших сдаться непосредственно австрийцам) поддержали предложение своего командующего. Надо было торопиться, ведь австрийские войска под командованием Гайнау приближались к Араду, к местам расположения основных формирований ослабленной венгерской армии. При этом у Гёргея в момент принятия решения сохранялась надежда на австрийское императорское великодушие к поверженному достойному противнику, готовность венского двора воздержаться от мести. Надежда, как известно, не оправдавшаяся.

Среди венгерских историков до сих пор нет единого мнения, был ли поступок Гёргея тактически правильным или нет. По мнению Р. Германна, Гёргей избрал меньшее зло, ведь к тому времени, когда русские передали Гайнау плененных венгров, кровавадный австрийский главнокомандующий получил от императора Франца Иосифа распоряжение не торопиться с расправами, провести более основательную процедуру расследования перед вынесением приговоров. Как бы то ни было, число расстрелянных австрийцами представителей генеральского и старшего офицерского корпуса превысило сотню. А потому заслуживает внимания и точка зрения других венгерских историков. Л. Контлер признает, что Гёргей предпочел сдаться не Гайнау, а русским, полагая, что это может облегчить участь побежденных. «Однако такая выходка, – продолжает он, – еще более разозлила австрийцев, и без того униженных прежними военными неудача-

ми и необходимостью обращаться за внешней помощью»⁶. При венском дворе возобладали мнение о том, что мятежных венгров надо на ближайшие 100 лет отвратить от любой мысли бунтовать против законного императора.

Между тем карательные акции, принятые Гайнау с санкции своего императора (их жертвой стал и премьер-министр первого венгерского революционного правительства граф Л. Баттяни), потрясли всю образованную Европу. Когда палач Гайнау (уже будучи в отставке) выезжал после 1849 г. за рубеж, возмущенная публика встречала его оглушительным свистом в Лондоне и Брюсселе, что не раз приводило к дипломатическим скандалам. Казнь 6 октября 1849 г. 12 видных военачальников сдавшейся венгерской армии (так называемых «арадских мучеников») была с немалым возмущением воспринята и в Петербурге в окружении Николая I как неблагоприятный, вероломный поступок венского двора, бросающий тень и на российского союзника, передавшего плененных венгров австрийцам⁷. Российский император потом довольно долго отказывался принять австрийского посла.

С особым волнением читается описание последнего – перед сдачей знамен и сложением оружия – обеда, в котором по приглашению венгерского командования участвовали и российские военнослужащие. Настроение было тягостным, причем с обеих сторон. Собравшиеся как бы на собственную тризну венгерские генералы не теряли, однако, достоинства, зная о собственном пленении и неминуемом наказании. Многие русские офицеры, общавшиеся с венграми в период кампании 1849 г., сохранили уважение к своему противнику. Об этом свидетельствуют не только приводимые ниже, но и

⁶ Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 336.

⁷ А. Гёргей в последнем письме Ридигеру настаивал на получении от Вены гарантий сохранения жизни своих офицеров, просил «не отдавать их в жертву слепой мстительности» австрийцев. См.: Ореус И. Описание венгерской войны 1849 г. СПб., 1880. Приложение. С. 113.

⁵ Цит. по: Там же. С. 17.

другие офицерские мемуары. «Нельзя не признаться, что во время Венгерской кампании между нами и неприятелями нашими всегда проглядывали радушные отношения, чего нельзя было сказать по отношению к нашим союзникам – австрийцам, государство которых в 1848 г. было спасено Россией», – заметил другой участник той военной кампании, Н. Богдановский, оставивший описание пирушки русских и венгерских офицеров после сдачи венграми крепости в Мункаче (Мукачево)⁸.

Через несколько лет отношения двух монархий испортились. После начала в 1853 г. Крымской войны русские войска временно оккупируют Дунайские княжества Молдову и Валахию, что не отвечало интересам монархии Габсбургов.

Сохранивший в 1849 г. свою власть только благодаря своевременному вмешательству русской армии Франц Иосиф «удивил весь мир неблагодарностью», заняв формально нейтральную, но на самом деле недружественную России позицию. После вынужденного вывода российских войск из Дунайских княжеств русскую оккупацию сменила австрийская. Николай I до конца жизни не мог простить молодому Францу Иосифу измены. Согласно одной легенде, при посещении Варшавы российский император, разглядывая памятник польскому королю Яну Собескому, снявшему осаду турками Вены в 1683 г., якобы изрек: «Собеский и я были самыми большими ослими в истории, поспешив на спасение Австрии, так и не пожелавшей потом их отблагодарить».

*А. С. Стыкалина,
А. Стыкалина-Коллин*

⁸ Богдановский Н. Из воспоминаний о венгерской и крымской кампаниях // Русская старина. 1893. № 1. С. 244.

СДАЧА ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ РУССКИМ ПОД ВИЛАГОШЕМ 1 АВГУСТА 1849 г.*

I

По разбитии венгерского корпуса под городом Дебречином¹, 21 июля, войска, направленные под предводительством генерал-адъютанта графа Ридигера² для преследования отступившей к крепости Араду армии Гёргея³, прибыли 29-го того же месяца в деревню Артанд. Здесь встретили нас присланные от Гёргея парламентёры: генерал барон Пельтенберг, адъютант его, ротмистр Бетлен Габор и полковник Ваницкий, с письмом к главнокомандующему нашу армию, в котором венгерцы пытались предложить некоторые условия при капитуляции. Граф Ридигер, приняв от них письмо, отправил его к генерал-фельдмаршалу⁴ в Дебречин,

* Статья эта написана очевидцем, личным адъютантом начальника штаба 3-го корпуса генерала Фролова (примечание редколлегии «Военного сборника» 1870 г.). 13 августа по ст. ст. Далее в тексте все даты также указаны по старому стилю.

¹ Ныне г. Дебрецен в Восточной Венгрии.

² Ридигер Федор Васильевич, граф (1783–1856 гг.) – крупный российский военачальник, генерал от кавалерии. Член Государственного совета. Участник русско-шведской войны 1808–1809 гг., наполеоновских войн, русско-турецкой войны 1828–1829 гг., подавления польского восстания 1830–1831 гг. В период венгерской кампании 1849 г. командовал авангардом русских войск. Во время Крымской войны исполнял обязанности Наместника Царства Польского.

³ Гёргей Артур (1818–1916 гг.) – венгерский военачальник, генерал. Командовал главными силами венгерской революционной армии во время национально-освободительной войны венгерского народа против Габсбургов 1848–1849 гг. Понимая бессмысленность сопротивления, в августе 1849 г. сложил оружие перед численно превосходящим русским войском. Сохранение жизни Гёргею явилось предметом особой договоренности между российским и австрийским дворами. Вплоть до установления в 1867 г. системы австро-венгерского дуализма находился под арестом в австрийском г. Клагенфурте.

⁴ Речь идет о главнокомандующем русской армии генерал-фельдмаршале Иване Федоровиче Паскевиче (1782–1856 гг.).

а парламентёры, в ожидании ответа, остались в нашем штабе, были обласканы графом и приглашены им к обеду.

После обеда граф поручил генералу Фролову⁵ переговорить с ними частным образом и убедить их в совершенной невозможности со стороны их к дальнейшему сопротивлению; но они, считая тогда силы свои до 200 000 человек (?), говорили, что обязаны до конца исполнить долг свой и, в случае неблагоприятного ответа, должны еще попробовать счастья в бою. С тем, действительно, парламентёры и отправились в свой стан, когда на письмо Гёргея приказано было ответить, что императорско-российская армия прибыла в Венгрию не для переговоров, а для военных действий, и что с переговорами они должны обращаться к австрийскому главнокомандующему, барону Гайнау⁶.

Продолжая грозное наше наступление к крепости Араду, центру революции в тогдешнее время, мы, по приходе в местечко Киш-Йено, снова были встречены там адъютантами Гёргея с письмом к графу Ридигеру. Гёргей писал, что армия его изъявила готовность, безусловно, покориться и сложить оружие перед воинством Его Величества Российского Императора, и просил графа прислать к нему доверенное лицо для того, чтобы условиться относительно церемониала сдачи войск и сложения оружия. Тотчас же по приказанию графа Ридигера генерал Фролов, инженер-поручик барон Оффенберг, саперный поручик Ахбауер и я⁷, в сопровождении адъютантов Гёргея, на четырех телегах быстро помчались в стан неприятельской армии. Это было в 10 часов

⁵ Начальник штаба 3-го пехотного корпуса, генерал-майор, ныне генерал-адъютант (примечание редколлегии «Военного сборника» 1870 г.).

⁶ Гайнау (Хайнау), Юлиус фон (1786–1853 гг.) – австрийский фельдмаршал. Командовал в 1849 г. главными силами императорских войск при подавлении венгерской революции.

⁷ Личный адъютант начальника штаба (примечание редколлегии «Военного сборника» 1870 г.).

утра 31 июля. Главная квартира Гёргея находилась тогда в городе Вилагоше, куда мы и прибыли в час пополудни.

Вилагош, довольно красивый небольшой городок, живописно раскинут при подошве холмистых гор⁸. Над самую срединю города, на скате одного из холмов, возвышался прекрасный каменный дом, с галереею в саду, который расстился по скату холма до самой улицы. По огромной около этого дома толпе народа и солдат можно было догадываться, что здесь квартира главнокомандующего, а медвежьи шапки часовых гренадеров (при воротах) служили еще более несомненным признаком его тут пребывания. Едва подъехали мы к крыльцу дома, как Гёргей вышел навстречу нам. Сделав приветствие, он взял генерала под руку и повел его прямо в кабинет, где они тотчас же и занялись предстоявшим делом. В это время мы трое вошли в главную залу, наполненную множеством офицеров. Дежурный адъютант поочередно рекомендовал нам находившихся тут генералов, членов временного правления и офицеров, составлявших главный штаб Гёргея. Это собрание можно было назвать живою галереею красавцев-мужчин в роскошных венгерских мундирах; здесь собран был цвет венгерской молодежи самых знатных фамилий. Вскоре и нас пригласили в кабинет, где генерал Фролов отрекомендовал нас Гёргею.

Мы были восхищены увлекательною наружностью молодого генерала, который был пред тем грозою для союзников наших, австрийцев, а теперь облечен в сан диктатора⁹ и главнокомандующего всех сил венгерской инсурекции.

Гёргею на вид казалось лет двадцать пять. Он тонок, строен, высок. На круглом миловидном лице его, покрытом небольшими редкими бакенбардами, усиками и бо-

⁸ Ныне населенный пункт Ширия, Румыния.

⁹ 10–11 августа, после поражения значительного соединения венгерской революционной армии под Темешваром (ныне Тимишоара, Румыния), Л. Кошут и большая часть венгерского революционного правительства подали в отставку. С этих пор вся полнота власти была сосредоточена в руках генерала А. Гёргея.

родкою, начертаны кротость и добродушие. Большие голубые глаза его блещут быстрым, неизмеримым взглядом, выражающим полное сознание силы и превосходства. На голове Гёргея была повязка: пестрый, шелковый платок, охватывая одним концом верхнюю часть головы, другим ниспадал на плечи и закрывал на затылке рану¹⁰. При такой фантастической повязке кроткое, доброе лицо его еще более казалось нежным. Его костюм составляли совершенно простое, темно-коричневое пальто с красными шнурками на груди и с позументом на воротнике; через плечо неразлучная спутница его – дорожная сумка, огромные (далеко выше колен заходящие) сапоги из самой грубой кожи. Речь его проста, гармонический голос звучит силою воли, в приемах виден врожденный дар повелевать...

После кроткого приветствия к нам Гёргея, мы вышли в залу; генерал наш оставался еще в кабинете. Выйдя оттуда, он тотчас же отправил барона Оффенберга с донесением к графу Ридигеру.

Вся Венгрия обедает в час пополудни, а потому в зале стол был уже давно накрыт. Вскоре явился Гёргей и просил нас к столу. Обед, состоявший, по венгерскому обычаю, блюд из пятнадцати, продолжался часа три. За столом сидело до пятидесяти особ – генералов, старших из чинов гражданских и офицеров, и сверх того хозяйка дома, г-жа Дитрих, и жена главного доктора армии, г-жа Мигалик. Каждый из собеседников старался придать разговору веселый тон, какого и можно было бы, казалось, надеяться, в особенности при превосходных, подававшихся тут, винах, но речь не оживлялась; напротив, на лицах наших собеседников видны были явные следы глубокой думы. Все были в каком-то тревожном состоянии духа. Даже мы сами находились в странном, никогда не испытанном положении. Душу мою наполняла мрачная мысль: неужели, по страшному определению судьбы, они собра-

¹⁰ От сабельного удара под крепостью Комаром (примечание редколлегии «Военного сборника» 1870 г.).

ны здесь для рокового празднования своей собственной тризны... Несчастные! многие из них не ошибались в предчувствии своей гибели¹¹...

По выходе из-за стола, простившись с новыми нашими знакомцами, мы, сопровождаемые теми же адъютантами до деревни Заранд, отправились в корпусную нашу квартиру, куда и прибыли к шести часам вечера.

II

В самую полночь на 1 августа войска наши бодро снялись со своих позиций и стройно двинулись вперед; 2-я и 3-я легкие кавалерийские дивизии составляли передовую колонну; за нею следовали 7-я и 8-я пехотные дивизии. Около пяти часов утра, прибыли мы к деревне Заранд, где перестроились в боевой порядок, в котором продолжали наше наступление, и наконец остановились на равнине, при деревне Шеллош¹². Ни солдаты, ни частные командиры войск наших не знали о предстоявшем событии. Все готовились к бою...

Равнина Шеллош с юго-запада окаймлена цепью красивейших холмов, покрытых возделанными виноградниками и зеленеющими рощами; при подошве холмов извиивается дорога от крепости Арада в местечко Борош-Йено. Около десяти часов утра, по этой дороге поднялись густые облака пыли, которые были для нас вестниками приближения к нам венгерских войск. Мало-помалу головы колонн пехоты их стали показываться на равнине и выстраиваться в одну линию, параллельно нашей; за нею артиллерия строилась во вторую линию, а кавалерия стала на флангах пехоты. Таким образом, среди самого полудня, под раскаленными лучами солнца в стройном безмолвии сошлись две враждовавшие армии...

Ровно в час, Гёргей, сопровождаемый своим блистательным штабом, быстро мчал-

ся к нам на прекрасном золотисто-гнедом коне, в своем скромном пальто, с сумкой через плечо и в белой круглой пуховой шляпе с пером. Остановив штаб свой в почтительном от нас расстоянии, он, с поникшей головой, приблизился к графу Ридигеру и открыл торжественный акт сложения оружия продолжительным объяснением; в заключение подал графу рапорт о числе сдаваемых войск и оружия. Возвратясь к своему штабу, Гёргей передал ему приветствие графа, на которое венгерцы, потрясая в воздухе своими киверами и шляпами, отвечали громким возгласом: «Да здравствуют русские!» Затем Гёргей приказал, чтобы войска складывали оружие, и в ту же минуту весь штаб его – с места в карьер... каждый понесся к своей части, для исполнения приказа своего вожда.

Войска Гёргея состояли из 1-го, 3-го и 7-го пехотных корпусов и простирались до 30 000 человек нижних чинов. Они имели 11 генералов, до 2 000 офицеров, 5 000 строевых, 3 000 упряжных лошадей и 144 орудия, один понтонный и два артиллерийских парка, с огромным количеством артиллерийских снарядов, ружейных и амуниционных вещей.

Около пяти часов вечера, когда 3-й и 7-й корпуса были уже на местах, а 1-й корпус все еще продолжал выстраиваться, началась «церемония сдачи». Отдав честь, пехота с грустью снимала с себя боевую амуницию и ставила ружья в козлы. Солдаты, прощаясь, плакали и целовали знамена своих полков¹³. Гусары, оставляя своих коней, обнимали их и, рыдая, прощались с ними; столь же горько прощались они и со своими ружьями.

Затем граф Ридигер, сопровождаемый своим штабом, приблизился к войскам Гёргея и, приветствуя их, начал осмотр. Невы-

¹³ Знамена венгерской революционной армии были возвращены советским правительством венгерскому правительству в марте 1941 г. При освобождении Будапешта зимой 1945 г. были снова отправлены в СССР, окончательно возвращены в 1948 г. Материалы выступлений на эту тему историков А. И. Пушкиша и Е. Дёркеи на конференции, состоявшейся в Москве в марте 2000 г., см.: Научные издания Московского Венгерского Колледжа. Вып. I / отв. ред-р Й. Горетить. М., 2001.

¹¹ Многие из них повешены или расстреляны, по приговору австрийского правительства, в крепости Арад! (примечание редколлегии «Военного сборника» 1870 г.).

¹² венг.: Сёллеш.

разимо трогателен был вид этого войска, стройного¹⁴, сильного и бодрого, которое за несколько месяцев было так страшно для Австрии, а в эту минуту стояло обезоруженное, покорное и, как бы обреченное на казнь, ожидало исполнения своего приговора! ... Грустным взглядом провожали нас солдаты; офицеры, поникнув головами, плакали.

По удалении графа, Гёргей подъехал к рядам своих войск и тотчас же был окружен офицерами и солдатами. Он начал было говорить им последнее приветствие, но не мог произнести ни одного слова: глухое рыдание вырвалось из груди его, и вся армия, огласив воздух криком «Да здравствует Гёргей!», отвечала слезами искренней преданности своему вождю. Один из офицеров вышел вперед, чтобы от лица всех сказать несколько слов бывшему своему генералу; но, будучи не в силах удержаться от рыданий, он мог только произнести: «Прощай, Гёргей!». «Прощай, Гёргей!» повторилось в рядах всей армии.

Между тем наша 2-я легкая кавалерийская дивизия стройно подошла к фронту венгерской армии и приступила к принятию военнопленных. Это окончилось около восьми часов вечера. Потом, перед самыми уже сумерками, обезоруженные колонны потянулись безмолвно в плен за любимым своим вождем, под конвоем нашей кавалерии, по направлению к Гросс-Вардейну. Вскоре мрак ночи покрыл эту печальную для венгерцев картину непроницаемою завесой.

III

Начальник штаба, еще днем приняв Гёргея, не оставлял его и, вместе с ним пред-

¹⁴ Замечательно, что в войсках Гёргея до последней минуты существовали в высшей степени порядок и дисциплина; доказательством тому служит бывший в глазах наших случай: во время следования войск к месту сложения оружия, Гёргею доложили, что один из офицеров оказал неповиновение старшему; офицер, перед целой армией, был тотчас же разжалован в солдаты! (Из «Описания венгерской войны» П.М.) (примечание редколлегии «Военного сборника» 1870 г. Имеется в виду «Описание военных действий российских войск против венгерских мятежников в 1849-м году», СПб., 1851; составлено П. К. Меньковым).

шествуя пленной армии, следовал всю ночь в корпусную нашу квартиру Киш-Йено, куда мы прибыли к четырем часам утра, 2 августа.

В этот день все военнопленные нижние чины расположены были бивуаком около Киш-Йено, а генералам и офицерам были отведены в местечке квартиры; им дозволено было оставить при себе сабли и предоставлена свобода личности в такой мере, что они могли почти не замечать своего плена.

К удовлетворению главных потребностей жизни пленных приняты были самые деятельные меры: тотчас же начали выдавать офицерам на содержание деньги, обер-офицерам по одному, а штаб-офицерам по два гульдена на серебро в день, а для нижних чинов отпускать печеный хлеб и мясо. Граф Ридигер пригласил Гёргея с его генералами и некоторыми из старших офицеров к обеду. Такое великодушное, снисходительное обхождение главных и частных наших начальников с военнопленными внушило им полное к нам доверие и вообще расположило их к русским.

VI

Того же числа прибыли в корпусную нашу квартиру от коменданта крепости Арада, Дамианича, парламентары с письмом к Гёргею, в котором также предлагались условия при сдаче крепости. В ответ на это письмо Гёргей между прочим писал Дамианичу¹⁵: «С нами так обходятся, что мы тому удивляемся и почти того стыдимся; ибо если бы мы были в обратном положении, то я не мог бы, кажется, ручаться за такое же милое, великодушное обхождение со стороны наших офицеров в отношении к неприятельским военнопленным. Я сообщаю тебе об этом потому, что в настоящее время это должно быть для тебя самым интересным предметом. Решение его светлости генерал-фельдмаршала заключается в том,

¹⁵ Дамьянич Янош (180 1849 г.) – генерал венгерской революционной армии. Казнен по приговору австрийского трибунала в г. Арад 6 октября 1849 г. вместе с рядом других военачальников.

что он не может принять никакого предварительного условия; но он полагает, что обхождением своим с нами приобрел доверие гарнизона». Вследствие этого убедительного ответа, крепость Арад 5 августа была, безусловно сдана нашим войскам.

С этого времени венгерская война полагается оконченной. Дальнейшим делом нашим было принимать и обезоруживать добровольно приходившие к нам из Трансильвании и из других мест отряды венгерских войск.

Обезоружив, мы отправляли их в учрежденный общий бивуак, при местечке Саркад¹⁶, где, наконец, и передали их австрийским войскам¹⁷.

И. Дроздов

*Опубликовано: Военный сборник.
1870. № 9. С. 133–138.*

*Публикация и примечания
А. С. Стыкалина,
А. Стыкалиной-Коллин.*

¹⁶ венг.: Шаркад.

¹⁷ 23 августа по новому стилю.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимов Максим Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Бертени Иван – PhD, доцент Католического университета (Пилишчаба, Венгрия).

Виноградов Владилен Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Доубек Вратислав – PhD, преподаватель кафедры политических наук философского факультета Карлова университета в Праге, сотрудник Института Т. Г. Масарика Академии наук Чешской Республики.

Ибер Вальтер – PhD, научный сотрудник Института по изучению последствий войн им. Л. Больцмана (Грац-Вена-Клагенфурт, Австрия).

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории, декан факультета истории, философии и искусств Северо-Кавказского федерального университета.

Мольнар Ласло – кандидат исторических наук, доцент Педагогического института Печского университета (Венгрия).

Мионов Владимир Валерьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Тамбовского государственного университета.

Павленко Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, заместитель директора Историко-архивного института (ИАИ) Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), руководитель Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ.

Петрова Мария Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета.

Романенко Сергей Александрович – доктор исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Рошонци Илдико – главный редактор журнала «Мадьяр Напло» (Венгрия).

Саваи Ференц – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических связей, ректор Капошварского университета (Венгрия).

Сироткина Евгения Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Второго Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Стыкалина-Колин Анжела Ивановна – кандидат исторических наук, ассоциированный исследователь Института истории Румынской академии наук (Клуж) и Института истории Академии наук Молдовы (Кишинев).

Сухий Алексей Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории Украины Львовского национального университета имени Ивана Франко.

Татай Анка Элизабетта – младший научный сотрудник Института истории Румынской Академии наук (Клуж).

Улуян Арутюн Акопович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Хаванова Ольга Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИМПЕРИЯ ГАБСБУРГОВ, АВСТРИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	3
<i>Хаванова О. В.</i> Имперский посол граф Миклош Эстерхази: страницы биографии и этапы дипломатической карьеры.....	3
<i>Анисимов М. Ю.</i> Семилетняя война: русско-австрийский союз и его крах (1757–1762 гг.).....	15
<i>Петрова М. А.</i> Внешнеполитические проекты Екатерины II и Иосифа II.....	27
<i>Сироткина Е. В.</i> «Предать забвению всё прошлое...»: к вопросу о восстановлении российско-австрийского союза в начале XIX в.	42
<i>Рошонци И.</i> Венгерская кампания российских войск в 1849 году.....	48
<i>Виноградов В. Н.</i> Берлинский конгресс 1878 г. и судьбы Балкан.....	57
<i>Крючков И. В.</i> Австро-Венгерские взаимоотношения в донесениях российских дипломатов в начале XX в.	65
<i>Мионов В. В.</i> «Война на уничтожение» в Сербии как часть внешнеполитической стратегии Габсбургской монархии в начальный период Первой мировой войны.....	73
<i>Бертени И.</i> Две войны венгров. 1914–1919 гг.	76
<i>Ибер В. М.</i> Оккупация и эксплуатация. Советская экономическая политика по отношению к Австрии с 1945 по 1955/63 гг.	93
РАЗДЕЛ II. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ И РОССИЯ....	110
<i>Сухий А. Н.</i> Русофильское движение в Галичине: формирование «российско-русской» партии в середине XIX в.	110
<i>Стыкалин А. С.</i> Румынское национальное движение в Трансильвании с момента зарождения до начала парламентской деятельности в 1860-е годы. Внутриполитические и внешнеполитические аспекты.....	120
<i>Птицын А. Н.</i> Эмиграция австро-венгерских учителей и студентов в Россию в 60–80-е гг. XIX века.....	138
<i>Павленко О. В.</i> Россия и Австро-Венгрия середины XIX – начала XX вв.: политические мифы имперской власти.....	153
<i>Доубек В.</i> Поиски партнеров чешской славянской политики перед Первой мировой войной.....	173
<i>Романенко С. А.</i> Проблема Австро-Венгрии и южнославянский вопрос в политической борьбе в России (февраль – октябрь 1917 г.).....	188
<i>Саваи Ф.</i> Проблема государственного правопреемства Австро-Венгерской монархии.....	217
РАЗДЕЛ III. ИМПЕРИЯ ГАБСБУРГОВ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ.....	231
<i>Мольнар Л. В.</i> Венгрия в путевых заметках русских путешественников эпохи Наполеоновских войн.....	231
<i>Татай А. Э.</i> Поход Наполеона на Россию в иллюстрациях к румынским книгам, изданным в Буде (1814–1815 гг.).....	247
<i>Улуян А. А.</i> Австро-Германский блок на Балканах накануне и в годы Первой мировой войны в эстонской национальной историографии межвоенного периода..	252
РАЗДЕЛ IV. ПУБЛИКАЦИИ.....	264
Сдача венгерской армии русским войскам под Вилагошем 1 августа 1849 г. Воспоминания очевидца. Вступительная статья, публикация и примечания <i>А. С. Стыкалина, А. Стыкалиной-Коллин</i>	264
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	272

Научное издание

РОССИЙСКО-АВСТРИЙСКИЙ
АЛЬМАНАХ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ
ПАРАЛЛЕЛИ

Выпуск V

Редактор, технический редактор Н. Б. Копнина
Компьютерная верстка Н. П. Чивиджева

Подписано в печать 02.10.2014

Формат 1/8	Усл. п. л. 31,85	Уч.-изд. л. 29,73
Бумага офсетная	Заказ 186	Тираж 100 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029 г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2

